ХАРАКТЕРЪ

ОТНОШЕНІЙ РОССІИ

КЪ ПРАВОСЛАВНОМУ ВОСТОКУ

ВЪ XVI и XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

Проф. Н. Ѳ. КАПТЕРЕВЪ.

ХАРАКТЕРЪ

ОТНОШЕНІЙ РОССІИ

КЪ ПРАВОСЛАВНОМУ ВОСТОКУ

ВЪ XVI и XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Изданіе книжнаго магазина М. С. Елова.
1914.

Типографія Вильде, Малая Кисловка, домъ № 3.

Предисловіе ко второму изданію.

Настоящее изслѣдованіе имѣетъ свою исторію. Когда въ журналѣ Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, въ 1883 году, стали печатать третью главу этой книги, подъ заглавіемъ: Перенесеніе въ Москву святыни съ востока, гдѣ, на основаніи архивныхъ документовъ, мнѣ пришлось признать, что подъ видомъ святыни, за которую московское правительство всегда давало подносителямъ ту или другую „денежную дачу“, иногда привозили и вовсе не святыню,—что тогдашній духовный цензоръ архимандритъ Амфилохій остановилъ дальнѣйшее печатаніе книги, такъ какъ она, по его мнѣнію, дискредитируетъ святыню, привезенную съ востока, а, между тѣмъ эта святыня и сейчасъ хранится въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ и пользуется почитаніемъ со стороны русскихъ. Протоіерей Рождественскій, редакторъ журнала, явился къ тогдашнему московскому митрополиту Іоанникію и, представивъ ему на прочтеніе мою статью, просилъ его разрѣшить дальнѣйшее печатаніе въ журналѣ моего изслѣдованія. Митрополитъ Іоанникій, лично познакомившись со статьей, приказалъ продолжить печатаніе, заявивъ, что какъ это ни печально, но авторъ правъ, такъ какъ основывается на подлинныхъ архивныхъ документахъ, противъ которыхъ спорить нельзя. Книга была напечатана и представлена мною (въ 1884 г.) въ совѣтъ московской духовной академіи для полученія степени доктора церковной исторіи. Но тутъ встрѣтились неожиданныя препятствія.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Изучая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Большомъ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ такъ-называемыя Греческія дѣла, Греческіе статейные списки, Турецкія дѣла, Турецкіе статейные списки, у меня невольно составилось такое убѣжденіе, что русскіе, присматриваясь къ грекамъ, когда въ Москву съ XVI вѣка стали пріѣзжать за милостынею греческіе патріархи, митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты и пр., имѣли, со своей точки зрѣнія, основанія подозрительно относиться къ тогдашнему греческому благочестію и отчасти даже къ тогдашнему греческому правовѣрію. На основаніи именно спеціальнаго изученія сношеній Москвы съ православнымъ востокомъ, особенно за XVII вѣкъ, я пришелъ къ тому заключенію, что патріарху Никону не слѣдовало слишкомъ довѣрчиво относиться къ пріѣзжавшимъ въ Москву грекамъ, и по ихъ указаніямъ исправлять наши древніе церковные чины и книги. Но что особенно важно, въ архивѣ мнѣ удалось найти подлинное слѣдственное дѣло объ извѣстномъ книжномъ справщикѣ при Никонѣ—Арсеніѣ грекѣ, который былъ сосланъ нашимъ правительствомъ подъ строгій началъ „для исправленія его православной вѣры“ въ Соловецкій монастырь. Но Никонъ, какъ извѣстно, взялъ Арсенія изъ Соловецкаго монастыря, привезъ его въ Москву и здѣсь поручилъ ему исправленіе русскихъ церковныхъ книгъ. Противники Никоновской реформы постоянно заявляли, что Арсеній грекъ воспитанникъ іезуитовъ и латынникъ, и что такому сомнительному человѣку никакъ не слѣдуетъ поручать справу нашихъ церковныхъ книгъ, такъ какъ онъ можетъ только испортить ихъ, а не исправить. Всѣ эти обвиненія и нападки на книжнаго справщика Арсенія грека считались доселѣ несправедливыми, порожденными слѣпою ненавистію невѣжественныхъ противниковъ церковной реформы Никона, которые образованнаго и православнаго грека, выдвинутаго Никономъ, тенденціозно ославили еретикомъ. Но найденное мною въ архивѣ подлинное слѣдственное дѣло объ Арсеніѣ грекѣ неожиданно вполнѣ подтвердило справедливость старообрядческихъ обвиненій противъ Арсенія. Изъ слѣдственнаго дѣла оказывается, что

Арсеній, по его собственному сознанію на слѣдствіи, дѣйствительно былъ ученикомъ іезуитовъ и, отказавшись отъ православія, принялъ латинство, а по возвращеніи въ Константинополь былъ обращенъ въ мусульманство, почему московское правительство и сослало его въ заточеніе въ Соловецкій монастырь. Понятно, что со стороны Никона было очень нетактично брать и приближать къ себѣ такого крайне сомнительнаго въ глазахъ русскаго общества человѣка, а тѣмъ болѣе было крайнею неосторожностію поручать Арсенію исправленіе русскихъ церковныхъ книгъ. Въ виду указанныхъ фактовъ я и высказалъ въ своемъ изслѣдованіи ту мысль, что церковная реформа Никона нуждается въ пересмотрѣ и провѣркѣ, и что на нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, заявленія ея противниковъ никакъ нельзя смотрѣть только какъ на продуктъ невѣжества и клеветы.

Эти мои заявленія крайне смутили тогдашняго офиціальнаго полемиста съ старообрядцами—профессора Субботина. Онъ рѣшительно отказался дать мнѣ степень доктора, если не будетъ измѣнено и перепечатано въ желательномъ ему смыслѣ мое краткое, впрочемъ, замѣчаніе о реформѣ Никона. Пришлось исполнить требованіе Субботина, и мѣсто о реформѣ Никона, въ нѣкоторыхъ „офиціальныхъ“ экземплярахъ книги, было мною перепечатано. Тогда Совѣтъ Московской Духовной Академіи присудилъ мнѣ за мое изслѣдованіе степень доктора церковной исторіи. Дѣло пошло затѣмъ на утвержденіе Св. Синода. Синодъ согласился съ заключеніемъ Академическаго Совѣта и утвердилъ за мною искомую степень. Но тогдашній оберъ-прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ, вѣроятно по частнымъ представленіямъ ему проф. Субботина, отмѣнилъ постановленіе Синода и отказался утвердить меня въ степени доктора на томъ основаніи, что я будто бы непочтительно отзываюсь въ своей книгѣ о матери нашей греческой церкви, хотя о греческой церкви я не дѣлалъ въ книгѣ никакихъ отзывовъ, а отзывался только о тѣхъ греческихъ просителяхъ милостыни, которые ради этого пріѣзжали въ Москву и между которыми встрѣчалось не мало разныхъ авантюристовъ.—Пришлось, для полученія степени доктора церковной исторіи, написать новое изслѣдованіе, за которое, наконецъ,

мнѣ и дана была искомая ученая степень [1]). А между, тѣмъ, опороченное Побѣдоносцевымъ мое изслѣдованіе встрѣчено было въ обществѣ очень благосклонно. Профессоръ, а потомъ академикъ, Пыпинъ въ тогдашнемъ передовомъ журналѣ „Вѣстникъ Европы“ помѣстилъ о моей книгѣ особую статью (за 1884 г.) подъ заглавіемъ: Греки въ Московскомъ царствѣ, въ которой подробно передалъ ея содержаніе и далъ о ней очень лестный отзывъ. Академія Наукъ присудила мнѣ за эту книгу малую Уваровскую премію. Въ короткое время книга сдѣлалась библіографическою рѣдкостью, что и побудило выпустить ее теперь вторымъ изданіемъ, тѣмъ болѣе, что съ тѣхъ поръ еще не появлялось новыхъ изслѣдованій, которыя бы обнимали собою всю совокупность сношеній Россіи съ православнымъ востокомъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, какъ это сдѣлано въ моей книгѣ.

Н. Каптеревъ.

Сергіевъ Посадъ,
1913 г., 30 іюля.

---

1) Вскорѣ послѣ „Характера“ мной было написано новое изслѣдованіе: „Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ“, М., выпускъ I, 1887 г.; но намѣреніе подать его въ качествѣ докторской диссертаціи пришлось оставить, такъ какъ печатаніе его было запрещено К. П. Побѣдоносцевымъ на 2-мъ выпускѣ. Пришлось написать третье изслѣдованіе: – „Сношенія іерусалимскаго патріарха Досиѳея съ русскимъ правительствомъ 1669—1707 гг.)“ Москва, 1891 г., не затрогивающее никакихъ острыхъ вопросовъ, за которое, наконецъ, и дана была мнѣ степень доктора церковной исторіи.

ВВЕДЕНІЕ.

Принявъ отъ грековъ христіанство и вступивъ чрезъ это въ семью европейскихъ государствъ, русскіе должны были построить всю свою жизнь согласно новымъ для нихъ христіански-культурнымъ требованіямъ. Имъ, какъ народу, только что еще начинавшему свою историческую жизнь, приходилось все строить и уряжать у себя съ самаго начала. Въ силу того историческаго закона, по которому некультурный народъ всегда подчиняется другому, обладающему старою, развитою культурою, и находится подъ его духовною опекою до тѣхъ поръ, пока не наживетъ своего собственнаго культурнаго капитала, — русскіе необходимо должны были, на первыхъ порахъ своей жизни, подчиниться вліянію и опекѣ просвѣтителей своихъ христіанствомъ—грековъ. Съ какой бы стороны русскій ни сравнивалъ себя и свое съ греческимъ, онъ долженъ былъ признать рѣшительное превосходство надъ своимъ всего греческаго, долженъ былъ признать, что грекъ мудрѣе его, болѣе опытенъ, свѣдущъ и, что главное,—болѣе образованъ. Все, на что молодая русская жизнь заявляла свои запросы и требованія, на все могла дать отвѣты, всему могла удовлетворить зрѣлая и развитая культура грековъ. Русскому, поэтому, приходилось брать все готовымъ у грековъ и пересаживать взятое на свою еще дѣвственную почву, приходилось всему учиться у грека, подражать ему и, въ концѣ концовъ, смотрѣть на него, какъ на своего руководителя и опекуна. Иного образца, иного примѣра для подражанія русскіе не имѣли предъ

глазами, такъ какъ этимъ инымъ могъ быть только латинскій западъ, но онъ былъ отгороженъ отъ нихъ самою крѣпкою и непроницаемою стѣною. Греки на первыхъ же порахъ позаботились внушить русскимъ представленіе о латинянахъ, какъ о самыхъ злыхъ еретикахъ, съ которыми не слѣдуетъ вступать ни въ какія сношенія, которыхъ всегда и всячески нужно сторониться. Эти внушенія имѣли полный успѣхъ, чѣмъ надолго уничтожена была возможность сближенія русскихъ съ болѣе образованнымъ западомъ. Вслѣдствіе этого обстоятельства, греческій авторитетъ на Руси дѣйствовалъ безъ помѣхи, безъ конкуренціи, а потому необходимо особенно сильно, всесторонне и продолжительно. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій русскіе мало или даже вовсе не выражали дѣятельнаго желанія избавиться отъ греческой опеки, хотя, конечно, и видѣли нѣкоторыя ея неудобныя для себя стороны; грекъ, какъ представитель и носитель высшей христіанско-европейской культуры, былъ для нихъ рѣшительно необходимъ, и замѣнить его, до позднѣйшаго сближенія съ западомъ, было некѣмъ.

Всѣ стороны русской жизни болѣе или менѣе испытали на себѣ греческое вліяніе, но главнымъ центральнымъ пунктомъ, на которомъ греческое вліяніе чувствовалось и сосредоточивалось по преимуществу, гдѣ оно царило всецѣло и всѣми признавалось, — была религіозно-церковная жизнь русскаго народа. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій Русь въ церковно-правительственномъ отношеніи была только частью константинопольскаго патріархата, обреченною воспроизводить въ себѣ то, что было выработано и установлено греческою церковью, обязанною всегда и во всемъ быть вѣрною своей руководительницѣ, быть ея отображеніемъ, копіею. Рѣшительное подчиненіе русской религіозной жизни греческому вліянію усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что митрополитъ, глава и управитель всей русской церкви, избирался и поставлялся константинопольскимъ патріархомъ по большей части изъ грековъ; что всѣ возникавшіе на Руси вопросы, недоумѣнія, споры, сомнѣнія рѣшалъ константинопольскій патріархъ, которому принадлежалъ верховный надзоръ и верховное водительство всѣми русскими церковными дѣлами. Это всецѣлое подчиненіе

русской церкви константинопольской греки считали вполнѣ естественнымъ и даже необходимымъ, чтобы насадить и укоренить на Руси православіе, поборниками, представителями и авторитетными знатоками котораго они считали только себя. Они лучше и вѣрнѣе знали, что православно и что нѣтъ, а потому лучше всѣхъ могли руководить религіозною жизнью молодого, неопытнаго еще народа, лучше всѣхъ могли сберечь и охранить его отъ возможныхъ ошибокъ, заблужденій и сторонннхъ вредныхъ вліяній. Съ своей стороны русскіе, въ сознаніи своей неопытности и незрѣлости въ христіанской жизни, безусловно отдали себя водительству болѣе зрѣлыхъ и опытныхъ грековъ. Сомнѣній въ ихъ пригодности для такой роли, сомнѣній въ ихъ компетентности въ дѣлахъ вѣры, а тѣмъ болѣе въ ихъ безусловной преданности православію тогда еще не существовало: греки въ глазахъ тогдашнихъ русскихъ были людьми, болѣе благочестивыми и болѣе святыми, нежели они, русскіе [1]).

Такъ, вслѣдствіе принятія русскими христіанства отъ грековъ, произошло не только простое сближеніе одного народа съ другимъ и не одно только культурное религіозное подчиненіе русскихъ грекамъ, но и прямое церковно-административное подчиненіе русской церкви греческой. Такія отношенія, разъ установившись, благодаря политической, религіозной и культурной незрѣлости русскихъ, могли продолжаться очень долго. Но эти отношенія должны были сильно измѣниться, какъ скоро у русскихъ явилось сознаніе своей политической и народной силы, не допускающей какой-либо видимой, рѣзко выраженной зависимости отъ другого народа, какъ скоро русскіе въ дѣлахъ вѣры и благочестія сознали себя ни въ чемъ не уступающими грекамъ, и свою церковь настолько выросшею и окрѣпшею, что она уже не нуждалась болѣе въ дальнѣйшей опекѣ и руководствѣ съ чьей бы то ни было стороны. Наконецъ, греческое вліяніе на Руси, опиравшееся на культурное превосходство грековъ надъ русскими, должно было пасть окончательно: или когда русскіе успѣютъ запастись, съ теченіемъ времени, своими соб-

[1]) Послѣ принятія христіанства отъ грековъ, говоритъ Олеарій, „русскіе стали считать грековъ за людей, какъ бы болѣе святыхъ и набожныхъ чѣмъ они, русскіе“ (Чт. общ. ист. и древн. 1868 г. кн. 4, стр. 308).

ственными культурными силами и средствами, которыя сдѣлаютъ ненужною дальнѣйшую подавляющую опеку грековъ; или — когда для нихъ откроются иные пути пріобрѣтенія научныхъ знаній, иные центры образованности, высшей и совершеннѣйшей, нежели образованность грековъ.

Первое проявленіе русской самостоятельности сказалось прежде всего относительно церковно-правительственнаго значенія грековъ на Руси и выразилось въ стремленіи имѣть митрополита, избранника великаго князя. Изъ страны, раздѣленной на нѣсколько мелкихъ самостоятельныхъ княжествъ, постоянно враждовавшихъ между собою и истощавшихъ свои силы во взаимной борьбѣ, Русь постепенно стала превращаться въ единое государство, съ единою властью и центромъ,—стала выростать, крѣпнуть и усиливаться Москва, а въ ней власть великаго князя, доросшая, наконецъ, до значенія всероссійской. Съ развитіемъ политической силы и самосознанія тѣсно связывается обыкновенно и самосознаніе церковное: сильное, независимое государство стремится и церковь у себя сдѣлать независимой отъ сторонних влияній. Въ силу этого, все болѣе крѣпшая и развивавшаяся власть великаго князя московскаго уже съ неудовольствіемъ начинаетъ смотрѣть на чуждаго и независимаго отъ нея представителя русской церкви; она, во имя государственныхъ интересовъ, заявляетъ желаніе имѣть своего митрополита, своего не въ томъ только смыслѣ, чтобы онъ былъ русскій, но и въ томъ, чтобы онъ былъ избранникъ великаго князя. Верховныя права константинопольскаго патріарха надъ русскою церковью еще не отрицаются, онъ по прежнему ставитъ митрополитовъ на Русь, но ему все чаще и чаще приходится ставить не только русскихъ, но именно тѣхъ, кого посылаетъ къ нему для посвященія великій князь, который неохотно и съ трудомъ начинаетъ принимать митрополита, не своего избранника. Въ этомъ уже сказалась довольно глубокая перемѣна въ отношеніяхъ русскихъ къ греческой церкви,—предшествующее всецѣлое подчиненіе русской церкви греческой въ церковно-правительственномъ отношеніи теперь кажется русскимъ уже стѣснительнымъ и несправедливымъ, хотя верховныя права константинопольскаго патріарха надъ русскою церковью еще и не отрицаются.

Болѣе кореннымъ и рѣшительнымъ образомъ отношенія русскихъ къ греческой церкви измѣнились, когда русскіе заподозрили чистоту и твердость въ православіи своихъ бывшихъ опекуновъ и учителей—грековъ, когда они убѣдились въ ихъ вѣроисповѣдныхъ колебаніяхъ, т.-е. съ половины XV вѣка.

До слуха русскихъ, вѣроятно, уже не разъ кое-что доходило о замыслахъ грековъ измѣнить православію и соединиться съ латинами. Когда московскій митрополитъ Исидоръ отправился на соборъ во Флоренцію, великій князь счелъ нужнымъ предостеречь его, чтобы онъ привезъ на Русь ея прежнее неизмѣнное православіе, которое она приняла при св. Владимірѣ. Когда Исидоръ воротился съ собора, то отъ него и его спутниковъ русскіе узнаютъ, что греческій императоръ, патріархъ и многіе іерархи измѣнили православію и соединились съ латинами, что митрополитъ Исидоръ, тоже перешедшій на сторону латинянъ, воротился въ Москву съ цѣлью привести православную Русь къ уніи съ латинами. А между тѣмъ тѣ же самые греки, которые теперь соединились съ латинами и къ тому же побуждаютъ русскихъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій постоянно твердили русскимъ, что изъ всѣхъ еретиковъ самые злѣйшіе—латиняне, что православному даже просто сообщаться съ ними, ѣсть изъ одного блюда не слѣдуетъ, такъ какъ всякое общеніе съ ними уже грозитъ ему заразою, осквернѣніемъ. Русскіе безусловно вѣрили своимъ учителямъ, вполнѣ усвоили ихъ воззрѣніе на латинянъ, какъ на самыхъ опасныхъ и злыхъ еретиковъ. Понятно теперь, какое потрясающее, глубокое впечатлѣніе произвело на русскихъ то обстоятельство, что ихъ бывшіе учители и руководители въ религіозной жизни, греки, открыто измѣнили православію, соединившись съ латинами, и не только сами, но и русскихъ хотятъ привлечь къ этому беззаконному союзу съ злѣйшими еретиками, не только сами потеряли православіе, но задумали искоренть его и на святой Руси. Если этотъ злой замыселъ грековъ относительно Руси не удался, то единственно благодаря великому князю, который мужественно

ополчился на защиту русскаго, не оскверненнаго православія и изгналъ изъ православной Руси предателя уніата—митрополита Исидора. Принятіе греками флорентійской уніи имѣло рѣшающее значеніе для всѣхъ послѣдующихъ отношеній русскихъ къ грекамъ: русскіе болѣе уже не вѣрили грекамъ, всегда подозрѣвали искренность и чистоту ихъ православія, не хотѣли болѣе признавать ихъ своими учителями и руководителями, не хотѣли болѣе зависѣть отъ нихъ и подчиняться имъ, стали сторониться отъ нихъ, избѣгать всякаго тѣснаго сближенія съ ними, какъ могущими своимъ еретичествомъ внести смуту и въ русскую среду.

Вслѣдъ за флорентійской уніей послѣдовало другое событіе, глубоко потрясшее и поразившее русскихъ: Константинополь, бывшая столица и центръ всего православія, откуда, до самаго послѣдняго времени, исходила для Россіи высшая церковная власть, на который русскіе привыкли смотрѣть съ особеннымъ уваженіемъ и даже благоговѣніемъ, окончательно палъ отъ руки безбожныхъ агарянъ. Подобныя потрясающія бѣдственныя событія совершаются не даромъ, они допускаются Божественнымъ Промысломъ за какой-нибудь великій народный грѣхъ. Русскіе не затруднились указать на этотъ великій народный грѣхъ, за который Господь попустилъ овладѣть Царьградомъ безбожнымъ агарянамъ: Константинополь палъ потому, что греки отступили отъ православія, за беззаконный союзъ съ латинами греки потеряли свое царство. Такъ первый русскими поставленный митрополитъ Іона, въ своемъ окружномъ посланіи литовскимъ епископамъ 1458 года, говоритъ: «и о семъ сами вѣсте, сынове, колику прежде бѣду подья Царьствующій градъ отъ болгаръ, также отъ персовъ, яко въ мрежахъ дръжаще его семь лѣтъ, но подръжаху донележе, сынове, благочестіе, ничтоже градъ пострадавше; (егда же) своего благочестія отступи, вѣсте, что пострадаше, какова плѣненія и смерти различныя быша, о душахъ же ихъ Богъ вѣсть единъ» [1]). Митрополитъ Филиппъ, въ началѣ 1471 года, увѣщевая возмутившихся новгородцевъ, задумавшихъ предаться литовскому королю, оставаться вѣрными великому князю московскому, писалъ: «а и то,

[1]) А. И 1. № 63.

сынове, разумѣйте: царьствующій градъ и церкви Божія—Константинополь доколѣ непоколебимо стоялъ, не какъ-ли солнце сіяло въ благочестіи? а какъ, оставя истину, да соединился царь и патріархъ Іосифъ съ латиною, да и подписалъ папѣ злата дѣля, и безгодне скончалъ животъ свой Іосифъ патріархъ, не впалъ ли въ рукы Царьградъ погаными, не въ турецкихъ-ли рукахъ и нынѣ?» [1]). Инокъ Филоѳей говоритъ, что Константинополь потому палъ отъ руки турокъ, «понеже они (греки) предаша гречьскую вѣру въ латынство» [2]). Такъ сложилось у русскихъ убѣжденіе, что Константинополь палъ потому, что тамъ, вслѣдствіе уніи съ латинами, уже перестало сіять прежнее благочестіе, и что греки, потерею своего царства, наказаны были за свое вѣроотступничество.

Ближайшимъ практическимъ послѣдствіемъ такого убѣжденія было то, что русскіе не только не хотѣли, какъ прежде, принимать митрополитовъ, присылаемыхъ изъ Константинополя, или посылать туда для посвященія своихъ выборныхъ, но и внесли въ архіерейскую присягу обязательство вообще не принимать на Русь никого, поставленнаго въ Константинополѣ. Русскіе теперь боялись, какъ бы ихъ бывшіе учители и руководители, греки, не заразили и ихъ своимъ нечестіемъ; тѣсный союзъ съ греческою церковью, а тѣмъ болѣе прежнее подчиненное и зависимое отъ нея положеніе представлялось русскимъ уже опаснымъ для чистоты ихъ собственнаго православія, которое съ этого времени рѣзко было отличено отъ современнаго греческаго православія. Но была во всемъ этомъ дѣлѣ и другая важная сторона.

Греческое православное царство пало, его столица перешла въ руки враговъ вѣры Христовой, но вѣдь Константинополь былъ центромъ, главою всего православнаго міра: въ немъ сосредоточивались и высшее церковное управленіе, и высшее христіанское знаніе, и вѣковая опытность въ церковной жизни; въ Константинополь обращались всѣ православные народы за рѣшеніемъ возникавшихъ у нихъ вопросовъ и недоумѣній; изъ него каждый народъ получалъ

[1]) Ibid. № 280

[2]) Прав. собесѣд. 1861 г. кн 2, стр 90

все необходимое ему для его духовно-религіозной жизни. Съ паденіемъ Константинополя православный міръ лишился своего главы, привычнаго центра, такъ какъ невозможно было думать, что онъ, и при господствѣ въ немъ враговъ креста Христова, удержалъ свое прежнее значеніе для православнаго міра; казалось невозможнымъ, чтобы столица мусульманскаго властителя осталась по-прежнему и столицею православія. Хорошо было извѣстно, какъ господство мусульманъ заявило себя относительно христіанства въ Египтѣ, Сиріи, Малой Азіи, — оно или въ конецъ истребило тамъ христіанство, или сузило его до минимума. Но и умаливъ христіанство до крайности, оно все-таки заставляетъ его жить жизнію подневольною, не свободною, во всемъ стѣсненною, подъ вѣчнымъ страхомъ за свое конечное истребленіе. То же самое, конечно, будетъ и съ порабощеннымъ Константинополемъ. Теперь грекамъ уже не до господства, не до руководящей роли: вся ихъ забота и всѣ силы будутъ сосредоточены на охраненіи отъ окончательнаго крушенія того, что у нихъ еще осталось. Жизнь спокойная, саморазвивающаяся, жизнь какъ центра и опоры всего православнаго міра, казалась уже болѣе невозможною для Константинополя, и потому невольно возникалъ вопросъ: разобьется ли православный міръ, объединяемый ранѣе главенствомъ и всецѣлымъ преобладаніемъ Константинополя, на отдѣльные, независимые мірки, обнимающіе каждый опредѣленную народность; или появится у православныхъ новая глава, новый центръ, который займетъ мѣсто Константинополя; или, наконецъ, Константинополь и подъ властью турокъ удержитъ для православнаго міра то же значеніе, какое онъ имѣлъ и до своего паденія? Русскіе задали себѣ эти вопросы и отвѣтили на нихъ.

По мнѣнію русскихъ книжныхъ людей, греки уже чрезъ унію съ латинами потеряли свое право на первенство и руководящее значеніе въ православномъ мірѣ; паденіе Константинополя окончательно и очевиднымъ для всѣхъ образомъ подтвердило этотъ приговоръ надъ греками; мѣсто грековъ въ православномъ мірѣ долженъ былъ, очевидно, занять другой народъ. Но всѣ православные народы, вмѣстѣ съ греками, были покорены турками, исключая однихъ русскихъ, которые въ это именно время успѣли окончательно сбросить съ себя вѣковое татарское иго. Итакъ въ это время, когда всѣ православныя царства пали подъ ударами безбожныхъ агарянъ, турокъ, осталось только одно православное царство непокорнымъ и самостоятельнымъ — это царство русское, единое теперь православное въ цѣломъ мірѣ, которому суждено все болѣе шириться и процвѣтать. Оно, очевидно, по мысли самого Божественнаго Промысла, и должно было сдѣлаться теперь наслѣдникомъ павшаго греческаго царства, принять на себя отнятую отъ грековъ роль хранителя и поборника православія; Москва—это третій Римъ, призванный занять мѣсто Новаго Рима — Константинополя. Она на это имѣетъ всѣ неотъемлемыя права, и какъ столица сильнаго, все болѣе развивающагося государства, и какъ столица государства строго православнаго, въ которомъ православіе съ самаго начала сохранялось всегда во всей его чистотѣ и неприкосновенности, котораго даже не коснулась и послѣдняя роковая попытка грековъ соединиться съ латинами. Симеонъ суздальскій, присутствовавшій на флорентійскомъ соборѣ, въ описаніи своего путешествія во Флоренцію помѣщаетъ слѣдующій характерный разсказъ: соборъ уже весь собрался, но еще не прибылъ московскій митрополитъ Исидоръ, почему греческій императоръ просилъ папу подождать открытіемъ собора до пріѣзда Исидора и, въ поясненіе своей просьбы, будто бы говорилъ папѣ: «яко восточніи земли суть Рустіи *и большее есть православіе и высшее христіанство бѣлыя Русіи*, и братъ мой, Василій Васильевичь, ему же восточные цари прислухаютъ, и великіе князи со землями служатъ ему. Но смиренія ради, благочестія, величества разума и благовѣрія, не зовется царемъ, но княземъ великимъ русскимъ, своихъ земель православія» [1]). Въ 1464 году митрополитъ Ѳеодосій въ окружной граматѣ новгородцамъ и псковичамъ о милостынѣ Св. Гробу пишетъ: «патріархъ іерусалимскій слышавъ *истинную нашу святую вѣру непорушную*, юже отъ богопросвѣщеннаго Владимера въ русскихъ земляхъ отъ многихъ лѣтъ просіявшу и въ Божіей воли исполнену и благочестіемъ цвѣтущу, якоже и

[1]) Сахарова, Сказанія рус. народа, ч. II стр. 85

свѣтъ солнечный, а тако уповая отъ сихъ на благое» [1]) и пр. Русскій книжникъ свой разсказъ о паденіи Константинополя заканчиваетъ слѣдующими словами: «сія убо вся благочестивая царствія: греческое и сербское, басанское и арбаназское грѣхъ ради нашихъ Божіимъ попущеніемъ безбожніи турци попленища, въ запустѣніе положиша и покориша подъ свою власть. Наша же россійская, Божіею милостію пречистыя Богородицы и всѣхъ св. чудотворецъ, *растетъ и молодѣетъ и возвышается*. Еже Христе милостивый дажъ рости и младѣти и разширятися и до скончанія вѣка» [2]). Но самое яркое и опредѣленное выраженіе этотъ взглядъ на особое призваніе Москвы нашелъ себѣ въ извѣстныхъ посланіяхъ старца Филоѳея (конца XV и начала XVI вѣка). Въ своемъ посланіи къ великому князю старецъ Филоѳей говоритъ: «иже отъ вышняя и отъ всемощныя, вся содержащая десница Божія, имъ же царіе царствуютъ и имъ же велиціи величаются и силніи пишутъ правду,—тебѣ пресвѣтлѣйшему и высокостольнѣйшему государю и великому князю православному христіанскому царю и владыцѣ всѣхъ, браздодержателю святыхъ Божіихъ престолъ святыя вселенскія и апостольскія церкви Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея успенія, *иже вмѣсто римскія и константинопольскія просіявшу*. Стараго убо Рима церкви падеся невѣріемъ аполлинаріевы ереси; втораго же Рима Константинова града церкви агаряне внуцы сѣкирами и оскордами разсѣкоша двери. Сія же нынѣ *третіяго новаго Рима* державнаго твоего царствія, святая соборная апостольская церкви, иже въ концыхъ вселенныя въ православной христіанствѣй вѣрѣ, во всей поднебеснѣй паче солнца свѣтится. И да вѣсть твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христіанскія вѣры снидошася въ твое едино царство, единъ ты во всей поднебеснѣй христіаномъ царь... Не преступай, царю, заповѣди, еже положиша твои прадѣды великій Константинъ и блаженный Владимеръ и великій богоизбранный Ярославъ и прочіи блаженніи святіи, ихъ же корень и до тебе... Блюди и внемли, благочестивый царю,

[1]) А. И. I, № 78.

[2]) Терновскаго, Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. Ч. I, стр. 120.

яко вся христіанская царства снидошася въ твое едино, яко два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти: уже твое христіанское царство инемъ не останется, по великому Богослову» [1]).

Такъ, послѣ паденія Константинополя, возникъ и окончательно сложился у русскихъ книжниковъ взглядъ на Русь, какъ на представительницу и хранительницу истиннаго, неповрежденнаго православія, которое въ ней «во всѣ концы вселенныя паче солнца свѣтится»; на Москву, какъ на наслѣдницу павшей Византіи и другихъ православныхъ царствъ, какъ на новый «третій Римъ»; на московскаго великаго князя, какъ на прямого потомка и законнаго наслѣдника бывшихъ греческихъ императоровъ. Эти представленія, такъ льстившія національному чувству и гордости русскихъ, съ теченіемъ времени все шире и глубже проникали въ общественное сознаніе и нашли себѣ выраженіе въ литературной завѣдомо тенденціозной обработкѣ нѣкоторыхъ сказаній, имѣвшихъ въ виду оправдать и еще болѣе укрѣпить возникшія притязанія русскихъ на первенство въ православномъ мірѣ. Къ числу такихъ сказаній принадлежитъ разсказъ о пребываніи на Руси ап. Андрея, сказаніе о бѣломъ клобукѣ, о Тихвинской иконѣ Божіей Матери, о мономаховыхъ регаліяхъ. Естественное у каждаго народа стремленіе — начало своего христіанства связать съ проповѣдью апостоловъ, уже ранѣе побудило русскихъ создать у себя сказаніе о пребываніи на Руси ап. Андрея. Послѣ паденія Константинополя, русскіе придали этому сказанію новое значеніе въ видахъ отстранить отъ себя опекунскія притязанія грековъ, опиравшихся на то обстоятельство, что русскіе отъ грековъ приняли христіанство. Ссылаясь на это сказаніе, русскіе стали увѣрять себя и другихъ, что начало христіанства на Руси такъ же древне, какъ и у грековъ, что не грекамъ, а апостолу Андрею они обязаны своимъ просвѣщеніемъ христіанствомъ, которое со временъ апостольскихъ и сохраняется у нихъ во всемъ ненарушимо. Въ этомъ именно смыслѣ русскіе и начали теперь пользоваться сказаніемъ объ

[1]) Прав. Соб. 1863 г. кн. I. То же Филоѳей проповѣдуетъ и въ своемъ посланіи къ дьяку Мисюрю—тамъ же, 1861 г. кн. 2.

ап. Андреѣ. Когда Поссевинъ, желая расположить Грознаго къ уніи, указалъ ему на грековъ, которые на флорентійскомъ соборѣ соединились съ латинами, то царь на это сказалъ ему: «греки для насъ не Евангеліе, мы вѣримъ не въ грековъ, а въ Христа; мы получили христіанскую вѣру при началѣ христіанской церкви, когда Андрей, братъ апостола Петра, пришелъ въ эти страны, чтобы пройти въ Римъ; такимъ образомъ, мы на Москвѣ приняли христіанскую вѣру въ тоже самое время, какъ вы въ Италіи *и съ тѣхъ поръ доселѣ мы соблюдали ее ненарушимою*» [1]). Впослѣдствіи старецъ Арсеній Сухановъ, въ своемъ знаменитомъ преніи съ греками о вѣрѣ, подобно Грозному, указывалъ грекамъ на ап. Андрея, какъ просвѣтителя Руси, и на основаніи этого сказанія старался приписать русскимъ церковно-обрядовымъ особенностямъ, въ которыхъ греки видѣли русскія новшества, апостольское происхожденіе [2]). Другія сказанія, сложившіяся въ это время, или въ это время только тенденціозно переработанныя уже изъ существовавшаго матеріала, имѣли въ виду показать, что послѣ паденія Константинополя на Русь перешли изъ Византіи символы высшаго церковно-іерархическаго величія, символы царскаго достоинства, и что даже самая знаменитая святыня съ востока стала переходить въ православную Русь. Выраженіемъ первой мысли, что церковно-іерархическое величіе перешло съ востока на Русь, служитъ сказаніе «о бѣломъ клобукѣ», который будто-бы самимъ Константиномъ Великимъ врученъ былъ папѣ Сильвестру, но потомъ, вслѣдствіе нечестія папъ, по особому откровенію, отосланъ былъ въ Константинополь, откуда опять по особому откровенію, въ виду приближавшагося паденія Царьграда, отосланъ былъ на Русь. Тенденція сказанія «о бѣломъ клобукѣ» ясно выражена въ слѣ-

[1]) Иск. рус. церкви. Е. Голубинскаго—I, 8.

[2]) Седербергъ въ своихъ замѣткахъ о религіи и нравахъ русскаго народа (1709—1718 гг.) говоритъ: „русскіе хвалятся тѣмъ, что апостолъ Андрей, братъ Симона—Петра, тогда положилъ начало ихъ вѣрѣ. когда онъ изъ Греціи чрезъ Понтъ Евксинскій или Черный, перешедши устье Борисѳена, явился въ Кіевъ, тогдашнюю столицу Руси, и проповѣдовалъ, обращалъ, крестилъ и научилъ всю Русь осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ“.—Чтен. общ. ист. и древн. 1873 годъ, книжка 2-я.

дующихъ словахъ папы Сильвестра, явившагося въ откровеніи константинопольскому патріарху: «якоже бо отъ Рима благодать, слава и честь отнята бысть, такоже и отъ царствующаго града благодать Духа Святаго отымется въ пленѣніе агарянскаго, и вся святая предана будетъ отъ Бога велицей рустѣй земли». Сказаніе о мономаховыхъ регаліяхъ, по которому греческій императоръ Константинъ Мономахъ послалъ на Русь князю Владимиру (тоже Мономаху) свои царскія регаліи, которыми онъ и былъ вѣнчанъ ефесскимъ митрополитомъ,—имѣло въ виду показать, что и царское достоинство изъ Византіи перешло на Русь, что московскіе великіе князья—прямые наслѣдники достоинства греческихъ императоровъ [1]). Сказаніе о Тихвинской иконѣ Божіей Матери, чудесно перешедшей на Русь изъ Константинополя, въ виду его приближавшагося паденія, имѣло цѣлью показать, что и святыня съ востока стремится перейти на Русь, гдѣ только теперь она и можетъ найти для себя достойное и безопасное убѣжище [2]).

Новое чрезвычайное положеніе въ православномъ мірѣ, послѣ паденія Константинополя занятое русскими, естественно налагало на нихъ и новыя особенныя обязанности, которыя должны были опредѣлить характеръ и задачи ихъ внутренней жизни, характеръ ихъ отношеній ко всѣмъ другимъ народамъ и, въ частности, къ православному востоку. Поэтому для насъ крайне важно знать, какъ русскіе поняли свои обязанности, вытекавшія изъ ихъ новаго первенствующаго положенія въ православномъ мірѣ.

Вѣковое первенствующее положеніе грековъ въ православномъ мірѣ опиралось не только на томъ, что они были просвѣтителями христіанствомъ другихъ народовъ, но и, главнымъ образомъ, на ихъ всецѣломъ культурномъ превосходствѣ. Константинополь былъ для всѣхъ православныхъ народностей не только религіознымъ и церковно-административнымъ центромъ, но и представителемъ высшихъ государственныхъ формъ, центромъ высшей тогда научной и умственной жизни, какъ наслѣдникъ греко-римскаго класси-

[1]) Изученіе византійской исторіи—Ф. Терновскаго, ч. II. стр. 173.

[2]) Историч очерки рус. народной словесности и искусства—Буслаева, ч. II, стр. 276.

ческаго образованія, какъ хранитель и продолжатель послѣдующаго христіанско-богословскаго образованія и всѣхъ христіанскихъ церковныхъ знаній. Именно на этомъ культурномъ превосходствѣ грековъ и основывалось ихъ преобладаніе, ихъ первенствующее, руководящее положеніе относительно всѣхъ другихъ православныхъ народовъ. Понятно отсюда, что для народа, заявившаго притязаніе на первенствующее положеніе въ православномъ мірѣ, задумавшаго занять въ немъ мѣсто грековъ, необходимо было въ этомъ случаѣ опереться если не на большее, то уже во всякомъ случаѣ не меньшее, чѣмъ у грековъ, духовное свое развитіе; иначе эти притязанія будутъ и очень странны, и главное—не достигнутъ своей цѣли. Но слишкомъ хорошо извѣстно, на какомъ уровнѣ стояло тогда духовное развитіе русскихъ: они не только не имѣли у себя правильно устроенной школы и не знали, что такое научное развитіе и образованіе, но и не сознавали нужды и потребности въ наукѣ. Ихъ идеалъ, въ этомъ отношеніи, не шелъ далѣе бойкаго чтенія церковныхъ книгъ, начетчество было самое высшее, до чего могъ достигнуть тогдашній пытливый русскій человѣкъ; да и начетчество было явленіемъ уже не особенно частымъ, даже въ средѣ пастырей церкви преобладала простая полуграмотность, иногда затруднявшаяся брести и по псалтыри. Очевидно отсюда, что о главенствѣ и первенствѣ русскихъ въ православномъ мірѣ въ смыслѣ ихъ высшаго духовнаго развитія сравнительно съ другими православными народами, въ смыслѣ ихъ культурнаго преобладанія надъ послѣдними, не можетъ быть и рѣчи; очевидно не въ этомъ русскіе полагали свое превосходство, очевидно на иныхъ основаніяхъ они строили свои притязанія на первенство и главенство въ ряду другихъ православныхъ народовъ.

Старый Римъ палъ «невѣріемъ аполлинаріевы ереси», «греческое царство раззорися и не созиждется, понеже они (греки) предаша православную греческую вѣру въ латынство», «тамо бо вѣра православная испроказися Махметовою прелестью отъ безбожныхъ турокъ», «а по инымъ всѣмъ странамъ правая вѣра .съ ересьми смѣсишася»; только въ русской землѣ «большее есть православіе и высшее христіанство», только здѣсь твердо хранятъ «истинную

святую нашу вѣру ненарушимою», только одна русская держава цвѣтетъ теперь «совершеннымъ благочестіемъ какъ цвѣтъ солнечный». Вотъ на чемъ собственно основывается превосходство русскихъ предъ всѣми другими народами, вотъ что даетъ имъ несомнѣнное право на первенство и главенство въ православномъ мірѣ, — только у однихъ русскихъ сохранилась теперь правая, ни въ чемъ неизмѣнная вѣра, изъ всѣхъ народовъ только у нихъ однихъ процвѣтаетъ истинное, совершенное благочестіе. Пусть грекъ, или кто-либо другой, будетъ образованнѣе, развитѣе русскаго, пусть преимущества образованія и развитія будутъ на его сторонѣ; но зато русскій твердо и право вѣритъ, хранитъ у себя истинное благочестіе, чего нельзя сказать и объ образованномъ грекѣ. Разъ увѣрившись, что только у нихъ однихъ сохранилась теперь правая вѣра, а что у другихъ народовъ она замутилась и даже «съ ересьми смѣсишася», русскіе, безъ всякой дальнѣйшей провѣрки справедливости этого убѣжденія, построили на основаніи его свои обязанности, опредѣлили тѣ задачи и цѣли, которыя они должны преслѣдовать въ своей жизни и дѣятельности. Если православная вѣра въ ея чистомъ, неизмѣнномъ видѣ сохранилась только у однихъ русскихъ, то самая первая, самая завѣтная и священная ихъ обязанность состоитъ, очевидно, въ томъ, чтобы всячески сохранить наслѣдованную отъ предковъ вѣру во всей ея чистотѣ, не допускать ни въ чемъ перемѣнъ, которыя бы могли повести къ премѣненію самой вѣры. Тотъ же инокъ Филоѳей, который внушалъ великому князю, что правая вѣра осталась теперь только на одной Руси и что всѣ прежде бывшія православныя царства «снидошася въ твое едино царство», считаетъ нужнымъ высказать и тѣ обязанности, какія теперь лежатъ на немъ: «не преступай, царю, говоритъ онъ, заповѣди, еже положиша твои прадѣды великій Константинъ и блаженный Владимеръ и великій богоизбранный Ярославъ и прочіи блаженніи святіи, ихъ же корень и до тебе..... два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти: уже твое христіанское царство инемъ не останется». Но если «четвертому Риму не быть», если русское христіанское царство инымъ не останется, то отсюда уже само

собою слѣдуетъ: утеряютъ или исказятъ русскіе ввѣренное ихъ храненію чистое православіе, то оно утратится тогда въ цѣломъ мірѣ, и вся страшная отвѣтственность за его гибель падетъ исключительно на однихъ русскихъ, отъ которыхъ только и могутъ послѣдующія поколѣнія наслѣдовать истинное православіе и благочестіе. Понятно теперь, какъ важна и какъ страшно отвѣтственна эта новая обязанность русскихъ: хранить православную вѣру во всей ея чистотѣ и неприкосновенности, ничего не измѣнять въ ней, ничего не утерять изъ нея. Въ этомъ случаѣ для русскихъ ничего не должно быть неважнаго, малозначущаго, все для нихъ важно, все для нихъ имѣетъ значеніе, что только касается области ихъ вѣрованій. Они не должны допускать ни малѣйшихъ перемѣнъ «не точію въ вѣрѣ, но ни въ малѣйшей частицѣ каноновъ и пѣсней, что ни у какого слова, ни у какой рѣчи не убавить, не прибавить ни единаго слова не должно». Ихъ долженъ всегда охватывать великій страхъ и дрожь при видѣ перемѣны одной буквы въ ихъ священныхъ книгахъ, наслѣдованныхъ отъ предковъ, страхъ, конечно, не за самую букву, которая сама по себѣ ничего не значитъ, но за ту перемѣну смысла въ книгахъ, которая можетъ послѣдовать за измѣненіемъ буквы. Поэтому загладить что-либо въ богослужебныхъ книгахъ нашимъ предкамъ казалось «загладить великій догматъ премудрый»; «дрожь великая и ужасъ напалъ на меня», говорилъ писецъ Медоварцевъ, когда Максимъ Грекъ велѣлъ ему загладить нѣсколько строкъ: «единымъ азбучнымъ словомъ, говорили наши предки, вноситься ересь», почему они и проповѣдовали, «что православнымъ должно умирать за едину букву азъ».—Такъ строго русскіе поняли лежащую теперь на нихъ обязанность неизмѣнно хранить у себя православную вѣру; изъ такого пониманія указанной обязанности и возникла съ конца XV вѣка та всѣмъ извѣстная боязнь русскихъ предъ всякими, повидимому, даже самыми незначительными перемѣнами въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ, ихъ преклоненіе предъ всякою обрядовою мелочью, упрямое нежеланіе какихъ бы то ни было перемѣнъ въ ихъ церковно-богослужебной практикѣ.

Указанная обязанность не допускаетъ никакихъ перемѣнъ

и утерь въ наслѣдованномъ отъ предковъ, не есть только религіозная обязанность, но вмѣстѣ и гражданская; гражданскій долгъ каждаго русскаго. Ветхій Римъ палъ именно за утерю правой вѣры, новый Римъ точно также за утерю истиннаго благочестія, за союзъ съ латинами. Понятно, что и третій Римъ—Москва несомнѣнно падетъ, и все Московское царство окончательно рушится, если русскіе не уберегутъ отъ искаженій и утерь преданное имъ на сохраненіе православіе; только послѣдствія ихъ небреженія будутъ въ этомъ случаѣ болѣе ужасны и гибельны. У ветхаго Рима былъ наслѣдникъ въ православіи второй Римъ—Константинополь; преемникомъ новаго Рима въ благочестіи сдѣлалась Москва, которая уже не будетъ имѣть по себѣ наслѣдниковъ, такъ какъ четвертому Риму не быть,—значитъ, если погибнетъ Москва, то православіе погибнетъ тогда въ цѣломъ мірѣ, и русскіе будутъ одни виноваты въ этой гибели. Понятна отсюда та «дрожь великая», которая забирала русскаго, при видѣ всякой попытки что-либо измѣнить или передѣлать въ его священныхъ книгахъ; понятно, почему у русскихъ явилось убѣжденіе, «что православнымъ нужно умирать за едину букву азъ»,—неминуемая гибель русскаго царства, а вмѣстѣ гибель и всего православія постоянно видѣлась имъ во всякой перемѣнѣ, во всякомъ измѣненіи наслѣдованнаго отъ предковъ. И чѣмъ сильнѣе эта мысль овладѣвала умами русскихъ, тѣмъ строже и бдительнѣе они становились къ охранѣ того сокровища, которое служило залогомъ и ихъ вѣчнаго спасенія и залогомъ крѣпости, силы и процвѣтанія ихъ царства; тѣмъ все съ большею подозрительностью они стали относиться ко всякой попыткѣ что-либо измѣнить изъ своей старины, упрямо не хотѣли допускать у себя никакихъ нововведеній, особенно исходившихъ изъ сторонникъ, не русскихъ вліяній и производимыхъ не русскими людьми, а пришлецами.

Такимъ образомъ, источникъ боязни русскихъ предъ всякими перемѣнами и исправленіями въ ихъ богослужебныхъ книгахъ заключался не въ невѣжествѣ ихъ, какъ нѣкоторые думаютъ, а въ сложившемся у нихъ, послѣ паденія Константинополя, убѣжденіи, что они сдѣлались единственными хранителями православія и что историческая задача

русскаго народа состоитъ въ томъ, чтобы неизмѣнно и во всей полнотѣ сохранить у себя правую вѣру, которая или вполнѣ, или отчасти уже утрачена всѣми другими народами. Этимъ объясняется и то обстоятельство, почему указанное направленіе проявилось не ранѣе конца XV вѣка, а развилось вполнѣ только въ XVI и въ началѣ XVII вѣка.

Но если русское невѣжество не было источникомъ указаннаго явленія, за то оно очень сильно вліяло на самый характеръ его проявленія, сообщивъ ему узко-обрядовое и формальное направленіе. Если бы русскіе были научно образованы и развиты и въ силу этого обстоятельства обладали высшимъ кругомъ христіанскихъ знаній, то они сумѣли бы понять и отличить вѣроученіе отъ обряда, существенное и главное въ самомъ обрядѣ отъ несущественнаго и неважнаго или безразличнаго для вѣры и благочестія; сумѣли бы понять, что «истинное и совершенное благочестіе» выражается въ степени теоретическаго усвоенія христіанскихъ истинъ и въ степени осуществленія ихъ въ жизни и дѣятельности; что измѣненіе того или другаго церковнаго обряда не есть измѣненіе самой вѣры. Но русскіе, которымъ недоступны были наука и образованіе, а вмѣстѣ съ этимъ и возможность теоретическаго усвоенія системы христіанскаго вѣроученія внѣ обряда, по необходимости сосредоточили свое вниманіе на внѣшней, обрядовой сторонѣ христіанства, которая, какъ наглядное выраженіе отвлеченныхъ истинъ, была ближе и понятнѣе для простаго, необразованнаго народа, мало способнаго къ отвлеченному мышленію. Обрядъ, такимъ образомъ, естественно выступалъ на первый планъ въ христіанской жизни русскихъ: не отъ вѣроученія переходили они къ обряду, какъ бы слѣдовало, а совершенно наоборотъ, — они начинали прежде всего съ обряда и уже чрезъ обрядъ и при его посредствѣ переходили къ усвоенію и пониманію самаго ученія, такъ что русскихъ воспитывалъ и училъ христіанству прежде всего обрядъ, внѣ котораго они не могли ни представить, ни мыслить христіанства. На самый обрядъ и его значеніе, по историческимъ обстоятельствамъ своей жизни, русскіе должны были смотрѣть значительно иначе, чѣмъ, напримѣръ, греки. Греческая церковь, отправляясь отъ ученія Христа и Апостоловъ, въ теченіе своей исторической жизни выработала у себя, на основаніи этого ученія, цѣлую систему обрядовъ, которыми она выразила внѣшнимъ образомъ содержимое ею ученіе и свое пониманіе его за различное время. Понятно, что она, какъ создавшая православный обрядъ, знала хорошо его происхожденіе, его отношеніе къ вѣроученію, его истинное значеніе въ христіанской жизни. Къ русскимъ обрядъ перешелъ уже готовый, въ существенныхъ чертахъ вполнѣ сформировавшійся и законченный; процессъ его историческаго происхожденія и постепенной выработки остался для нихъ совершенно неизвѣстнымъ, почему они приписали ему одинаковое происхожденіе и значеніе съ самымъ вѣроученіемъ. Въ виду указанныхъ обстоятельствъ для русскихъ обрядъ былъ то же, что и самое вѣроученіе, онъ такъ же важенъ, святъ, спасителенъ и неизмѣненъ, какъ и вѣроученіе. Измѣнить обрядъ, по ихъ мнѣнію, значило то же, что измѣнить вѣроученіе; иной обрядъ указывалъ и на иное ученіе, разность въ обрядѣ указывала на разность въ ученіи, а не на иную только внѣшнюю форму его выраженія, такъ что русскій не ученіемъ провѣрялъ обрядъ, но обрядомъ ученіе; всякій держащійся иного обряда былъ въ его представленіи и иновѣрующимъ, ибо правый обрядъ повсюду единъ, какъ едино повсюду правое вѣроученіе. Понятно теперь, какъ русскіе должны были понять выпавшую, послѣ паденія Константинополя, на ихъ долю задачу: хранить неизмѣнно, безъ всякихъ перемѣнъ, правую вѣру, ничего не измѣнять въ ней, ничего не утерять изъ нея. Хранить правую вѣру значило для нихъ вмѣстѣ съ вѣроученіемъ хранить и тотъ обрядъ, который они считали правымъ; не допускать никакихъ перемѣнъ и измѣненій въ вѣрѣ значило не допускать никакихъ перемѣнъ и измѣненій не только въ вѣрѣ, но и въ обрядѣ. А такъ какъ система христіанскаго вѣроученія внѣ обряда была имъ мало доступна, то вся ихъ забота — сохранить у себя въ чистомъ, неизмѣнномъ видѣ православіе — сосредоточилась главнымъ образомъ на сохраненіи въ неизмѣнномъ видѣ извѣстнаго обряда, т. е. приняла всѣмъ хорошо извѣстное чисто внѣшнее и узко-обрядовое направленіе, которое, потомъ развиваясь, изъ-за обряда и обрядовыхъ мелочей, окончательно опустило изъ вниманія самую сущ-

ность православія и породило въ русской церкви расколъ.

Сложившееся у русскихъ, послѣ флорентійской уніи и паденія Константинополя, убѣжденіе, что они заняли въ православномъ мірѣ мѣсто грековъ, такъ какъ только у нихъ однихъ удержалась теперь правая вѣра, которую они призваны хранить и въ неизмѣнномъ видѣ передавать послѣдующимъ поколѣніямъ,—естественно, должно было внушить имъ мысль—оглянуться назадъ, на свое церковное прошлое, чтобы видѣть тотъ доставшійся имъ отъ предковъ капиталъ, который имъ слѣдуетъ всячески хранить и пріумножать, чтобы твердо знать и прочно установить, что́ именно нужно считать православнымъ и что́ нѣтъ, чего слѣдуетъ держаться и чего избѣгать. Все ранѣе нажитое теперь тщательно собирается и приводится въ извѣстность, причемъ оказывается, что Русь жила не даромъ: у нея явилась не только политическая, но и своя собственная церковная исторія, свои религіозно-церковныя традиціи, обычаи, своя собственная обильная и славная святыня, цѣлый сонмъ великихъ угодниковъ Божіихъ, богатая и вполнѣ достаточная для благочестивой жизни литература. Вмѣстѣ съ прошлымъ и вся современная жизнь подвергается тщательному пересмотру и провѣркѣ (на Стоглавомъ соборѣ) съ прямою цѣлію возвести ее на ту высоту, какая теперь необходима для Руси, какъ представительницы чистаго православія и высшаго благочестія. Результаты обзора и приведенія въ извѣстность всего прошлаго, нажитого ранѣе, а также и современнаго состоянія церкви оказались въ общемъ не просто только удовлетворительными, но и вполнѣ блестящими. Русская церковь явилась предъ русскимъ сознаніемъ богатою своимъ вѣковымъ наслѣдствомъ, всегда твердою и неизмѣнною въ преданности и сохраненіи православія, несмотря на нѣкоторые частные недостатки, цвѣтущею и богатою въ своемъ современномъ состояніи и потому имѣющею полное и законное право стать хранительницею и убѣжищемъ гонимаго, колеблющагося на востокѣ православія, его опорою и представительницею. И другое очень важное заключеніе сдѣлали русскіе изъ ознакомленія съ прошлымъ и современнымъ состояніемъ своей церкви: если несостоятельность греческаго благочестія доказана была исторически—уклоненіемъ грековъ въ унію съ латинами и послѣдовавшею за тѣмъ гибелью ихъ царства отъ руки невѣрныхъ, то относительно русскаго благочестія какъ разъ оказалось противное: оно выдержало вѣковую историческую пробу, его чистота и истинность вполнѣ доказаны исторически. Отсюда уже само собою слѣдовало, что русскіе не только должны тщательно беречь все, что они наслѣдовали отъ предковъ, не допускать ни въ чемъ ни малѣйшей перемѣны, крѣпко держаться за всякую мелочь въ ихъ обрядахъ, за всякую букву въ ихъ писаніи, но и считать свое русское нормою для опредѣленія того, что православно и что нѣтъ, что истинно, благочестиво и что нѣтъ. Если русскіе такъ крестятся, такъ читаютъ свои книги, содержатъ такіе, а не иные чины и обряды, то, слѣдовательно, такъ долженъ дѣлать, того долженъ держаться и всякій, кто только хочетъ быть истинно-православнымъ христіаниномъ, для кого дорого истинное благочестіе. Непрерывный рядъ великихъ угодниковъ русской церкви своею святостью и прославленіемъ отъ Бога доказалъ, что такъ именно слѣдуетъ креститься, читать, пѣть, держаться такихъ, а не иныхъ церковныхъ обрядовъ и чиновъ. Лучшей, болѣе надежной и убѣдительной провѣрки достоинства и истинности русскаго благочестія не можетъ быть, а потому истинному благочестію теперь слѣдуетъ учиться уже не у грековъ, какъ это было прежде, а у русскихъ.

Такъ сложился у русскихъ взглядъ на себя, какъ на особый, избранный Богомъ народъ. Это былъ своего рода новый Израиль, только въ средѣ котораго еще сохранилась правая вѣра и истинное благочестіе, утерянныя или искаженныя всѣми другими народами [1]). Этотъ новый Израиль долженъ былъ тщательно хранить ввѣренное ему сокровище, въ этомъ заключалась его главная историческая задача, залогъ всѣхъ его успѣховъ и процвѣтанія: утеря ввѣреннаго ему на хра-

[1]) Петрей въ своей „Исторіи о великомъ княжествѣ Московскомъ“ говоритъ: „русскіе думаютъ, что одни только они христіане на землѣ, и хвастаются, что одни чтутъ, исповѣдуютъ и обожаютъ Бога и Его милосерднаго Сына, а всѣхъ другихъ на свѣтѣ ославляютъ нехристями, язычниками и еретиками, которые не истинно исповѣдуютъ Бога, а презираютъ Его, не имѣютъ надлежащей и правой вѣры, отметаютъ Ветхій и Новый завѣтъ, а потому и отступники“ (Чт. Общ. ист. и древн. 1867 г. кн. IV, стр. 435).

неніе сокровища означала бы гибель истиннаго благочестія во всей вселенной, водвореніе на землѣ царства антихриста, а для самого Израиля — неминуемое конечное паденіе его царства.

Съ той же самой точки зрѣнія, съ которой русскіе опредѣлили свое положеніе и призваніе въ ряду другихъ народовъ, задачи и конечныя цѣли своей исторической жизни, тѣ принципы и начала, по которымъ должна быть построена и направляема вся русская жизнь,—они опредѣлили и свои отношенія ко всѣмъ другимъ народамъ. Понятно, какого рода эти отношенія должны быть къ иновѣрнымъ народамъ. Какъ древній Израиль постоянно впадалъ въ опасности и многоразличныя бѣдствія отъ сближеніи съ другими невѣдущими Бога истиннаго народами, и, наоборотъ, процвѣталъ, когда замыкался въ самомъ себѣ, былъ вѣренъ во всемъ своему отечественному и не допускалъ у себя никакихъ иноземныхъ вліяній, чуждыхъ обычаевъ и т. п.; такъ и новый Израиль— русскіе должны были далеко и опасливо держать себя относительно всѣхъ другихъ иновѣрныхъ народовъ, по возможности не допускать ихъ въ свою среду, не учиться у нихъ, ничего не перенимать отъ нихъ, не подражать ихъ грѣховнымъ обычаямъ, одеждѣ и т. п., но твердо держаться во всемъ своего отечественнаго. Всякій иновѣрецъ, въ глазахъ русскихъ, долженъ былъ быть еретикомъ, нечестивцемъ, чрезъ близкое общеніе съ которымъ русскій подвергался опасности осквернить, «испроказить» свое чистое, ничѣмъ не осквернённое благочестіе. Разобщеніе со всѣмъ иновѣрнымъ должно было быть для него обязательнымъ закономъ; на всякое допущеніе къ себѣ иновѣрцевъ и иновѣрнаго ему слѣдовало смотрѣть, какъ на угрозу русскому православію [1]), тѣмъ болѣе что все иновѣрное не столько способно принести

[1]) Извѣстенъ тотъ отвѣтъ, который далъ митрополитъ Филиппъ на вопросъ великаго князя относительно того, можно ли допустить въ Москву въѣздъ папскаго легата, сопровождавшаго Софью Палеологъ, съ преднесеніемъ креста: „нельзя послу не только войти въ городъ съ крестомъ, но и подъѣхать близко: если же ты позволишь ему это сдѣлать, желая почтить его, то онъ въ одни ворота въ городъ, а я, отецъ твой, другими воротами изъ города; неприлично намъ и слышать объ этомъ, не только что видѣть, потому что, кто возлюбитъ и похвалитъ вѣру чужую, тотъ своей поругался“.

русскимъ дѣйствительную, существенную пользу, сколько вредъ, такъ какъ всякій успѣхъ въ этой жизни исключительно зависитъ только отъ истиннаго благочестія, которымъ обладаютъ одни русскіе. Характеръ отношеній русскихъ ко всѣмъ иновѣрнымъ народамъ былъ вполнѣ ясенъ и опредѣленъ, никакихъ сомнѣній и недоумѣній тутъ не могло быть. Иное было относительно православныхъ восточныхъ народностей, покоренныхъ турками, особенно относительно недавнихъ учителей и руководителей русскихъ—грековъ. Послѣ флорентійской уніи и паденія Константинополя русскіе заподозрили грековъ въ утерѣ правой вѣры и истиннаго благочестія и сначала какъ будто даже не прочь были отнести ихъ къ числу неправославныхъ народовъ. Но скоро пришлось убѣдиться, что флорентійская унія была дѣломъ только политическаго разсчета, дѣломъ немногихъ, а не всего народа, и что она не только не была принята греками, но и встрѣтила у нихъ самое горячее энергическое сопротивленіе. Скоро русскимъ пришлось убѣдиться и въ томъ, что турецкое завоеваніе не искоренило на востокѣ православія, что оно тамъ, хотя и терпитъ нѣкоторое стѣсненіе отъ турокъ, однако по-прежнему исповѣдуется, какъ греками, такъ и другими народностями, которыхъ поэтому и пришлось отнести къ семьѣ православныхъ народовъ, исповѣдующихъ съ русскими одну вѣру. Но признавъ грековъ православными, русскіе въ то же время уже не хотѣли признать ихъ равными себѣ по благочестію, смотрѣли на нихъ, какъ на народъ подозрительный, шаткій и нетвердый въ дѣлахъ вѣры и благочестія, почему и раздѣлили православный міръ на двѣ половины: первая половина, удержавшая православіе во всей его первоначальной полнотѣ и чистотѣ, безъ всякихъ утерь, прибавокъ и перемѣнъ, заключила въ себѣ русскихъ—православныхъ по преимуществу; вторую половину составляли греки и другія покоренныя турками православныя народности. У послѣднихъ «вѣра православная испроказися Махметовою прелестью отъ безбожныхъ турокъ», вслѣдствіе чего она стала у нихъ во многомъ ниже и несовершеннѣе во всемъ совершенной вѣры русской, почему и требовала со стороны русскихъ не только покровительства, какъ угнетаемая, но и

нѣкотораго исправленія въ томъ, что въ ней было «пестро»[1]).

Такимъ образомъ, власть великаго князя московскаго, доросшая до значенія всероссійской, и, главнымъ образомъ, флорентійская унія и паденіе Константинополя послужили исходнымъ пунктомъ, съ котораго началась новая русская жизнь, подъ вліяніемъ указанныхъ событій установившая опредѣленный взглядъ на свое и чужое прошлое, на свое и чужое настоящее положеніе, на свое будущее признаніе, на свои отношенія къ иновѣрнымъ и единовѣрнымъ народамъ. Выработка этихъ взглядовъ всецѣло принадлежала русскимъ грамотеямъ, книжникамъ, которые руководились въ этомъ случаѣ сильнымъ національнымъ самомнѣніемъ, желаніемъ назначить Москвѣ самую видную и блестящую роль въ средѣ всѣхъ другихъ христіанскихъ народовъ, хотя они и понимали эту роль съ точки зрѣнія узкаго, односторонняго тогдашняго московскаго благочестія. Но эти взгляды не остались однако только измышленіемъ и фантазіями досужихъ книжниковъ, а перешли отъ нихъ въ массу, глубоко и прочно запали въ душу русскихъ, были усвоены самимъ правительствомъ, настойчиво и постоянно заявляютъ себя во все продолженіе XVI и XVII столѣтій и даже не вполнѣ вымерли и въ настоящее время. Какъ къ этому созданію московскихъ книжниковъ конца XV и начала XVI столѣтій отнеслась послѣдующая историческая жизнь народа, слагавшаяся не по данной ей напередъ мѣркѣ, что̀ изъ ихъ представленій она потомъ оправдала, какъ справедливое, что̀ видоизмѣнила по требованію новыхъ, послѣдующею жизнью порожденныхъ обстоятельствъ, и что̀ она совсѣмъ отвергла, какъ завѣдомо ложное и непригодное для дѣйствительной жизни,— это намъ покажетъ фактическій обзоръ тѣхъ отношеній, какія установились между Русью и православнымъ востокомъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Новыя отношенія русскихъ къ православному востоку, начавшіяся со времени паденія Константинополя, опредѣлялись представленіями русскихъ о Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ, о московскомъ царѣ, какъ покровителѣ и опорѣ всего православія, о московскомъ благочестіи, какъ высшемъ и совершеннѣйшемъ въ цѣломъ мірѣ. Съ точки зрѣнія этихъ представленій русскіе старались построить всѣ свои отношенія къ православному востоку, и потому наше изслѣдованіе само собою распадается на три отдѣла: отдѣлъ первый— Москва есть третій Римъ; отдѣлъ второй—московскій царь есть опора и покровитель всего вселенскаго православія; отдѣлъ третій: русское благочестіе есть высшее и совершеннѣйшее въ цѣломъ мірѣ. Частнѣйшее содержаніе каждаго отдѣла будетъ указано въ самомъ изслѣдованіи, которое раздѣлено на главы, имѣющія каждая свое особое заглавіе[1]).

[1]) „Русскіе, говоритъ Седербергъ, не только привержены къ греческой вѣрѣ и исповѣдываютъ ее еще понынѣ, но и считаютъ себя вѣрнѣйшими послѣдователями ея, чѣмъ самые греки, отъ которыхъ они ее получили, не взирая на то, что они во многихъ членахъ не согласны съ ними“ (Чт. общ. ист. и древн. 1873 г. кн. 2. стр. 3—4).

[1]) Матеріаломъ для настоящаго изслѣдованія служили главнымъ образомъ, такъ называемыя, *греческія дѣла, греческіе статейные списки, турецкіе статейные списки, греческія граматы на славянскомъ языкѣ* и нѣкоторые другіе рукописные источники, которые будутъ указаны въ самомъ текстѣ. Всѣ эти документы хранятся въ Главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. При этомъ долгомъ считаемъ заявить нашу искреннюю благодарность г. Директору Архива барону Ѳедору Андреевичу Бюлеру за его всегдашнюю готовность оказать всяческое содѣйствіе нашимъ занятіямъ въ Архивѣ, а также приносимъ свою благодарность и всѣмъ служащимъ въ Архивѣ за ихъ любезно-внимательное отношеніе къ каждому требованію занимающагося у нихъ.

ОТДѢЛЪ I.

Москва—третій Римъ.

Послѣ паденія Константинополя роль мірового, державнаго города должна была, по убѣжденію русскихъ, перейти къ Москвѣ, какъ наслѣдницѣ павшей Византіи, какъ предназначенной сдѣлаться третьимъ Римомъ. Все, что ранѣе придавало Константинополю значеніе столицы православнаго міра, теперь слѣдовало перенести въ Москву; это было: достоинство императора, какъ главы православнаго государства, какъ представителя, поборника и защитника вселенскаго православія; достоинство патріарха, какъ главы и представителя вселенской церкви; и, наконецъ, особенно цѣнная и чтимая всѣми православными святыня, которая придаетъ столицѣ особый характеръ—православный по преимуществу.

Глава I.

Соборное утвержденіе царскаго вѣнчанія Ивана Васильевича Грознаго константинопольскимъ патріархомъ.

Уже къ концу XV вѣка власть великаго князя московскаго надъ сѣверовосточною Русью была всѣми признана, прямо и открыто никѣмъ болѣе не оспаривалась. Потомки прежнихъ удѣльныхъ князей сдѣлались служилыми людьми при дворѣ великаго князя, русское царство стало иначе называться—московскимъ царствомъ. Внѣшнимъ, наглядным выраженіемъ завершенія, окончательнаго объединенія сѣверовосточной Руси Москвою и признанія всѣми единодержавія московскаго великаго князя было принятіе Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ царскаго титула. Но царское вѣнчаніе Грознаго, совершенное митрополитомъ Макаріемъ, имѣло, такъ сказать, только домашнее, чисто внутреннее значеніе и вовсе еще не опредѣляло международнаго значенія московскаго царя, — онъ сталъ царемъ только у себя дома и для своихъ только подданныхъ. Между тѣмъ новый русскій царь хотѣлъ быть царемъ не только московскимъ, имѣющимъ одно мѣстное значеніе, какое ранѣе имѣли въ православномъ мірѣ греческіе императоры; онъ хотѣлъ, чтобы весь православный востокъ призналъ его прямымъ преемникомъ и наслѣдникомъ византійскихъ императоровъ, подобно имъ, представителемъ, опорою и оберегателемъ всего вселенскаго православія. Но для этого вѣнчанія царя московскимъ митрополитомъ уже было недостаточно, необходимо требовалось обратиться къ православному востоку, чтобы онъ призналъ и своимъ признаніемъ освятилъ и утвердилъ право московскаго царя, какъ наслѣдника и преемника византійскихъ императоровъ, чтобы онъ призналъ въ немъ новую главу и поборника всего вселенскаго православія. Такъ какъ константинопольскій патріархъ съ своимъ соборомъ былъ единственнымъ представителемъ порабощенной греческой націи и, какъ глава вселенской церкви, единственнымъ правоспособнымъ лицомъ распорядиться оставшимся наслѣдствомъ, то къ нему и обращается Грозный за утвержденіемъ своего царскаго вѣнчанія, за признаніемъ себя наслѣдникомъ греческихъ императоровъ. Онъ посылаетъ въ Константинополь суздальскаго архимандрита Ѳеодорита съ милостынею и граматою къ патріарху, въ которой проситъ его прислать ему грамату, соборно утверждающую его царское вѣнчаніе. При этомъ царь счелъ нужнымъ послать патріарху помянникъ всѣхъ князей своего рода, съ цѣлью показать патріарху свое несомнѣнное царское происхожденіе и вмѣстѣ заявить, что въ числѣ его предковъ находится не мало и святыхъ, которыхъ онъ помѣчаетъ особо съ надписаніемъ: «поминать сихъ на молебнахъ, якоже и благоугодившихъ святыхъ; стихиры имъ и каноны и житія изложены и поминаются со святыми». Какъ сильно Грозный дорожилъ признаніемъ своего царскаго вѣнчанія со стороны константинопольскаго патріарха, это видно изъ инструкціи Ѳеодориту. Въ ней было сказано, что если патріархъ захочетъ послать съ нимъ благословенную грамату о царскомъ вѣнчаніи отъ себя лишь только одного, то Ѳеодориту слѣдуетъ напомнить патріарху, чтобы онъ послалъ не только отъ себя, но и отъ всего константинопольскаго собора, и если онъ таковую пошлетъ, то Ѳеодориту немедленно ѣхать съ нею къ царю, не заѣзжая въ Святую гору, даже и въ томъ случаѣ, если бы грамата была написана только отъ одного патріарха.

Если же онъ пошлетъ съ нимъ только обыкновенную грамату, «безъ благословенія на царство», то Ѳеодориту можно будетъ побывать на Аѳонской горѣ и въ Іерусалимѣ. Ясно, что благословенная патріаршая грамата на царское вѣнчаніе имѣла въ глазахъ Грознаго особое, чрезвычайное значеніе. Въ ней онъ видѣлъ признаніе себя царемъ, наслѣдникомъ византійскихъ императоровъ, со стороны всего православнаго востока, и только послѣ полученія утвердительной граматы отъ патріарха и всего константинопольскаго собора считалъ себя въ правѣ назваться единымъ православнымъ царемъ во всей вселенной, признаннымъ всѣмъ востокомъ за представителя и поборника всего вселенскаго православія.

Домогательство московскаго царя на признаніе себя потомкомъ и преемникомъ византійскихъ императоровъ, наслѣдникомъ ихъ царскаго достоинства не встрѣтило, да и не могло встрѣтить какихъ либо серьезныхъ препятствій со стороны константинопольскаго патріарха и собора. Если ранѣе притязанія болгарскихъ и сербскихъ государей на титулъ греческихъ императоровъ встрѣчались греками крайне враждебно, то это было въ то время, когда Византія имѣла своихъ собственныхъ императоровъ и въ притязаніяхъ славянскихъ государей видѣла стремленіе уничтожить тогдашнее греческое царство и замѣнить его новымъ, болгарскимъ или сербскимъ. Совсѣмъ другое было относительно домогательствъ Грознаго. Онъ заявилъ притязаніе на царское достоинство въ то время, когда Византійская Имперія уже пала, когда греческихъ императоровъ болѣе не существовало, ихъ мѣсто оставалось праздным, и потому московскій государь могъ свободно его занять, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ на него, какъ внукъ Софьи Палеологъ, и нѣкоторое наслѣдственное право. Съ другой стороны, константинопольскій патріархъ имѣлъ прямой интересъ признать московскаго царя преемникомъ и наслѣдникомъ византійскихъ императоровъ. Этимъ признаніемъ не только возстановлялось важное для всѣхъ православныхъ, но уже совсѣмъ было потерянное для нихъ достоинство православнаго царя, но и пріобрѣтался для всей православной церкви новый сильный покровитель и защитникъ, въ которомъ она такъ нуждалась въ виду своего бѣдственнаго положенія. Московскій государь, вмѣстѣ съ достоинствомъ царя, долженъ былъ принять на себя относительно всей восточной церкви и тѣ обязанности, которыя ранѣе лежали на византійскихъ императорахъ. Въ частности для себя и для своей каѳедры патріархъ могъ разсчитывать на значительныя выгоды отъ признанія московскаго государя преемникомъ и наслѣдникомъ достоинства византійскихъ императоровъ, такъ какъ Грозный свое ходатайство подкрѣплялъ богатою милостынею, присылка которой имѣлась въ виду и на будущее время.—Въ сентябрѣ 1562 года прибылъ въ Москву митрополитъ евгрипскій съ благословенною патріаршею граматою. Въ ней патріархъ, совмѣстно съ соборомъ, признаетъ Ивана Васильевича потомкомъ приснопамятной царевны Анны, сестры Василія Багрянороднаго, царемъ законнымъ, и утверждаетъ «реченному царю, господину Іоанну, быть и называться ему царемъ законнымъ и благочестивѣйшимъ, увѣнчаннымъ и отъ насъ правильно, вмѣстѣ и церковно, такъ какъ онъ отъ рода происходитъ и отъ крови царской, какъ мы уже сказали, и сіе полезно всему христіанству, повсюду законно и справедливо для утвержденія и пользы всей полноты христіанства». Затѣмъ патріархъ указываетъ на великую важность для московскаго государя того обстоятельства, что его царское вѣнчаніе признано и утверждено самимъ константинопольскимъ патріархомъ, «ибо не только митрополитъ, говоритъ соборная грамата, или кто иной во власти сущій, не имѣетъ права сего совершить, но ни даже патріархъ иной, кромѣ только двухъ, коимъ присвоено сіе преимущество», римскаго т.-е. и константинопольскаго. Согласно съ этимъ заявленіемъ въ другой, уже частной, граматѣ къ царю патріархъ прямо предлагаетъ ему снова повторить надъ нимъ царское вѣнчаніе чрезъ митрополита евгрипскаго, какъ патріаршаго экзарха: «если будетъ, говоритъ грамата, повелѣніе царствія твоего, благословеніемъ и совѣтомъ тамъ обрѣтающагося преосвященнаго господина Макарія, митрополита, да сдѣлаетъ и совершитъ божественное таинство и благословитъ государя тебя, царя, какъ бы отъ лица нашего, имѣющій отъ насъ (т.-е. митрополитъ евгрипскій) власть творить всякое начало священства невозбранно, какъ экзархъ патріаршій истинный и соборный». Но это слишкомъ ясно выраженное стремленіе константинопольскаго патріарха имѣть для московскихъ государей то же значеніе, какое имѣлъ папа для государей западныхъ, т.-е. желаніе

только себѣ одному усвоить право вѣнчать на царство московскихъ государей, по понятнымъ причинамъ, никакъ не могло увѣнчаться успѣхомъ. На этотъ счетъ у русскихъ были свои особенныя воззрѣнія: для нихъ важно и нужно было только формальное письменное утвержденіе патріархомъ и соборомъ законности царскаго вѣнчанія московскаго государя, какъ преемника и наслѣдника византійскихъ императоровъ. Что же касается совершенія самаго обряда царскаго вѣнчанія, то, по мнѣнію русскихъ, московскій митрополитъ былъ въ этомъ случаѣ даже гораздо приличнѣе самого константинопольскаго патріарха, былъ болѣе его правоспособенъ сообщить царю благодать Св. Духа, такъ какъ между константинопольскими патріархами не разъ бывали лица сомнительнаго благочестія и даже открытые приверженцы латинянъ. Поэтому предложеніе патріарха—вновь повторить надъ царемъ, чрезъ посланнаго имъ митрополита евгрипскаго, царское вѣнчаніе, не только не было принято въ Москвѣ, но царь даже отказался принять отъ присланнаго митрополита и простое благословеніе, потому что митрополитъ, проѣзжая Литвою, прикладывался будто бы къ латинскому кресту, о чемъ было донесено царю.

Признаніе константинопольскимъ патріархомъ и соборомъ законности царскаго вѣнчанія Ивана Васильевича, какъ законнаго преемника и наслѣдника византійскихъ императоровъ, имѣло въ высшей степени важное значеніе для всѣхъ послѣдующихъ отношеній Россіи къ православному востоку. Съ этого времени всѣ народы православнаго востока стали смотрѣть на московскаго царя, какъ на главу и представителя всего православія, какъ на ихъ единственную и естественную опору и защиту; на немъ опочили теперь чаянія покоренныхъ турками народностей о возвращеніи себѣ прежней свободы и независимости. Этотъ взглядъ на московскаго царя и его значеніе въ православномъ мірѣ выражается въ цѣломъ рядѣ непрестанныхъ заявленій, идущихъ изъ разныхъ мѣстъ, отъ разныхъ лицъ и народностей всего православнаго востока. Такъ константинопольскій патріархъ, утверждая царское вѣнчаніе Грознаго, въ то же время въ особой, подписанной всѣми членами константинопольскаго собора, граматѣ извѣщалъ царя, что онъ повелѣлъ во всѣхъ церквахъ молиться о здравіи государя, и называетъ его царемъ и государемъ православныхъ христіанъ всей вселенной отъ востока до запада и до океана, надеждою и упованіемъ всѣхъ родовъ христіанскихъ, которыхъ онъ избавитъ отъ варварской тяготы и горькой работы, какъ имѣющій пространное достояніе и сильный благопріятный скиптръ. «Не только въ одной Константинопольской церкви, пишетъ патріархъ, но по всѣмъ церквамъ митрополичьимъ будемъ молить Бога о имени твоемъ, да будешь и ты между царями, какъ равноапостольный и приснославный Константинъ». Въ 1644 году патріархъ Парѳеній писалъ: «по истинѣ сильно имя Божіе, что во столькихъ печаляхъ и тѣснотѣ, какія имѣемъ отъ нечестивыхъ, Богъ далъ великое утѣшеніе и охраненіе—державное ваше святое царствіе, въ похвалу и утвержденіе и помощь всѣмъ православнымъ христіанамъ». Бывшій константинопольскій патріархъ Аеанасій Пателаръ, уѣзжая изъ Москвы, писалъ государю: «твоя царская премногая милость, какъ солнце сіяетъ во всю вселенную, не только надо мною однимъ богомольцемъ твоимъ; нынѣ ты государь и царь учинился православнымъ христіанамъ и убѣжище... Мы бѣдные Божіимъ изволеніемъ за свое согрѣшеніе лишились государей греческихъ держателей и живемъ нынѣ подъ областью невѣрныхъ; только мы имѣемъ столбъ твердый и утвержденіе вѣры и помощника въ бѣдахъ тебя, великаго государя, и прибѣжище намъ и освобожденіе» [1]). Тотъ же взглядъ на московскаго государя, какъ на царя, защитника и покровителя всѣхъ православныхъ, выражали и представители другихъ патріаршихъ каѳедръ. Такъ александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ пишетъ царю Ѳеодору Ивановичу: «восточная церковь и четыре патріархаты православные не «имѣютъ другаго покровителя, кромѣ твоей царственности, ты для нихъ какъ бы второй великій Константинъ. Да будетъ твое царское величество общимъ попечителемъ, покровителемъ и заступникомъ церкви Христовой и уставовъ богоносныхъ отцовъ» [2]). Іерусалимскій патріархъ Софроній писалъ Годунову: «кромѣ Бога инаго помощника не имѣемъ и заступника и покровителя во дняхъ сихъ, и на тебя возлагаемъ все наше упованіе и надежду и къ тебѣ прибѣгаемъ» [3]). Въ

[1]) Статейн. списокъ № 1-й, листы 186—200. Греч дѣла 7152 г. № 1; 7159 г. №№ 8 и 41; 7164 г. № 24 и др

[2]) Малышевскаго: Мелетій Пигасъ, т. II, № 11-й, стр. 4—5.

[3]) Муравьевъ: Сношенія съ Востокомъ, т. I, стр. 291.

1698 году іерусалимскій патріархъ Досиѳей писалъ: «въ нынѣшнее время ваше богохранимое царство не только есть глава всѣхъ христіанъ, но и единая христіанская глава, поелику нѣтъ на землѣ инаго царя православнаго, какъ ты одинъ» [1]). Антіохійскій патріархъ Іоакимъ, испрашивая въ 1586 году у государя разрѣшенія прибыть въ Москву, писалъ: «писано: если кто видѣлъ небо и небо небеси и всѣ звѣзды, а солнца не видалъ, тотъ еще ничего не видалъ; но когда увидитъ солнце, возрадуется и прославитъ сотворившаго его. Солнце же наше, правовѣрныхъ христіанъ, въ нынѣшніе дни ваша царская милость, и кто видитъ царское лицо, возрадуется и прославитъ Живодавца Бога, который далъ тебя во утвержденіе просвѣщенія восточной церкви Христовой, какъ солнце, свѣтящее надъ звѣздами» [2]). Тотъ же взглядъ на русскаго царя и его значеніе для всего православія выражали и другіе автокефальные іерархи восточной церкви, каковы патріархи сербскіе, архіепископы кипрскій и ахридскій. Изъ послѣднихъ Харитонъ, напримѣръ, въ 1645 году писалъ: «Божіимъ произволеніемъ совершилось, что бѣдный народъ нашъ греческій отъ многаго добра и царства впалъ въ порабощеніе подъ нечистивый народъ, но милосердый и всещедрый Богъ не оставилъ народа христіанскаго и святыхъ его церквей безъ призрѣнія въ конецъ разоренныхъ и ради страданія и утѣшенія объявилъ тихое, надежное пристанище, державное святое ваше царствіе, отъ коего вспомоществуются нынѣшнихъ временъ начальники и пастыри церковные безпрестанно и получаютъ облегченіе мученію своему и утѣшеніе» [3]). Наконецъ, то же самое заявляютъ и разные епархіальные архіереи восточныхъ каѳедръ, всевозможные знаменитые и незнаменитые монастыри, разныя духовныя и свѣтскія частныя лица. Такъ, напримѣръ, ефесскій, митрополитъ Мелетій, будучи въ 1643 г. въ Москвѣ, писалъ въ челобитной государю: «ваше царствіе есть прибѣжище намъ бѣднымъ и смиреннымъ гречанамъ, и не имѣемъ нигдѣ пристанища, опричь вашего царскаго благаго величества» [4]). Кизическій митрополитъ Анѳимъ въ 1653 году пишетъ: «мы по-

[1]) Греч цѣла, 7206 г. № 31.
[2]) Сношн. съ Вост т. I, 171.
[3]) Греч дѣла 7154 г. № 7.
[4]) Сношн. съ Вост. II, 235.

29596

корены и посредѣ невѣрныхъ народовъ пребываемъ мучимы и все терпимъ съ великою радостью, будучи и нарицаясь благочестивыми христіанами и слыша, что имѣемъ васъ единовѣрнаго, благочестиваго и непобѣдимаго царя, хотя и попрекаютъ насъ агаряне и евреи, что взято было царство отъ рода нашего, а мы однако предъ ними хвалимся, что имѣемъ благочестиваго и православнаго и единовѣрнаго царя московскаго и о семъ веселимся сердечно и ихъ посрамляемъ вашею царскою похвалою» [1]). Въ 1665 году иноки всѣхъ аѳонскихъ монастырей обращаются съ просительною грамотою къ Алексѣю Михайловичу «яко ктитору и жалователю нашему, понеже въ нынѣшнемъ родѣ свѣтозарное свѣтило ты еси всѣмъ православнымъ христіаномъ, о христолюбивый самодержче, и по Бозе иного не имамъ властелины, кромѣ твое царское величествіе» [2]). Въ 1645 году іерусалимскій протопопъ Іоаннъ, вмѣстѣ съ другими іерусалимскими священниками, писалъ государю: «кого имѣемъ земнымъ правителемъ надъ всѣми православными? Истинно иного не имѣемъ, токмо тебя благочестиваго царя» [3]).

Такъ вполнѣ оправдались слова старца Филоѳея, нѣкогда обращенныя имъ къ великому князю Василію Ивановичу: «вся царства православныя христіанскія вѣры снидошася въ твое едино царство; единъ ты во всей вселенной христіаномъ царь». Теперь, вмѣстѣ съ Филоѳеемъ, и всѣ православные народы стали смотрѣть на русскаго царя, какъ на главу и представителя всего вселенскаго православія, какъ на естественнаго и притомъ единственнаго покровителя и защитника всѣхъ православныхъ. Московскій государь вмѣстѣ съ царскимъ титуломъ получилъ, такимъ образомъ, значеніе общеправославное, былъ уже не просто только московскимъ государемъ, охранителемъ и защитникомъ православія на Руси, но царемъ для всѣхъ православныхъ народовъ, какъ представитель, охранитель и защитникъ всего вселенскаго восточнаго православія.

[1]) Греч. дѣла, 7161 г № 34.
[2]) Эта грамата аѳонитовъ напечатаиа нами въ статьѣ: „Русская благотворительность аѳонскимъ монастырямъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ". Чтенія въ Общ Люб Дух. Просв. за 1882 г., мѣсяцы: январь, мартъ, май, іюнь.
[3]) Сношн. съ Вост. II, 239.

Глава II.

Учрежденіе въ Россіи патріаршества.

Какъ наслѣдница павшей Византіи, Москва должна была перенести къ себѣ не только достоинство византійскихъ императоровъ, — сдѣлать своего государя царемъ, но перенести въ Москву и патріаршее достоинство, — сдѣлать своего митрополита патріархомъ. Византійскія представленія требовали, чтобы рядомъ съ царемъ всегда существовалъ и патріархъ, это было необходимо для полноты христіанскаго царства. Въ силу этого представленія болгарскіе и сербскіе государи, принимая титулъ императоровъ, въ то же время всегда учреждали у себя и патріаршество, несмотря на энергическое противодѣйствіе константинопольскихъ патріарховъ. Русскіе, въ этомъ случаѣ, стояли также на почвѣ византійскихъ воззрѣній, и потому у нихъ, вслѣдъ за утвержденіемъ на Руси царскаго достоинства, естественно явилась мысль и объ учрежденіи въ Москвѣ патріаршества, чтобы Москва и съ церковной стороны вполнѣ замѣнила собою павшую Византію. Этого требовала полнота христіанскаго русскаго царства, теперь единаго православнаго во всей вселенной; этого требовало вполнѣ цвѣтущее и блестящее положеніе русской церкви, особенно сравнительно съ бѣдственнымъ, угнетеннымъ положеніемъ всѣхъ другихъ православныхъ восточныхъ церквей; этого требовало рѣзко бросавшееся въ глаза несоотвѣтствіе между положеніемъ Москвы, какъ покровительницы и опоры для всѣхъ восточныхъ церквей и самихъ восточныхъ патріарховъ, и іерархическимъ положеніемъ ея церковнаго главы, только простаго митрополита. Естественно поэтому было желать русскимъ, чтобы рядомъ съ московскимъ царемъ существовалъ и московскій патріархъ, и чтобы, какъ московскій царь былъ преемникомъ и наслѣдникомъ византійскихъ императоровъ, такъ бы и московскій патріархъ сталъ преемникомъ и наслѣдникомъ константинопольскихъ патріарховъ. Но на этомъ пути домогательства русскихъ должны были встрѣтить очень сильныя препятствія, вслѣдствіе чего ихъ мечты о московскомъ патріаршествѣ осуществились далеко не такъ, какъ имъ желалось.

Когда Грозный обратился къ константинопольскому патріарху съ просьбою утвердить отъ лица всей константинопольской церкви его царское вѣнчаніе и признать его за законнаго преемника и наслѣдника византійскихъ императоровъ, то патріархъ охотно удовлетворилъ желаніе царя, такъ какъ ничего не видѣлъ въ этомъ, кромѣ прямой пользы и для себя и для всей восточной церкви. Совсѣмъ иное было съ учрежденіемъ патріаршества въ Россіи,—въ такихъ случаяхъ константинопольскіе патріархи всегда были очень неподатливы. Когда св. Савва, архіепископъ сербскій, настаивалъ въ Константинополѣ, чтобы сербскій архіепископъ избирался мѣстными епископами, то «царю и патріарху (константинопольскимъ) тяжко прошеніе видѣлося тое», хотя они и принуждены были въ данномъ случаѣ уступить обстоятельствамъ [1]). Крайне неохотно и только по неизбѣжной необходимости согласились константинопольскіе патріархи на учрежденіе самостоятельныхъ патріарховъ—болгарскаго и сербскаго, и при первой малѣйшей возможности старались опять уничтожить ихъ [2]). Трудно было ожидать поэтому, чтобы константинопольскіе патріархи охотно и безъ сопротивленія согласились на учрежденіе московскаго патріаршества. Тутъ они не только ничего не выигрывали, какъ это было въ дѣлѣ утвержденія царскаго вѣнчанія Грознаго, но, наоборотъ, прямо и сильно проигрывали. Хотя московскіе митрополиты избирались и поставлялись соборомъ русскихъ іерарховъ и фактически совершенно не зависѣли отъ константинопольскаго патріарха, однако de jure московская митрополія все-таки причислялась къ константинопольскому патріарху. Констан-

[1]) Раича: Исторія славянскихъ народовъ, кн. VII, гл. IV, § 6.

[2]) См. Е. Е. Голубинскаго: Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской.

тинопольскій патріархъ никогда формально не отказывался отъ своихъ верховныхъ правъ надъ русскою церковью и, вѣроятно, не терялъ надежды, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, снова возстановить ихъ. Возведеніе московскаго митрополита въ достоинство патріарха не только окончательно уничтожало эту надежду, но и прямо сокращало константинопольскій патріархатъ выдѣломъ изъ него обширнѣйшей и богатѣйшей митрополіи, къ чему константинопольскіе патріархи, по очень понятнымъ причинамъ, не могли отнестись равнодушно. Съ другой стороны, греки всегда смотрѣли на себя, какъ на особую привилегированную націю, которой всецѣло принадлежитъ первенство и руководящая роль во всемъ православномъ мірѣ, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ церковныхъ. Они выработали взглядъ, которому старались придать каноническій характеръ, что только древніе четыре патріарха (пятый римскій) должны существовать въ православномъ мірѣ, и что все христіанство заключено въ предѣлахъ этихъ четырехъ патріархатовъ, которые должны находиться исключительно въ рукахъ грековъ [1]). Славянскія націи, не исключая русскихъ, въ глазахъ грековъ были низшія, неспособныя къ самостоятельной церковной жизни; ихъ должны были постоянно держать въ своихъ рукахъ и во всемъ руководить греки, ихъ неизбѣжные опекуны и учители. Понятно поэтому, какъ враждебно должны были отнестись всѣ истые греки къ домогательству русскихъ учредить у себя патріаршество; понятно, какія сильныя препятствія должны были встрѣтить русскіе на этомъ пути. Если

[1]) Въ окружномъ посланіи константинопольскаго патріарха Каллиника, заключавшемъ въ себѣ соборное постановленіе по дѣлу синайскаго архіепископа Ананіи (присутствовавшаго на большомъ московскомъ соборѣ), стремившагося сдѣлаться автокефальнымъ, говорится, что находиться внѣ четырехъ патріархатовъ значило то же, что находиться внѣ христіанства, „внутрь бо четырехъ патріархатовъ все христіанство ограждается", хотя въ это время и существовалъ пятый—московскій патріархъ. (Рукопись петерб. синодальной библіотеки „Икона", № 73, стр. 178 об.). Какъ и почему въ православной древней церкви появилось именно пять патріархатовъ, а не больше и не меньше, и насколько справедливы основанныя на этомъ притязанія позднѣйшихъ грековъ, см. въ исторіи русской церкви Е. Е. Голубинскаго, т. I, половина первая, стр. 223—282.

сознаніе своей все болѣе развивающейся народной силы, цвѣтущее положеніе церкви и государства побуждало русскихъ стремиться учредить у себя патріаршество, то національная гордость и вѣковыя традиціи побуждали грековъ противиться этимъ стремленіямъ русскихъ и никакъ не дозволять имъ осуществиться.

Всѣмъ истымъ грекамъ учрежденіе московскаго патріаршества могло казаться крайне опаснымъ въ томъ отношеніи, что съ церковнымъ возвышеніемъ Москвы вліяніе и значеніе грековъ во всемъ православномъ мірѣ должно будетъ сильно пошатнуться, если не исчезнуть окончательно. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: Русь сложилась въ сильное и могучее государство, которое дѣлало быстрые и блестящіе успѣхи въ развитіи своего политическаго могущества и невольно обращало на себя взоры всѣхъ православныхъ, покоренныхъ турками народовъ. Московскій царь былъ признанъ опорою и защитою всего православія; въ Москву, какъ новую столицу православнаго міра, направились теперь съ востока всѣ гонимые, бѣдные, всѣ нуждавшіеся въ помощи и поддержкѣ, не исключая самихъ восточныхъ патріарховъ. Ясное дѣло, что въ Москвѣ образовывался новый центръ для православія, долженствовавшій въ глазахъ православныхъ окончательно заслонить собою старую Византію, въ которой теперь царитъ враждебный христіанамъ и всему христианскому мусульманскій повелитель. Но образовывавшійся въ Москвѣ новый центръ православія былъ въ извѣстномъ отношеніи непохожъ на прежній византійскій и отчасти даже враждебенъ ему, какъ возвысившійся на счетъ грековъ, на счетъ ихъ бѣдствій и униженія. Но этого мало: этотъ новый центръ православія былъ уже центръ славянскій, а не греческій, вмѣстѣ съ Москвою на первое мѣсто въ православномъ мірѣ выдвигались славяне, центръ тяжести отъ грековъ переходилъ къ славянамъ. Перспектива—съ церковнымъ возвышеніемъ Москвы потерять свое привиллегированное, руководящее положеніе въ православномъ мірѣ, признать унижаемый и презираемый дотолѣ славянскій міръ равноправнымъ себѣ и даже совсѣмъ уступить ему свое мѣсто,—должна была заставить грековъ всячески противодѣй-

ствовать учрежденію въ Россіи патріаршества. Но счастливо сложившіяся обстоятельства помогли русскимъ осуществить свое намѣреніе.

Въ первый разъ открыто мысль объ учрежденіи въ Москвѣ патріаршества была высказана русскими въ 1586 году, во время пріѣзда въ Москву за милостынею антіохійскаго патріарха Іоакима. Ему дано было отъ царя словесное порученіе, чтобы онъ объ учрежденіи въ Москвѣ патріаршества «посовѣтывалъ съ святѣйшимъ патріархомъ цареградскимъ, а пресвятѣйшій бы патріархъ посовѣтывалъ о томъ великомъ дѣлѣ со всѣми патріархи, съ пресвятѣйшимъ патріархомъ Селивестромъ и съ тобою патріархомъ Іоакимомъ и съ іерусалимскимъ патріархомъ Ниѳонтомъ и со архіепископы и епископы и со архимандриты и со игумены и со всѣмъ освященнымъ соборомъ; да и во святую бы гору и въ синайскую о томъ обослалися, чтобы далъ Богъ такое великое дѣло въ нашемъ россійскомъ государствѣ устроилося ко благочестію вѣры христіанскія. А помысля бы о томъ намъ объявили, какъ тому дѣлу пригоже состоятися». Іоакимъ лично отъ себя одобрилъ мысль объ учрежденіи въ Россіи патріаршества, но замѣтилъ, что «то дѣло великое, всего собора, а мнѣ безъ этого совѣта учинить то дѣло невозможно». Впрочемъ онъ далъ обѣщаніе совѣтоваться объ этомъ дѣлѣ съ другими восточными патріархами. Вмѣстѣ съ Іоакимомъ на востокъ отправился подъячій Михаилъ Огарковъ, который повезъ восточнымъ патріархамъ царскую милостыню и граматы. Замѣчательно, что въ этихъ граматахъ вовсе не говорилось о намѣреніи русскихъ устроить у себя патріаршество, объ этомъ должны были заявить словесно самъ Іоакимъ и царскій посланецъ. Очевидно, русское правительство знало, какія затрудненія встрѣтитъ на востокѣ его домогательство, и потому, прежде открытыхъ оффиціальныхъ шаговъ, хотѣло напередъ разузнать и подготовить для себя почву. Опасенія были далеко не напрасны, потому что, какъ показали послѣдующія обстоятельства, въ Константинополѣ вовсе и не думали объ исполненіи русскихъ желаній. Прошелъ цѣлый годъ въ напрасныхъ ожиданіяхъ, и наконецъ въ Москву въ іюнѣ 1587 года явился какой-то грекъ Николай, въ качествѣ посланца патріарховъ константинопольскаго и антіохійскаго, которые будто бы на словахъ наказывали ему сказать, что «цареградскій и антіохійскій патріархи, соборовавъ, послали по іерусалимскаго и по александрійскаго патріарховъ и велѣли имъ быти въ Цареградѣ, и о томъ дѣлѣ соборовать хотятъ, что государь приказывалъ; и съ собору хотятъ прислать патріарха іерусалимскаго и съ нимъ о томъ наказать, какъ соборовать и патріарха учинить». Но, какъ видно, грекъ Николай вовсе не былъ дѣйствительный патріаршій посолъ, и привезенное имъ извѣстіе, что константинопольскій и антіохійскій патріархи соборовали между собою и порѣшили послать въ Москву для учрежденія тамъ патріаршества іерусалимскаго патріарха, было чистѣйшею выдумкою, какъ убѣдительно показали вскорѣ послѣдующія обстоятельства. Прошелъ и еще годъ, и русскіе попрежнему оставались въ полной неизвѣстности относительно интересовавшаго ихъ дѣла, какъ вдругъ въ Москву пришло неожиданное извѣстіе, что въ предѣлы Россіи прибылъ самъ вселенскій константинопольскій патріархъ Іеремія и проситъ разрѣшенія пріѣхать въ Москву. Сильное впечатлѣніе долженъ былъ произвести въ Москвѣ этотъ неожиданный пріѣздъ Іереміи, цѣлый рядъ вопросовъ возбудилъ онъ въ умахъ русскихъ: зачѣмъ Іеремія ѣдетъ въ Москву? Онъ ли дѣйствительный патріархъ или кто-либо другой? Куда дѣвался прежній патріархъ Ѳеолиптъ? И главное, что особенно интересовало русскихъ,—не везетъ ли Іеремія съ собою полномочій на учрежденіе въ Россіи патріаршества? Приставу, обязанному сопровождать патріарха до Москвы, поручалось обо всемъ этомъ развѣдать тайно, стороною, въ разговорахъ съ патріаршею свитою, и обо всемъ узнанномъ немедленно донести въ Москву. Но русскимъ пришлось сильно разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ: оказалось, уже изъ объясненій самого Іереміи въ Москвѣ, что онъ пріѣхалъ въ Россію исключительно за милостынею, для сбора подаяній на возстановленіе своей разоренной турками патріархіи, и что съ нимъ рѣшительно нѣтъ никакихъ ни письменныхъ, ни устныхъ полномочій отъ другихъ восточныхъ патріарховъ на учрежденіе патріаршества въ Москвѣ. Для русскаго правительства теперь стало очевиднымъ, что на востокѣ вовсе не сочувствуютъ учрежденію въ Россіи патріар-

шества и вовсе не желаютъ дать рѣшительнаго хода этому дѣлу, что, перенесенное въ Константинополь, оно тамъ никогда не получитъ окончательнаго рѣшенія, несмотря на просьбы русскаго правительства и посылаемые на востокъ подарки. Тогда правительство рѣшилось воспользоваться прибытіемъ константинопольскаго патріарха и сразу порѣшить этотъ вопросъ въ Москвѣ, гдѣ только онъ и могъ получить желаемый русскими конецъ. Правда, приходилось нѣсколько отступить отъ первоначальнаго плана: сначала думали на учрежденіе въ Москвѣ патріаршества заручиться согласіемъ не только всѣхъ восточныхъ патріарховъ, но и всѣхъ архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, согласіемъ Аѳонской горы и Синайской, т.-е. представителей всего православнаго міра, чтобы «такое великое дѣло», какъ учрежденіе патріаршества въ Россійскомъ государствѣ, было дѣломъ всей православной церкви и «устроилося ко благочестію вѣры христіанскія». Но теперь въ виду того, что вопросъ объ учрежденіи патріаршества на Руси, веденный указаннымъ способомъ, могъ не получить на востокѣ рѣшенія въ желанномъ смыслѣ, положили во чтобы то ни стало добиться учрежденія патріаршества на Руси только лично отъ патріарха Іереміи и потомъ уже стараться о признаніи совершившагося факта всѣмъ востокомъ. Расчетъ на полученіе согласія или утвержденія того, что уже фактически совершилось, былъ очевидно практичнѣе, чѣмъ расчетъ получить согласіе только на заявленный проектъ. Очевидно, что Іеремія, если бы только удалось склонить его на поставленіе въ Москвѣ патріарха, былъ бы, по необходимости, самымъ первымъ и сильнымъ ходатаемъ на востокѣ за совершившійся фактъ, съ которымъ бы волей-неволей пришлось потомъ помириться и тѣмъ, которые его не одобряли. Итакъ въ Москвѣ, для достиженія своихъ завѣтныхъ желаній, рѣшились теперь избрать болѣе практичный путь, рѣшились дѣйствовать исключительно на патріарха Іеремію, который, къ счастью русскихъ, оказался человѣкомъ вполнѣ подходящимъ для ихъ цѣлей. Дѣло повели по всѣмъ правиламъ московскаго дипломатическаго искусства, и всѣмъ дѣломъ руководилъ такой ловкій дипломатъ, какъ Годуновъ. Въ Москвѣ патріархъ былъ принятъ

торжественно, съ большимъ почетомъ, но только до представленія его государю его держали на подворьѣ чуть не подъ арестомъ; даже дѣтей боярскихъ, приставленныхъ для наблюденія за патріархомъ, велѣно было выбрать *покрѣпчае*. Никто не могъ видѣться съ патріархомъ изъ грековъ, турокъ и вообще изъ иноземцевъ, и никто изъ его свиты не могъ выйти со двора. Въ то же время приставленнымъ къ патріарху лицамъ приказано было немедленно сообщать царю о всемъ, что съ ними станетъ говорить патріархъ, или вообще, что они замѣтятъ за патріархомъ и его свитою. Спутникъ Іереміи, монемвасійскій митрополитъ Іероѳей, говоритъ относительно этого обстоятельства въ своемъ хронографѣ: «патріархъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ подозрительными людьми, которые повсюду слѣдили за нимъ по пятамъ, умѣли искусно льстить ему, выпытывали его мнѣнія, и, что выслушивали, все передавали потомъ драгоманамъ, а тѣ доносили государю; патріархъ такъ былъ увлеченъ этими лицами, что неосторожно и безъ совѣта съ кѣмъ-либо часто высказывалъ имъ свои думы и планы; онъ имѣлъ такую привычку, замѣчено въ хронографѣ, что не слушаетъ ничьего добраго совѣта, даже отъ преданныхъ ему лицъ». Русскіе искусно воспользовались довѣрчивостью патріарха. Мимоходомъ, какъ бы только лично отъ себя, приставленныя къ патріарху лица стали говорить ему: какъ бы онъ поставилъ имъ патріарха? Іеремія сначала рѣшительно отказался поставить въ Москвѣ патріарха, а соглашался только на поставленіе для русскихъ автокефальнаго архіепископа, подобнаго ахридскому. Но и противъ этого намѣренія сильно возсталъ спутникъ и другъ патріарха Іероѳей. «Владыка мой, говорилъ онъ, нельзя этого сдѣлать, потому что Константинъ Великій на вселенскомъ соборѣ установилъ патріаршество и Юстиніанъ Великій на пятомъ вселенскомъ соборѣ учредилъ ахридскую архіепископію и іерусалимскаго патріарха ради страстей Христовыхъ. Насъ же, представителей востока, здѣсь только трое (и третій Арсеній элассонскій не имѣлъ уже своей каѳедры); притомъ, владыка, мы пришли за милостыней къ царю и ради нужды, какая настала во дни наши». Эти

замѣчанія подѣйствовали на Іеремію, онъ понялъ, что его единоличныя дѣйствія въ Москвѣ будутъ незаконны, и потому отвѣтилъ Іерофею: «и я не хочу» (т.-е. устраивать въ Москвѣ особое патріаршество), но при этомъ замѣтилъ: «если же они (русскіе) захотятъ, то я самъ останусь здѣсь патріархомъ». Но противъ этого намѣренія Іеремии сильно возсталъ Іерофей: «владыка святый, говорилъ онъ, невозможно этому статься, потому что ты иноязычень и не знаешь обычаевъ здѣшняго края: здѣсь другіе порядки и другія привычки: и они (русскіе) не хотятъ тебя имѣть своимъ патріархомъ». Но Іеремія не хотѣлъ слушать предостереженій своего друга и сильно желалъ остаться въ Россіи, чего, какъ вѣрно зналъ, сильно желали и многіе русскіе, несмотря на увѣренія Іерофея, что будто бы они не хотятъ имѣть Іеремію своимъ патріархомъ.

По словамъ Іерофея, русскіе хитро опутывали Іеремію, чтобы добиться отъ него поставленія патріарха изъ русскихъ. «Наконецъ, говоритъ Іерофей, русскіе хитро придумали и говорятъ патріарху: владыка, если бы ты захотѣлъ здѣсь остаться, мы имѣли бы тебя здѣсь патріархомъ. Эти слова высказаны были ни царемъ, ни кѣмъ-либо изъ главныхъ придворныхъ, а тѣми лицами, которые были приставлены надсматривать за патріархомъ. И Іеремія неосмотрительно и неразсчетливо и безъ совѣта съ кѣмъ-либо сказалъ: «остаюсь». Теперь, когда Іеремія согласился на мысль, что въ Москвѣ должно быть патріаршество, русскіе искусно постарались устранить самого, нежеланнаго для нихъ, Іеремію. «Русскіе, когда узнали, говоритъ Іерофей, что Іеремія несогласенъ рукоположить другаго на патріаршество, а самъ хочетъ здѣсь остаться, говорятъ ему: такъ какъ, владыка, ты хочешь здѣсь остаться, и мы согласны на это, но такъ какъ древній престолъ русскій во Владимірѣ, то ты и потрудись туда переѣхать и тамъ жить; а то было мѣсто, худшее Кукоса», замѣчаетъ Іерофей. Мысль и очень хитрая русскихъ въ данномъ случаѣ была, по мнѣнію Іерофея, ясна: русскіе искусно возбудили въ Іеремии желаніе и надежду сдѣлаться патріархомъ русскимъ, имѣя при этомъ только въ виду получить отъ него согласіе на учрежденіе у себя патріаршества, а въ дѣйствительности вовсе не думая оставлять его у себя. Когда Іеремія неосторожно согласился на предложеніе остаться въ Россіи патріархомъ и тѣмъ самымъ согласился уже на признаніе въ Россіи партріаршества, русскимъ оставалось только приличнымъ образомъ отдѣлаться отъ Іереміи и заставить его посвятить патріарха изъ русскихъ, къ чему собственно они и стремились. Чтобы заставить Іеремію отказаться отъ мысли сдѣлаться партріархомъ русскимъ, ему предлагаютъ жить не въ Москвѣ, а во Владимірѣ, съ вѣрнымъ разсчетомъ, что онъ откажется необходимо отъ такого предложенія, такъ какъ по византійскимъ понятіямъ, которыя отлично знали русскіе, патріархъ всегда долженъ жить при царѣ, а не вдали отъ него, что было бы великимъ униженіемъ для его сана. Русскіе этой хитростью вполнѣ достигли своей цѣли: Іеремія соглашался остаться патріархомъ въ Россіи; «только мнѣ во Владимірѣ, говорилъ онъ, быти невозможно, за иже патріархи бываютъ при государѣ царѣ всегда. А то что за патріаршество, что жити не при государѣ, тому статься никакъ нельзя». Русскіе нѣсколько разъ повторяли патріарху свое предложеніе остаться въ Россіи во Владимірѣ, конечно, опять въ полной увѣренности, что патріархъ ни подъ какимъ видомъ не приметъ этого предложенія, и онъ наконецъ, дѣйствительно, рѣшительно отказался отъ всякихъ переговоровъ по этому поводу. Того только и нужно было русскимъ. Въ виду рѣшительнаго отказа Іереміи, ему, отъ имени царя, прямо заявлено было, что такъ какъ онъ отказался быть на владимірскомъ патріаршествѣ и жить во Владимірѣ, то государь опредѣлилъ передать ему посовѣтовать, чтобы онъ благословилъ быть на владимірскомъ и московскомъ патріаршествѣ изъ россійскаго собора митрополиту Іову. Іеремія противъ воли, замѣчаетъ хронографъ, принужденъ былъ согласиться на это требованіе царя, и хотя теперь увидѣлъ, что былъ обманутъ русскими, однако отступиться было уже невозможно, онъ самъ себѣ отрѣзалъ отступленіе своимъ неразумнымъ, настойчивымъ желаніемъ остаться патріархомъ въ Россіи. И не только онъ долженъ былъ согласиться на немедленное поставленіе патріарха изъ русскихъ, но и признать право за русскими и впредь са-

мимъ выбирать и поставлять своего патріарха и, сверхъ того, дать обѣщаніе хлопотать объ утвержденіи русскаго патріаршества всѣми восточными іерархами. Такимъ образомъ, по мнѣнію партіи патріотовъ-грековъ, представителемъ которой явился въ Москвѣ Іероѳей, Іеремія былъ обманутъ русскими. патріаршество въ Россіи было учреждено имъ въ существѣ дѣла противъ его желанія, единственно благодаря тому обстоятельству, что относительно Іереміи были употреблены въ Москвѣ самыя неблаговидныя средства, чтобы заставить его посвятить патріарха изъ русскихъ, именно — хитрость и отчасти просто насиліе. Вмѣстѣ съ Іероѳеемъ и наши историки смотрятъ на все это дѣло, какъ на хитрую продѣлку русскихъ, успѣвшихъ ловко обойти довѣрчиваго патріарха, хитро выманивъ у него согласіе на поставленіе патріарха изъ русскихъ. Намъ все это дѣло представляется значительно иначе, нежели какъ оно представлялось Іероѳею, не понимавшему тѣхъ побужденій, которыя въ данномъ случаѣ руководили дѣйствіями русскихъ, и видѣвшему въ учрежденіи патріаршества въ Москвѣ только униженіе греческой церкви.

Когда русское правительство узнало о неожиданномъ пріѣздѣ на Русь самого вселенскаго константинопольскаго патріарха, то оно рѣшилось воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы сразу порѣшить, согласно съ своими видами, такъ занимавшій его вопросъ о русскомъ патріаршествѣ. Разсказы Іереміи о его личныхъ бѣдствіяхъ и тяжкомъ, бѣдственномъ положеніи всей константинопольской церкви отъ притѣсненій и гоненій турокъ навели русскихъ на мысль предложить Іереміи самому остаться въ Россіи патріархомъ. Такой исходъ дѣла устранилъ бы всѣ дальнѣйшія хлопоты и затрудненія объ учрежденіи въ Москвѣ патріаршества и порѣшилъ бы вопросъ въ самомъ желанномъ для русскихъ смыслѣ. Тогда русское царство вполнѣ бы совмѣстило въ себѣ прежнія православныя христіанскія царства, заключало бы въ себѣ не только единаго православнаго царя, но и старѣйшаго представителя и начальную главу всей православной церкви — вселенскаго патріарха; тогда Москва не только въ политическомъ, но и въ церковномъ отношеніи

безусловно заняла бы мѣсто Византіи, поистинѣ стала бы третьимъ Римомъ. Понятно отсюда, что русскіе вовсе и не думали хитрить, когда предлагали Іереміи остаться патріархомъ въ Россіи, а выражали этимъ свое задушевное, искреннее желаніе. Конечно, въ Москвѣ хорошо понимали, что такой исходъ дѣла причинитъ потомъ много затрудненій со стороны грековъ патріотовъ, которые будутъ протестовать противъ перенесенія каѳедры вселенскаго патріарха въ Россію. Но въ виду великой важности такого событія для положенія русской церкви въ цѣломъ православномъ мірѣ, въ виду того обстоятельства, что русская церковь чрезъ это сразу выдвигалась на первое мѣсто въ церковно-іерархическомъ отношеніи, — рѣшено было, несмотря ни на что, удержать Іеремію въ Россіи въ качествѣ русскаго патріарха, лишь бы только удалось убѣдить его принять это предложеніе. Но особенныхъ убѣжденій не потребовалось: Іеремія съ удовольствіемъ и безъ возраженій согласился сдѣлаться русскимъ патріархомъ. Такъ, казалось, окончательно устроилось это дѣло, какъ желали того русскіе, къ великой славѣ и чести ихъ церкви. Но для русскихъ согласіе Іереміи еще далеко не рѣшало вопроса, какъ это представлялось грекамъ, не понимавшимъ русскихъ. Какъ скоро русскіе увѣрились, что Іеремія дѣйствительно желаетъ остаться въ Россіи, у нихъ сейчасъ же явился совершенно неизвѣстный грекамъ, но очень важный и естественный для русскихъ, вопросъ: можно ли грека сдѣлать дѣйствительнымъ главою и управителемъ русской церкви? Этотъ вопросъ имѣлъ глубокій смыслъ и первостепенную важность, а между тѣмъ греки, конечно, и не подозрѣвали самой возможности этого страннаго, на первый взглядъ, вопроса и потому обвинили русскихъ въ хитрости, которая рѣшительно была не нужна и могла не привести къ той цѣли, которую они предполагали въ этомъ случаѣ у русскихъ, если бы только Іеремія, по какимъ-либо побужденіямъ, согласился на житье во Владимірѣ. Все дѣло тутъ, по нашему мнѣнію, заключалось въ слѣдующемъ: если русскіе дорожили почетнымъ положеніемъ своей церкви въ ряду другихъ православныхъ церквей, то они еще болѣе дорожили чистотою и полнотою своего истиннаго христіанскаго благочестія, главными представителями

и единственно надежными хранителями котораго они теперь, послѣ паденія Византіи, считали себя. Эта мысль или представленіе о себѣ побуждало ихъ сдѣлать свою церковь самостоятельною, независимою отъ Константинополя, перенести въ Москву вмѣстѣ съ царскимъ и патріаршее достоинство. А между тѣмъ назначеніе главою и управителемъ русской церкви, руководителемъ русской религіозной и церковной жизни патріарха грека, по взгляду и искреннему убѣжденію русскихъ, могло грозить серіозной опасностью испытанному и доказанному русскому благочестію. Греки, по мнѣнію русскихъ, потому и потеряли свое царство, что утеряли свое древнее истинное благочестіе и допустили у себя разныя новшества. Русскіе видѣли, что греки иначе крестятся, троятъ аллилуію, расходятся съ русскими и въ другихъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ, что они въ своей жизни не особенно строго соблюдаютъ разныя церковныя правила и предписанія, и что вообще въ нихъ очень мало истиннаго настоящаго благочестія, какъ его понимали тогдашніе русскіе. Все это во времена Никона признано было слѣдствіемъ русскаго невѣжества, результатомъ искаженія русскими древняго церковнаго обряда и т. п.; но до Никона всѣ церковныя разности между греками и русскими относились у насъ исключительно къ утерѣ греками истиннаго благочестія; на церковныя особенности грековъ всѣ у насъ смотрѣли какъ на отступленія, какъ на новшества, введенныя греками, за которыя они и наказаны были потерею своего царства. Очевидно отсюда, какъ важенъ былъ для русскихъ вопросъ: можно ли сдѣлать московскимъ патріархомъ грека? Съ одной стороны, чрезъ это русская церковь возвышалась на первое мѣсто между другими православными церквами, но съ другой стороны, ей грозила опасность потерять свое истинное вѣковое благочестіе. Вмѣстѣ съ патріархомъ грекомъ на Русь могутъ перейти и укорениться здѣсь разныя греческія новшества, русское благочестіе замутится, какъ оно уже замутилось у грековъ, а слѣдствія этого извѣстны: вмѣсто чаемаго возвышенія и процвѣтанія, Русь, какъ утерявшая истинное благочестіе, падетъ подобно греческому царству, а вмѣстѣ съ этимъ совсѣмъ искоренится въ мірѣ и истинная христіанская вѣра.

Понятно отсюда, что русскіе никакъ не могли согласиться сдѣлать Іеремію дѣйствительнымъ московскимъ патріархомъ, въ рукахъ котораго находилось бы полное дѣйствительное управленіе всѣми дѣлами русской церкви и религіозной жизнью русскаго общества,—это бы значило, по мнѣнію русскихъ, не возвышать русское царство, а прямо губить его. Чтобы избѣжать этихъ ужасныхъ послѣдствій, сопряженныхъ съ назначеніемъ Іереміи дѣйствительнымъ московскимъ патріархомъ, и въ то же время желая удержать его въ Россіи, чтобы потомъ передать титулъ и достоинство вселенскаго патріарха будущему патріарху московскому, русское правительство рѣшается выйти изъ своего затрудненія такимъ путемъ: рѣшено было, чтобы Іеремія сдѣлался патріархомъ владимірскимъ и жилъ во Владимірѣ, а чтобы на Москвѣ попрежнему митрополитомъ оставался Іовъ. Смыслъ такого рѣшенія понятенъ: Іеремія, по мысли русскихъ, долженъ былъ жить во Владимірѣ, вдали отъ центра религіозной и политической жизни русскихъ, и потому самому не имѣлъ бы на нее никакого вліянія; онъ, живя во Владимірѣ, пользовался бы всѣми почестями и преимуществами вселенскаго патріарха, всѣми матеріальными удобствами, которыми бы его окружили, но его бы отстранили отъ дѣйствительнаго, фактическаго управленія русскою церковью. Для этого въ Москвѣ попрежнему оставался митрополитъ Іовъ, который бы въ дѣйствительности и былъ настоящимъ главою и управителемъ русской церкви,—словомъ, хотѣли сдѣлать Іеремію только титулярнымъ русскимъ патріархомъ съ тѣмъ, чтобы послѣ его смерти титулъ и права вселенскаго патріарха перешли бы на его русскаго преемника, который бы, конечно, уже жилъ въ Москвѣ и былъ бы дѣйствительнымъ патріархомъ. Но Іеремія отлично понялъ, на какое тяжелое и прямо двусмысленное положеніе обрекаетъ его русское правительство, отсылая его на житье во Владиміръ и оставляя въ Москвѣ прежняго митрополита, и потому рѣшительно отказался сдѣлаться московскимъ патріархомъ на предложенныхъ ему условіяхъ. Онъ охотно оставался въ Россіи, но только въ томъ случаѣ, если онъ будетъ жить въ Москвѣ, а московскій митрополитъ будетъ переведенъ въ другое мѣсто, т. е. настоятельно хотѣлъ быть

дѣйствительнымъ московскимъ патріархомъ, а не титулярнымъ только. Но на такое рѣшеніе дѣла, по указаннымъ причинамъ, никакъ не могли согласиться русскіе, что прямо и выразилъ благочестивый царь словами, что Іеремія, «только мы произволимъ ему быти на Москвѣ на патріаршествѣ у Пречистыя Богородицы, гдѣ нынѣ отецъ нашъ и богомолецъ Іовъ, и онъ нашу волю чинити хощетъ. И мы себѣ о томъ помыслили, что то дѣло нестаточное, какъ намъ то дѣло учинити, что таковаго сопрестольника великихъ чудотворцевъ Петра, и Алексія, и Іоны и достохвальнаго житія мужа свята и преподобнаго отца нашего богомольца преосвященнаго Іова, митрополита всея великія Россіи, отъ Пречистыя Богородицы и отъ великихъ чудотворцевъ изринути и учинити греческаго закона патріарха». Но русскимъ все-таки крайне не хотѣлось отказаться отъ мысли перенести каѳедру вселенскаго патріарха въ Москву. Царь нѣсколько разъ посылалъ уговаривать Іеремію согласиться жить во Владимірѣ, но Іеремія, не смотря на всѣ самыя заманчивыя и соблазнительныя предложенія различныхъ матеріальныхъ выгодъ для него лично, для его свиты и для всѣхъ вообще гречанъ, остался твердъ въ своемъ рѣшеніи, и когда русскіе не оставляли своихъ попытокъ убѣдить его, онъ, наконецъ, рѣшительно заявилъ: «не говорите мнѣ такихъ словъ, я этого никогда не сдѣлаю». Въ виду категорическаго отказа Іереміи, русскимъ оставалось одно изъ двухъ: или сдѣлать Іеремію дѣйствительнымъ московскимъ патріархомъ, или же совсѣмъ отказаться отъ мысли перенести каѳедру вселенскихъ патріарховъ въ Москву. Интересы сохраненія московскаго православія во всей его чистотѣ и неизмѣнности взяли, на этотъ разъ, рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми другими интересами,—русскіе предпочли имѣть у себя патріарха, хотя и не вселенскаго, но за то русскаго, воспитаннаго въ русскомъ благочестіи и неизмѣнно преданнаго ему. Они были крѣпко убѣждены, что московскій патріархъ и изъ русскихъ займетъ, если уже не первое, то во всякомъ случаѣ далеко не послѣднее мѣсто въ ряду другихъ восточныхъ патріарховъ. Въ этомъ убѣжденіи ихъ сильно поддерживалъ Іеремія, который, и послѣ поставленія Іова, остался при мысли, что каѳедрѣ

вселенскаго патріарха всего приличнѣе быть въ Москвѣ. Такъ, когда Іеремія торжественно посѣтилъ новопоставленнаго имъ патріарха Іова, то при встрѣчѣ съ нимъ первый началъ просить у него благословенія; когда же Іовъ рѣшительно отказался первымъ благословить его, Іеремія сказалъ: «во всей подсолнечной одинъ благочестивый царь; впередъ что Богъ изволитъ, здѣсь подобаетъ быть вселенскому патріарху; а въ старомъ Цареградѣ за наше согрѣшеніе вѣра христіанская изгоняется отъ невѣрныхъ турокъ». Русскіе не могли остаться равнодушными къ такимъ лестнымъ для нихъ заявленіямъ вселенскаго патріарха, и это естественно возбуждало въ нихъ гордыя надежды, что московскій патріархъ дѣйствительно займетъ видное, возможно почетное положеніе среди другихъ восточныхъ патріарховъ. Въ оффиціальную уложенную грамату объ учрежденіи въ Россіи патріаршества, какая была составлена въ Москвѣ отъ лица собора русскихъ и греческихъ іерарховъ послѣ поставленія Іова, въ уста Іереміи вложена была между прочимъ и слѣдующая характерная рѣчь: «такъ какъ ветхій Римъ палъ отъ аполлинаріевой ереси, а второй Римъ, Константинополь, находится въ обладаніи у безбожныхъ турокъ, то твое, благочестивый царь, великое россійское царство, третій Римъ, превзошло благочестіемъ всѣ прежнія царства, и всѣ благочестивыя царства соединились въ твое царство, и ты одинъ теперь именуешься христіанскимъ царемъ во всей вселенной, поэтому и превеликое дѣло (учрежденіе патріаршества) по Божію промыслу, молитвами чудотворцевъ русскихъ, по твоему царскому прошенію у Бога и по твоему совѣту исполнится.» Такимъ образомъ, по смыслу этой граматы, самъ Іеремія призналъ торжественно, что Москва есть дѣйствительно третій Римъ, что Русь своимъ благочестіемъ превзошла всѣ прежнія царства, которыя теперь всѣ соединились въ одно русское царство, призналъ Москву центромъ и хранительницею истиннаго благочестія и православія, которое въ прежнихъ центрахъ или окончательно уничтожилось (Римъ), или уничтожается (Византія). Іеремія безъ всякихъ возраженій подписалъ эту грамату, когда она была принесена ему для подписи дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ. Не такъ отнес-

ся къ дѣлу монемвасійскій митрополитъ Іероѳей. Когда Щелкаловъ обратился къ нему съ просьбою, чтобы онъ подписалъ уложенную грамату, какъ уже это сдѣлалъ Іеремія, Іероѳей возразилъ: «что это за грамата, и что я долженъ въ ней подписывать?» Щелкаловъ отвѣтилъ: «написано, какъ вы поставили патріарха и какъ вы пришли сюда». Іероѳей замѣтилъ: «приличнѣе было бы написать ее по-гречески, а не по-русски, да и предложить ее выслушать», и затѣмъ рѣшительно отказался подписать эту грамату изъ опасенія, *чтобы не раздѣлилась церковь Божія, не настала другая глава и не произошла великая схизма.* Но упрямство Іероѳея наконецъ было сломлено, онъ увидалъ, что всякое дальнѣйшее сопротивленіе навлечетъ на него большія несчастія для него, которыя однако дѣла не измѣнятъ, и потому подписалъ грамату. [1])

Сопротивленіе, которое Іероѳей постоянно оказывалъ дѣлу учрежденія патріаршества въ Москвѣ, его нежеланіе подписать уложенную грамату, уже ясно должно было показать русскимъ, что поставленіе московскаго патріарха, совершенное однимъ только Іереміею, какъ его только личное дѣло, можетъ встрѣтить на востокѣ сильное сопротивленіе и неодобреніе со стороны другихъ представителей греческой церкви. Іеремія могъ лично желать перенесенія каѳедры константинопольскаго патріарха въ Москву, могъ находить вполнѣ законнымъ и справедливымъ желаніе русскихъ имѣть своего патріарха въ Москвѣ, могъ находить, что русскіе въ благочестіи превосходятъ всѣ прежніе и современные православные народы; но онъ не имѣлъ права, на основаніи своихъ только личныхъ взглядовъ, единолично, безъ совѣта и согласія другихъ восточныхъ іерарховъ, учреждать въ Россіи патріаршество. По словамъ хронографа Іероѳея, Іеремія наконецъ самъ сознался незаконность своихъ дѣйствій въ Москвѣ: когда ему предложили посвятить въ московскіе патріархи изъ русскихъ, то, говоритъ Іероѳей, Іеремія заговорилъ другое, что онъ не уполномоченъ епископами и что это было бы беззаконно. Но наконецъ *и нехотя* рукоположилъ въ Россіи патріарха. Богатая милостыня изгладила у Іереміи всякое чувство неудовольствія на русское правительство, а чаяніе новыхъ щедрыхъ дачъ побудило его немедленно по прибытіи въ Константинополь оформить дѣло учрежденія въ Россіи патріаршества,—признать его законнымъ со стороны собора всѣхъ восточныхъ іерарховъ. Но понятно, что Іеремія, говорившій въ Москвѣ, что здѣсь долженъ быть устроенъ престолъ вселенскаго патріарха, въ Константинополѣ, среди іерарховъ грековъ, не могъ и заикнуться о какихъ-либо преимуществахъ для московскаго патріарха, особенно же на счетъ положенія патріарховъ другихъ каѳедръ, на что однако твердо разсчитывали русскіе. Константинопольскій соборъ 1590 г. призналъ законность учрежденія Іереміею въ Москвѣ патріаршества, но предоставилъ московскому патріарху только пятое мѣсто въ ряду другихъ восточныхъ патріарховъ.

Несмотря на то, что московскому патріарху назначено было только послѣднее мѣсто въ ряду другихъ восточныхъ патріарховъ, противъ дѣйствій Іереміи въ Москвѣ и противъ опредѣленій константинопольскаго собора раздались на востокѣ очень сильные и вліятельные голоса, игнорировать которые было невозможно. Мелетій Пигасъ, не присутствовавшій на соборѣ 1590 года, сдѣлавшись, послѣ Сильвестра, александрійскимъ патріархомъ, открыто и рѣзко возсталъ противъ законности и правильности единоличнаго посвященія Іереміею московскаго патріарха и противъ правильности собора 1590 года, какъ не выражающаго голоса всей восточной церкви. «Я очень хорошо знаю, писалъ онъ Іереміи, что ты погрѣшилъ возведеніемъ московской митрополіи на степень патріаршества, потому что тебѣ небезызвѣстно (если только новый Римъ не научился слѣдовать древнему), что въ этомъ дѣлѣ не властенъ одинъ патріархъ, но властенъ только синодъ и притомъ вселенскій синодъ; такъ установлены всѣ донынѣ существующія патріархіи. Поэтому ваше святѣйшество должно было полу-

[1]) Всѣ документы относительно учрежденія у насъ патріаршества, которыми мы пользовались, указаны и приведены въ статьѣ свящ. Николаевскаго: „Учрежденіе патріаршества въ Россіи“ (Христ. Чтеніе 1879 г, кн. 2; 1880 г. кн. 1)—лучшее и обстоятельнѣйшее изслѣдованіе по данному вопросу въ нашей литературѣ,—и въ десятомъ томѣ Исторіи русской церкви преосвященнаго Макарія.

чить единодушное согласіе остальной братіи, такъ какъ, согласно постановленію отцевъ третьяго собора, всѣмъ надлежитъ знать и опредѣлять то, что слѣдуетъ дѣлать, всякій разъ, когда разсматривается вопросъ общій. Извѣстно, что патріаршій престолъ не подчиняется никому иному, какъ только каѳолической церкви, съ которою онъ соединенъ и связанъ исповѣданіемъ единой и неизмѣняемой православной вѣры. Я знаю, что ты будешь поступать согласно этимъ началамъ, *и то, что ты сдѣлалъ по принужденію, по размышленіи уничтожишь словесно и письменно.* Но такъ какъ наши слова не приводятъ тебя пока ни къ чему доброму, а только къ смущенію, гнѣву и ихъ послѣдствіямъ, то я избавляю ваше святѣйшество отъ моихъ упрековъ и самого себя отъ хлопотъ, и молю Бога быть милостивымъ къ вамъ во всемъ на будущее время». Такимъ образомъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ и ученѣйшихъ восточныхъ патріарховъ открыто возсталъ противъ законности учрежденія Іереміею русскаго патріархата, какъ сдѣланнаго имъ единолично, безъ согласія и одобренія другихъ восточныхъ іерарховъ, на что Іеремія рѣшительно не имѣлъ никакого права и поступилъ въ этомъ случаѣ въ духѣ ветхаго Рима. Но этого мало: Мелетій прямо заявляетъ, что Іеремія такъ поступилъ только по принужденію и выражаетъ увѣренность, что Іеремія, поразмысливъ, сдѣланное имъ по принужденію уничтожитъ и словесно и письменно. Голосъ Мелетія, человѣка въ высшей степени ученаго, строгаго канониста и приэтомъ очень вліятельнаго на востокѣ, серіозно грозилъ уничтожить сдѣланное Іереміею въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что Пигасъ могъ найти себѣ сильную поддержку въ средѣ другихъ греческихъ іерарховъ, которые, подобно Іероѳею монемвасійскому, очень неодобрительно смотрѣли на учрежденіе русскаго патріаршества, видѣлъ въ этомъ униженіе греческой церкви, дѣло хитрости и насилія со стороны русскихъ и въ своемъ противодѣйствіи могли опираться на твердую каноническую почву [1]).

[1]) Тотъ же взглядъ на учрежденіе въ Москвѣ патріаршества высказалъ впослѣдствіи и извѣстный Паисій Лигаридъ въ своемъ сочиненіи о судѣ надъ патріархомъ Никономъ. Паисій говоритъ: „такъ-то Іеремія одинъ, провозгласилъ митрополита московскаго Іова патріархомъ, какъ то записано и находится въ царской книгѣ; а бывшіе при немъ два архіерея, Досиѳей монемвасійскій и Арсеній элассонскій, крѣпко удерживали константинопольскаго отъ такого предпріятія и возведенія въ патріархи, говоря, что это должно было совершиться непремѣнно соборно и провозгласиться съ согласія прочихъ трехъ патріарховъ. Хорошо можно объ этомъ узнать изъ посланія тогдашняго патріарха александрійскаго, господина Мелетія къ Іереміи, патріарху константинопольскому", и далѣе дословно приводитъ самое письмо Мелетія. (Рук. М. Д. Академіи 71, гл. II.).

Съ другой стороны, и въ Москвѣ были крайне недовольны константинопольскимъ соборомъ 1590 года, который назначилъ московскому патріарху послѣднее пятое мѣсто въ ряду другихъ патріарховъ. Представитель русской церкви, будучи еще митрополитомъ, счелъ возможнымъ первымъ благословить прибывшаго въ Москву за милостынею антіохійскаго патріарха, въ сознаніи именно величія и превосходства русской церкви предъ бѣднымъ патріархатомъ антіохійскимъ. Учрежденіе въ Москвѣ патріаршества, по мнѣнію русскихъ, должно было еще болѣе возвысить русскую церковь, не только въ мнѣніи русскихъ, но и въ глазахъ всего христіанскаго міра, такъ чтобы положеніе русскаго патріарха вполнѣ соотвѣтствовало дѣйствительному цвѣтущему положенію русской церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствовало величію русскаго царства, гдѣ находился теперь единый во всемъ мірѣ православный царь. Русскіе, какъ мы видѣли, не прочь были усвоить своему патріарху титулъ вселенскаго чрезъ перенесеніе константинопольской каѳедры въ Россію [1]). Самъ Іеремія не только не находилъ въ этой мысли русскихъ чего-либо несбыточнаго и неприличнаго, но, наоборотъ, усиленно желалъ остаться въ Москвѣ, и, даже послѣ постановленія Іова, не переставалъ заявлять, что престолу вселенскаго патріарха всего приличнѣе быть въ Москвѣ. Понятно разочарованіе русскихъ, когда они узнали, что ихъ патріарху отведено константинопольскимъ соборомъ только пятое мѣсто—ниже антіохійскаго.

[1]) Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ во время учрежденія у насъ патріаршества, говоритъ, что Іеремія вручилъ царю отреченіе отъ своего сана и свой патріаршій посохъ и что Іовъ былъ нареченъ патріархомъ „константинопольскимъ и сіонскимъ со всею властью, принадлежащею сему патріаршему престолу." (Библіотека для чтенія 1860 г. кн. 1, стр. 25). Очевидно, Флетчеръ мечты русскихъ принялъ за дѣйствительный фактъ.

За норму для опредѣленія положенія своей церкви и патріарха въ ряду другихъ русскіе принимали не древность своей церкви, не существовавшія соборныя опредѣленія относительно другихъ патріарховъ, а современное состояніе своей церкви сравнительно съ другими восточными церквами, также величіе, силу и богатство своего государства. Съ этой точки зрѣнія притязанія русскихъ находили себѣ полное оправданіе, на этой точкѣ зрѣнія стоялъ собственно и Іеремія, когда заявлялъ, что именно въ Москвѣ приличнѣе всего быть каѳедрѣ вселенскаго патріарха [1]). Но соборъ греческихъ іерарховъ никакъ не могъ усвоить на дѣло русскую точку зрѣнія, столь невыгодную для восточныхъ каѳедръ и столь выгодную для русскихъ, и естественно, что онъ постарался поставить вопросъ объ іерархическомъ положеніи московскаго патріарха на почву прежнихъ соборныхъ опредѣленій о достоинствѣ патріарховъ, причемъ

[1]) Замѣчательно, что и другіе завзятые гречане, поддавшись обаянію цвѣтущаго положенія русской церкви и государства, сравнительно съ бѣдственнымъ положеніемъ другихъ восточныхъ церквей, невольно иногда признавали, что московскій патріархъ долженъ занять первое мѣсто, какъ замѣнившій собою римскаго. Такъ Паисій Лигаридъ, въ указаніомъ выше сочиненіи о судѣ надъ Никономъ, говоритъ: „Оставалось и благочестивой Московіи, какъ господствующей надъ сѣверными странами, украситься и возвеличиться патріаршимъ титломъ. и особенно тогда, когда благоугодно было всевышнему Богу, послѣ того какъ тиранство попрало четыре вселенскія патріархіи,—вознести сіе новообразовавшееся россійское царство, какъ бы для нашего успокоенія, дабы не пришли въ отчаяніе овцы восточной Христовой церкви, если ие узидятъ на землѣ другаго пастыря и православнаго самодержца“ (глава III). „Поелику, продолжаетъ онъ, не знаю, какимъ образомъ римскій отдѣлился отъ прочихъ патріарховъ; надлежало иному кому либо замѣнить его, дабы исполнилось полное число пяти главъ, почему и введенъ былъ прилично патріархъ россійскій, сохраняющій совершеніо такимъ же образомъ букву *р*“: Но, спохватившись, Паисій чрезъ иѣсколько времени замѣчаетъ: „Россійскій называется пятымъ не потому, будто бы онъ занимаетъ мѣсто римскаго, какъ прежде сказали мы вскорѣ, въ попыхахъ, ибо на основаніи соборовъ никому не слѣдуетъ перемѣнять положенные отцами нашими предѣлы. Достойно патріарху московскому быть главою русскихъ, автокефальнымъ, подобно прочимъ восточнымъ патріархамъ,—и ничего больше. И великая Арменія была подчинеиа антіохійскому, но потомъ была почтена, отдѣлена отъ онаго и сдѣлаиа автокефальиою. Россійская церковь—глава Россіи, но храиитъ честь относительно патріаршества константинопольскаго, какъ апостольскаго отъ котораго и до сихъ поръ имѣетъ утвержденіе“ (гл. IV).

русскія притязанія необходимо были отстранены, и русскій патріархъ долженъ былъ занять послѣднее мѣсто въ ряду другихъ патріарховъ. Но такой исходъ дѣла слишкомъ уже не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ русскихъ, и потому они дѣлаютъ новую попытку заставить восточныхъ іерарховъ взглянуть на дѣло съ русской точки зрѣнія и измѣнить въ этомъ духѣ соборныя постановленія 1590 года. Въ этихъ видахъ на востокъ были посланы съ Діонисіемъ тырновскимъ, привезшимъ соборную грамату 1590 г., царскія и патріаршія граматы ко всѣмъ восточнымъ патріархамъ съ просьбою снова, полнымъ соборомъ, пересмотрѣть все дѣло объ учрежденіи въ Россіи патріаршества, такъ какъ въ первомъ соборномъ опредѣленіи не было подписи александрійскаго патріарха (Сильвестръ тогда умеръ, а Мелетій еще не былъ посвященъ). При этомъ московское правительство уже ясно и опредѣленно выразило свои желанія: «поелику древле-римскій вселенскій патріархъ Сильвестръ, писалъ царь, отъ святаго вселенскаго собора и отъ равноапостольнаго царя Константина, достоинства честью почтенъ, то ваше архіерейство соборне уложили вначалѣ именоваться и въ папино мѣсто быть тебѣ Іереміи, Божіею милостью архіепископу новаго Рима и вселенскому патріарху, потомъ александрійскому, потомъ нашего великаго государства царствующаго града Москвы патріарху, послѣ же антіохійскому и іерусалимскому». Тоже писалъ въ своей граматѣ и Іовъ къ Іереміи. Итакъ, русскіе желали, чтобы ихъ патріархъ занялъ если не первое мѣсто и даже не второе, то уже никакъ не ниже третьяго мѣста, выше антіохійскаго и іерусалимскаго. Въ этомъ своемъ домогательствѣ русскіе сильно разсчитывали на содѣйствіе не только Іереміи, но и Мелетія Пигаса, который не участвовалъ на соборѣ 1590 года. Чтобы дѣло было вѣрнѣе, русскіе, по обычаю, послали на востокъ для раздачи богатую милостыню, которая, съ одной стороны, должна была заглушить всѣ голоса, недовольные учрежденіемъ русскаго патріаршества, съ другой—поощрить восточныхъ патріарховъ къ удовлетворенію выраженныхъ въ царской граматѣ русскихъ желаній. Но и на этотъ разъ домогательства русскихъ не увѣнчались успѣхомъ: восточная церковь, правда, единогласно, съ полнымъ соблюденіемъ всѣхъ формаль-

ностей, признала справедливость и законность учрежденія въ Россіи патріаршества, но какъ прежде, такъ и теперь соборъ греческихъ іерарховъ призналъ за московскимъ патріархомъ только послѣднее—пятое мѣсто въ ряду другихъ патріарховъ; большаго отъ грековъ нельзя было ни требовать. Съ греческой точки зрѣнія учрежденіемъ на Руси патріаршества сдѣлано было все, что только можно было сдѣлать для иноплеменной церкви въ видахъ почета для нея; по ихъ представленіямъ, патріархъ не грекъ—явленіе незаконное, нетерпимое въ церкви и допускаемое только въ крайней нуждѣ и на время. На этотъ разъ рѣшеніе восточной церкви о русскомъ патріаршествѣ было безповоротное и уже не допускало дальнѣйшихъ попытокъ къ перерѣшенію.

Русскіе остались крайне недовольны состоявшимся окончательнымъ рѣшеніемъ на востокѣ относительно московскаго патріаршества и потому, не обращая вниманія на соборное опредѣленіе, продолжали смотрѣть на своего патріарха, какъ на высшаго и даже единственно дѣйствительнаго патріарха въ ряду всѣхъ другихъ. Этотъ взглядъ русскихъ на относительное достоинство своего патріарха нашелъ себѣ полное и очень опредѣленное выраженіе въ извѣстномъ сказаніи: «Извѣстіе о началѣ патріаршества въ Россіи и возведеніи на патріаршескій престолъ ростовскаго митрополита Филарета Никитича и чинъ поставленія его» [1]). Здѣсь о побужденіяхъ къ учрежденію патріаршества на Руси говорится, что на Русь съ востока много приходило іерарховъ за милостынею, «нѣкогда пріиде, милостыни и искупленія ради въ плѣну страждущихъ, антіохійскаго града патріархъ, потомъ же пріиде терновскій митрополитъ, глаголю же болгарскія земли первопрестольникъ, иже прежде имый патріаршескій престолъ, и иніи многи митрополити и епископы; возвѣстиша же благочестивому царю, яко въ греческой области святымъ Божіимъ церквамъ и монастыремъ разореніе и расхищеніе, поганыхъ властью, многое бываетъ, не токмо митрополямъ и епископіямъ, но и самымъ патріаршескимъ престоламъ, злочестивыхъ агарянъ умышленіемъ, велику тщету

[1]) Дополн. къ А. И. Т. II. № 76.

поднимати дотолика, *яко великаго антіохійскаго града патріарху и инѣмъ митрополитомъ токмо нареканія именемъ сѣятительства имѣти, прочую же всю власть ихъ предержащимъ окаяннымъ туркамъ*». Далѣе разсказывается, что, узнавъ обо всемъ этомъ, благочестивый царь Ѳедоръ Ивановичъ «сердцемъ о сихъ поболѣ», далъ на востокъ и всѣмъ приходящимъ оттуда щедрую милостыню на поддержаніе благочестія и наконецъ, разжигаемый божественною ревностью, созываетъ въ Москвѣ соборъ русскихъ святителей и держитъ на немъ такую рѣчь: «вѣсте отцы, яко излишшее благочестіе бысть во дни благочестивыхъ царей во Елладѣ и во Африкіи, во Египтѣ и въ Ливіи, и въ Палестинѣ, и въ Сиріи, сирѣчь въ гречестѣй землѣ, въ Константинѣ градѣ, и во Александрѣи, и во Антіохіи, и во святѣмъ градѣ Іерусалимѣ, и въ другихъ странахъ, идѣже неизреченная смотрѣнія Божія содѣяшася и многочеловѣчный народъ отъ тьмы невѣденія ко свѣту благоразумія обратишася; нынѣже яко слышимъ азъ же и вы, яко тамо преславная и премногія чести достойная, еже въ похвалу въ Троицы славимому Богу и ко спасенію устроена быша, вся попрана бысть рукама злочестивыхъ турокъ, и яко ничтоже отъ сихъ во благое зрится, но вся безчествуема и поношаема, Богу тако изволиша, въ наказаніе наше, дотолика, *яко тамо сущимъ патріархомъ и прочимъ святителемъ нареченіемъ сѣятительства токмо именоватися, власти же едва не всяко лишенѣмъ;* наша же страна якоже зрите, благодатію Божіею во многорасшириніе приходитъ, наипаче же благочестивая наша вѣра, яже на основаніи апостолъ и пророкъ утверждена, возрастаетъ и множится; и сего ради хощу, аще Богу угодно будетъ и писанія божественная не пророкаютъ, яко да въ царствующемъ градѣ Москвѣ устроится превысочайшій престолъ патріаршій и пр...» Это сказаніе объ учрежденіи въ Россіи патріаршества, составленное уже при Филаретѣ Никитичѣ, показываетъ, что въ русской даже оффиціальной средѣ распространено было твердое убѣжденіе, что на Русь перенесено было изъ Византіи не только царское достоинство, но и патріаршее. По мнѣнію русскихъ, на востокѣ патріархи существуютъ собственно только болѣе по имени, нежели по дѣйствительной власти и чести, кото-

рыми владѣютъ турки, такъ что настоящимъ дѣйствительнымъ патріархомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, можетъ быть названъ только московскій, который и сдѣлался патріархомъ именно потому, что безъ него другого настоящаго, дѣйствительнаго патріарха болѣе бы и не было. Эти воззрѣнія русскихъ на своего патріарха, какъ на единственно дѣйствительнаго патріарха, обладающаго всею полнотою власти и чести патріаршей, и на патріарховъ восточныхъ, какъ только на титулярныхъ, русскіе, въ лицѣ Арсенія Суханова, торжественно заявили предъ лицомъ іерусалимскаго патріарха и другихъ греческихъ іерарховъ. Въ своемъ преніи съ греками о вѣрѣ Сухановъ прямо и открыто заявлялъ и доказывалъ грекамъ, что московскій патріархъ есть единственно дѣйствительный патріархъ, ибо имѣетъ подъ собою митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, «а александрійскій, говорилъ Сухановъ, надъ кѣмъ будетъ патріархъ? только всего у него двѣ церкви во всей его епархіи, а не имѣетъ подъ собою ни единаго митрополита и архіепископа и епископа»—надъ кѣмъ же онъ будетъ патріархъ? Да и константинопольскій патріархъ, по мнѣнію Суханова, живя въ неволѣ, подъ игомъ невѣрныхъ, не можетъ пользоваться всею полнотою своей власти, не можетъ во всей полнотѣ и безпрепятственно исполнять всѣ свои патріаршія обязанности. Ясно, заключали отсюда русскіе, что настоящимъ дѣйствительнымъ патріархомъ, пользующимся всею полнотою патріаршихъ правъ, власти и чести, является только одинъ московскій.

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ учрежденія русскаго патріаршества уже довольно ясно обрисовывается, съ извѣстной стороны, характеръ отношеній между церквами греческою и русскою. Нельзя сказать, чтобы эти отношенія между ними были особенно искренни и сердечны: каждая изъ сторонъ имѣетъ о себѣ самое высокое представленіе и пренебрежительно смотритъ на другую, каждая желаетъ господствовать, главенствовать, преобладать; русскіе въ своихъ притязаніяхъ опираются на современное процвѣтаніе своей церкви и могущество своего государства, греки—на традицію, на свое историческое право, на своеобразно понимаемыя

ими соборныя постановленія. У тѣхъ и у другихъ видную роль играетъ національное самолюбіе и самомнѣніе, которое у нихъ вызываетъ чрезмѣрную притязательность, желаніе возвысить себя на счетъ униженія другого; у другихъ—враждебное отношеніе къ сопернику, нежеланіе поступиться въ пользу его чѣмъ бы то ни было изъ своего прежняго привиллегированнаго и господствующаго положенія. Благодаря счастливо сложившимся обстоятельствамъ, русскіе успѣваютъ сдѣлать изъ учрежденія у себя патріаршества уже совершившійся фактъ и, какъ такой, предъявляютъ его собору восточныхъ іерарховъ, чтобы придать ему необходимую каноническую санкцію. Греки патріоты смотрятъ на учрежденіе московскаго патріаршества, какъ на униженіе греческой церкви, какъ на дѣло русской хитрости и насилія надъ ихъ патріархомъ, но вынуждены обстоятельствами помириться съ совершившимся фактомъ и, скрѣпя сердце, признать и торжественно утвердить его законность. Но признавъ законность учрежденія на Руси патріаршества, они на двухъ соборахъ назначаютъ московскому патріарху самое послѣднее мѣсто въ ряду другихъ четырехъ патріарховъ грековъ, несмотря на усиленныя хлопоты, старанія и подарки русскаго правительства съ цѣлію поставить своего патріарха по крайней мѣрѣ выше іерусалимскаго и антіохійскаго. Оффиціально русское правительство должно было примириться съ назначеніемъ московскому патріарху послѣдняго мѣста, но, въ существѣ дѣла, такое постановленіе восточныхъ іерарховъ оно считало несправедливымъ, несогласнымъ съ истиннымъ достоинствомъ и честью русской церкви, даже обиднымъ для нея и унизительнымъ. Поэтому, несмотря на соборное опредѣленіе, оно продолжало считать своего патріарха не только высшимъ другихъ, но единственно дѣйствительнымъ патріархомъ, обладающимъ всею полнотою власти и чести патріаршей, противоположно патріархамъ восточнымъ, патріархамъ болѣе по имени, чѣмъ по дѣйствительнымъ правамъ и чести.—Глухой антагонизмъ, скрытая борьба между греками и русскими изъ-за преобладанія и главенства въ православномъ мірѣ, невольно чувствуются во всемъ дѣлѣ учрежденія московскаго патріаршества. Все это дѣло стоитъ такъ, что у изслѣдователя сама собою,

невольно, является мысль, что эта глухая, скрытая борьба, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ усилиться и вызвать открытое столкновеніе между единовѣрными церквами, или по крайней мѣрѣ, между ея болѣе горячими и неуступчивыми членами.

Глава III.

Перенесеніе въ Москву святыни съ православнаго Востока.

Какъ наслѣдница и преемница новаго Рима, Москва должна была вмѣстѣ съ царскимъ и патріаршимъ достоинствомъ перенести къ себѣ по возможности и всю особенно цѣнимую и чтимую всѣми святыню, которая доселѣ еще находилась на востокѣ. Побужденія къ этому были различны. Мощи, чудотворныя иконы и т. п. имѣли въ глазахъ русскихъ чрезвычайную важность, не только какъ предметы религіознаго почитанія и поклоненія, но и по ихъ крайней необходимости и полезности, какъ въ жизни отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ учрежденій, городовъ и даже всего государства. Олеарій говоритъ, что «русскіе погружаютъ иногда кости или мощи святыхъ своихъ въ водѣ или хлѣбномъ видѣ и даютъ это пить больнымъ, какъ замѣтилъ это вѣрно Поссевинъ» [1]). Наблюденія иностранцевъ, въ этомъ случаѣ, были вполнѣ справедливы. Домострой между другими средствами врачеванія указываетъ и такое: «молебны пѣти и воды святити честнымъ животворящимъ крестомъ и со святыхъ мощей и чудотворныхъ иконъ и съ чудотворныхъ образовъ и масломъ свящатися» [2]). Наши русскія княгини и царицы носили монистошейный уборъ, ожерелье исключительно золотое, т.-е. состоящее изъ золотыхъ привѣсокъ, у котораго на гайтанѣ (снуркѣ) помѣщались небольшіе иконы, панагіи, кресты, а въ нихъ заключались части животворящаго древа и части всевозможныхъ святыхъ.

[1]) Чт общ. ист и древн. 1868 г. кн. 4, стр, 363.
[2]) Ibid.—1881 г. кн. 2, стр. 20—21.

Этими монистами матери обыкновенно благословляли своихъ дочерей. Крестами съ мощами цари и царицы благословляли своихъ дѣтей и носили ихъ сами [1]). Въ случаѣ появленія какихъ-либо заразительныхъ болѣзней въ какой-либо области или городѣ, жители, для прекращенія эпидеміи, прибѣгали къ освященію воды съ мощей и чудотворныхъ иконъ. По мнѣнію русскихъ, тотъ же крестъ, но безъ мощей, далеко не имѣлъ той силы, какъ крестъ съ мощами, почему они усиленно и старались имѣть у себя такую необходимую для общаго благосостоянія святыню. Такъ, московскій митрополитъ Макарій, для уничтоженія появившихся въ Водьской пятинѣ заразныхъ болѣзней, посылаетъ туда воду, которую онъ освятилъ съ мощей и чудотворныхъ иконъ. Такую же воду онъ посылаетъ и въ Свіяжскъ для уничтоженія появившихся тамъ болѣзней [2]). Антіохійскій патріархъ Макарій, пріѣхавшій первый разъ въ Россію во время чумы и принужденный ради этого прожить нѣкоторое время въ Коломнѣ, святилъ здѣсь, для прекращенія заразы, воду съ мощей и разныхъ священныхъ предметовъ, которые онъ привезъ съ собою въ Россію [3]). Въ 1647 году жители вновь основаннаго города Карпова били челомъ государю, что на нихъ напали разныя болѣзни и скорби, отъ которыхъ многіе помираютъ, «а цѣлебнаго животворящаго креста Господня съ мощами святыхъ въ Карповѣ нѣтъ, водъ священіе бываетъ крестомъ Христовымъ безъ мощей. Вели государь послать въ Карповъ для нашихъ скорбей и болѣзней животворящій крестъ Господень съ мощами святыми на освященіе водѣ и на исцѣленіе намъ, чтобы намъ отъ тѣхъ полевыхъ болѣзней и скорбей напрасною смертью не умереть». Крестъ съ мощами былъ къ нимъ посланъ. Въ 1649 году государь послалъ изъ Москвы животворящій крестъ съ мощами въ Курскъ, гдѣ «многіе люди нападными болѣзнями и страхованіями болѣзновали и помирали» [4]). Мощи и другая святыня необходимы были для процвѣтанія

[1]) Забѣлинъ: Домашній бытъ царицъ, стр. 615 и прилож. стр 65 и 69.
[2]) Дополн. къ А. И 1—27 Царствен. кн. 209—210. Ник. лѣт. VII, 137.
[3]) Рущинскаго: Религіозный бытъ русскихъ по сказаніямъ иностранцевъ Чт. общ. ист. и древн, 1871 г кн. 3. стр 92.
[4]) Опис. госуд. архива старыхъ дѣлъ—Иванова, стр. 300 Полн. собр. зак. № 2й.

каждаго монастыря, популярность котораго въ народѣ зависѣла прямо отъ количества, качества и степени популярности находящейся въ немъ святыни. Поэтому каждый монастырь всегда усиленно старался раздобыться какою-либо видною и цѣнною святынею, чтобы привлечь къ себѣ возможно болѣе богомольцевъ, — иначе у монастыря не было будущности. Такъ, между прочимъ, поступилъ и патріархъ Никонъ. Выстроивъ Крестный монастырь, онъ велѣлъ устроить для него особый, изъ кипариснаго дерева, крестъ, по высотѣ и широтѣ подобный кресту Христову, украсилъ его серебромъ, золотомъ, драгоцѣнными камнями и сокрылъ въ немъ 300 частицъ мощей, кровь многихъ святыхъ мучениковъ и части св. палестинскихъ камней. При этомъ Никонъ въ окружной граматѣ заявилъ: «аще кто съ вѣрою восхощетъ къ тому животворящему кресту на поклоненіе пріити, да не менѣе тому силою того святаго животворящаго креста благодать дается, якоже путешествующимъ въ святыя палестинскія мѣста» [2]).

Если благословеніе, а иногда и самое существованіе отдѣльныхъ лицъ, учрежденій, городовъ и областей часто зависѣло отъ обладанія ими тою или другою цѣнною святынею, способною избавить человѣка отъ разныхъ бѣдъ, напастей и болѣзней; то понятно само собою, что и жизнь цѣлаго государства находится необходимо въ прямой тѣсной связи съ количествомъ и качествомъ святыни, которою въ данное время обладаетъ государство. Поэтому заботиться о пріобрѣтеніи святыни составляло прямую обязанность православнаго благочестиваго правительства, пренебречь которой значило бы лишить государство одного изъ самыхъ вѣрныхъ и могущественныхъ средствъ обезпечить ему успѣхъ во всѣхъ его дѣлахъ и начинаніяхъ. Что русское правительство такъ именно смотрѣло на это дѣло, что пріобрѣтеніе особенно какой-либо важной и цѣнной святыни съ православнаго Востока оно считало своею прямою и священною обязанностью, не останавливалось въ этомъ случаѣ ни предъ какими крупными затратами и даже предъ насильственнымъ удержаніемъ у себя чужой, не принадлежавшей ему святыни,—это

[1] См. въ Исторіи рос. іерархіи о Крестномъ монастырѣ

доказываетъ слѣдующій очень характерный съ этой стороны и любопытный случай. Дѣло идетъ о пріобрѣтеніи изъ аѳонскаго ватопедскаго монастыря креста царя Константина и главы св. Іоанна Златоуста.

Въ 1630 году Михаилъ Ѳеодоровичъ и Филаретъ Никитичъ узнали отъ жившаго въ Москвѣ греческаго веррійскаго митрополита Аверкія, что въ Ватопедской аѳонской обители находится крестъ животворящаго древа, съ которымъ ходили на недруговъ своихъ еще царь Константинъ и другіе греческіе цари. Сильно захотѣлось царю и патріарху пріобрѣсть этотъ замѣчательный крестъ для русской державы, хотя бы это и стоило большихъ денегъ. Въ этихъ видахъ, по совѣту Аверкія, царь посылаетъ отъ себя константинопольскому патріарху грамату, въ которой пишетъ: «извѣщалъ нашему царскому величеству и отцу нашему великому государю, святѣйшему патріарху Филарету Никитичу московскому и всея Руси, богомолецъ нашъ веррійскій митрополитъ Аверкій: сказывалъ ему Аверкію Ватопедскаго монастыря архимандритъ Игнатій, который пріѣзжалъ къ намъ для милостыни, что есть на Аѳонской горѣ въ Ватопедскомъ монастырѣ крестъ животворящаго древа, на немъ же распятъ былъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, съ которымъ ходили благочестивые греческіе цари на недруговъ своихъ, царь Константинъ и иные древніе цари, и ихъ вѣрою и прошеніемъ даровалъ имъ Богъ побѣду на недруговъ своихъ. Архимандритъ и братія того монастыря хотятъ тотъ крестъ животворящаго древа проводить къ намъ великому государю и къ отцу нашему святѣйшему патріарху, въ наше государство, но безъ вашего святительскаго благословенія и повелѣнія учинить то не смѣютъ. И говорилъ намъ митрополитъ Аверкій, чтобы мы о томъ отписали къ вашему святѣйшеству. И мы архимандрита Игнатія, пожаловавъ нашимъ государскимъ жалованьемъ, отпустили назадъ въ Ватопедскій монастырь, а велѣли ему тотъ крестъ животворящаго древа, доложа вашему святѣйшеству, какъ вы укажете и повелите, привести къ намъ на поклоненіе и на освященіе намъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ. Благословите ваше святѣйшество, чтобы тотъ животворящій крестъ прислать къ намъ съ архимандритомъ или старцемъ

того же Ватопедскаго монастыря». А чтобы вѣрнѣе побудить патріарха устроить это дѣло, царь дѣлаетъ въ своей граматѣ такую знаменательную приписку, что онъ и отецъ его «вашего святительства тщаніе въ забвеніе не учинимъ и будемъ тебя противъ того дарити, а того Ватопедскаго монастыря архимандрита и старцевъ пожалуемъ нашимъ великимъ жалованьемъ и вашему святѣйшеству о томъ порадѣти со тщаніемъ, чтобъ тотъ животворящій крестъ Христовъ былъ у насъ въ нашемъ государствѣ» [1]). Но на этотъ разъ домогательства русскихъ, не смотря на всѣ хлопоты митрополита Аверкія, не имѣли успѣха. Константинопольскій патріархъ Кириллъ Лукарисъ, правда, отвѣтилъ на царское предложеніе своею граматою, но она не дошла до насъ и содержаніе ея потому неизвѣстно [2]). Вѣроятно, Лукарисъ отказался отъ посредничества въ этомъ дѣлѣ просто потому, что отдача или неотдача святыни зависѣла исключительно только отъ самихъ ватопедцевъ, а вовсе не отъ него. Что же касается ватопедскаго архимандрита Игнатія, который, получивъ подарки и милостыню, отправился въ Ватопедъ, чтобы тамъ хлопотать предъ братіею объ отпускѣ святыни въ Москву, то онъ просто обманулъ царя и патріарха. Это мы знаемъ изъ письма постельничаго молдавскаго воеводы къ Аверкію, въ которомъ постельничій, укоряя Аверкія, что онъ задержалъ въ Москвѣ и не отпускаетъ двухъ греческихъ архимандритовъ, пишетъ ему: «и посемъ говориши (т.-е. Аверкій) до тѣхъ мѣстъ будутъ держать (архимандритовъ) покамѣста крестъ будетъ великаго царя Константина отъ монастыря Ватопедскаго, а по сѣхъ мѣстъ никто не бывалъ туды ево искати, а архимандритъ Игнатій, какъ суда пришелъ оттолева (изъ Москвы), и онъ въ монастырь самъ не ходилъ, а остался въ Галичѣ городѣ, и тутъ его взялъ пострѣлъ и умеръ, и отъ него креста нечево было начаятца, а нынѣ и по готову, какъ онъ жилъ и онъ былъ ложникъ» [3]). Такъ и не удалось Михаилу Ѳедоровичу

[1]) Греч. дѣла, 7137 г. № 16.

[2]) Что эта грамата Лукариса существовала, это видно изъ того, она значится въ переписныхъ книгахъ дѣлъ посольскаго приказа 181 года № 4, л. 80 (Моск. архивъ мин. иностр. дѣлъ).

[3]) Греч. дѣла, 7139 годъ № 5.

пріобрѣсти для русской державы очень полезнаго для нея креста Константина, но зато это удалось его преемнику Алексѣю Михайловичу. Въ 1652 году прибылъ въ Москву ватопедскій игуменъ Дамаскинъ за милостынею и между прочимъ сообщилъ въ Москвѣ, что въ ихъ монастырѣ есть древній крестъ царя Константниа, положенный Ѳеодосіемъ царемъ, и глава св. Іоанна Златоуста, пожалованная царемъ Іоанномъ Кантакузеномъ. Благочестивые цари положили на ихъ монастырь клятву, чтобы тотъ крестъ и главу изъ ихъ монастыря никуда не отдавать, доколѣ міръ стоитъ, а отъ того креста и главы чудеса съ вѣрою приходящимъ бываютъ и доселѣ. Однажды у властителя молдавской земли Василія была немощна жена его Екатерина, и онъ, князь, призывалъ многихъ врачей, чтобы ей помогли, но врачи сказали, что отъ той болѣзни ей смерть будетъ, и онъ положился на волю Божію. Нѣкоторые люди сказали ему про тотъ крестъ и главу, что отъ нихъ бываютъ исцѣленія, и онъ писалъ въ ихъ монастырь къ архимандриту Ѳеодосію и всему собору, чтобы они прислали сію святыню для исцѣленія, но архимандритъ съ братіею только одну главу Златоуста послалъ, а креста не послалъ. Жена князя отъ сей главы исцѣлѣла и доселѣ пребываетъ здравою и за сіе немалую милостыню дала въ ихъ монастырь. Василій съ честью отпустилъ сію главу назадъ тому три года. Если великій государь изволитъ приказать главу и крестъ привезти къ себѣ, чтобы имъ поклониться, то долженъ опять возвратить ихъ, чтобы монастырь отъ древнихъ благочестивыхъ царей въ проклятіи не былъ и святыни своей не лишился. Алексѣй Михайловичъ рѣшился немедленно воспользоваться предложеніемъ Дамаскина и послалъ съ нимъ въ Ватопедъ грамату слѣдующаго содержанія: «въ нынѣшнемъ во 161 году присылали есте къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству, бить челомъ о милостынѣ архимандрита своего Дамаскина съ братьею; и мы, великій государь, того архимандрита вашего и старцовъ и бѣлцовъ, которые съ нимъ были присланы, пожаловали, велѣли имъ видѣти нашего царскаго величества очи и, пожаловавъ ихъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, велѣли ихъ отпустить съ Москвы назадъ въ свою землю и къ вамъ въ монастырь

на милостыню и на церковное строеніе соболями съ ними послали. Да тотъ же вашъ архимандритъ Дамаскинъ, на Москвѣ будучи, объявилъ нашимъ царскаго величества ближнимъ людямъ, что есть у васъ въ монастырѣ животворящій крестъ Господень, положеніе благочестиваго великаго царя Ѳеодосія, которой крестъ сдѣлалъ благочестивый царь Костянтинъ съ того образа, каковъ ему крестъ Христовъ явился на небеси о побѣде на нечестиваго царя Максентія и прочихъ; да въ томъ вашемъ монастырѣ глава св. Іоанна Златоустаго, а привезъ де тое главу къ вамъ въ монастырь благочестивый царь Іоаннъ Кантакузенъ, и та де глава стоитъ нынѣ у васъ въ монастырѣ за царскою печатью, и чудеса отъ того креста и главы и до днесь бываютъ; и будетъ мы, великій государь, изволимъ тотъ животворящій крестъ Господень и главу Златоустову видѣти и поклонитися, и дозря отослати опять въ монастырь, и намъ бы, великому государю, нашему царскому величеству, велѣти съ тою святынею быти ему архимандриту Дамаскину. И тебѣ бъ игумену Ѳеодосію съ братьею нашей царскаго величества милости и жалованья къ себѣ поискать, тотъ честной животворящій крестъ Господень, что положилъ у васъ въ монастырѣ благочестивый великій царь Ѳеодосій, и главу св. Іоанна Златоустаго для поклоненія прислати къ намъ великому государю съ тѣмъ же архимандритомъ Дамаскинымъ или съ инымъ вѣрнымъ человѣкомъ, кому въ томъ вѣрите, а мы, великій государь, за то васъ пожалуемъ нашимъ царскимъ жалованьемъ, *а тотъ животворящій крестъ Господень и Златоустову главу, видѣвъ, пришлемъ къ вамъ съ тѣмъ же человѣкомъ, съ кѣмъ вы къ намъ, великому государю, пришлете*» [1]). Такимъ образомъ, въ аѳонскомъ Ватопедскомъ монастырѣ дѣйствительно былъ замѣчательный крестъ, но вовсе не тотъ, на которомъ былъ распятъ Христосъ, какъ ранѣе говорилъ Михаилу Ѳедоровичу и Филарету Никитичу митрополитъ Аверкій, а сдѣланный будто бы Константиномъ по образу креста, который онъ видѣлъ на небѣ. Въ 1655 году Дамаскинъ привезъ святыню въ Россію, причемъ на дорогѣ ее вездѣ встрѣчали съ молебнымъ пѣніемъ. По донесенію

[1]) Греч. дѣла, 7160 г. № 37.

архіепископа тверскаго и кашинскаго Лаврентія, животворящій крестъ «мѣрою съ ковчегомъ въ длину вершковъ шесть и болши, а поперегъ тотъ животворящій крестъ съ ковчегомъ поменьше четверти аршина». Въ Москву святыня прибыла 7 іюня. Имѣя теперь въ своихъ рукахъ такую важную и великую святыню, благочестивый Алексѣй Михайловичъ не удержался отъ искушенія, подъ разными предлогами, навсегда оставить святыню въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что Москва въ это время вела тяжелую войну съ Польшей и побѣдный крестъ Константина приходился ей какъ нельзя болѣе кстати. Когда Дамаскинъ подалъ заявленіе, чтобы его, согласно царскому обѣщанію, отпустили со святынею назадъ въ монастырь, то указомъ ему велѣно было ѣхать въ Кіевъ безъ святыни, такъ какъ «крестъ и главу изволилъ царское величество оставить у себя государя». Тогда архимандритъ билъ челомъ государю: «буде царское величество изволитъ тое святыню оставить у себя государя на время, і въ томъ его государева воля и о томъ бы указалъ государь отписать въ Ватопецкой монастырь имянно—до коихъ мѣстъ та святыня у него государя оставлена будетъ»; что же касается оставленія святыни «впрокъ» (навсегда), то на это не согласенъ онъ, архимандритъ, не согласится никогда и вся братія. Тогда въ Ватопедъ была послана грамата, въ которой заявлялось, что государь изволилъ оставить у себя святыню только на время «*лѣтъ на двадцать и меньше, на сколько лѣтъ доведетца*», «и вамъ намѣстнику Леонтію съ братьею о той святынѣ, что нынѣ оставлена у насъ великаго государя *на время*, сумнѣнья и оскорбленія никакого не имѣть». Дамаскинъ былъ отпущенъ безъ святыни, но зато получилъ отъ правительства соболями и деньгами до двухъ тысячъ рублей [1]). Но тысячная дача не могла помирить ватопедцевъ съ мыслію о потерѣ святыни, они рѣшились настойчиво требовать отъ царя, чтобы онъ, согласно данному обѣщанію, возвратилъ посланную ему только для поклоненія святыню. Но посылаемыхъ съ этою цѣлью старцевъ два раза не пропускали въ Москву, а воз-

[1]) 7 63 г. № 15 (и впредь для обозначенія *греческихъ дѣлъ* мы будемъ употреблять только годъ и номеръ).

вращали назадъ изъ Путивля. Наконецъ въ 1665 году, когда въ Москву прибыло посольство отъ всѣхъ аѳонскихъ монастырей съ просительной граматой о милостынѣ, прибылъ въ Москву и ватопедскій екклесіархъ Лука вмѣстѣ съ келаремъ Кирилломъ. Въ своей челобитной царю Лука заявлялъ, что будто бы турки, узнавъ, что въ монастырѣ нѣтъ болѣе креста и главы Златоустовой, сильно стали тѣснить монаховъ и грозятъ разорить самый монастырь, что архимандрита Дамаскина хотѣли казнить и отъ ихъ мученій онъ теперь боленъ; да и отъ ктиторовъ и отъ всѣхъ христіанъ поношеніе великое монастырю: говорятъ, что продали животворящій крестъ и честную главу Іоанна и съ тѣхъ поръ, какъ вывезена святыня, нѣтъ надъ монастыремъ милосердія христіанскаго. Челобитчики умоляли царя ради ихъ бѣдности и притѣсненія отъ турокъ и слезнаго прошенія, чтобы онъ велѣлъ отдать имъ святыню на поруганіе и обличеніе поганыхъ и на славу царскаго величества, чтобы не быть ихъ обители разоренной отъ турокъ и всей братіи отъ того не погибнуть, и отпустить ихъ съ Москвы вмѣстѣ съ святынею безъ задержанія. Но Алексѣй Михайловичъ, несмотря на всю неловкость своего положенія, ни за что не хотѣлъ разстаться съ дорогою святынею и рѣшился, какъ и прежде, удовлетворить ватопедцевъ крупною денежною дачею. Какъ видно, екклесіархъ Лука охотно пошелъ на денежную, небезвыгодную и для него лично, сдѣлку, но келарь Кириллъ, помня наказъ братіи, рѣшительно отказался взять за святыню деньги и настоятельно требовалъ отъ царя возвращенія неправо задержанной монастырской святыни и даже будто бы «глаголетъ великому вашему царствію хулные словеса о великомъ вашемъ царствіи», говоритъ сейчасъ же появившійся на него доносъ его же собрата ватопедца. Кириллъ за это свое невѣжество и безчинство былъ сосланъ въ Соловки, «покамѣста онъ отъ того своего безчинства исправитца», а Лука, получивъ за святыню 1000 рублэй, отправленъ былъ на Аѳонъ. Съ нимъ послано было къ братіи, сверхъ тысячи рублей, милостивое царское слово, чтобъ они не оскорблялись и что, какъ прежде всего животворящій крестъ «по небесному образу явленъ былъ благочестивому царю христіанскому, Константину, а не тогдашнимъ царямъ

римскимъ: Діоклетіану, Максиміану, Галерію, такъ и нынѣ вложилъ Богъ въ сердца отцовъ Ватопедскаго монастыря принести ту великую святыню, крестъ и главу Златоустаго, изгнаннаго изъ Царьграда и мученическую смерть пріявшаго, благочестивому царю христіанскому». А такъ какъ удержаніе въ Москвѣ ватопедской святыни надѣлало на Аѳонѣ много шума и говора, то царь счелъ нужнымъ объясниться, относительно этого предмета, со всею аѳонскою братіею и оправдать въ ея глазахъ свой поступокъ.

Въ своей отвѣтной граматѣ на просьбу всѣхъ аѳонцевъ о милостынѣ, царь между прочимъ пишетъ, что посылаетъ ватопедцамъ за святыню добрыми соболями на 1000 рублей, причину же удержанія святыни объясняетъ такъ: «а животворящему кресту господню и главѣ св. Іоанна Златоустаго подъ властью бусурманскою быти недостойно, потому что бусурманы непріятели вѣры христіанской и ищутъ вѣрѣ христіанской всякими причинами искорененія, чтобы вѣра христіанская испразднити, и износятъ своими скверными усты злыя хулы и укоризны, а вѣдая намъ, великому государю, про такое ихъ бусурманское нечестивое хуленіе, отпустить тое святыни подъ власть нечестивыхъ бусурманъ—страшно; аще коими причинами въ пути или на мѣстѣ въ монастырѣ учинится отъ невѣрныхъ какое поруганіе, страшны мы великій государь отъ всемогущаго, чтобы не коснулся тотъ грѣхъ въ отпускѣ той святыни и нашего царскаго имени». Затѣмъ обѣщая и впредь всегда жаловать Ватопедскій монастырь, про старца келаря Кирилла пишетъ, что онъ «будучи въ нашемъ московскомъ государствѣ чинилъ безчинство многое и намъ великому государю билъ челомъ невѣжливо и на весь Ватопецкой монастырь похвалялся раззореньемъ турскихъ людей, и мы, великій государь, за то ево безчинство велѣли сослать подъ началъ въ Соловецкой монастырь, покамѣста онъ отъ того своего безчинства исправитца» [1]). Многое бы, конечно, могли сказать противъ царскаго толкованія аѳонскіе старцы, но говорить не приходилось, такъ какъ охотниковъ пожить на Соловкахъ подъ началомъ между ними, конечно, было не много.

[1]) 7173 г. № 17.

Для нихъ одно было теперь вполнѣ ясно, что царь рѣшился окончательно удержать у себя святыню и не возвращать ее болѣе въ Ватопедъ. Иноки на время примирились съ этою мыслію, хотя и не совсѣмъ. Въ 1693 году ватопедцы снова дѣлаютъ въ Москвѣ энергическую попытку возвратить себѣ отнятую у нихъ святыню. Въ своей челобитной игуменъ и братія указывали на то, что святыня была послана только на время для поклоненія, что царь обѣщалъ немедленно возвратить ее, и они, вѣдая, что царское слово измѣняемо быть не можетъ, твердую и незыблемую имѣли надежду на возвращеніе святыни, но она не была возвращена, и даже старецъ келарь Кириллъ, не хотѣвшій по наказу братіи промѣнять святыни на деньги, былъ отправленъ за это въ дальнее заключеніе, какъ ослушникъ царской воли. Теперь братія умоляла царей: «пожалуйте насъ смиреннѣйшихъ рабовъ своихъ и богомольцевъ къ стопамъ пресвѣтлаго вашего царскаго величества припадающихъ и изъ глубины душъ нашихъ съ теплыми слезами болѣзненнѣ вопіющихъ, вонмите, государи, гласу молитвъ нашихъ и преклоните ушеса во глаголы устъ нашихъ, преложите, государи, на радость печаль нашу неудобостерпимую, тугу и лютую скорбь зѣлнѣ наша терзающе сердца и снѣдающую утробу—въ веселіе и радованіе обратите; явите на насъ щедротъ благоутробіе свое и неизрѣченную благость крайнія своея милости покажите, помилуйте насъ убогихъ рабовъ и богомольцевъ милосердія ради милости Бога нашего; возвратите во обитель нашу животворящій крестъ, возвратите и честную главу свѣтильника свѣту Іоанна Златоустаго своего ради государскаго многолѣтняго здравія; молимъ вы возратите вещи и помилуйте обитель нашу ватопедскую, до конечныя нищеты дошедшую и отъ ктиторовъ нашихъ въ поношеніи и укоризнахъ пребывающую» и пр. Просятъ еще возвратить въ Ватопедъ и сосланнаго ранѣе келаря ихъ Кирилла, который въ 1679 году былъ взятъ изъ Соловковъ въ Москву и проживалъ здѣсь въ Чудовѣ монастырѣ. Въ отвѣтъ на эту челобитную цари приказали отпустить на Аѳонъ старца Кирилла, а о святынѣ челобитчикамъ чрезъ посольскій приказъ объявлено было, что она принесена была къ благочестивому государю на сохраненіе отъ опасенія нечестивыхъ агарянъ, *а вовсе не на время, ибо такого указа, чтобы на время, вовсе не было сыскано.* Въ то же время государи и царевна, по совѣту съ патріархомъ Іоакимомъ, приказали и бояре приговорили: за ту святыню послать въ Ватопедъ соболями на 500 рублей и выдать ватопедцамъ жалованную грамоту для пріѣзда въ Москву черезъ каждые четыре года и въ каждый пріѣздъ выдавать имъ за святыню по 500 рублей [1]). Это обязательство наше правительство всегда точно исполняло до 1735 года, когда, по составленнымъ такъ называемымъ «палестинскимъ штатамъ», положено было отпускать «аѳонскіе горы въ благовѣщенскій Ватопедскій монастырь, за извѣстную святыню, на каждый годъ по 100 рублевъ, а на 5 лѣтъ 500 рублевъ» [2]). Утрата, особенно главы Златоуста, какъ видно, была очень тяжела для ватопедцевъ даже и въ позднѣйшее время, такъ что они распустили на Аѳонѣ слухъ, что въ Россію была вывезена глава не Златоуста, которая по-прежнему осталась въ ихъ монастырѣ, а глава Андрея Критскаго. Такъ аѳониты заявляли и въ своихъ поклонникахъ, печатанныхъ въ Венеціи, такъ они говорили и всѣмъ богомольцамъ. Нашъ извѣстный путешественникъ по святымъ мѣстамъ первой половины XVIII вѣка Барскій, посѣтивъ Ватопедъ, прикладывался тамъ къ одной главѣ, которую монахъ прямо выдавалъ ему за главу Златоуста. Но когда Барскій заявилъ объ этомъ странномъ обстоятельствѣ отцамъ Ватопедской обители, то они постарались увѣрить его, что въ Москву была отослана дѣйствительно глава Златоуста, а не какая-либо другая, и что все, что напечатано или говорится вопреки этому—чистая ложь [3]).

Разсказанный нами случай наглядно показываетъ, какъ сильно русское правительство дорожило пріобрѣтеніемъ съ востока особенно какой-либо знаменитой и важной святыни, какъ оно употребляло всѣ средства, не жалѣло никакихъ расходовъ, лишь бы только получить и удержать у себя нужную ему святыню.

Были у русскаго правительства, кромѣ указанныхъ, и дру-

[1]) 7191 г. № 3.
[2]) 1742 г. № 12.
[3]) Его путешествіе стр. 623.

гія побужденія, заставлявшія его всячески заботиться о перенесеніи на Русь святыни съ востока.—Востокъ владѣлъ самою богатою и драгоцѣнною для христіанъ святынею, но онъ находился въ рукахъ турокъ, вслѣдствіе чего и святыня на востокѣ или совсѣмъ истреблялась невѣрными, или расхищалась иновѣрцами, увозившими ее въ свои страны. Спасти для православія ту святыню, которая еще оставалась на востокѣ, было прямою и священною обязанностью всякаго православнаго правительства, какимъ теперь было только правительство русское. На немъ, очевидно, и лежала обязанность позаботиться о томъ, чтобы святыня съ востока перешла въ православное русское царство, какъ самое лучшее для нея убѣжище, гдѣ она уже навсегда останется въ рукахъ православныхъ и не будетъ болѣе подвергаться опасности быть утерянною или истребленною. Съ другой стороны, Москва, послѣ паденія Константинополя сдѣлавшаяся, по мнѣнію русскихъ, столицею всего православнаго міра, не могла уже довольствоваться одною мѣстною, чисто русскою святынею; для столицы всего православнаго міра и святыня требовалась общеправославная, предъ которою бы одинаково благоговѣлъ и грекъ, и славянинъ, и сиріецъ, и грузинъ, какъ это раньше было относительно святыни, которою обладалъ Константинополь. Понятно, что эту цѣнную для всѣхъ христіанъ и всѣми почитаемую святыню русскіе могли пріобрѣсть только на православномъ востокѣ и главнымъ образомъ отъ грековъ, коренныхъ, исконныхъ владѣтелей всякой древней святыни. Повидимому, выполненіе этой задачи представляло неодолимыя трудности, ибо какой же народъ согласится уступить другому свою мѣстную, всѣми чтимую святыню, доставшуюся ему отъ древнихъ временъ? Но въ дѣйствительности никакихъ затрудненій не встрѣтилось. Разсказанный нами случай, когда ватопедцы проявили такую рѣдкую стойкость относительно уступки хитростью задержанной у нихъ русскимъ правительствомъ святыни, представляетъ явленіе единичное и исключительное,—обыкновенно же было совсѣмъ иначе. Какъ скоро на востокѣ узнали, что русскіе сильно дорожатъ всякою приносимою къ нимъ святынею и предпочитаютъ ее всѣмъ другимъ подаркамъ [1]), что они платятъ за нее соболями и деньгами, какъ со всѣхъ концовъ православнаго востока, находившаяся тамъ святыня очень усердно стала переправляться въ Москву, гдѣ охотно и безъ отказу была принимаема, а подноситель получалъ за это опредѣленную награду. Между Россіей и православнымъ востокомъ образовалась, съ XVI вѣка, правильная и постоянная мѣна святыни на русскія деньги и соболя. Греки охотно привозили на Русь всякую святыню, русскіе охотно ее пріобрѣтали, причемъ святыня привозилась и присылалась на Русь самими патріархами, митрополитами и архіепископами, настоятелями и старцами разныхъ монастырей и просто торговыми греками. Эта, на первый взглядъ, довольно странная торговля объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Греціи мощи и всякая святыня, во многихъ случаяхъ, была достояніемъ частныхъ лицъ, переходила по наслѣдству, и частное лицо могло поэтому распорядиться святыней по своему усмотрѣнію, какъ и всякой другой частной собственностью. Особенно много святыни оказалось въ частныхъ рукахъ послѣ захвата Константинополя крестоносцами и завоеванія его турками. Въ обоихъ этихъ случаяхъ святыня или расхищалась или уничтожалась, а православные, конечно, всячески старались сохранить ее, удержать у себя; во время катастрофы ее забиралъ всякій, чтобы она не попалась въ латинскія или турецкія руки. Разъ захваченная извѣстнымъ лицомъ святыня, какъ никому теперь не принадлежащая, становилась его частною собственностью, и онъ распоряжался ею по своему личному усмотрѣнію. Такъ напр. около 1461 года нѣкто Георгій Калохерети, во время завоеванія Константинополя турками, захватилъ мощи св. Спиридона тримифунтскаго и царицы Ѳеодоры и привезъ ихъ на о. Корфу. Здѣсь онъ женился и троимъ своимъ сыновьямъ, между другимъ наслѣдствомъ, отказалъ и вывезенныя

[1]) Павелъ Алеппскій считаетъ нужнымъ отмѣтить тотъ фактъ, что русскіе при поднесеніи имъ разныхъ подарковъ со стороны восточныхъ просителей милостыни „ничему такъ не радовались, какъ священнымъ предметамъ и греческимъ изображеніямъ, къ которымъ они питаютъ большое религіозное почтеніе; ангорскую шерсть, шелковые газскіе платки и тому подобное они едва брали отъ насъ, потому что въ этихъ предметахъ у нихъ изобиліе". (Труд. Кіев. Дух. Академ. 1876 г. іюль. стр. 71).

имъ мощи. Старшій сынъ Маркъ, доставшіяся ему мощи царицы Ѳеодоры подарилъ въ 1510 году общинѣ; но два другіе брата, хотя и положили мощи св. Спиридона въ церковь, удержали однако на нихъ право собственности. Въ 1520 году это право перешло къ фамиліи Булгарисовъ, членъ которой получилъ ихъ отъ Калохерети въ приданое за ихъ дочерью, на которой Булгарисъ женился. И доселѣ мощи св. Спиридона составляютъ частную собственность Булгарисовъ. Кромѣ того въ Греціи многія церкви и даже монастыри съ древнихъ временъ составляли собственность частныхъ лицъ. Вмѣстѣ съ церквами и находившаяся въ нихъ святыня была также частною собственностью, которою владѣлецъ могъ распоряжаться по своему усмотрѣнію [1]). Съ теченіемъ времени, особенно когда появился усиленный спросъ на святыню со строны разныхъ народовъ, принявшихъ православіе отъ грековъ и желавшихъ обзавестись цѣнною христіанскою святынею [2]), мощи сдѣлались у са-

[1]) Въ лаврѣ Аѳанасія на Аѳонѣ есть крестъ животворящаго древа, принадлежащій игумену лавры Григорію іеромонаху, какъ это видно изъ собственноручной записи его 1244 года, въ которой онъ выразилъ, что эта святыня досталась ему по наслѣдству отъ предковъ его. Она осыпана дорогими камнями. (Епископа Порфирія—Путешествіе на Аѳонъ, ч. I, стр. 200).

[2]) Такъ о св. Саввѣ, архіепископѣ сербскомъ, разсказывается, что онъ во время своего путешествія въ Іерусалимъ и въ Александрію „честныя сосуды и мощи святыхъ многія откупиваше, въ отечествіе свое пренести хотя". (Раича, Исторія славянскихъ народовъ, кн. VII, гл. IV). Въ 1374 году суздальскимъ архіепископомъ Діонисіемъ за большую цѣну была пріобрѣтена въ Царьградѣ слѣдующая святыня, которая нынѣ хранится въ Москвѣ въ Благовѣщенскомъ соборѣ: „1) ароматы, коими помазано было тѣло Іисуса Христа; 2) часть нешвенной ризы Господней; 3) губа, коею напоили уста Іисусу Христу; 4) Его кровь; 5) часть камени гробнаго; 6) часть ризы Богородицы; 7) власы изъ брады Христовой: 8) камень отъ столпа, къ коему привязанъ былъ Спаситель; 9) вѣнецъ терновый; 10) часть ложной багряницы; 11) кровь изъ ребра Христова; 12) камень отъ доски, на которую положено было тѣло Іисусово, снятое со креста; 13) часть отъ трости, коею били Іисуса; 14) хитонъ Его; 15) камень отъ яслей; 16) ароматы, принесенные Мареой и Маріей". (Памятники Моск. древности Снегирева, стр. 92). Южная Русь святыню и особенно нужныя ей мощи пріобрѣтала также отъ грековъ. Въ 1632 году Исаія Копинскій писалъ патріарху Филарету Никитичу, что у нихъ все разграблено, нѣтъ святыхъ мощей, необходимыхъ для антиминса и освященія мира „понеже гречане мало бываютъ у насъ, а прежъ сего у нихъ святыхъ мощей

михъ грековъ ходячею цѣнностью, которую свободно можно было купить, продать, заложить, отдать на время кредитору въ обезпеченіе долга. Про главу св. Евгенія, которую митрополитъ халкидонскій посылаетъ царю, онъ пишетъ, что митрополитъ писидійскій, въ митрополіи котораго находилась эта глава, «положи ю (св. главу) въ закладъ у нѣкіихъ внѣшнихъ на семь сотъ ефимковъ и нынѣ, егда принесоша ю здѣ и прошаху продати ю»,—митрополитъ ее купилъ. Про главу Григорія Богослова, привезенную къ намъ, разсказывается, что вдова, которая ею прежде владѣла «отъ нужи своей продала ту святую главу нѣкоторому Петру Колофрону». Теперь монахи, купивъ главу у турка, видя крайнюю бѣдность своего монастыря, порѣшили «дати ея въ нѣкое мѣсто богатодарное, чтобы намъ воспріяти помочь исправить бѣдность нашего монастыря», т. е. для поправки монастырскихъ дѣлъ рѣшились продать св. главу. Іерусалимскаго патріарха протосингелъ Гавріилъ, прославшій царю Влахернскую икону, купилъ ее у ея владѣльца, «а далъ за нее 400 ефимковъ». Антіохійскій патріархъ Макарій хотѣлъ перекупить эту чудотворную икону у протосингела, «просилъ гораздо и давалъ ему за тое икону 500 ефимковъ и больши». Аѳонскіе иноки продали мощи аѳонскаго подвижника Петра за 100 золотыхъ [1]). Въ 1641 году молдавскій господарь Василій Лупухъ купилъ у константинопольскаго патріарха мощи Параскевы и перенесъ ихъ изъ патріархіи въ Яссы [2]). Если мощи можно было свободно продавать и покупать, то, конечно, ихъ можно было и закладывать или отдавать въ залогъ въ обезпеченіе уплаты долга. Въ 1648 году братія монастыря Николы, въ Мутьянской землѣ, писала государю изъ Путивля: «учинилось имъ убытковъ отъ турскаго паши 1000 златыхъ и въ томъ заложили они Евангеліе и мощи—руку св. Николы и мощи отъ главы св. Іоанна Предтечи и два кіота и четыре кадильницы серебряныя и иную святыню и для того послали они бить челомъ государю... пожаловать въ ихъ монастырь на окупъ» [3]). Въ 1670 году Иверъ-

доставали" (С. Терновскаго: Изслѣдованіе о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху, стр. 29. Арх. 10—3. Рас. т. V).

[1]) Исторія Аѳона еп. Порфирія, кн. III, стр. 128.

[2]) Лѣтопись церковныхъ событій—Арсенія, стр. 653.

[3]) 7156 г. № 17.

скаго Никольскаго, въ Москвѣ, монастыря архимандритъ Соломонъ подалъ царю челобитную, въ которой заявлялъ: «въ прошломъ, государь, въ 176 году греченинъ Христофоръ Либеровъ занялъ у дьякона Мелетія денегъ 280 рублевъ, а въ тѣхъ деньгахъ положилъ для вѣры мощи разныхъ святыхъ, да два чепрака, шиты золотомъ волоченымъ, да ножъ оправной турецкаго дѣла» [1]). По этому поводу грекъ Христофоръ на допросѣ сказалъ: «въ прошломъ де во 170 году бывшей волоской Костянтинъ воевода, живучи въ Польшѣ, заложилъ ему, Христофору, тѣ мощи отъ скудости своей въ 500 золотыхъ червонныхъ, а, заложивъ, выкупить ему было нечѣмъ. И онъ де Христофоръ мыслилъ, чтобы ему тѣ мощи отвесть въ Венецыю, или въ иное которое государство, чтобы у него тѣ золотые не пропали, и онъ де воеводы спрашивалъ, и воевода де приказалъ ему съ тѣми мощами ѣхать къ царскому величеству, и говорилъ, что царское величество тѣ мощи изволитъ у него взять и велитъ ему за тотъ его долгъ наградить изъ своей государской казны». Прибывъ въ Москву и проживая здѣсь долгое время, Христофоръ «тѣ мощи отъ скудости своей заложилъ черному дьякону Мелетію въ 280 рублевъ» [2]). Барскій, осматривая сосудохранительницу (ризницу) въ аѳонской лаврѣ св. Аѳанасія, замѣчаетъ, что здѣсь хранятся: «и нѣкіе излишніе мощи, которыхъ не посылаютъ въ міръ, или которые держатъ за долгъ отъ другихъ меньшихъ монастырей» [3]). Въ виду того, что святыня была ходячею цѣнностью, за которую можно было получить хорошія деньги, она сдѣлалась предметомъ корыстной эксплуатаціи: ею не только торговали, но въ видахъ наживы, ее просто воровали. Такъ въ 1693 году къ намъ прибылъ бывшій андрусскій епископъ Акакій, который привезъ часть животворящаго древа и разныя мощи. Бывшій въ то время въ Москвѣ архимандритъ іерусалимскаго патріарха Досиѳея Хрисанъ заявилъ, что святыня была украдена Акакіемъ въ Іерусалимѣ; Акакій былъ арестованъ и сосланъ, святыня у него отнята [4]). Григоровичъ въ своемъ путешествіи по Европейской Турціи [5]) разсказываетъ, что мощи

[1]) 7178 г № 76 и Записки рус. арх. общ. II, 390.
[2]) Ibid.
[3]) Его путешествіе, стр 527.
[4]) 7201 г № 38
[5]) Стр. 98

св. Климента славянскаго до недавняго времени сохранялись цѣлокупными, пока монахи монастыря св. Антонія, что близь Бера (на картахъ Караферія) не унесли скрытно честную его главу. Въ церкви монастыря св. Георгія, въ Новомъ Базарѣ, построенной Стефаномъ Нѣманею, лежали мощи краля Драгутина, обновителя монастыря. Онѣ, говоритъ Гильфердингъ [1]), лежали долго невредимы послѣ запустѣнія монастыря, пока святотатственная рука новобазарскихъ христіанъ. по имени знобичей, не похитила ихъ для распродажи по частямъ.

Въ теченіе XVI и всего XVII столѣтія наше правительство усиленно занималось перенесеніемъ святыни съ востока на Русь, получая ее отъ разныхъ просителей милостыни. Какъ велико было количество привезенныхъ къ намъ частей мощей, можно отчасти видѣть изъ того, что, напр., части мощей св. Пантелеймона намъ встрѣчались, въ числѣ привезенной святыни, 23 раза, Златоуста 14 разъ, архидіакона Стефана—14 разъ, Меркурія—13, св. Луки—9, Іоанна Крестителя—7, Андрея Первозваннаго—5, Игнатія Богоносца—5, Маріи Магдалины—4, царя Константина—3, ап. Филиппа—3 и пр., хотя мы и не обращали на это обстоятельство нарочитаго вниманія. Кромѣ того, много документовъ относительно привоза къ намъ святыни затерялось, много святыни разошлось по частнымъ рукамъ, такъ какъ просители подносили ее не только государю, но и частнымъ лицамъ, которые могли заплатить за подносимое. Мощи привозились къ намъ съ востока очень маленькими дробными частицами,—это была обыкновенно небольшая откуда-нибудь отдѣленная кость, не имѣвшая плоти и въ большинствѣ случаевъ безъ обозначенія, отъ какой части она взята; рѣдко встрѣчаются такія поясненія: мученицы Анастасіи — зубъ; Златоуста — часть отъ правой руки; Прокопія великомученика—часть отъ главы; Іоанна Крестителя—часть отъ руки; Луки апостола — часть руки; Іоанна Предтечи — часть отъ главы; Анастасіи Узорѣшительницы — часть ребра; Іоанна Предтечи—часть отъ правой лопатки и т. п. Цѣлыхъ вполнѣ мощей къ намъ, конечно, никогда не привозили, такъ какъ

[1]) Полн. собр его сочин., т. III, стр. 97

ихъ почти не встрѣчается на всемъ востокѣ, но къ намъ иногда привозили, хотя сравнительно съ общею массою всей святыни и очень рѣдко, крупныя части мощей, каковы напримѣръ: глава св. Григорія Богослова, глава св. Іоанна Златоустаго, главы: св. Евгенія, великомученика Агаѳоника, великомученика Сергія; руки: Елевѳерія мученика, Григорія Декаполита, св. Іакова изъ 40 мучениковъ севастійскихъ, Андрея Первозваннаго, Комнина архимандрита правая рука, которою онъ росписывалъ церковь въ Виѳлеемѣ (привезъ іерусалимскій патріархъ Паисій), Василія епископа адасійскаго, Пелагеи, св. Кирика, Іоанна Предтечи; привозились и персты отъ рукъ: перстъ Златоуста, Василія Великаго, Христины великомученицы, Андрея Первозваннаго, великомученицы Екатерины; — отъ ногъ: персты правой ноги ап. Филиппа и пр.

При какихъ условіяхъ и какъ происходила самая передача святыни съ востока на Русь, на это наши документы даютъ слѣдующій отвѣтъ: привозя или посылая святыню на Русь, просители милостыни имѣли въ виду получить за подносимое извѣстное вознагражденіе [1]), количество котораго прямо или косвенно назначалось или самими просителями, или принимавшимъ святыню правительствомъ. Такъ, въ 1641 году служившій тайнымъ агентомъ грекъ Константинъ Остафьевъ въ посольскомъ приказѣ «сказалъ, что онъ выкупилъ у турченина двѣ панагіи, что остались послѣ цареградскаго патріарха Кирилла Стараго, да часть отъ древа животворящаго креста, на немъ же Господь нашъ Іисусъ Христосъ распятъ бысть, да мощи перстъ отъ руки великаго Василія архіепископа Кисарія Каппадокійскія, а далъ за то за все вы-

[1]) Въ виду чего просители милостыни, отправляясь въ Россію, старались запастись какою либо святынею и при случаѣ покупали ее, гдѣ возможно. Такъ, напримѣръ, поступилъ антіохійскій патріархъ Макарій, который, по свидѣтельству его племянника Павла алеппскаго, купилъ въ Константинополѣ за большую цѣну разные священные предметы, между которыми были: кусочекъ животворящаго древа, залѣпленнаго въ воскъ: въ огнѣ этотъ кусочекъ походилъ на раскаленный скипъ и потомъ опять дѣлался чернымъ, а въ водѣ тонулъ; кусочекъ голгоѳскаго камня съ слѣдами крови Спасителя; эта кровь измѣнила свойства самаго камня который похожъ на кусокъ серебра и сіялъ какъ золото, а самая кровь осталась свѣтлою и походила на пылающій уголь Чт. общ. ист. и древн. 1871 г., кн III, стр 92.

купу 2800 ефимковъ, и тѣ панагѣи и часть отъ древа креста Господня и мощи Василія Великаго привезъ онъ къ государю, и государь бы пожаловалъ велѣлъ у него то все принять, чтобы та святыня была во благочестіи, а не въ невѣрныхъ рукахъ». Когда греку за всю эту святыню выдали 600 рублей, то онъ подалъ государю челобитную, въ которой заявилъ, что цѣна ему за святыню дана низкая, дешевая и потому просилъ прибавки. Государь велѣлъ ему прибавить за святыню къ прежде данному еще 200 рублей [1]).

Въ 1642 году архимандритъ аѳонскаго Пантелеймонова монастыря Григорій, находясь въ Москвѣ, писалъ государю: «извѣщаю великому твоему царствію: тотъ же митрополитъ селунскій и съ своими ближними людьми велѣли бити челомъ тебѣ государю и извѣстить, что они имѣютъ на своей митрополи долгу *10,000 ефимиковъ*, а есть де у нихъ мощи иже во святыхъ отца нашего Григорія архіепископа селунскаго, а творитъ по всякъ день чудеса. Милостивый царь! будетъ ваше царское произволеніе привезти того святаго мощи его *благословенную руку*, во освященіе и исцѣленіе и въ помощь великому вашему царствію, съ подлинными свидѣтельствы, и царствіе бы ваше пожаловали ихъ своимъ царскимъ жалованіемъ—милостынею, чтобы имъ мочно освободитца отъ такова великаго долгу, и о томъ я, богомолецъ вашъ, бью челомъ и поклоняюся царствію вашему, чтобы мнѣ, богомольцу вашему, имѣти вашъ царской указъ. Посемъ Господь Богъ сподобитъ тя царствію небесному. Аминь» [2]). Въ 1651 году келарь янинскаго Ильинскаго монастыря предлагалъ въ посольскомъ приказѣ купить у него крестъ «и просилъ за него 25 рублевъ, и ему тотъ крестъ отданъ, потому что сказалъ цѣну большую, а мощей въ то время въ крестѣ томъ не было и никакіе святыни не объявилъ», но послѣ келарь снова предлагалъ тотъ же крестъ, но уже съ мощами въ немъ, которыя онъ будто бы ранѣе вынулъ, чтобы поднести ихъ особо. За крестъ и мощи въ немъ онъ получилъ 30 рублей [3]). Иногда же просители назначали цѣну святыни не прямо, а косвенно, указывая ту

[1]) 7149 г. № 14.
[2]) 7150 г. № 19.
[3]) 7159 г. № 42.

сумму за которую они пріобрѣли ее сами, и представляя затѣмъ правительству рѣшить, сколько слѣдуетъ дать за принесенную святыню. Такъ, напримѣръ, въ 1655 году халкидонскій митрополитъ, посылая государю главу св. Евгенія, говоритъ, что она была положена «въ закладъ у нѣкіихъ внѣшнихъ на семьсотъ ефимковъ» и что онъ, митрополитъ, выкупилъ ее «дахъ долгъ и взяхъ ю» и теперь посылаетъ ее къ государю, «и что извѣститъ благодать Божія человѣколюбнымъ твоимъ утробамъ и да помилуетъ мя отъ веліа милости своея» [1]). Назаретскаго митрополита архимандритъ Іоакимъ поднесъ государю мощи ап. Филиппа, о которыхъ свидѣтельствовалъ антіохійскій патріархъ Макарій: «были де тѣ мощи въ Царегороде у нѣкотораго знатнаго человѣка Лазаря и у ево де двора взяли турчанина убитаго человѣка и за то посадили ево въ тюрьму и вымучили на немъ 400 ефимковъ, и онъ въ тѣхъ деньгахъ заложилъ жену свою и дѣтей, и какъ де онъ свободился и пріѣхалъ съ тѣми мощами въ Молдавскую землю, и онъ де патріархъ взялъ у него тѣ мощи и послалъ къ великому государю съ тѣмъ архимандритомъ Іоакимомъ, и чтобы великій государь пожаловалъ того греченина милостынею и на окупъ, какъ ему великому государю Богъ извѣститъ» [2]). Про Влахернскую чудотворную икону привезшій ее грекъ говорилъ, что она выкуплена была у турка за 500 ефимковъ однимъ грекомъ портнымъ, у котораго за ту же сумму купилъ ее іерусалимскій протосингелъ Гавріилъ, который и посылаетъ теперь ее царю [3]). Иногда же просители, передавая ту или другую святыню, цѣны ея вовсе не назначали, но заявляли, что разсчитываютъ за нее получить отъ государя, что Богъ ему извѣститъ. Такъ, напримѣръ, въ 1636 году бахчисарайскій дьячекъ привезъ мощи св. Анастасіи и въ челобитной царю по этому случаю заявляетъ: «пожалуй меня за тѣ мощи своимъ царскимъ жалованьемъ, какъ тебѣ милосердому государю Богъ извѣститъ» [4]). Въ 1652 году константинопольскій патріархъ

[1]) 7163 г. № 1.
[2]) 7165 г. № 6.
[3]) 7162 г. № 2.
[4]) 7144 г. № 7.

Іоанникій пишетъ царю о торговомъ грекѣ Иванѣ Михайловѣ, что турки причинили ему большіе убытки, а онъ де «имѣлъ на себѣ едину панагію, а въ той панагіи мощи св. великомученика Меркурія, якоже намъ свидѣтельствовали и достовѣрно вѣдомо учинилось, и несетъ къ вамъ великому государю»—проситъ поэтому одѣлить его милостынею [1]). Принося лично или посылая на Русь святыню, гречане отлично знали, что дѣлаютъ, знали, что именно за святыню они получаютъ опредѣленную дачу. Такъ въ 1656 году бывшій константинопольскій патріархъ Іоанникій благодаритъ государя за милостыню — «до насъ дошли полтораста ефимковъ за мощи (которыя онъ ранѣе послалъ съ грекомъ Иваномъ Юрьевымъ), да на милостыню 300 ефимковъ», т.-е. цѣна мощей самимъ патріархомъ прямо отличается отъ милостыни [2]). Въ письмѣ къ нашему константинопольскому послу Толстому іерусалимскій патріархъ Досиѳей говоритъ между прочимъ: «господине мой, время есть зѣло трудно и по премногу страшно и боимся о родѣ и о жизни нашей, а о издержкѣ не отягощайся, яко мы держимъ и ими вѣру 500 лавковъ, которыя изволилъ къ намъ прислати вмѣсто милостыни за святыя мощи Златоустаго» [3]) Желая получить за святыню большую дачу, отдававшіе ее иногда указывали на ея особую важность или какія-либо ея спеціальныя, особенно цѣнныя свойства. Напр., бывшій константинопольскій патріархъ Іоанникій, посылая въ Москву главу великомуч. Агаѳоника, пишетъ относительно ея: «се есть досточудное и многоцѣнное упованіе достойно православному вашему царствію въ даръ; и подобаетъ вамъ блюсти во святыни и молебствовати о помощи отъ враговъ душевныхъ и тѣлесныхъ, и подобаетъ державѣ царствія вашего воздвигнути церковь во имя того мученика и праздновати во вся лѣта» [4]). Иноки аѳонскаго Иверскаго монастыря, посылая государю десную руку священномученика Василія, епископа амасійскаго, пишутъ: «а мы съ тою святою рукою хаживали въ міру, освятя воду съ нея, и исчезала вся-

[1]) 7160 г. № 6.
[2]) 7164 г. № 24.
[3]) Турецкія дѣла 1706 г. связка 7, № 3, листъ 119
[4]) 7164 г. № 24.

кая гадина въ поляхъ, сѣмя ядущая саранча, мыши и всякая иная гадина, и сбираемъ съ православныхъ христіанъ много милостыни». Посылаютъ еще мощи св. Евстаѳія: «да воспріимеши тѣ мощи съ вѣрою и благоговѣніемъ того святаго Евстафія помощникомъ и заступникомъ во время боренія воинскаго дѣла, аки война,—того ради тѣ мощи послали къ святому вашему царствію» [1]). Селунцы, предлагая чрезъ пантелеймоновскаго игумена царю пріобрѣсть отъ нихъ имѣющіяся у нихъ мощи архіепископа селунскаго Григорія, считаютъ нужнымъ сказать: «а творитъ по всякъ день чудеса». Бывшій митрополитъ Навпакта и Арты Галактіонъ привезъ крестъ съ частью животворящаго древа, о которомъ патріаршая грамата говоритъ: «крестъ серебрянъ, а въ немъ часть отъ животворящаго древа честнаго креста, той есть истинный и безцѣнный». Затѣмъ грамата говоритъ, что такимъ крестомъ никому не подобаетъ владѣть кромѣ государя, «будете той имѣти, яко великій царь Константинъ на побѣжденіе и одолѣніе брани» [2]). Иногда просители, привозя святыню или присылая ее, въ видахъ получить за нее большую дачу, говорятъ, что будто бы эту святыню у нихъ хотѣли купить за большія деньги разныя важныя иновѣрныя лица, но они ее не отдали, чтобы отослать ее къ православному царю, въ православное царство. Такъ морейскій монахъ, приславшій въ 1653 году царю главу Григорія Богослова, въ своей граматѣ объясняетъ, что, такъ какъ ихъ монастырь очень бѣденъ и кругомъ задолжалъ, то иноки и порѣшили: «дати ея (главу Богослова) въ нѣкое мѣсто богатодарное, чтобы намъ воспріяти помощь исправить бѣдность нашего монастыря, и, про то провѣдавъ, отъ многихъ и великихъ странъ съ великимъ радѣніемъ присылали къ намъ и сулили многую казну, что бы мы дали тѣ святыя мощи имъ, и великіе труды полагали то отъ насъ взяти, яко есть веліе и славно и сладко имя сего великаго учителя и святильника вселенскаго Григорія Богослова, только мы имъ не отдали», а рѣшили де отослать ихъ царю православному [3]). Въ 1652 году іерусалимскій про-

[1]) 7169 г № 10
[2]) 7156 г № 36
[3]) 7161 г № 3.

тосингелъ Гавріилъ, посылая царю часть животворящаго древа, говоритъ, что то древо настоящее и творитъ чудеса и что онъ разстается съ нимъ по причинѣ своей бѣдности, въ которую онъ впалъ ради болѣзни, и заявляетъ: «къ нему де присылалъ веницѣйской агентъ и армянской патріархъ и давали ему за то древо много, и онъ де того древа имъ не отдалъ, а, по совѣту архимандрита Амфилохія (который былъ самымъ дѣятельнымъ политическимъ русскимъ агентомъ въ Константинополѣ) да Ѳомы Иванова (тоже политическій агентъ), послалъ къ государю, чтобы государь его пожаловалъ для его бѣдности своимъ царскимъ жалованьемъ, какъ ему государю Богъ извѣститъ» [1]). Тотъ же самый іерусалимскій протосингелъ Гавріилъ прислалъ царю чудотворную Влахернскую икону съ грекомъ Димитріемъ Остафьевымъ, который въ посольскомъ приказѣ показывалъ, что ту икону усиленно старались купить у протосингела патріархи цареградскій Паисій и особенно антіохійскій Макарій «и иные де многіе благочестивые люди, вѣдая про тое чудотворную икону, у протосингела за многіе деньги тое чудотворные иконы добивалися, только де протосингелъ отъ себя тое иконы никуды отпустити не хотѣлъ», но, по совѣту его, Дмитрія, отправилъ въ Москву къ благочестивому государю [2]).

Приведенныя свидѣтельства съ очевидностью показываютъ, что святыня привозилась гречанами на Русь съ цѣлью выгодной ея продажи. Но какъ скоро святыня становилась предметомъ выгоднаго торга, то необходимо она могла подать поводъ къ различнымъ корыстнымъ злоупотребленіямъ со стороны привозившихъ ее и имѣвшихъ въ виду исключительно только наживу. Поэтому, особенно въ выдающихся и сомнительныхъ случаяхъ, для русскаго правительства требовались какія-либо гарантіи, что оно получаетъ за свои деньги настоящую, подлинную святыню, а не подложную, фабрикованную. Эту необходимость гарантіи признавали сами привозившіе въ Москву святыню гречане, и потому они иногда привозили съ святынею и патріаршія свидѣ-

[1]) 7160 г. № 21.
[2]) 7162 г. № 2

тельства объ ея подлинности, иногда съ объясненіемъ, откуда и какъ она попала къ подносителю. Такъ, напр., въ 1652 году цареградскій грекъ Ѳома Ивановъ прислалъ въ Москву грамату съ политическими вѣстями, въ которой писалъ между прочимъ и слѣдующее: «еще вѣдомо чинимъ великому вашему царствію: досталася мнѣ часть древа честнаго и животворящаго креста Господня отъ архидіакона бывшаго блаженнѣйшаго патріарха еросалимскаго Ѳеофана, который крестился отъ жидовъ, и онъ хотѣлъ отвести тое часть въ иные государства. И я свѣдавъ, что та часть подлинно и истинная и свидѣтельствена отъ вселенскаго патріарха и митрополитовъ, и я, взявъ тое часть, посылаю къ великому вашему царствію». Къ этому сообщенію грекъ прилагаетъ самое свидѣтельство константинопольскаго патріарха Іоанникія, который пишетъ: «что то древо честное было у еросалимскаго протосингела Гавріила 17 пѣтъ, а досталося де ему то древо отъ газскаго митрополита Парѳенія, и имѣлъ то древо у себя, а нынѣ де учинилася ему тяжкая болѣзнь и животы свои всѣ роздалъ дохтуромъ и отъ того обѣднялъ, и хотѣлъ онъ то честное древо отдать въ нѣкоторую обитель для вседневной пищи и вѣчнаго душевнаго помину и показалъ то древо ему Іоанникію патріарху и свидѣтельства отъ него прошалъ, и онъ де, принявъ у него то древо, посылалъ вопросити первыхъ людей, которые вѣдали при прежнемъ митрополитѣ: были ли чудеса отъ того честнаго древа, и они свидѣтельствовали, что отъ того де честнаго и животворящаго древа нѣкоторому *изъ мертвыхъ было воскресеніе* и многіе немощные исцѣленіе получили. И онъ, Іоанникій патріархъ, то древо для испытанія клалъ въ огнь и того ради пишетъ сію свидѣтельственную грамоту и свидѣтельствуетъ о томъ, что то древо истинное животворящаго креста Господня». (Подпись патріарха и многихъ митрополитовъ) [1]. Въ 1648 году патріаршая грамата свидѣтельствовала о крестѣ, привезенномъ навпактскимъ митрополитомъ, что «въ немъ есть часть отъ животворящаго древа честнаго креста, той есть истинной и безцѣнной» [2].

[1]) 7160 г. № 21
[2]) 7156 г. № 36.

Константинопольскій патріархъ Іоанникій въ 1652 году свидѣтельствуетъ про панагію, привезенную однимъ грекомъ, что «въ той панагіи мощи святаго великомученика Меркурія, якоже намъ свидѣтельствовали и достовѣрно вѣдомо учинилось» [1]. Въ 1694 году халкидонскій митрополитъ Гавріилъ прислалъ мощи Предтечи съ слѣдующимъ любопытнымъ свидѣтельствомъ константинопольскаго патріарха Каллиника: «Всякая вещь, пишетъ патріархъ, хотя иногда и истинна есть, однакожъ человѣцы ея въ подозрѣніи имѣютъ і для многихъ иныхъ приключившихся причинъ, а наипаче того ради, что не вѣдаютъ ту вещь чрезъ искусство и подлинное испытаніе; сего ради всякое дѣло требуетъ свидѣтельства и объявленія о тѣхъ, которые ту вещь подлинно и истинно вѣдаютъ, для увѣренія и достовѣренія тѣмъ, которые о той вещи усумнѣваются. Сего ради умѣреніе наше, сею нашею извѣстною грамотою, извѣствуетъ и свидѣтельствуетъ, яко сія священныя мощи суть истинны, и святѣйшая и пречестная часть и отсѣченіе отъ святыя руки святаго славнаго пророка и Предтечи и Крестителя Іоанна, иже и пророческимъ имянемъ для вящей чести отъ владыки Христа сподобися, чудесами и знаменьми великими свидѣтельствованна суть, имѣетъ же и отъ себя свидѣтельство и истинствованіе чрезъ пребогатое благоуханіе, которое отъ нея исходитъ, и освященія причастниками тѣхъ сотворитъ, которые несумнѣнною вѣрою притекаютъ къ ней. Прежде же сего времени пребывала сохранена въ пречестной обители святые, преславные великомученицы и прехвальные Евѳиміи, сущей въ митрополіи халкидонской, иже въ Виѳиніи. Сего ради для свидѣтельства отпущена і сія наша извѣствующая грамота» (подпись руки патріарха) [2]. Одною изъ важнѣйшихъ святынь, привезенныхъ къ намъ съ востока, была знаменитая чудотворная икона Влахернская, которую привезъ къ намъ 11-го октября 1653 года цареградскій торговый грекъ Димитрій Остафьевъ отъ имени іерусалимскаго протосингела Гавріила. О самой иконѣ и ея обрѣтеніи константинопольскій патріархъ Паисій въ свидѣтельственной граматѣ сооб-

[1]) 7160 г. № 6.
[2]) 7202 г № 1

щаетъ слѣдующее: «обрѣли и познали, что она есть сдѣлана смѣшеніемъ отъ святыхъ мощей и отъ иного многого благоуханнаго состава, понеже она прехвальная икона, какоже есть отъ древняго писанія, что есть писанъ ликъ ея, яже творила многіе чудеса въ монастырѣ пречестномъ благоговѣйномъ въ дому Влахерне во времена при царствѣ греческихъ царей и творила чудеса многослышанные во писаніи: егда царствовалъ царь Ираклѣй и патріархъ Сергій, и тогда обступили градъ безчисленные воинскіе варварскіе люди по суху и по морю, и Божіею милостью и благодатью и силою и заступленіемъ всѣ разорилися и сокрушилися, и избавился градъ отъ великіе погибели. И послѣ того судьбами Божіими, какъ взяли Царьградъ и разорили все цареградскую красоту, тогда же разорили и ту многославную и прехвальную обитель,—и бысть увы достойные слезы и воздыханіе, яко явно есть шли нѣкоторые благочестивые и се многоцѣнное сокровище взяли въ монастырь дѣвичей во имя Вседержителя Христа. О горе Христе Царю, кто исповѣсть судьбы Твоя, тотъ монастыръ и церковь взяли и учинили мечетію, своимъ мольбищемъ, и слыветъ нынѣ то мѣсто Зегрекъ, и нѣкоторые христіане, взявъ ту преславную икону, поставили въ церкве въ глухомъ окнѣ, а предъ нею поставили кадило серебряное и иные сосуды и задѣлали кирпичемъ и замазали известью, чтобы она невидима была, якоже во время святый убрусъ Христовъ. И въ минувшемъ невеликое время слуга тое мечети восхотѣлъ сдѣлать у мечети окно и прибавить свѣту, и повелѣніемъ Божіимъ объявилося сіе многоцѣнное сокровище і велѣлъ ломати то мѣсто, гдѣ поставлена была икона сія и, обрѣтши ея, вынулъ, снялъ окладъ ея и продалъ тое икону единой женѣ, которая жила близко ево. И та жена хотѣла тое икону продати на деньги, и бысть Божіе произволеніе, обрѣте сего преподобнаго священноинока духовнаго господина Гавріила, протосингела престола Еросалимскаго, и онъ вымѣнилъ сію икону драгоцѣнную. И сего ради сей духовный отецъ для достовѣренія просилъ у насъ сію свидѣтельную грамоту, чтобы понуждати благочестивыхъ христіанъ къ великому благоговѣнію. И далъ есми сію грамоту и посылаемъ ея ко всѣмъ благочестивымъ и свидѣтельствуемъ объ ней, что есть та Богородицына честная икона чудотворная Лахѣрньская, паче злата и сребра и драгоцѣннаго каменія, и понуждаемъ всѣхъ благочестивыхъ съ благоговѣніемъ почитать и облобызать для освященія душамъ и тѣломъ въ славу и честь Богу». Внизу граматы находятся подписи разныхъ митрополитовъ, греческихъ вельможъ и клириковъ. Привезшій икону грекъ Димитрій Остафьевъ о томъ, какъ она попала къ протосингелу Гавріилу, заявилъ нѣсколько иначе, нежели какъ объ этомъ говоритъ патріаршая грамата; именно онъ показывалъ, что когда турки, завладѣвъ Константинополемъ, для большаго позору грекамъ отдали Влахернскій храмъ цыганамъ, греки успѣли перенести икону въ женскій Спасовъ монастырь, гдѣ она и находилась 60 лѣтъ, а когда они узнали, что и монастырь будетъ обращенъ въ мечеть, то заклали икону и сосуды въ стѣну. Въ церкви Пандократора было четыре придѣла: три изъ нихъ турки обратили въ свое мольбище, а четвертый отдали абызамъ для бусурманскаго дѣтскаго ученья, и съ тѣхъ поръ живутъ тамъ абызы и учатъ дѣтей грамотѣ. Одинъ изъ этихъ бусурманскихъ учителей пробилъ стѣну для свѣта, обрѣлъ икону, а какъ близко отъ него жилъ греческій портной, его пріятель, который много шилъ ему платья, то бусурманъ и сказалъ ему, что нашелъ въ стѣнѣ греческій образъ и что, если онъ хочетъ, можетъ купить у него эту икону. Портной и прежде слышалъ объ этой чудотворной иконѣ и, узнавъ ее по подписи, купилъ у бусурманина за 500 ефимковъ «и держалъ де тотъ портной мастеръ у себя тое чудотворную икону 30 лѣтъ, а въ тѣ де лѣта, какъ та икона у него въ дому была, явленіе Пречистые Богородицы тому портному мастеру и женѣ его было многое, чтобы они тое ея Богородицыну чудотворную икону въ дому у себя не держали, а отпустили бы во благочестіе, гдѣ царствуетъ христіанскій благочестивый царь. И про то явленіе тотъ портной мастеръ объявилъ Еросалимскаго патріарха протосингелу Гавріилу, потому что онъ человѣкъ честной, а у него креститъ дѣтей, и сказалъ ему о той чудотворнѣй иконѣ подробну. И протосингелъ де Гавріилъ у него тое чудотворную икону взялъ, а далъ ему за нее 400 ефимковъ, а тому де, какъ протосингелъ у того греченина тое чудотворную икону взялъ, нынѣ 7 лѣтъ, и по сіе время та чудо-

творная икона была у того протосингела, а какъ де та чудотворная икона была у протосингела и отъ нея де было многое исцѣленіе. А просили де у протосингела тое чудотворные иконы патріархи цареградской Паисій, что нынѣ отставленъ, да антіохійскій, что нынѣ въ Волоской землѣ и идетъ къ государю, для того, чтобы тому бывшему цареградскому патріарху послать тое чудотворную икону къ государю отъ себя. А антіохійскій патріархъ просилъ, чтобы ко государю привесть тое чудотворную икону ему патріарху самому, о томъ де антіохійскій патріархъ у протосингела просилъ гораздо и давалъ ему за тое икону 500 ефимковъ и больше, и протосингелъ де тѣмъ патріархамъ тое чудотворные иконы не далъ. Да иные де многіе благочестивые люди, вѣдая про тое чудотворную икону, у протосингела за многіе деньги тое чудотворные иконы добивалися, только де протосингелъ отъ себя тое иконы никуды отпустити не хотѣлъ, а ему де Димитрію, тотъ еросалимскаго патріарха протосингелъ отецъ духовный». Димитрій же, памятуя великую къ себѣ царскую милость, желая сослужить службу и зная царское благочестіе, сталъ говорить протосингелу, что хотя онъ и отказалъ въ иконѣ обоимъ патріархамъ, но впредь, если захочетъ цареградскій, то и силою велитъ у него отнять, и потому лучше бы ему послать икону въ христіанское государство и тѣмъ показать ему службу къ великому государю, «а ему протосингелу будетъ за то государева милость и жалованье, и государевымъ де жалованьемъ протосингела онъ, Димитрей, обнадежилъ», почему протосингелъ и согласился отпустить съ нимъ къ государю чудотворную икону. Къ своему разсказу объ обрѣтеніи иконы грекъ въ заключеніе говорилъ и слѣдующее: когда турки разорили Влахернскую церковь, то изъ того мѣста, гдѣ стояла икона, потекла и теперь течетъ вода. Близь того мѣста находятся двѣ церкви: во имя Іоанна Богослова и Димитрія Селунскаго. Въ великій постъ, когда бываетъ акаѳистъ Пресвятой Богородицѣ, и 2 іюля греки приходятъ къ той святой водѣ во множествѣ, устрояется къ источнику крестный ходъ, и бываютъ въ то время исцѣленія отъ всякой болѣзни тою святою водою, и берутъ ее греки въ домы для милосердія Божія. Святой источникъ сей течетъ подъ городскую стѣну въ море и

2 іюля, когда бываетъ праздникъ, въ морѣ, гдѣ потонули кагана скиескаго корабли, вода бываетъ кровавою до 1 сентября, а съ сентября опять по-прежнему. Оберегаетъ все то мѣсто, откуда течетъ святая вода, русская полонянка, для того, что ей указано съ тѣхъ людей, кто къ святой водѣ придетъ, брать по деньгѣ съ человѣка, и тѣмъ она питается, а полонянка сія обусурманена [1]).

Другою не менѣе цѣнною святынею, которая принесена къ намъ съ востока, была глава св. Григорія Богослова, и донынѣ хранящаяся въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Она была привезена къ государю въ сентябрѣ 1652 года грекомъ Спиридономъ Кирьяковымъ отъ морейскаго іеромонаха Григорія при граматѣ отъ него слѣдующаго содержанія: «вѣдомо буди благочестивому вашему царствію, что приснопамятный царь Константинъ Порфирогенитъ привезъ изъ Назіанза града въ Царьградъ, какъ писано въ древнихъ книгахъ, святую главу Григорія Богослова, свѣтильника вселенскаго, учителя и патріарха. Пребывала она съ иными многими мощами, во время греческихъ царей, на освященіе и спасеніе православнымъ христіанамъ, а послѣ раззоренія великаго Константина града, силою Божіею досталась сія святая глава въ руки нѣкоторой именитой, великой и благочестивой жены великаго казначея Мануила Аргиропула. Жена сія, послѣ плѣненія, вышла изъ Царьграда на житье въ Критскій островъ и взяла съ собою, какъ многоцѣнное сокровище, сію святую главу и отъ нужды своей продала нѣкоторому Петру Кософрочу, великому канцлеру Ханеи города, а онъ далъ ее вкладъ въ одинъ монастырь во имя Святой Троицы для своего поминовенія и творила глава сія чудеса несказанныя повсядневно и многія исцѣленія и утѣшенія съ вѣрою, чистымъ сердцемъ приходившимъ христіанамъ. Когда же опять плѣнили городъ Ханею, въ тѣ поры, грѣхъ ради нашихъ, раззорили монастырь Св. Троицы, взяли всѣ святые сосуды и ризы и сію святую главу также, которая была великимъ сокровищемъ для монастыря. Досталась она нѣкоторому великому вельможѣ, агарянину Шибанъ Капитанъ, и онъ хотѣлъ про-

[1]) 7162 г. № 2

вѣдать, для какой притчи христіане имѣли въ своемъ монастырѣ сію святую главу съ такою честью, посему помыслилъ онъ продать сію главу; для сего взялъ свидѣтельственную грамоту отъ игуменовъ, учителей, вельможъ и православныхъ христіанъ тамошней страны для удостовѣренія въ истинѣ и, ѣхавши отъ Критскаго острова, показывалъ на каждомъ мѣстѣ сію честную главу съ иными священными сосудами и ризами монастырскими, продавая оныя. Случилось Божіимъ благоволѣніемъ, что я, меньшій рабъ державнаго вашего царствія, священноинокъ Григорій и настоятель обители Пресвятой Богородицы, въ области Морейской, на озерѣ, увидѣлъ сіи святыя мощи, вострепеталъ и началъ у него просить свидѣтельныя грамоты. Когда увидѣлъ свидѣтельство достовѣрныхъ христіанъ, распросилъ многихъ жильцевъ Критскаго острова, которые прежде о ней вѣдали, что она была въ Троицкомъ монастырѣ, ибо не возмогъ стерпѣть безчестія и, если бы можно было, самъ предалъ бы себя на выкупъ сей честной главы изъ агарянскихъ рукъ,—я далъ ему выкупу, сколько онъ захотѣлъ. Принесъ я къ себѣ то драгоцѣнное сокровище, и было оно въ нашемъ монастырѣ на освященіе и спасеніе душевное и тѣлесное православнымъ. Но мученіе агарянское не даетъ намъ бѣднымъ имѣть ни единаго утѣшенія на семъ свѣтѣ, только проторы и обиды, и отъ того монастырь нашъ впалъ въ великую бѣдность, дожили до того, чтобы сбыть сію святыню и дати ея въ нѣкое мѣсто богатодарное, чтобы намъ воспріяти помочь исправить бѣдность нашего монастыря. И про то провѣдавъ, отъ многихъ и великихъ странъ съ великимъ радѣніемъ присылали къ намъ и сулили многую казну, чтобы мы дали тѣ святые мощи имъ, и великій трудъ полагали то отъ насъ взяти, яко есть веліе и славно и сладко имя сего великаго учителя и святильника вселенскаго Григорія Богослова, только мы имъ не отдали. И посовѣтовались между собою іереи съ клириками и учителями и иными многими достохвальными людьми, помыслили, что поелику явно есть патріаршія соборныя грамоты о сей главѣ, то чтобы не отошла она въ иное мѣсто кромѣ, какъ святому вашему царствію, дабы великое сіе сокровище во вѣки вѣковъ оставалось посреди державнаго вашего царства,

а не гдѣ-либо въ малыхъ мѣстахъ и, какъ прежде у царей была, такъ и впредь у царей будетъ, съ честію и славою. Ибо подобаетъ, гдѣ есть утвержденіе православія и исполненіе благочестія и житіе чистое христіанское, слава о благочестивыхъ, похвала и утѣшеніе плѣннымъ, мѣсто освященное, на немъ же почиваетъ Богъ, и имя Христово свободно дерзается; да будетъ же всегда на умноженіе святаго вашего царства и на освященіе благочестивымъ христіанамъ. И такъ, боговѣнчанный и тихомирный царь, съ великимъ радѣніемъ вседушно и сердечно приговорили прислать и святымъ вашимъ рукамъ дать сію святыню святынь, какъ праведный законъ. И мы же никому иному не повѣрили сію честную главу, какъ только сему христіанину, Спиридону Кирьякову изъ области Кастерской, ибо намъ объ немъ вѣдомо, что онъ добраго житія и православный христіанинъ и вѣренъ, и другъ нельстивый и поборникъ нашего монастыря. Посылая его тихомирной державѣ святаго вашего царства, преклоняемъ главы наша вседушно къ подножію Богомъ вѣнчаннаго царства, моля вседержителя Бога и Пречистую Его Матерь и во святыхъ отца нашего вселенскаго учителя и патріарха Григорія Богослова, да воспріимешь даръ сей во здравіе и радость, въ освященіе и спасеніе христоименитымъ людямъ». Далѣе, молили царя смиловаться надъ ихъ обителью, поелику помогаетъ онъ многимъ во всѣ четыре концы вселенныя, чтобы могли они оправиться и не разорилась въ конецъ ихъ обитель, за что обѣщали непрестанно молиться о царскомъ благоденствіи. При этомъ приложено было патріаршее свидѣтельство: «да будетъ вѣдомо и свидѣтельствуемъ всѣмъ благочестивымъ православнымъ христіанамъ, что многаго ради согрѣшенія нашего преданы мы въ руки агарянскія, какъ и бѣдный и многострадальный Критскій островъ; въ немъ плѣнили много женъ и дѣтей, старыхъ и юныхъ, иноковъ и инокинь и священные божественные монастыри съ церковными сосудами ограблены, а мощи святыхъ разсѣяны по востоку и западу. Посредѣ сихъ плѣненныхъ монастырей, есть монастырь во имя Живоначальныя Троицы; въ немъ были многія священныя ризы и святыя мощи и драгоцѣнное сіе сокровище— глава св. отца нашего Григорія Богослова, учителя вселен-

скаго, вкупѣ со иными 12 мощами, въ серебрянныхъ сосудахъ. Вмѣстѣ съ тою святою главою другая св. глава великомученика Кирика, о семъ пишемъ и свидѣтельствуемъ всѣмъ православнымъ христіанамъ: какъ прежде принесена была на Критскій островъ св. глава великаго Григорія Богослова, послѣ взятія Царяграда, женою великаго казначея Мануила, гдѣ ее купилъ великій канцлеръ города Канеи Петръ Колофронъ, который далъ ее въ вкладъ въ вышеписанный монастырь Св. Троицы, для поминовенія своего и родителей, нынѣ же опять грѣховъ ради нашихъ во второй разъ плѣнена сія святая глава и досталась въ руки нѣкоему капитану Шибалъ-Рейсу, и онъ просилъ у насъ удостовѣрительной граматы, о чемъ свидѣтельствуемъ истинно. 1648 года, іюля 20». Подписались: Іосифъ священноинокъ, Пателарій экзархъ патріаршій и еще 13 священниковъ и иноковъ города Канеи. Такого же содержанія была и соборная грамата, выданная во свидѣтельство іеромонаху Григорію вселенскимъ патріархомъ Паисіемъ отъ ноября мѣсяца 1652 г. съ приписью антіохійскаго патріарха Макарія и восьми митрополитовъ [1]).

Въ 1636 году пріѣхалъ изъ Крыма, вмѣстѣ съ крымскими послами, дьячекъ Иванъ, Предтеченской, на Солончакахъ, церкви въ Бахчисараѣ. Изъ Путивля съ приставомъ онъ прислалъ государю мощи св. мученицы Анастасіи и при мощахъ свидѣтельство о нихъ архіепископа Халкидской страны Сильвестра. Архіепископъ между прочимъ пишетъ, обращаясь ко всѣмъ христіанамъ: «нынѣ прибѣгъ къ намъ благочестивый іерей, требуя отъ насъ свидѣтельства о тѣхъ святыхъ мощахъ, что онъ нашелъ ихъ въ мѣстѣ нечестивыхъ, въ странѣ Халкидской, и принесъ и положилъ ихъ въ церковь съ надписью: мощи св. Анастасіи, да мощи св. мученика Мины, и задумалъ подати тѣ мощи православнымъ христіанамъ, и тѣ есть истинные мощи. А посему молимъ всѣхъ васъ, да воспріимите сего благочестиваго архіерея и воздадите ему милостыню всякой по своей силѣ, чѣмъ Богъ кого надѣлилъ, чтобы ему освободитися и отъ долгу оплатитися» [2]). Въ 1680 году путивль-

[1]) 7161 г. № 3.
[2]) 7144 г № 7

скій воевода доносилъ, что пріѣхалъ старецъ Пафнутій изъ Іерусалима и съ собою объявилъ: «шкатулка не велика въ кожѣ, обита желѣзомъ, а въ ней сосудецъ не великъ серебренъ кованъ съ кровлею, коробочка, а въ той коробочкѣ кость оправлена серебромъ по краямъ, а сказалъ, что де та кость мощи св. мученика Димитрія Селунскаго, часть главы его». Пропущенный въ Москву въ посольскомъ приказѣ Пафнутій заявилъ, что его послалъ изъ Дамаска игуменъ ихъ монастыря Михаилъ—«велѣлъ ему бить челомъ, чтобы великій государь изволилъ тѣ святыя мощи у него принять, а ихъ въ тотъ монастырь пожаловать своимъ великаго государя жалованьемъ». Пафнутій представилъ свидѣтельственную грамату сочавскаго митрополита, въ которой говорилось, «что тотъ Димитріевскій (въ Дамаскѣ) монастырь созданъ Константиномъ и Еленою во имя св. великомученика Димитрія, идѣже и святые мощи его лежатъ, принесены отъ Солуни града изволеніемъ Божіимъ, и съ которыхъ мощей, для вѣрности, сей священноинокъ Пафнутій носитъ съ собою кость главы его — чело, во освященіе и исцѣленіе вѣрою поклоняющихся и лобызающихъ ю» [1]). Въ 1646 году пріѣхалъ въ Москву архіепископъ симскій и корейскій Анѳимъ, который привезъ государю мощи великомученика Никиты съ слѣдующимъ свидѣтельствомъ константинопольскаго патріарха Неофита объ ихъ обрѣтеніи: «блаженные памяти инокосвященникъ Игнатій затворникъ, пребываючи въ мѣстѣ, нарицаемомъ Готѳине, гдѣ святый мученикъ Никита воспріялъ мученіе свое огнемъ, и тѣ мощи собралъ тотъ затворникъ Игнатій и привезъ въ нѣкоторой островъ, нарицаемый Карія, и погребъ въ каменномъ гробѣ и сверху написалъ свинцовое письмо: здѣсь положилъ, азъ Игнатій инокосвященникъ, мощи св. Никиты; и тѣ мощи отъ древнихъ лѣтъ обрѣлися въ Каріи нѣкоторымъ честнымъ людемъ, и они паки ихъ погребли, и бысть имъ вѣдомо то мѣсто и, тако шедъ, сказали епископу того града господину Анѳиму, и мѣсто ему показали и гдѣ есть святые мощи, и отверже сыскалъ ихъ — благоуханіе великое издали и почтилъ и имѣлъ великое желаніе положити ихъ въ христіан-

[1]) 7188 г. № 31.

скихъ странахъ. И ѣдучи моремъ поймали его разбойники и ограбили его до нага, да сверхъ того стало ему 2000 ефимковъ, покамѣста тѣ мощи освободилъ, какъ свидѣтельствуютъ ниже сего писанные тамошніе священницы и миряне, также просилъ и у насъ грамоты для истинной подлинны, и тако дали есми грамоту нашу преосвященному епископу симскому и корейскому господину Анѳиму 1644 г., мѣсяца апрѣля индикта 12». Затѣмъ слѣдуютъ 12 подписей тамошняго духовенства, подпись хійскаго митрополита и послѣдняя подпись: «Евѳимій, милостью Божіею, патріархъ великаго Божія града Антіохіи и всеа Анатольскіе страны»[1]). Халкидонскій митрополитъ въ 1655 году посылаетъ главу св. Евгенія съ такимъ разсказомъ о ней: «посылаю святую главу св. Евгенія, иже празднуется въ 13 день декабря съ пятьми мученики, еяжъ святая глава обрѣташася въ митрополіи Писидійской и ужъ нынѣ 75 лѣтъ, отнележе взяша турцы митрополію и раззориша ю, и митрополитъ онаго времени Евеимій изжидивъ, да освободитъ митрополію, положи ю въ закладъ у нѣкихъ внѣшнихъ на седмьсотъ ефимковъ и имяху ю ту, якоже свидѣтельствуетъ и блаженный патріархъ іерусалимскій господинъ Ѳеофанъ и блаженный патріархъ александрійскій господинъ Герасимъ, иже бяху отъ онаго мѣста. И нынѣ, егда принесоша ю здѣ и прошаху продати ю и внегда бѣ митрополитъ писидійскій нынѣшній человѣкъ мой, понуди мя и дахъ долгъ, и взяхъ ю и посылаю святую главу къ державному и святому царствію твоему... Посылаю и едины святыя мощи къ самодержицѣ царицъ супружницѣ, еяжъ суть отъ длани преподобныя матери нашея Параскевіи, яжъ празднуется въ 14 день октября, еяжъ святыя мощи бяху цѣлы сохранены въ патріаршествѣ здѣ въ константинопольскомъ и во время, внеже проси ю и взялъ воевода молдавскій Луцулъ въ Молдавію, тогда азъ самъ своими руками со благоговѣніемъ разлучихъ я и держахъ въ страсѣ *и не лгу*, яже да имать во освященіе и сохраненіе всякія противолежащія силы... и что извѣститъ благодать Божія человѣколюбнымъ твоимъ утробамъ и да помилуетъ мя етъ веліа милости своея»[2]). Въ 1626 году привезъ въ

[1]) 7154 г. № 16.
[2]) 7163 г. № 1.

Москву Константинъ Ларивоновъ часть животворящаго древа, о которомъ подалъ такое заявленіе: «бью челомъ и пишу смѣя и не смѣя недостойный рабъ, который принесъ къ вашему царскому величеству святое и пречестное, великое и неизрѣченное древо, есть то отъ пречестнаго и животворящаго креста, на которомъ распяли Господа нашего Іисуса Христа Сына Божія, единороднаго и единосущиаго и нераздѣльнаго. И это древо обрѣли прародители мои, а по прародителехъ моихъ досталось мнѣ, убогому рабу вашего царскаго величества, и видѣчи я то, чтобы то пречестное древо не осталось тамъ межъ волковъ-еретиковъ-агарянъ, привезъ если то древо съ собою къ вашему царскому величеству: да извѣщаю вамъ великимъ царемъ, что я отъ родства великаго, про то велите распросить... преподобнаго келаря Аникея, онъ про то вѣдаетъ... а то древо свидѣтельственно, и чудеса многіе отъ него творились и *про то объявляю неложно, не для мзды, сами вы узрите: какое чудо учнетъ отъ него происходить* и распросить велите верійскаго митрополита Аверкія, что онъ видѣлъ, и онъ вамъ, государемъ, подлинно скажетъ про тѣ чудеса»[1]). Въ 1693 году іерусалимскій патріархъ Досиѳей, съ племянникомъ своимъ архимандритомъ Хрисанеомъ, прислалъ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ часть животворящаго древа, при чемъ писалъ: «посылаемъ вамъ освященіе ради и помощи душевной и тѣлесной частицу *самаго подлиннаго честнаго и животворящаго креста Господня*»[2]). Въ 1700 году тотъ же патріархъ Досиеей писалъ Петру: «посылаемъ съ нашимъ архимандритомъ вашему величеству, въ маломъ золотомъ крестикѣ, честнаго древа *часть истинную* съ иконою пресвятыя Богородицы, весьма древняго изображенія»[3]). Въ 1704 году братія Успенскаго въ Мореѣ монастыря посылаетъ государю «отъ мощей великомученика Меркурія средній перстъ десныя руки, который невидимо прободалъ злоименитаго Іуліана; мощи сіи засвидѣтельствованы истинно»[4]).

Такъ какъ каждый проситель съ востока обыкновенно приве-

[1]) 7136 г. № 13
[2]) 7201 г. № 4
[3]) 1700 г № 1
[4]) 1704 г. № 22.

зилъ съ собою какую либо святыню, которую, какъ даръ, подносилъ царю, иногда патріарху и другимъ лицамъ, имѣвшимъ въ Москвѣ вліятельное положеніе, и такъ какъ каждому за подносимое правительство платило соболями или деньгами, то съ теченіемъ времени естественно должна была установиться у насъ опредѣленная и постоянная оцѣнка разной святыни, исключая нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ, когда святыня привозилась какая либо особая, за которую и дача была также особая. Обыкновенно правительство, принимая отъ просителя святыню, справлялось, что за подобную же святыню давалось ранѣе просителямъ, и выдавало всегда «примѣняясь къ прежнимъ дачамъ», благодаря чему въ Москвѣ и установились опредѣленныя цѣны на привозимую съ востока святыню. Приведемъ объ этомъ нѣсколько любопытныхъ справокъ посольскаго приказа, гдѣ происходила предварительная оцѣнка привезенной святыни примѣнительно къ прежнимъ дачамъ. «Въ прошломъ во 136 году пріѣзжалъ къ Москвѣ греченинъ Костянтинъ, а съ собою привезъ къ государю и святѣйшему патріарху часть древа отъ животворящаго креста Христова. И за то ему дано государева и святѣйшаго государя патріарха жалованья сорокъ соболей въ 30 рублевъ, сорокъ соболей въ 20 рублевъ, а всего на 50 рублевъ. Въ прошломъ, во 140 году пріѣзжалъ къ Москвѣ съ турскимъ посломъ гречанинъ Ѳома Петровъ, а съ собою привезъ къ великому государю святѣйшему патріарху четыре части древа отъ животворящаго креста Христова. И дано ему государева и святѣйшаго патріарха жалованья за то два сорока соболей по 50 р. сорокъ, сорокъ соболей въ 60 рублевъ, всего на 160 рублевъ» [1]). «Въ прошломъ во 149 году пріѣзжалъ къ государю къ Москвѣ изъ Царягорода греченинъ Костентинъ Остафьевъ, а привезъ къ государю часть отъ древа святаго и животворящаго креста Господня. И дано ему государева жалованья за тою святыню соболями на сто рублевъ. Во 151 году пріѣзжалъ къ государю къ Москвѣ сербскіе земли города Касторія Успенія пресвятыя Богородицы Кременскаго монастыря архимандритъ Германъ и билъ челомъ о милостынѣ и на церковное строеніе и поднесъ ко-

[1]) 7141 г. № 4.

государю святыня часть отъ древа честнаго и животворящаго креста Господня и иную святыню. И дано имъ государева жалованья на церковное строеніе и за святыню соболями на 100 рублевъ» [1]). «Во 160 году прислалъ ко государю Ерусалимскаго патріарха Паисія протосингелъ Гавріилъ з'агреченіномъ съ Савою Дмитріевымъ святыни—часть древа честнаго и животворящаго креста Господня и за тое святыню протосингелу послано государева жалованья соболями на 200 рублевъ» [2]). Въ 1754 году Павловскаго аѳонскаго монастыря архимандритъ Анатолій поднесъ императрицѣ вывезенный имъ изъ монастыря «ковчегъ со святымъ животворящимъ древомъ креста Господня». Въ указѣ государыня говоритъ: «что Мы принявъ отъ того животворящаго древа часть отдѣля оставили здѣсь, а протчее отдали ему архимандриту», съ которымъ послано было на монастырь милостыни на 3,000 рублей, да ему архимандриту на проѣздъ и на дорогу дано 1000 рублей [3]). Не только часть животворящаго древа, но и другая святыня—мощи и чудотворныя иконы въ Москвѣ получали также опредѣленную любопытную оцѣнку. Вотъ нѣсколько справокъ посольскаго приказа: въ 1634 году «посолъ (турецкій) Ѳома привезъ къ великому государю святѣйшему патріарху святыни руку св. Меркурія отъ греченина Андрея, и тотъ Андрей умеръ, а за ту святыню дано послу Ѳомѣ соболями на 70 рублевъ, а Ѳомѣ тѣ соболи отдать по душѣ того умершаго Андрея». Греченинъ Андроникъ Ранкавей привезъ къ великому государю святѣйшему патріарху святыни отъ греченина Ермолая Ранкавея часть мощей главы Іоанна Предтечи, часть мощей ап. Андрея Первозваннаго, часть мощей ап. Петра, часть мощей апостола и евангелиста Матвѣя, и за ту святыню, по челобитью посла Ѳомы, послано съ нимъ, съ Ѳомою, къ греченину Ермолаю Ранкавею: за Предтечевы мощи соболми на 50 рублевъ, за апостольскія за три мощи на 150 рублевъ», «а порознь имѣетца за апостольскіе мощи по 35 рублевъ соболями за мощи» [4]). «Во 144 году пріѣзжалъ къ

[1]) 7153 г. № 32.
[2]) 7162 г. № 5.
[3]) 1754 г. № 6.
[4]) 7142 г. № 2 и 7144 г. № 7.

государю съ крымскими послы греченинъ изъ Бакчисарая пречистенской церковной дьячекъ, а привезъ мощи св. мученицы Анастасіи, да свидѣтельственное письмо Селивестра архіепископа халдейскія (халкидскія?) страны, а въ томъ письмѣ писано, тѣ мощи прямые мученицы Анастасѣи, и дано ему государева жалованья за тѣ мощи 25 рублевъ. Во 152 году пріѣзжалъ ко государю къ Москвѣ турскіе земли города Селуни монастыря св. мученицы Анастасѣи Узорѣшительницы архимандритъ Галахтіонъ, а съ нимъ старцы, и поднесъ архимандритъ ко государю святыни—мощи святаго апостола Андрѣя Первозваннаго правую руку и иную святыню, и дано ему государева жалованья на милостыню и за мощи соболями на 100 рублевъ» [1]). Въ 1646 году симскому архіепископу Аѳоиму за привезенныя имъ мощи св. Никиты дано соболями 130 рублей [2]). «Во 161 году прислалъ ко государю цареградской бывшей патріархъ Іоанникій панагѣю, а въ ней мощи св. страстотерпца Георгія Побѣдоносца, да святаго Меркурія и святые Евѳиміи и государева жалованья послано къ патріарху на милостыню соболями на 150 рублевъ, да за мощи два сорока соболей, одинъ въ 40, другой въ 35 рублевъ». «Въ нынѣшнемъ во 162 году прислали ко государю изъ Царягорода еросалимскаго патріарха протосингелъ Гавріілъ съ гречениномъ Дмитріемъ Остаѳьевымъ чудотворный образъ пречистые Богородицы Одигитрія иже Влахерне, да морейскіе области монастыря пречистыя Богородицы, что на езерѣ, архимаритъ Григорій съ гречениномъ съ Спиридономъ Кирьяковымъ мощи великаго святителя Григорія Богослова патріарха Царяграда, и за тое святыню велѣно къ тѣмъ, кто прислалъ, послать государева жалованья соболями протосингелу Гаврилу на 200 рублевъ, а въ морейскій монастырь архимариту на 150 рублевъ» [3]). Волошенинъ Михайло Степановъ поднесъ государю мощи св. великомученика Ореста «и за тое святыню дано ему государева жалованья соболми 30 рублевъ» [4]). Изъ этихъ и подобныхъ частныхъ и единичныхъ случаевъ дачи за святыню выработалась общая норма

[1]) 7153 г № 32.
[2]) 7155 г № 13
[3]) 7162 г. № 5
[4]) 7165 г № 2

дачи, которая въ дѣлахъ приказа формулируется такъ: (1644 г.) «а за святые мощи, которые гречане мірскіе люди ко государю напредъ сего приваживали, давано государева жалованья соболми—первая статья по 50 рублевъ а инымъ по 30 и 20 рублевъ за мощи» [1]). 1658 года: «да за святыню и за мощи пріѣзжимъ гречаномъ въ прошлыхъ годѣхъ давано государева жалованья соболми по 50 и по 40 и 30 рублевъ» [2]). 1670 года: «а которые митрополиты и архіепископы къ великому государю присылывали святыни, и къ нимъ за тое святыню посылывано великаго государя жалованья по 40 и по 50 рублевъ» [3]). Какъ святыня оцѣнивалась въ Москвѣ сравнительно съ другими цѣнными предметами, это видно изъ слѣдующаго случая: въ 1641 году грекъ Константинъ Остафьевъ поднесъ государю: двѣ панагіи золотыхъ съ алмазами и яхонтами на золотыхъ цѣпяхъ; мощи Василія Великаго—перстъ отъ руки, обложенной золотомъ, и древо креста Господня. За панагіи ему дали соболями на 500 рублей, за мощи и древо на 100 рублей [4]).

Кромѣ частей животворящаго древа, мощей и чудотворныхъ иконъ, просители привозили и иную крайне цѣнную для христанина святыню. Напр. константинопольскій патріархъ Іеремія поднесъ государю золотую панагію, въ которой находилась: кровь Христова, часть ризы Христовой, часть отъ копья, часть отъ трости, часть отъ губы, часть отъ терноваго вѣнца, да сверхъ того онъ поднесъ государю *три пуговицы* отъ ризы пречистыя Богородицы. Въ 1628 году архимандритъ аѳонскаго Дмитріевскаго скита, зависящаго отъ Ватопеда, принесъ государю въ благословеніе: *чудотворное полотенце* отъ великомученика Димитрія съ свидѣтельствомъ за подписью двухъ аѳонскихъ архимандритовъ (ватопедскаго и кутлушумскаго) и двухъ игуменовъ. Въ этомъ свидѣтельствѣ разсказывается, что въ Волошской землѣ былъ нѣкогда воеводою Авгарь, покрытый струпьями и искавшій исцѣленія въ Солуни при мощахъ св. Димитрія. Когда, по внушенію святаго, явившагося ему во снѣ, онъ положилъ

[1]) 7152 г № 1
[2]) 7166 г № 12
[3]) 7178 г. № 11
[4]) 7149 г № 14

себѣ на голову его полотенце, хранившееся въ церкви, то немедленно исцѣлился отъ своей болѣзни. Тогда Авгарь увезъ это чудотворное полотенце въ Волошскую землю и положилъ его въ выстроенной имъ церкви въ честь св. великомученика Димитрія. Императоръ Андроникъ Палеологъ старшій велѣлъ взять это чудотворное полотенце изъ Валахіи и принесъ его на Аѳонъ въ обитель великомученика Димитрія, въ которой онъ постригся подъ именемъ Акакія; съ тѣхъ поръ это чудотворное полотенце и хранилось въ ихъ скитѣ. «Но братія, видя, что ихъ церковь раззоряется и не имѣетъ себѣ соорудителя, соборно приговорила: послать сіе полотенце, вмѣстѣ съ миромъ св. Димитрія, къ великимъ государямъ патріарху и самодержцу вся Россіи, ради милостыни и искупленія св. церкви, дабы они ей были новыми строителями, подобно первому царственному ктитору, императору Андронику Палеологу». [1]) Въ 1647 году въ Москву прибыли старцы съ о. Патмоса изъ монастыря св. Іоанна Богослова и принесли въ даръ государю дивный и чудный камень, съ изображеніемъ Богородицы, выпавшій изъ рукъ ангела въ то время, когда евангелистъ Іоаннъ писалъ свое Евангеліе. Объ этомъ камнѣ старцы представили свидѣтельство константинопольскаго патріарха Пареенія, который пишетъ: «отцы посылаютъ небольшой даръ—сей святый камень, пишучи святый Иванъ божественное и священное Евангеліе, отъ божественнаго ангела паде предъ нимъ, знаменное Богородица Марія». Старцы въ своей граматѣ къ царю про этотъ камень, съ изображеніемъ на немъ Богородицы, писали такъ: «посылаемъ къ царствію вашему отъ части камени отъ страны, что апостолъ видѣлъ апокалипсиста, да будетъ на утвержденіе царствія вашего». За этотъ чудный камень старцамъ было послано въ Путивль 25 руб., но самихъ ихъ въ Москву не пропустили [2]). Въ 1702 году архимандритъ того же богословскаго на о. Патмосѣ монастыря поднесъ государю: листъ изъ Евангелія Христова, благовѣстія апостола и евангелиста Іоанна Богослова, писанный ученикомъ его Прохоромъ [3]). Привозили къ намъ и

[1]) Снош. съ Вост. ч. II, стр. 49—51
[2]) 7165 г. № 21.
[3]) 1702 г. № 11.

другія рѣдкости: въ 1603 году іерусалимскій патріархъ прислалъ древнюю икону Богоматери, обложенную серебромъ, принадлежавшую царицѣ Еленѣ; такъ называемый синайскій митрополитъ Іеремія въ 1623 году—масло, которое является изъ дерева на праздникъ свѣтлаго Христова воскресенія въ горѣ, гдѣ постился Илія пророкъ; тоже отъ синайскаго архіепископа въ 1636 году — три посоха отъ того куста, отъ котораго Моисей взялъ жезлъ; былъ принесенъ къ намъ и омофоръ, который былъ на патріархѣ Александрѣ, когда онъ проклиналъ Арія, печать Александра Македонскаго и т. п. Въ 1655 году халкидонскій митрополитъ прислалъ, по его словамъ, очень древнюю и интересную псалтирь, о которой онъ пишетъ царю: «обрѣлъ настоящую псалтирь приснопамятнаго царя Алексіа Комнина въ царской палатѣ, идѣже суть сохранени вся книги отъ времени пленения и хранятся особно коегождо царя, обрѣтохъ отъ всѣхъ прочихъ святую сію псалтырь, якоже является съ живописанми своими, харатейную, является и отъ лѣта своего и не требуетъ иного свидѣтельства, понеже и писецъ имать и лѣта писанное... трудъ великій положихъ къ вельможнымъ и со многими исходы, паче трехъ сотъ пятидесяти, и едва взяхъ ю и посылаю въ поклоненіе святаго царствія твоего» [1]).

Русскіе охотно, не жалѣя денегъ, пріобрѣтали отъ гречанъ всякую святыню, въ полной увѣренности, что востокъ, лишаясь своей святыни, лишался вмѣстѣ съ этимъ и прочныхъ, необходимыхъ основъ истиннаго благочестія, терялъ, вмѣстѣ съ святынею, и право на руководящую роль въ религіозной жизни православнаго міра. Наоборотъ, сосредоточеніе христіанской святыни въ Москвѣ давало русскимъ право съ увѣренностью смотрѣть на Москву, какъ на дѣйствительный третій Римъ, во всѣхъ отношеніяхъ замѣнившій собою новый Римъ—Константинополь, а на себя, какъ на людей, обладающихъ высшимъ благочестіемъ сравнительно съ греками, всегда готовыми за шкуру соболя продать самую драгоцѣнную для всякаго истиннаго христіанина святыню. Этотъ взглядъ на торговлю греками святынею и на значеніе этого явленія взаимныхъ отношеній между гре-

[1]) 7163 г. № 13 и 24 и 1.

ками и русскими послѣдніе высказываютъ очень ясно и опредѣленно. Такъ Арсеній Суханов въ своемъ преніи съ греками о вѣрѣ говорилъ относительно этого въ глаза грекамъ: «мощей святыхъ у васъ было много, и вы ихъ разносили по землямъ и нынѣ у васъ нѣту, а у насъ стало много». Составитель славянскихъ святцевъ изъ второй половины XVII вѣка въ предисловіи къ нимъ говоритъ: «и еже бо греци гордящеся и возносящеся глаголютъ, яко Русь отъ нихъ начало пріятъ и невѣріемъ омрачаются, мнящe русское благочестіе ничтоже есть и о святыхъ, угодившихъ Богу на Руси, усомнѣваются. Сами насилія ради отъ безбожныхъ благочестіе свое погубиша, чудотворныя иконы также и мощи святыхъ раздѣлиша, вся отъ себе отвезоша на Русь и свое благочестіе пусто сотвориша».

Такъ все, что прежде давало Константинополю значеніе главы, столицы всего православнаго міра, — достоинство царское, достоинство патріаршее, обильная и всѣми чтимая святыня,—все это теперь было перенесено въ Москву. Но тамъ, гдѣ находится православный царь и рядомъ съ нимъ патріархъ, гдѣ не только мѣстной, но и общехристіанской святыни было болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ,— тамъ должна быть и столица всего православія, тамъ должно царить истинное благочестіе. Москва, по убѣжденію русскихъ, теперь стала дѣйствительнымъ третьимъ Римомъ, вполнѣ замѣнившимъ собою новый Римъ — Константинополь.

ОТДѢЛЪ II.

Русскій царь есть опора и покровитель всего вселенскаго православія.

Достоинство царя, усвоенное Иваномъ Васильевичемъ въ качествѣ преемника и наслѣдника византійскихъ императоровъ, торжественно утвержденное за нимъ константинопольскимъ патріархомъ со всѣмъ соборомъ и признанное потомъ всѣмъ православнымъ востокомъ, налагало на русскаго государя особыя, чрезвычайныя обязанности относительно всего православія и всѣхъ православныхъ народовъ. Какъ единый теперь православный царь во всей вселенной, какъ единственный представитель и поборникъ всего вселенскаго православія, русскій государь долженъ былъ заботиться о сохраненіи и процвѣтаніи православія не только у себя на Руси, но и на всемъ православномъ востокѣ, чтобы не дать ему тамъ окончательно погибнуть подъ тяжкимъ гнетомъ невѣрныхъ,—это была его прямая, священная обязанность, какъ преемника византійскихъ императоровъ, какъ единаго теперь православнаго царя въ цѣломъ мірѣ. Русскіе государи, съ своей стороны, всегда ясно сознавали эту лежащую на нихъ обязанность относительно православнаго востока и, въ теченіи столѣтій, заботливо старались ее выполнить, сообразуясь съ данными обстоятельствами того или другаго времени.

Глава IV.

Благотворительность русскихъ государей православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Когда русскій царь, какъ наслѣдникъ и преемникъ византійскихъ императоровъ, принялъ на себя обязанность

покровителя всего вселенскаго православія, то на первое время его покровительство бѣдствующему православному востоку, по необходимости, не пошлю далѣе простой благотворительности, дачи болѣе или менѣе щедрой милостыни тѣмъ, которые обращались за нею въ Москву. Подѣлиться избыткомъ своихъ культурныхъ силъ, своимъ научнымъ развитіемъ и образованіемъ, въ смыслѣ высшей культурной силы, вліять на укрѣпленіе духовно-религіозной жизни православныхъ народовъ русскіе тогда не могли. Въ дѣлѣ научнаго образованія и развитія православный востокъ, въ лицѣ своихъ представителей—грековъ, стоялъ тогда несравненно выше русскихъ, которые сами съ теченіемъ времени принуждены были обратиться къ грекамъ, чтобы у нихъ добыть себѣ нужныхъ ученыхъ людей для книжныхъ переводовъ и исправленій и для устройства школы на Руси. Не могъ московскій царь, до болѣе поздняго времени, оказывать покореннымъ турками православнымъ народамъ какую-либо дѣйствительную помощь и, въ качествѣ крупной и вліятельной политической силы, не могъ защищать и ходатайствовать за нихъ предъ турецкимъ правительствомъ, потому что не былъ еще настолько силенъ, чтобы вмѣшиваться во внутреннія дѣла и отношенія въ то время еще могущественной и страшной для всѣхъ Турціи. Поэтому наши государи, до самаго XVIII столѣтія, ни разу не рѣшались открыто выступить предъ турецкимъ правительствомъ въ качествѣ естественныхъ защитниковъ и покровителей всѣхъ православныхъ, конечно, въ томъ убѣжденіи, что всякая попытка въ этомъ родѣ кончилась бы вполнѣ безуспѣшно, если не прямо со вредомъ, даже и для самой Россіи. Такимъ образомъ, московскому царю оставалось единственное доступное для него средство оказывать помощь и покровительство страждущимъ православнымъ на востокѣ—это давать и посылать имъ болѣе или менѣе щедрую милостыню и, въ крайнемъ случаѣ, предлагать преслѣдуемымъ на востокѣ убѣжище и пріютъ на Руси. Въ этой именно двоякой формѣ и выражалось русское покровительство православному востоку въ теченіе XVI и XVII столѣтія.

а) Русская милостыня православному востоку въ теченіе XVI и XVII столѣтій.

Какъ скоро московскій царь былъ признанъ опорою и покровителемъ всего вселенскаго православія, изъ всѣхъ странъ православнаго востока въ Москву направились цѣлыя толпы всевозможныхъ просителей милостыни. Между ними мы встрѣчаемъ самихъ восточныхъ патріарховъ, и лично побывавшихъ въ Москвѣ и посылавшихъ туда за милостынею своихъ довѣренныхъ лицъ; видимъ представителей разныхъ автокефальныхъ церквей: патріарховъ сербскихъ, архіепископовъ — ахридскаго, Синайскаго, кипрскаго; митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ епархій греческихъ, сербскихъ, болгарскихъ, молдовалахійскихъ; настоятелей монастырей сирійскихъ, палестинскихъ, египетскихъ, греческихъ, славянскихъ, румынскихъ; простыхъ иноковъ, игуменей, инокинь, бѣлыхъ священниковъ и разныхъ мірскихъ лицъ. Словомъ, всѣ православныя страны и всѣ православныя народности постоянно, въ теченіе столѣтій, присылали отъ себя въ Москву самыхъ разнообразныхъ просителей милостыни, которые, кромѣ особыхъ исключительныхъ случаевъ, никогда не возвращались назадъ съ пустыми руками.

Обыкновенно просители разными путями добирались до пограничнаго русскаго города Путивля (на другіе города ѣздить запрещалось), гдѣ они обязаны были явиться къ мѣстному воеводѣ, который немедленно отбиралъ отъ нихъ показанія: кто они и откуда, чрезъ какія земли и города проѣзжали, зачѣмъ ѣдутъ въ Москву, что везутъ съ собою, т.-е. какую святыню, не имѣютъ ли при себѣ граматъ патріаршихъ или граматъ съ политическими вѣстями отъ разныхъ агентовъ нашего правительства. Послѣ допроса воевода немедленно доносилъ обо всемъ государю и просилъ его разрѣшенія пропустить въ Москву означенныхъ лицъ, которыя, до полученія отвѣта, жили все время въ Путивлѣ и пользовались казеннымъ содержаніемъ. Пропускъ просителей въ Москву не обходился безъ злоупотребленій со стороны путивльскихъ воеводъ и ихъ приказныхъ людей, которые

иногда нарочно удерживали въ Путивлѣ просителей, чтобы получить съ нихъ взятку. Такъ въ 1648 году аѳонскій пантелеймоновскій архимандритъ Никодимъ жаловался въ Москвѣ въ Посольскомъ приказѣ, что «въ Путивль они пріѣхали въ февралѣ мѣсяцѣ, и путивльской де воевода князь Юрій Долгорукой велѣлъ имъ жить въ Путивлѣ и сказалъ, что онъ объ нихъ отпишетъ къ государю къ Москвѣ, и далъ имъ корму на 15 дней. И послѣ того присылалъ къ нимъ Андрея Левонтьева сына и подьячего Василья и прошали у нихъ сорокъ ефимковъ, а хотѣли ихъ пропустить къ Москвѣ, и они имъ не дали, а жили въ Путивлѣ, дожидались государева указу шесть недѣль и четыре дни. И сказалъ имъ воевода, что прислано къ нимъ государева жалованья сорокъ соболей въ 30 рублей, и тѣ соболи имъ дали. И они дали подарковъ воеводѣ: золотой большой царя Константина, *да мощи св. Пантелеймона*, да сафьянъ, да коверъ, да подьячему Василью два ефимка, да сафьянъ, да фату, головѣ Ондрѣю 6 ефимковъ, и поѣхали они изъ Путивля на Кіевъ» [1]). Въ томъ же году синайскій архимандритъ Меркурій въ особой челобитной жаловался государю, что въ жалованной граматѣ синайскому монастырю повелѣвается изъ Путивля отпускать ихъ въ Москву безъ задержанія, а между тѣмъ подьячій съѣзжей избы Петръ Жагринъ «своимъ насильствомъ, безъ воеводскаго вѣдома, держалъ насъ многое время въ Путивлѣ для своей бездѣльной корысти и взялъ у насъ семь рублевъ денегъ, да съ толмача нашего два рубли, да онъ же сверхъ того хотѣлъ у насъ монастырскую лошадь взять», почему и проситъ государя возвратить у нихъ отнятое [2]). Въ 1651 году грекъ Иванъ Петровъ, служившій у насъ тайнымъ политическимъ агентомъ, въ челобитной государю жалуется, что онъ, съ государевымъ дѣломъ, послалъ изъ Малороссіи чернаго попа Давида, но путивльскій воевода задержалъ его на шесть дней, пока не получилъ съ него взятки въ семь рублей. Далѣе, Иванъ Петровъ заявляетъ въ челобитной, что когда въ Путивль пріѣзжаютъ «купецкіе люди» и просятся въ Москву, воевода беретъ съ нихъ по 100, 150 и 200 ефимковъ и за то даетъ имъ сколько нужно подводъ, кормы и не задерживаетъ ихъ [1]). Жалобы на подобныя злоупотребленія встрѣчаются и еще не разъ [2]). Когда на донесеніе воеводы о пріѣхавшихъ просителяхъ милостыни получался царскій указъ съ разрѣшеніемъ пропустить пріѣхавшихъ въ Москву, ихъ немедленно отправляли туда на казенныхъ подводахъ и содержаніи, въ сопровожденіи особаго пристава, о чемъ воевода, т.-е. объ отпускѣ просителей въ Москву, опять доносилъ государю особою граматою. Подводъ имъ давалось «сколько подняться можно», а содержаніе какъ въ Путивлѣ, такъ и на пути въ Москву выдавалось неодинаковое, смотря по тому или другому рангу просителя [3]).

Получивъ въ Путивлѣ казенныя подводы и кормы, а питье получая по городамъ съ кабаковъ, просители отправлялись

[1]) 7156 г. № 21.

[2]) № 27.

[1]) 7159 г. № 19.

[2]) 7157 г. № 7; 7162 г. № 15; 7180 г. № 36. Павелъ Алепскій съ своей стороны свидѣтельствуетъ, что путивльскіе воеводы за пропускъ просителей въ Москву брали съ нихъ взятки, въ противномъ случаѣ держали ихъ въ Путивлѣ и въ Москву не пропускали. (Чт. общ. ист и древн. 1871 г. кн. III, стр. 275).

[3]) Напримѣръ: въ 1622 году пелагонскому митрополиту Іереміи отъ Путивля до Москвы давался поденный кормъ: 2 хлѣба, 2 калача двуденежныхъ, да на рыбу и на всякое съѣстное 2 алтына, 4 деньги на день. На содержаніе Іереміи съ спутниками его въ Путивлѣ до отправки ихъ въ Москву (съ 30 августа по 12 декабря), по донесенію воеводы, вышло; корму поденнаго на 26 рублей, 10 алтынъ, 4 деньги; да питья—меду и вина съ кабака по кабацкой цѣнѣ на 46 рублей, на 12 алтынъ, причемъ воевода въ граматѣ царю замѣчаетъ, что отъ такихъ стояній просителей въ Путивлѣ „его царской казнѣ чинятся большіе убытки“ (7130 г. № 2). Въ 1623 году силистрійскому митрополиту Іоакиму въ Путивлѣ и отъ Путивля до Москвы давали поденнаго корму 1 гривну на день, а питья: четыре чарки вина, да по четверти ведра меду; его спутникамъ кормъ и питье были особые. (7131 г. № 1). Въ 1630 году погоянинскому архіепископу отъ Путивля до Москвы давали на недѣлю: 13 алтынъ, 2 деньги; архимандриту его 8 алтынъ, 2 деньги; келарю—4 алтына; племяннику—гривна; служкѣ—2 алтына, 2 деньги. (7138 г. № 17). Архимандритамъ разныхъ монастырей и ихъ спутникамъ давалось корму и питья: въ 1625 году отъ Путивля до Москвы кормъ былъ данъ на двѣ недѣли; іерусалимскому архимандриту Кириллу 3 алтына на день, келарю 10-

опредѣленнымъ путемъ въ Москву въ сопровожденіи особаго пристава, который и наблюдалъ за ними и въ то же время былъ ихъ проводникомъ и охранителемъ отъ разныхъ случайностей пути. Не разъ даже высокіе просители во время пути подвергались разнымъ непріятностямъ. Въ 1640 году севастійскій митрополитъ Іосифъ жаловался государю, что въ одной деревенькѣ, не доѣзжая Сѣвска, гдѣ онъ остановился на ночлегъ, крестьяне побили его племянника и служекъ безъ всякаго повода. По словамъ Іосифа, дѣло происходило такъ: онъ послалъ было своихъ служекъ купить корму лошадямъ, а самъ остался на гумнѣ съ своимъ племянникомъ. Но мужики напали на его служекъ и побили ихъ, а одинъ изъ нихъ подступилъ къ нему, билъ ослопомъ его племянника, которому переломилъ руки и ноги, и затѣмъ ругалъ и хотѣлъ бить и самого митрополита, и только крестьянинъ, у котораго онъ остановился, спасъ его отъ побоевъ. Иначе показывали допрошенные по этому доносу на мѣстѣ крестьяне. Они говорили: «пріѣхалъ къ нимъ въ село Козинку севастійскій митрополитъ со старцы и служки

денегъ, дьякону алтынъ, патріаршему человѣку алтынъ; итого четыремъ человѣкамъ на двѣ недѣли отъ Путивля до Москвы дано: 2 р. 26 алтынъ, 4 деньги. Саввинскому архимандриту Григорію дано на день: 2 алтына (іерусалимскому дано больша—4 алтына—потому, что онъ представлялъ собою лицо патріарха, отъ котораго онъ былъ посланъ), келарю алтынъ, итого 1 р. 8 алтынъ, 4 деньги. Ватопедскому архимандриту Игнатію дано на день: 2 алтына, келарю да іеромонаху по алтыну, дьякону 5 денегъ, племяннику архимандрита бѣльцу—3 деньги, итого 2 р. 8 алтынъ; всѣмъ: имъ дано 6 р, 10 алтынъ изъ путивльскихъ доходовъ. Въ самомъ Путивлѣ, до отправки ихъ въ Москву, имъ давалось примѣнительно къ прежнимъ дачамъ: іерусалимскому архимандриту на день 2 алтына, келарю алтынъ, дьякону 5 денегъ, патріаршему человѣку Осипу 4 деньги; итого на недѣлю 31 алтынъ, 3 деньги. Саввинскому архимандриту: 2 алтына, келарю да іеромонаху по алтыну, дьякону 5 денегъ, племяннику 3 деньги; итого на недѣлю 1 р. 4 алтына. „А были, государь, они, доноситъ воевода, въ Путивлѣ до твоего государева указу четыре недѣли, и того поденнаго корму выдано имъ всѣмъ въ тѣ четыре недѣли 10 рублевъ, 26 алтынъ изъ путивльскихъ доходовъ съ оброчныхъ денегъ медвенаго сбору. Всѣхъ подводъ подъ нихъ до Москвы дано было одиннадцать лошадей съ санми“ (7133 г. № 5). Подобныя же дачи корму и питья въ Путивлѣ и отъ Путивля до Москвы давались обыкновенно и всѣмъ другимъ митрополитамъ, архіепископамъ, архимандритамъ и всѣмъ ихъ спутникамъ.

и почали де у нихъ, крестьянъ, митрополичей племянниковъ и служки грабить насильствомъ конской кормъ и себѣ на кормъ имали куры, и за то де тѣ крестьяне тово митрополича племянника били ослопы и бивъ покинули замертво» [1]). Въ 1650 году лаодикійскій епископъ Іосафъ въ челобитной жаловался государю, что на него и его спутниковъ въ одномъ селѣ сѣвскаго уѣзда напали сѣвскій стрѣлецъ съ товарищами и пограбили у него денегъ 20 рублей, а его архимандрита и спутниковъ били и увѣчили [2]). Очень непріятныя приключенія на пути въ Москву случались иногда даже съ самими вселенскими патріархами и ихъ свитою. Въ 1649 году іерусалимскій патріархъ Паисій, направляясь въ Москву, остановился въ Калугѣ. Сопровождавшіе патріарха отправились въ городскіе ряды, чтобы закупить себѣ хлѣба, калачей и рыбы. Все купленное было сложено въ сани, чтобы отправить на дворъ къ патріарху. «И къ нимъ, говоритъ отписка калужскаго воеводы государю, въ сани бросили на тотъ харчь—на хлѣбъ и на калачи и на рыбу, невѣдомо какіе люди кобылью кость». Когда гречане стали говорить этимъ людямъ, «для чего де они ихъ позорятъ и харчь ихъ сквернятъ», то въ отвѣтъ на это тѣ люди двухъ гречанъ «въ ряду били вилами сѣнными и отъ того де бою одинъ человѣкъ лежитъ». Воевода произвелъ о случившемся розыскъ, и сынъ боярскій Кузьма Бахтеяровъ сознался, что онъ бросилъ кобылью кость въ сани гречанамъ на ихъ харчь, но что били ихъ другіе люди, которыхъ онъ не знаетъ. «И мы, говоритъ отписка воеводы, Кузьмѣ Бахтеярову велѣли, навязавъ на горло тое кобылью кость, учинить наказанье: бить кнутомъ въ проводку, и, учиня ему наказанье, велѣли его вкинуть въ тюрьму до твоего государева указу» [3]). Въ 1654 году антіохійскій патріархъ Макарій жаловался царю, что калужскій ямской приказчикъ, несмотря на царскую грамату и всѣ настоянія его, патріарха, никакъ не хотѣлъ давать ему подводъ. Вслѣдствіе этой жалобы государь велѣлъ, за безчестье патріарха, отсѣчь приказчику мизинецъ.

[1]) 7148 г. № 8.
[2]) 7158 г. № 29.
[3]) 7157 г. № 7.

и отставить отъ должности [1]). Въ 1660 году торговый грекъ Дмитрій Юрьевъ, пріѣзжавшій въ Москву съ узорочными товарами и съ письмомъ къ Никону отъ бывшаго константинопольскаго патріарха Паисія, въ челобитной государю заявилъ, что проѣзжія царскія граматы, выдаваемыя гречанамъ, «воеводы въ городахъ и во всей царской землѣ не слушаютъ и ни во что ихъ почитаютъ, а насъ велія изобижаютъ и держатъ насъ въ городахъ воеводы по три дни и по четыре мучатъ насъ по собачью, и мы бѣдные гречаня проѣзжаемъ три и четыре царствы», чтобы прибѣгнуть къ милосердію православнаго государя и пріять покой, « здѣсь насъ мучаютъ пуще собакъ» [2]).

Прибывъ въ Москву, просители милостыни должны были явиться въ Посольскій приказъ, гдѣ ихъ опять, какъ и въ Путивлѣ, подвергали допросу: кто они, откуда, чрезъ какія страны и мѣста ѣхали, что видѣли или слышали на пути, что дѣлается въ другихъ странахъ, нѣтъ ли гдѣ войны или приготовленій къ ней и т. п. Всѣ ихъ показанія немедленно записывались и хранились въ архивѣ приказа. Въ Москвѣ просители помѣщались обыкновенно на хиландарскомъ сербскомъ подворьѣ, которое находилось за Иконнымъ рядомъ у Богоявленскаго монастыря и было подарено аѳонскому сербскому хиландарскому монастырю Иваномъ Грознымъ. Съ половины XVII столѣтія, когда это подворье было отобрано у хиландарцевъ, просители жили въ Никольскомъ греческомъ монастырѣ, подаренномъ аѳонскому Иверскому монастырю; жили они иногда и по другимъ московскимъ монастырямъ и подворьямъ. Въ Москвѣ пріѣзжимъ просителямъ поденный кормъ и питье давались обыкновенно въ большемъ количествѣ, нежели въ Путивлѣ и на пути въ Москву [3]). До представленія государю просители не выходили съ своихъ подворьевъ и не имѣли права сноситься съ кѣмъ бы то ни было безъ посредства находившагося при нихъ пристава и безъ особаго разрѣшенія государя. Въ назначенный срокъ каждый проситель получалъ дозволеніе «видѣть государевы очи», что происходило съ особыми церемоніями, отличающимися большею или меньшею торже-

[1]) 7162 г. № 23.

[2]) 7168 к. № 8.

[3]) Приказная справка 1638 года говоритъ объ этомъ: „давано государева жалованья поденнаго корму и питья митрополитомъ и архіепископомъ и епископомъ, которые пріѣзжали въ прошлыхъ годѣхъ къ государю къ Москвѣ бить челомъ о милостыни: митрополитомъ давно корму и питья съ дворца: по калачу смѣсному въ полколача; по кружкѣ меду вишневаго или малиноваго, по чети ведра меду цеженаго добра, по полуведра пива добраго на день; да изъ большаго приходу емужъ по гривнѣ на день. Архіепископомъ и епископомъ давано корму и питія съ дворца: по кружкѣ меду вишневаго или малиноваго, по двѣ кружки меду цеженаго, по двѣ кружки пива на день; да ему-жъ изъ большаго приходу по 2 алтына, по 4 деньги на день. человѣку. А чернымъ дьякономъ по 7 денегъ, а инымъ по 6 денегъ человѣку на день; толмачемъ и служкамъ по 4 деньги человѣку на день. А питья давано келаремъ и чернымъ попомъ и дьякономъ по кружкѣ меду, да по кружкѣ пива человѣку на день, а инымъ по двѣ кружки человѣку на день; толмачемъ и служкамъ по кружкѣ пива человѣку на день. Да дровъ зимою по 2 воза, а лѣтомъ по одному возу въ келью на недѣлю, да съ земскаго двора по сторожу". Когда просители представлялись государю, то онъ по обычаю. долженъ былъ приглашать ихъ къ своему обѣду, но чаще вмѣсто этого приглашенія онъ посылалъ имъ „въ стола мѣсто" почетные кормы сверхъ положенныхъ поденныхъ. Митрополитамъ, въ этихъ случаяхъ, корму и питья посылалось съ дворца: „калачь крупичатой въ полдвѣ лопатки; кружка романѣи, кружка меду вишневаго или малиноваго, кружка меду обарнаго, по чети ведра меду паточнаго, полведра меду цеженаго, полведра пива добраго. Ѣствы сырою рыбою: по щукѣ на паръ, по стерляди на паръ, по блюду икры черные, по 20 сельдей паровыхъ, по блюду вухи рыбы свѣжіе, по щуке колодке, по звѣну осетрины просольные; по звѣну бѣлужины просольные; изъ большаго приходу по двѣ гривны. Келаремъ и чернымъ попомъ и дьякономъ давано по кружкѣ меду обарнаго, по кружкѣ меду цѣженаго, по чети ведра пива человѣку: изъ большаго приходу на всяко съѣстное имъ же по 2 алтына человѣку. Толмачу и служкѣ даваю съ кабака по двѣ кружки меду, по двѣ кружки пива человѣку: изъ большаго приходу 10 денегъ человѣку на всякое съѣстное". (7146 г. № 8). Архимандритамъ разныхъ монастырей обыкновенно давалось на Москвѣ поденнаго корму: по 2 алтына, да питья изъ новые чети по 2 кружки меду, по 2 кружки пива на день, келаремъ по 8 денегъ, по кружкѣ меду, 2 кружки пива на день, да имъ же по возу дровъ на недѣлю". (7153 г. № 23. Сн. 7194 г. № 7). „А въ которые дни они (архимандриты съ своими спутниками) бывали у великихъ государей на пріѣздѣ, и въ тѣ дни давано имъ корму и питья „въ стола мѣсто" съ поденными въ двое". Архимандритамъ, пріѣзжавшимъ въ качествѣ посланныхъ отъ патріарховъ, дача корму и питья была нѣсколько большая противъ обыкновенныхъ архимандритовъ (См. 1712 г. № 29).

ственностью, смотря по рангу и важности просителей. На представленіи государю, они чрезъ дьяка являли привезенную государю святыню, имѣвшіяся при нихъ патріаршія граматы, а государь, съ своей стороны, тоже чрезъ дьяка, объявлялъ имъ свои подарки и допускалъ къ своей рукѣ. Послѣ представленія они приглашались къ столу государя, или вмѣсто этого почетные кормы отъ государя посылались на подворье. Эти пріемы государемъ просителей милостыни похожи были во всемъ на пріемы пословъ и гонцовъ разныхъ иностранныхъ государствъ[1]). Послѣ царскаго пріема,

[1]) Вотъ оффиціальное описаніе одного изъ такихъ пріемовъ: „133 года (1625) маія въ первый день указалъ государь царь і великій квязь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Руси быти у себя, государя, на дворѣ на пріѣздѣ Ерусалимскаго патріарха Ѳеоѳана архимандриту Кириллу, да изъ Ерусалима жъ Савина монастыря архимандриту Григорью, да Аѳонскіе горы Ватопеда монастыря архимандриту Игнатью и келэремъ и старцемъ. И того дни у государя архимандриты и старцы были. А послалъ по нихъ на подворье съ лошадьми и ѣхалъ съ ними въ городъ приставъ ихъ Тимоеей Оладьинъ, и лошади посыланы подъ нихъ съ конюшни (царской) а келари и строители и черные попы и старцы шли въ городъ пѣши. А пріѣхавъ архимандриты въ городъ, ссѣли съ лошадей у посольскіе палаты и шли въ посольскую палату и дожидалися государева выходу въ посольскомъ приказѣ, а келари и строители и черные попы и иные старцы сидѣли въ передней палатѣ. А какъ они въ городѣ были и въ то время были въ городѣ стрѣльцы иъ цвѣтномъ платьѣ безъ пищалей. А вверхъ ко государю въ золотую палату изъ посольскаго приказа съ архимандриты и старцы шелъ Тимоеей Оладьинъ. А государь царь великій князь Мйхайло Ѳеодоровичъ всеа Руси въ то время былъ въ золотой въ середней въ подписной палатѣ въ опашенкѣ золотной. А при государѣ царѣ Михайлѣ Ѳеодоровичѣ всеа Руси были бояре и околничіе и думные люди вѣ опашенкахъ нарядныхъ съ кружевы и въ черныхъ шапкахъ: а въ сѣиехъ проходныхъ и по крыльцу были дворяне и дьяки и подьячіе всѣхъ приказовъ въ чистомъ платьѣ. А какъ архимандриты и старцы вошли ко государю въ палату и явилъ ихъ государю челомъ ударить посольской думной дьякъ Ивавъ Грамотинъ, а молвилъ: Великій государь царь і великій кнѣзь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель,—Ерусалимскаго патріарха Ѳеоѳана архимандритъ Кириллъ, да Савина монастыря архимандритъ Григорей, да Аѳонаскіе горы Ватопеда монастыря архимандритъ Игнатей и келари и старцы вамъ, великому государю, челомъ ударили. И архимандритъ Кврииллъ правилъ государю отъ патріарха челобитье, и подали архвмандриты грамоты. И велѣлъ государь спросить архимандритовъ о спасенье (лицъ высшихъ іерархическихъ ранговъ государь спрашивалъ „о здоровье“) и велѣлъ ихъ призвать къ руцѣ. А послѣ того явилъ государю поминки. думный дьякъ Иваиъ Грамотинъ, а молвилъ: великій государь царь і великій князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель,—Ерусалимскаго патріарха Ѳеоѳана архимандритъ Кврииллъ привезъ къ тебѣ великому государю: мощи великаго чудотворца Николы иъ серебряиомъ ковчежцѣ, мощи св. великомученика Георгія Побѣдоносца, 2 свѣчи отъ гроба Господня, мѣру гроба Господня, воду св. Іордаиа рѣки, въ ней же Христосъ крестися, да отъ виеліемсиаго митрополита: мощи св. мученика Меркурія“. Такимъ же образомъ дьякъ являлъ „помиики“ и отъ двухъ другихъ архимандритовъ: саввинскаго и ватопедскаго. „И государь велѣлъ образъ Спасовъ и мощи принять казеннымъ дьякомъ. И велѣлъ государь сказати архимандритомъ свое государево жалованье“, которое и перечисляется. А послѣ того государь велѣлъ сказать свое государево жалованье архимандритамъ и старцамъ—„въ стола мѣсто“ кормъ и питье и отпустилъ ихъ на подворье. 1733 г. № 5).

просители жили въ Москвѣ на полной свободѣ по нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ, пользуясь во все время своего пребыванія опредѣленнымъ царскимъ содержаніемъ. Въ это время, всегда съ особаго разрѣшенія государя, они ѣздили обыкновенно молиться въ Троицкую лавру, въ Саввинъ и, послѣ, въ Воскресенскій монастыри, гдѣ ихъ встрѣчали, угощали и надѣляли болѣе или менѣе цѣнными подарками. Кромѣ того просители ходили по московскимъ монастырямъ, по властямъ (архіереямъ), по знатнымъ и богатымъ людямъ, выпрашивая у нихъ милостыню, при чемъ подносили имъ мощи или какую либо другую святыню, за что получали особую плату. Между тѣмъ племянники просителей, которые въ дѣйствительности были купцы, пользуясь въ Москвѣ казеннымъ содержаніемъ, выгодно распродавали здѣсь безпошлинно и на казенныхъ подводахъ привезенные товары и по дешевымъ цѣнамъ закупали особенно мѣха, чтобы отвезти ихъ на казенныхъ подводахъ до границы и тамъ продать съ большими барышами, извѣстную часть которыхъ они должны были удѣлять тѣмъ духовнымъ лицамъ, которыя привозили ихъ въ Москву въ качествѣ своихъ племянниковъ. Когда просители получали въ Москвѣ все, что только имъ было можно получить, они подавали въ Посольскій приказъ, вѣдѣнію котораго подлежали во все время своего пребыванія въ Москвѣ, чело-

битную на имя государя съ просьбою отпустить ихъ домой. Тогда имъ назначалась прощальная аудіенція у государя въ томъ же порядкѣ, какъ и «на пріѣздѣ», при чемъ и «на отъѣздѣ» давались разные дары и лично и на монастыри. Но чаще прощальная аудіенція замѣнялась простымъ объявленіемъ чрезъ Посольскій приказъ «дачи на отъѣздѣ», послѣ чего просители отправлялись изъ Москвы въ Путивль. Отправлялись они назадъ, какъ и пріѣзжали, на казенныхъ подводахъ, кормъ и питье давалось имъ отъ Москвы до Путивля на двѣ недѣли, количествомъ нѣсколько больше противъ того, что давалось имъ на пути въ Москву [1]).

---

[1]) Изъ донесенія путивльскаго воеводы государю о томъ: кто, откуда, зачѣмъ, съ какою святынею и съ какими грамотами пріѣхалъ въ Путивль; изъ отвѣтной граматы государя: пропустить просителей въ Москву; изъ втораго донесенія воеводы государю, что по его приказу пріѣхавшіе отпущеиы въ Москву съ такимъ-то приставомъ, на столькихъ-то лошадяхъ, а подеиные кормы и питье даны имъ до Москвы такіе-то; изъ записи разспросовъ просителей въ Посольскомъ приказѣ; изъ обозначенія корма и питья, выдаваемаго имъ въ Москвѣ; изъ описанія церемоніи представленія государю; изъ перевода просительныхъ и рекомендательныхъ граматъ, или граматъ съ политическими и другими вѣстями; изъ перечня поднесенной государю святыни и изъ обозначенія даровъ государя каждому просителю; изъ разныхъ челобитныхъ просителей государю. подаваемыхъ въ Москвѣ по тому или другому случаю; изъ описанія прощальной аудіенціи у государя; изъ отвѣтной граматы государя, если пріѣзжій былъ посланный отъ патріарха; изъ обозиаченія количества кормовъ и питья отъ Москвы до Путивля и проѣзжей граматы—слагалось такъ называемое *дѣло* (греческое) о пріѣздѣ въ Москву такого-то или такихъ-то. Число *греческихъ дѣлъ*, за различные года, было неодиаково, смотря по тому. сколько пріѣзжало просителей. Изъ начала и средины XVI столѣтія греческихъ дѣлъ нѣтъ,—они затерялись; изъ XVII столѣтія дошли всѣ за самыми ничтожными исключеніями, но большиистство изъ нихъ не сохранилось въ полномъ видѣ. Извлеченія изъ этихъ дѣлъ, съ обозиаченіемъ; въ какомъ году, кто и откуда пріѣзжалъ въ Москву, какую святыню и граматы привезъ, какіе получалъ кормы и что ему дано на пріѣздѣ и на отъѣздѣ,—составляютъ такъ называемые *греческіе статейные списки*. Относительно XVI вѣка, до царствованія Ѳедора Ивановича, отъ котораго уже стали доходить до насъ самыя греческія дѣла, греческіе статейные списки служатъ единственнымъ источиикомъ для ознакомленія съ пріѣзжавшими просителями, такъ какъ записи о нихъ начинаются съ Василія Ивановича, съ 1509 года. За XVII вѣкъ, за самыми ничтожиыми исключеиіями, статейные списки не даютъ иичего, что бы не заключалось въ самыхъ дѣлахъ. Но такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ представляютъ выборку только одиородныхъ дѣлъ, то это можетъ дать изслѣдователю возможность, по данному частному вопросу, не рыться во всей громадной массѣ греческяхъ дѣлъ, (которыя въ настоящее время, вмѣсто прежнихъ неудобныхъ связокъ, разложены въ 122 картонахъ), а прямо обратиться къ выборкѣ статейныхъ списковъ. Напримѣръ, № 6 (статейные греческіе списки стоятъ изъ 12 переплетенныхъ рукописныхъ книгъ)—„книга въ десть, содержащая выписки о пріѣзжихъ въ Москву грекахъ съ окупными россійскими плѣнными“; № 9—„книга въ десть, содержащая доклады о платежѣ денегъ пріѣзжимъ въ Россію грекамъ и крымскимъ жителямъ за выкупъ ими россійскихъ плѣнныхъ всякаго званія“. Вся книга № 11-й содержитъ въ себѣ описаніе пріѣзда аѳонскаго Павлоискаго монастыря архимандрита Исаіи съ извѣстными предложеніямн отъ константинопольскаго патріарха, молдавскаго воеводы, сербскаго патріарха (о чемъ рѣчь будетъ ниже),—царскіе отвѣты всѣмъ этимъ лицамъ; отъѣздъ Исаіи изъ Москвы, его арестъ въ Венгріи и возвращеніе въ Москву. Книга № 12 содержитъ въ себѣ почти исключительно граматы къ русскому правительству іерусалимскаго патріарха Досиѳея. Но все это представляетъ только извлеченіе изъ самыхъ греческихъ дѣлъ и можетъ иосполнять ихъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣла отъ утерь стали не полны.

Цѣль всѣхъ этихъ поѣздокъ просителей изъ разныхъ странъ православнаго востока въ Москву заключалась въ томъ, чтобы получить отъ московскаго государя, какъ покровителя всѣхъ православныхъ, милостыню, которая давалась въ Москвѣ каждому просителю два раза: на «пріѣздѣ» и «на отъѣздѣ» и состояла изъ серебряныхъ кубковъ, матерій, соболей. денегъ, иногда иконъ и другихъ предметовъ. Понятно, что милостыня, которую давали въ Москвѣ патріарху, митрополиту, простому старцу или бѣльцу была очень неодинакова. Въ этомъ случаѣ обращалось вниманіе на іерархическій санъ просителя,—чѣмъ онъ былъ выше, тѣмъ дача была большая; съ пониженіемъ сана просителя, понижалось и количество дачи, такъ что просители, по количеству получаемой ими дачи, дѣлились на нѣсколько группъ, изъ которыхъ самую первую и высшую группу представляли восточные патріархи.

Въ Москву за милостынею не разъ лично пріѣзжали сами восточные патріархи различныхъ каѳедръ и получали здѣсь отъ государя, государыни и отъ разныхъ членовъ царской семьи очень богатую милостыню. Дача патріархамъ, какъ и другимъ просителямъ, была двухъ родовъ: личная, т.-е.

лицу самого просителя, и дача на милостыню, т.-е. на нужды епархіи, монастыря и под. Личная дача всѣмъ патріархамъ, по крайней мѣрѣ за XVII вѣкъ, всегда бывала одинакова, именно: каждому изъ нихъ давали подарковъ на 2,000 рублей, такъ какъ всегда давали, примѣняясь къ подобнымъ же предшествующимъ случаямъ [1]). Что же касается дачи на милостыню патріархамъ, то она была очень неодинакова: іерусалимскому патріарху Паисію на милостыню дано 4,000 рублей [2]), антіохійскому Макарію въ первый его пріѣздъ въ Москву 3,000 рублей соболями, а во второй пріѣздъ 6,000 рублей [3]), александрійскому патріарху Паисію государь велѣлъ дать на милостыню «изъ сибирскаго приказу мягкою рухлядью на 9,000 рублей [4]); бывшему константинопольскому патріарху Аѳанасію Пателару *всего* дано было только на 2,000 рублей [5]), а сербскому патріарху Гавріилу лично дано было столько же, сколько давалось болѣе знатнымъ митрополитамъ, а на милостыню и подъемъ, когда онъ отправлялся на богомолье въ Іерусалимъ, ему дано всего только 400 рублей [6]). Меньшая дача Аѳанасію и Гавріилу объясняется тѣмъ, что первый въ то время уже не былъ дѣйствительнымъ патріархомъ, а второго—Гавріила и вовсе не признавали за патріарха, а приравнивали его къ высшимъ митрополитамъ. Кромѣ даровъ отъ царя, царицы и членовъ царской семьи, патріархи получали дары отъ разныхъ московскихъ монастырей, въ которыхъ они иногда служили, отъ духовныхъ властей, отъ бояръ и разныхъ богатыхъ лицъ, которымъ они посылали отъ себя части мощей, иконы, іорданскую воду, а также разрѣшительныя граматы, которыя были для разныхъ лицъ различныя: «самая полная, по словамъ дьякона Павла алеппскаго, предназначалась для знатныхъ людей, средняя для простыхъ, а сокращенная для женщинъ». Какъ и всѣ просители, патріархи

[1]) 7133 г. № 5.

[2]) Греческіе статейные списки, № 12; въ концѣ—листы не занумерованы.

[3]) Греческіе граматы на славянскомъ языкѣ,—тетрадь о пріѣздѣ Макарія въ Москву. Греч. д. 7176. г. № 19.

[4]) 7191 г. № 8.

[5]) Тамъ же.

[6]) 7205. № 35 г.

ѣздили на богомолье въ Троицкую лавру, гдѣ, по указу государя, тамошнія власти должны были давать имъ: «образъ Богородицы чеканенъ съ пеленою изъ старыхъ образовъ, образъ Сергіево видѣніе обложенъ серебромъ, кубокъ серебряный въ семь гривенокъ (гривенка-полфунта), братина серебряная въ 10 рублей, атласъ смирный, камка адамашка синея или багровая, объярь, если есть; сорокъ соболей въ 40 рублей, денегъ 50 рублей; два полотенца троицкихъ, 5 братинъ троицкихъ съ вѣнцы хорошихъ, ставики троицкіе, ковшъ троицкій, судки столовые деревянные подписаны, стопа блюдъ большихъ подписанныхъ, братина великая съ покрышкою подписанная, кувшинецъ писаной не малъ». Одаряли въ лаврѣ разными подарками и всѣхъ лицъ, сопровождавшихъ патріарха [1]). Получали патріархи значительныя выгоды и отъ сопровождавшей ихъ свиты, которую они иногда нарочно составляли изъ всякаго случайнаго сброда. Такъ, напримѣръ, поступалъ, по свидѣтельству Павла алеппскаго, іерусалимскій патріархъ Паисій, который набиралъ въ свою свиту кого попало, записывая всѣхъ то архимандритомъ, то іеромонахомъ, то просто монахомъ какого-нибудь виѳлеемскаго, михайловскаго, саввинскаго и другихъ монастырей, съ тѣмъ, чтобы всѣ эти лица уступали патріарху извѣстную часть изъ тѣхъ подарковъ, какіе они получатъ въ Москвѣ. Подобно Паисію поступалъ и Аѳанасій Пателаръ. Но этого мало: Паисій еще набралъ въ свою свиту многихъ купцовъ, чтобы, подъ видомъ своихъ слугъ, провезти ихъ на казенныхъ подводахъ и полномъ казенномъ содержаніи въ Москву вмѣстѣ съ ихъ товарами. Когда въ Путивлѣ воевода, знавшій греческихъ купцовъ, замѣтилъ патріарху, что это не слуги, а купцы, то Паисій спокойно отвѣтилъ на это: «что де хотя и были прежде сего торговые люди, только де нынѣ служатъ ему, патріарху», и купцовъ пришлось пропустить въ Москву подъ видомъ патріаршихъ слугъ [2]). За такую услугу патріархъ бралъ съ купцовъ извѣстную сумму и, какъ видно, не малую. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ этихъ купцовъ, грекъ Мануилъ Юрьевъ, показывалъ потомъ, что патріархъ Паисій, будучи въ Мо-

[1]) 7157 г. № 7.

[2]) Тамъ же

сквѣ, просилъ у него въ подарокъ себѣ часы, но, говорилъ грекъ, «я ему тѣхъ часовъ не далъ, а продалъ я ихъ на сторону, взялъ за нихъ полтораста рублевъ, а далъ я ему вмѣсто милостыни по силѣ своей двадцать пять рублевъ денегъ». Патріархъ остался крайне недоволенъ такою дачею и, не давъ замѣтить этого Мануилу, уѣзжая изъ Москвы, оставилъ въ Посольскомъ приказѣ искъ на Мануила въ 75 рублей. Этотъ искъ патріарха, въ виду данныхъ Мануиломъ объясненій, оставленъ безъ послѣдствій [1]).

Такимъ образомъ, патріархи, пріѣзжавшіе въ Москву за милостыню, собирали на Руси разными способами, въ общей сложности, громадныя суммы [2]), такъ что ихъ пріѣзды, несмотря на всю честь, какую они приносили Москвѣ, какъ столицѣ всего православнаго міра, обходились русскому правительству очень и очень дорого. Къ всевозможнымъ дачамъ, какъ самимъ патріархамъ, такъ и каждому члену изъ ихъ многочисленной свиты, нужно присоединить еще подводы, кормы, питья и посуточныя деньги во все время пути и пребыванія въ Москвѣ, которое иногда продолжалаось чуть не цѣлый годъ и даже болѣе. Однѣхъ посуточныхъ денегъ, помимо всевозможныхъ припасовъ, выдавалось не мало: антіохійскому, напримѣръ, патріарху Макарію давали одинъ рубль на день, да на свиту $1^1/_2$ золотыхъ въ день. Разныхъ же припасовъ ежедневно имъ выдавалось такъ много, что ихъ, вѣроятно, приходилось продавать [3]).

[1]) 7157. г. № 27.

[2]) Чтобы составить, хотя только приблизительное, понятіе о томъ, сколько разные просители получали въ Москвѣ милостыни примѣнительно къ нынѣшнимъ деньгамъ, нужно практическую стоимость тогдашняго рубля класть болѣе десяти нынѣшнихъ, значитъ, десять тогдашнихъ рублей будутъ стоить болѣе нынѣшней сотни рублей и т. д.

[3]) Лично патріарху, на одну только его персону, въ Москвѣ выдавалось ежедневно: „прутъ бѣлые рыбины, прутъ семжины, да блюдо икры паюсные, да блюдо осетрины, да блюдо бѣлужины, да два блюда пироговъ пряженныхъ, щука колодка, двѣ ухи разныхъ перемѣняясь, калачь крупитчатой. Питья: кружка меду вишневаго или малиноваго, кружка меду боярскаго, кружка квасу медвянаго, полведра меду паточнаго, ведро меду княжего; да еще изъ большаго приходу на мелкое: на лукъ, на чеснокъ, на масло, на крупы, на соль по 5 алтынъ". (7157 г. № 7). Каждому члену патріаршей свиты кормъ и питье давались особо.

Пріѣзды самихъ восточныхъ патріарховъ за милостынею въ Москву были явленіемъ рѣдкимъ и исключительнымъ, обыкновенно же милостыня имъ посылалась или съ нарочитыми лицами, которыхъ они сами присылали за этимъ въ Москву. или же, и чаще, съ нашими константинопольскими послами. Эта милостыня для разныхъ патріаршихъ каѳедръ была неодинакова, неодинакова въ разныя времена и для одной и той же каѳедры, не всегда давалась всѣмъ четыремъ патріархамъ. Причина такого неравенства дачи милостыни разнымъ патріаршимъ каѳедрамъ зависѣла не столько отъ іерархическаго достоинства самыхъ каѳедръ, сколько отъ той роли, какую тотъ или другой патріархъ въ данное время игралъ въ политическихъ сношеніяхъ Россіи съ Турціей, насколько онъ могъ оказать какія бы то ни было услуги русскому правительству, насколько оно считало извѣстнаго патріарха нужнымъ и почему либо полезнымъ для себя. Естественно, что константинопольскій патріархъ, по своей близости къ турецкому правительству, по своимъ связямъ въ Константинополѣ, по своему первенствующему положенію въ православной церкви, былъ особенно важнымъ и нужнымъ лицомъ, а потому онъ всегда и пользовался особымъ вниманіемъ русскаго правительства и получалъ отъ него самую большую дачу. Понятно, съ другой стороны, что патріархи александрійскіе и особенно антіохійскіе, какъ жившіе не въ Константинополѣ, вдали отъ турецкаго правительства, не могли оказывать какихъ либо особыхъ услугъ русскимъ государямъ, а потому антіохійскіе, напримѣръ, патріархи почти совсѣмъ и не получаютъ милостыни отъ нашихъ константинопольскихъ пословъ наряду съ другими патріархами. Послѣ константинопольскихъ болѣе часто и въ большемъ количествѣ получали милостыню іерусалимскіе патріархи, какъ по особому уваженію русскихъ къ Іерусалиму, такъ и потому, что іерусалимскіе патріархи часто жили въ Константинополѣ и при случаѣ, особенно нѣкоторые изъ нихъ, являлись очень ревностными приверженцами русскаго правительства, готовыми на всякія для него послуги. Понятно отсюда также и то, что количество дачи одной и той же каѳедрѣ могло быть въ разное время очень неодинаково, смотря по тому, въ какихъ отношеніяхъ данный патріархъ

находился къ Москвѣ, насколько отъ него ожидалось ревности и готовности служить интересамъ русскаго правительства. Сколько русское правительство передавало всего на милостыню восточнымъ патріархамъ высчитать теперь едва ли возможно [1]), такъ какъ опредѣленныхъ какихъ либо правилъ на этотъ случай до XVIII вѣка вовсе не существовало; всякій разъ посылали соображаясь съ данными обстоятельствами и самую посылку пріурочивали къ отправкѣ пословъ въ Константинополь. Эта неопредѣленность и случайность дачи патріархамъ была уничтожена и замѣнена строго опредѣленною дачею, сначала относительно константинопольскихъ патріарховъ, а потомъ и относительно другихъ уже въ XVIII столѣтіи.

Въ 1715 году Петръ Великій обратился къ константинопольскому патріарху съ просьбою разрѣшить ему лично и всему русскому войску, во время походовъ, на мясоястіе во всѣ посты, обѣщая за это патріарху свои милости. Тотъ охотно исполнилъ просьбу царя и отмѣнилъ для него лично

[1]) Но чтобы составить объ этомъ нѣкоторое, хотя бы только приблизительное представленіе, я, на основаніи имѣющихся у меня подъ руками документовъ, укажу означенныя въ нихъ дачи различнымъ патріархамъ за цѣлое столѣтіе, начиная съ 1622 г. Въ 1622 году съ посломъ Кондыревымъ послано константинопольскому патріарху соболями на 300 рублей, іерусалимскому на 120 р.; александрійскому на 100 золотыхъ (7133 г № 5 и 7135 г. № 11); въ 1642 году съ посломъ Бѣгичевымъ: константинопольскому на 300 р.; іерусалимскому—на 120 р., александрійскому на 100 золотыхъ, которые были ранѣе посланы съ Кондыревымъ, но имъ не отданы по назначенію, потому что тогда въ Александріи не было патріарха; въ 1626 году іерусалимскому патріарху послано было съ пріѣзжавшимъ отъ него за милостыней въ Москву архимандритомъ Кирилломъ соболями на 450 рублей, а александрійскому съ тѣмъ же архимандритомъ за 200 золотыхъ угорскихъ соболями на 160 рублей; въ 1627 году послано константинопольскому и александрійскому патріархамъ съ присланнымъ ими митрополитомъ анхіальскимъ Христофоромъ по 160 р. патріарху. (Тамъ же) Въ 1630 году съ посломъ Совинымъ послано константинопольскому на 350 р., іерусалимскому на 200 р., и александрійскому на 100 рублей (турецкіе статейные списки 1630—1650 г.г № 6, стр. 5—11). Въ 1631 году іерусалимскому патріарху было послано на 400 рублей (7152 г. № 3). Въ 1633 году съ послами Дашковымъ и Сомовымъ послано константинопольскому патріарху на 400 р., александрійскому на 150 р. (турецкіе статейные списки—№ 6, стр. 90). Въ 1634 году съ послами Карабинымъ и Матвѣевымъ послано константинопольскому патріарху заздравной милостыни на 250 р, да на поминъ Филарета Никитича 400 р., іерусалимскому заздравной милостыни 150 р., заупокойной—500 р; александрійскому—заздравной 150 р., заупокойной 200 р. (турецкіе стат. списки, № 6, стр. 162—164. Греч. дѣла 7142 г. № 6; 7152 г. № 3; 7153 г. № 27). Въ 1635 году съ грекомъ Иваномъ Петровымъ послано константинопольскому—на 250 р., іерусалимскому на 150 р. (7143 г. № 7). Въ 1637 г. іерусалимскому патріарху съ его игуменомъ Паисіемъ, пріѣзжавшимъ въ Москву, послано на 150 р. Въ 1638 году съ грекомъ Иваномъ Петровымъ послано константинопольскому—на 300 р. и іерусалимскому на 150 р.; а въ 1139 г. съ другимъ грекомъ, Константиномъ Остафьевымъ, было послано александрійскому патріарху на 150 р. и въ 1640 году съ тѣмъ же грекомъ на 150 р. Въ 1641 г. съ грекомъ Романомъ Савельевымъ послано константинопольскому—на 100 р., іерусалимскому—на 150 р, Въ 1643 году съ посломъ Ильею Милославскимъ послано константинопольскому—на 250 р., іерусалимскому на 150 р., александрійскому на 150 р. и *антіохійскому* на 100 р. Въ 1645 г. съ посломъ Телепневымъ и архимандритомъ Амфилохіемъ, пріѣзжавшимъ въ Москву изъ Константинополя, послано: константинопольскому на 350 р ерусалимскому—на 350 р, александрійскому на 150 р. и антіохійскому на 150 (Греч. стат. списки № 5, л.л. 222—229. Греч дѣла 7153 г. № 32 и 47; 7158 г. № 27; 7170 г. № 28; 7191 г, № 18; Тур. стат. списки № 6, л. 231). Въ 1650 г. коистантинопольскому патріарху было послано на 150 р. (7158 г. № 27), а въ 1651 году ему же съ послами Телепневымъ и Кузовлевымъ послано на 250 р., іерусалимскому на 150 р. александрійскому на 150 р. (Тур. стат. списки № 6, л.л. 332—333). Въ 1653 г. іерусалимскому патріарху съ нарочито присланнымъ въ Москву за милостынею архимандритомъ послано на 1500 р. (7161 г. № 10). Въ 1662 году антіохійскому патріарху Макарію съ архимандритомъ его Неофитомъ, пріѣзжавшимъ въ Москву, послано на 500 р. (7179 г. № 25) Въ 1663 году іерусалимскому патріарху съ іеродіакономъ Мелетіемъ послано на 300 золотыхъ (7178 г. № 6). Въ 1667 г. константинопольскому патріарху послано на 300 р., іерусалимскому на 200 р. (7191 г. № 8; снеси: Тур. стат списки, № 8, л. 155). Въ 1669 г. съ іеродіакономъ Мелетіемъ послано константинопольскому на 200 р., да ему же въ томъ же году съ посломъ Нестеровымъ послано было отъ патріарха Іоасафа на 150 золотыхъ, соболи и бархатъ; іерусалимскому—200 р. и на искупленіе св. гроба 800 р., дя по челобитью Паисія Лигарида на 300 р; а патріархъ Іоасафъ съ своей стороны послалъ съ Нестеровымъ на 100 золотыхъ, сорокъ соболей 10 аршинъ бархату; антіохійскому съ Мелетіемъ послано на 200 рублей (7176 г. № 19; 7178 г. № 7; Тур. стат. списки № 10, л. 316 на об. и 322 на об.). Въ 1671 году антіохійскому патріарху Макарію съ присланнымъ имъ въ Москву митрополитомъ тирскимъ и сидонскимъ послано 300 золотыхъ червонныхъ, да соболями 700 р. (7191 г. № 8; снеси: греч. стат. списки № 7, л. 105). Въ 1681 г. съ посломъ Возницынымъ было послано, константинопольскому—на 250 р., іерусалимсоому—на 150 р, алексан-

и всего войска, во время походовъ, всѣ посты, исключая недѣли предъ причастіемъ. За эту услугу патріархъ требовалъ отъ царя обѣщанной награды. А такъ какъ Петру еще нужно было заручиться согласіемъ патріарха на отмѣну русскаго патріаршества и учрежденія Св. Синода, на отмѣну перекрещиванія лютеранъ и кальвинистовъ, то 3-го января 1718 года онъ далъ свою жалованную грамату константинопольскому престолу. Въ этой граматѣ царь писалъ, что константинопольскому патріарху «за подписаніемъ нашей собственной руки и за нашею государственною большою печатью» посылается настоящая жалованная грамота; а такъ какъ патріархъ просилъ государя помочь крайне бѣдствующей константинопольской церкви, то «посему, какъ православіе любящій и сынъ той восточной церкви, соболѣзнуя объ оной, опредѣляемъ повсегодное вспоможеніе великой константинопольской церкви къ нему святѣйшему патріарху Іереміи и будущимъ по немъ святѣйшимъ константинопольскимъ патріархамъ, изъ нашей царской казны, *посылать каждый годъ на три тысячи рублей соболеи,* которыя имѣютъ отдаваемы быть безъ замедленія присылаемымъ отъ него, святѣйшаго патріарха, которыхъ (а именно два или

рійскому—на 150 р. и антіохійскому на 100 р. (7191 г. № 8. Тур. статд. списки № 24, л. 243 и 245). Въ 1682 г. за разрѣшеніе Никона дано: константинопольскому—300 талеровъ, іерусалимскому—300 талеровъ, александрійскому—150 талеровъ, антіохійскому—100 талеровъ. (Тур. стат. списки № 21, л. 224). Въ 1683 г. послано: константинопольскому—на 120 р, іерусалимскому на 100 р., александрійскому на 100 р., антіохійскому на 70 р. и старому константинопольскому патріарху на 70 р. (7191 г. № 8). Въ томъ же году александрійскому патріарху съ архимандритомъ его Симеономъ, пріѣзжавшимъ въ Москву, послано было на 2000 р. (Тамъ же и 7200 г. № 20). Въ 1685 г. константинопольскому патріарху было послано 200 р., а въ 1686 ему же, за отпустительную грамоту на кіевскую митрополію, было дано 200 золотыхъ червонныхъ, да соболями на 760 р., а всего на 1000 р.; іерусалимскому патріарху за хлопоты по этому дѣлу дано 200 золотыхъ червонныхъ (7200 г. № 20). Въ 1692 г. александрійскому патріарху дано было на 500 рублей, да 100 золотыхъ червонныхъ (1717 г № 26). Въ 1693 г. съ архимандритомъ Хрисанѳомъ послано іерусалимскому патріарху 1000 р. (7021 г. № 4). Въ 1698 г. съ посломъ Украинцевымъ константинопольскому патріарху послано на 300 р.; въ 1701 году съ посломъ княземъ Голицынымъ на 400 р. и въ 1706 году на 350 рублей (1706 г. № 9).

три лица) имѣетъ онъ и преемники его, на томъ патріаршемъ престолѣ будущіе, присылать для нашего жалованья повсегодно, и тѣмъ присланнымъ въ нашемъ россійскомъ государствѣ надлежащій и достойный по чину и сану пріемъ и отпускъ учиненъ быть имѣетъ... и то все впредь, говоритъ грамата, содержать нашего царскаго величества жалованною граматою обнадеживаемъ, опредѣляя и узаконяя нашимъ будущимъ наслѣдникамъ нашего всероссійскаго царскаго престола, по сей нашей данной жалованной граматѣ безъ всякаго прекословія исполнять» [1])... Въ 1735 г. 27 октября

[1]) Самую грамоту смотри въ приложеніи. Интересна судьба этой жалованной грамоты Петра Великаго, столь важной для константинопольскаго престола. Она была отослана патріарху съ грекомъ Григоріемъ Ватаци, привезшимъ разрѣшительныя патріаршія грамоты на мясоястіе; съ нимъ же послана была патріарху и первая дача въ 3000 р. и еще 3000 р. впередь за слѣдующій годъ. Еще трехтысячная дача посылалась патріархамъ только два раза, такъ какъ отъ нихъ не было присылки за нею. Это, на первый разъ чрезвычайно странное, обстоятельство достаточно выясняется въ слѣдующемъ письмѣ константинопольскаго патріарха Іереміи къ жившему въ Москвѣ ѳиваидскому митрополиту Арсенію отъ 15 апрѣля 1726 года: „письма сіи (которыя патріархъ посылалъ къ Арсенію для врученія императрицѣ и Св. Синоду) къ государынѣ императрицѣ и Святѣйшему Синоду сочинили мы, которыя, когда будешь вручать, скажи изустно Ея Величеству, что приснопамятный великій Петръ пожаловалъ великую церковь жалованною своею грамотою, *которая обрѣтается нынѣ въ Нѣжинѣ,* и приняли мы три ежегодныя милостыни его: но потомъ не только потерпѣли убытокъ, болѣе ста восьмидесяти мѣшковъ турецкихъ, но и въ опасность впали за самою жизнь свою отъ лукавыхъ людей *по причинѣ сей милостыни.* Итакъ, ежели Ея Величество имѣетъ намѣреніе насъ жаловать и помогать намъ въ настоящей нуждѣ, ради душевнаго спасенія приснопамятнаго супруга и для поминовенія непреставнаго Ея Величества, да вѣдаетъ, что ежегодное жалованье неудовлетворительно (т. е. неудобно): когда же изволитъ оное присылать къ намъ, да повелитъ *взять ту жалованную грамоту изъ Нѣжина и положить ее въ казну, гдѣ пусть дѣйствіе оной остановлено будетъ и да прекратится ежегодное даяніе,* ибо мы уже бѣдствуемъ опасностью своей жизни по сей причинѣ. Но когда Богъ просвѣтитъ Ея Величество послать, да пошлетъ весьма тайно сюда къ послу царскому, и отъ рукъ то примемъ, *ибо нѣтъ уже намъ средствъ посылать къ вамъ своего человѣка,* ради вышесказанныхъ причинъ, о чемъ Ея Величеству объявя“ (№ 6). Такимъ образомъ самъ патріархъ просилъ взять назадъ жалованную грамоту Петра Великаго, которая и хранилась доселѣ въ Нѣжинѣ, и непосылать болѣе милостыни погодно, такъ какъ отъ этого происходятъ

составлены были такъ называемые «палестинскіе штаты», которыми назначалась ежегодная пятитысячная сумма на дачу всѣмъ просителямъ милостыни, при чемъ относительно дачи патріаршимъ каѳедрамъ постановлено было слѣдующее: такъ какъ доселѣ милостыня патріархамъ: александрійскому, іерусалимскому и антіохійскому выдавалась неравная, и по разсчету всѣхъ предшествующихъ дачъ оказывается, что имъ приходилось получать ежегодно не болѣе, какъ по 75 рублей, то теперь имъ полагается дача равная—въ годъ 100 рублей патріарху. Теперь они должны чрезъ пять лѣтъ въ шестой присылать въ Россію за милостыней по одному архимандриту или игумену, по одному іеродіакону да изъ свѣтскихъ служителей по два человѣка. Повелѣвалось послать жалованныя на указанную дачу граматы патріархамъ александрійскому, іерусалимскому и антіохійскому за подписью членовъ Св. Синода и вмѣстѣ копіи съ этихъ граматъ, чтобы подлинныя граматы всегда находились у самихъ патріарховъ, а за полученіемъ назначенной милостыни ихъ посланные являлись бы съ копіями. Посланные отъ патріарховъ пользуются казенными подводами и кормами и должны имѣть достаточныя свидѣтельства отъ патріарховъ, чтобы не случилось обмана, а также не лишнимъ признается брать имъ свидѣтельство отъ русскаго константинопольскаго резидента, а посланнымъ александрійскаго и антіохійскаго патріарховъ отъ англійскихъ и голландскихъ мѣстныхъ торговыхъ консуловъ. Если паче чаянія посланный отъ патріарха явится прежде назначеннаго срока, хотя

великія бѣдствія для константинопольской церкви отъ турокъ. Но отъ самыхъ денегъ патріархъ не отказывается, а только проситъ назначенную ему жалованною грамотою сумму присылать не ежегодно, а когда придется, при благопріятныхъ обстоятельствахъ и притомъ такъ, чтобы она получалась самимъ патріархомъ тайно изъ рукъ русскаго резидента въ Константинополѣ. Въ 30 день апрѣля 1727 года указомъ изъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ Малороссійскую коллегію велѣно взять изъ Нѣжина жалованную грамоту, данную Петромъ Великимъ константинопольской каѳедрѣ (1726 г. № 5). Слѣдующія по ней константинопольскому патріарху суммы уже болѣе ни разу не посылались. По „палестинскимъ штатамъ“ 1735 года константинопольскому патріарху, вопреки жалованной грамотѣ Петра, назначена только тысячная погодная дача и притомъ съ извѣстными ограниченіями. Но въ константинопольской патріархіи, какъ видно, сохранилось, хотя и смутное, воспоминаніе о жалованной грамотѣ Петра. Въ 1752 году константинопольскій патріархъ Кириллъ обратился къ императрицѣ Елизаветѣ съ просительною грамотою, въ которой онъ, перепутывая событія, заявлялъ, что будто бы Петромъ Великимъ константинопольскому (патріарху) и другимъ патріаршимъ престоламъ, а также разнымъ восточнымъ обителямъ, назначена была опредѣленная ежегодная милостыня что въ дѣйствительности было сдѣлано только въ 1735 году, которую другіе восточные патріахи и обители всегда получали и получаютъ доселѣ, „и только вселенскій святѣйшій престолъ, глава всѣхъ церквей, остался лишенъ опредѣленной ему за 20 уже лѣтъ императорской милостыни, почему патріархъ и проситъ прислать ему, чрезъ русскаго резидента въ Константинополѣ, невыданныя за прошлыя 20 лѣтъ суммы, назначенныя константинопольскому престолу Петромъ Великимъ“ (1752 г. № 1). Между тѣмъ архимандритъ московскаго Никольскаго греческаго монастыря Аѳанасій, отъ 13 марта 1754 года, писалъ константинопольскому патріарху Кириллу слѣдующее: „извѣстно вамъ да будетъ, что здѣсь обрѣтается одна грамота Великаго

Петра, и оная весьма секретно въ моихъ рукахъ находится, въ коей повелѣваетъ Великій Петръ, чтобы на всякое лѣто давать трону константинопольскому по 3000 рублей въ вѣчные вѣки на молитвы. Оная же милостыня тому назадъ двадесятъ и три года какъ не отдавана и стоитъ вся сумма готова, только дожидается единаго писанія вашего святѣйшества, у милостивѣйшей государыни, и тотчасъ по полученіи писанія деньги отдадутся, понеже мнѣ сказалъ преосвященный рязанскій Димитрій, который очень любитъ родъ нашъ и въ великой милости у всемилостивѣйшей государыни обрѣтается и мой есть благодѣтель великій—и сіе онъ точно отъ устъ всемилостивѣйшей государыни слышалъ,—„что наши отцы духовные отъ толикаго времени не посылаютъ за милостынею, или можетъ статься, что они Бога не молютъ за насъ и для того и за милостынею не посылаютъ?“. И тотъ преосвященный приказалъ мнѣ сіе до вашего святѣйшества написать, и ваше святѣйшество, какъ изволите и Богъ васъ научитъ, такъ и сдѣлайте, только бы все вамъ дѣлать надобно съ вѣдома его высокородія господина резидент россійскаго, тамъ обрѣтающагося, Итакъ, или чрезъ его высокородія руки или иныя секретно весьма сія милостыня пошлется неотмѣнно. Да еще извольте о томъ писать до преосвященнѣйшаго Димитрія, будетъ очень радъ“.... Въ концѣ письма находилась слѣдующая приписка архимандрита; „въ письмѣ я писалъ до вашего святѣйшества, что уже 23 года, какъ не получали милостыни, но я послѣ спрашивалъ и сказуютъ, что уже 30 лѣтъ какъ не получали,—оныхъ же денегъ сумма сполна 300 мѣшковъ“. Получивъ эти, нужно замѣтить, очень вѣрныя свѣдѣнія о жалованной грамотѣ Петра, патріархъ Кириллъ въ августѣ 1755 года снова обратился къ императрицѣ и въ Св. Синодъ съ ходатайствомъ, чтобы ему выслали назначенную Петромъ Великимъ дачу константинопольскому престолу, „что уже 30 лѣтъ о чемъ мы точно справились и уже то у себя нашли, какъ одинъ только здѣшній престолъ, глава всѣхъ церквей, опредѣленной ему императорской милостыни лишеннымъ остался

бы и имѣлъ всѣ нужные подлинные документы, что онъ дѣйствительно посолъ патріаршій, пропускать его чрезъ границу ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ, — пріѣхавшихъ же въ назначенный срокъ пропускать немедленно безъ всякой задержки, снабжая казенными подводами и кормовыми деньгами. Относительно дачи константинопольскому патріарху состоялось особое постановленіе: ему назначена была, изъ ассигнованной на ежегодную милостыню пятитысячной суммы, ежегодная дача въ тысячу рублей, которая должна отсылаться русскому константинопольскому резиденту, и уже тотъ передавалъ ее патріарху, но только при слѣдующихъ условіяхъ: такъ какъ извѣстно, что константинопольскіе патріархи нерѣдко занимаютъ патріаршій престолъ незаконно, покупая его у турокъ и низвергая чрезъ подкупъ своего предшественника, то и повелѣвается указанную «не малую денежную сумму» производить только такому патріарху, который займетъ патріаршій престолъ по смерти своего предшественника и чрезъ общее избраніе. Чтобы получающіе патріаршій санъ «чрезъ симонію» не имѣли никакой надежды на получку ежегодной тысячной дачи, русскому резиденту въ Константинополѣ повелѣвается наблюдать за тѣмъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ совершилась перемѣна на патріаршемъ константинопольскомъ престолѣ, о чемъ немедленно доносить Св. Синоду и иностранной коллегіи. И только когда, по донесеніи резидента, «такихъ перемѣнъ въ тамошнихъ константинопольскихъ патріархахъ не окажется, но престоло-правительствуютъ правильно и общимъ правовѣрныхъ избраніемъ по смерти предмѣстника своего, а не чрезъ симонію санъ патріаршій на себя восхитивъ, то таковому и впредь по-

не по какому-либо нашему или прежде насъ бывшихъ патріарховъ небреженію, но отъ происходящихъ по обстоятельствамъ временъ помѣшательствъ и опасности отъ державствующихъ надъ нами... „Теперь патріархъ проситъ выслать ему назначенную Петромъ милостыню за всѣ пропущенные тридцать лѣтъ „и еще къ тому пожалованіемъ какого-либо подаянія“.. (1755 г. № 2). Чѣмъ кончилось это домогательство патріарха получить назначенную Петромъ трехтысячную погодную дачу сразу за 30 пропущенныхъ лѣтъ, объ этомъ наши документы ничего не говорятъ. Но, вѣроятно, исходъ этого ходатайства былъ тотъ же, что и въ 1752 г.,—когда оно осталось безъ всякихъ послѣдствій.

всегодно оную опредѣленную по тысяща рублевъ на годъ милостыню, изъ означенной же пятитысячной рублевой суммы, отпускать вышереченнымъ образомъ» [1]).

Кромѣ денежныхъ дачъ патріархамъ иногда посылались очень цѣнные подарки. Такъ въ 1626 году іерусалимскому патріарху Ѳеофану отъ царя и Филарета Никитича посланы были «серебряные вызолоченые рукомойникъ да лахань, вѣсу въ обѣихъ 31 гривенка ($15^1/_2$ ф.) и сорокъ золотниковъ, а гривенка по 5 рублевъ, итого: 159 рублей, 6 алтынъ». Въ 1644 году тому же Ѳеофану послано было съ архимандритомъ его Анѳимомъ 10 окладныхъ иконъ «а на окладъ на тѣ иконы пошло ефимочнаго серебра, которое взято изъ сибирскаго приказу, пудъ, 8 гривенокъ и 25 золотниковъ, цѣна по 7 рублевъ фунтъ, итого 337 рублевъ, 27 алтынъ, 3 деньги. Да на тотъ же окладъ пошло листоваго золота 7300 листовъ, цѣна по 9 рублевъ, по 24 алтына, по 2 деньги тысяча,—итого 71 рубль, 6 денегъ. Да на вѣнцы и на подписи взято изъ казны-жъ 44 золотыхъ, по рублю золотой, итого 44 рубли. Да серебряннымъ мастерамъ отъ того иконнаго окладу отъ дѣла дано 65 рублевъ. Всего на иконный окладъ изошло 517 рублевъ, 28 алтынъ, 3 деньги». Въ то же время Ѳеофану сдѣлана была и послана шапка (митра) цѣною въ 880 рублевъ, 29 алтынъ» [2]). Въ то же время и александрійскому патріарху Іо-

[1]) 1735 г. № 2.

[2]) „Въ тое шапку золота пошло и съ угаромъ 2 фунта, 82 золотника съ ползолотникомъ, цѣна по 40 алтынъ золотой. Да въ тое жъ шапку поставлено каменья, а взято изъ мастерскіе палаты: два яхонта лазоревыхъ сережныхъ цѣна 70 рублевъ, и тѣ яхонты растерты на два и сдѣлано 4 яхонта и огранены; да четыре яхонта лазоревыхъ въ гнѣздахъ золотыхъ, цѣна по 8 рублевъ яхонтъ; да изъ приказу золотаго дѣла взято: яхонтъ червчатой въ гнѣздѣ золотомъ, цѣна 6 рублевъ камень; 4 изумруда вставочныхъ по 12 рублевъ изумрудъ, 3 изумруда сережныхъ по 10 рублевъ изумрудъ, да изумрудъ же сережный 18 рублевъ; 5 яхонтовъ червчатыхъ по 20 алтынъ яхонтъ; 20 искорокъ изумрудныхъ, цѣна 5 алтынъ, по 2 деньги искорка; 8 яхонтиковъ червчатыхъ по полтине камешокъ. Да въ тое жъ шапку поставлено на дробницы налини 44 зерна бурминскихъ по рублю зерно; да на обниску около дробницъ пошло жемчугу 51 золотникъ съ четью, цѣна по 4 рубля золотникъ. Въ тое жъ шапку пошло аршинъ атласу, цѣна 30 алтынъ, полъаршина камки вишневой цѣна 15 алтынъ, два аршина тафты лазоревой на рубль

анникію посланы были: 4 мѣстныя, обложенныя серебромъ иконы, драгоцѣнная митра изъ золота и каменьевъ «съ яхонты и лалы и съ изумруды и жемчугомъ обнизана», а также «святительская одежда со всею службою и понагѣя и посохъ» [1]). Мѣстныя четыре иконы, обложенныя чеканнымъ серебромъ и золотомъ, посылались и константинопольскому патріарху Кириллу Лукарису. Въ благодарственной граматѣ за эти иконы Лукарисъ въ 1632 году писалъ: «тѣ святые иконы съ благоговѣніемъ и со страхомъ поставили есми во святой великой церкви въ патріаршествѣ въ Костянтинѣ градѣ, и услышалъ всякъ народъ и собрался въ истинную и соборную церковь всякъ поклонитися тѣмъ святымъ иконамъ, которыя есте прислали царствіе ваше, и со многимъ желаніемъ и радостью пѣли есми всѣмъ соборомъ молебенъ о здравіи царствія твоего... И не токмо же христіане Костянтина града собралися и приходили кланятися тѣмъ святымъ иконамъ, не только Костянтинъ градъ бяше,

на 13 алтынъ, двѣ деньги; два аршина киндяку лазореваго на 6 алтынъ 4 деньги; 8 горностаевъ, по 2 алтына съ деньгою горностай; да на оболочку лагалища пошло 2 сафьяна зеленыхъ, цѣна рубль 6 алтынъ 4 деньги: да полтора золотника шолку бѣлаго на 6 денегъ, бумаги хлопчатой кругъ вѣнца фунтъ 3 алтына; да отъ лагалища и за дерево дано отъ дѣла 36 алтынъ, 2 деньги, и всего той шапкѣ цѣна 880 рублевъ 29 алтынъ". (Греч. дѣла 7152 г. № 3; 7202 г. № 20; греч. статейные списки № 2, листы не занумерованы).

[1]) Не менѣе роскошна была и шапка, сдѣланная для александрійскаго патріарха. Каменья и жемчугъ на нее оцѣниваются: „пошло въ святительскую шапку александрійскому патріарху Іоанникею каменья, а взято каменье у англичанина у Ивана Ульянова: перстень золота съ яхонтомъ лазаревымъ цѣна 25 рублевъ, лалъ цѣна 17 рублевъ, лалъ цѣна 8 рублевъ, 5 лаловъ цѣна 15 рублевъ; перстень золотъ съ яхонтомъ лазоревымъ цѣна 20 рублевъ; изумрудъ вставошной цѣна 45 рублевъ, яхонтъ лазоревъ цѣна 8 рублевъ, 4 изумруда цѣна 29 рублевъ; перстень золотъ съ изумрудомъ граненымъ цѣна 13 рублевъ; 44 зерна бурминскихъ цѣна по 25 алтынъ зерно; 4 изумруды сережныхъ цѣна по 6 рублевъ изумрудъ, 55 яхонтиковъ червчатыхъ цѣна по 10 алтынъ яхонтикъ, 20 искорокъ изумрудныхъ, цѣна по 5 алтынъ искорка,—всего по цѣнѣ на 256 рублевъ съ полтиною. На ту жъ шапку дано на низанье 40 золотниковъ жемчуга, а взятъ тотъ жемчугъ у Андрея Колдермана, цѣна ему по 3 рубля съ четью золотникъ, итого за жемчугъ 130 рублевъ и обоего за каменья и за жемчугъ 386 рублевъ съ полтиною" (треч. стат. списки № 5, л.л. 219, 222—229).

изъ селъ и изъ всѣхъ городовъ, слышати воспоминаніе то приходя, поклонялися имъ, и бысть великая радость и веселіе во всемъ родѣ греческомъ и слава и похвала къ тебѣ благочестивому и Богомъ вѣнчанному царю» [1]). Когда же вскорѣ послѣ этого были посланы еще иконы уже лично самому патріарху, то онъ въ іюнѣ 1633 года писалъ государю и патріарху слѣдующее: «а какъ во Царѣградѣ видѣли пречестные и пресвятые иконы великаго твоего царствія и преблаженства твоего и великіе люди у насъ того просили, чтобы имъ тѣхъ святыхъ образовъ послати посмотрити и я къ нимъ не посылывалъ, а имѣю ихъ паче великаго сокровища, и поставилъ и устроилъ ѣсми ихъ въ тайныхъ моихъ кельяхъ, въ которыхъ я самъ пребываю, и почитаю ихъ и прикладываюся къ нимъ, а когда молюся и я прошу въ молитвѣ своей, чтобы ваша царская молитва восходила къ Богу съ моею молитвою вкупѣ до моей смерти, что есми азъ древній. Да великіе жъ люди, которые пребываютъ въ Царьграде, христіане отъ всего народу и многіе турки, приходили въ мою келью видѣти тѣ святые ваши иконы, и тѣ честные иконы они видѣли, только турки къ нимъ не прикладывалися, потому что на то я имъ не позволилъ и прикоснутися имъ къ тѣмъ честнымъ иконамъ не далъ. А которые въ то время прилучилися греческіе власти и тѣ всѣ къ тѣмъ честнымъ иконамъ прикладывалися, а франкамъ и инаго народу никому не далъ есми ни рукою прикоснутися, и благодарю много великое твое царствіе и преблаженство твое, что есте мнѣ учинили сію благодать, что мнѣ имѣти тѣ святые иконы, и да будетъ со мною Господь нашъ Іисусъ Христосъ и да сподобитъ намъ стати предъ лицемъ Своимъ во царствіи небеснемъ» [2]). Если, по словамъ Кирилла Лукариса, смотрѣть на присланныя ему въ подарокъ царемъ иконы и прикладываться къ нимъ сбирался не только весь Константинополь, но и жители разныхъ селъ и городовъ, и не только христіане, но даже, будто-бы, турки и франки, которыхъ онъ однако приложиться къ иконамъ не допустилъ; то іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ уже рѣши-

[1]) 7140 г. № 11.

[2]) См. эту грамату Лукариса въ приложеніи.

тельно заявляетъ, что полученная имъ, въ его бытность въ Москвѣ, икона отъ инокини царицы Мареы творитъ теперь на востокѣ чудеса. Въ граматѣ къ инокинѣ Мареѣ въ 1630 году съ просьбою о милостынѣ Ѳеофанъ между прочимъ пишетъ: «сотворищи намъ милостыню, якоже и прежде того насъ помиловала еси, яже тою святою иконою, что есть творитъ нынѣ многіе чудеса и здравіе подаетъ, и всякъ видя, честь и хвалу воздаетъ, что есть отъ рукъ даяніе царскихъ» [1]). Вѣроятно, подаренная Ѳеофану икона была особенна драгоцѣнна.

Дача милостыни патріархамъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ ихъ личнаго пріѣзда въ Москву, производилась или чрезъ лицъ, нарочно присылаемыхъ ими въ Москву, или чрезъ нашихъ константинопольскихъ пословъ. Между тѣмъ всѣ другіе просители, за самыми ничтожными исключеніями, обязательно сами должны были ѣхать на Русь, чтобы здѣсь получить милостыню или въ Москвѣ, или въ Путивлѣ. Количество милостыни просителю опредѣлялось его іерархическимъ рангомъ, а также тѣмъ, гдѣ онъ получалъ милостыню—въ Москвѣ или въ Путивлѣ. Высшую, послѣ патріарховъ, дачу получали митрополиты, затѣмъ архіепископы и епископы, за ними слѣдовали настоятели разныхъ монастырей, а потомъ простые старцы и бѣлые попы и, наконецъ, просто бѣльцы. Какъ и патріархи, всѣ просители получали двойную дачу: лично для себя, или поручную во время представленія государю, и на «отъѣздѣ», на «милостыню» или «на окупъ». Для каждой группы просителей существовала опредѣленная норма дачи, такъ какъ каждому лицу давали, примѣняясь къ прежнимъ дачамъ такимъ же лицамъ. Пріѣзжаетъ, напримѣръ, митрополитъ; чтобы опредѣлить, сколько ему слѣдуетъ дать на милостыню, въ докладѣ о его пріѣздѣ государю выписывались «на примѣръ» случаи прежнихъ пріѣздовъ митрополитовъ и количество полученной ими милостыни (то же дѣлалось и относительно поденныхъ кормовъ и питій). Государь всегда приказывалъ выдать пріѣзжему милостыню, примѣняясь къ прежнимъ дачамъ, вслѣдствіе чего и образовывалась для всѣхъ просителей опредѣленная норма дачи, которая, за ничтожными измѣненіями, оставалась всегда одна и та же. Если, по какимъ-либо обстоятельствамъ, приходилось кому-либо дать больше обычной установившейся дачи, то, въ дѣлѣ объ этомъ, указывалась и спеціальная причина увеличенія дачи, при чемъ въ резолюціи государя въ такихъ случаяхъ всегда обозначалось, что увеличенная дача дана не въ образецъ другимъ: «и впредь на примѣръ ея никому не выписывать». Уменьшать дачу противъ предшествующихъ примѣровъ было неудобно въ томъ отношеніи, что это обстоятельство всегда вызывало со стороны просителей, напередъ уже хорошо знавшихъ, сколько имъ слѣдуетъ получить, докучливыя челобитныя царю, что ихъ обошли милостынею предъ ихъ собратьями, что они оскорблены малою дачею. Такихъ челобитныхъ встрѣчается не мало, и потому правительство всегда строго держалось разъ установившейся и всѣмъ извѣстной нормы, чтобы избѣжать докучливыхъ просьбъ о прибавкѣ къ данной уже милостынѣ. Сколько именно давалось разнымъ просителямъ поручной дачи въ Москвѣ, это видно изъ слѣдующей росписи Посольскаго приказа 1647 года, составленной на основаніи дачъ всѣхъ предшествующихъ годовъ: «выписано на примѣръ, по чему въ прошлыхъ годѣхъ на Москвѣ государева жалованья давано пріѣзжимъ гречаномъ: а) *митрополитомъ*—по кубку серебряному золоченъ съ кровлею по 2 гривенки (т.-е. фунтъ), кубокъ, камки куфтерю смирной по 12 аршинъ, по сороку соболей по 40 рублевъ сорокъ, а инымъ по 30 рублевъ сорокъ, человѣку; денегъ по 40 рублевъ, а инымъ по 30 и по 20 рублевъ человѣку. *Архимандритомъ* ихъ: по камкѣ адамашкѣ, по сороку соболей по 20 рублевъ сорокъ, денегъ по 20 рублевъ, а инымъ по 15 и по 12 рублевъ человѣку. *Архидіакономъ:* по сороку купицъ меньшей цѣны, денегъ по 10 и по 8 рублевъ человѣку. *Келаремъ и черньшъ попомъ:* по сороку куницъ меньшей цѣны, денегъ по 8 и по 6 и по 5 рублевъ человѣку. *Дьякономъ* по тафтѣ, денегъ по 6 и по 5 рублевъ человѣку. *Митрополичьимъ братьемъ:* по тафтѣ, денегъ по 4 рубли человѣку. *Толмачемъ:* по сукну по доброму, денегъ по 3 рубли человѣку, и *служкамъ:* по сукну доброму, денегъ по 2 рубли человѣку. b) *Архіепископомъ и епископомъ:* по кубку серебряному золоченому по 2 гривенки

[1]) 7138 г. № 8.

кубокъ, камки куфтерю по 12 аршинъ, по сороку соболей въ 30 рублей сорокъ, денегъ по 25 и по 20 рублевъ человѣку. *Архимандритомъ ихъ и архидіакономъ и келаремъ и чернымъ попомъ и дьякономъ и племянникомъ* давано государева жалованья на милостину противъ митрополичихъ архимандритовъ и старцовъ и племянниковъ, что писано выше сего. с) А *гречаномъ бѣльцомъ:* по тафтѣ, денегъ по 5 рублевъ человѣку. А на отпускѣ митрополитомъ же давано государева жалованья, по ихъ челобитьямъ, на церковное и на монастырское строеніе, а инымъ на окупъ, которые отъ агарянъ раззорены и впали въ большіе долги,—по 200 и по 150 и по 100 и по 50 рублевъ человѣку. А инымъ митрополитомъ и архимандритомъ и старцемъ и толмачемъ и служкамъ давано государева жалованья на отпускѣ противъ тое жъ дачи, какъ имъ давано на пріѣздѣ. А инымъ митрополитомъ давано на отпускѣ по 50 рублевъ, архимандритомъ и старцомъ и толмачемъ и служкамъ противъ первые дачи, что имъ дано на пріѣздѣ, въ полъ. А архіепископомъ и епископомъ давано государева жалованья противъ первые дачи тожъ, что имъ давано на пріѣздѣ, а инымъ давано по 50 и по 40 рублевъ человѣку. Архимандритомъ ихъ и старцомъ и толмачемъ и служкамъ давано государева жалованья на отпускѣ противъ прежніе дачи, что имъ давано и на пріѣздѣ, а инымъ давано противъ прежней дачи вполы. А гречаномъ же бѣльцомъ давано государева жалованья на отпускѣ по ихъ челобитью на окупъ по 50 и по 40 и по 30 рублевъ человѣку, а инымъ давано по 25 и по 20 и по 15 и по 12 рублевъ человѣку» [1]). Такимъ образомъ, при высшей дачѣ на пріѣздѣ и отъѣздѣ самъ митрополитъ получалъ отъ царя рублей триста, да его свита рублей 200, а при самой низшей дачѣ митрополитъ получалъ рублей 120, а его свита рублей 150, т.-е., на наши деньги на подарки митрополитамъ и ихъ свитѣ каждый разъ расходовалось отъ трехъ до пяти и болѣе тысячъ рублей, полагая, что цѣнность тогдашняго рубля равнялась десяти, если не болѣе, нынѣшнимъ. Къ этому нужно прибавить кормы, питья, подводы и т. п., что также должно было составить очень порядочную сумму,

[1]) 7155 г. № 11.

такъ какъ просители иногда жили на Руси довольно долго. Количество дачи архіепископамъ и епископамъ приравнивалось, какъ видно, къ низшей дачѣ митрополитамъ. Кромѣ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ съ ихъ свитами въ Москву пріѣзжали, и чаще всѣхъ другихъ просителей, архимандриты разныхъ православныхъ восточныхъ монастырей съ своею свитою. По количеству получаемой дачи архимандриты дѣлились на двѣ статьи. *Архимандритамъ первой статьи* дача была слѣдующая: по камкѣ адамашкѣ смирной, сорокъ соболей по 30 рублей сорокъ, денегъ по 25 и по 20 рублей человѣку; *архидьяконамъ:* сорокъ куницъ и денегъ по 10 и по 5 рублей человѣку; *чернымъ дьяконамъ* по тафтѣ смирной, по 8 и по 7 рублей денегъ; *служкамъ* по 3 рубля, до по сукну доброму. *Архимандритамъ второй статьи:* по камкѣ адамашкѣ, сорокъ соболей въ 25 или въ 20 рублей и денегъ по 20 или 15 рублей; *келарямъ* сорокъ куницъ или сорокъ соболей въ 15 рублей и денегъ по 10 и по 8 рублей; *архидьяконамъ* по тафтѣ смирной и по 7 рублей денегъ; *чернымъ дьяконамъ* по тафтѣ смирной и по 6 рублей денегъ; *служкамъ* по 2 рубля денегъ и по сукну доброму [1]). Указанная дача архимандритамъ и ихъ спутникамъ была личная или поручная, но была и другая дача на монастыри собственно. Эта дача была неодинакова для различныхъ монастырей, неодинакова и для одного монастыря за разные годы. Въ приказныхъ помѣтахъ дача на монастыри обозначается такъ: «и въ иные монастыри давано государева жалованья архимандритомъ на милостыню и на окупъ, а инымъ на монастырское строеніе собольми по 150 и по 130 и по 100 и по 70 рублевъ» [2]). Большую дачу давали обыкновенно въ монастыри, которые имѣли у себя царскія жалованныя граматы, съ правомъ пріѣзжать въ Москву въ извѣстные сроки. Въ каждый назначенный срокъ они обязаны были являться въ Москву, такъ

[1]) 7148 г. № 5; 7152 г. № 2; 7157 г. № 17; 7194 г. № 6. Когда при архимандритахъ были ихъ «племянники», то «племянникамъ» давалось по тафтѣ смирной и денегъ по 5 и по 4 рубля человѣку.

[2]) 7158 г. № 25 и 29, 7161 г. № 5; 7168 г. № 12.

5какъ за пропущенные сроки милостыня не выдавалась [1]). Въ 1688 г. погоянинскаго Успенскаго монастыря архимандритъ, получивъ въ Москвѣ на милостыню 100 рублей, просилъ еще прибавки на томъ основаніи, что изъ ихъ монастыря не пріѣзжали за милостынею уже 15 лѣтъ, а жалованная грамата велитъ имъ пріѣзжать въ пятый годъ. Ему было прибавлено на милостыню еще 100 рублей, но при этомъ сдѣлана была помѣта: «а иныхъ монастырей властямъ та дача не въ образецъ и на примѣръ никому не выписывать» [2]). Эти пропуски сроковъ, назначенныхъ для пріѣзда за милостынею въ Москву, были явленіемъ почти обычнымъ, такъ что только очень рѣдкіе монастыри, имѣя у себя жалованную грамату, являлись въ Москву въ каждый слѣдующій срокъ [3]). Небольшіе монастыри не имѣли жалованныхъ граматъ и получали меньшую дачу по 50 и по 40 и даже по 30 руб-

[1]) «А въ прошлыхъ годѣхъ, изъ которыхъ монастырей пріѣзжали старцы бити челомъ о милостынѣ, хотя и пропустя указные годы, и съ ними посылано великаго государя жалованья въ тѣ монастыри на милостыню одна дача, а на прошлые годы, въ которые въ указныхъ годѣхъ не пріѣзжали, не посылано» (7191 г. № 6).

[2]) 7196 г. № 1.

[3]) Укажемъ примѣры дачъ въ разные монастыри, имѣвшіе у себя жалованныя граматы, и количество пріѣздовъ изъ нихъ въ Москву. *Погоянинскій Петропавловскій* монастырь получилъ жалованную грамату въ 1642 году, просители изъ него пріѣзжали въ 1653, 1684, 1689, 1692, 1705 и 1718 годахъ и получили милостыню: въ 1653, 1684, 1689 г.г. по 180 р.; въ 1692 и 1705 г.г. по 100 р., а въ 1718 г.—50 р. *Архангела Михаила и Гавріила въ Македоніи*: жалованная грамата дана въ 1664 году, съ правомъ пріѣзжать въ шестой годъ; были въ 1674, 1688, 1692, 1700, 1705, 1718 г.г.; получили на каждый пріѣздъ по 100 рублей. *Успенскій* погоянинской епархіи, жалованную грамату получилъ въ 1662 г., съ правомъ пріѣзжать въ пятый годъ; были въ 1669, 1672, 1688, 1692, 1704, 1717 годахъ, получали 50 рублей въ пріѣздъ. *Троицкій македонскій* получилъ жалованную грамату въ 1690 г., съ правомъ пріѣзжать въ седьмой годъ; были въ 1700, 1705 и 1718 г.г., получили въ 1700 и 1705 г.г. по 50 р., а въ 1718 г.—100 рублей. *Авелевъ македонскій* получилъ жалованную грамату въ 1690 г., съ правомъ пріѣзжать въ седьмой годъ, были въ 1697 и 1720 г.г. и получили по 100 рублей. *Введенскій Леповинскій* города Крыжевца монастырь получилъ жалованную грамату въ 1651 г.; были въ 1700 году, когда получили 40 р., и въ 1717 году, когда получили 100 р. (1726 г. № 7). *Милешевъ*: въ 1628 г. дано отъ царя и патріарха на 204 рубля архимандриту и старцамъ, а въ монастырь не послано; въ

лей. [1]) Единообразная дача милостыни въ различные монастыри введена была только въ 1742 г., когда постановлено было, съ одной стороны, давать милостыню только тѣмъ монастырямъ, которые имѣютъ у себя царскія жалованныя граматы, съ другой стороны, давать всѣмъ монастырямъ исключая аѳонскаго Ватопедскаго, одинаковую дачу чрезъ каждыя пять лѣтъ, именно по 175 р. на монастырь, полагая ежегодную дачу на монастырь въ 35 р. [2]) Что же касается простыхъ старцевъ, являвшихся въ Москву не въ свитѣ какого-либо архіерея или архимандрита, а въ качествѣ самостоя-

1635 г. дано на монастырь въ Путивлѣ 40 рублей. (7143 г. № 6); въ 1639 г. дано на 100 рублей, да богослужебныя книги на 8 р. 20 алтынъ (7152 г. № 8); въ 1643 г. дано было 50 р. (7153 г. № 26), а въ 1653 г. на 150 р., да книги и ризы и покровъ на мощи св. Саввы архіепископа сербскаго; въ 1657 г. «на подпись церковную и на милостыню» соболями на 300 р.; въ 1660 г. на 150 р. (7168 г. № 9); въ 1664 г. на 200 р. (7172 г. № 26); въ 1675 г. на 150 р. (7184 г. № 4). *Студеницкій*, тоже сербскій, монастырь получилъ жалованную грамату въ 1663 г., съ правомъ пріѣзжать въ пятый годъ, но были только три раза: въ 1686, 1691 и въ 1703 г.г. и получали каждый разъ по 100 рублей (1703 г. № 8).

[1]) Напримѣръ, въ 1645 г. въ Троицкій и Стефановскій города Трикала м въ Пантелеймоновскій города Янина монастыри дано было только по 50 р. на монастырь (7153 г. № 26). Въ 1648 г. въ слѣдующіе монастыри послано было милостыни по 30 р. на монастырь: въ гревенскій Преображенскій, въ верейскій Предтеченскій, въ Успенскій города Сервія, Константина и Елены въ г. Андро, въ филишовскій Ѳедора Тирона, въ янинскій Ильи пророка, въ Никольскій г. Ларса, въ трикальскій Успенскій (7156 г. № 24 и 27). Иногда и безъ жалованной граматы монастыри получали высшую дачу. Такъ въ 1643 г. сербскій Успенскій г. Касторіи монастырь получилъ на милостыню 100 р. (7152 г. № 8); въ 1627 г. Троицкій г. Середокѣя (Софіи) получилъ также 100 р. (7155 г. № 17), а Лѣсновскій болгарскій въ 1652 г.—50 р., да богослужебныя книги; (7160 г. № 5); верейскій Предтечевъ въ 1648 г. получилъ 30 р., а въ 1667, 1688 и въ 1693 г.г. уже по 100 р. (7198 г. № 1; 7201 г. № 37).

[2]) «По учиненному въ прошломъ 1735 г., по силѣ имяннаго блаженныя м вѣчнодостойныя памяти государыни императрицы Анны Іоанновны самодержицы всероссійскія указа о выдачѣ святѣйшимъ палестинскимъ четырепрестольнымъ патріархамъ милостиннаго жалованья, штату и по воспослѣдовавшему по тому штату въ 1742 г. святѣйшаго правительствующаго Синода опредѣленію велено: въ ниже означенныя палестинскія монастыри, по силѣ жалованныхъ въ оныя монастыри отъ всероссійскаго императорскаго престола грамотъ, производить ея императорскаго Величества милостиннаго жалованья и за онымъ присылать изъ тѣхъ монастырей въ Москву

тельныхъ просителей милостыни, то ихъ дѣлили на статьи. Первой статьѣ, большой, давали сорокъ куницъ и 10 р. денегъ; средней и меньшей статьѣ: 40 куницъ и 8 р денегъ, а инымъ по тафтѣ смирной, да по 8 и по 7 и по 6 рублей денегъ человѣку. [1]). Бѣлымъ попамъ въ Москвѣ давали противъ черныхъ поповъ. Такъ въ 1625 г. пріѣзжалъ съ о. Крита бѣлый попъ Никифоръ, а государева жалованья ему дано противъ черныхъ поповъ: сорокъ соболей въ 20 рублей,

чрезъ 5 лѣтъ въ шестой годъ, за которые того жалованья и выдавать изъ московской святѣйшаго Синода конторы, а именно: 1, Аѳонскія горы въ Благовѣщенскій Ватопедскій монастырь за извѣстную святыню, на каждый годъ по 100 рублевъ, а на 5 лѣтъ 500 рублевъ; да въ нижепоказанныя монастыри выдавать въ каждый монастырь по 35 рублевъ на годъ, а на 5 лѣтъ по 175 рублевъ, а именно *Аѳонскія жъ горы:* 2, въ Введенской хиландарской, 3, въ Предтечевъ зовомый Діонисіевъ, 4, въ Георгіевскій Зуграфскій, 5, въ Георгіевскій Павловскій, 6, въ Иверской, 7, въ Вознесенской Есфигманской, 8, святаго великомученика Пантелеймона, 9, въ Аѳонасіевъ великія лавры, 10, въ Троицкой Алембасовъ (?), 11, въ Благовѣщенскій Ѳилоеѣевъ; *Македонскія земли*; 12, въ Введенской Тернопольской, 13, города Гирокострадана въ Успенской, 14, Погоянинской епархіи въ Успенской же, 15, тояжъ епархіи въ Троицкой, 16, въ Архангельской Михаила и Гавріила, 17, въ Успенской, нарицаемой Авель, 18, города Вереи въ Предтеченской, 19, города Янина въ Богородицкой Ероменской, 20, тогожъ города въ Ильинской, 21, тогожъ города въ Рождественской, 22, Богородицкой, нарицаемой Тарханской, 23, Янинской области въ Николаевской, имянуемой «отъ Господня мосту»; 24, въ Успенской нарицаемый Патеронъ, 25, Ангирскаго города въ Спасскій Вѣріопольскій, 26, въ Архангельской, 27, города Трапезона въ Предтечевъ; *Сербскія земли:* 28, города Крижевца въ Введенской Липовинской, 29, Бѣлаграда въ Благовѣщенскій Крушедоловъ, 30, въ Вознесенской и чудотворца Саввы сербскаго, зовомый Милешевъ, 31, въ Архангело Михайловскій Лѣсновскій, 32, въ Успенской Студеницкой, 33, въ Благовѣщенской, 34, въ Вознесенской Раваницкой, 35, *въ Метеорскія горы* въ Сесвятской, 36, въ Георгіевской, иже *въ Старомъ Мирисѣ*, 37, преподобнаго Саввы Освященнаго въ Александріи, 38, Волоскія земли города Галицы въ Николаевскій; 39, *Гричскаго острова* въ Успенской, 40, *Бѣломорскаго острова* въ Знаменской, 41, Бѣломорскія жъ страны въ приписной къ Богословскому острова Патма монастырю Богородицкой, что на островѣ Милѣ, 42, Ливанской горы въ Успенской, 43, въ скитской Воздвиженской *въ Польшѣ* въ повѣтѣ Галицкомъ; 44, *Молдавскія земли* города Сочавы въ Николаевскій, зовомый Кошуля; *въ цареградскія*: 45, въ Троицкой, 46, въ Преображенской, 47, въ Успенской, имѣющейся близъ Царя-града на островѣ Халки» (1742 г. № 12).

[1]) 7148 г. № 2.

камка смирная, 12 р. денегъ; отъ патріарха 40 соболей въ 15 р., тафта смирная, денегъ 7 рублей [1]). До половины XVII в. въ Москву нерѣдко являлись бѣлые гречане не только въ качествѣ слугъ или «племянниковъ» при разныхъ духовныхъ особахъ, но какъ самостоятельные просители милостыни. Они принимаемы были государемъ, какъ и другіе просители, и на представленіи получали дачу по двумъ статьямъ. Первой статьѣ давалось: по камкѣ адамашкѣ, да по сукну доброму, да по 5 рублей денегъ человѣку; второй статьѣ: по тафтѣ да по сукну доброму, да денегъ по 5 и по 4 и по 3 рубля человѣку, людямъ ихъ давано по два рубли человѣку, а инымъ по полудва рубли человѣку [2]). Кромѣ поручной дачи гречане бѣльцы получали еще особую дачу «на окупъ» и «на милостыню»: «а въ прошлыхъ годѣхъ гречаномъ, которые пріѣзжали къ государю бить челомъ на окупъ женамъ и дѣтемъ своимъ, и тѣмъ давано государева жалованья собольми жъ по 30 и по 25 и по 20 рублевъ, а инымъ дано деньгами по 15 и по 12 и по 10 рублевъ человѣку» [3]). Бѣлые гречане, прибывъ въ Москву за мило-

[1]) 7134 г. № 19; 7144 г. № 12; 7146 г № 4. Выраженіе, что милостыня давалась не только отъ царя, но и отъ патріарха, значитъ слѣдующее: во все время патріаршества Филарета Никитича всѣ просители милостыни, постѣ представленія государю. обязательно представлялись затѣмъ и патріарху, который принималъ ихъ такъ же, какъ и государь, и также давалъ имъ отъ себя подарки, въ количествѣ нѣсколько меньшемъ, чѣмъ государь. Именно, государь давалъ митрополитамъ, какъ это значится въ росписи 1635 года: кубокъ серебряный въ *3 гривенки*., камка *куфтеръ* 12 аршинъ. сорокъ соболей *въ 30 рублей*, денегъ *40 рублей*; патріархъ давалъ *образъ окладной*. кубокъ серебряный *въ 2 гривенки*, камка *смирная* 12 аршинъ, сорокъ соболей *въ 25 рублей*, денегъ *30 рублей*. Архіепископамъ и епископамъ царь давалъ: кубокъ серебряный въ двѣ гривенки, портище *камки куфтерю* смирной, сорокъ соболей *въ 25 рублей, денегъ 30 рублей*; патріархъ давалъ: *образъ окладной*, кубокъ серебряный въ 2 гривенки, камка *адамашка* смирная, сорокъ соболей *въ 15 рублей* денегъ *15 рублей*, и т. д. Относительно всѣхъ другихъ просителей (7143 г. № 1) пріемъ у патріарха замѣнялъ собою пріемъ у государя на «отъѣздѣ», котораго, поэтому, во время патріаршества Филарета Никитича, не было. Эти патріаршіе пріемы имѣли мѣсто исключительно только при Филаретѣ Никитичѣ, а ни прежде его, ни послѣ ихъ не было.

[2]) 7144 г. № 15.

[3]) 7151 г. № 6; 7154 г. № 11; 7155 г. № 3; 7158 г. № 27.

стынею, обязательно должны были привезти рекомендательную грамату отъ какого-либо патріарха, или же отъ митрополита, въ которой обыкновенно объяснялось, почему нужно оказать милости тому или другому [1]). Поѣздки гречанъ бѣльцовъ въ Москву за милостынею прекратились съ половины XVII вѣка, когда и духовныхъ лицъ старались задерживать въ Путивлѣ.

---

[1]) Такъ въ 1627 году константинопольскій патріархъ Кириллъ Лукарисъ проситъ за гречанина Дмитрія, котораго, по словамъ патріаршей граматы, «поклепали сего мѣста насильники и въ темницу и въ желѣзо сажали и многи муки ему дали, чтобы отрекся вѣры, чтобы онъ въ ихъ вѣру вѣровалъ», но грекъ остался твердъ, успѣлъ бѣжать изъ темницы, и потому патріархъ проситъ дать этому исповѣднику приличную его подвигу милостыню (7153 г. № 12). Въ 1639 году тотъ же патріархъ ходатайствуетъ за двухъ тырновскихъ торговыхъ гречанъ, которые-де ѣхали съ большимъ караваномъ въ Софію, но «дьявольскимъ навожденіемъ» напали на нихъ агаряне—разбойники, все у нихъ ограбили и взяли еще въ плѣнъ роднаго брата одного изъ нихъ, такъ что для его выкупа пришлось занять 500 золотыхъ (7147 г. № 3). Въ 1646 году іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ проситъ за грека Петра Иванова, который «добраго и честнаго роду». У него, во время пожара, сгорѣлъ домъ со всѣмъ, что было, а потомъ его постигла и большая бѣда: агаряне обвинили его, какъ виновника пожара, и хотѣли казнить, но, благодаря внесенному за него окупу въ 2500 ефимковъ, его отпустили. «Не имѣя, что себѣ сотворити вышереченной заложилъ отца своего и матерь въ закладѣ въ агарянскіе руки, покамѣста заплатитъ вышереченные ефимки» и обращается теперь за помощью къ государю, такъ какъ «святое ваше царствіе, пишетъ патріархъ, напаяетъ весь народъ благочестивыхъ православныхъ христіанъ неизреченною своею милостынею». Въ томъ же году константинопольскій патріархъ Парѳеній проситъ государя за грека Василія, котораго вельможи его области послали отвезти въ Царьградъ царскія попоны, «и ѣдучи дорогою дьявольскимъ искушеніемъ потонули въ рѣкѣ въ одріанопольской тѣ царскія попоны всѣ, только онъ бѣдный опростался», но зато былъ посаженъ турками въ тюрьму, откуда его выпустили только послѣ взноса 400 ефимковъ, которые пришлось занять. Или, напримѣръ, въ томъ же году другой константинопольскій патріархъ, Іоанникій, писалъ объ одномъ священникѣ янинской области Николаѣ, что къ нему пришелъ «сосѣда его дѣтищь, а у него Николая въ ту пору былъ горшокъ съ кипяткомъ, и тотъ дѣтищь ненарочнымъ обычаемъ тѣмъ кипяткомъ обварился, и за то его тамошніе владѣтели поймали и начали его мучить, и онъ отъ той бѣды и муки договорился дать за себя 250 рублевъ и, распродавъ имѣніе свое, заплатилъ только сто рублей», а такъ какъ остальныхъ денегъ заплатить нечѣмъ, то онъ и обращается къ государю за милостынею (7154 г. №№ 4, 5 и 24; 7155 г. № 20).

Различные просители милостыни, являясь въ Москву, нерѣдко привозили съ собою выкупленныхъ ими изъ турецкой неволи русскихъ плѣнныхъ, за что и получали изъ казны, какъ сумму окупа, такъ и затраченное дорогою на провозъ и харчи: «а въ прошлыхъ годѣхъ, по указу великаго государя, давано его, великаго государя, жалованья окупу за полоняниковъ изъ его, великаго государя, казны изъ сибирскаго приказу половина собольми, а другая половина окупу деньгами изъ Новыя Чети: за дворянъ и за рейтаровъ по 100 и по 120 рублевъ за человѣка, а за драгуновъ и за солдатъ по 50 и по 60 рублевъ за человѣка, а достальной окупъ, чего гречаномъ не достанетъ, платили дворяне сами, а за боярскихъ дѣтей бояря ихъ». Кромѣ того давано государева жалованья «сверхъ окупу за харчи и за провозъ и за убытки за дворянъ по 20 рублевъ за человѣка», но за простыхъ драгунъ и солдатъ особой приплаты къ окупу, за харчи и убытки не выдавалось [1]). Полоняниковъ разные просители милостыни возили очень охотно, потому что это было очень выгодно. Кромѣ полученной съ казны суммы за окупъ, харчи, провозъ и убытки, гречане еще брали съ полоняниковъ особыя кабалы,—съ дворянъ рублей на 200, съ простыхъ лицъ рублей на 100, которыя потомъ и представляли ко взысканію [2]). Случалось и такъ, что гречане привозили полоняниковъ, уже ранѣе отпущенныхъ, но которыхъ они, предварительно сговорясь съ ними, выдавали предъ правительствомъ за выкупленныхъ ими. Эти злоупотребленія были такъ позорны, что возмущали даже самихъ грековъ. Одинъ изъ нихъ, служившій переводчикомъ при Портѣ, доводилъ въ 1672 году до свѣдѣнія государя, «что бы не указалъ великій государь гречаномъ окупу за полоняниковъ давати и тѣмъ свою государственную казну вотще терять, понеже тѣ греки, которые полоняниковъ вывозятъ,—воры, емлютъ полоняниковъ въ турской землѣ и въ воло-

---

[1]) 7155 г. № 16; 7175 г. № 27. Въ приказной помѣтѣ 1670 г. замѣчено: «да въ прошлыхъ же годѣхъ, по помѣтамъ на выпискахъ, давно великаго государя жалованья гречаномъ окупу за *боярскихъ людей по 50 рублевъ, за женскій полъ по 20 рублевъ собольми жъ*".

[2]) 7179 г. № 13.

ской уволенныхъ и, сговорясь съ полоняниками, называютъ ихъ окупленными; а хотя которые греки впредь полоняниковъ учнутъ вывозить, и за нихъ указалъ бы великій государь давать за провозъ по своему государскому разсмотрѣнію рублевъ по десяти или малымъ больши; а турки, слыша о тѣхъ окупахъ и о истощеніи государскіе казны, только тѣшатца» [1]).

Не всѣ просители пропускались въ Москву. Число ихъ, съ теченіемъ времени, все болѣе увеличивалось, и потому одинъ провозъ и содержаніе во время пути и въ Москвѣ, а также ихъ обратная отправка до границы, помимо самыхъ дачъ, составляли уже сами по себѣ тяжелое бремя для правительства, которое поэтому стало употреблять разныя средства, чтобы задержать просителей въ Путивлѣ и тамъ выдавать имъ милостыню. Такъ образовались путивльскія дачи просителямъ, для которыхъ также, какъ и для московскихъ, существовали опредѣленныя нормы. Въ росписи дачъ 1647 года онѣ опредѣляются слѣдующимъ образомъ: «а которыхъ греческихъ властей и старцовъ и бѣльцовъ къ Москвѣ пропустить не велѣно, и тѣмъ государева жалованья па милостину камки и соболи посыланы съ Москвы въ Путивль, а деньги даваны изъ путивльскихъ доходовъ — *митрополитомъ:* по камкѣ куфтерю по 12 аршинъ, по сороку соболей по 40 и по 30 рублевъ сорокъ, денегъ по 30 и по 20 рублевъ человѣку; архимандритомъ ихъ: по сороку соболей по 15 рублевъ сорокъ, денегъ по 10 рублевъ человѣку; архидьякономъ и келаремъ и дьякономъ давано по 10 рублевъ человѣку; толмачемъ и служкамъ по 2 рубли человѣку. А инымъ пріѣзжимъ архимандритомъ давано государева жалованья въ Путивлѣ деньгами изъ путивльскихъ доходовъ по 12 рублевъ человѣку, а соболей къ нимъ съ Москвы не посылано; а чернымъ попомъ и келаремъ и дьякономъ, которые съ тѣми архимандриты въ Путивль пріѣзжали, давано государева жалованья изъ путивльскихъ доходовъ по 8 и по 7 и по 6 рублевъ человѣку; служкамъ по два рубли человѣку. А митрополичьимъ братьямъ и племянникомъ и епископскимъ и архимандричимъ племянникомъ государева

[1]) 7180 г № 25.

жалованья дачи въ Путивлѣ не бывало, потому что съ тѣми властьми, которымъ государево жалованье давано въ Путивлѣ, братьевъ и племянниковъ не бывало» [1]). Указомъ 1654 года повелѣвается: «въ Путивлѣ давать деньгами митрополитомъ по 60 рублевъ, архіепископомъ по 50 рублевъ, архимандритомъ, которымъ даваны государевы граматы, что имъ ѣздить въ Москву, тѣмъ по 30 рублевъ, а безграмотнымъ по 20 и по 15 рублевъ человѣку, а архидьякономъ и келаремъ и чернымъ попомъ по сороку куницъ меньшей статьи или деньгами по 10 и по 8 рублевъ, а соболи и куницы имать изъ Казанскаго дворца и посылать въ Путивль, какъ отпишутъ; а чернымъ дьякономъ и простымъ старцомъ и митрополичимъ и архіепископлимъ и архимандричимъ братьемъ и племянникомъ и гречаномъ бѣльцомъ давать изъ путивльскихъ доходовъ по 5 рублевъ, а инымъ и по четыре рубли человѣку, а толмачемъ и служкамъ по 2 рубли человѣку» [2]). Очевидно, что дача милостыни просителямъ въ Путивлѣ была выгодна для правительства не только въ томъ отношеніи, что оно избавлялось этимъ отъ всѣхъ расходовъ на провозъ и содержаніе просителей отъ границы до Москвы и обратно, но и въ томъ отношеніи, что самая дача въ Путивлѣ была значительно меньше московской. Но, съ другой стороны, по тѣмъ же самымъ причинамъ, эти дачи были очень невыгодны для просителей, которые и старались поэтому, во что бы то ни стало, пробраться въ Москву, въ чемъ въ большинствѣ случаевъ и успѣвали, какъ увидимъ это ниже.

Кромѣ дачъ милостыни просителямъ въ Москвѣ и Путивлѣ, въ XVI и XVII столѣтіяхъ существовали еще спеціальныя посылки милостыни на востокъ, такъ называемой «заздравной» и «заупокойной», которая въ XVI столѣтіи посылалась въ какихъ-либо только исключительныхъ случаяхъ.

[1]) 7155 г. № 11. Почему въ Путивлѣ не было при просителяхъ братьевъ и племянниковъ, тогда какъ въ Москвѣ они обязательно были почти при каждомъ просителѣ, это объясняется тѣмъ, что братья и племянники были просто купцы, провозившіе въ Москву товары; они поджидали на границѣ такихъ просителей, которые пропускались въ Москву, и присоединялись къ нимъ, заплатя по уговору, въ качествѣ ихъ племянниковъ или братьевъ.

[2]) 7162 г. № 18.

Такъ Иванъ Васильевичъ послалъ на востокъ богатую милостыню по случаю утвержденія константинопольскимъ патріархомъ своего царскаго вѣнчанія, а потомъ на поминъ своего сына и жены. Ѳедоръ Ивановичъ послалъ богатую милостыню на востокъ по случаю учрежденія въ Россіи патріаршества, а также посылалъ милостыню на поминъ своего отца. Въ XVII столѣтіи, до конца его, посылка милостыни на востокъ, «заздравной» и «заупокойной», стала явленіемъ обычнымъ. Количество обычной «заздравной» милостыни среднимъ числомъ опредѣлялось въ 600 рублей, но иногда какъ заздравная милостыня, такъ особенно заупокойная, были значительно больше. Въ 1634 г., напримѣръ, заздравной милостыни съ посломъ Карабинымъ было послано 1150 рублей, да на поминъ Филарета Никитича 1700 рублей. Милостыня посылалась обыкновенно съ нашими константинопольскими послами [1]), которые раздавали ее на востокѣ по опредѣленной, наперед составленной росписи. Кромѣ патріарховъ милостыню обычно давали въ Константинополѣ: двумъ митрополитамъ—селунскому и аеинскому—по 4 золотыхъ; въ шесть константинопольскихъ монастырей 42 золотыхъ; въ 12 церквей священнослужителямъ 15 золотыхъ; въ Іерусалимѣ: Воскресенію Христову и ко гробу Господню 50 золотыхъ; въ придѣлъ къ Распятію Господню 15 золотыхъ; въ Виѳлеемъ къ Рождеству Христову 20 золотыхъ (въ томъ числѣ 10 золотыхъ виѳлеемскому митрополиту); въ 10 монастырей около 100 золотыхъ; лидскому въ Іерусалимѣ архіепископу 8 золотыхъ; газскому митрополиту 5 золотыхъ; въ Синайскую гору 45 золотыхъ; въ Аѳонскую гору въ монастыри: Аѳанасія, Троицкій, Хиландарь, Пантелеймоновъ и Павловъ—около 80 золотыхъ [2]). Когда милостыня посылалась больше обычной, то и давалась она въ большемъ количествѣ и большему количеству лицъ и монастырей. На Аѳонѣ, напримѣръ, она давалась всѣмъ монастырямъ, а не нѣкоторымъ только, посылалась милостыня въ два египетскіе монастыря, раздавалась по монастырямъ и церквамъ по пути въ Константинополь и въ его окрестностяхъ и т. п. Кромѣ раздачи милостыни по росписи, нашимъ посламъ, жившимъ въ Константинополѣ иногда довольно долго, приходилось раздавать очень много денегъ и по разнымъ особымъ случаямъ и очень различнымъ лицамъ. Такъ, по пріѣздѣ въ Константинополь, къ нимъ являлись лица патріаршей свиты—архимандриты, старцы и др. и спрашивали о здоровьи государя и патріарха, при чемъ всѣхъ ихъ нужно было одѣлить соболями. Патріархъ на большіе праздники присылалъ иногда въ видѣ своего благословенія подарки, за что ему посылались соболи. У посла, напримѣръ, Никифора Кудрявцева (1681 г.) записано: «отъ патріарха Цареградскаго Іякова на Свѣтлое воскресеніе Христово прислано ево благословеніе къ Никифору: два барана, двѣсти яицъ, и за то его патріаршее благословеніе послано къ нему три пары соболей,—двѣ пары по 5 рублевъ, третья пара 3 рубля, итого 13 рублевъ»; слуги, принесшіе патріаршее благословеніе, также одаривались посломъ. Патріархамъ и разнымъ духовнымъ лицамъ послы платили за служеніе молебновъ по разнымъ случаямъ и главнымъ образомъ въ царскіе дни. Въ ихъ статейныхъ спискахъ встрѣчаются такія помѣти: «августа въ 3 день іерусалимскому патріарху Ѳеофану за молебенъ за государево многолѣтнее здоровье 5 рублей дано», «цареградскаго патріарха Кирилла священникомъ шести человѣкомъ на молебенъ 3 рубли», «генваря 3 дня священнику Никандрѣ за многолѣтнее кликанье 10 алтынъ дано», «веницейскому попу Ильѣ, который въ имянины государя, во время литургіи въ церкви пресвятые Богородицы Элпиды, говорилъ поученіе со многою похвалою имяни его царскаго величества», дано полкосяка камки лудану, да пара соболей трехсотъ—рублеваго достоинства. «Приходили къ посламъ со святыми водами отъ цареградскаго патріарха Кирилла протопопъ и священники, и на соборъ два рубля дано; да тогожъ дни приходили отъ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана съ святыми водами архимандритъ съ братіею, и имъ на соборъ два рубля дано; разныхъ шести монастырей священникамъ 2 рубля, 10 алтынъ дано». «Августа 10 день послы Илья (Милославскій)

[1]) Посылка такой милостыни встрѣчается въ XVII столѣтіи: въ 1622, 1624, 1628, 1630, 1634, 1643 и др. См. греч. дѣла 7132 г. № 11; 7133 г. № 5; 7136 г. №8; 7142 г. № 6: 1710 г. № 18. Турецкіе статейные списки № 6, л. 33, 140, 166, 308, 377. № 21, л. 221 и слѣд.

[2]) 1710 г. № 18. Роспись 1710 года важна въ томъ отношеніи, что она составлена была на основаніи предшествующихъ росписей.

и Леонтей были у вселенскаго патріарха Парѳенія, и при патріархѣ и при послѣхъ, на патріаршѣ дворѣ, въ соборной церкви св. великомученика Георгія, за государское многолѣтнее здоровье пѣли молебенъ ираклійской митрополитъ, да два архимандрита, да два игумена, да соборные церкви св. великомученика Георгія протопопъ съ братьею, и имъ дано для государскаго многолѣтняго здоровья: митрополиту 8 ефимковъ, архимандритомъ по 4 ефимка, игуменомъ по 2 ефимка человѣку, протопопу съ братьею на весь соборъ 10 ефимковъ, да патріаршимъ подьякомъ ефимокъ, да ѣдучи дорогою роздано на милостыню чернцомъ и черницамъ и полоняникомъ и всякимъ бѣднымъ людемъ 7 ефимковъ съ полуефимкомъ... и всего на молебенъ и на милостыню роздано 38 ефимковъ съ полуефимкомъ». Къ нашимъ посламъ въ Константинополѣ нерѣдко являлись разныя лица съ просьбами о милостынѣ. Въ росписяхъ ихъ расходовъ значатся между прочимъ и такіе: «августа въ 12 день къ посломъ къ Ильѣ и Леонтію приходилъ на посольскій дворъ синайскій митрополитъ Евѳимій, а съ нимъ архимандритъ его да казначей, да протопопъ, да черной попъ, да дьяконъ, а сказалъ, что онъ за государево царево и великаго князя... и за царицу и ихъ благородныхъ чадъ о многолѣтнемъ здоровье пѣлъ молебенъ соборне, и впредь де онъ митрополитъ за государево многолѣтнее здоровье Бога молить радъ; и мы митрополиту 8 ефимковъ, архимандриту 4 ефимка, казначею 2 ефимка, протопопу на весь соборъ 6 ефимковъ, итого всѣмъ 20 ефимковъ дали». «15 Августа приходили двое безмѣстныхъ архимандритовъ, и имъ дано за государево здоровье по 2 ефимка человѣку». Значатся въ числѣ просителей милостыни и много другихъ лицъ: архимандриты, игумены, келари, черные попы, дьяконы, старцы и под. [1]).

Такимъ образомъ, русскіе государи въ теченіе двухъ столѣтій расходовали на благотворительность востоку громадныя суммы,—сколько именно, не знали и они сами. Какихъ-либо разъ опредѣленныхъ суммъ на раздачу милостыни не существовало, затрачивали каждый годъ столько, сколько

[1]) Тур стат. списки № 6 (1630—1650) л л 30, 125, 129, 130, 312—319; № 19 (1678 г) л л 302, 307, № 27 (1699—1700 г), л л 1302 и др

требовалось обстоятельствами, т. е. количество дачи на милостыню въ тотъ или другой годъ опредѣлялось единственно количествомъ пріѣзжавшихъ просителей и ихъ іерархическимъ рангомъ. До самаго конца XVII столѣтія мы не встрѣчаемъ ни одной попытки со стороны правительства опредѣлить, сколько приблизительно израсходовано на просителей за какой-либо годъ или за нѣсколько лѣтъ. Благотворя *безъ счета*, правительство наше не интересовалось и тѣмъ, куда и какъ расходуется просителями получаемая ими, иногда очень не малая, милостыня. Никакихъ обязательствъ на получающаго милостыню не возлагалось; отъ него требовалось только, чтобы онъ написалъ жалобную челобитную, въ которой бы ярко были выставлены страданія отъ безбожныхъ агарянъ, разореніе или ограбленіе ими св. обители, а также личныя бѣды и напасти за твердость въ вѣрѣ, напыщенное и льстивое восхваленіе милосердаго царствующаго государя, обычное сравненіе его съ Константиномъ и Ѳеодосіемъ и въ заключеніе одно обѣщаніе,—за выполненіемъ котораго могла наблюдать только совѣсть обѣщавшагося,—вѣчно молиться за государя день и ночь. Получивъ милостыню, проситель расходовалъ ее по своему личному усмотрѣнію, такъ какъ никакого контроля надъ этимъ, со стороны нашего правительства, вовсе не существовало. Оно благотворило православному востоку, какъ вообще благотворитъ большая часть русскихъ,—не справляясь о томъ, идетъ ли подаваемая просителю лепта на удовлетвореніе дѣйствительной гнетущей нужды. или же она сейчасъ же расходуется самымъ непроизводительнымъ и даже предосудительнымъ образомъ. Мысль о контролѣ надъ употребленіемъ жертвуемыхъ на милостыню суммъ всегда казалась большей части русскихъ какъ бы грѣховною, какъ бы унижающею самую милостыню, которая уже спасительна сама по себѣ, безотносительно къ тому употребленію, какое изъ нея дѣлается получающимъ. Поэтому, благотворя востоку, наше правительство, въ теченіе XVI и XVII столѣтій, ни разу даже не поинтересовалось узнать, приносятъ ли какую-либо дѣйствительную пользу православію тѣ милліоны, которые оно, въ теченіе столѣтій, затратило въ видахъ поддержанія православія на востокѣ; или эти милліоны къ положенію тамъ православія не имѣли

никакого отношенія, а въ большинствѣ случаевъ шли только на личныя нужды и потребности тѣхъ, кто получалъ русскую милостыню. Оно въ этомъ случаѣ вполнѣ вѣрило заявленіямъ самихъ просителей, которые постоянно и настойчиво твердили въ Москвѣ, что только одна царская милостыня и поддерживаетъ еще православіе на востокѣ, что, не будь этой милостыни, православіе тамъ окончательно погибло бы [1]). Благодаря этимъ увѣреніямъ самихъ просителей, наше правительство искренно было убѣждено, что, раздавая всѣмъ и повсюду милостыню, оно тѣмъ самымъ спасаетъ отъ конечной гибели православіе на востокѣ, которое теперь держится тамъ, единственно благодаря русской милостынѣ. Въ этомъ убѣжденіи оно находило для себя полное удовлетвореніе за свои матеріальныя жертвы, а просители пользовались имъ въ видахъ наживы на счетъ русской благотворительности и съ своей стороны тоже какъ нельзя болѣе были довольны подобнымъ характеромъ русскаго покровительства православному востоку. Понятно отсюда также и то, почему православный востокъ такъ рѣшительно и единодушно призналъ московскаго царя опорою и покровителемъ всего православія, царемъ всѣхъ православныхъ народовъ: съ этимъ признаніемъ соединена была постоянная возможность получать болѣе или менѣе щедрую русскую милостыню, которую каждый получившій могъ свободно израсходовать на свои личныя нужды и потребности.

б) *Разные іерархи и другія лица, пріѣзжавшіе съ востока и остававшіеся въ Россіи на вѣчное житье.*

Въ Москву съ православнаго востока пріѣзжали различныя лица не только за полученіемъ обычной милостыни, но иногда и для вѣчнаго поселенія въ Россіи, такъ какъ они

[1]) Такъ, напримѣръ, аѳониты, въ своей коллективной просьбѣ царю въ 1655 году о помощи всѣмъ аѳонскимъ обителямъ, рѣшительно заявляютъ: «вѣруй, во истину, многолѣтствуяй царю, яко аще не простреши свою многодательную царскую десницу въ помощь св. Горѣ, запустѣніемъ запустѣетъ, инако нѣсть». Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ писалъ Ѳедору Ивановичу: «если бы не помощь твоей царственности, то вѣрь. православнѣйшій царь, православіе нашлось бы въ крайней опасности» и под-

но находили для себя болѣе возможнымъ, по какимъ-либо причинамъ, оставаться подъ властью невѣрныхъ. Такіе выѣзды въ Россію разныхъ лицъ съ востока сдѣлались нерѣдки собственно съ XVII вѣка. Въ Москвѣ ихъ принимали очень радушно, награждали особенно щедрою милостынею и оказывали имъ всякое участіе и благоволеніе. Когда въ 1641 г. выѣхалъ, по тогдашнему выраженію «на государево имя», сербскій скопійскій митрополитъ Симеонъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ говорилъ ему: «ты пріѣхалъ къ намъ на вѣчное житье отъ гоненія турскихъ людей, и мы, великій государь, тебя митрополита Симеона пожаловали, велѣли тебѣ видѣть наши царскія очи и быть при нашей государевой милости, а какъ тебѣ въ нашемъ царскомъ жалованьи быти впередъ, и о томъ тебѣ нашъ указъ будетъ, а ты бы на наше царское жалованье былъ надеженъ» [1]). Такое радушное отношеніе нашихъ государей къ выходцамъ съ востока, стремившимся найти въ Россіи «тихое по обуреваніи пристанище», поощряло ихъ къ переселеніямъ въ Россію. Между ними мы встрѣчаемъ какъ духовныхъ лицъ, начиная съ самыхъ высшихъ іерархическихъ ранговъ и кончая простыми чернецами, такъ и бѣльцовъ, служилыхъ людей и купцовъ. Мы уже выше говорили, что самъ вселенскій патріархъ Іеремія, пріѣзжавшій за милостынею, усиленно стремился остаться въ Москвѣ, въ качествѣ московскаго патріарха, и только недовѣріе русскаго правительства къ патріарху-греку, опасеніе, что вмѣстѣ съ греками, которыхъ необходимо привлечетъ въ Москву поселеніе тамъ патріарха, на Руси укоренятся и греческія религіозныя новшества,—воспрепятствовало исполниться желанію Іереміи. Въ маѣ 1654 года прибылъ въ Москву на вѣчное житье сербскій патріархъ Гавріилъ, который въ февралѣ 1656 г. былъ отпущенъ изъ Москвы на поклоненіе святымъ мѣстамъ и болѣе на Русь не возвращался [2]). Изъ другихъ автокефальныхъ восточныхъ іерарховъ у насъ не разъ находили пріютъ ахридскіе архіепископы, изъ которыхъ Нектарій, пріѣхавшій еще при Годуновѣ, въ 1613 г. получилъ въ свое управленіе вологод-

[1]) 7149 г № 10.
[2]) 7162 г № 15

скую епархію [1]). Въ 1686 г. пріѣзжалъ въ Москву ахридскій архіепископъ Мелетій, который, по его показанію, 6 лѣтъ жилъ въ Нѣжинѣ при церкви архистратига Михаила [2]). Въ 1722 году былъ опредѣленъ на смоленскую епархію ахридскій архіепископъ Филоѳей, который однако потомъ былъ уволенъ отъ занимаемой имъ каѳедры [3]). Пріѣзжали къ намъ на имя государя и митрополиты разныхъ восточныхъ каѳедръ, а также архіепископы и епископы. Такъ въ 1628 году пріѣхалъ въ Москву на вѣчное житье веррійскій митрополитъ Аверкій, въ 1629 г. селунскій Паисій, въ 1630 г. севастійскій Іосифъ, въ томъ же году зихновскій Неофитъ, въ 1641 г. скопійскій Симеонъ, въ 1652 г. колоссійскій Михаилъ, въ 1662 г. вершатскій Ѳеодосій, въ томъ же году газскій Паисій, въ 1688 г. скопійскій Евѳимій. Изъ архіепископовъ и епископовъ къ намъ пріѣзжали на вѣчное житье: Арсеній элассонскій, прибывшій въ Москву съ константинопольскимъ патріархомъ Іереміею; въ 1662 г. пріѣхалъ погоянинскій архіепископъ Нектарій, въ 1664 г. города Крыжевца сербословунскій епископъ Іоакимъ, въ 1670 г. лидорикійскій епископъ Панкратій и др. Поселялись въ Россіи и выходцы архимандриты, іеромонахи, діаконы и простые старцы [1]). Въ 1632 г. жилъ въ московскомъ Андроньевскомъ монастырѣ грекъ архимандритъ Никифоръ, называемый «затворникъ»; въ 1644 г. переселился въ Москву архимандритъ Павловскаго аѳонскаго монастыря Никодимъ и др. Кромѣ собственно духовныхъ особъ къ намъ выселялось съ востока не мало мірянъ—служилыхъ людей, торговцевъ, ремесленниковъ [2]), а также толмачей, или переводчиковъ. Послѣдніе служили въ посольскомъ приказѣ, и на ихъ выборъ обращалось особое вниманіе [3]).

Побужденія, заставлявшія разныхъ восточныхъ іерарховъ выселяться въ Россію, заключались обыкновенно въ томъ,

---

1) 7112 г. № 3. Ист. рус. церкви, Макарія т. X, стр. 172; т. XI, стр. 41.

2) Въ нашихъ приказныхъ записяхъ этотъ Мелетій титулуется: «преосвященный архіепископъ Мелетій, нареченный патріархъ Ахридана града». По поводу этого Мелетія, проживавшаго въ Малороссіи, іерусалимскій патріархъ Досиѳей писалъ въ Москву: «обрѣтающихся же тамо (въ Малороссіи) архіереевъ—грековъ, хиротонисавшихъ многихъ священниковъ и діаконовъ во едину литургію, якоже вѣданіемъ и ради денегъ согрѣшившихъ и злый бывшихъ прикладъ,—неотложно низвергнути и никакому прощенію удостоити. И нѣкоего отогнаннаго архіепископа ахриданскаго, при томъ же и бѣглеца, украшающе сего имянемъ патріаршескимъ, якоже лицемѣра наплевати и епитимисовати». Допрошенный по этому поводу въ Москвѣ Мелетій заявилъ, что іерусалимскій патріархъ Досиеей «такую натуру имѣетъ: большимъ завидуетъ, а меньшихъ изгоняетъ, большой де онъ и мудрой и того ради пишетъ безъ соборнаго совѣту, что хочетъ». Въ доказательство того, что онъ не изгнанъ и не находится подъ епитимьею, Мелетій представилъ свидѣтельствованныя соборныя граматы и «совѣтные листы» патріарховъ Діонисія константинопольскаго, Парѳенія александрійскаго и Іакова, бывшаго константинопольскаго патріарха. Мелетія отпустили изъ Москвы опять въ Малороссію, но называться патріархомъ ему запретили (7194 г. № 11).

3) См. о немъ: Полн. собр. постановленій по вѣдомству прав. исповѣданія т. II, № 460, стр. 110, 114.

1) Мы не разумѣемъ здѣсь Малороссіи, гдѣ грековъ всегда жило много и гдѣ греческіе архіереи, по недостатку своихъ, были желанные для православныхъ люди. Они жили здѣсь очень свободно, такъ какъ надзора за ними никакого не было. Извѣстно, также, что въ Нѣжинѣ существовала цѣлая постоянная колонія грековъ, имѣвшая свою греческую церковь, свой клиръ и пользовавшаяся самоуправленіемъ (см. о ней въ Полномъ Собраніи Законовъ, № 2260, а также: №№ 8656, 13396, 14247, 15609, 16250 и 18071).

2) Нѣкоторые изъ нихъ обзаводились въ Москвѣ своими домами и записывались въ тягло. Въ 1708 г. сдѣлана была перепись всѣхъ грековъ, жившихъ въ Москвѣ, и въ ней между прочимъ значилось: «Егоръ Ивановъ сынъ *Каптеревъ* (русская передѣлка греческаго прозвища «кафторъ») македонянинъ, къ Москвѣ пріѣхалъ тому 25 лѣтъ и тому нынѣ 10 лѣтъ записался въ тягло въ мѣщанскую слободу и живетъ на Москвѣ своимъ дворомъ» (1708 г. № 2 и 1709 г. № 20).

3) Такъ, напримѣръ, относительно извѣстнаго Николая Спафарія іерусалимскій патріархъ Досиеей писалъ государю, что онъ посылаетъ въ Москву Николая, какъ «человѣка премудраго въ латинствѣ и словенскомъ, а наипаче въ еллинскомъ языцехъ и русской скоро можетъ выучить... благочестивый христіанинъ и прямъ... многія государства и царства прошелъ ученія ради... Хотя бъ и искать такого человѣка съ великимъ трудомъ, но не найтить, а Богъ его посылаетъ и придетъ онъ самъ къ вашему царствію. Прикажите ему переводить и толковать и писати гисторіи и книги, съ какова языка изволите». Но рекомендаціей Досиеея не удовольствовались, а обратились еще съ разспросами о Спафаріи къ греческому переводчику посольскаго приказа, который сказалъ, что про Николая онъ слыхалъ въ Константинополѣ, будто онъ человѣкъ ученый, и что прежде онъ былъ у волошскаго господаря Ильяша бояриномъ, а потомъ было хотѣлъ сдѣлаться самъ господаремъ на мѣсто Ильяшево, но тотъ во время узналъ объ этомъ «и урѣзалъ ему за то носа, которой на немъ знакъ и донынѣ есть; а въ волоской де землѣ обычай таковъ: у котораго боярина носъ рѣзанъ и тому ужъ отнюдь господаремъ никогда быть у нихъ не возможно» (греч. стат. списки № 7, л. 275 и 298).

что имъ плохо жилось дома, приходилось по разнымъ причинамъ окончательно терять свои каѳедры и искать себѣ пріюта гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, а иногда и просто бѣжать отъ суда или кредиторовъ. На Россію они смотрѣли какъ на страну, гдѣ ловкій, бывалый и оборотливый иностранецъ, пользуясь своимъ культурнымъ превосходствомъ, искусно разыгрывая роль гонимаго агарянами страдальца, съ успѣхомъ можетъ занять видное вліятельное положеніе, быстро составить себѣ состояніе и, при посредствѣ московскаго двора, поправить свое пошатнувшееся положеніе на востокѣ. Именно перспектива быстрой и значительной наживы, перспектива почета и вліянія даже и на востокѣ, чрезъ свою близость къ московскому правительству, привлекла къ намъ не мало честолюбцевъ, которымъ на родинѣ уже не было ходу, разныхъ искателей легкой и быстрой наживы, которые дома не находили подходящаго для себя поприща. Но за то между выходцами очень мало было такихъ лицъ, которыя бы переселялись въ Россію съ дѣлью принесть какую-либо дѣйствительную пользу пріютившей ихъ странѣ, особенно нуждавшейся въ лицахъ ученыхъ, образованныхъ. О невысокихъ побужденіяхъ, заставлявшихъ восточныхъ іерарховъ переселяться въ Россію, иногда говорятъ и они сами. Севастійскій, напримѣръ, митрополитъ Іосифъ такъ объясняетъ причину своего выѣзда въ Россію на вѣчное житье: «слышалъ я нищей, твой государевъ богомолецъ, твою государскую и отца твоего государева... неизреченную милость и жалованье ко всѣмъ страннопришельцамъ и сего ради, оставя отечество мое и всѣхъ сродниковъ и искреннихъ ближнихъ пріятелей, выбрелъ есми на твое государево... имя [1]). Въ 1670 году пріѣхалъ «на государево имя» епископъ лидорикійскій Панкратій. О побужденіяхъ къ выѣзду въ Россію онъ заявилъ: «слышалъ де онъ про его царскаго величества премногую милость къ ихъ братіи архіереомъ, которые изъ ихъ странъ пріѣзжаютъ къ Москвѣ для милостыни, и великій де государь жалуетъ ихъ своимъ государскимъ жалованьемъ довольною милостынею, такожде и онъ, архіепископъ, надѣясь на его царское жалованье, пріѣхалъ къ

[1]) 7142 г. № 5.

Москвѣ на его царскаго величества пресвѣтлое имя и долженъ де за его царское и его царскихъ чадъ многолѣтное здоровье Бога молить» [1]). О побужденіяхъ, заставившихъ выѣхать въ Россію на вѣчное житье ахридскаго архіепископа Филоѳея, русскій константинопольскій резидентъ Неплюевъ, которому было поручено развѣдать о немъ, доносилъ: «оной архіепископъ сперва былъ богатъ и накупился на тое ахриданскую епархію во архіепископы или патріархи, а потомъ прибавилъ на него константинопольскій патріархъ дани, а онъ архіепископъ расположилъ тое дань на митрополитовъ тое епархіи, на епископовъ и прочихъ. И потомъ выискался одинъ изъ его подкомандныхъ духовнаго чина человѣкъ и просилъ, дабы ему быть въ Ахридонѣ архіепископомъ, въ такомъ случаѣ онъ положенную дань будетъ платить безъ прибавку на подчиненныхъ. И оной архіепископъ Филоѳей имѣлъ съ соперникомъ своимъ ссору и, по тамошнему варварскому обычаю, хотя ево побѣдить, истощилъ все свое имѣніе и конечно того своего непріятеля побѣдилъ и потомъ наложилъ на епархію свою вящіе тягости, что снести не могли. Потомъ били челомъ на него прихожане у турецкаго суда и начли на него тѣхъ лишнихъ сборовъ 7000 левковъ, почему онъ Филоѳей и обвиненъ и посаженъ былъ у турецкаго суда въ тюрьму, и въ такомъ случаѣ занялъ онъ у голланской посольши денегъ 7000 левковъ и тотъ долгъ заплатилъ и освободился и далъ ей посольшѣ заемную крѣпость. Потомъ поѣхалъ въ Россію» [2]). Приманкою для разныхъ просителей милостыни оставаться на вѣчное житье въ Россіи служило и то обстоятельство, что имъ давалась за самый «выходъ» особая плата сверхъ обычной дачи. Такъ веррійскій митрополитъ Аверкій, оставшійся на государево имя, сразу получилъ отъ государя подарокъ на 235 рублей, да въ то же время отъ Филарета Никитича на 124 рубля, на 3 алтына и 2 деньги [3]); селунскій митрополитъ Паисій

[1]) 7178 г. № 30.

[2]) 1749 г. № 1. Получивъ въ управленіе смоленскую епархію, Филоѳей, въ видахъ скорой наживы, дозволялъ себѣ разныя злоупотребленія, за которыя и лишенъ былъ каѳедры.

[3]) 7137 г. № 6.

отъ государя получилъ на 245 рублей, отъ Филарета Никитича на 180 рублей [1]). Архимандритамъ и игуменамъ, остававшимся на житье въ Россіи, давали за выходъ: по камкѣ адамашкѣ, по сороку соболей по 20 и по 15 рублей сорокъ, денегъ по 15 и по 12 рублей человѣку; чернымъ попамъ и дьяконамъ сорокъ куницъ и 8 рублей денегъ, а инымъ по тафтѣ и 6 рублей денегъ человѣку [2]). Крылошанамъ и простымъ черницамъ за выходъ давали: отъ царя по 5 р., отъ патріарха по 4 р., а инымъ по 3 р.; или отъ царя по 4 рубля да по сукну, отъ патріарха по сукну да по 3 рубля; а такъ какъ ихъ брали «подъ началъ» «для исправленія ихъ христіанской вѣры», то и за это исправленіе имъ выдавалась особая плата: старцамъ первой статьи по 4 рубля, второй статьи простымъ черницамъ по 3 рубля [3]). Выѣзжимъ торговымъ и служилымъ гречанамъ за выходъ въ Россію давали по тремъ статьямъ: первой—15 рублей денегъ, сорокъ куницъ, тафта, сукно; второй: 13 руб. денегъ, сорокъ куницъ, тафта, сукно; третьей: 10 рублей денегъ, тафта, сукно [4]). Получивъ плату «за выходъ» и поселившись въ Москвѣ, выходцы-іерархи обращались потомъ къ государю съ постоянными челобитными, чтобы онъ пожаловалъ ихъ тѣмъ-то и тѣмъ-то. Въ 1631 году севастійскій митрополитъ Іосифъ проситъ государя и патріарха: «пожалуйте великіе государи мене богомольца своего манатеею да шубою, чтобы мнѣ, богомольцу вашему, зимнимъ временемъ не озябнути», и обѣщаетъ за это, до скончанія живота своего, молить Бога о государяхъ; соболья шуба ему была дана [5]). Сербскій патріархъ Гавріилъ въ челобитной царю заявляетъ: «и по се время твоего царскаго жалованья никакого не бывало и сакоса и митры и посоха и книгъ никакихъ мнѣ не давано, какъ бывало прежь сего вашего царскаго величе-

[1]) 7138 г. № 4.
[2]) 7151 г. № 7.
[3]) 7134 г. № 19; 7158 г. № 19.
[4]) 7135 г. № 5; 7136 г. № 1.
[5]) 7139 г. № 4; Аверкію веррійскому дано было на шубу два сорока соболей, одинъ въ 22 руб., другой въ 18 руб., а мантія въ 22 руб 15 алтынъ, пол три деньги; зихновскому Неофиту дана мантія въ 16 руб., 18 алтынъ, 4 деньги.

ства жалованье инымъ патріархамъ, которые пріѣзжали къ твоей царской милости», почему и проситъ пожаловать его всѣмъ этимъ [1]). Вершатскій митрополитъ Ѳеодосій и погоянинскій архіепископъ Нектарій просятъ государя, сверхъ полученной уже милостыни, еще пожаловать имъ на окупъ ихъ долговъ и получаютъ: первый соболями на 350, а второй на 300 рублей; или, напримѣръ, тотъ же вершатскій митрополитъ Ѳеодосій проситъ государя пожаловать ему сани, лошадей, конюха, такъ какъ ходить пѣшкомъ ему зазорно отъ людей и т. п. [2]). Кромѣ всевозможныхъ получекъ отъ государя, жившіе въ Москвѣ іерархи-выходцы занимались или сами непосредственно, или при посредствѣ довѣренныхъ людей—«племянниковъ»—торговлею, отправляя за границу мѣха, а оттуда привозя другіе товары. Точно такъ же они входили, пользуясь своимъ вліяніемъ при московскомъ дворѣ, въ сдѣлки съ пріѣзжавшими просителями милостыни, обѣщая имъ выхлопотать, конечно за приличное вознагражденіе, большую дачу у государя, словомъ, пользовались всякимъ случаемъ зашибить себѣ копейку, что имъ и удавалось, тѣмъ болѣе, что кормы, питье и все вообще содержаніе имъ полагалось казенное. Къ этой возможности хорошей наживы присоединялась еще возможность стать въ близкія отношенія къ московскому двору и тѣмъ создать себѣ видное и почетное положеніе на самомъ востокѣ, играя роль вліятельнаго посредника между московскимъ правительствомъ и всѣми обращавшимися къ нему за милостынею просителями.

Указанныя блага и выгоды, въ перспективѣ представлявшіяся каждому просителю милостыни, задумавшему поселиться въ Россіи, въ концѣ концовъ, сдѣлали бы то, что всѣ лишенные своихъ каѳедръ восточные іерархи, въ видахъ поправить свои разстроенныя дѣла, направились бы въ Россію, которая скоро бы наводнилась цѣлою массою бродячихъ безмѣстныхъ греческихъ архіереевъ, которыхъ всегда такъ много на востокѣ. Едва успѣли поселиться въ Москвѣ митропо-

[1]) 7162 г. № 5.
[2]) 7172 г № 21. 7173 г. № 10.

литы, веррійскій Аверкій и селунскій Паисій, какъ по ихъ примѣру въ Москву прибыли въ 1630 году, для вѣчнаго поселенія въ ней, сразу три архіерея: синадскій Мелетій, имбрійскій Аѳанасій, зихновскій Неофитъ и съ ними ихъ архимандриты, келари, старцы, служки, и все это желало остаться въ Москвѣ на имя государя. Естественно, что московское правительство съ опасеніемъ должно было посмотрѣть на этотъ наплывъ въ Москву греческихъ архіереевъ, которые едва ли что иное могли принести съ собою, кромѣ интригъ, кляузъ и разныхъ продѣлокъ въ видахъ наживы. Филаретъ Никитичъ спрашивалъ Аверкія и Паисія про выѣзжихъ митрополитовъ: «кто они и какіе люди и есть ли у нихъ свои митропольи»? Про синадскаго Мелетія сказали патріарху, что въ 136 году онъ былъ въ Москвѣ архимандритомъ съ корецкимъ митрополитомъ Неофитомъ, а съ Москвы поѣхалъ съ турецкимъ посломъ Ѳомою Кантакузеномъ, которому онъ духовный отецъ, а въ митрополиты поставленъ въ Царьградѣ, а митрополіи у него нѣтъ. Про имбрійскаго Аѳанасія сказали, что онъ поставленъ въ митрополиты давно, а митрополіи у него нѣтъ же. Про зихновскаго Неофита сказали, что онъ поставленъ въ митрополиты давно, и своя митрополія у него есть, при чемъ Аверкій добавилъ, что онъ духовный сынъ Неофита, такъ какъ у него исповѣдовался. Указомъ государя синадскаго и имбрійскаго митрополитовъ велѣно было отпустить назадъ, откуда они пріѣхали, а зихновскаго оставить на имя государя, но Неофитъ скоро умеръ въ Москвѣ [1]). Въ 1648 году пріѣхалъ было въ Россію на вѣчное житье селунскаго Успенскаго монастыря епископъ Кипріанъ. Въ поданной государю челобитной, чрезъ нѣсколько времени по пріѣздѣ въ Москву, Кипріанъ заявляетъ, что когда его ставленную послали къ патріарху, Іосифу, «и патріархъ той ставленной слушавъ, сказалъ, что она несправчива, а велѣлъ де ему взяти подлинную ставленную во Царѣградѣ отъ цареградскаго патріарха Іоанникія». Но, заявлялъ епископъ, по своей бѣдности онъ не можетъ добыть ставленной изъ Константинополя, а его знаютъ де всѣ греческія власти и гречане, и такъ какъ «нынѣ онъ сталъ во всемъ оскорбленъ», то и проситъ государя отпустить его назадъ въ прежнюю епархію его; что ему дано за выѣздъ, то онъ проѣлъ на Москвѣ, тѣмъ болѣе, что указано де давать ему государева жалованья не противъ прежнихъ выѣзжихъ властей—только по два алтына на день». Его отпустили назадъ [1]). Въ 1671 году пріѣзжалъ было въ Москву на вѣчное житье призрѣнскій митрополитъ Никодимъ, но не былъ принятъ правительствомъ и удалился въ Малороссію, гдѣ поселился у гетмана Самойловича [2]). Такимъ образомъ, не всегда и не всѣхъ принимало наше правительство изъ желавшихъ остаться въ Москвѣ на вѣчное житье, что въ извѣстной степени и сдерживало наплывъ такихъ лицъ въ Россію.

[1]) 7138 г. № 8.

Другимъ сдерживающимъ началомъ, отбивавшимъ охоту у разныхъ выходцевъ навсегда поселяться въ Россіи, былъ весь своеобразный складъ тогдашней московской религіозной жизни, обставленной бездной самыхъ мелкихъ утомительныхъ формальностей, не терпѣвшей никакихъ уклоненій отъ установившихся обычаевъ и привычекъ, которые налагали тяжелыя оковы на всѣ дѣйствія не привыкшаго къ такой жизни человѣка, сковывали всякое свободное его движеніе. Всѣмъ выходцамъ наши посты казались чрезмѣрно суровы, наши службы чрезмѣрно продолжительными, отъ долгихъ стояній у нихъ пухли ноги, отъ утомленія во время службъ они готовы были падать въ обморокъ; во всемъ и вездѣ они чувствовали себя стѣсненными, принужденными казаться не тѣмъ, чѣмъ они были въ дѣйствительности. Племянникъ антіохійскаго патріарха Макарія архидіаконъ Павелъ алеппскій, проживши вмѣстѣ съ патріархомъ въ Москвѣ почти два года, говоритъ, что патріархъ и его свита первую недѣлю своего пребыванія въ Москвѣ употребили на то, чтобы обучиться, какъ держать себя. «Вопреки всѣмъ нашимъ склонностямъ, говоритъ Павелъ, приходилось ходить подобно святымъ и соблюдать относительно себя большую осторожность, такъ какъ обо всемъ, что замѣчали въ насъ хорошаго или дурного, немедленно доносили императору или

[1]) 7156 г. № 22.
[2]) 7191 г № 10

патріарху. Боже! освободи насъ отъ этихъ строгостей и возврати намъ нашу свободу». Особенно тяжелъ былъ для гречанъ великій постъ: «мы, пишетъ архидіаконъ, въ теченіе этого поста (великаго) претерпѣвали такое крайнее изнуреніе, особенно по недостатку пищи, какъ будто насъ считали каменными... По скудости пищи мы были въ такомъ большомъ отчаяніи, что готовы были даже извинить употребленіе рыбы во время поста. По-моему, не было бы большого грѣха, если бы даже на столѣ появилось и мясное, такъ какъ у москвичей въ этотъ постъ совсѣмъ нечего ѣсть». Не вынося суровыхъ русскихъ постовъ, гречане въ то же время съ трудомъ выносили и обильныя царскія трапезы обыкновеннаго времени. По пріѣздѣ Макарія въ Москву, царь пригласилъ его и свиту къ своему столу и такъ ихъ усердно потчевалъ во время обѣда, что ихъ, по словамъ Павла, начало тошнить. Торжественныя московскія службы крайне утомляли просителей. Павелъ говоритъ, что послѣ службъ перваго дня пасхи «мы возвратились въ монастырь почти въ обморокѣ. Мы чувствовали боль въ ногахъ и спинѣ во все время этихъ праздниковъ, которые, впрочемъ, вовсе не праздники для иностранца, хотя бы онъ свыкся со строгостью Александра». Къ довершенію удовольствія православныхъ иностранцевъ, когда они посѣщали Троицкую лавру, ихъ тамъ угощали такою длинною службою, что «по счету оказалось, говоритъ Павелъ, что мы простояли цѣлыхъ шесть часовъ, — и все это дѣлалось изъ уваженія къ намъ, и однако, простодушно замѣчаетъ архидіаконъ. что пользы намъ въ этомъ уваженіи, намъ, которые ни днемъ, ни ночью не имѣли ни минуты спасительнаго сна и стояли въ церкви въ какомъ то оцѣпенѣніи отъ крайней усталости» [1]). Какъ тяжело было разнымъ гречанамъ переносить на себѣ всѣ требованія московскаго благочестія, это видно изъ слѣдующаго свидѣтельства того же Павла алеппскаго: «друзья наши, говоритъ Павелъ, хорошо знакомые съ здѣшними обычаями, напередъ предупреждали

[1]) Нужно замѣтить, что антіохійцы ночевали въ лаврѣ, и хотя для ихъ помѣщенія отвели имъ дворецъ, гдѣ ранѣе жила царица, однако они совсѣмъ не могли заснуть отъ множества разныхъ насѣкомыхъ.

насъ: кому, говорили они, хочется сократить свою жизнь на 5 или на 10, напримѣръ, лѣтъ, тотъ пусть ѣдетъ въ страну московскую и хоть по виду сдѣлается человѣкомъ благочестивымъ, соблюдая постоянно постъ, молитву, дневныя чтенія, обычай вставать въ полночь на молитву и воздерживаясь при этомъ отъ всякаго проявленія радости и веселья и отъ громкаго смѣха и тихой улыбки, равно какъ и отъ употребленія табаку и опіума, потому что московитяне, говорили они, строго слѣдятъ за епископами, игуменами и за всѣми, кто живетъ въ монастырѣ, слѣдятъ за ними днемъ и ночью, подсматривая въ дверныя щели». Съ какимъ чувствомъ гречане оставляли Москву, это видно опять изъ словъ Павла алеппскаго, который говоритъ, что когда они прибыли въ Кіевъ, то «чувствовали себя какъ дома, потому что обитатели этой страны такъ же любезны и радушны, какъ земляки, между тѣмъ какъ въ продолженіе нашего двухлѣтняго пребыванія въ Москвѣ, какъ бы замокъ висѣлъ на нашихъ сердцахъ, и мысль наша была стѣснена до крайности, *ибо въ московской землѣ никто не можетъ чувствовать себя спокойно и весело, кромѣ развѣ туземцевъ, и всякій изъ насъ, сдѣлайся онъ обладателемъ всей ихъ страны, все таки продолжалъ бы тосковать и не былъ бы счастливъ* [1]).

Но не одна только строгая и суровая московская жизнь производила на выходцевъ тяжелое, гнетущее впечатлѣніе, дѣлала для нихъ пребываніе въ Москвѣ крайне стѣснительнымъ и труднымъ, но и нѣкоторыя другія обстоятельства.— Русскіе, послѣ паденія Константинополя, порознились съ греками въ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядахъ и чинахъ и отнесли эту разность на счетъ потери греками истиннаго благочестія, которое въ его полномъ и высшемъ видѣ сохранилось только у однихъ русскихъ, почему на нихъ и лежитъ теперь обязанность не допускать въ немъ ни малѣйшихъ перемѣнъ. Но, по мнѣнію русскихъ, допущеніе грековъ въ свою среду, дозволеніе имъ переселяться въ Москву

[1]) Труды Кіев. Духовн. Академіи 1876 г. апрѣль, іюль, августъ, декабрь— статья Оболенскаго: Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, по запискамъ архидіакона Павла Алеппскаго.

и жить тутъ могло грозить серьезною опасностью чистотѣ русскаго православія: вмѣстѣ съ греками на Русь могли проникнуть и разныя греческія новшества, способныя замутить русское благочестіе. Если для русскихъ священна обязанность давать пріютъ и убѣжище гонимымъ на востокѣ братьямъ по вѣрѣ, то уже никакъ не менѣе священна для нихъ и другая обязанность: не допускать никакихъ перемѣнъ и измѣненій въ своей вѣрѣ и въ своемъ благочестіи. Русскіе не согласились признать Іеремію московскимъ патріархомъ единственно потому, что опасались, какъ бы съ патріархомъ-грекомъ не перешли на Русь и греческія религіозныя особенности. Эта опасность, естественно, всегда угрожала русскимъ и послѣ Іереміи, когда пріѣзды съ востока различныхъ просителей милостыни становились все болѣе частыми и особенно когда нѣкоторые изъ нихъ оставались въ Москвѣ на вѣчное житье. Какія-либо мѣры противъ возможности вторженія въ русскую среду греческихъ религіозныхъ особенностей, очевидно, были необходимы. Естественно русскимъ было требовать, чтобы особенности греческаго благочестія, какъ менѣе совершеннаго, уступили мѣсто особенностямъ русскаго благочестія, какъ болѣе совершеннаго; естественно было требовать, чтобы всѣ выходцы съ востока, поселяясь на Руси, усвояли себѣ всѣ особенности русскаго обряда съ той стороны, гдѣ онъ рознился съ греческимъ, чтобы они отказались отъ своихъ обрядовыхъ особенностей, какъ неправыхъ. Просители милостыни, являясь въ Москву, должны были, по свидѣтельству Павла алеппскаго, употребить нѣсколько дней на то, чтобы обучиться, какъ держать ссбя, такъ какъ за каждымъ ихъ шагомъ въ Москвѣ наблюдали. Не трудно понять, чему должны были учиться просители милостыни, пріѣхавшіе въ Москву чтобы понравиться русскимъ, вполнѣ угодить имъ и ради этого получить щедрую дачу, нужно было подчиниться во всемъ русскимъ обычаямъ, явиться въ глазахъ русскихъ людьми строго благочестивыми, но благочестивыми въ московскомъ, а не греческомъ смыслѣ, а это было невозможно безъ усвоенія особенностей русскаго благочестія Русскіе не только требовали отъ пріѣзжавшихъ полнаго подчиненія всѣмъ особенностямъ русской религіозной жизни, но даже нарушеніе такихъ правилъ, какъ запрещеніе курить табакъ, влекло за собою ссылку просителя милостыни въ какой-либо отдаленный русскій монастырь. Понятное дѣло, что для всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Россію на вѣчное житье усвоеніе всѣхъ русскихъ обычаевъ, церковныхъ обрядовъ и чиновъ и оставленіе всего греческаго, несогласнаго съ русскимъ, было безусловно обязательно. Нѣкоторымъ изъ архіереевъ-выходцевъ на Руси даны были епархіи. Но если русскіе не согласились вселенскаго патріарха Іеремію сдѣлать патріархомъ московскимъ, изъ опасенія привнести въ русскую церковную жизнь греческія новшества, то тѣмъ болѣе не могли они допустить простого иностранца-архіерея управлять русскою епархіею, если бы онъ напередъ безусловно не отказался отъ всѣхъ особенностей греческаго церковнаго чина и обряда, въ пользу особенностей русскихъ. Греческій веррійскій митрополитъ Аверкій, въ 1628 г. оставшійся въ Москвѣ на государево имя, по одному случаю давалъ такое показаніе, что «великій государь святѣйшій патріархъ приказалъ ему (Аверкію) русскіе обычаи указать севастійскому митрополиту Іосифу, потому что онъ (Іосифъ) человѣкъ молодой, а пріѣхалъ вновѣ и онъ (Аверкій) ему, что зналъ, то указывалъ» [1]). Ясное дѣло, что митрополитовъ-грековъ, оставшихся въ Москвѣ на государево имя, у насъ обучали русскимъ обычаямъ, конечно церковно-богослужебнымъ, и только послѣ этого обученія ихъ допускали до отправленія архіерейскихъ обязанностей. Что же касается выходцевъ—простыхъ старцевъ изъ разныхъ восточныхъ монастырей, хотя бы и аѳонскихъ, а также мірянъ—служилыхъ людей, купцовъ и т. п., то съ ними поступали еще рѣшительнѣе: ихъ попросту разсылали по разнымъ монастырямъ подъ начало, какъ тогда выражались, «для исправленія ихъ христіанскія вѣры», и только послѣ этого исправленія ихъ вѣры, считали возможнымъ окончательно поселить ихъ въ Россіи. Въ 1626 году выѣхалъ на государево имя бѣлый цареградскій попъ Власій «и по государеву и великаго государя святѣйшаго патріарха указу взятъ онъ для исправленія христіанскія вѣры подъ началъ на дворъ государя святѣйшаго патріарха». По этому

[1]) 7138 г № 22.

случаю въ приказной справкѣ замѣчено: «а которые старцы крылошане и простые черницы выѣзжали на государево имя къ Москвѣ, и, по государеву и государя святѣйшаго патріарха указу, даваны были *для исправленія крестьянскія вѣры подначало,* а государева жалованья имъ давано отъ государя за выходъ крылошанамъ и простымъ черницомъ— по 5 рублевъ человѣку, а отъ государя святѣйшего патріарха давано имъ *для подначальства* всѣмъ по 4 рубли человѣку, а инымъ по три рубля да по киндяку»[1]). Между выходцами греками и выходцами польско-литовскихъ областей правительство дѣлало значительное различіе. Въ 1632 году въ Москву выѣхали на государево имя два инока изъ Литвы и одинъ инокъ грекъ. Старцамъ кіевлянамъ велѣно было помѣститься на подворьѣ подлѣ Богоявленскаго монастыря «и приходити къ церкве въ Богоявленскій монастырь, а въ церковь ихъ не пущать, а пѣнія слушать въ трапезѣ или въ паперти, а святыни имъ никакіе не давать и крестомъ воздвизательнымъ не благословлять и ко образомъ не прикладыватися; а буде изъ нихъ который изнеможетъ и о томъ извѣстить и доложить государя патріарха, а жить на подворьи до сырныя недѣли, а на сырной недѣле, въ послѣдній день въ недѣлю, послѣ обѣда, притить на патріарховъ дворъ подъ начало». Относительно старца грека Іосифа, который былъ постриженикъ аѳонскаго Иверскаго монастыря и исправлялъ въ немъ должность казначея, сдѣлано было распоряженіе, чтобы онъ жилъ также на подворьи у Богоявленскаго монастыря до сырной недѣли, «а въ церковь его пущать и отъ попа воздвизательнымъ крестомъ на молебнахъ благословлятися и ко образомъ прикладыватися, а на сырной недѣли въ послѣдній день въ недѣлю, послѣ обѣда, быть на патріаршемъ дворѣ». Іосифъ былъ поселенъ въ Угрѣшскій монастырь, при чемъ, предъ отправкою, онъ заявлялъ въ челобитной, что «онъ былъ на государевѣ патріарше дворѣ *подъ началомъ для исправленія вѣры* и ему государева и святѣйшаго государя патріарха жалованья за выходъ не дано» [2]). Подъ какими условіями оставляли на

[1]) 7134 г. № 18 и 19.
[2]) 7140 г. № 4.

вѣчное житье въ Россіи гречанъ мірскихъ лицъ, это видно изъ слѣдующаго правительственнаго распоряженія: «лѣта 7159, сентября къ 8 день, по государеву, цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Руси указу боярину Ильѣ Даниловичу Милославскому да дьяку Василію Ртищеву: въ прошломъ въ 185 году остались на Москвѣ на государево и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Руси имя отъ турскаго посла Мустафы-Чауша гречаня: Юрьи Яковлевъ, Юрьи Константиновъ, Дементій Ивановъ *и для исправленія православные христіанскіе вѣры были въ монастырехъ* и государево жалованье имъ за выходъ дано»[1]).

Павелъ алеппскій говоритъ, что прежде у насъ не позволяли даже служить епископамъ и патріархамъ (греческимъ), которые пріѣзжали къ намъ съ востока, потому что они считались осквернеными чрезъ сближеніе съ турками; по той же причинѣ греческимъ купцамъ воспрещалось входить въ наши церкви; если же кто изъ нихъ объявлялъ, что желаетъ остаться въ Россіи, жениться на русской или сдѣлаться переводчикомъ, то онъ, въ теченіе 40 дней, оставался въ числѣ оглашенныхъ и затѣмъ присоединялся чрезъ миропомазаніе [2]). Очевидно, что обученіе выѣзжихъ іерарховъ русскимъ обычаямъ и отдача подъ началъ простыхъ иноковъ, бѣлыхъ священниковъ и мірскихъ выходцевъ не было только простымъ ознакомленіемъ ихъ съ русскими обычаями, но нѣчто гораздо большее, на что указываетъ и самый офиціальный терминъ, что ихъ отдавали подъ началъ «для исправленія ихъ христіанскіе вѣры». Тутъ прямо и рѣзко выражалась мысль, что современные греки изъ своей православной вѣры нѣчто уже утеряли, привнесли въ свою христіанскую жизнь нѣчто чужое, такъ что принятію ихъ въ совершеннѣйшую христіанскую среду, какова русская, должно предшествовать предварительное исправленіе ихъ несовершенной вѣры, исправленіе въ томъ, въ чемъ греки, по мнѣнію русскихъ, отступили отъ истиннаго благочестія. Понятно, какъ тяжело и обидно было для національнаго само-

[1]) 7169 г № 28.
[2]) Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣка—Рущинскаго Чт Общ ист и древн 1871 г кн III. стр 279

любія грековъ мириться, признавать справедливыми подобныя отношенія къ нимъ русскихъ. Страсть къ наживѣ, къ почету, къ богато обставленной жизни заставляла нѣкоторыхъ изъ нихъ, на время, внѣшне, отказываться отъ сознанія своего превосходства надъ русскими, лицемѣрно признавать русскую религіозность или русское благочестіе выше греческаго. Но понятно, что ни одинъ грекъ, не отказавшись окончательно отъ самого себя, не могъ искренно и навсегда помириться съ такимъ отношеніемъ къ себѣ русскихъ, не могъ чувствовать себя въ Москвѣ какъ дома, видѣть въ Россіи вторую родину. Разные матеріальныя выгоды и почетное положеніе при московскомъ дворѣ соединялось для него съ такою массою разныхъ неудобствъ отъ суроваго непривычнаго для него склада всей московской жизни, отъ постояннаго лицемѣрнаго приниженія въ себѣ всего греческаго въ пользу русскаго, что порядочные, честные греки едва ли рѣшались выселяться въ Москву на вѣчное житье, а потому въ большинствѣ случаевъ къ намъ переселялись съ востока только разные честолюбцы и корыстолюбцы, люди, привыкшіе поступаться всѣмъ изъ-за наживы, разныхъ выгодъ, почетнаго личнаго положенія. Но и выходцы этого рода въ большинствѣ случаевъ, поживъ нѣкоторое время въ Россіи, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ оставляли ее и крайне рѣдко оставались у насъ навсегда. Напримѣръ, севастійскій митрополитъ Іосифъ, пріѣхавшій въ Москву въ 1630 году съ турецкимъ посломъ Ѳомою Кантакузеномъ и оставшійся здѣсь на государево имя, послѣ смерти Филарета Никитича, подалъ царю челобитную, въ которой заявляетъ, что когда онъ остался въ Москвѣ на государево имя, то государь и отецъ его «меня нищаго страннопришельца, послѣдняго своего государева богомольца, своимъ государскимъ милосердіемъ неудобосказаемымъ жалованьемъ пожаловали и всѣмъ удоволили чрезъ недостоинство мое паче надежды моея. И какъ государь отца твоего государева блаженные памяти великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича московскаго и всеа Русіи, милостиваго отца, пастыря и заступника нашего, волею Божіею не стало, и я нищей твой богомолецъ осиротѣлъ и яко овца заблудшая сталъ. А въ твоей государевой благочестивой державѣ твоихъ государевыхъ богомольцевъ не мало и безъ меня послѣдняго», и потому просить его отпустить изъ Москвы въ аѳонскій Есфигменскій монастырь, мѣсто его постриженія, куда теперь усиленно зовутъ его иноки. Онъ былъ отпущенъ изъ Москвы, получивъ на прощаньи полное архіерейское облаченіе, на 100 рублей соболями, 100 рублей деньгами на всякіе расходы да лошадь съ санями и свидѣтельственную грамату къ константинопольскому патріарху Кириллу Лукарису, что онъ, митрополитъ, во время пребыванія въ Москвѣ велъ себя хорошо и ничего предосудительнаго въ его поведеніи не было [1]). Въ маѣ 1654 г. пріѣхалъ въ Москву сербскій патріархъ Гавріилъ для вѣчнаго житья въ Россіи, но въ 1656 г. онъ отпросился на богомолье въ Іерусалимъ, получилъ на прощаньи соболями на 400 р. и въ Россію уже болѣе не возвращался [2]). Въ 1641 г. выѣхалъ въ Россію на государево имя сербскій скопійскій митрополитъ Симеонъ, но въ 1644 г. онъ отпросился на богомолье въ Іерусалимъ, при чемъ получилъ на дорогу соболями на 70 р. и деньгами 50 р. [3]). Въ октябрѣ 1615 г. пріѣхалъ на вѣчное житье въ Россію сербскій кратовскій или колоссейскій митрополитъ Михаилъ, бѣжавшій отъ насилій и грабежа турецкаго софійскаго паши Онъ былъ милостиво принятъ государемъ, получилъ, помимо обычной дачи, панагію, облаченіе, митру, напрестольное евангеліе, а пріѣхавшій съ нимъ его племянникъ принятъ былъ на царскую службу. Въ 1654 г. онъ отправился въ Іерусалимъ на поклоненіе св. мѣстамъ и воротился въ сентябрѣ 1657 г., а въ сентябрѣ 1660 г. онъ просилъ государя отпустить его на его обѣщаніе, въ монастырь близъ Кратова архистратига Михаила, называемый Лѣсновскій, гдѣ почиваютъ мощи Гавріила Лѣсновскаго чудотворца, «пресѣдшаго отъ русскіе земли и устроивша монастырь архистратига Михаила, давнее строеніе, послѣди же бысть строеніе царя Степана Сербскаго, а нынѣча, государь, тотъ монастырь обнищалъ отъ насилія турецкаго», почему онъ

[1]) 7142 г. № 5.
[2]) 7162 г. № 15
[3]) 7149 г № 10.

просить дать въ Лѣсновскій монастырь жалованную грамату. Грамата была дана, и митрополитъ былъ отпущенъ на свое обѣщаніе [1]). Другіе же греческіе іерархи, пріѣхавъ въ Россію съ тѣмъ, чтобы навсегда поселиться въ ней, и, будучи приняты правительствомъ, однако не проживали въ ней и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но сейчасъ же просились назадъ. Такъ, напримѣръ, въ 1653 году выѣхалъ было на государево имя аѳинскій архіепископъ Іезекіиль, который милостиво былъ принятъ въ Москвѣ, но вскорѣ сталъ просить объ отпускѣ и былъ, дѣйствительно, отпущенъ [2]). Въ ноябрѣ 1657 г. пріѣхалъ въ Москву на вѣчное жительство варнскій митрополитъ Даніилъ. Онъ былъ милостиво принятъ государемъ, сверхъ обычной милостыни получилъ полное архіерейское облаченіе, но вскорѣ сталъ проситься съ Москвы и былъ отпущенъ [3]). Въ 1688 г. пріѣхалъ въ Москву на государево имя сербскій скопійскій митрополитъ, оставившій свою епархію потому, что въ виду войны нѣмцевъ съ турками всѣ жители Скопіи разошлись по разнымъ городамъ. Такъ какъ митрополитъ просилъ дать ему какой либо московскій монастырь въ управленіе, то вышелъ царскій указъ «жить ему въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ и давать ему въ томъ монастырѣ пищу: митрополиту противъ четырехъ братовъ, а старцамъ противъ братьи, а служкамъ противъ монастырскихъ служекъ, и отвесть ему митрополиту съ причетники въ томъ монастырѣ келью». Но митрополитъ и его свита просили, чтобы ихъ вмѣсто Сергіева монастыря отпустили въ Малороссію,—ихъ просьба была исполнена [4]). Вообще греческіе выходцы іерархи охотнѣе оставались жить въ Малороссіи, чѣмъ въ Москвѣ. Варнскій, напримѣръ, митрополитъ Даніилъ, не захотѣвшій жить въ Москвѣ, проживалъ потомъ въ Малороссіи, тамъ же жилъ призрѣнскій митрополитъ Никодимъ у гетмана Самойловича; лакедемонскій митрополитъ Іоасафъ жилъ въ Черниговѣ у Лазаря Барановича и отправлялъ, за его болѣзнью, всѣ архіерейскія

[1]) 7160 г. № 4; 7166 г. № 3; 7169 г. № 3.
[2]) 7161 г. № 13.
[3]) 7166 г. № 4.
[4]) 7196 г № 3.

службы: въ Нѣжинѣ жилъ ахридскій архіепископъ Мелетій и другіе [1]).

Въ началѣ XVIII столѣтія русское правительство приняло мѣры, чтобы поселившіеся въ Россіи восточные іерархи принимали русское подданство и навсегда оставались въ Россіи. Такъ, когда въ 1722 г. ахридскій архіепископъ Филовей былъ опредѣленъ на смоленскую епархію, то его привели къ присягѣ, въ которой онъ обѣщается, между прочимъ, быть подъ протекціею Россіи до конца живота своего, не имѣть заповѣдной корреспонденціи ни внутри Россіи, ни внѣ ея, все имѣніе, которое имѣетъ и впредь пріобрѣтетъ, обѣщается не посылать ни чрезъ кого въ другія государства «и никакими виды въ подозрительныя отдачи истощевать и никакихъ на то претекстовъ употреблять не буду» [2]). Не только выходцы іерархи, но и разные архимандриты, игумены, старцы, поживъ въ русскихъ монастыряхъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, обыкновенно, просились опять отпустить ихъ на ихъ обѣщаніе и, за рѣдкими исключеніями, всегда оставляли пріютившую ихъ Россію. Напримѣръ, въ 1628 г. выѣхалъ въ Москву ватопедскій игуменъ Никодимъ и сдѣланъ былъ игуменомъ на Угрѣшѣ, но въ 1635 г. онъ сталъ проситься на Аѳонъ и былъ отпущенъ [3]). Въ 1643 г. пріѣхалъ въ Москву на имя государя аѳонскаго Павловскаго монастыря архимандритъ Никодимъ съ старцемъ Исаіею. Они просили, чтобы государь не отсылалъ ихъ въ дальніе русскіе монастыри, а велѣлъ бы устроить ихъ въ Москвѣ въ Чудовѣ или какомъ-либо другомъ монастырѣ. Ихъ помѣстили въ Симоновѣ монастырѣ на братской пищѣ. Проживъ годъ, архимандритъ пишетъ въ челобитной, что прежде государь и его отецъ жаловали выѣзжихъ архимандритовъ, «а нынѣ, государь, насъ, богомольцевъ твоихъ, опричь Бога и тебя праведнаго государя никто не жалуетъ, и намъ богомольцамъ твоимъ жити здѣсь не возможно и привыкнути не мощно, потому что мы языку русскаго не умѣемъ и научитися не можемъ» и проситъ отпустить ихъ на Аѳонъ,—они были отпущены [4]).

[1]) 7173 г № 15; 7191 г. № 10, 7192 г № 8; 7194 г. № 11.
[2]) Полн. собр. постан по вѣдом. прав. исповѣданія—II, № 110, 114, 460.
[3]) 7143 г. № 5.
[4]) 7151 г № 7

Причины этого явленія заключались не только въ тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, какими окружена была въ Москвѣ вся жизнь каждаго выходца, но и въ самомъ характерѣ поселявшихся у насъ лицъ, въ тѣхъ цѣляхъ, ради которыхъ они оставались въ Россіи. Въ большинствѣ случаевъ къ намъ пріѣзжали такія лица, которыя уже потеряли всякую осѣдлость и привыкли перекочевывать изъ одного мѣста въ другое, стараясь пристроиться вездѣ и ко всему и нигдѣ не засиживаясь долго. Страсть бродяжничать обращалась у нихъ въ привычку, въ потребность, она приводила ихъ въ Москву, она же и гнала ихъ изъ Москвы. Къ этому присоединялось сознаніе, что всѣ тѣ выгоды, ради которыхъ они поселялись въ Москвѣ, уже получены, а потому и незачѣмъ болѣе оставаться на Руси. Оставивъ Россію, большинство жившихъ въ ней, обыкновенно не прекращало своихъ связей и сношеній съ русскимъ правительствомъ, но всячески старалось поддерживать ихъ, извлекая отсюда всевозможныя выгоды для себя. Зная, какъ сильно русское правительство дорожитъ всякими вѣстями о положеніи дѣлъ въ Турціи, они поступали въ разрядъ тайныхъ политическихъ агентовъ, добывали свѣдѣнія «о турецкихъ поведеніяхъ» и немедленно, въ особыхъ отпискахъ, сообщали ихъ нашему правительству. Какъ типическій примѣръ подобнаго рода можетъ служить севастійскій митрополитъ Іосифъ, который, поживъ въ Москвѣ четыре года, отпросился затѣмъ въ 1634 г. на Аѳонъ, мѣсто своего постриженія, но на Аѳонъ не попалъ, а поѣхалъ въ Царьградъ, откуда уже въ 1635 г. писалъ государю, что онъ принятъ былъ ради царской граматы константинопольскимъ патріархомъ съ великою любовью, что онъ по дѣламъ царскимъ толмачилъ предъ обоими патріархами и служилъ, сколько мочи и силы было. А такъ какъ онъ далъ обѣщаніе построить церковь въ честь патрона царя—св. Михаила Малеина, то поэтому просилъ государя прислать для будущей церкви три святыя иконы. Въ 1639 г. Іосифъ сообщаетъ царю, что онъ живетъ въ Троицкомъ, на о. Халки, монастырѣ, въ которомъ теперь пять священниковъ, два дьякона черныхъ, да десять братовъ, а пребываютъ они въ большой бѣдности, и потому проситъ государя прислать въ монастырь свою милостыню, а также

для церкви, которую онъ построилъ, церковные сосуды. Затѣмъ пишетъ: «еще молю и бью челомъ и поклоняюся святому твоему царствію и благовѣрному твоему царевичу Алексѣю Михайловичу, чтобы онъ меня богомольца бѣднаго и безпомощнаго единою шубенкою пожаловалъ, а язъ долженъ Бога молить о его многолѣтнемъ здравіи». Въ томъ же году Іосифъ сообщалъ и политическія вѣсти, при чемъ заявлялъ, что онъ свелъ знакомство съ приказными султана. Въ 1640 г. Іосифъ опять самъ пріѣзжалъ въ Москву, при чемъ поднесъ дары, государю: бархатъ золотной венецейской, обьярь золотная венецейская; государынѣ: бархатъ золотной веницѣйской; царевичу Алексѣю Михайловичу: бархатъ золотный веницѣйской, чарка яшмовая, оправленная золотомъ, опахало индѣйскаго перья въ рукояти яшмовой, оправлено золотомъ съ яхонты, изумруды и жемчуги,—цѣна всѣхъ подарковъ 157 рублей. Митрополиту дана была обычная милостыня, полное архіерейское облаченіе, да за дары 200 рублей. Но Іосифъ, въ особой челобитной, просилъ еще дать ему, въ построенную имъ на Аѳонѣ церковь, полную ризницу, да кадило, «да мнѣ, богомольцу твоему, мантію». да въ аѳонскій Есфигменскій монастырь жалованную грамату. Ризы цѣною 35 рублей, 8 алтынъ, 6 денегъ, да кадило серебряное, золоченое, о пяти цѣпяхъ, вѣсомъ 2 фунта безъ девяти золотниковъ, были ему даны, да сверхъ того еще дано было соболями на 70 рублей за то, что въ построенной имъ церкви на Аѳонѣ онъ записалъ въ синодикъ, для поминовенія, родителей государевыхъ;—словомъ, Іосифъ, ранѣе во время прежней московской жизни своей изучившій всѣ роды дачъ, какія только просители получали отъ русскаго правительства, теперь пустилъ въ ходъ свое знаніе и получилъ все, что только можно было получить [1]).

---

[1]) 7143 г № 7, 7147 г №№ 7 и 12, 7148 г № 8 Чтобы яснѣе видѣть беззастѣнчивый, эксплуататорскій характеръ отношеній подобнаго рода бѣдныхъ царскихъ богомольцевъ къ русскому правительству, мы приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ граматы того же севастійскаго митрополита Іосифа къ государю въ 1642 году, въ которой довольно ясно обрисовывается и самая личность Іосифа, то положеніе, какое онъ занималъ относительно русскаго правительства, и тѣ пріемы, съ помощью которыхъ онъ, живя въ Константинополѣ, старается привлечь себѣ благоволеніе и щедрую ми

Нѣкоторые изъ выходцевъ, поселившіеся въ Москвѣ, пріобрѣтали значительное вліяніе при московскомъ дворѣ и становились видною вліятельною силою, особенно въ сношеніяхъ Россіи съ востокомъ. Русское правительство, несмотря

лостыню царя. «Здѣся, пишетъ Іосифъ царю, патріархъ есть всѣмъ церквамъ глава, и здѣся сбираются всѣ архіереи и всѣ бѣдные возопіютъ и похваляютъ великое ваше царствіе, наипаче бѣдные святые монастыри и друзья владыки Христа восприбѣгаютъ сюда къ патріарху, прося грамотъ отъ него восприбѣгнути къ вашему царствію милостины ради. И патріархъ имъ грамотъ не даетъ страха ради стараго патріарха Кирилла. И они прибѣгаютъ ко мнѣ съ великими слезами и соупрошеніемъ отъ меня, и я имъ сказалъ, что недостоинъ есми писати къ великому государю, и они меня не покинутъ на упокое, потому что меня знаютъ толикіе архіереи, что есми пожилъ нѣкоторое время (въ Москвѣ). И молю и покланяюся, да не прогнѣвается на меня царствіе ваше, что къ вамъ пріѣзжаютъ нѣкоторые гречаня и наносятъ на меня, будтося емлю посулы и пишу грамоты... да сокрушитъ меня великое ваше царствіе только (т.-е. если) я писалъ грамоты и ималъ посулы. Здѣся ко мнѣ имѣютъ великое благоговѣніе, что есми пожилъ у царствія вашего нѣкоторое время, и всегда ваше царское жалованье есть ко мнѣ безпрестанно, для того со многими ходатайствы пишемъ нѣкоторымъ, а не всѣмъ, и еще, приходятъ къ намъ торговые люди, просятъ у насъ грамотъ, а мы имъ не даемъ, а потому они чинятся намъ великіе недруги». Извѣщая затѣмъ царя о русскихъ послахъ въ Константинополѣ и о томъ, что присланные ему государемъ, для построенной Іосифомъ на Аѳонѣ церкви, сосуды, ризы, иконы и паникадило дѣйствительно отосланы имъ на Аѳонъ, а самъ онъ пока живетъ въ Троицкомъ монастырѣ на островѣ Халки, митрополитъ продолжаетъ: «не имѣю, гдѣ прибѣгнуть язъ бѣдной, идти попросити срамлюся и ремесла никакова не знаю, а и здѣсь въ Царегородѣ тово монастырскаго подворья не было и язъ пребываю здѣсь иногда на патріаршемъ дворѣ—иногда для службы царствія вашего, а иногда для монастырскаго дѣла. И я хотя и не хотя купилъ дворъ на Галатѣ, не хотя ставитца по чужимъ дворомъ, потому что нашему чину позорно. И язъ взялъ холопей вашихъ Богдана и товарища его (т.-е нашихъ тогдашнихъ пословъ), и они видѣли тотъ дворъ, и долженъ есми 420 ефимковъ и молю и поклоняюся царствію вашему, да не отринешь мене бѣднаго мучитца въ бѣдности моей для ради Бога, сотворшаго небо и землю; Того предаю свидѣтеля,—твое царское жалованье, чѣмъ вы, великій государь, меня пожаловали, и я того ни на какіе бездѣльные расходы не истерялъ; и аще нѣкто прилучится и учнетъ про меня какое зло говорить, и то они учнутъ говорить для того, что я ихъ того хотѣнья не совершаю... А платьишко мое износилося и для многолѣтняго вашего царскаго здоровья и для государя царевича князя Алексѣя Михайловича поклоняюся и бью челомъ, да пожалуетъ меня государь царевичъ, да сподобитъ меня Богъ притти и облобызати руце его. По семъ государь пребываю зѣло бѣденъ, а здѣся всякіе харчи—ѣства и питье—дорого и все покупаю». Въ духѣ Іосифа севастійскаго дѣйствовали и другіе выходцы, нѣкоторое время пожившіе въ Москвѣ, а потомъ снова возвратившіеся на востокъ (7150 г № 9).

на свои постоянныя сношенія съ востокомъ, на ежегодную значительную трату денегъ на всевозможныхъ просителей, все-таки мало знало востокъ, мало знало, кому оно помогаетъ, и на что идутъ жертвуемыя имъ деньги. Поэтому оно всегда не прочь было имѣть у себя подъ рукою такихъ лицъ, которыя бы знали хорошо востокъ, его дѣйствительныя нужды, могли бы рекомендовать различныхъ просителей, чтобы русская милостыня попадала въ руки дѣйствительно нуждающихся, а не разныхъ проходимцевъ, которыхъ такъ много являлось на Русь подъ видомъ страждущихъ отъ агарянъ братій. Съ другой стороны въ нѣкоторыхъ выходцахъ русское правительство видѣло людей просвѣщенныхъ, образованныхъ и принимало ихъ, какъ могущихъ принести пользу Россіи своимъ образованіемъ, своими научными свѣдѣніями, своею просвѣщенною дѣятельностью на Руси. Такіе выходцы, живя въ Россіи по нѣскольку лѣтъ, занимали видное вліятельное положеніе при московскомъ дворѣ, необходимо становились предметомъ сознательнаго или несознательнаго изученія для русскихъ,—въ нихъ русскіе видѣли представителей востока, по нимъ составляли свое представленіе о религіозныхъ и нравственныхъ качествахъ православнаго востока. Въ виду этого для уясненія характера воззрѣній русскихъ на православный востокъ, очень важно ближе познакомиться съ нѣкоторыми изъ этихъ выходцевъ, игравшихъ при московскомъ дворѣ видную и вліятельную роль, или, по крайней мѣрѣ, съ тѣми ихъ характерными сторонами, которыя особенно рѣзко должны были бросаться въ глаза русскимъ и вызывать у нихъ то или другое представленіе о грекахъ вообще.

Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, уѣзжая изъ Москвы послѣ поставленія въ патріархи Филарета Никитича, оставилъ въ Москвѣ своего старца Іоанникія на вѣчное житье въ Россіи. Этотъ Іоанникій сталъ называться у насъ новоспасскимъ келаремъ грекомъ Іоанникіемъ и пользовался особымъ расположеніемъ царя и патріарха. Въ лицѣ Іоанникія Ѳеофанъ хотѣлъ имѣть при московскомъ дворѣ преданнаго ему агента, который бы служилъ въ Москвѣ представителемъ и истолкователемъ патріаршихъ нуждъ и интересовъ и, что особенно важно, который бы направлялъ щедрую русскую

милостыню главнымъ образомъ въ Іерусалимъ. Іоанникій, дѣйствительно, сдѣлался въ Москвѣ радѣтелемъ интересовъ іерусалимскаго патріарха, который не разъ, въ своихъ письмахъ къ Іоанникію, проситъ его устроить то или другое дѣло и особенно, указывая на его вліяніе при дворѣ, проситъ похлопотать о милостынѣ св. гробу. Іоанникій, конечно, хлопочетъ объ этомъ, хлопочетъ и по другимъ дѣламъ Ѳеофана. Напр., Ѳеофанъ желалъ отдѣлаться отъ одного старца своей свиты, котораго онъ почему-то сильно опасался. Это былъ чернецъ, по имени Митрофанъ, родомъ грузинецъ. и взятъ былъ патріархомъ во время посѣщенія имъ Грузіи. Митрофанъ былъ съ патріархомъ въ Москвѣ, но на возвратномъ пути въ Волошской землѣ оставилъ патріарха и возвратился въ Литву, гдѣ, какъ слышитъ патріархъ, «онъ ходитъ злымъ путемъ». Посылая въ 1625 году посольство въ Москву, Ѳеофанъ приказалъ ему захватить съ собою въ Литвѣ Митрофана и попросить московскаго патріарха послать чернеца въ дальній монастырь за то, «что намъ учинилъ великую срамоту въ Литвѣ и ходя сказывался моимъ», при чемъ Ѳеофанъ не объясняетъ однако, въ чемъ собственно заключалась срамота, причиненная ему чернецомъ. Митрофанъ, по прибытіи въ Москву, былъ арестованъ и немедленно сосланъ сначала въ Сійскій монастырь, а потомъ въ Соловки. Ссылка Митрофана была дѣломъ какихъ-то личныхъ счетовъ, какъ это видно изъ одного письма къ Іоанникію его пріятеля старца Іоасафа, который, между прочимъ, пишетъ: «свѣдалъ я, что ты сдѣлалъ надъ окаяннымъ шатуномъ, надъ другомъ моимъ собакою иверомъ, и тако есми обрадовался» и пр. Очевидно, что Филаретъ Никитичъ, въ угоду Ѳеофану, ссылая Митрофана, сдѣлался орудіемъ какихъ-то неблаговидныхъ интригъ, почему, конечно, за Митрофана и вступился наконецъ константинопольскій патріархъ Кириллъ. Благодаря его ходатайству, Митрофанъ въ 1630 г. былъ взятъ изъ Соловковъ и привезенъ въ Москву, откуда былъ отправленъ въ Константинополь, но чрезъ Архангельскъ и Англію, такъ какъ боялись отпустить его въ Литву. При этомъ Филаретъ Никитичъ, въ граматѣ къ патріарху Кириллу объяснялъ, что Митрофанъ въ тюрьмѣ не сидѣлъ, а только былъ сосланъ на Соловки по просьбѣ іерусалимскаго

патріарху Ѳеофана за то, что онъ «будучи въ Литвѣ патріарху (Ѳеофану) зло дѣлалъ и смуту великую чинилъ и хотѣлъ въ Литвѣ остатца и похвалялся нашимъ людямъ московскаго государства дѣлать всякое дурно», и потому его послали на Соловки, «чтобы онъ отъ такаго дурна отсталъ, а въ тюрьмѣ онъ не сиживалъ, и нужи ему опричь того никакіе не бывало» [1]).

Не только патріархъ Ѳеофанъ обращался къ Іоанникію, прося его содѣйствія при московскомъ дворѣ по тому или другому случаю, но и разные просители милостыни, отправляясь въ Москву, старались заручиться рекомендаціей къ Іоанникію, какъ человѣку сильному и вліятельному въ Москвѣ, отъ котораго зависитъ успѣхъ ходатайства просителя о милостынѣ. Въ 1627 году пріѣхалъ въ Москву греческій «кабанскій» (селунскій) епископъ Ѳеофанъ. Онъ привезъ съ собою къ Іоанникію письмо отъ архимандрита св. гроба Гавріила, который проситъ келаря, какъ вліятельнаго въ Москвѣ человѣка, похлопотать за селунскаго епископа, чтобы ему дана была щедрая милостыня, хотя епископъ и не имѣетъ особыхъ рекомендательныхъ патріаршихъ граматъ. Въ этомъ письмѣ архимандритъ такъ опредѣляетъ вліяніе Іоанникія: «мы слышимъ, что помощь чинишь всѣмъ монастыремъ и архіереемъ, которые ѣздятъ (въ Москву), и много радуемся, яко твои слова доходятъ къ царю нашему и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Руссіи и къ пресвятѣйшему патріарху Филарету Никитичу Московскому и всеа Руссіи, и которые ни бывали тамъ, и тѣ всѣ малые и великіе благодарятъ Бога и многолѣтнее ихъ царское пребываніе и тебя такожъ». Въ 1628 году обращался къ ходатайству Іоанникія ганскій митрополитъ Іосифъ, а послѣ митрополитъ анхіальскій, пріятель Іоанникія іерусалимскій старецъ Іоасафъ и др. Указанные случаи показываютъ, что Іоанникій, дѣйствительно, успѣлъ пріобрѣсть въ Москвѣ сильное вліяніе, что его рекомендація и отзывъ имѣли рѣшающее значеніе на раздачу милостыни просителямъ, что къ нему русское правительство обращалось, чтобы получить тѣ или другія свѣдѣнія о разныхъ греческихъ монастыряхъ.

[1]) 7134 г. № 2; 7136 г. № 11.

Это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что сохранилась «сказка новоспасскаго монастыря келаря Іоанникія» о монастыряхъ, имѣющихся въ Цареградѣ, Іерусалимѣ и во всей греческой землѣ, писанная имъ по просьбѣ Филарета Никитича. Когда персидскій шахъ прислалъ въ даръ Михаилу Ѳеодоровичу ризу Господню, то въ Москвѣ остереглись сразу вѣрить въ подлинность этой ризы и, между прочимъ, обратились за справками къ келарю Іоанникію, не знаетъ ли онъ чего про «Христову срачицу» и про иныя святыни, гдѣ онѣ и въ которомъ государствѣ, не слыхалъ ли онъ чего объ этомъ въ Греціи, когда былъ тамъ? [1]).

Въ іюлѣ 1628 года прибылъ въ Москву веррійскій митрополитъ Аверкій и остался въ Москвѣ на государево имя. Въ 1629 году выѣхалъ на государево имя и поселился въ Москвѣ селунскій митрополитъ Паисій. а въ 1630 году пріѣхалъ въ Москву съ турецкимъ посломъ Ѳомою Кантакузеномъ севастійскій митрополитъ Іосифъ, который также остался въ Москвѣ на государево имя [2]). Эти три іерарха, поселившись въ Москвѣ, жили при дворѣ, пользовались у царя и патріарха почетомъ и вліяніемъ. Когда въ 1630 году представлялся Филарету Никитичу Ѳома Кантакузенъ въ качествѣ турецкаго посла, то на представленіи присутствовали и митрополиты Паисій селунскій и Аверкій веррійскій; въ томъ же году они присутствовали и на пріемѣ царемъ и патріархомъ голландскихъ пословъ. Въ 1631 году при пріемѣ англійскаго посла были Аверкій и севастійскій митрополитъ Іосифъ, они же присутствовали и при пріемѣ датскаго посла [3]). Какъ велико было при дворѣ вліяніе этихъ архіереевъ, можно заключить изъ того обстоятельства, что къ ихъ покровительству и ходатайству прибѣгали даже русскіе вельможи. Такъ Аверкій заявлялъ, «что напередъ сего билъ челомъ къ государю святѣйшему патріарху севастійскій митрополитъ Іосифъ о князѣ Володимерѣ Долгорукомъ, чтобы ему быти по прежнему на Вологдѣ. И великій государь святѣйшій патріархъ чаялъ, что билъ челомъ севастійскій

[1]) 7135 г. № 19, 7136 г. № 11; 7137 г. № 22. Дворц. разряды—II, 768 и 788.
[2]) 7136 г. № 13; 7138 г. № 3; 7142 г № 5.
[3]) Дворц разр II, 139, 175, 222 и 241.

митрополитъ Іосифъ о томъ съ ево Аверкіева вѣдома, а онъ Аверкій про то не вѣдалъ, и съ нимъ онъ о томъ не спрашивался и нынѣ што впередъ о такомъ же дѣлѣ учнетъ бить челомъ безъ его вѣдома и на него бъ, Аверкія, въ томъ мнѣнья не было» [1]). Но если такъ сильно и велико вліяніе было выѣзжихъ митрополитовъ на патріарха и царя, что къ ихъ ходатайству предъ патріархомъ прибѣгали даже видные русскіе вельможи, то понятно, какое рѣшительное и безусловное вліяніе должны были имѣть эти митрополиты на отношеніе русскаго правительства къ различнымъ восточнымъ церквамъ и къ различнымъ просителямъ милостыни. По мысли русскаго правительства, выѣзжіе іерархи должны были быть посредниками между просителями и правительствомъ: они должны были давать правительству свѣдѣнія о личности просителя, о монастырѣ или епархіи, представителемъ которой проситель является, о дѣйствительныхъ нуждахъ и потребностяхъ епархіи или монастыря, должны были разоблачать обманы и продѣлки разныхъ самозванцевъ-просителей и т. п. Очевидно, что роль ихъ въ этомъ отношеніи была очень важна и вліятельна, такъ что все дѣло раздачи милостыни почти исключительно находилось въ ихъ рукахъ, и каждый пріѣхавшій въ Москву проситель необходимо долженъ былъ заручиться ихъ расположеніемъ и рекомендаціей, безъ чего ему трудно было разсчитывать на успѣхъ. Поэтому почти всѣ просители и обращаются къ нимъ съ просьбою о содѣйствіи и ходатайствѣ предъ царемъ и патріархомъ. Но эти представители въ Москвѣ православнаго востока не стояли на высотѣ своего призванія, особенно митрополитъ Аверкій, самый видный и вліятельный между ними. Эти іерархи, живя въ Москвѣ, преслѣдовали только свои личныя эгоистическія и корыстныя цѣли, старались каждый усилить свое вліяніе и подорвать значеніе другаго, вслѣдствіе чего между ними скоро возникла борьба, въ которой они сами открывали и русскимъ свои взаимныя интриги и разныя неблаговидныя продѣлки. Митрополитъ Аверкій, поселившись въ Москвѣ, скоро пріобрѣлъ сильное расположеніе къ себѣ Филарета Никитича и полное его довѣріе. Этимъ онъ вос-

[1]) 7138 г. № 22.

пользовался прежде всего для личной наживы. Онъ наговорилъ патріарху, что у него на родинѣ есть вотчины и виноградники, которые онъ принужденъ былъ заложить. Теперь, пользуясь царскою милостынею, онъ посылаетъ въ Константинополь своего келаря Пахомія, чтобы устроить выкупъ его имѣній и виноградниковъ. Но Пахомій не исполнилъ этого порученія, а воротился въ Москву съ племянникомъ Аверкія Дементіемъ, который теперь былъ отправленъ въ Константинополь, чтобы не только выкупить аверкіевы имѣнія и виноградники, но и продать ихъ. При этомъ Аверкій просилъ царя и патріарха написать отъ себя константинопольскому патріарху, чтобы тотъ посодѣйствовалъ Дементію въ успѣшномъ выполненіи возложеннаго на него порученія. Царь, дѣйствительно, писалъ къ Кириллу Лукарю особую грамату съ просьбою похлопотать о выкупѣ и продажѣ имѣній Аверкія; о томъ же просилъ Лукаря и Θеофана іерусалимскаго особою граматою и Филаретъ Никитичъ. Для насъ это дѣло важно въ томъ отношеніи, что оно указываетъ на живое и дѣятельное участіе царя и патріарха въ личныхъ дѣлахъ Аверкія, на ихъ полное расположеніе и сердечное сочувствіе къ этому митрополиту. Но Аверкій злоупотребилъ царскимъ и патріаршимъ довѣріемъ и расположеніемъ къ нему съ низкою корыстною цѣлью. Въ дѣйствительности у него вовсе не было въ Константинополѣ никакихъ имѣній и виноградниковъ, все это онъ придумалъ съ цѣлью выманить у царя и патріарха побольше денегъ, на которыя онъ покупалъ товары и посылалъ ихъ для продажи въ Константинополь, то съ своимъ келаремъ Пахоміемъ, то съ купцомъ Дементіемъ, котораго онъ выдавалъ за своего племянника. Впослѣдствіи, Θеофанъ іерусалимскій, когда онъ ужс враждебно столкнулся съ Аверкіемъ, счелъ возможнымъ раскрыть Филарету Никитичу глаза на продѣлки Аверкія. Относительно даннаго обстоятельства онъ писалъ: «если хочешь познать лживость его (Аверкія), скажу тебѣ первое, онъ подвигнулъ царствіе ваше писать къ намъ о нѣкоемъ человѣкѣ, котораго назвалъ себѣ братаничемъ, но онъ ничто иное, какъ купецъ, приходившій совершать куплю соболями, и будто бы онъ, Аверкій, имѣлъ виноградники въ Константинополѣ, но онъ не только не имѣлъ здѣсь виноградниковъ, но ради нищеты своей и лукавства уже двадцать лѣтъ, какъ изгнанъ изъ епархіи веррійской, и около десяти лѣтъ, какъ переселился въ молдовлахійскую». Очень неблаговидно Аверкій поступилъ и съ своимъ спутникомъ Константиномъ Ларевымъ. Съ нимъ онъ пріѣхалъ въ Москву и выдалъ его здѣсь за своего зятя. Этотъ аверкіевъ зять привезъ въ Москву часть животворящаго древа, котрое творило дс много чудесъ, при чемъ онъ ссылался на Аверкія, «распросить велите верійскаго митрополита Аверкія, что онъ видѣлъ, и онъ вамъ государемъ подлинно скажетъ про тѣ чудеса». Аверкій, знавшій, конечно, хорошо все, касавшееся своего зятя, подтвердилъ его слова, и древо было куплено. Но чрезъ нѣсколько времени Аверкій подалъ на своего зятя челобитную, съ просьбою взыскать съ него деньги, которыя онъ задолжалъ Аверкію, и когда Ларевъ, отрицавшій долгъ, не хотѣлъ платить, онъ поставленъ былъ на правежъ, который заставилъ его уплатить долгъ. Аверкій вынужденъ былъ объяснить тогда, что Ларевъ вовсе не зять его, а только дорогою въ Москву уговорился было жениться на племянницѣ Аверкія и успѣлъ этимъ путемъ выманить у него деньги, а между тѣмъ оказалось, что Ларевъ уже женатъ, т.-е. Ларевъ не только не былъ зятемъ Аверкія, какъ тотъ сначала увѣрялъ, но Аверкій даже совсѣмъ и не зналъ его, не зналъ даже того, женатый онъ человѣкъ или холостой, и потому, выдавая Ларева за своего зятя, подтверждая его слова о чудесахъ отъ привезенной имъ части древа,—завѣдомо лгалъ, Ларевъ рѣшился отмстить Аверкію за правежъ. По словамъ челобитной Аверкія, Ларевъ писалъ въ Константинополь къ своему отцу, который «Мурату салтана платье кроитъ» и у котораго «съ молодыхъ лѣтъ келарь Аникей послужилъ», чтобы онъ задержалъ и ограбилъ въ Константинополѣ посланнаго туда Аверкіемъ келаря его Пахомія; писалъ онъ и постельничему молдавскаго воеводы, совѣтуя ему ограбить и задержать Пахомія, и это послѣднее письмо Ларевъ писалъ отъ имени Іоанникія, а безъ его вѣдома. Наконецъ Аверкій доносилъ, что Константинъ хотѣлъ покинуть греческую вѣру и потурчиться. Ларевъ, по этому доносу, былъ обвиненъ и сосланъ въ Вятку, гдѣ его велѣно было содержать въ оковахъ, подъ строгимъ карау-

ломъ. Въ 1630 году константинопольскій патріархъ Лукарь просилъ объ освобожденіи Ларева, и по этому ходатайству онъ былъ отпущенъ въ Константинополь въ 1631 году.

Аверкій не разъ посылалъ своего келаря Пахомія въ Константинополь съ разными порученіями, въ родѣ выкупа его родовыхъ имѣній и виноградниковъ, которыхъ никогда не имѣлъ,—а въ дѣйствительности, для торговли на деньги Аверкія. Въ послѣдній разъ онъ послалъ съ нимъ 1300 рублей, и Пахомій не заблагоразсудилъ возвратиться въ Москву съ этими деньгами, а остался въ Молдавіи. Аверкій употреблялъ всѣ усилія вызвать Пахомія въ Москву, онъ писалъ къ нему съ этою цѣлью письмо въ Молдавію, уговаривая его пріѣхать въ Москву, обѣщаетъ ему за это милость отъ Бога, честь отъ государя и отъ него, смиреннаго. «Если же будешь такъ несмысленъ, пишетъ Аверкій, что сюда не придешь, то знай вѣрно и истинно: двоюродному брату твоему, архимандриту Григорію выхода отселѣ не будетъ». Аверкій, дѣйствительно, въ видахъ поощренія Пахомія на пріѣздъ въ Москву, успѣлъ оговорить находившагося въ Москвѣ двоюроднаго брата Пахомія, синадскаго архимандрита Григорія и двоюроднаго брата Григорія бѣльца Кузьму, такъ что они, благодаря оговору Аверкія, по указу государя и патріарха были сосланы въ нижегородскій Дудинъ монастырь. Но на этотъ разъ за сосланныхъ вступился селунскій митрополитъ Паисій вмѣстѣ съ келаремъ Іоанникіемъ. Паисій въ челобитной заявилъ, что архимандритъ Григорій и его двоюродный братъ Кузьма люди честные, что за ними никакого дурна никогда не было, что онъ знаетъ ихъ изстари,—архимандрита училъ грамотѣ, а у Кузьмы крестилъ двухъ дѣтей. Вслѣдствіе этого велѣно было допросить Аверкія думному дьяку въ патріаршей крестовой палатѣ. На допросѣ Аверкій просилъ, «чтобы святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ пожаловалъ, не велѣлъ архимандрита Григорія возвращать въ Москву и отпускать въ свою землю до тѣхъ поръ, пока келарь его Пахомій не пріѣдетъ въ Москву, потому что архимандритъ похваляется сдѣлать келарю его великое зло, а что касается до сосланнаго съ тѣмъ Григоріемъ брата его двоюроднаго Кузьмы, то въ немъ лиха никакого не знаетъ, только бы и ему побыть до времени тамъ же въ Печерскомъ монастырѣ».

Въ то же время Аверкій говорилъ еще, что «на него всякое зло умышляетъ спасскій бывшій келарь Іоанникій, вмѣстѣ съ селунскимъ митрополитомъ Паисіемъ, всегда съ митрополитомъ сходятся и пьютъ, а на Аверкія умышляютъ, какъ бы его чѣмъ опозорить и отъ государскія и святѣйшаго патріарха милости отлучить своими лживыми доносами». Говорилъ еще Аверкій, что «селунскій митрополитъ Паисій, умысля съ Іоанникіемъ, севастійскаго митрополита наговариваютъ, чтобы съ ними жъ въ совѣтѣ былъ, и звалъ его къ себѣ селунскій митрополитъ дважды и съ нимъ о томъ говорилъ, чтобы съ ними жъ былъ въ совѣтѣ на него Аверкія. И севастійскій митрополитъ Іосифъ у селунскаго митрополита былъ, а онъ, Аверкій, опасается отъ нихъ всякаго дурна, и великому государю святѣйшему патріарху Филарету Никитичу московскому и всеа Руси про то было бы извѣстно. Да онъ же Аверкій митрополитъ говорилъ: слышалъ онъ, что послано по Константина грековина (Ларева), велѣно ему быть въ Москвѣ. И какъ онъ къ Москвѣ пріѣдетъ, и ему бы не велѣли водитца съ селунскимъ митрополитомъ и съ бывшимъ спасскимъ келаремъ Іоанникіемъ, чтобы они не навели его на всякое дурно». Но на этотъ разъ оговоры Аверкія не помогли, всѣ ранѣе по его оговорамъ сосланныя лица, Константинъ Ларевъ, архимандритъ Григорій и его двоюродный братъ Кузьма, были возвращены изъ ссылки и отпущены въ Константинополь [1]). Все это уже само по себѣ не особенно красивое дѣло показываетъ, что Аверкій не ужился въ Москвѣ съ Іоанникіемъ и митрополитомъ Паисіемъ, которые соединились вмѣстѣ противъ Аверкія, какъ видно успѣвшаго подорвать при дворѣ прежнее безусловное значеніе Іоанникія и сдѣлаться самымъ виднымъ и вліятельнымъ человѣкомъ при Филаретѣ Никитичѣ. И вотъ выѣзжіе гречане вступаютъ въ рѣшительную борьбу между собою изъ-за вліянія при московскомъ дворѣ. Они подкапываются другъ подъ друга, пускаютъ въ ходъ кляузы, интриги, оговоры и доносы, чтобы лишить своего противника довѣрія и расположенія патріарха и царя. Аверкій, несмотря на всѣ свои

[1]) 7138 г. № 22.

неблаговидные поступки относительно Ларева, архимандрита Григорія и грека Кузьмы, оказывается все-таки сильнѣе своихъ противниковъ. Въ 1631 году ему удается сослать на Соловки племянника Іоанникія чернаго дьякона Іоасафа, гдѣ тотъ прожилъ цѣлыхъ четыре года. Послѣ его перевели въ московскій Чудовъ монастырь, откуда онъ былъ отправленъ въ Константинополь по просьбѣ Лукаря, который просилъ прислать къ нему Іоасафа, какъ знающаго греческій и русскій языкъ, чтобы переводить для патріарха царскія граматы. Самъ келарь Іоанникій, вскорѣ послѣ ссылки своего племянника, «умеръ скорою смертью безъ приказу (духовной) и безатходныя» [1]). Теперь у Аверкія остался одинъ противникъ, селунскій митрополитъ Паисій, но съ нимъ соединился скоро другой, всѣхъ болѣе опасный и вліятельный въ Москвѣ,—самъ іерусалимскій патріархъ Θеофанъ. Θеофанъ, какъ мы сказали выше, имѣлъ въ лицѣ келаря Іоанникія безусловно преданнаго ему человѣка, который являлся всегда ходатаемъ и представителемъ интересовъ іерусалимскаго патріарха предъ царемъ и Филаретомъ Никитичемъ. Но съ появленіемъ въ Москвѣ Аверкія, авторитетъ и вліяніе Іоанникія значительно пали; Аверкій столкнулся враждебно съ Іоанникіемъ, одержалъ надъ нимъ побѣду и тѣмъ самымъ необходимо возбудилъ противъ себя Θеофана. Послѣдній скоро увидѣлъ, что въ Москвѣ пользуется вліяніемъ уже не его креатура—Іоанникій, а другой человѣкъ, который не имѣлъ причинъ направлять русскую милостыню въ Іерусалимъ или на лицъ, рекомендуемыхъ, главнымъ образомъ, іерусалимскимъ патріархомъ. Въ концѣ 1629 года въ Москву прибыло отъ Θеофана посольство съ просьбою о милостынѣ и просительными граматами патріарха. Но присланный Θеофаномъ виелеемскій митрополитъ получилъ обычную митрополичью дачу и только 100 рублей св. гробу [2]). Θеофанъ убидалъ въ этомъ неудачномъ, по его мнѣнію, исходѣ посольства пагубное вліяніе при московскомъ дворѣ Аверкія, что онъ и выразилъ въ письмѣ къ селунскому митрополиту Паисію и въ письмѣ къ самому Аверкію отъ 12 іюля 1630

[1]) 7144 № 1
[2]) 7138 г. № 8.

года. Въ письмѣ къ Паисію Θеофанъ проситъ его словомъ и дѣломъ ходатайствовать за просителей монастыря св. Анастасіи, благодаритъ его, «что прислалъ намъ икону и не забываешь св. гроба», а про Аверкія говоритъ, что слышалъ будто онъ отсѣкъ милостыню отъ св. гроба, за что грозитъ ему наказаніемъ въ будущемъ вѣкѣ и анаѳемою отъ седми соборовъ св. отецъ. Въ письмѣ къ Аверкію Θеофанъ укоряетъ его за то, что онъ отсѣкъ милостыню св. гробу, такъ что виелеемскій митрополитъ возвратился назадъ праздным; что донесъ царю и патріарху, будто Θеофанъ роздалъ царскую милостыню разнымъ лицамъ и учинилъ своихъ митрополитами, что совершенно несправедливо, и заканчиваетъ свое письмо слѣдующимъ обращеніемъ къ Аверкію: «хотѣли мы много еще говорить и писать, а нынѣ молчимъ до тѣхъ поръ, пока будемъ въ Константинѣ градѣ, увидимъ и разсудимъ, что ты тутъ у царя наговариваешь, доводишь то и другое напрасно и обманываешь царя, а онъ того не вѣдаетъ; мы чаяли и ждали покаянія отъ злыхъ дѣлъ твоихъ, а нынѣ на старости не будемъ покрывать злоразуміе твое, ибо многихъ въ напасть ты ввелъ; полно, окаянный, близокъ ты къ смерти». Писалъ Θеофанъ и Филарету Никитичу жалобу на Аверкія и обличалъ его въ разныхъ неблаговидныхъ продѣлкахъ и между прочимъ въ такой: «да вѣдаете, что писанія, которыя отовсюду приносятъ къ вашему царскому величеству, онъ, съ толмачемъ Борисомъ, перетолковываетъ, какъ сами хотятъ, не показывая вамъ истину, и нищіи исходятъ отъ вашего царствія оскорбленные ими, ибо онъ взимаетъ себѣ данную имъ вами милостыню. Не подобаетъ ему возлагать на себя ни епитрахили, ни омофора». Любопытенъ отвѣтъ Филарета Никитича на эту обвинительную грамату Θеофана противъ Аверкія. «Ей, ей, пишетъ онъ Θеофану, глаголю о Христѣ, не лгу по своему святительству въ правдѣ, не слыхалъ я отъ Аверкія про ваше святительство, великаго господина брата нашего и сослужебника, никакого зла; напротивъ, онъ хвалился твоимъ благословеніемъ и духовною о Христѣ любовью; касательно же малой милостыни, которая тебѣ прислана съ виелеемскимъ митрополитомъ, мы также ничего не слыхали отъ веррійскаго митрополита, а малая сія ми-

лостыня учинилась по самой нуждѣ... мы готовимся противъ недруговъ своихъ и казну многую роздали многимъ ратнымъ людямъ, и ты господинъ братъ нашъ, на насъ о томъ не поскорби; безхитростно сіе учинилось, а не отъ Аверкія. Касательно же большой милостыни, которая послана отъ царя и отъ насъ, съ архимандритомъ вашимъ келаремъ Акакіемъ, несправедливо, будто Аверкій, ссоря между собою насъ патріарховъ, говорилъ, что ты въ предыдущіе годы не положилъ оной сохранно въ свою казну, и нынѣ тамъ ея нѣтъ. Мы не слыхали сего ни отъ Аверкія, ни отъ кого другаго, и вѣримъ, что большая сія милостыня къ животворящему гробу Господню въ вашей казнѣ и нынѣ цѣла и въ будущіе годы сохранена будетъ. Касательно изгнанія Аверкія изъ его веррійской митрополіи, не написано тобою: отъ мирскихъ ли людей или отъ духовнаго собора, за его недостойное житье изгнанъ? А что Аверкій извѣщалъ намъ на гречанъ, на двухъ архимандритовъ Григоріевъ и на Константина Ларева, то и другіе гречане насъ также извѣщали, что они не доброхотны нашему царствію, и многую хотѣли намъ учинить смуту, похваляясь всякимъ зломъ. Мы же, сыскавъ ихъ воровство, разсылали ихъ по городамъ, не въ заточеніе, не въ тюрьму, но только для смиренія. И я, патріархъ Филаретъ, помышляю самъ въ себѣ, что общій нашъ врагъ діаволъ, между насъ смуту учинилъ, возненавидѣвъ нашу духовную любовь, и я, господинъ и братъ мой, весьма этимъ огорчаюсь» (грамата писана отъ 17 іюня 1631 года). Очевидно, что Аверкій пользовался безусловнымъ довѣріемъ Филарета Никитича, такъ что и доносъ на него самого Ѳеофана не произвелъ въ Москвѣ ожидаемаго впечатлѣнія, — Филаретъ Никитичъ оправдываетъ Аверкія отъ обвиненій, взводимыхъ на него Ѳеофаномъ. Но Аверкій продолжалъ злоупотреблять своимъ вліятельнымъ положеніемъ въ Москвѣ и наконецъ дошелъ до того, что Филаретъ Никитичъ принужденъ былъ, неизвѣстно по какому частному случаю, предпринять противъ него самыя рѣшительныя мѣры, именно «митрополичій санъ съ него былъ снятъ и священныхъ (онъ) не дѣйствовалъ», въ качествѣ простаго чернеца Аверкія онъ былъ сосланъ на житье въ костромской Ипатьевскій монастырь, откуда,

по ходатайству константинопольскаго патріарха Кирилла веррійскаго, былъ взятъ и отправленъ за границу. Онъ жилъ потомъ въ Молдавіи и не разъ присылалъ государю оттуда челобитную съ просьбою возвратить ему его ризницу, которую удержалъ у него суздальскій архіепископъ Іосифъ за долгъ въ 200 рублей; а также съ просьбами о помощи и милостынѣ ради его крайней бѣдности. Присылалъ онъ и политическія вѣсти [1]).

Недоброе воспоминаніе оставилъ по себѣ особенно Аверкій. Русское правительство желало имѣть въ поселившихся въ Москвѣ греческихъ іерархахъ честныхъ, добросовѣстныхъ, свѣдущихъ посредниковъ въ своихъ сношеніяхъ съ православнымъ востокомъ, но встрѣтило въ нихъ людей своекорыстныхъ, интригановъ, которые не только не содѣйствовали упорядоченію и правильной постановкѣ сношеній Россіи съ востокомъ, но еще вносили въ нихъ смуту, интриги, личное мелкое своекорыстіе и самолюбіе. Правительство надѣлило этихъ лицъ своимъ полнымъ довѣріемъ, окружило ихъ своими заботами и попеченіями, но они обманывали его довѣріе самымъ грубымъ образомъ въ видахъ личной наживы; оно довѣрчиво дало имъ сильное вліяніе въ дѣлахъ по сношеніямъ съ востокомъ, оно прислушивалось къ ихъ голосу при раздачѣ милостыни просителямъ, ихъ рекомендація имѣла въ этомъ случаѣ рѣшающее значеніе, а они употребляли свое вліяніе на то, чтобы преслѣдовать ненавистныхъ почему-либо имъ лицъ, такъ что русское правительство въ ихъ рукахъ являлось только орудіемъ или ихъ личной мести, или просто корысти. Самая русская милостыня направлялась ими не столько на лицъ дѣйствительно нуждающихся, требующихъ помощи, сколько на лицъ, находящихся съ ними въ дружескихъ отношеніяхъ, или успѣвшихъ пріобрѣсти ихъ расположеніе подарками. Призванные быть совѣтчиками и посредниками, они вступаютъ въ соблазнительную борьбу между собою изъ-за вліянія при дворѣ, подкапываются другъ подъ друга, интригуютъ, стараются уронить одинъ другаго во мнѣніи царя и патріарха, пишутъ другъ на друга жалобы, обвиненія, такъ что правительству приходится уми-

[1]) 7144 г. № 8; 7146 г. №№ 6 и 7; 7147 г. № 11.

ротворять вздорящихъ, мелочно самолюбивыхъ іерарховъ. О возможности получить отъ нихъ истинныя свѣдѣнія о дѣйствительномъ положеніи и нуждахъ востока, найти въ нихъ безпристрастныхъ, искренно преданныхъ интересамъ православія совѣтчиковъ и руководителей, невозможно было и думать; въ концѣ концовъ пришлось самаго виднаго изъ нихъ, Аверкія, лишить архіерейскаго сана и удалить изъ Москвы въ ссылку, такъ какъ его безчестныя продѣлки перешли, очевидно, всякую границу возможнаго. Но этого мало: русскимъ приходилось созерцать не только ссоры, интриги и разныя продѣлки поселившихся въ Москвѣ греческихъ іерарховъ, но и видѣть участіе въ этой борьбѣ своекорыстныхъ интригановъ самихъ восточныхъ патріарховъ. Ѳеофанъ іерусалимскій дѣятельно вмѣшивается въ борьбу двухъ враждующихъ митрополитовъ, принимаетъ сторону одного изъ нихъ и всѣми мѣрами старается подорвать значеніе при московскомъ дворѣ Аверкія. Побужденія, руководившія въ этомъ случаѣ Ѳеофаномъ, были не особенно высокія,—это подозрѣніе, что ему, подъ вліяніемъ Аверкія, прислана скудная милостыня, тогда какъ онъ разсчитывалъ на полученіе бо́льшей. По этому только побужденію онъ рѣшается раскрыть московскому патріарху глаза на Аверкія и всѣ его продѣлки, о которыхъ онъ зналъ ранѣе, но о которыхъ умалчивалъ, пока не счелъ себя обиженнымъ Аверкіемъ. Ничѣмъ не замаскированное своекорыстіе даже патріарха, прикрывающаго до поры до времени, пока его не задѣнутъ, нечестныя продѣлки проживающаго при московскомъ дворѣ митрополита, не могли производить хорошаго впечатлѣнія въ Москвѣ. Недоброе мнѣніе о греческихъ іерархахъ составлялось у русскихъ, а думать иначе они не имѣли данныхъ.

Послѣ митрополита веррійскаго Аверкія особенно рѣзко выдается по своему громадному вліянію при московскомъ дворѣ извѣстный Паисій Лигаридъ, пріѣхавшій въ Москву 12 февраля 1662 года. Какъ и Аверкій, Паисій принадлежалъ къ числу тѣхъ бродячихъ, не уживщихся дома архіереевъ, которымъ «не подобаетъ возлагать на себя ни епитрахили, ни омофора», которые, лишившись по какому либо случаю своихъ каѳедръ, безпокойно переходятъ съ

мѣста на мѣсто съ цѣлью пристроиться гдѣ-либо повыгоднѣе и поудобнѣе. Но Паисій замѣтно выдѣлялся, по своимъ личнымъ качествамъ, изъ толпы другихъ греческихъ бродячихъ архіереевъ. Онъ былъ человѣкъ довольно образованный и даже ученый, человѣкъ ловкій, умный, находчивый и при этомъ, какъ воспитанникъ іезуитовъ, нравственно очень гибкій и податливый гречанинъ, способный приладиться ко всякой данной средѣ и обстановкѣ, умѣвшій сдѣлаться нужнымъ и необходимымъ для тѣхъ, которые были нужны ему самому, отъ кого онъ надѣялся получить какія-либо выгоды для себя. Въ Москвѣ этотъ воспитанникъ іезуитовъ, этотъ бросивший свою епархію архіерей, равнодушный къ православію и его интересамъ, ловко умѣлъ разыгрывать роль строгаго поборника православія, ревнителя церковныхъ правилъ и постановленій, обличителя всякихъ уклоненій отъ строго православной жизни, при чемъ онъ искусно выдвигалъ на видъ свой ученый авторитетъ тамъ, гдѣ этого требовали его личные интересы, гдѣ ему нужно было произвести своею ученостью извѣстное впечатлѣніе на русскихъ. Вообще Паисій былъ довольно даровитый и образованный архіерей-авантюристъ, способный на всѣ руки и на всѣ послуги, за которыя ему хорошо платятъ. Какъ и большая часть подобныхъ выходцевъ, Паисій пріѣхалъ въ Москву съ цѣлью попытать счастья въ этой варварской, но богатой странѣ, гдѣ его умъ, ученость, іезуитская ловкость и изворотливость должны были обезпечить ему блестящую карьеру, уже болѣе невозможную для него на востокѣ. Паисій ѣхалъ въ Москву съ опредѣленными цѣлями, общими, впрочемъ, ему съ другими выходцами: пріобрѣсти въ Россіи, какими бы то ни было средствами, побольше денегъ, заручиться расположеніемъ къ себѣ московскаго двора и, при его содѣйствіи, возстановить свое незавидное, совсѣмъ уже пошатнувшееся положеніе на востокѣ. О средствахъ къ достиженію этихъ цѣлей, особенно о нравственномъ ихъ характерѣ, Паисій не задумывался. Онъ прибылъ въ Москву въ самое горячее время, когда дѣло о Никонѣ все болѣе и болѣе запутывалось, когда московское правительство чувствовало свое полное безсиліе такъ или иначе порѣшить это дѣло и потому крайне нуждалось

въ человѣкѣ, который бы помогъ ему выйти изъ затруднительнаго положенія. Паисій и былъ такимъ именно человѣкомъ, способнымъ взяться за всякое дѣло, особенно которое сулило ему всевозможныя выгоды, почетъ и вліяніе. Онъ сразу понялъ выгоды своего положенія между двухъ борющихся сторонъ и, какъ и слѣдовало ожидать отъ него, немедленно пристalъ къ сильнѣйшей, боярской партіи, сталъ душою и руководителемъ всѣхъ враговъ Никона, дѣло котораго уже было проиграно. Онъ скоро успѣлъ овладѣть полнымъ расположеніемъ и довѣріемъ къ себѣ самого государя, у котораго въ нѣкоторой степени даже занялъ мѣсто прежняго «собиннаго друга», такъ что Алексѣй Михайловичъ, по свидѣтельству самого Никона, сталъ слушать во всемъ Паисія и почитать его какъ «пророка Божія». Это понятно: вкрадчивый, гибкій и льстивый гречанинъ, желавшій только всячески угождать царю, представлялъ полную противоположность съ суровымъ, гордымъ, неуступчивымъ и притязательнымъ Никономъ, и потому ему не трудно было пріобрѣсти расположеніе и любовь мягкаго и привязчиваго царя, нравственно измученнаго продолжительнымъ столкновеніемъ съ Никономъ, искавшаго опоры, успокоенія, оправданія своему поведенію. Никто не могъ лучше Паисія успокоить встревоженнаго, неувѣреннаго въ своей правотѣ царя, оправдать его въ своихъ собственныхъ глазахъ, сообщить ему, постоянно колебавшемуся, нравственную устойчивость и рѣшительность. Паисій пустилъ въ ходъ всю свою ловкость и изворотливость, все свое остроуміе и находчивость, весь запасъ своихъ научныхъ знаній, чтобы во всемъ оправдать царя и, насборотъ, во всемъ обвинить Никона, — причина нелюбья между царемъ и патріархомъ, причина всѣхъ церковныхъ смутъ и нестроеній заключается единственно въ Никонѣ,— вотъ въ чемъ всѣми средствами старался Паисій убѣдить царя, чтобы умиротворить, успокоить его встревоженную совѣсть. Понятно, что царь былъ искренно благодаренъ тому человѣку. который всячески старался снять съ его души тяжелое, давившее его бремя ссоры съ бывшимъ его «собиннымъ другомъ», понятно, что онъ сталъ чувствовать къ Паисію особое довѣріе и расположеніе, готовъ былъ сдѣлать для него все возможное.

Паисій не замедлилъ воспользоваться расположеніемъ къ себѣ царя, чтобы извлечь отсюда всевозможныя для себя выгоды. Цѣлый рядъ челобитныхъ царю съ самыми разнообразными требованіями ярко рисуютъ намъ Паисія съ этой стороны. Немедленно по своемъ прибытіи въ Москву, Паисій проситъ государя откупить христіанъ его области отъ турокъ, съ которыми-де онъ уговорился давать имъ окупу за христіанъ ежегодно по 500 ефимковъ, и проситъ вручить ему эту сумму «чтобъ мнѣ, богомольцу твоему, изъ области своей изгнану не быть, и православныхъ христіанъ моея области нечестивые турки не обратили-бъ въ свою турскую вѣру» [1]). Чтобы понять истинный смыслъ этой челобитной, нужно знать, что Паисій въ это время не былъ дѣйствительнымъ газскимъ митрополитомъ, такъ какъ уже давно бросилъ на произволъ свою митрополію, за что, между прочимъ, и былъ лишенъ архіерейства іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ. Просьба со стороны Лигарида денегъ у государя на выкупъ его епархіи отъ турокъ была прямымъ обманомъ, безцеремонною, въ видахъ наживы, эксплуатаціею довѣрія и расположенія къ нему государя. Въ томъ же году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Паисій въ особой челобитной государю желаетъ повѣдать ему о своей скудости, что отпускаемаго ему жалованья и корму достаточно только для него одного, а между тѣмъ при немъ находятся нѣсколько служекъ и три лошади, которыхъ кормить ему нечѣмъ, и потому проситъ государя прибавить ему жалованья, чтобы ему людей своихъ и лошадей съ голода не поморить, вслѣдствіе наступившей дороговизны. Во второй челобитной проситъ себѣ у государя архіерейскія одежды, саккоса и митры. Эти требованія были не только удовлетворены, но государь еще пожаловалъ Паисію «кафтанъ камчатной холодной смирной камки, да рясу суконную черную на бѣлкахъ, сверхъ того, что ему-жъ дана была соболья подъ камкою». Въ слѣдующемъ году Паисій обращается къ царю уже съ цѣлымъ рядомъ челобитныхъ, въ которыхъ проситъ пожаловать ему карету и лошадей вмѣстѣ съ новыми шлеями, потому что старыя прогнили; проситъ дать жалованье его дьякону Агаѳангелу и

[1]) 7170 г. № 11

обмѣнять ему 250 рублей мѣдныхъ на серебряныя, потому что-де Агаеангелъ, будучи сосланъ на Соловки, гдѣ онъ прожилъ четыре года, оставилъ, отправляясь въ ссылку, въ Никольскомъ монастырѣ 250 рублей мѣдныхъ, которые тогда ходили за серебряные. Въ томъ же году Паисій и еще обращается къ царю съ челобитною. Онъ заявляетъ, что пріѣхалъ въ Москву просить милостыни «на уплату съ епархіи моей податей іерусалимскому патріарху Нектарію и туркамъ и себѣ на пропитаніе», но что онъ живетъ, по царскому указу, на Москвѣ уже три года, «и нынѣ мнѣ, богомольцу твоему, вѣдомо учинилось, что еросалимскій патріархъ на меня зѣло гнѣвенъ за то, что я многое время, оставя епархію, живу на Москвѣ, а безъ меня епархіи моей пасти некому, да ему патріарху и турку никакія подати въ епархіи моей неплачены, да живущіе въ епархіи моей заняли на нужные расходы многіе деньги, «именно 1700 ефимковъ, которые онъ и проситъ царя выдать ему для уплаты податей патріарху, туркамъ и долговъ епархіи. Въ другой челобитной Паисій проситъ, чтобы царь давалъ ему милостыню золотомъ «для ради легкости послать доведетца». По этой челобитной царь велѣлъ дать Паисію для уплаты епархіальнаго долга, податей патріарху и туркамъ вмѣсто 1700 ефимковъ «850 золотыхъ червонныхъ одинокихъ». Такъ умѣлъ Паисій выманивать у царя крупныя суммы, разыгрывая предъ нимъ роль заботливаго о своей паствѣ архипастыря, которой онъ однако уже не имѣлъ. Черезъ годъ Паисій въ челобитной заявляетъ, что кормъ съ дворца ему даютъ, а соли нѣтъ, поэтому проситъ государя пожаловать его солью, какъ его государя Богъ извѣститъ. Велѣно выдавать ему по три пуда соли въ годъ. Въ другой челобитной Паисій проситъ государева жалованья муки пшеничной, дровъ, меду, какъ ему великому государю Богъ извѣститъ. Черезъ годъ Паисій подаетъ обычную челобитную о поденномъ кормѣ, котораго ему лично давалось на день по 6 алтынъ, архимандриту его 2 алтына, архидьякону, келарю, черному дьякону по 8 денегъ человѣку, назаретскаго митрополита келарю, который живетъ у Паисія, 10 денегъ, толмачу да двумъ челядникамъ по 4 деньги человѣку на день; «да митрополиту-жъ даютъ великаго государя жалованья изъ дворца кормъ—

рыбу и икру и питье—вино церковное и меды». Въ новой челобитной Паисій проситъ себѣ дровъ. Въ сентябрѣ 1667 года Паисій проситъ царя прибавить ему корму, о томъ же онъ проситъ и въ слѣдующемъ году. Государь велѣлъ ему дать, вмѣсто прибавки корму, сто рублей, обновить все ветхое въ домѣ, гдѣ онъ стоитъ, и дозволилъ ему купить въ Архангельскѣ вина и на трехъ казенныхъ подводахъ безпошлинно привезти его въ Москву. Черезъ годъ Паисій проситъ давать поденный кормъ его племяннику, который пріѣхалъ въ Москву; проситъ старыя сани замѣнить новыми; проситъ ему лично и его людямъ прибавить корму. Черезъ годъ Паисій опять проситъ себѣ, своимъ племянникамъ и челядникамъ поденнаго корму, ибо, заявляетъ митрополитъ, «помираемъ съ голоду» [1]).

Всѣ эти многочисленныя, подчасъ очень назойливыя челобитныя Паисія, требовавшія отъ царя постоянныхъ заботъ и попеченій о довольствѣ, покоѣ и всѣхъ удобствахъ не только самого Паисія, но и его родственниковъ, свиты и слугъ, всегда удовлетворялись царемъ, даже требованія крупныхъ суммъ на уплату мнимыхъ долговъ его фиктивной епархіи исполнялись государемъ. А такъ какъ Паисій былъ очень изобрѣтателенъ и умѣренность въ требованіяхъ не считалъ своимъ качествомъ, то его жизнь въ Москвѣ съ матеріальной стороны была устроена прекрасно,—онъ жилъ въ полномъ довольствѣ на полномъ царскомъ содержаніи, которое обходилось ежегодно въ 361 рубль. Проживая на всемъ готовомъ, Паисій имѣлъ полную возможность скопить себѣ порядочный капиталецъ. Конечно, такіе куши, какъ 850 золотыхъ, сразу попадали къ нему рѣдко, но были и другія, хотя и менѣе крупныя, получки, которыя съ теченіемъ времени должны были составить порядочную сумму, ибо царь былъ щедръ и любилъ дарить своихъ любимцевъ. Но Паисій не пренебрегалъ и другими средствами наживы, которыя особенно были возможны при его вліятельномъ положеніи. Въ одномъ докладѣ посольскаго приказа государю говорится: «великому государю бьетъ

[1]) 7171 г. №№ 1 и 5; 7172 г № 1, 7173 г. № 1; 7174 г № 2, 7176 г. № 1; 7177 г. № 1; 7178 г. № 1; 7179 г № 2 и др.

челомъ газской митрополитъ Паисей: хотѣлъ де онъ купить соболей и послать въ свою митрополію(?) и пришелъ де къ нему Юрьи греченинъ, взялъ у него денегъ двѣсти рублевъ серебряныхъ, а взялся принесть къ нему соболей, и онъ де къ нему соболей и денегъ не принашивалъ; и великій государь пожаловалъ бы его велѣлъ ему Юрью соболи или деньги къ нему принесть» [1]). Этотъ докладъ показываетъ, что Паисій, подобно Аверкію, іеродіакону Мелетію и другимъ, занимался торговлею. По дешевымъ цѣнамъ покупалъ онъ въ Москвѣ соболей и отсылалъ ихъ съ довѣренными греческими купцами или племянниками въ Константинополь, гдѣ они и продавались съ значительнымъ барышомъ. Но мало того, что Паисій велъ торговлю, онъ еще занимался маклерствомъ. Въ одной челобитной царю онъ ходатайствуетъ за гречанина купца, съ которымъ «послано изъ Константинополя отъ соборной церкви продать здѣсь, въ Москвѣ, узорочныхъ товаровъ,— каменья и иного узорочнаго товару, чѣмъ бы ей бѣдной церкви заплатить долгъ»; эти церковные товары взялъ у довѣреннаго лица другой грекъ купецъ и не платитъ за нихъ денегъ; Паисій проситъ взыскать ихъ [2]). Въ 1663 году въ челобитной онъ проситъ царя, чтобы государь велѣлъ пропустить въ Москву нѣсколькихъ торговыхъ гречанъ, пріѣхавшихъ въ Путивль съ товарами. Въ самой Москвѣ онъ вступается въ споры торговыхъ гречанъ между собою, принимаетъ одну сторону, оправдываетъ ее, пишетъ за нее къ царю челобитныя, обвиняетъ другую и т. п. [3]), и дѣлаетъ это, конечно, недаромъ. И менѣе честными средствами не пренебрегалъ Паисій, чтобы побольше нажиться въ Москвѣ. Изъ Соловокъ, какъ мы упоминали выше, воротился дьяконъ Агаѳангелъ и поступилъ къ Паисію, который заявляетъ царю, что у Агаѳангела, когда онъ отправлялся на Соловки, оставалась въ Никольскомъ монастырѣ коробка, а въ ней 250 мѣдныхъ рублей, которые тогда ходили за серебряные. Сердобольный Паисій проситъ теперь царя обмѣнить эти мѣдные рубли на серебряные. Но не трудно видѣть, что Ага-

[1]) 7171 г № 6
[2]) 7171 г № 1.
[3]) 7171 г №№ 6 и 18

ѳангелъ, успѣвшій обокрасть даже самого Паисія, никогда бы не оставилъ въ монастырѣ въ коробкѣ, отправляясь въ ссылку. такую крупную для тогдашняго времени сумму, какъ 250 рублей. Просто Паисій и Агаѳангелъ купили старые мѣдные рубли, какъ мѣдные, и рѣшились получить за нихъ серебряные рубли, а барыши отъ этой продѣлки подѣлили между собою. Намъ извѣстно и еще одно дѣло, которое ярко рисуетъ свиту, окружавшую Паисія, и отчасти его самого. Въ августѣ 1669 года въ Москву прибылъ Никольскаго мутьянскаго монастыря архимандритъ Христофоръ. На допросѣ онъ назвался племянникомъ александрійскаго патріарха Паисія и заявилъ, что, когда онъ пріѣхалъ въ Бѣлгородъ. то, по порученію митрополита Ѳеодосія и воеводы Петра Скуратова, ѣздилъ въ Чигиринъ къ гетману Дорошенкѣ просить объ отпускѣ удерживаемыхъ гетманомъ русскихъ плѣнныхъ и что гетманъ, ради слезнаго его прошенія, отпустилъ до 70 знатныхъ и простыхъ русскихъ плѣнныхъ. Въ Москвѣ дьяконъ Агаѳангелъ, жившій у Паисія, потребовалъ отъ архимандрита взятки, обѣщая за это «промыслить великаго государя жалованья на 1000 рублей». Когда архимандритъ отказался отъ этого предложенія, то Агаѳангелъ подговорилъ двухъ волошанъ заявить правительству, что онъ, Христофоръ, архимандритъ не настоящій, а затѣмъ вмѣстѣ съ племянникомъ Паисія отнялъ силою у архимандрита коробку съ цѣнными вещами и поставилъ ее у Паисія. Вслѣдствіе челобитья архимандрита, Паисій былъ спрошенъ относительно стоящей у него коробки. Но онъ заявилъ, что никакой коробки у него не было и нѣтъ, а за доносъ «архимандрита бранить и бить хотѣлъ». Но украденная коробка съ нѣкоторыми вещами архимандрита была, дѣйствительно, найдена у Паисія. Тогда, по указу государя, дьякъ посольскаго приказа говорилъ Паисію, «чтобъ онъ, митрополитъ, и достальные архимандритовы животы, золотые и ефимки и соболи и перстень, велѣлъ сыскать и сыскавъ прислать въ посольскій приказъ». Въ виду явныхъ уликъ противъ него Паисію оставалось одно—обидѣться, что онъ и сдѣлалъ: «и газкой митрополитъ подьячему Максиму Бурцеву сказалъ, что у него дьяконовыхъ животовъ Агаѳангела никакихъ нѣтъ и не было, а что де къ нему ми-

трополиту для такова дѣла присылаютъ и тѣмъ де ево митрополита безчестятъ, а что де племянникъ его Николай не дѣлаетъ и о томъ съ нимъ митрополитомъ не спрашивается» [1]). Это, повидимому, неважное само по себѣ дѣло однако для насъ важно въ томъ отношеніи, что оно указываетъ на ту роль, какую играли, относительно пріѣзжихъ просителей милостыни, члены свиты Паисія и не безъ его вѣдома. Они, пользуясь вліяніемъ Паисія при дворѣ, безчестно эксплуатировали пріѣзжихъ просителей милостыни и, относительно несговорчивыхъ и нежелавшихъ входить съ ними въ сдѣлку, пускали въ ходъ ложные доносы, интриги, прямое насиліе, разсчитывая на заступничество и покровительство Паисія, при чемъ полученнымъ чрезъ вымогательство они дѣлились, вѣроятно, съ самимъ Паисіемъ. Извѣстный грекъ іеродіаконъ Мелетій въ 1675 году, какъ на одно изъ своихъ видныхъ достоинствъ, указываетъ на то обстоятельство, что онъ, живя въ Москвѣ у государя, «никого не грабилъ» [2]). Очевидно, Паисій не могъ сказать про себя и этого.

Русское правительство, въ виду множества обращавшихся къ нему за милостынею восточныхъ христіанъ, постоянно нуждалось въ такихъ лицахъ, которыя бы могли давать ему свѣдѣнія на счетъ просителей милостыни, и охотно поэтому прибѣгало въ этомъ дѣлѣ къ посредству выѣзжихъ въ Россію греческихъ іерарховъ. Паисій, прибывъ въ Москву, немедленно взялъ на себя роль представителя и защитника гречанъ и греческихъ интересовъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ вершатскимъ митрополитомъ Ѳеодосіемъ, погоянинскимъ архіепископомъ Нектаріемъ, архимандритомъ московскаго греческаго Никольскаго монастыря Діонисіемъ и другими. Прибывъ въ Москву въ февралѣ 1662 года, Паисій уже въ апрѣлѣ выступаетъ ходатаемъ за одного грека Юлія Харитонова, а это показываетъ, что онъ сразу по прибытіи въ Москву занялъ здѣсь видное вліятельное положеніе и принялъ подъ свою защиту интересы разныхъ гречанъ. Въ томъ же году Паисій, вмѣстѣ съ погоянинскимъ архіепископомъ Нектаріемъ

[1]) 7177 г № 39
[2]) 7183 г № 11

и иверскимъ архимандритомъ Діонисіемъ, ходатайствуетъ за двухъ гречанъ, сосланныхъ въ Казань, чтобы ихъ возвратили въ Москву, а затѣмъ проситъ о благородномъ юношѣ грекѣ Павлѣ Николетинѣ, который поступилъ на государеву службу, чтобы ему пожалованъ былъ дворъ «ради природной его чести и пространнаго житія отца его», «а мы бы, государь, заявляютъ челобитчики, возрадовалися, *чтобы нашъ смиренный родъ у тебя великаго государя въ презрѣніи и забвеніи не былъ, и наше бъ моленіе вотще не было ж*ъ». Въ томъ же году Паисій уже однолично ходатайствуетъ за архимандрита Предтеченскаго, близъ города Серры, монастыря Леонтія. Этотъ Леонтій соединился съ Паисіемъ еще въ Молдавіи и вмѣстѣ съ нимъ прибылъ въ Москву, при чемъ успѣлъ оказать Паисію очень важную услугу—написалъ для него, какъ объ этомъ говоритъ впослѣдствіи грамата іерусалимскаго патріарха, подложныя граматы, съ которыми Паисій и явился въ Москву. Въ благодарность за эту услугу Паисій взялся выхлопотать въ Москвѣ Леонтію прибавку къ данной ему милостынѣ, въ чемъ, дѣйствительно, и успѣлъ. Въ 1664 году Паисій, Ѳеодосій, Нектарій и Аѳанасій иконійскій подаютъ государю коллективную челобитную о милостынѣ греку, у котораго сгорѣла въ Константинополѣ лавка, а въ ней чужое платье, которымъ грекъ торговалъ [1]). Но особенно рѣзко вліяніе Паисія и компаніи при московскомъ дворѣ выразилось въ двухъ слѣдующихъ случаяхъ. Въ іюнѣ 1663 года возникло извѣстное дѣло объ архимандритѣ Костамонитскаго аѳонскаго монастыря Ѳеофанѣ, который безъ царскаго позволенія ѣздилъ къ Никону въ Воскресенскій монастырь и передалъ ему грамату отъ всѣхъ аѳонскихъ монастырей и мощи священномученика Власія. Ѳеофанъ былъ сторонникомъ Никона и врагомъ Паисія, съ которымъ у него были столкновенія еще въ Молдавіи [2]), почему

[1]) 7171 г. №№ 1 и 6; 7172 г. № 28.
[2]) О своихъ прежнихъ отношеніяхъ къ Ѳеофану Паисій показывалъ: «Ѳеофанъ не греческой породы, а уроженецъ черказскихъ казаковъ.... а какъ де онъ жилъ у волоскаго владѣтеля Васильева сына у Стефана воеводы въ крестовыхъ попахъ, и онъ де ему, митрополиту, какъ онъ ѣхалъ къ великому государю, много пакости чинилъ, только де онъ все то забылъ»... Сербскій митрополитъ Ѳеодосій показалъ, «что онъ де отъ него

онъ, хорошо зная прошлое Паисія, поспѣшилъ сообщить о немъ свѣдѣнія Никону, который, опираясь на данныя, привезенныя ему Ѳеофаномъ, открыто сталъ называть Паисія не настоящимъ митрополитомъ и латынникомъ. Ѳеофанъ жестоко поплатился за свое сочувствіе къ Никону и вражду къ Паисію. Онъ былъ арестованъ и переданъ въ руки врага, Паисія, который «ево и наказывалъ и отъ всякаго дурна унималъ, и онъ де ему учинился непослушенъ». Ѳеофанъ былъ сосланъ въ Кирилловъ монастырь, при чемъ наше правительство сочлю нужнымъ узнать относительно этого обстоятельства мнѣніе греческихъ властей: «во 172, декабря въ 17 день по приказу думнаго дьяка Алмаза Иванова подъячей Ивашко Истоминъ посыланъ къ греческимъ властемъ къ митрополиту газскому Паисію, да къ сербскому Ѳеодосію, да къ погоянинскому архіепископу Нектарію и съ ними поговорить, что, по указу великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и бѣлыя и малыя Россіи самодержца, декабря въ 12 день посланъ въ Кирилловъ монастырь архимандритъ Ѳеофанъ *и въ томъ имъ нѣтъ ли какого сумнѣнія*, а за что онъ архимандритъ по указу царскаго величества сосланъ, и въ томъ имъ велѣно объявить». Греческія власти нашли, что Ѳеофанъ сосланъ за дѣло, но бывшіе при немъ старцы невинны, почему ихъ велѣно было возвратить въ Москву [1]). Другой случай: въ апрѣлѣ 1665 года малороссійскій гетманъ прислалъ въ Москву подъ крѣпкимъ карауломъ варнскаго митрополита Даніила, съ обвиненіемъ его въ томъ, что будто бы онъ, живя въ Малороссіи, подговаривалъ казаковъ, чтобы они по прежнему приняли польское подданство. На допросѣ Даніилъ показалъ: онъ де ранѣе, въ 1658 году, пріѣзжалъ въ Москву и получилъ здѣсь милостыню, но на возвратномъ пути его ограбили турки, почему онъ вторично поѣхалъ на Русь. Въ то время въ Чигиринѣ гетманомъ былъ Юрій Хмѣльницкій, который, надѣливъ его милостынею и одеждою, отпустилъ его въ городъ Лысенку на прокормленіе, и онъ про-

архимандрита пострадалъ»; то же заявилъ и погоянинскій архіепископъ Нектарій. Очевидно, что между Ѳеофаномъ, Паисіемъ и компаніей были старые личные счеты, которые теперь и отозвались на Ѳеофанѣ.

[1]) 7171 г. №№ 8 и 9.

жилъ въ тамошнемъ греческомъ монастырѣ четыре года. Когда гетманомъ сдѣлался Иванъ Брюховецкій, Даніилъ прибѣжалъ къ нему въ Коневъ, куда изъ Лысенки писалъ къ гетману тамошній полковникъ о митрополитѣ, питая къ нему недружбу, будто онъ, живя въ Лысенкѣ, подговаривалъ казаковъ поддаться польскому королю, а у него не только въ мысли ничего такого не было, но онъ не знаетъ даже ни языка черкасскаго, ни грамоты. Между тѣмъ гетманъ послалъ его въ Москву, гдѣ онъ и былъ поселенъ въ «убогихъ дому» и тутъ терпитъ неволю многое время невѣдомо за что, ибо вѣдаетъ де и гетманъ, что онъ, живя въ черкасахъ, много терпѣлъ отъ измѣнниковъ, только де въ томъ воля великаго государя, будто онъ согрѣшилъ, а чаетъ онъ, митрополитъ, что гетманъ великаго государя объ немъ не извѣстилъ, а какъ извѣститъ, то чаетъ къ себѣ царской милости и свободы, а теперь не даютъ ему жалованья царскаго и кормятъ въ монастырѣ. За опальнаго митрополита вступились тогда жившіе въ Москвѣ греческія власти: Лигаридъ, Григорій никейскій, Косьма амасійскій, которые подали государю челобитную и въ ней заявляли: «приходимъ мы, богомольцы твои, къ твоему царскому величеству къ Москвѣ отъ нечестивыхъ турокъ и терпимъ путемъ всякія напасти и бѣды, токмо надѣемся утѣшеніе пріять у твоего царскаго величества и тыя скорби всѣ забываемъ; нынѣ же слышимъ, что брата нашего варнскаго Даніила митрополита посылаютъ молитися въ нѣкоторый монастырь, *а про что, того намъ, богомольцомъ твоимъ невѣдомо, и мы о томъ вельми скорбимъ*. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, пожалуй насъ, богомольцевъ твоихъ, вели государь про того митрополита Даніила, *намъ, богомольцамъ своимъ, вину его извѣстить предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ* и его поставить отвѣщать, чтобъ вина ево явна была и ему *и намъ*, а кромѣ суда и сыску не велѣлъ бы государь его ссылать, *чтобъ намъ о томъ скорбь и печаль перестала*,— царь государь, смилуйся, пожалуй!». Просьба челобитчиковъ была уважена, имъ были объявлены вины Даніила и въ заключеніе сообщено, что Даніилъ будетъ задержанъ въ Москвѣ до пріѣзда вселенскихъ патріарховъ, которые на соборѣ и раз-

судятъ его дѣло [1]). Указанные нами случаи очень характерны: ссылая аѳонскаго костамонитскаго архимандрита Ѳеофана въ Кирилловъ монастырь, царь посылаетъ думнаго дьяка спросить Паисія и компанію: «въ томъ имъ нѣтъ ли какого сумнѣнія», приказываетъ дьяку объявить имъ, за что архимандритъ сосланъ, и когда власти отозвались, что Ѳеофанъ сосланъ за дѣло, а бывшіе съ нимъ старцы, тоже уже сосланные, ни въ чемъ не виноваты, то ихъ немедленно возвратили въ Москву. Очевидно, что Паисій, вмѣстѣ съ другими, бывшими тогда въ Москвѣ греческими властями, игралъ роль посредника между гречанами и правительствомъ. Послѣднее смотрѣло на Паисія, какъ бы на офиціальнаго представителя и защитника греческихъ интересовъ въ Москвѣ, почему безъ его вѣдома и одобренія даже не рѣшалось подвергать наказанію тѣхъ гречанъ, которые обвинялись въ какомъ-либо преступленіи. Точно такъ же и самъ Паисій вмѣстѣ съ компаніей смотрѣлъ на себя, какъ на правомочнаго представителя и защитника гречанъ предъ московскимъ правительствомъ. Когда оно хотѣло сослать митрополита варнскаго Даніила, обвиняемаго въ измѣнѣ, то Паисій, вмѣстѣ съ другими греческими властями, считаетъ себя въ правѣ вступиться въ это дѣло и формально требуетъ, чтобы имъ сообщено было, за что ссылаютъ митрополита, «ибо того намъ, богомольцомъ твоимъ, невѣдомо, и мы о томъ вельми скорбимъ», требуетъ публичнаго соборнаго разсмотрѣнія обвиненій противъ митрополита, «чтобы вина его была явна ему и намъ, а безъ суда и сыску чтобъ его не ссылали». Требованія челобитчиковъ относительно митрополита Даніила были исполнены, хотя онъ и обвинялся въ чисто политическомъ преступленіи, и потому оно не подлежало разбирательству и суду духовнаго собора. Понятно, какія побужденія руководили челобитчиковъ въ ихъ ходатайствахъ за разныхъ гречанъ: они имѣли въ виду, по ихъ собственному выраженію, чтобы «смиренный греческій родъ у тебя великаго государя въ презрѣніи и забвеніи не былъ, и наше-бъ моленіе вотще не было-жъ».

Но особенно сильное вліяніе Паисій пріобрѣлъ въ Москвѣ,

[1]) 7173 г № 15

благодаря своему вмѣшательству въ дѣло Никона, въ которомъ онъ принялъ самое живое и дѣятельное участіе, ставъ душою и руководителемъ всѣхъ враговъ этого патріарха, иниціаторомъ всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ осужденію и конечному низверженію Никона. Объ участіи Паисія въ осужденіи Никона мы будемъ говорить послѣ, а здѣсь обратимъ вниманіе только на то обстоятельство, что Паисій, судившій и рядившій въ Москвѣ дѣло Никона, авторитетно трактовавшій и рѣшавшій запутанныя русскія церковныя дѣла, въ дѣйствительности былъ не болѣе, какъ лишенный сана архіерей, и притомъ очень сомнительнаго православія. Никону, отъ преданныхъ ему гречанъ, удалось узнать прошлое Паисія, и онъ написалъ противъ него цѣлую книгу, по словамъ Паисія, «безчествующу и истощающу великія кривды мерзкія, а вящшіе, яко есмь еретикъ и волхвъ». Сущность обвиненій Никона противъ Паисія сводилась къ тому, что Паисій, какъ воспитанникъ іезуитовъ и латинскій ставленникъ, не можетъ считаться православнымъ, и его нельзя допускать, поэтому, къ участію въ дѣлахъ православной церкви; что Паисій не настоящій и запрещенный архіерей, лишенный сана іерусалимскимъ патріархомъ. Паисій на первый разъ успѣлъ оправдаться отъ этихъ тяжелыхъ обвиненій противъ него Никона, благодаря, главнымъ образомъ, подложнымъ грамотамъ, написаннымъ отъ имени константинопольскаго патріарха Діонисія, которыми онъ успѣлъ раздобыться и успокоить встревоженнаго было царя [1]). Но торжество Паисія въ

[1]) О всѣхъ этихъ обстоятельствахъ мы узнаемъ изъ записки самого Паисія, поданной имъ государю для оправданія себя отъ обвиненій, взведенныхъ на него Никономъ. Въ этой запискѣ, раздѣленной на нѣсколько параграфовъ, Паисій жалуется царю, что Никонъ мало того, что безчестилъ его на словахъ, когда онъ былъ посланъ къ нему въ Воскресенскій монастырь, но и «прислалъ мнѣ книгу безчествующу и истощающу великіе кривды мерзкіе, а вящшіе были, яко азъ есмь еретикъ и волхвъ,—подписью его укрѣпленные. Нынѣ пришли грамоты, свидѣтельствующіе *быти мя архіерея газскаго митрополита, мужа ученіемъ наказанна и премудростью украшена сего же ради судія именный и посолъ престола апостольскаго константинопольскаго поставленъ есть.* Прошу вашего царскаго величества, что есть нынѣ, еже вредитъ къ очищенію моея славы и ко объявленію моего архіерейскаго достоинства и къ разсыпанію Никоновыхъ лжепредположеній и

этомъ отношеніи было непродолжительно. 29 іюля 1668 года въ Москвѣ получена была грамата іерусалимскаго патріарха Нектарія, въ которой онъ писалъ государю о Паисіи, что тотъ былъ отлученъ и проклятъ еще его предшественникомъ патріархомъ Паисіемъ, о чемъ была послана вѣсть и александрійскому патріарху Паисію, потому что Лигаридъ въ то время служилъ въ волошской землѣ, гдѣ тогда находился и александрійскій патріархъ. Когда Нектарій сдѣлался патріархомъ, то Лигаридъ не явился къ нему, какъ бы слѣдовало, не представилъ своихъ граматъ, а уѣхалъ сначала въ волошскую, а потомъ въ черкасскую землю и тамъ писалъ граматы ложныя съ чѣмъ прійти къ тебѣ великому государю,

къ преломленію всѣхъ безчествованій сопротивника моего, яко сіе патріаршескіе грамоты, сія священно святая писанія (которыя въ дѣйствительности были подложными, какъ объ этомъ заявлялъ впослѣдствіи константинопольскій патріархъ), мою невинность свидѣтельствующая, точію да просвятятся и явны сотворятся всему синклиту, яко же и предъ всѣмъ синклитомъ обещещенъ орудіемъ лукаваго діавола Агаѳаила, которому одному повѣрилъ Никонъ и изблевалъ ядъ на меня невиннаго,—сія да будутъ по руски. Пришельникомъ и блудящимъ архіереемъ называетъ меня Никонъ и никакихъ грамотъ не имущимъ, се уже таковъ нѣсмь, и святѣйшій патріархъ Іерусалимскій Нектарій, который столько грамотъ сюды прислалъ, а николи не писалъ таковыхъ неистовыхъ и не объявлялъ вашему царскому величеству, что я такого чину человѣкъ есмь, паче же вѣдаючи, что не добрѣ склоненъ есмь къ Никону, яко явно есть изъ листа Дорофея архидьякона, который пишетъ, что я держуся боярской стороны и писалъ именемъ государевымъ грамоты къ патріархомъ, которыми доспѣваю конечное паденіе церкви восточные и явную противность, аще бы таковы граматы даны или взяты были въ руки турскіе или крымскіе, горе бы было всѣмъ христіанамъ церковнымъ и мірскимъ. Се безчестія явственныя, которыми моя слава раздирается неправедно! Для чего не писалъ, что есмь еретикъ и блудящь, безъ грамотъ мирныхъ преходяй, то надобно было писать іерусалимскому архидьякону, которой есмь отъ области іерусалимскія. Сего ради прошу, чтобъ извѣстился о томъ Никонъ настоящими грамотами патріарха Діонисія, яко имамъ вправду престолъ апостольскій святаго Филимона единаго отъ семидесяти апостолъ, понеже онъ всегда хощетъ, чтобъ показалъ грамоты или свидѣтельства патріаршескія объ архіерейскомъ достоинствѣ, которое хотя первее позналъ, когда прислалъ ко мнѣ свою грамоту, а потомъ презрѣлъ меня, что будто меня не знаетъ и не можетъ принять, яко архіерея, лживо прилагаючи, что будто я не имѣлъ являющихъ грамотъ, которыми обаче былъ есмь забражденъ іерусалимскаго патріарха (?), который меня поставилъ въ протопопы, монахи и митрополиты внутрь освященнаго гроба. Сія да возвѣстятся по русски». (7175 г. № 2).

а что въ тѣхъ граматахъ писалъ, мы того не вѣдаемъ, а кто тѣ граматы ему въ черкасскихъ городѣхъ писалъ, тотъ нынѣ человѣкъ у насъ, а у него онъ былъ архимандритомъ, имя ему Леонтій». Далѣе извѣщаетъ, что полученныя отъ государя деньги на уплату епархіальныхъ долговъ Паисій отослалъ съ своимъ племянникомъ на свою родину о. Хіосъ, а вовсе не въ епархію, которую онъ уже бросилъ 14 лѣтъ тому назадъ. «Даемъ подлинную вѣдомость, говоритъ Нектарій, что онъ (Лигаридъ) отнюдь ни митрополитъ, ни архіерей, ни учитель, ни владыка, ни пастырь, потому что онъ столько лѣтъ отсталъ и по правиламъ святыхъ отецъ есть онъ подлинно отставленъ и всякаго архіерейскаго чину лишенъ, только имянуетца Паисѣй». Затѣмъ Нектарій указываетъ на то обстоятельство, что Лигаридъ «называется съ православными православнымъ», а «латыни свидѣтельствуютъ и называютъ его своимъ. и папа римскій емлетъ отъ него на всякій годъ по двѣстѣ ефимковъ»[1]). Это говоритъ о Паисіи уже не Никонъ, а самъ іерусалимскій патріархъ. Личность Паисія теперь стала ясна: это былъ лишенный сана архіерей - авантюристъ, который явился въ Москву съ подложными граматами и, выдавая себя здѣсь за дѣйствительнаго газскаго митрополита, выпрашивая у царя милостыню для бѣдствующей своей паствы, дерзко и нагло обманывалъ царя, какъ относительно своей личности, такъ и употребленія тѣхъ денегъ, которыя онъ получалъ отъ царя на покрытіе долговъ своей мнимой епархіи. Но и этого мало: являясь въ Москвѣ въ роли строгаго ревнителя православія, уставовъ и положеній православной церкви, Паисій въ дѣйствительности сильно подозрѣвался въ латинствѣ,—латынникомъ Паисія призналъ и его собственный іерусалимскій патріархъ, а затѣмъ и патріархъ константинопольскій. Послѣ разоблаченій, сдѣланныхъ относительно Паисія іерусалимскимъ патріархомъ Нектаріемъ, которыя показали русскимъ, какъ дерзко и нагло обманывалъ ихъ во всемъ Паисій, позволительно было ожидать, что онъ будетъ отправленъ за всѣ свои продѣлки на Соловки подъ крѣпкій начал, но въ дѣйствительности этого не случилось. Русское правительство не могло рѣшиться от-

[1]) 7176 г № 22

крыто признать, что человѣкъ, отъ котораго исходили всѣ совѣты и указанія по дѣлу Никона и его противниковъ, на котораго доселѣ смотрѣли какъ на образованнѣйшаго и авторитетнаго представителя востока, въ мудрость и компетентность котораго всѣ вѣрили, котораго самъ царь слушалъ «какъ пророка Божія», — что этотъ человѣкъ былъ лишенный сана архіерей, обманщикъ и латынникъ, ловко разыгравшій передъ русскими роль судьи въ ихъ церковныхъ дѣлахъ, роль ревнителя чуждыхъ для него интересовъ православія. Съ другой стороны, ловкій и вкрадчивый Паисій, въ виду патріаршихъ на него обличеній, постарался выставить ихъ предъ царемъ дѣломъ, внушеннымъ патріарху многочисленными личными врагами Паисія, не хотѣвшими ему простить его участіе въ дѣлѣ Никона и завидовавшими его близости къ царю. Какъ бы то ни было, но только грамата Нектарія нисколько не повредила Паисію въ мнѣніи и расположеніи царя, напротивъ, принесли ему даже несомнѣнную пользу. Алексѣй Михайловичъ, благодарный Паисію за его ревностную службу въ дѣлѣ Никона, питавшій, какъ видно, искреннее расположеніе къ Паисію и видѣвшій въ его осужденіи какъ бы осужденіе всего, что было сдѣлано по совѣтамъ и указаніямъ Паисія,—рѣшился хлопотать предъ іерусалимскимъ патріархомъ о возстановленіи своего новаго друга въ его прежнемъ достоинствѣ газскаго митрополита. Онъ горячо взялся за это дѣло. Граматою отъ 13 іюля 1669 года государь, извѣщая іерусалимскаго патріарха Нектарія о московскомъ соборѣ, осудившемъ Никона, въ то же время писалъ: «извѣщаю о митрополитѣ газскомъ Паисіѣ, котораго имѣемъ въ царскомъ нашемъ дворѣ. какъ великаго учителя и переводчика нашего, да возъимѣетъ первую честь и славу, какъ и было, поелику нѣкоторые, радующіеся злу, отъ зависти злословили его предъ святительствомъ вашимъ и безчестили и извергли; тѣмъ весьма опечалились и мы, вѣдая незлобіе его и благодатство, *ибо много потрудился и постился въ странѣ нашей на соборѣ и о исправленіи Христовой церкви словомъ и дѣломъ*. Но вмѣсто того, чтобы воспріять честь, воспріялъ безчестіе и срамоту, посему просимъ написать, чтобы онъ былъ принятъ съ прежнею честью,

ибо намъ извѣстно житіе его и свидѣтельствуемъ его архіереемъ добрымъ и честнаго житія; а которые иноки его оглашали и предали, лжу сказали, ибо очи ушей вѣрнѣе. Итакъ молимъ, да пріимится прошеніе наше, вѣдая, что ни учинилось отъ зависти и ради дружбы съ человѣкомъ». Очевидно, что Алексѣй Михайловичъ сильно желалъ оправдать Паисія въ глазахъ іерусалимскаго патріарха, но кромѣ своего сильнаго желанія дѣйствительныхъ какихъ-либо вѣскихъ основаній къ тому привести не могъ. На это косвенно и указываетъ въ своей отвѣтной граматѣ на просьбу царя патріархъ Досиѳей, занявшій мѣсто Нектарія. Въ своей граматѣ, которую 23 сентября 1669 года привезъ въ Москву архимандритъ Прохоръ, Досиѳей пишетъ, что принялъ царскія граматы и «прочитали о газскомъ митрополитѣ, чтобы мы его простили, и что будто не имѣетъ вины на себѣ; а онъ, Лигаридъ, имѣетъ многія великія вины и согрѣшенія, которыя написавъ, послалъ было къ тебѣ великому государю свидѣтельства ради; только стыдъ послать насъ не допустилъ, отчего и возвратили. Только единое говоримъ, что киръ Нектарій патріархъ не таковскій, чтобы писать или говорить ложно, но такой въ правилѣ, что нынѣ иной такой архіерей разумный и богобоязный не будетъ». Затѣмъ Досиѳей сообщаетъ царю, что Паисій писалъ такія «неподобныя, хульныя, непотребныя и превознесенныя слова» о патріархѣ Нектаріи, что уже за одно это его слѣдуетъ лишить архіерейскаго достоинства. Но такъ какъ о прощеніи Паисія молитъ царь, то онъ патріархъ и согласенъ отпустить Паисію его вины и возстановить его въ прежнемъ достоинствѣ газскаго митрополита. Съ архимандритомъ Прохоромъ государь послалъ на искупленіе св. гроба 800 рублей соболями, да на 300 рублей соболей «по челобитью газскаго митрополита Паисія» и въ то же время писалъ Досиѳею: «нынѣ посланное дарованіе благоговѣйнымъ любезнымъ сердцемъ изволишь принять, *имѣя впредь добрую надежду иное и большее воспріять, когда сбудутся наши желанія о газскомъ митрополитѣ*, о коемъ молили уже черезъ два писанія, да пріиметъ миръ архіерейской и на прежнее будетъ возвращенъ достоинство, и разрѣшеніе совершенное получитъ оный митрополитъ, добре намъ заслуженный

Паисій Лигаридій». Затѣмъ, оправдывая Паисія и объясняя взведенныя на него обвиненія дѣломъ злобы его враговъ, царь снова проситъ патріарха прислать Паисію полное разрѣшеніе, «ибо онъ былъ весьма достойный посредникъ и ходатай между столь великими архіереями восточными, двумя свѣтильниками и двумя маслинами всего востока»; проситъ, чтобы и бывшій патріархъ Нектарій, (который передалъ свой престолъ Досиѳею еще при своей жизни) «равно обвинительныя, какъ и доброхотныя словеса написалъ къ намъ о митрополитѣ Паисіѣ, ради совершеннаго и послѣдняго удовлетворенія нашего, ибо свидѣтельствуемъ, что Лигаридъ всегда ублажалъ Нектарія и первое мѣсто премудрости между патріархами своего времени всегда держащимъ его исповѣдалъ» [1]). Это вторичное ходатайство царя предъ іерусалимскимъ патріархомъ о разрѣшеніи Паисія, подкрѣпленное притомъ крупною дачею, имѣло полный успѣхъ. 24 января 1670 года грекъ Родіонъ привезъ наконецъ въ Москву разрѣшительную грамату Паисію отъ Досиѳея, который формально прощалъ Паисія во всѣхъ его винахъ и согрѣшеніяхъ, повелѣваетъ ему быть по-прежнему въ архіерейскомъ достоинствѣ и чести и дѣйствовать вся церковное. Ноославъ государю разрѣшительную грамату для Паисія, Досиѳей въ то же время самому Паисію послалъ особое письмо, въ которомъ, между прочимъ, писалъ слѣдующее: «если-бъ не было ходатайства святаго царева, увѣдалъ бы святительство твое, Лигаридій, что есть Девора и кто есть мертводушные? и кто только именемъ вѣруетъ въ божественный промыслъ, *тотъ ли, кто работаетъ для папежей хійскихъ и оставилъ 15 лѣтъ паству безъ пастыря;* или кто полагаетъ душу свою за овцы? Да, увидѣлъ бы ты варвара и слѣпня. Однако, на тебѣ кончаются езоповы басни, гдѣ говорится, какъ козелъ бранилъ волка съ высокаго мѣста, ибо ты не столько великъ, сколько глупъ, безчеловѣченъ и безстыденъ, только мѣсто, гдѣ пребываешь, есть дворъ царскій,—однако, уцѣломудрись хотя отнынѣ впредь» [2]). Итакъ, Досиѳей, хотя и

[1]) 7178 г. № 6. Зап. отд. рус. и слав. археологіи рус. археол. общ. т. II, стр. 600.

[2]) Чтобы понять смыслъ намековъ крайне нелестнаго для Паисія письма Досиѳея, нужно имѣть въ виду письмо Паисія къ логофету константинопольской церкви, которое Досиѳей прислалъ государю въ обличеніе Паисія. Послѣдній пишетъ логофету: «Еще прежде сего писали мы за великую дружбу къ твоей честности, объявляя тебѣ про страданіе и печаль и труды мои, и нынѣ также пишу тебѣ всѣ дѣла сперва съ краткословіемъ. Послѣ неправедныхъ и страшныхъ отлученій и проклятій господина Парѳенія (?), что на меня наложилъ неправедно, послѣдовало и господина Нектарія больши напрасословіе, неправедный на меня судъ и оглашеніе и конечное отлученіе, будто есмь душегубитель, разбойникъ и беззаконникъ, и такъ, безъ всякаго распросу и безъ достойно вѣрныхъ свидѣтельствъ и безъ двунадесять архіереевъ, но все въ тайне учинили,—единъ Досиѳей, и тотъ мнѣ незнакомъ, который нынѣ наслѣдникъ учинился престола іерусалимскаго. И какъ мнѣ не возглашать о божественныхъ законовѣденіяхъ, когда оставили Церковь Божію вдовою, безъ пастыря, какъ горлицу пустынную, безъ покрова и безъ мужа, не обрящется жениху совокупиться; не будучи бо мужу въ Іерусалимѣ, воцарилась Девора жена; такъ нынѣ есть вчерашние и третьегоднишніе отрасли употребляются и властвуютъ, а старыхъ, что въ добродѣтеляхъ и тщаніяхъ подвизались съ малыхъ лѣтъ, наказуютъ и зазираютъ, чтобы они одни начальствовали; ни Бога ни бояся, ни людей срамясь, клевещутъ на меня въ зависти своей, чтобы получили желаніе свое, дѣлами отрицаяся вышняго и божественнаго, котораго тонкими словами исповѣдуютъ и вѣруютъ страха ради человѣческаго. Буди достоинство ихъ, гдѣ суда не чаютъ, какъ мертводушные, а я возлюбилъ душевное безмолвіе и мірской мятежъ отринулъ... Ни единаго благоденствія не видѣлъ я отъ нихъ, только на выворотъ, съ лукавымъ помышленіемъ писали было письма сперва на меня ремесла творя, слова сплетая, и тѣ ремесла были отъ многихъ лѣтъ. Нынѣ же явлено безстыдно пишутъ къ державному царю и треблаженнымъ патріархамъ такими словами оглашая, будто я измѣнникъ святыя церкви, порочнаго житія дѣлатель, иноплеменный епископъ, чужеславникъ. Если я чужеславенъ, пусть приведутъ свидѣтельство достовѣрное, ибо я трудолюбивая пчела, а не трутень...» Затѣмъ, оправдываясь отъ обвиненій въ латинствѣ и еретичествѣ указаніями на то, что онъ латинскимъ повелѣніямъ не повинуется и не мыслитъ по-латински, «а только въ ученіи ихъ общникомъ былъ», Паисій проситъ логофета, «ради прежняго душевнаго пріятельства и дружбы, заступиться за него», «чтобы неученые и ненаказанные не тщеславились и не превозносились», проситъ, чтобы онъ ходатайствовалъ словомъ и дѣломъ предъ патріархами о его скорѣйшемъ прощеніи. (7178 г. № 27).

очень неохотно, съ бранью, и только послѣ двукратныхъ настойчивыхъ предложеній царя, подкрѣпленныхъ щедрою милостынею, рѣшился наконецъ разрѣшить Паисія и возстановить его въ прежнемъ достоинствѣ газскаго митрополита. Такимъ исходомъ дѣла былъ доволенъ и царь за своего любимца и особенно Паисій, который, казалось, вполнѣ упрочилъ свое положеніе не только въ Москвѣ, но и на востокѣ, куда онъ собирался было ѣхать. Но радость царя и

торжество Паисія были очень непродолжительны. Мы не знаемъ, по какимъ причинамъ, но только не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ разрѣшенія Паисія, какъ онъ снова былъ запрещенъ, и царь снова хлопочетъ о его разрѣшеніи. Объ этомъ грустномъ для царя и Паисія обстоятельствѣ мы узнаемъ изъ граматы Алексѣя Михайловича отъ 14 августа 1671 года къ волошскому воеводѣ Іоанну Дукѣ. Эту грамату государь писалъ по челобитью Паисія. Въ ней Алексѣй Михайловичъ сообщаетъ воеводѣ, что Паисій, разрѣшенный было по просьбѣ царя патріархомъ Досиѳеемъ, чрезъ два мѣсяца, вслѣдствіе какихъ-то жалобъ на него, снова былъ запрещенъ, чему «мы, великій государь, наше царское величество, удивилися», «о чемъ и архіереи государства нашего царскаго величества имѣютъ не мало жали (жалости)», и, «понеже намъ, великому государю, нашему царскому величеству, въ другорядь къ святѣйшимъ патріархомъ притещи о прощеніи его митрополитовѣ не къ чести показася», то онъ, государь, и проситъ теперь воеводу отъ себя порадѣть объ этомъ дѣлѣ предъ патріархами, «понеже ты, говоритъ царская грамата, вящщую и частую имѣешь со блаженнѣйшими патріархами ссылку и дружбу». Въ заключеніе государь выражаетъ увѣренность получить отъ воеводы скорый и пріятный отвѣтъ вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ Паисію, при чемъ за хлопоты обѣщаетъ воеводѣ отплатить, «въ твоихъ дѣлахъ такими же мѣрами» [1]). Но увѣренность царя выхлопотать у патріарховъ чрезъ волошскаго воеводу разрѣшеніе для Паисія, какъ увидимъ, не оправдалась.

4-го мая 1672 года, по указу государя, велѣно было отпустить Паисія съ Москвы въ Палестину чрезъ Кіевъ, при чемъ ему дано было: 300 рублей деньгами, 12 подводъ до Кіева, палатка въ 5 рублей, полубъ казенный, обитъ кожею, а его людямъ—пяти человѣкамъ, по аглицкому суконну да по киндяку [2]); да ему-жъ митрополиту изъ иконной дано пять образовъ окладныхъ, «а книги, которые онъ, митрополитъ, писалъ, и на Симоновскомъ подворьи хоромы и садъ его и всякое строенье приказалъ (государь) беречь посольскаго приказа переводчику Миколаю Спотарію, а прощальную іерусалимскаго патріарха грамоту изъ посольскаго приказу отдать ему, митрополиту, съ росписью». Но въ тотъ же день, 24 мая, указомъ государя Паисій опять былъ задержанъ въ Москвѣ и отпущенъ былъ въ Палестину чрезъ Кіевъ 13 февраля 1673 года, при чемъ ему на отпускѣ всего дано было въ половину противъ прежней дачи, а его хоромы велѣно было занять переводчику Спафарію «и переводить греческіе и латинскіе книги и писать греческой и словенской и латинской лексиконъ». Отправляясь изъ Москвы, Паисій писалъ государю благодарственное письмо, въ которомъ заявлялъ, что если его найдутъ достойнымъ для какой-нибудь царской службы, то онъ будетъ вѣрно служить, чтобы по силѣ своей заплатить за многоразличное царское милосердіе. Просилъ еще царя утѣшить его на путь, чтобы онъ могъ удобно совершить его въ старости, просилъ и одежду патріаршую, которую много разъ обѣщалъ ему государь, и въ заключеніе снова проситъ государя поручать ему все, что можетъ послужить на пользу соборной церкви, къ службѣ царской и всей палаты и обѣщается возвратиться по первому царскому повелѣнію. Поѣздка Паисія на востокъ, которую онъ самъ считалъ только временною, была предпринята имъ съ цѣлью уладить свои личныя дѣла,—получить себѣ окончательное разрѣшеніе, котораго въ другой разъ ему уже не давали, несмотря на всѣ хлопоты объ этомъ царя. Именно съ цѣлью заручиться расположеніемъ патріарховъ онъ выпрашиваетъ у царя иконы, чтобы поднести ихъ патріархамъ въ подарокъ; съ этою же цѣлью онъ проситъ у государя патріаршаго облаченія и беретъ съ собою присланную ему ранѣе разрѣшительную грамату Досиѳея. Но Паисій, пріѣхавъ въ Кіевъ, измѣнилъ свое намѣреніе ѣхать на востокъ немедленно; какъ видно, онъ получилъ оттуда неблагопріятныя для себя извѣстія, и потому рѣшился остаться въ Кіевѣ. Когда кіевскіе воеводы донесли государю, что Паисій остался въ Кіевѣ и на востокъ скоро ѣхать не хочетъ, и просили распоряженія на этотъ счетъ государя, то послѣдовалъ къ воеводамъ царскій указъ: безъ особаго государева приказа никуда

[1]) Самую грамату государя къ воеводѣ Іоанну Дукѣ о Паисіи см. въ приложеніи.

[2]) «Да митрополиту жъ дано съ дворца: 4 ведра и 2 кружки ренскаго. да рыбы два прута бѣлужьихъ, да два прута осетрьихъ, связка сухихъ бѣлыхъ рыбицъ; людямъ его: пять ведеръ вина, да десять полоть ветчины».

не отпускать Паисія изъ Кіева, «а буде онъ похочетъ къ кому за Днѣпръ, или съ гречаны въ Царьградъ писать какіе письма», тѣхъ писемъ ни подъ какимъ видомъ не отсылать, а слѣдить за нимъ и его перепиской «всякими мѣрами накрѣпко» [1]). Очевидно, въ Москвѣ уже не особенно довѣряли политической благонадежности Паисія и крѣпкій надзоръ за нимъ и его перепиской считали дѣломъ далеко не лишнимъ, тѣмъ болѣе, что ревностный русскій политическій агентъ Панагіотъ, служившій въ Портѣ переводчикомъ, присылалъ сказать государю: «что-бъ не велѣлъ газскаго митрополита съ Москвы отпускать, чтобы онъ не учинилъ въ Царьградѣ и въ иныхъ мѣстахъ какого дѣла съ простодушія своего (?)» [2]). Между тѣмъ, Паисій, отъ 8 ноября 1675 года, жалуется государю изъ Кіева «на горестное жизни своея состояніе»; извѣщаетъ, что іерусалимскій патріархъ Досиѳей разрѣшилъ его, по проситъ за это подарка, а за подарокъ онъ могъ бы добыть разрѣшеніе и отъ константинопольскаго патріарха; жалуется на кіевскаго архіерея «въ непорядкахъ и взяткахъ обращающагося», что онъ на одной литургіи ставитъ многихъ священниковъ и дьяконовъ. Письмомъ отъ 15 декабря того же года Паисій благодаритъ государя за совѣтъ опять возвратиться ему въ Москву, жалуется на кіевскихъ воеводу и митрополита, «не внимающихъ гласу его о учиненіи ему вспоможенія и дачи нужныхъ вещей», описываетъ невоздержаніе кіевскаго духовенства, проситъ прибавить ему корму, денегъ и оставить его въ Кіевѣ, гдѣ онъ, пребывая съ благочестивыми мужами, упражняется въ чтеніи и сочиненіи богословскихъ вещей, хотя и не имѣетъ доступа въ библіотеку академическую. Въ письмѣ отъ 16 іюля 1674 года Паисій жалуется государю на іерусалимскаго патріарха Досиѳея, медлящаго прислать ему разрѣшеніе отъ запрещенія (подъ коимъ онъ восемь лѣтъ уже страждетъ), и единственно потому, что ожидаетъ себѣ отъ Паисія присылки подарковъ: проситъ государя дозволить ему служить въ Кіево-Софійскомъ соборѣ архіерейское служеніе, предсказываетъ, что царь освободитъ отъ турокъ греческій народъ и овладѣетъ Константинополемъ [1]). Отъ 1 августа того же года Паисій писалъ къ боярину Артамону Матвѣеву о волошскихъ и мутьянскихъ посланцахъ, ѣхавшихъ въ Москву съ заявленіемъ о подданствѣ Россіи, при чемъ они обратились де въ этомъ важномъ дѣлѣ къ посредству его, Паисія, «потому что въ чужихъ странахъ слышали имя его и что чрезъ него могутъ принести пользу всѣмъ христіанамъ». Затѣмъ онъ проситъ боярина, вмѣсто милостыни, исходатайствовать ему у государя позволеніе служить по-архіерейски и извѣщаетъ, что денегъ въ Кіевѣ собираютъ много, а кому и на что, неизвѣстно, и проситъ учинить розыскъ, куда обращаются доходы митрополита [2]). 21 августа 1675 года послѣдовалъ указъ государя кіевскому воеводѣ князю Голицыну, что съ Москвы былъ отпущенъ газскій митрополитъ, и велѣно ему пожить въ Кіевѣ до царскаго указу, теперь же митрополиту повелѣвается изъ Кіева ѣхать въ Москву немедленно, «а буде онъ, митрополитъ, изъ Кіева къ Москвѣ ѣхать не похочетъ, и вы бы, давъ ему подводы и кормъ и пристава, къ намъ, великому государю, къ Москвѣ изъ Кіева его выслали». Этотъ строгій указъ о немедленной доставки Паисія изъ Кіева въ Москву, хотя бы и противъ его воли, сильно встревожилъ Паисія. «Не отврати свѣтлѣйшаго лица твоего, писалъ онъ тогда царю, отъ меня, смиреннаго богомольца твоего, яко погибну душою и тѣломъ и больше печалюсь, понеже не знаю вины толикаго возвращенія, да плачу о согрѣшеніи своемъ». По прибытіи въ Москву онъ не былъ допущенъ къ государю и обратился наконецъ къ боярину Матвѣеву съ письмомъ, въ которомъ заявляетъ, что не знаетъ уже, къ кому и обращаться, истомляясь голодомъ и жаждою, ибо его пересылаютъ изъ приказа въ приказъ, а онъ задолжалъ отъ долгаго пути, и изъ дому его не пускаютъ, а въ домовой церкви даже не имѣетъ церковнослужителей; но ужели, при общей заботѣ такого обширнаго царства, не попекутся объ одномъ лишь бѣдномъ архіереѣ? Не знаетъ онъ, чѣмъ согрѣшилъ и былъ

[1]) 7181 г № 1
[2]) 7180 г. № 25

[1]) „Реестръ греческимъ грамотамъ“ № 137; 1673 г. ноябрь 8 и декабрь 15; 1674 г. іюль 16.
[2]) 7183 г № 4.

ли когда медленъ въ исполненіи царскихъ повелѣній. Если уже нельзя ему видѣть царя, то да позволено ему будетъ видѣть хотя боярина, ибо молва идетъ, что онъ подпалъ подъ царскій гнѣвъ, чего Боже избави» [1]). Очевидно, вліяніе и положеніе Паисія въ Москвѣ сильно пошатнулись подъ конецъ царствованія Алексѣя Михайловича. Своею борьбою съ Никономъ, своимъ вмѣшательствомъ въ русскія церковныя дѣла, своими выходками противъ іерусалимскаго патріарха Нектарія и другихъ, своими доносами московскому правительству о безпорядкахъ въ епархіальномъ кіевскомъ управленіи, Паисій повсюду въ Москвѣ, на востокѣ, въ Кіевѣ—создалъ себѣ многочисленныхъ враговъ, которые, по его собственному сознанію, всячески старались вредить ему въ мнѣніи царя. Со смертью Алексѣя Михайловича положеніе Паисія въ Москвѣ сдѣлалось совсѣмъ неловкимъ, особенно въ виду сильнаго нерасположенія первыхъ годовъ царствованія Ѳеодора къ грекамъ вообще. За это время жизни Паисія въ Москвѣ до насъ дошли два латинскихъ письма Паисія отъ 15 февраля 1676 года, писанныя имъ по порученію правительства. Одно письмо къ кардиналу Барберини, а другое—къ стриганійскому архіепископу Келефино, коими, изъявляя неудовольствіе русскаго двора по причинѣ несогласія папы дать государю Алексѣю Михайловичу царскій титулъ, совѣтуетъ, дабы они склонились титулъ сей дать сыну помянутаго государя, царю Ѳедору Алексѣевичу [2]). Это была послѣдняя служба Паисія русскому правительству. Въ томъ же году онъ просилъ государя отпустить его въ его епархію, и перваго сентября государь указалъ, а бояре приговорили отпустить Паисія съ людьми его, по его обѣщанію, въ Палестину, въ какія мѣста онъ ѣхать захочетъ, а на отпускѣ жалованья не дали, такъ какъ оно было ему дано въ 1674 году, а дали ему только 50 рублей на расплату съ долгами и на кормъ [3]). Но Паисій, какъ и прежде, въ Палестину не поѣхалъ, а остался въ Кіевѣ, гдѣ и умеръ. 14 сентября 1678 года кіевскій воевода Михаилъ Андре-

[1]) 7184 г. №№ 7 и 8.
[2]) Реэстръ греческимъ грамотамъ—№ 137; 1676 г. февр. 15.
[3]) 7185 г. № 1.

евичъ Голицынъ доносилъ государю, что въ 186 году (1678 г.) августа 24, Паисія Лигарида въ Кіевѣ не стало, «а тѣло его поставлено въ братскомъ монастырѣ въ склепу, а не погребено», при чемъ воевода прислалъ и роспись оставшагося послѣ Паисія имущества. Указомъ государя отъ 30 сентября велѣно было тѣло Лигарида погребсти въ братскомъ монастырѣ, а имущество его передать въ тотъ же монастырь на поминъ его души [1]).

Сказаннаго нами вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, что такое былъ Паисій. Это былъ запрещенный архіерей-авантюристъ, лишенный своимъ патріархомъ каѳедры и сана, но съ замѣчательною смѣлостью, благодаря подложнымъ граматамъ, долго разыгрывавшій въ Москвѣ роль дѣйствительнаго газскаго митрополита, выпрашивавшій у царя значительныя суммы на уплаты долговъ своей несуществующей епархіи. Въ одно время, опять благодаря подложнымъ граматамъ, Паисій выдавалъ себя въ Москвѣ за экзарха константинопольскаго патріарха, уполномоченнаго для суда надъ Никономъ и рѣшенія русскихъ церковныхъ дѣлъ, хотя въ дѣйствительности какъ въ Іерусалимѣ, такъ и въ Константинополѣ его не считали даже православнымъ, а причисляли къ латынникамъ. Для тогдашняго времени Паисій былъ человѣкъ образованный и даже ученый, но образованность и ученость служили для него только эффектной декораціей, за которой постоянно скрывались самыя нечистыя побужденія и стремленія, порождаемыя эгоизмомъ и корыстолюбіемъ. Его самомнѣніе и ученое самохвальство, его безпокойное стремленіе вмѣшиваться во все и во всемъ играть первую, рѣшающую роль,—роль иниціатора и авторитетнаго совѣтчика, его нечестность и интриги должны были, въ мнѣніи большинства русскихъ, ронять значеніе самой учености и образованности. Простымъ, необразованнымъ русскимъ и самая ученость, представляемая такою во всѣхъ отношеніяхъ сомнительною личностью, какъ Паисій, есте-

[1]) Греческіе статейные списки—№ 12, стр. 1098 и 1107. Приведенное нами донесеніе кіевскаго воеводы государю о смерти Паисія и указъ государя о погребеніи Паисія въ братскомъ монастырѣ вполнѣ разрѣшаютъ вопросъ. (оставшійся доселѣ открытымъ), о времени смерти Паисія и мѣстѣ его погребенія.

ственно должна была показаться очень подозрительною; наблюдая и изучая ученаго Паисія большинство русскихъ не могло придти къ мысли, что старое предубѣжденіе русскихъ противъ грековъ, особенно ученыхъ, ошибочно и несправедливо.

Точно такое же впечатлѣніе на русскихъ долженъ былъ производить и другой ученый грекъ, жившій въ это время въ Москвѣ,—такъ называемый Арсеній грекъ, знаменитый справщикъ книгъ при патріархѣ Никонѣ. Если враги книжныхъ исправленій Никона считали Арсенія человѣкомъ крайне ненадежнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, даже прямо еретикомъ, внесшимъ свои ереси въ русскія богослужебныя книги, и видѣли въ немъ главнаго виновника всѣхъ церковныхъ новшествъ, введенныхъ при Никонѣ, то всѣ православные писатели до послѣдняго времени твердо настаивали, что Арсеній былъ не только человѣкъ ученый, но и строгій ревнитель православія. Какъ человѣкъ образованный и ревностный къ православію, онъ, будто бы, сталъ въ Москвѣ горячо обличать неправоту русскихъ обрядовъ и порчу ихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, чѣмъ онъ собственно и возбудилъ противъ себя злобу невѣжественныхъ приверженцевъ русской старины. Они даже совсѣмъ было успѣли, пользуясь слабостью патріарха Іосифа, сгубить этого образованнаго и ревностнаго къ православію старца грека, обвинивъ его въ небываломъ еретичествѣ, уніатствѣ и т. п., вслѣдствіе чего онъ и былъ сосланъ на Соловки. Но Никонъ сумѣлъ понять и оцѣнить этого образованнаго, пострадавшаго за ревность къ православію грека, онъ возвратилъ его изъ Соловецкаго монастыря и поручилъ ему исправленіе русскихъ богослужебныхъ книгъ. Найденное нами слѣдственное дѣло объ Арсеніи грекѣ вполнѣ выясняетъ предъ нами дотолѣ темную личность Арсенія и даетъ твердыя данныя для сужденія, справедливы или несправедливы были на него нападки первыхъ противниковъ книжныхъ исправленій при Никонѣ [1]).

[1]) Упомянутое найденное нами слѣдственное дѣло объ Арсеніи грекѣ было нами напечатано въ Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, въ іюльской книжкѣ 1881 года.

Въ 1649 году, въ январѣ, прибылъ въ Москву за милостынею іерусалимскій патріархъ Паисій. Въ свитѣ, сопровождавшей патріарха, находился между другими и патріаршій дидаскалъ іеромонахъ Арсеній. Этотъ Арсеній, получившій, по тогдашнему времени, хорошее образованіе и къ тому же знавшій славянскій языкъ, былъ въ Москвѣ вполнѣ желанный человѣкъ, въ какомъ тогда у насъ особенно нуждались. Русское духовное и свѣтское правительство, т.-е. царь и патріархъ, усиленно хлопотали въ то время о розыскѣ на востокѣ лицъ ученыхъ, образованныхъ, о привлеченіи ихъ въ Москву для учительства, для переводовъ книгъ, для рѣшенія разныхъ возникавшихъ церковныхъ вопросовъ, въ родѣ тѣхъ, какіе, напримѣръ, были подняты Арсеніемъ Сухановымъ въ его преніяхъ съ греками о вѣрѣ. Русскіе хотѣли имѣть у себя учителей-грековъ не только образованныхъ, но и строго православныхъ, хотѣли, чтобы учитель «не имѣлъ бы никакого пороку въ благочестивой вѣрѣ». Такимъ именно человѣкомъ, удовлетворявшимъ, повидимому, всѣмъ требованіямъ русскихъ, и былъ патріаршій дидаскалъ Арсеній, къ тому же знавшій и славянскій языкъ. За его религіозную и нравственную благонадежность ручалось русскимъ то обстоятельство, что не могъ же іерусалимскій патріархъ имѣть у себя дидаскаломъ человѣка сомнительнаго православія и нравственно неблагонадежнаго. Съ согласія и одобренія іерусалимскаго патріарха, Арсеній былъ оставленъ въ Москвѣ въ качествѣ учителя риторики. Но Арсенію пришлось учительствовать очень недолго. Едва патріархъ, по выѣздѣ изъ Москвы, успѣлъ доѣхать до Кіева, какъ уже прислалъ въ Москву доносъ на Арсенія, въ которомъ писалъ: «буди вѣдомо, благочестивый царю, про Арсенія, который остался въ царствіи вашемъ, да распросите его добрѣ, понеже онъ не утвержденъ въ вѣрѣ своей благочестивой христіанской; а онъ былъ прежде инокъ и священникъ и шедъ бысть бусурманъ, и потомъ бѣжалъ къ ляхамъ и бысть у нихъ учинился уніятомъ и имѣетъ на себѣ великое злое бездѣліе, и распросите его добрѣ и будете обрѣсти вся. А тѣ старцы, которые пришли отъ гетмана, мнѣ все сказали подробну, и велите распросить, великое ваше царствіе, што мнѣ тѣ старцы разсказывали и лю-

ди Матвѣя воеводы, есть ли будетъ такъ, или нѣтъ по тому, что писалъ я къ патріарху господину Іосифу, брату и сослужителю. Утишите притчу ту лучши, что (пока) онъ самъ есть (тутъ), штобы не было разврата церковнаго; и паки азъ буду провѣдати подлинно и буду писать къ великому вашему царствію, понеже есми долженъ, што ни услышу, то извѣщати и писати, потому что не подобаетъ въ нивѣ терну пребывати, чтобы не наполнилась нива вся терніемъ, и надобно отженуть такожде и тѣхъ, *которые имѣютъ ересь и есть двоеличны въ вѣрѣ*, потому что я его обрѣлъ въ Кіевѣ, и зная онъ тотъ языкъ, говорилъ съ полковникомъ, и я взялъ его, а онъ не мой старецъ, какъ есми сказалъ я приставу, — о беззаконіи, что имѣетъ, я не вѣдалъ. А нынѣ есми провѣдалъ и пишу вашему царствію, да будете соблюдатися отъ таковыхъ человѣкъ, *чтобы не осквернялі церквей Христовыхъ такіе поганые и злые люди*» [1]).

Этотъ неожиданный доносъ патріарха на своего бывшаго дидаскала произвелъ въ Москвѣ подобающее впечатлѣніе,— надъ Арсеніемъ велѣно было немедленно произвести слѣдствіе. Допрашивать его назначены были: бояринъ Никита Ивановичъ Одоевскій, да думный дьякъ Михаилъ Волошениновъ. Они поставили Арсенію слѣдующіе вопросы: изъ котораго онъ государства родиною, гдѣ воспитывался и учился, гдѣ постриженъ и какъ давно, и, постригшись, былъ ли въ іерействѣ; въ Римѣ и Польшѣ и въ иныхъ государствахъ онъ бывалъ ли, и если бывалъ, то для чего и сколько лѣтъ жилъ онъ въ Римѣ и Польшѣ? Отвѣчая на эти вопросы, Арсеній показалъ: родомъ онъ грекъ изъ Турціи, отецъ его Антонъ былъ «попъ и строитель города Трикала въ великомъ новомъ селѣ». Ихъ у отца пять братьевъ, которые всѣ и нынѣ живы, и онъ Арсеній младшій, «а знатцы де на него Арсенія есть здѣсь на Москвѣ выѣзжіе гречане одного города». Крещенъ былъ въ младенчествѣ, и отецъ говорилъ ему, что воспріемникомъ его былъ мѣстный архіепископъ, имя котораго онъ не упомнитъ. Отецъ научилъ его грамотѣ и церковному кругу, а послѣ того братъ его архимандритъ Аѳанасій [2]) взялъ его съ собою вмѣстѣ въ

[1]) 7157 г. № 7.

[2]) Этотъ архимандритъ Аѳанасій сдѣлался потомъ архіепископомъ города Фонара и по письму своего брата Арсенія въ 1658 году пріѣзжалъ въ Москву, гдѣ и получилъ обычную архіепископскую милостыню.

Венецейскую землю всего четырнадцати лѣтъ для ученья. Въ Венеціи онъ былъ годъ, выучился тамъ грамматикѣ и изъ Венеціи тотъ же братъ свезъ его въ Римъ для ученья же. Въ Римѣ онъ прожилъ пять лѣтъ и учился въ школѣ «амирова и аристотелева ученья и седмь соборовъ. А какъ де дошло до 8-го и до 9-го собору, и у нихъ де, по папину указу, на то приводятъ, присягать велятъ съ клятвою, будетъ имъ то ученье принять, и онъ де къ нимъ пріобщиться и въ римской вѣрѣ быть съ ними за одно и 8-ый и 9-ый соборы держать, а безъ присяги и безъ клятвы де того ученья никому не открываютъ и учить не велятъ, и онъ де, видя то, прикинулся себѣ больнымъ и изъ Риму съ ѣхалъ для того, чтобы ему отъ греческіе вѣры не отпасть». На вопросъ: у кого онъ жилъ въ Римѣ, отъ кого пріобщался святыхъ таинъ, или онъ «пріималъ сакраментъ», Арсеній объяснилъ, что жилъ онъ въ Римѣ при греческой церкви Аѳанасія Великаго, при которой живетъ греческій православный митрополитъ съ пятью или шестью старцами, съ ними жилъ и онъ, Арсеній. Пріобщался онъ святыхъ таинъ у своего митрополита, «а сакраменту не пріимывалъ, да и митрополитъ де держитъ 7 соборовъ, а 8-го и 9-го не держитъ и къ папѣ не пріобщается, а какъ де папа велитъ ему быть къ себѣ на соборы, и онъ де на соборы къ нему ходитъ и за папу Бога молитъ». Противъ этого показанія Арсенія ему замѣчено было, что онъ говоритъ ложно, будто при той греческой церкви, при которой онъ жилъ въ Римѣ, митрополитъ православный, а не уніатъ, ибо папа всѣхъ старается дѣлать уніатами и всѣмъ, которые бываютъ въ Римѣ, не только въ школахъ, но и плѣннымъ выходцамъ «сакраментъ даетъ»,—«да и потому явно того митрополита въ папѣ пріобщенье, что онъ къ нему на соборы ходитъ и за него Бога молитъ, а онъ, Арсеній, былъ ему сообщникъ и уніатъ, и ему надобно принести чистое покаяніе къ Богу, а вина своя принести къ государю и сказать правду». Но Арсеній настаивалъ, что онъ въ уніатствѣ не былъ, сакраменту не пріимывалъ и, «не хотя

римской вѣрѣ пріобщиться, изъ Риму пріѣхалъ въ Венецейскій городъ Бадодъ (?) и былъ въ томъ городѣ три года—учился философскимъ наукамъ и лекарственному ученью». Изъ Бадода онъ пріѣхалъ въ Царьградъ къ брату своему архимандриту Аѳанасію и хотѣлъ здѣсь постричься, «и они де постричь его не хотѣли, чая того, что онъ въ римской вѣрѣ, и онъ де имъ сказалъ, что онъ въ Риму и Венецѣе былъ въ православной греческой вѣрѣ, а въ римской не бывалъ и при нихъ тое римскую вѣру проклялъ трижды». Тогда братья порѣшили его женить, но онъ отказался отъ этого и постригся, имѣя 23 года, а на другой годъ былъ поставленъ въ діаконы, а вскорѣ потомъ и въ попы ларисскимъ епископомъ Каллистомъ. «А послѣ того вскоре-жъ тотъ же епископъ поставилъ его на Скаѳѣ островѣ въ Богородицкій монастырь въ игумены, и былъ онъ въ томъ монастырѣ игуменомъ шесть мѣсяцевъ» [1]). Изъ монастыря онъ отправился въ городъ Хію купить книгъ—семь соборовъ, но книгъ здѣсь не добылъ и отправился въ Царьградъ, гдѣ у одного знатнаго грека сдѣлался учителемъ его сына. Изъ Царьграда пріѣхалъ въ мутьянскую землю къ воеводѣ Матвѣю и жилъ у него три мѣсяца, а отъ Матвѣя переѣхалъ къ молдавскому воеводѣ и жилъ у него два года. Изъ Молдавіи Арсеній пробрался въ Польшу во Львовъ городъ, «а во Львовѣ ему сказали, что есть школа въ Кіевѣ, а безъ королевскаго де листа въ ту школу его не примутъ, и онъ де Арсеній ѣздилъ о томъ бити челомъ ко Владиславу королю въ Варшаву. А у короля въ то время была болѣзнь камень, а другая у него болѣзнь была чечюй, и какъ де королю сказали, что онъ, Арсеній, лѣкарствомъ навыченъ, и король де велѣлъ ему себя лѣчить, и онъ де лѣкарства ему давалъ, и вышелъ у него камень не малъ, а чечюй де у короля дохтуры рѣзали и отъ того королю была болѣзнь большая, и шла кровь многая, и онъ де Арсеній отъ тое болѣзни давалъ королю пыль присыпать, и отъ того де у него болѣзнь засохла, и кровь перестала, и король далъ ему въ Кіевъ къ митрополиту Селивестру Косову отъ себя

[1]) Архіепископъ скіатскій и сконійскій Каллистъ пріѣзжалъ въ Москву за милостынею въ 1653 году. Skiathos—небольшой островокъ противъ Ѳессаліи

листъ, чтобы его въ школу приняли». Арсенію говорили, что государю стало подлинно извѣстно, что онъ Арсеній былъ уніатомъ и, оставя чернечество и іерейство, сдѣлался бусурманъ, а изъ бусурманства былъ опять въ уніатствѣ жъ, чтобъ онъ говорилъ правду. Но Арсеній рѣшительно наставалъ, что всѣ взведенныя на него обвиненія безусловно ложны, «а буде де кто въ томъ его уличитъ, что онъ былъ уніатомъ и бусурманомъ, и царское бъ величество велѣлъ съ него кожу снять,—въ томъ онъ у государя милости не проситъ». Въ виду запирательства Арсенія ему погрозили осмотромъ,—когда бусурманство его будетъ явно, и ему уже нельзя будетъ оправдаться. Тогда Арсеній, хотя и не вполнѣ, пошелъ на признанія. По словамъ Арсенія, константинопольскій патріархъ Парееній, «знаючи его отца и племя», хотѣлъ его поставить коронскимъ епископомъ, но объ этомъ узналъ визирь, и такъ какъ Арсеній нѣкогда жилъ въ Венеціи, то визирь и подумалъ, что Арсеній купилъ эту епископію у патріарха съ тѣмъ, чтобы передать ее венеціанамъ, съ которыми у турокъ тогда только что начиналась война. Его взяли къ визирю, «и было ему истязанье многое, и платье съ него и камилавку снимали и чалму на него клали и вкинули его въ тюрьму, и сидѣлъ де въ тюрьмѣ недѣли съ двѣ, а изъ тюрьмы ушолъ въ мутьянскую землю, а обусурманенъ не былъ». Арсенію объявили, что іерусалимскій патріархъ писалъ о немъ, что онъ былъ уніатъ, потомъ бусурманъ, а потомъ опять уніатъ, а патріарху сказали объ этомъ въ Кіевѣ старцы, прибывшіе отъ гетмана, такъ что онъ, дѣйствительно, «во всемъ еретикъ и дьяволъ».—На это Арсеній отвѣтилъ, что уніатомъ и бусурманомъ онъ никогда не былъ, и кіевскіе старцы сказали на него патріарху ложно, «какъ де по навѣту отъ визиря сидѣлъ онъ въ тюрьмѣ, и было ему мученье, и онъ де о томъ, извѣстилъ ерусалимскому патріарху Паисѣю и во всемъ исповѣдывался, и патріархъ де его во всемъ простилъ. А какъ де надъ нимъ у визиря было и про то ему нынѣ сказать не мочно, а вѣдаетъ де про то іерусалимскій патріархъ Паисѣй». Арсенію выговаривали, что онъ все лжетъ, такъ какъ іерусалимскій патріархъ писалъ о немъ государю, «что онъ по ся мѣсто злыхъ его (Арсенія) дѣлъ не вѣдалъ, а только-бъ ероса-

лимскому патріарху про то было вѣдомо, и онъ бы его для риторскаго ученья въ Московскомъ государствѣ, вѣдая его воровство, не оставилъ»; самому Арсенію слѣдовало извѣстить о себѣ царю и патріарху, «а таить было такого злаго дѣла за собою не довелось. А то знатно, что онъ своимъ еретическимъ вымысломъ хотѣлъ и въ московскомъ государствѣ свое злое дьявольское ученіе ввесть и православнымъ христіанамъ во благочестивой вѣрѣ еретическіе плевелы сѣять; а только въ онъ въ московское царство пріѣхалъ не для такого злаго дѣла, и ему такое дѣло за что было таить? а въ московскомъ государствѣ православная вѣра сіяетъ много лѣтъ и отъ такихъ зловѣрныхъ еретиковъ и отъ ихъ плевельныхъ ученій отвращается и ни въ чемъ согласія ихъ не пріемлютъ, и его злой умыслъ всесильный Господь Богъ свыше узрилъ и въ томъ его воровствѣ обличилъ». «И Арсеній говорилъ: въ томъ де онъ предъ Богомъ грѣшенъ и предъ нимъ, государемъ, виноватъ, что такого дѣла царскому величеству не извѣстилъ, а обусурманенъ де онъ неволею, а какъ де онъ послѣ того пришелъ въ волошскую землю, и митрополитъ де янинской Іоасафъ [1]) его Арсенія въ вѣрѣ исправилъ и миромъ помазывалъ, да и іерусалимскому де патріарху Паисѣю онъ про то объявилъ же и покаяніе принесъ, и патріархъ де въ томъ его простилъ и благословилъ, и грамоту прощальную и благословенную патріархъ ему далъ, и та де патріархова грамота и нынѣ у него. А государю де не извѣстилъ онъ для того, что его Паисѣй патріархъ простилъ и служить велѣлъ, а остался де онъ въ Москвѣ не своею волею, про то де извѣстно великому государю». Къ этимъ показаніямъ Арсеній собственноручно подписался, что они истинны.—«Лѣта 7157 г., іюля въ 27 день. по государеву цареву указу боярину и дворецкому князю Алексѣю Михайловичу Львову, да дьякомъ Ивану Ѳедорову, да Давыду Дерябину, да Смирному Богданову указалъ государь: сослать съ Москвы, подъ началъ въ Соловецкій монастырь *для исправленія православныя христіанскія вѣры* пріѣзжаго грековина старца Арсенья и велѣлъ его въ Соловецкомъ

[1]) Этотъ янинскій митрополитъ Іоасафъ былъ въ Москвѣ въ 1653 году и получилъ государева жалованья 60 рублей

монастырѣ отдати подъ крѣпкое начало, а пищу и одежду и обувь велѣлъ государь давати ему братцкую». Въ граматѣ къ соловецкому игумену повелѣвается ему, когда въ монастырь привезутъ Арсенія, отдать его подъ крѣпкій началъ уставщику старцу Никодиму, береженье къ нему имѣть большое (до Соловокъ Арсенія везли скованнымъ) и изъ монастыря его никуда не отпускать. Другою граматою отъ 31 іюля къ соловецкому игумену Ильѣ съ братіею повелѣвается сосланнаго въ ихъ монастырь на вѣчное житье *за еретичество* греченина чернеца Арсенія держать на Соловкахъ въ земляной тюрьмѣ, въ крѣпости [1]).

Изъ слѣдственнаго дѣла объ Арсеніи грекѣ оказывается, что Арсеній былъ воспитанникъ греческой іезуитской коллегіи въ Римѣ, имѣвшій спеціальною цѣлью воспитывать грековъ-уніатовъ, какимъ, безъ сомнѣнія, сдѣлался и Арсеній. Трудно и даже невозможно предположить, чтобы четырнадцатилѣтній мальчикъ, попавшій въ руки отцовъ-іезуитовъ, могъ оказать какое-либо серьезное сопротивленіе ихъ вліянію. Уже по самому своему возрасту онъ не могъ еще хорошо понимать особенностей православія и католичества, а потому безъ всякаго сопротивленія отдался водительству искусныхъ въ дѣлѣ совращенія своихъ учителей. Когда онъ прибылъ въ Константинополь, то его собственный братъ, архимандритъ Аѳанасій, не хотѣлъ его постригать на томъ основаніи, что въ Римѣ Арсеній сдѣлался латинянином. Своими собственными родными братьями Арсеній принужденъ былъ, если вѣрить его показанію, торжественно проклясть латинство и сдѣлался православнымъ, но не надолго. Онъ вскорѣ вовсе отказался отъ христіанства и принялъ магометанство,—добровольно или вынужденно, какъ завѣрялъ самъ Арсеній, сказать трудно. Оставивъ Константинополь и поселившись въ Валахіи, а потомъ въ Молдавіи, Арсеній, попавши здѣсь въ православную среду, дѣлается христіаниномъ снова и притомъ, по требованію наличныхъ обстоятельствъ, православнымъ. Перебравшись во Львовъ, онъ опять дѣлается уніатомъ, ѣдетъ въ Варшаву и живетъ здѣсь нѣкото-

[1]) 7157 г. № 33; 7174 г. № 34. Реэстръ приказнымъ дѣламъ, книга 2, связка 234, № 68

рос время при дворѣ польскаго короля и наконецъ посылается послѣднимъ въ кіевскую православную школу въ качествѣ учителя,—конечно въ видахъ пропаганды здѣсь унiатства. Прибывъ въ Москву, Арсеній заявляетъ себя здѣсь строго православнымъ и, будучи затѣмъ на Соловкахъ подъ строгимъ началомъ, онъ могъ, какъ требовали тогда отъ него обстоятельства, умиляться при созерцаніи процвѣтанія и строгости русскаго благочестія, плакаться, вмѣстѣ съ соловецкими иноками, на упадокъ истинной вѣры и настоящаго благочестія у грековъ, могъ, въ тонъ соловецкимъ старцамъ, изъ всѣхъ силъ подхваливать русское благочестіе, ставить его во всѣхъ отношеніяхъ несравненно выше греческаго и т. п. Очевидно, Арсеній былъ человѣкъ нравственно совсѣмъ искалѣченный даннымъ ему іезуитскимъ воспитаніемъ, человѣкъ, которому ничего не стоило мѣнять свои религіозныя убѣжденія, смотря по требованію обстоятельствъ: съ латинами онъ былъ латинянинъ, съ мусульманами — мусульманинъ, съ православными—православенъ, съ соловецкими иноками—горячій поклонникъ русскаго благочестія и хулитель греческаго. Арсеній, такъ же какъ и Паисій Лигаридъ, воспитывавшійся въ одной съ нимъ школѣ, принадлежалъ къ разряду тѣхъ авантюристовъ, какихъ въ то время было не мало между греками, которые, подъ лоскомъ внѣшняго образованія, скрывали въ себѣ самый грубый эгоизмъ, полное отсутствіе убѣжденій, продажность, готовность на все изъ-за личной выгоды, изъ желанія играть видную роль. Обуреваемые нечистыми пожеланіями, безпокойно бродили они съ мѣста на мѣсто, предлагая всюду и всѣмъ свои продажныя услуги, готовые торговать и совѣстью, и религіею, и своими учеными знаніями, лишь бы только нашелся покупщикъ, который бы хорошо платилъ за ихъ послуги. Понятно, само собою, что Никонъ поступилъ крайне неосторожно, когда взялъ Арсенія изъ Соловокъ съ собою въ Москву и поручилъ ему здѣсь исправлять русскія церковно-богослужебныя книги. Вѣдь самъ іерусалимскій патріархъ призналъ Арсенія еретикомъ, человѣкомъ крайне опаснымъ для православія, и потому совѣтовалъ его, какъ зловредный тернъ, немедленно удалить съ православной русской нивы, чтобы не вышло отъ него какого-либо «церковнаго разврата?». Само русское правительство официально признало Арсенія зловѣрнымъ еретикомъ, который *„своимъ еретическимъ вымысломъ хотѣлъ и въ московскомъ государствѣ свое злое дьявольское ученіе ввесть и православнымъ христіанамъ во благочестивой вѣрѣ еретическіе плевелы сѣять“* — какъ же можно было подобному человѣку поручить исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ? Если Никонъ самъ лично увѣрился въ полной невинности Арсенія, въ его всегдашней строгой приверженности и преданности православію, въ его полной пригодности для книжныхъ церковныхъ исправленій, то онъ обязанъ былъ, въ такомъ важномъ и щекотливомъ дѣлѣ, руководствоваться не только личнымъ усмотрѣніемъ и личною увѣренностью, но и брать во вниманіе совѣсть немощныхъ, которыхъ крайне смущало довѣріе патріарха къ уличенному въ неправославіи и за ересь сосланному на Соловки Арсенію. Если Арсеній открыто и официально былъ обличенъ въ ереси и за еретичество сосланъ на Соловки, то Никону, прежде чѣмъ освобождать Арсенія изъ Соловокъ и поручать ему исправленіе русскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, слѣдовало бы напередъ торжественно оправдать его отъ тѣхъ тяжкихъ обвиненій, за которыя онъ былъ сосланъ, и только послѣ его полнаго и для всѣхъ убѣдительнаго оправданія, допустить его до участія въ работахъ по книжнымъ исправленіямъ, если уже онъ былъ такъ необходимъ для этого дѣла. Но Никонъ ничего не сдѣлалъ для оправданія Арсенія въ глазахъ русскихъ, считавшихъ его, и не безъ основанія, еретикомъ. Когда, впослѣдствіи, Нероновъ укорялъ Никона, зачѣмъ онъ приблизилъ къ себѣ Арсенія и поручилъ ему исправленіе богослужебныхъ книгъ, хотя объ Арсеніи всѣмъ извѣстно, что онъ еретикъ и за ересь былъ сосланъ правительствомъ на Соловки, то Никонъ, на этотъ упрекъ Неронова, нашелся только сказать: «лгутъ де на него: то де на него солгалъ, по ненависти, троицкій старецъ Арсеній Сухановъ». Но подобное странное завѣреніе, конечно, никого не успокоило и не могло разсѣять предубѣжденій противъ Арсенія. Поэтому его участіе въ книжныхъ исправленіяхъ естественно послужило потомъ однимъ изъ главныхъ основаній для противниковъ реформъ Никона признать новоисправленныя книги еретическими, потому что Арсе-

ній грекъ, завѣдомый еретикъ, внесъ въ нихъ при исправленіи свои ереси. Увѣренность противниковъ реформъ Никона въ еретичествѣ Арсенія поддерживалась и тѣмъ обстоятельствомъ, что Арсеній, по возвращеніи изъ Соловокъ, продолжалъ однако оставаться подъ началомъ. Это видно изъ его собственной челобитной государю въ 1666 году, въ которой онъ заявлялъ: «сосланъ де онъ въ Соловецкій монастырь и по правиламъ святыхъ отецъ урочные лѣта въ запрещеніи ему прошли по второму помѣстному собору, и государь бы пожаловалъ, велѣлъ его изъ подначала свободить и быти въ монастырѣ: гдѣ государь укажетъ». Итакъ Арсеній до 1666 года продолжалъ находиться подъ началомъ «для исправленія его православныя христіанскія вѣры», а между тѣмъ онъ, исправляемый въ православіи, въ это время занимался исправленіемъ московскихъ церковныхъ чиновъ, обрядовъ и богослужебныхъ книгъ, въ чемъ они не согласны были съ истинно-православными церковными чинами, обрядами и богослужебными книгами,—несообразность слишкомъ очевидная.

Вмѣстѣ съ Лигаридомъ и Арсеніемъ грекомъ дѣятельную роль, какъ по дѣлу Никона, такъ и по книжнымъ исправленіямъ игралъ еще иверскій аѳонскій архимандритъ Діонисій. Въ дѣлѣ исправленія русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ къ Діонисію обращались за свѣдѣніями и справками, какъ къ знатоку церковныхъ чиновъ и обрядовъ, практиковавшихся на святой горѣ Аѳонской. Діонисій писалъ свои отвѣты на предложенные ему вопросы по гречески, и его отвѣты переводились потомъ на русскій языкъ. Такъ онъ подавалъ особую записку объ освященіи воды на Іордани [1]), записку объ аѳонскихъ уставахъ относительно начала и продолжительности различныхъ церковныхъ службъ на Аѳонѣ въ различное время года [2]) и пр. Объ этомъ дѣятелѣ въ эпоху русскихъ церковныхъ замѣшательствъ ходили у насъ очень нелестные слухи; но для насъ особое

[1]) Въ переписныхъ книгахъ дѣлъ посольскаго приказа—№ 4, 181 годъ, листъ 183,—значится: «столпикъ, а въ немъ переводъ съ греческаго письма съ тетради о освященіи воды на Іоардани, что подалъ въ посольскомъ приказѣ архимандритъ Діонисій въ 170 году».

[2]) Эта записка напечатана въ приложеніи.

значеніе имѣютъ не эти слухи о Діонисіи, а его собственная оцѣнка себя о своей московской дѣятельности, которую онъ сдѣлалъ въ челобитной государю предъ своимъ отправленіемъ на Аѳонъ. Въ этой челобитной Діонисій обидчиво заявляетъ государю, «что инымъ архимандритамъ, которые вовсе государю и не работали, однако дано было по 100, 500 и даже 1000 рублей и священныя одежды, а ему Діонисію, который по царскому дѣлу задержанъ былъ и лишенъ званія своего 15 лѣтъ и работалъ великому государю и святой соборной греко-россійской Церкви столь многое время, всею душою и сколько было силы, и труды сіи вѣдомы государю,—ему дано только на 200 рублей соболями, и ему не только не съ чѣмъ будетъ явиться къ братіи, но и на дорогу едва станетъ. Пріѣхать же ему съ порожними руками въ монастырь предъ всѣми будетъ стыдно и не знаетъ онъ съ какимъ лицемъ явится предъ братіей, потому что, колко замѣчаетъ архимандритъ, *если бъ и въ своихъ странахъ онъ столько бы пожилъ, то много бы пользы сдѣлалъ монастырю своему и себѣ, а здѣсь только напрасно здоровье свое изнурилъ, работая великому государю, и Мелетій не малую работу несъ, но за то и получилъ царскую милость неизреченно, а его, Діонисьева, работа не меньше*». Въ заключеніе Діонисій умоляетъ государя за его многую службу святой соборной церкви и ему государю прибавить еще милостыни, и ему дѣйствительно еще было дано на 200 рублей соболями и одежда [1]). Эта откровенная оцѣнка своей работы «государю и святой соборной греко-россійской Церкви» количествомъ рублей, это откровенное признаніе, что за малую дачу не стоило бы собственно и служить государю и святой соборной грековосточной Церкви, настолько ясно, опредѣленно рисуетъ характеръ дѣльца-гречанина, работавшаго на Руси, что всякая дальнѣйшая характеристика Діонисія уже будетъ излишнею.

Если новоспасскій келарь Іоанникій, веррійскій митрополитъ Аверкій и др. оставили по себѣ въ Москвѣ не особенно доброе воспоминаніе, то то же нужно сказать и о по-

[1]) 7177 г. № 25.

слѣдующихъ греческихъ выходцахъ, объ ученыхъ: Паисіи, Арсеніи, Діонисіѣ. Все большинству русскихъ казалось въ нихъ подозрительнымъ: ихъ ученость, полученная въ латинскихъ школахъ; самое ихъ православіе, видимо пошатнувшееся подъ вліяніемъ латинскаго воспитанія; ихъ частная и общественная жизнь, несогласная съ представленіями русскихъ объ истинно благочестивой и строго православной жизни; вся ихъ дѣятельность, опредѣлявшаяся нерѣдко самыми нечистыми побужденіями и вожделѣніями и почти совсѣмъ чуждая высшихъ и истинно нравственныхъ мотивовъ. Неудивительно поэтому, что подобные выходцы — авантюристы, хотя бы въ извѣстномъ смыслѣ дѣйствительно ученые и образованные, не могли однако поселить въ большинствѣ русскихъ уваженія и любви къ наукѣ и образованію, такъ какъ отдѣлить науку отъ личныхъ свойствъ и дѣйствій ея случайныхъ носителей и представителей, понять и оцѣнить великое значеніе образованія, только самого въ себѣ, безотносительно къ той или другой отдѣльной личности,—способны были тогда крайне немногіе русскіе. Неудивительно также, если многіе русскіе ко всей дѣятельности этихъ лицъ, особенно, въ сферѣ церковной, отнеслись крайне подозрительно или прямо отрицательно. Какъ было имъ не подумать, что эти пришлецы, съ очень темнымъ и сомнительнымъ прошлымъ, нетвердые въ православіи, корыстолюбивые и эгоистичные, готовые служить всякому и всѣмъ, лишь бы только имъ хорошо платили за ихъ службу,—что эти пришельцы, ломая русскую церковную старину, рѣшая у насъ разные церковные вопросы, тѣмъ самымъ не исправляли будто бы затемнившееся православіе русской церкви, а только искажали его? какъ русскимъ было не признать глубокаго униженія своей церкви и всего русскаго въ томъ обстоятельствѣ, что на святой Руси всѣми церковными дѣлами орудуетъ и заправляетъ выходецъ изъ Турціи, запрещенный архіерей-авантюристъ, лишенный своимъ патріархомъ каѳедры и сана и даже непризнаваемый самими восточными патріархами за православнаго? Какъ русскимъ было не заволноваться при видѣ того, что русскія церковно-богослужебныя книги, будто бы не во всемъ строго православныя, вслѣдствіе допущенныхъ въ нихъ искаженій, исправляются

человѣкомъ, который съ дѣтства былъ воспитанъ и совращенъ въ уніатство іезуитами, а потомъ принималъ мусульманство, а затѣмъ опять дѣлался то православнымъ, то уніатомъ, который и въ то время, какъ возстановлялъ истинно православный характеръ русскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, самъ находился, однако, подъ началомъ «для исправленія его христіанскія православныя вѣры?» Словомъ, выходцы гречане, которыхъ только знали и изучали русскіе, способны были, характеромъ своей жизни и дѣятельности на Руси, не столько разрушить и уничтожить старое предубѣжденіе русскихъ противъ грековъ и греческаго благочестія, сколько еще болѣе усилить и укрѣпить его.

Глава V.

Злоупотребленія русскою милостынею со стороны различныхъ просителей съ Востока.

Русская милостыня въ теченіе столѣтій обильно изливалась на православный Востокъ, всякій спѣшилъ ею пользоваться, начиная съ патріарха и кончая простымъ инокомъ и бѣльцомъ,—никто изъ пріѣхавшихъ на Русь за милостынею не возвращался назадъ съ пустыми руками. Естественно, что жажда легкой и скорой наживы на счетъ широкой русской благотворительности привлекала съ Востока на Русь много и такихъ лицъ, которыя дозволяли себѣ самыя непозволительныя и даже прямо преступныя средства,—самозванство, поддѣлку грамотъ, интриги и всякій обманъ, лишь бы только получить возможно обильную милостыню. Поэтому, на ряду съ просителями, дѣйствительно нуждающимися въ помощи и имѣющими на нее право, много являлось къ намъ и разныхъ проходимцевъ, нагло обманывавшихъ русское правительство. На эти злоупотребленія со стороны просителей русскою милостынею не разъ указывали нашему правительству сами восточные іерархи. Анхіальскій митрополитъ Христофоръ, бывшій въ Москвѣ въ 1626 году и обѣщавшійся, въ предупрежденіе обмановъ, сообщать правительству о разныхъ просителяхъ милостыни вѣрныя и точныя свѣдѣнія, въ одной изъ своихъ грамотъ пишетъ, что бы въ Москву допускали просителей только «отъ добрыхъ и подлинныхъ монастырей»,

почему де необходимо ихъ обстоятельно распрашивать: «да познаются которые подлинные и которые нѣтъ, чтобъ впередъ приходили истинные къ самодержавному вашему царствію». Лучшимъ удостовѣреніемъ за просителей митрополитъ признаетъ рекомендательныя патріаршія граматы, а которыя являются просители неподлинные «и вамъ бы ихъ смирити и наставити о самодержавномъ своемъ царствіи, чтобы было имъ въ страхъ и въ боязнь и инымъ многимъ въ наказаніе» [1]). Въ 1636 году грекъ Иванъ Петровъ говорилъ въ Москвѣ отъ имени іерусалимскаго патріарха Ѳеофана: «молитъ (Ѳеофанъ) великому твоему царствію: которые пріѣзжаютъ съ граматами къ великому твоему царствію монастырскіе старцы и бѣльцы и вамъ бы имъ не вѣрить, потому что блаженнѣйшій патріархъ граматъ никому не даетъ, только своимъ людямъ о милостынѣ» [2]). Въ 1640 году, ранѣе жившій въ Москвѣ, севастійскій митрополитъ Іосифъ писалъ изъ Константинополя государю: «на гречанъ, которые, государь, умысля воровски, писали составные граматы и печати прикладывали и руки прикладывали именемъ александрійскаго Никифора патріарха, и съ тѣми воровскими нарядными граматами хотѣли ѣхать къ тебѣ великому государю». По словамъ митрополита, одинъ изъ этихъ гречанъ подписался было и поддѣлалъ печать константинопольскаго патріарха Парѳенія, чтобы отправиться съ этою поддѣльною граматою въ Москву, но патріархъ, узнавъ объ этомъ, успѣлъ захватить поддѣльныя граматы и разорвать ихъ [3]). Въ 1643 году константинопольскій патріархъ Парѳеній Старшій въ граматѣ государю пишетъ: «еще провѣдали есми, что пріѣзжаютъ къ державѣ царствія вашего многіе инокосвященники и архимандриты, принося граматы, и называютъ ихъ нашими, и мы того отнюдь не вѣдаемъ и никому ихъ не давывали и иному никому не дадимъ, и царствіе ваше учини надъ ними, какъ Богъ извѣститъ» [4]). Въ 1646 году константинопольскій патріархъ Парѳеній Младшій писалъ государю: «извѣщаю великому и державному и святому вашему царствію о нѣкоторыхъ торговыхъ людяхъ и о черньцахъ, что они научилися составлять ложные печати и пишутъ граматы будто отъ меня и привозятъ къ царствію вашему, и за то имъ подобаетъ великое наказаніе и поученіе, чтобъ не обманывали народъ христіанскій, также и царей. И сего ради посылаю сіе мое знамя, чтобы вамъ впередъ было вѣдомо и вѣрно, которые люди впередъ учнутъ пріѣзжати отъ насъ съ двѣмя печатьми,—большая печать по достоянію внизу граматы подъ подписью, а меньшая печать поверхъ граматы съ правой руки у титула,—потому учнете узнавать впередъ тѣ наши граматы» [1]). Нашъ посолъ Украинцевъ, въ бытность свою въ Константинополѣ (1699—1700 г.), говорилъ константинопольскому патріарху, что года два тому назадъ въ Польшѣ, на луцкую епархію былъ выбранъ человѣкъ очень ученый, но двоеженецъ, почему московскій патріархъ и отказался поставить его въ епископы. Между тѣмъ въ Польшѣ появился тогда какой-то греческій митрополитъ или епископъ, который выдалъ себя за экзарха константинопольскаго патріарха и посвятилъ во епископы того двоеженца,—знаетъ ли патріархъ объ этомъ? Патріархъ говорилъ, что онъ объ этомъ ничего не знаетъ и экзарха у него тамъ нѣтъ, «а знатно, то учинилъ нѣкакой изверженной чина архіерейскаго, понеже у нихъ здѣсь такихъ много есть, которыхъ они поставляютъ во архіереи, а потомъ, смотря по житью его отъ того чина отлучаютъ, видя ево какое непостоянство. И такіе де для стыда отсюда выѣзжаютъ и ѣздятъ къ Москвѣ и въ Польшу и Римъ и во Италію и во Францію и тамъ отлученія чина своего таятъ, а называются архіереями и дѣлаютъ, что хотятъ. И того имъ не жаль, что они у папежниковъ дѣлаютъ, того имъ пуще жаль, что междо христіанами творятъ. А тѣ де изверженные, или отлученные отъ чина архіерейскаго, въ тамошнихъ странахъ являютъ во оправданіе или во свидѣтельство чина своего ставленные патріарши граматы и такимъ де граматамъ вѣрить не надобно, а надобно вѣрить, если у нихъ будутъ святѣйшихъ константинопольскихъ патріарховъ

[1]) 7136 г. № 11.
[2]) 7144 г. № 9.
[3]) 7148 г. № 8.
[4]) 7151 г № 1.

[1]) 7154 г № 18.

объ отпускѣ ихъ и объ милостынѣ заступительные листы; и слава де на свѣтѣ лежитъ не на такихъ беззаконниковъ, но на всѣхъ христіанъ, также и на него патріарха, что будто такъ чинитца за нецрисмотромъ и нерадѣніемъ ево патріаршимъ, и христіанинъ христіанина прельщаетъ и обманываетъ. И того ради онъ, святѣйшій патріархъ, нынѣ имъ посланникомъ объявляетъ и предлагаетъ, чтобъ великій государь, его царское величество, впредь такихъ лживыхъ архіереевъ въ государство свое пропускать не велѣлъ, а который явитца, такимъ бы указъ чинить какой пристойной, а пропускать бы такихъ митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ и архимандритовъ и игуменовъ и старцевъ къ Москвѣ, у которыхъ будутъ его святѣйшаго патріарха заступительные и просительные за ево патріаршею рукою листы, а у которыхъ такого свидѣтельства не будетъ, и такихъ бы къ Москвѣ не пропускать, а высылать по прежнему за рубежъ» [1]). Такимъ образомъ сами вселенскіе патріархи не разъ указывали русскому правительству, что въ Москву являются за милостынею различные самозванцы, поддѣлывая патріаршія печати и подписи, или какимъ-либо другимъ способомъ обманывая московское правительство, которому и совѣтуютъ построже относиться къ разнымъ просителямъ и наказывать тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ обличены въ мошенничествѣ. О неблаговидныхъ продѣлкахъ въ Москвѣ разныхъ просителей милостыни наше правительство узнавало и изъ другихъ источниковъ. Іерусалимскій патріархъ Паисій, по выѣздѣ своемъ изъ Москвы, кромѣ доноса на своего дидаскала Арсенія, прислалъ еще думному дьяку Михаилу Волошенинову доносъ на переводчика посольскаго приказа Ивана Боярчикова. Въ своемъ доносѣ патріархъ выражается: «удивляюся тому проклятому переводчику Ивану,—дьяволъ и измѣнникъ есть многолѣтняго нашего царя, чтобъ хлѣбъ его убилъ, что онъ ѣстъ! И ходя оглашаетъ и говоритъ изоустъ своихъ нечистыхъ,—отъ патріарховъ непрощенный и тайныхъ дѣлъ царскихъ не хранитель,—яже ходитъ по рядамъ со единомышленными ворами, которыхъ онъ любитъ и словеса имъ сказываетъ, что онъ хочетъ. Коли

[1]) Турецкіе статейные списки, № 27, 1699—1700 г., листъ 1195.

то бывало прежъ и нынѣ, что тайна царева бысть явственна въ міру,—и той есть не человѣкъ, но сатана и дьяволъ!» Въ объясненіе этого доноса патріарха, Боярчиковъ указывалъ на то обстоятельство, что онъ, какъ знающій турецкій и греческій языки, всегда обличалъ разныя плутни пріѣзжихъ гречанъ, которые и наговаривали на него патріарху, когда онъ былъ еще въ Москвѣ, такъ что уже тогда патріархъ на него шумѣлъ и не велѣлъ было ходить къ нему, но потомъ простилъ и даже далъ разрѣшительную грамату. «Пріѣзжаютъ, показывалъ Боярчиковъ, къ Москвѣ многіе греченя бѣльцы, а надѣваютъ на себя черноческое платье и привозятъ съ собою о милостынѣ отъ патріарховъ ложные граматы, а не за прямыми печатями. И онъ де, Иванъ, узнавъ ихъ воровство, прежъ сего сказывалъ думнымъ дьякомъ Григорью Львову и Назарью Чистого, и тѣ де гречане на него, Ивана, рьятца и оглашаютъ его патріарху всякимъ дурномъ» [1]). Клирошанинъ Чудова монастыря, посланный сопровождать іерусалимскаго патріарха Паисія и возвращенный имъ назадъ изъ Молдавіи, чрезъ путивльскихъ воеводъ, доносилъ государю, что простые греки бѣльцы наряжаются въ черноческое платье и ѣдутъ въ Россію бить челомъ о милостынѣ, «а граматы де отъ патріарховъ пишутъ и руки патріаршіе подписываютъ сами своими руками, а печати де, государь, потому жъ они поддѣлываютъ, сдѣлалъ де одинъ серебряникъ (который самъ и разсказалъ объ этомъ Пахомію въ Яссахъ) тѣмъ гречаномъ разныхъ палестинскихъ патріарховъ печатей съ сорокъ; а сказываются де будто они греческіе старцы, пріѣзжаютъ изъ дальнихъ палестинскихъ мѣстъ, а живутъ де они гречени старцы и бѣльцы всѣ въ молдавской землѣ, а надѣваютъ черныя платья въ Молдавской же землѣ, а взявъ де твое государево жалованье, они ни во что то почитаютъ, только пропиваютъ да табакъ покупаютъ» [2]). На различныя злоупотребленія скитавшихся по Руси греческихъ просителей милостыни указывалъ нашему правительству и знаменитый сербъ Юрій Крыжаничъ. «Греки, говоритъ онъ, своими сте-

[1]) 7158 г. № 1.
[2]) —7158 г. № 9.

клянными каменьями вмѣсто драгоцѣнныхъ, стеклянными поддѣлками вмѣсто жемчуга и запрещенными товарами (именно табакомъ) выносятъ изъ Руси большія богатства. А что касается до разнаго рода духовной торговли, то праздношатающіеся греческіе монахи, и порою самозванцы митрополиты, скитаются по Руси и выжиливаютъ ссуды. Нѣкто Солиты, скитаются по Руси и выжиливаютъ ссуды. Нѣкто Софронній, называвшій себя митрополитомъ Филипполя и Драмы, а въ народѣ извѣстный подъ именемъ Македонскаго, понуждалъ меня, чтобъ я сочинилъ ему подложныя граматы отъ имени Іоанникія патріарха, будто бы онъ былъ высланъ отъ сего послѣдняго вслѣдствіе общихъ церковныхъ нуждъ. Когда я не хотѣлъ этого исполнить, онъ, вмѣстѣ съ однимъ другимъ митрополитомъ, хотѣлъ меня отстегать и конечно сдѣлалъ бы это, если бы вырвавшись я не убѣжалъ къ городскому писарю. Впрочемъ признаюсь въ своей винѣ: впослѣдствіи я сочинилъ ему помянутыя граматы, боясь за свою жизнь [1]). Греческіе митрополиты, настоящіе и самозванцы, блуждаютъ вдоль и поперекъ по Руси (особенно Малой и Бѣлой): они возводятъ въ священническія степени лица, имъ неизвѣстныя, незаслуженныя, неискушенныя, незасвидѣтельствованныя, даже отвергнутыя въ другихъ мѣстахъ, и безъ всякаго другаго испытанія, кромѣ того, что аккуратно поторгуются, «сколько мнѣ хотите дать, я вамъ предамъ его». Я самъ видѣлъ не одинъ примѣръ подобнаго рода. Видѣлъ также, какъ одну и ту же супружескую чету разные митрополиты, и даже одинъ и тотъ же митрополитъ, нѣсколько разъ то разводили, то снова соединяли, всегда однако заранѣе поторговавшись и взявши добрую кучу денегъ. Если дѣла такого рода, пожалуй кто-нибудь скажетъ, можно еще терпѣть, то уже, конечно, никакимъ образомъ нельзя терпѣть того, что помянутые митрополиты за деньги продаютъ и прямо посылаютъ въ адъ человѣческія души. Я видѣлъ на русскомъ языкѣ напечатанныя въ Кіевѣ отпустительныя граматы, которыя по Руси продавалъ византійскій патріархъ Аѳанасій. Какимъ образомъ или почемъ онъ продавалъ ихъ, не знаю. То лишь знаю, и собственными глазами видѣлъ, что подобныя отпустительныя граматы въ рукописи (со вставкою имени того человѣка, коему вручается грамата) нѣкоторые продавали знатнымъ людямъ за деньги: здѣсь разрѣшаютъ отъ всѣхъ грѣховъ, ни поминая ни слова объ исповѣди или покаяніи. А несчастные люди берегутъ эти граматы, какъ великое сокровище и завѣщаютъ класть съ собою въ гробъ. Наконецъ, видѣлъ я одного митрополита, который бывало повсюду, куда ни придетъ къ знатному человѣку, прежде выспроситъ у него, не хочетъ ли имѣть разрѣшеніе отъ грѣховъ. Тотъ выражаетъ желаніе: является митрополитъ, и, освятивши воду въ домѣ этого человѣка, кропитъ его самого и цѣлый домъ съ семействомъ. Потомъ предъ всѣмъ семействомъ,—а баринъ стоитъ въ срединѣ,—митрополитъ кладетъ ему на голову руки и книгу, читаетъ надъ нимъ длинное и полнѣйшее отпущеніе грѣховъ, прежде всякой передъ тѣмъ исповѣди или рѣчи, ни упомянувъ ни слова о покаяніи или вознагражденіи за тѣ вещи, которыя, можетъ статься, несправедливо похитили тѣ люди у другихъ» [1]).

Получая со всѣхъ сторонъ извѣстіе о всевозможныхъ злоупотребленіяхъ, которыя дозволяли себѣ разные, являвшіеся на Русь, просители милостыни, наше правительство могло убѣдиться въ этомъ и изъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ, которые ему, по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, приходилось разслѣдовать. Укажемъ нѣкоторые болѣе характерные изъ этихъ случаевъ.

Въ 1623 году прибылъ въ Москву за милостынею такъ называемый синайскій митрополитъ Іеремія, съ проситѣльною грамотою отъ братіи Синайской горы и всего собора Палестины и съ рекомендательною граматою отъ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана. Послѣдній, рекомендуя Іеремію государю, выражался о немъ въ своей граматѣ: «мы послали сего преосвященнаго митрополита, *брата и сослужебника нашего смиренія, господина Іеремію, который былъ прежде сего въ Родосѣ, мужа вѣрнаго и любезнаго*". Точно такъ же

[1]) Митрополитъ Филипполя и Драмы Софроній, которому Крыжаничъ сочинилъ подложныя грамоты, дѣйствительно пріѣзжалъ въ Москву въ 1661 году съ своимъ архимандритомъ Лаврентіемъ и получилъ въ Москвѣ обычную митрополичью милостыню (7169 г № 27)

[1]) Русское государство въ половинѣ XVII вѣка —Безсонова, стр 190—193.

Ѳеофанъ рекомендовалъ Іеремію и Филарету Никитичу, какъ мужа вѣрнаго и любезнаго и просилъ съ честью принять его. Благодаря этой рекомендаціи Ѳеофана, особенно уважаемаго въ Москвѣ, Іеремія былъ принятъ Филаретомъ Никитичемъ съ особенною честью и, на представленіи патріарху, былъ одаренъ имъ щедрѣе, чѣмъ другіе митрополиты, бывшіе тогда въ Москвѣ. Поощренный этимъ первымъ успѣхомъ, Іеремія захотѣлъ получить больше и подалъ Филарету Никитичу особую челобитную, въ которой, между другими напыщенными восхваленіями и пожеланіями, говорится и слѣдующее: «молимъ Богу и весь порабощенный родъ греческой, чтобы намъ сподобилъ Богъ видѣть на вселенскомъ константинопольскомъ престолѣ царя царей, великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи самодержца, да и мы обрящемъ покой и легость». Затѣмъ, благодаря патріарха за милостыню ему, митрополиту, просить еще пожаловать ему три образа, «да отвезу ихъ къ тремъ патріархамъ: константинопольскому, александрійскому и іерусалимскому, занеже путное наше шествіе будетъ мимо ихъ, и имъ буду разсказывать, что тѣ иконы я на нихъ выпросилъ». Далѣе Іеремія повѣствуетъ, что будто бы онъ грѣшникъ, еще будучи на Синаѣ, сновидѣніе видѣлъ, въ которомъ явился ему преподобный Сергій: да мѣсяцѣ въ октябрѣ въ сновидѣніи видѣлъ я смиренный грѣшникъ: явился мнѣ святой Сергій, какъ бы я съ нимъ былъ на горѣ Хоривѣ, идѣже видяше Илья пророкъ Божіе видѣніе, и рекъ ми и указуя пещеру: тутъ де былъ Стефанъ (чудо)творецъ, занеже тутъ пустынничалъ. И азъ грѣшный не возмогъ есми съ святителемъ (здѣсь Іеремія сильно прошибся, назвавъ преподобнаго Сергія святителемъ) поговорити, зряще величество его и страшное зрѣніе, только палъ на землю безгласенъ. Посемъ молю много — много для любви Христовой и для любви святителей отпустите меня, да облобызаю и поклонюсь святому сему Сергію, да ми проститъ согрѣшеніе мое, а большая мзда да будетъ на святительствѣ твоемъ». — Очевидно, Іеремія былъ ловкій, бывалый человѣкъ, отлично понимавшій съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло и потому смѣло пустилъ въ ходъ всѣ средства, чтобы какъ можно болѣе нажиться отъ русскаго благочестиваго

легковѣрія. Испрашивая иконы для поднесенія восточнымъ патріархамъ, онъ основательно расчитывалъ, что эти иконы, какъ царскій подарокъ патріархамъ, должны быть особенно цѣнны, такъ что отъ продажи ихъ онъ можетъ выручить себѣ порядочную сумму. Его разсказъ о видѣніи ему преподобнаго Сергія точно такъ же былъ расчитанъ на хорошую получку, но уже отъ Лавры, въ которую онъ намѣренъ былъ отправиться. Если Лавра дарила всѣхъ вообще являвшихся въ нее просителей съ востока, то, по расчету Іереміи, она обязана была одарить его съ особенною щедростью, оказать ему особенное, исключительное вниманіе, такъ какъ самъ преподобный Сергій явилъ къ нему небывалую, въ отношеніи гречанъ, милость: удостоилъ его, еще на Синаѣ, своего видѣнія. Но все это, смѣло и, повидимому, такъ удачно веденное Іеремією, дѣло совершенно неожиданно рушилось. На Іеремію вдругъ послѣдовалъ доносъ, со стороны сопровождавшихъ его архидіакона Неофита и старца келаря Паисія, которые заявили, что Іеремія патріаршимъ соборомъ былъ лишенъ митрополитства и ему запрещено служить, что послѣ запрещенія онъ былъ въ Римѣ, служилъ съ папою, цѣловалъ его въ ногу и вообще отпалъ отъ православія. Вернувшись изъ Рима въ синайскую обитель, которой онъ былъ постриженникъ, Іеремія слезно просилъ архіепископа и братію снова принять его въ монастырь. Архіепископъ и братія, желая сдѣлать доброе дѣло для заблудшагося и думая, что онъ вполнѣ раскаялся, приняли его. Іеремія успѣлъ тогда завѣрить, что желаетъ добра монастырю и хочетъ послужить ему соборомъ милостыни. Ему повѣрили и послали въ Россію, придавъ къ нему ихъ старцевъ для наблюденія за нимъ. Дорогою они сбирали милостыню, но Іеремія скрывалъ ее отъ нихъ и, обращалъ въ свою пользу. Получивъ въ Москвѣ милостыню, онъ не хочетъ теперь возвращаться въ монастырь и задумалъ убить ихъ въ литовской землѣ. Поэтому они просятъ отпустить ихъ изъ Москвы отдѣльно отъ митрополита и отобрать у него все, принадлежащее монастырю.

Этотъ доносъ на Іеремію его спутниковъ долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на царя и патріарха. Митрополитъ, котораго самъ іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ

называлъ своимъ сослужебникомъ, мужемъ вѣрнымъ и любезнымъ, котораго, благодаря патріаршей рекомендаціи, приняли въ Москвѣ съ особою честію, который, конечно за свою святую и добродѣтельную жизнь, удостоился видѣнія преподобнаго Сергія,—въ дѣйствительности оказывается лишеннымъ сана, измѣнникомъ православія, пройдохою. Кому же и чему послѣ этого вѣрить?.. За митрополита говорили патріаршая и синайская граматы, противъ него—его же собственные спутники. Прибѣгли къ опросу духовныхъ особъ-гречанъ, бывшихъ въ это время въ Москвѣ и они единогласно подтвердили доносъ. На очной ставкѣ съ обвинителями Іеремія показалъ: девятнадцать лѣтъ назадъ онъ былъ поставленъ митрополитомъ въ Родосъ константинопольскимъ патріархомъ Рафаиломъ и былъ въ Родосѣ три года. Патріархъ Рафаилъ сталъ съ меня требовать три тысячи золотыхъ. если де я ихъ дамъ ему, то буду митрополитомъ въ Родосѣ, а если не дамъ, то онъ лишитъ меня каѳедры. Митрополитъ отвѣтилъ на требованіе патріарха письмомъ, въ которомъ заявилъ, что онъ де, митрополитъ, самъ ѣстъ одну капусту съ солью, и дать ему патріарху нечего, да и не за что, и оттого де онъ изъ Родоса ушелъ въ Синайскую гору; а если сыщется, что онъ отъ митрополитства отставленъ, то онъ уже не будетъ у государя и патріарха просить пощады. А изъ Синая онъ ѣздилъ въ Индію, потому что португальская королева Екатерина оставила въ Индіи для Синайской горы, на поминъ своего мужа, 500 золотыхъ,—кромѣ же его послать въ Индію было некого. Эти золотые и еще значительную собранную имъ милостыню въ Индіи, онъ привезъ въ Синайскій монастырь и затѣмъ былъ посланъ въ Испанію. Въ Римѣ онъ дѣйствительно былъ по слѣдующему случаю: даетъ де испанскій король въ Синайскую гору по 50 золотыхъ, и такъ какъ тѣ золотые онъ не присылалъ, то соборъ синайскихъ отцовъ послалъ его и еще четырехъ старцевъ съ нимъ въ Испанію за тѣми золотыми. Въ Испанію они отправились чрезъ Римъ и были у тогдашняго папы Павла V, но отъ греческой вѣры не отставали и съ папою онъ, какъ его ложно обвиняютъ, не служилъ, тѣмъ болѣе, что папа со властями никогда не служитъ, а всегда одинъ. Папа писалъ къ королю

испанскому о выдачѣ тѣхъ золотыхъ, да и самъ послалъ отъ себя въ Синайскую гору 500 золотыхъ, на что есть у него листъ. Были затѣмъ они во французской землѣ, а французскій король посылаетъ въ Синайскую гору ежегодно 1000 золотыхъ,—эти присылки отъ французскаго короля начались уже лѣтъ съ двадцать. Изъ французской земли отправились на острова, которые были даны ему отъ константинопольскаго патріарха, и всего ходилъ за милостынею лѣтъ съ пять.—Это любопытное и въ то же время соблазнительное для русскихъ показаніе Іеремии о милостынѣ Синаю со стороны папы и католическихъ королей, оспаривалось бывшимъ тогда въ Москвѣ силистрійскимъ митрополитомъ и обвинителями синаитами. Они, съ своей стороны, заявляли, что папа и короли испанскій и французскій въ греческую землю, ни въ какія мѣста, никогда ничего не присылали, что отъ всѣхъ греческихъ патріарховъ то заклято, чтобы не только отъ папы, но даже и отъ всякаго простаго человѣка папежскія вѣры милостыни ни одной деньги не принимать и ни въ чемъ съ ними не сообщаться. Но Іеремія, въ доказательство справедливости своего показанія, представилъ листы: одинъ отъ папы въ Синайскую гору, другой — отъ англійскаго короля, а третій отъ испанскаго. Чтобы привести Іеремію къ сознанію, велѣно было поговорить съ нимъ силистрійскому митрополиту Іоакиму, но тотъ, «шумно и долго поговоря съ Іеремією по-гречески», объявилъ, что Іеремія не сознается, но что онъ, Іоакимъ, за справедливость извѣта ручается головою, при чемъ онъ выразительно провелъ пальцемъ по своей шеѣ. — Въ виду упорства обѣихъ сторонъ оказалось невозможнымъ окончательно разъяснить это соблазнительное дѣло. Но когда Іеремія обратился къ Филарету Никитичу съ просьбою дозволить ему пріобщаться по архіерейскому сану, то патріархъ, въ виду согласнаго подтвержденія извѣта всѣми гречанами, велѣлъ выставить ему на видъ эти обвиненія и отказалъ Іереміи въ его просьбѣ: «для этого де онъ долженъ обратиться къ константинопольскому патріарху, для чего де его теперь отпускаютъ въ Константинополь, чтобы онъ тамъ очистился отъ всего предъ тамошнею властью. А здѣсь на Москвѣ государь и патріархъ неволи ему никоторые учинити не велѣли и до того вре-

мени, пока онъ побудетъ въ Москвѣ, ему велѣно стоять на старомъ подворьѣ и кормъ ему давать по прежнему. А въ Римъ къ папѣ и въ аглицкую и во французскую землю не ѣздить; а буде онъ въ тѣ невѣрныя государства поѣдетъ и онъ будетъ проклятъ въ семъ вѣцѣ и будущемъ» [1]).

Такимъ образомъ лично для Іереміи доносъ кончился вполнѣ благополучно, онъ ничего не потерялъ и спокойно уѣхалъ изъ Москвы, гдѣ ему «никакія неволи не было». Но это дѣло могло дурно отозваться на послѣдующихъ отношеніяхъ русскаго правительства къ просителямъ, поселивъ въ немъ недовѣріе даже къ рекомендательнымъ граматамъ самихъ восточныхъ патріарховъ. Ибо невольно возникалъ вопросъ: какимъ образомъ патріархъ іерусалимскій могъ рекомендовать русскому правительству архіерея, лишеннаго сана и даже отступника отъ православія, — своимъ сослужителемъ, мужемъ вѣрнымъ и любезнымъ? Было ли это слѣдствіемъ незнанія со стороны патріарха личности митрополита, что очень странно, или слѣдствіемъ подкупа его канцеляріи, которая, за извѣстный гонораръ, выдавала отъ имени патріарха рекомендательныя граматы рѣшительно всякому, кто только хорошо платилъ за нихъ? Какимъ образомъ могло случиться, что синайская обитель надѣлила своимъ полномочіемъ такого, во всѣхъ отношеніяхъ сомнительнаго человѣка, котораго, однако, она знала хорошо, и что значитъ показаніе Іереміи о милостынѣ православному Синаю отъ самого папы и разныхъ католическихъ королей? Можно ли было теперь, въ виду случайно обнаружившихся обстоятельствъ, довѣрять рекомендательнымъ патріаршимъ граматамъ и всѣмъ вообще просителямъ востока?.. Какъ сильно это дѣло огорчило царя и Филарета Никитича, видно изъ того, что послѣдній рѣшился написать о немъ вселенскому константинопольскому патріарху. «Буди вѣдомо вашему святительству, говоритъ онъ въ своей граматѣ: изъ давнихъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ греческую власть захватили измаильскіе внуки, обычай имѣютъ приходить къ благочестивымъ и христолюбивымъ царямъ россійскимъ греческой области святѣйшіе патріархи и митрополиты и архіепископы и

[1]) —7131 г № 5.

прочіе священные иноки милостыни ради и искупленія святыхъ мѣстъ, захваченныхъ турками,—и до нынѣ приходятъ. Мы таковыхъ принимать привыкли, и дарами и милостынею не только ихъ обогащать, но и святымъ мѣстамъ потребное посылать, и тѣмъ плачущихъ и оскорбляемыхъ утѣшать и такимъ образомъ, почтивши приходящихъ къ намъ, отпускали во свояси. Нынѣ же пришелъ къ намъ отъ святой горы Синайской митрополитъ Іеремія, объявляя, что прежде былъ родосскаго острова митрополитъ, милостыни ради, съ нимъ же вмѣстѣ и другіе пришли. Мы, по обычаю нашему, человѣколюбиво приняли ихъ, ибо они принесли съ собою граматы отъ блаженнаго Θеофана, патріарха іерусалимскаго, котораго, какъ говорятъ, встрѣтили въ Константинограде. Потомъ, не знаю какой ради вины, Іеремія началъ враждовать съ пришедшими съ нимъ [1]), называя ихъ чуждыми христіанскаго званія и житія недостойнаго, истиннаго же свидѣтельства о томъ противъ нихъ привести не могъ. Они же, видя его злые поступки, возстали противъ него и во многомъ его обвинили: первое, что онъ собранное и даро-ванное отъ христолюбцевъ во обитель св. горы Синайской, все себѣ взялъ; второе, что онъ святительства одежду неправо носитъ, ибо прежде чѣмъ поставленъ былъ митрополитомъ въ городѣ Родосѣ, нѣкоторыхъ ради преткновеній, отъ вселенскаго патріарха Неофита изгнанъ былъ, и святительски дѣйствовать ему воспрещено. Потомъ же, пошелъ онъ, митрополитъ, къ папѣ римскому Павлу V и отъ него благословеніе принялъ, чего дѣлать не подобало, ибо это

[1]) Самое вѣроятное объясненіе вражды между Іереміею и его спутниками, вызвавшей доносъ, уже послѣ пріема Іереміи патріархомъ, а не ранѣе, какъ бы слѣдовало,—дали жившіе въ Москвѣ греческіе переводчики. Они показали, что Іеремія, благодаря рекомендаціи іерусалимскаго патріарха Θеофана, получилъ отъ Филарета Никитича лишній сорокъ соболей, да отъ князя Ивана Михайловича Воротынскаго, за поднесенныя ему мощи, получилъ пять рублей «и митрополитъ де тѣ соболи—жалованье патріарха и тѣ пять рублей учалъ называть своими; архидіаконъ де и келарь за то съ нимъ бранились и говорили, что де патріархъ пожаловалъ тѣ соболи на монастырь, а не одному ему, равно и мощи онъ послалъ князю монастырскіе и потому деньги за нихъ должны, какъ и соболи, поступить не ему, а въ монастырь, и за то де межь ними брани было много».

противно православію» [1]). Очевидно, что грамата Филарета Никитича была формальною жалобою вселенскому патріарху, заключала въ себѣ горькій упрекъ за обманутое довѣріе къ просителямъ милостыни, которыхъ рекомендуютъ сами патріархи. Понятно, что восточные патріархи, если только они дорожили добрыми отношеніями къ московскому правительству, необходимо должны были обратить серьезное вниманіе на грамату Филарета Никитича и всячески постараться загладить то дурное впечатлѣніе, какое произвело въ Москвѣ дѣло Іереміи. Дѣйствительно, когда въ 1627 году прибыло въ Москву новое синайское посольство за милостынею, оно привезло съ собою граматы трехъ восточныхъ патріарховъ, изъ которыхъ каждый посильно старался объяснить дѣло Іереміи. Іерусалимскій патріархъ Θеофанъ, на котораго по преимуществу падалъ упрекъ по дѣлу Іереміи, писалъ Филарету Никитичу: «а прежде сего присылали къ вашему святительству изъ Синайскіе горы нѣкотораго бывшаго родосскаго митрополита и съ иными монастырскими людьми, *не знаючи его дѣла и разума, что онъ за злой свой разумъ отставленъ отъ патріарха*». Александрійскій патріархъ, съ своей стороны, писалъ, что прежніе послы *дьявольскимъ искушеніемъ поссорились между собою*, а константинопольскій патріархъ Кириллъ Лукарисъ выражался такъ: «*и по грѣхамъ межь ними вражимъ искушеніемъ объявилася рознь и безчинство*». Наконецъ, самъ синайскій архіепископъ Іоасафъ, въ граматѣ къ царю, такъ говоритъ о предшествующемъ посольствѣ: «въ прошломъ времени видя мы блаженную любовь, яко держиши къ святымъ мѣстамъ и къ намъ убогимъ богомольцамъ своимъ, посылали есмя къ царствію твоему родосскаго митрополита Іеремѣя, который былъ у насъ въ монастырѣ, *не зная дѣлъ сво* и дали ему товарищей священно-монаховъ келаря Паисія да архидіакона Неофита. *И дьяволъ, ненавистникъ роду хрестьянскому*, видя ихъ, что они пришли къ великому твоему царствію для милостины, которою милостынею хотѣла свободиться святая и великая обитель наша отъ великаго долгу, *вложилъ въ нихъ смуту* и межь ихъ учало быть презорство

[1]) 7132 г. № 3.

и ненависть, и они только объявились въ твоемъ царствіи безуміемъ и всякимъ безчиніемъ, а намъ отъ твоей царскіе милости помочи никоторые не учинили, а кто у нихъ былъ первый смутъ заводчикъ, и тому здѣсь отъ насъ было великое наказаніе» [1]). Такимъ образомъ все дѣло Іереміи объяснялось съ одной стороны, просто незнаніемъ Θеофаномъ и синаитами личности Іереміи, его злаго разума и дѣлъ его; хотя это незнаніе и не помѣшало Θеофану и синаитамъ рекомендовать Іеремію, какъ мужа вѣрнаго и любезнаго, съ другой стороны, во всемъ этомъ дѣлѣ, по объясненію восточныхъ іерарховъ, сказалась обычная продѣлка ненавистника роду христіанскому — діавола. Пришлось московскому правительству удовольствоваться и такимъ объясненіемъ...

Въ 1628 году пріѣхалъ въ Москву за милостынею такъ называемый метаморфозскій митрополитъ Неофитъ. Онъ привезъ рекомендательную о себѣ грамату анхіальскаго митрополита Христофора, который, по порученію московскаго правительства, присылалъ въ Москву свѣдѣнія о всѣхъ просителяхъ милостыни. Христоферъ въ своей рекомендательной граматѣ называетъ Неофита митрополитомъ «отъ области ганской», выражается о немъ, что онъ «братъ и сослужебникъ нашего смиренія, труждался и скорби многіе принялъ» изъ-за казаковъ, которые приплыли къ его городу и хотѣли выжечь его, но, по просьбѣ митрополита, пощадили городъ и только перебили всѣхъ турокъ. Послѣ турки обвинили митрополита въ заговорѣ съ казаками и предали его всевозможнымъ истязаніямъ, отъ которыхъ митрополитъ избавился, только благодаря окупу. Анхіальскій митрополитъ особымъ письмомъ проситъ за Неофита и такъ называемаго новоспасскаго келаря грека Іоанникія, пользовавшагося особымъ вліяніемъ при московскомъ дворѣ. И самъ Неофитъ писалъ къ Іоанникію, что онъ другъ друзьямъ его, почему и проситъ его придти къ себѣ, «а я тебѣ повѣдаю тайное доброе слово *и что у насъ обрящемъ будемъ тебѣ давати*». Неофитъ былъ торжественно принятъ царемъ и получилъ отъ него обычные дары. Онъ уже готовился представиться,

[1]) 7134 г. № 17.

по обычаю, Филарету Никитичу, какъ на него послѣдовалъ доносъ со стороны сопровождавшихъ его: архимандрита Нектарія, келаря Симеона, архидьякона Ѳеоны и пріѣхавшаго вмѣстѣ съ нимъ архимандрита аѳонскаго Діонисіева монастыря. Доносщики заявили, что еНофитъ былъ въ городѣ Ганскомъ тому лѣтъ пять назадъ митрополитомъ, но потомъ константинопольскій патріархъ Кириллъ Лукарисъ, вмѣстѣ съ соборомъ, отставилъ его отъ митрополитства и санъ съ него снялъ за то, «что онъ на Кирилла патріарха всякое зло умышлялъ и патріаршества подъ нимъ подыскивалъ, чтобы ему быть на его мѣстѣ патріархомъ. Да у него же былъ племянникъ во діаконехъ, рожеемъ чистъ и онъ де того своего племянника діакона отдалъ турскому царю самъ своею волею и турской царь того діакона обусурманилъ и учинилъ его у себя ближнимъ человѣкомъ—казначеемъ, и нынѣ племянникъ у турскаго казначей». Сдѣлалъ это митрополитъ для того, чтобы съ помощью своего племянника низвергнуть Кирилла Лукариса и на его мѣсто самому сдѣлаться патріархомъ; узнавъ о чемъ, Лукарисъ «отставилъ его отъ митрополіи и санъ съ него святительскій снялъ съ собору и служити ему запретилъ и проклялъ его соборомъ». Послѣ этого Неофитъ ушелъ изъ Константинополя «бѣгомъ», иначе быть бы ему «за свои дѣла отдану на каторгу или въ воду посажену». Удалившись изъ Константинополя, Неофитъ жилъ въ Синопѣ. Тамошній митрополитъ его не благословлялъ и служить ему не велѣлъ, «а будучи де онъ въ Синопѣ продавалъ питье шаралъ и пиво и медъ, да камешки заноски». Доносчики говорили, что «митрополитъ взялъ съ собою гречанина, мірскаго человѣка и, пріѣхавъ въ Кіевъ, положилъ на него чернеческое платье, и говорилъ ему, что ему такъ ѣхать прибыльнѣе—милостыни на Москвѣ дадутъ больше а ему изъ тое милостыни взять у него половину. А изъ буданской земли взялъ онъ съ собою бусурманина, родомъ кизыльбашскіе земли, и велѣлъ ему называться, ѣдучи дорогою, хрестьяниномъ и здѣсь на Москвѣ зовутъ его хрестьяниномъ греческіе вѣры, а онъ де бусурманинъ и окрещенъ не бывалъ». Кромѣ того всѣ старцы показывали, что въ Путивлѣ у митрополита пропала мантія и онъ по этому случаю былъ очень сердитъ и говорилъ про государя и про патріарха «непригожіе рѣчи» и ихъ великихъ государей проклиналъ и съ милостынею, «а говорилъ: того де мнѣ не дадутъ, что я потерялъ». «А пріѣхавъ въ Москву, говорилъ про Московское государство и христьянскую вѣру непригожіе рѣчи,—*только де на Москвѣ и вѣры, что звонятъ въ колокола много, а иного нѣтъ ничего*». Обвиняли еще митрополита и въ томъ, что будто бы «въ дорогѣ до Путивля и въ Путивлѣ онъ мясо ѣлъ и седьмой соборъ святыхъ отецъ проклиналъ, а говорилъ: кто заповѣдалъ чернецамъ мясо ѣсть»?

Вслѣдствіе доноса допросили прежде всего двухъ спутниковъ Неофита,—бѣльца, преображеннаго на время въ монаха, и бусурманина, передѣланнаго на время въ христіанина. Первый заявилъ, что онъ, дѣйствительно, не монахъ и только по желанію митрополита возложилъ на себя, безъ постриженія, монашеское платье, и что онъ видѣлъ, какъ митрополитъ въ дорогѣ ѣлъ мясо. Служка митрополита, названный имъ христіаниномъ—гречаниномъ Ивашкомъ, на допросѣ заявилъ, что онъ природный татаринъ и вѣры бусурманской; съ митрополитомъ встрѣтился въ Яссахъ и просилъ его взять съ собою въ Москву для торгу. Митрополитъ попросилъ у него взаймы денегъ и онъ далъ ему 60 золотыхъ, послѣ чего митрополитъ взялъ его съ собою въ качествѣ слуги, приказавъ ему называться грекомъ и христіаниномъ. Подвергли допросу и самого митрополита. Онъ показывалъ, что у него, дѣйствительно, племянника дьякона турки взяли, но силою, силою же его и обусурманили, и онъ теперь у султана ближній человѣкъ—казначей, а вѣроятно будетъ и визиремъ, ибо изъ казначеевъ дѣлаютъ визирей,—но чрезъ племянника патріаршества не искалъ. Когда жилъ въ Синопѣ, то отъ тамошняго митрополита благословеніе принималъ и ѣлъ съ нимъ за однимъ столомъ, «а питье де шаралъ и пиво и медъ и камешки заноски для своей скудости продавалъ и тѣмъ кормился». Митрополитъ признался, что въ Путивлѣ, гдѣ онъ былъ боленъ два мѣсяца, мясо по болѣзни ѣлъ. На мірянина монашеское платье возложилъ потому, что тотъ обѣщался постричься, а про бусурманина сказалъ, что тотъ просился съ нимъ въ Москву для торгу, и такъ какъ онъ занялъ у него 60 золотыхъ, то и взялъ

его съ собою, «а христіаниномъ называлъ его спроста, а не съ умышленіемъ». Про царя и патріарха «никакихъ непригожихъ рѣчей и словъ и того, что въ Москвѣ только и вѣры, что въ колокола звонятъ, не говаривалъ и мысли у него не было, то на него затѣваютъ ложно по не дружбѣ». На обвиненіе, что онъ тайкомъ уѣхалъ изъ Константинополя, Неофитъ заявилъ, что онъ уѣхалъ явно, принявъ благословеніе отъ патріарха и патріаршую грамату къ царю, которая и теперь находится у него. Принесли грамату: оказалось, что она писана уже четыре года назадъ ко всѣмъ вообще владѣтелямъ, безъ подписи патріаршей руки, и притомъ въ ней Неофитъ названъ отставнымъ митрополитомъ. Съ своей стороны свидѣтели заявили относительно этой граматы, что она не патріаршая: «*много де такихъ грамотъ даютъ безъ патріаршія*». Неофитъ, по ученію государя, сосланъ былъ въ Свіяжскій монастырь на смиреніе, при чемъ у него отобраны были нѣкоторыя письма, которыя онъ было написалъ въ Турцію. Въ одномъ письмѣ къ Ибрагимъ-пашѣ, Неофитъ все, случившееся съ нимъ въ Москвѣ, объясняетъ такимъ образомъ, что онъ собралъ нѣсколько денегъ «*и покупилъ было кое что для ради московскаго ходу и взялъ съ собою трехъ воровъ чернцовъ*» и одѣлъ ихъ и обулъ и кормилъ и поилъ и многую нужду отъ нихъ претерпѣлъ». По ранѣе заключенному условію его спутники должны были, получивъ въ Москвѣ милостыню, отдать Неофиту половину потраченныхъ на нихъ дорогою издержекъ. Но, пишетъ Неофитъ, когда они прибыли въ Москву и получили отъ царя соболи и кормъ и денегъ много, «и они меня не стали чтить ни во что, лише меня бранили всякою неподобною бранью; и сталъ я прошати денегъ своихъ у нихъ и они, шедъ къ царю, довели на меня, будто я царя бранилъ и проклиналъ и иное многое неподобное говорили». Онъ проситъ Ибрагимъ-пашу, который и ранѣе выручалъ его не разъ изъ бѣды, чтобы онъ упросилъ султана написать грамату въ Москву объ освобожденіи митрополита изъ заключенія, «да еще пожалуй возьми и отъ патріарха цареградскаго Кирилла грамату къ царю московскому и патріарху московскому обо мнѣ митрополитѣ бѣдномъ, онъ вѣдаетъ и да отпишетъ тако, что я человѣкъ доброй и не отставленной и не проклятой...; да прикажи патріарху, чтобы писалъ къ царю граматы честно и патріарху, чтобы меня бѣднаго освободили и отпустили бы сюда меня, что сказали зло на меня напрасно лихіе собаки старцы мои діонисьевскіе, что будто ты хотѣлъ поставить меня въ патріархи, а того патріарха скинуть, да будто не стало тебя столько, что не могъ ты сдѣлать, и меня будто прокляли тогда и азъ будто побѣжалъ, а я ничего того не вѣдаю, у меня того и во умѣ не было, ни въ помышленіи не было и въ патріархи не мыслилъ и въ иное ни во что». Сообщаетъ пашѣ имена оговорившихъ его старцевъ и проситъ схватить ихъ и сослать на каторгу, гдѣ и держать ихъ, пока его не освободятъ. Въ письмѣ къ своему двоюродному брату Неофитъ пишетъ, что старцы оклеветали его, будто онъ бранилъ царя и патріарха, хулилъ христіанскую вѣру и что онъ, по этимъ обвиненіямъ, могъ бы подвергнуться смертной казни: «какъ бы иной царь былъ, далъ бы главу мою на сѣченіе, а се царь христіанской и благочестивой и милосердъ и милостивъ и отецъ его святѣйшій патріархъ щедръ и милостивъ, такожъ кровопролитія николи не хотятъ пролити, но виноватой и невиноватой лише ссылаютъ въ темное мѣсто, идѣже солнце не заходитъ, а меня ихъ милосердіе въ тѣ темныя мѣста не послали, а сослали меня въ ихъ царской монастырь доброй и о томъ азъ нищей благодарю ихъ милости... *Здѣся благочестія лутчи нашего, христіане благочестивые и добрые*"...

Но скоро Неофитъ рѣшительно измѣнилъ свой взглядъ на царя, московское благочестіе, на русскую доброту и человѣколюбіе. Ожидаемаго освобожденія изъ заточенія онъ не получалъ и потому, пробывъ въ Свіяжскомъ монастырѣ два года, въ первый день Рождества, перелѣзъ монастырскую стѣну, выбрался изъ Свіяжска и прибылъ въ Казань. Но здѣсь онъ былъ схваченъ, брошенъ въ тюрьму и снова водворенъ въ Свіяжскій монастырь. Отсюда Неофитъ успѣлъ было послать въ Турцію, съ какимъ-то татариномъ, письма къ разнымъ лицамъ, чтобы они похлопотали объ его освобожденіи. Но эти, очень любопытныя, письма были доставлены въ посольскій приказъ, почему Неофита стали держать еще крѣпче. Въ одномъ изъ этихъ писемъ Неофитъ разсказываетъ про себя, какъ онъ торжественно, со всевозмож-

ными почестями, представлялся царю, какъ много цѣнныхъ подарковъ получилъ отъ него, какъ много онъ ѣлъ и пилъ за царской трапезой и какъ вдругъ его оговорили въ ужасныхъ преступленіяхъ и между прочимъ: «яко прокляхъ царя и обычаи московскіе, яко прокляхъ звоны ихъ колокольные, яко прокляхъ весь московскій народъ, понеже ядятъ рыбы во святую четыредесятницу и во вся среды и пятки всего лѣта». Услышавъ объ этихъ обвиненіяхъ, «царь ужаснулся и велѣлъ трожды розжечь пещь и велѣлъ меня вкинуть въ нея внутрь, аки трехъ отрокъ, а отецъ его не велѣлъ такъ сдѣлать, потому что онъ есть праведенъ человѣкъ и разуменъ, только велѣлъ желѣза на меня положить на ноги и на руки и на шею». Въ другомъ письмѣ къ разнымъ духовнымъ лицамъ въ Константинополѣ завравшійся Неофитъ пишетъ: «царь московскій повелѣлъ огнемъ меня сожещи, но отецъ его, патріархъ московскій, не остави сему быти и сице рече ему царю: ты митрополита не можеши погубити, понеже архіерей есть и паче сего: Богъ вѣстъ, аще сицевая беззаконія сотворилъ есть, понеже грекове единъ другаго ненавидитъ и ему всяко позавидѣша, понеже лучше еси пожаловалъ его, нежели онѣхъ и того ради оклеветаша (его) и обидѣша, но понеже есть калугеръ, сего ради азъ его наказывати буду и тогда тремя веригами связаша мя и въ каторгу повергоша и 50 стрѣльцовъ со мною послаша, яко да не избѣгну» Въ письмѣ къ различнымъ духовнымъ и мірскимъ лицамъ Неофитъ проситъ всѣхъ своихъ друзей: «да припадете и умолите вселенскаго патріарха, яко да пошлетъ грамоту къ царю и патріарху московскому, прося и моля ихъ, яко да измутъ мя отъ тьмы, *которая есть въ малой Индѣе, глаголемой Сибири*, и изъ казанскаго города Свіяжска». Но особенно любопытно и характерно одно письмо Неофита къ какому-то турченину изъ бывшихъ христіанъ, можетъ быть, къ своему племяннику. Въ этомъ письмѣ онъ пишетъ: «и томятъ мя немилостивіи человѣцы московстіи, и мучителіе поруганные человѣцы томятъ мя и мучатъ четырьмя бичи и острые иглицы отъ лучины за ногты мои и во все тѣло мое вонзаютъ, и кричу и вопію къ Богу и проклинаю обычаи и законы ихъ, которые имутъ; яко же эллины живутъ и якоже Іуліянъ и Максиміянъ суть

пругъ дьявольскій сице и они творятъ и еще горѣй: тѣ бо мучаху святыхъ мучениковъ и проливаху крови ихъ во единъ день или во едину седмицу или во единъ мѣсяцъ и тако убиваху ихъ и свобождахуся отъ злаго міра. А сіи мучащіи мя, не хотятъ убити мя, яко да избавлюся отъ бѣдъ и мукъ, ими же мучатъ меня день и нощь и всегда глаголютъ ми: *буди москвитиномъ? азъ же къ нимъ глаголю: почто да буду москвитиномъ, азъ бо есмь православный христіанинъ, они же люттѣйше меня мучутъ*. Уже три или четыре лѣта ношу сія три вериги тяжки: едину на выи моей, а другую на рукахъ и третью на ногахъ и да бихъ уже умеръ и свободился отъ бѣдъ. Но Богъ многолѣтна да сотворитъ турскаго царя, да многолѣтенъ будетъ, понеже добрѣ судитъ суды своя и аще есть человѣкъ повиненъ смерти, то повелеваетъ отсѣщи ему главу, и тако отъ бѣдъ свобождается. Но здѣ человѣка по малу мучатъ, дондеже самъ умретъ, яко да не нарекутся убійцами,—виждь какову прелесть даде имъ дьяволъ, яко отъ Бога хотятъ утаиться, но злая ихъ дѣла вѣдома суть дьяволу. Прославляю Бога, яко не попущаетъ мнѣ *здѣ умрети въ песьемъ мірѣ*». Въ заключеніе проситъ ходатайствовать объ его освобожденіи, «да не умру *въ проклятой землѣ неправедной*, но да умру во благословенной землѣ турской». Еще въ одномъ письмѣ къ своимъ друзьямъ Неофитъ пишетъ, что несмотря ни на что, Богъ хранитъ ему жизнь, «хощетъ избавити мя Богъ и отъ сего *грубовиднаго и варваровиднаго народа московскаго*, яко да изыду оттуду и вся злая скажу, яже пострахахъ и вся стражду и да повѣмъ безмѣстная и беззаконная дѣла, яже здѣ творятъ, *не суть сіи православніи христіане...*» [1]) Понятно, что Неофиту не удалось умереть «во благословенной землѣ турской».

Въ 1647 году въ Москвѣ возникло дѣло о великомъ архимандритѣ, учителѣ и богословѣ великой церкви константинопольской Венедиктѣ, который пріѣхалъ было въ Москву для учительства, но не былъ здѣсь принятъ, и о митрополитахъ: силистрійскомъ и варнскомъ и архіепископѣ эласонскомъ. Архимандритъ и келарь силистрійскаго митрополита

[1]) 7136 г. № 11.

Іереміи сдѣлали на него доносъ, что онъ, предъ выѣздомъ изъ Москвы, былъ у учителя архимандрита Венедикта и писалъ съ нимъ ночью грамату въ Литву, чтобы тамъ задержать архимандрита и келаря и ограбить ихъ. Митрополитъ былъ подвергнутъ допросу, на которомъ заявилъ, что онъ у Венедикта дѣйствительно былъ и писалъ грамату, но не въ Литву, а проѣзжую отъ имени александрійскаго патріарха Іоанникія, вмѣсто прежней, которая у него затерялась. Руку александрійскаго патріарха подписалъ на этой граматѣ учитель архимандритъ Венедиктъ, «*потому что де ему дана вольность въ мѣсто трехъ патріарховъ: константинопольскаго, іерусалимскаго и александрійскаго руки прикладывать* и онъ де учитель къ той грамотѣ и руку приложилъ имянемъ александрѣйскаго патріарха». Иначе показывали свидѣтели, особенно писецъ Иванъ, который писалъ самую грамату и слышалъ всѣ переговоры участниковъ. Онъ показалъ, что грамата дѣйствительно писана въ Литву, въ Конотопъ, къ тамошнему старостѣ, по наученію учителя Венедикта, «что бы староста митрополича архимандрита и келаря, (которые, по предварительному договору съ митрополитомъ, должны были, получивъ въ Москвѣ милостыню, ѣхать каждый съ Путивля кто куда знаетъ) въ Конотопѣ оставилъ и посадилъ въ яму, покамѣста пріѣдутъ съ Москвы иные греческіе власти: Варна города митрополитъ Парѳеній, да Аласунской архіепископъ Іоасафъ съ своими архимандриты и съ келарями, да и онъ учитель Венедиктъ и имъ де сообча всѣмъ митрополитамъ и архіепископу архимандритовъ и келарей своихъ грабить. что имъ дано государева жалованья и чтобъ все у нихъ отнять, потому что де тѣмъ архимандритамъ и келарямъ государево жалованье дано большое и, ограбя ихъ, отпустить куды кто хочетъ, а имъ бы митрополитомъ и архіепископу тѣмъ всѣмъ совладѣть однимъ. А конотопской де староста учителю архимандриту Венедикту другъ большой и помѣшки де отъ него старосты въ томъ ихъ дѣлѣ не будетъ, еще де онъ имъ и помощь учинитъ для своей корысти. А ту де грамоту, по архимандричью велѣнью, писалъ онъ, Ивашко, польскимъ письмомъ и къ той грамотѣ Варнскаго города митрополитъ и аласунскій архіепископъ и учитель архимандритъ Венедиктъ руки свои приложили, а ево же

Ивашка закляли они, чтобъ онъ той мысли не сказывалъ никому». Подвергли допросу учителя Венедикта, который заявилъ, что митрополиты силистрійскій и варнскій у него были и писали «совѣтную грамату» къ конотопскому старостѣ, который мнѣ другъ, и я къ тому ихъ письму приложилъ свою руку, «а подлинно де онъ про то, что въ томъ письмѣ у нихъ написано, онъ не вѣдаетъ, потому что онъ болѣнъ гораздо». Къ проѣзжей грамотѣ силистрійскаго митрополита руки своей, вмѣсто александрійскаго патріарха, онъ не прикладывалъ, «да и никому де нельзя того учинить, чтобы вмѣсто патріарха руку приложить, опричь самого того, отъ кого грамата писана будетъ и вольности такіе никому не даютъ, чтобъ въ патріархово мѣсто руки прикладывать». Элассонскій архіепископъ сначала заявилъ было, что про грамату въ Литву онъ ничего не вѣдаетъ и къ ней не подписывался, но, уличаемый свидѣтелями, сознался, что къ конотопскому старостѣ писана была грамата о лошади и о покупкѣ, но услышавъ, что между силистрійскимъ митрополитомъ и архимандритомъ изъ-за этой грамоты вышелъ шумъ, онъ сжегъ ее вмѣстѣ съ варнскимъ митрополитомъ Послѣдній подтвердилъ это показаніе. «а подлинно про ту грамоту, о чемъ она писана и кто къ ней руку прикладывалъ и кто ее сжегъ и гдѣ жгли не сказалъ». «Да они-жъ говорили: писана де въ лѣсѣ, а жгли ее въ лѣсѣ жъ, а правды про тое грамоту митрополиты и архіепископъ не сказали, а все говорили разные рѣчи» [1]).

Въ 1671 году прибылъ въ Москву торговый грекъ Кириллъ Христофоровъ. Прибывшій въ то же время въ Москву за милостынею греческій епископъ Панкратій сдѣлалъ доносъ на него, что Кириллъ вовсе не грекъ, а турецкій янычаръ и что онъ пріѣхалъ въ Москву для лазутчества, высматривать, сколько въ Москвѣ пушекъ и наединѣ говорилъ ему, епископу, что Москву взять можно. Вслѣдствіе этого доноса грекъ былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму, но за него вступились Лигаридъ и другія греческія власти, которыя объяснили доносъ такимъ образомъ: братъ епископа Панкратія, еще въ волошской землѣ, занялъ

[1]) 7155 г № 2

у грека Кирилла 150 рублей съ тѣмъ, чтобы отдать ихъ въ Москвѣ, но на Москвѣ занятыхъ денегъ не отдалъ, а подговорилъ своего брата епископа сдѣлать извѣтъ на своего кредитора, чтобы этимъ способомъ окончательно отдѣлаться отъ него [1]).

Въ 1696 году прибылъ въ Москву за милостынею съ острова Самоса Воздвиженскаго монастыря архимандритъ Филимонъ съ іеромонахомъ Каллиникомъ и представилъ о себѣ рекомендательныя граматы константинопольскаго патріарха и архіепископа самосскаго. Прибывшій вмѣстѣ съ нимъ іеромонахъ Каллиникъ подалъ доносъ на Филимона, въ которомъ было сказано, что Филимонъ въ своей сборной грамотѣ самъ написалъ себя архимандритомъ, какимъ въ дѣйствительности онъ никогда не былъ. На это Филимонъ отозвался: «въ томъ де листу скребено и таковъ де скребеный листъ данъ ему изъ монастыря», въ монастырѣ де его написали архимандритомъ, хотя онъ и не посвященъ. Въ извѣтѣ было написано: тѣ де три листа, которые подалъ старецъ Филимонъ, составилъ и написалъ воровски на Москвѣ онъ же Филимонъ и къ тѣмъ листамъ вмѣсто патріарха и архіепископа и Воздвиженскаго монастыря братіи приписывалъ руку и печать поддѣлалъ на грецкомъ мылѣ и тѣ листы запечаталъ онъ же Филимонъ, а опричь де ево извѣтчика никто того не видалъ». Филимонъ отрицалъ обвиненіе, но извѣтчикъ настаивалъ, что онъ ранѣе уже обманулъ составною граматою гетмана. Обвиняли Филимона и въ томъ, что онъ занимается докторствомъ и пускаетъ кровь, что для монаха неприлично. Обвиняемый сознался, что онъ лечитъ, но крови не пускалъ. «Въ извѣтѣ еще написано: «въ Никольскомъ де греческомъ монастырѣ тотъ старецъ Филимонъ у себя въ кельѣ *варилъ собаки* въ маслѣ деревянномъ, а для чего варилъ, того онъ не вѣдаетъ. И по указыванью извѣтчикову въ кельѣ у того Филимона вынятъ горшокъ муравленой замазанъ тѣстомъ, а по осмотру въ томъ горшкѣ сварено *три щенка въ шерсти*».—«А Филимонъ сказалъ: тѣ де собаки въ церковномъ и деревянномъ маслѣ для леченія скорби подагры, которая та скорбь и

[1]) 7179 г № 3

иная водяная была у гостя Гаврила Романова, а подагра еще изъ ноги у него не вся вылѣчена, а мимо того лѣкарства той скорби вылѣчить не мочно, только де тѣмъ лѣкарствомъ его, Гаврила, онъ не лѣчилъ, потому что лѣкарство въ свое *лѣкарственное* дѣло не дошло, а около того лѣкарства, по его Филимонову велѣнью, ходилъ и составливалъ греченинъ Спонданинъ Марининъ, а самъ онъ, Филимонъ, къ тому дѣлу своими руками не прикасался».—Когда извѣтчику и Филимону дали очную ставку, то Филимонъ, въ концѣ-концовъ, сознался въ составленіи подложныхъ подписей и въ поддѣлкѣ печатей, сознался, что онъ не архимандритъ. Филимонъ за свое воровство былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь [1]).

Въ 1728 году пріѣхалъ въ Москву греческій монахъ Симеонъ изъ монастыря Благовѣщенскаго, на островѣ Скопелло, и привезъ просительную грамату о милостынѣ отъ братіи монастыря Но одинъ, бывшій тогда въ Москвѣ бѣлорусскій монахъ донесъ, что видѣлъ Симеона въ Польшѣ, гдѣ онъ назывался митрополитомъ и служилъ по-архіерейски. Симеона арестовали со всѣмъ его имуществомъ и бумагами, при чемъ у него были найдены поддѣльныя патріаршія рекомендательныя граматы, разные паспорта, записки, антиминсъ на бѣломъ полотнѣ, полное архіерейское облаченіе и под. На допросѣ Симеонъ показалъ, что онъ родомъ изъ Демотики, постригся на Аѳонѣ, оставивъ который, бродилъ по монастырямъ разныхъ государствъ Въ 1724 году прибылъ онъ въ Польшу, гдѣ «назвался самъ собою архіереемъ, ходилъ по-архіерейскому въ мантіи и въ бѣломъ клобукѣ *и въ разныхъ городѣхъ служилъ божественные службы по архіерейскому чинополоэенію, а именно: въ Могилевѣ, въ Слуцку, въ Розѣ и въ Вильнѣ, и въ тѣхъ служеніяхъ посвящалъ діаконовъ и благословилъ архимандрита и игумена* и писался въ письменныхъ произвожденіяхъ филиппольскимъ архіепископомъ и митрополитомъ Стефаномъ Іустиніаномъ, княземъ и кавалеромъ св. Андрея Первозваннаго и архимандритомъ трехъ монастырей, а въ другихъ мѣстахъ· Стефаномъ Іустиніаномъ княземъ и кавалеромъ

[1]) 7201 г № 18

св. Андрея Первозваннаго и архіепископомъ Демотиха и сочинялъ многіе собою-жъ лживо граматы и прочія письма. И будучи де въ Римѣ въ 1727 году учинилъ онъ, іеромонахъ Симеонъ, присягу, чтобъ признавать папу, яко намѣстника Христова, свыше святѣйшихъ патріарховъ и содержать бы чиноположеніе и уставъ, какъ повелѣваетъ западная церковь. И въ 1728 году прибылъ онъ въ Москву того ради, что хотѣлъ принести о показанныхъ его заблужденіяхъ истинное Ея Императорскому Величеству и Святѣйшему Правительствующему Синоду покаяніе и сталъ въ Никольскомъ греческомъ монастырѣ, но однако же самъ собою того не учинилъ изъ страха». Симеона немедленно велѣно было «обнажить монашества и священства» и сослать въ Пустоозерскій острогъ.—Въ заарестованныхъ бумагахъ Симеона находится одно, очень характернос письмо слѣдующаго содержанія: «я, іеромонахъ Варнава, симъ моимъ письмомъ утверждаю: просилъ я преосвященнѣйшаго нашего господина и владыку киръ Симеона, чтобъ меня принялъ къ себѣ въ товарищество, т.-е. для путестранствованія въ Москву. И положили согласіе между собою, а сколько милостыни подастъ намъ І. Христосъ за молитвами св. славнаго пророка, предтечи и крестителя Іоанна, изъ онаго имѣетъ братъ господинъ нашъ и владыка киръ Симеонъ двѣ доли, а я одну со всякимъ страхомъ Божіимъ, и всегда повиненъ я имѣть, яко малѣйшій, покореніе и послушаніе, въ чемъ не повелитъ. *А буде кто похощетъ раскаятися, или обманутъ другъ друга, тотъ имѣетъ дать 500 грошей.* И во извѣстіе истянны дали мы другъ другу своеручные письма лѣта 1719, октоврія 10 дня. Варнава іеромонахъ вышеписанное утверждаю» [1]).

Приведенныя нами свидѣтельства о злоупотребленіяхъ со стороны просителей русскою милостынею и указанные нѣкоторые отдѣльные случаи самыхъ злоупотребленій, насколько они были раскрыты правительствомъ, показываютъ, что къ намъ очень нерѣдко являлись за милостынею различные самозванцы, поддѣлывавшіе патріаршія подписи и печати, запрещенные и даже совсѣмъ лишенные сана архіереи, выдававшіе себя за дѣйствительныхъ митрополитовъ или архіепископовъ, и что всѣ вообще просители, ради получки болѣе щедрой милостыни, дозволяли себѣ прибѣгать къ самымъ предосудительнымъ и даже прямо преступнымъ средствамъ. Бороться съ этими злоупотребленіями правительству было очень трудно, такъ какъ просители обыкновенно дѣйствовали заодно, дружно прикрывая свои плутни и обманы, всегда готовы были подтвердить любое показаніе своего собрата и всячески оправдать его. Только дѣлежъ полученной въ Москвѣ милостыни подавалъ нерѣдко поводъ къ ссорамъ и доносамъ просителей другъ на друга. Обыкновенно какой-либо митрополитъ или архіепископъ, дѣйствительный или самозванный, направляясь въ Москву, подбиралъ свиту изъ всякаго случайнаго сброда и заключалъ съ набранными лицами условіе, сколько онъ долженъ взять себѣ изъ полученной въ Москвѣ дачи и сколько они. Но въ Москвѣ, получивъ милостыню, одна изъ сторонъ выражала притязаніе на большій условленный пай, вслѣдствіе чего между ними возникали ссоры, всегда сопровождавшіяся доносомъ одной стороны на другую, при чемъ доносчики обыкновенно раскрывали весь тотъ рядъ обмановъ, съ помощью которыхъ получалась многими просителями щедрая русская милостыня. Но замѣчательно, что наше правительство, и послѣ полученнаго доноса, вело разслѣдованіе какъ то не особенно охотно и настойчиво, не предпринимало, до самаго XVIII столѣтія, какихъ-либо особыхъ, спеціальныхъ и усиленныхъ мѣръ для предупрежденія обмановъ на будущее время. Оно какъ будто не хотѣло высокое дѣло благотворительности Востоку грязнить разслѣдованіемъ и раскрытіемъ тѣхъ плутней и обмановъ, которые вносили въ это святое, христіанское дѣло нѣкоторые изъ просителей.

[1])—1728 г № 7

Глава VI.

Постановленія правительства относительно пропуска въ Москву различныхъ просителей милостыни въ Востока въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Русь съ XVI столѣтія широко раскрыла свои двери для всѣхъ просителей милостыни съ страждущаго подъ игомъ

невѣрныхъ православнаго Востока. Всякій нуждающійся православный, кто бы онъ ни былъ, могъ смѣло идти на Русь въ полной увѣренности, что здѣсь онъ получитъ болѣе или менѣе щедрую милостыню. Отказа никому не было, всѣхъ безъ различія просителей пропускали въ Москву, всѣхъ надѣляли здѣсь милостынею, такъ что за весь XVI вѣкъ мы знаемъ только одинъ случай, когда просители были возвращены назадъ изъ Путивля, и то по особымъ обстоятельствамъ [1]). Понятно, что на Востокѣ нашлось много и даже очень много охотниковъ воспользоваться широкою русскою благотворительностію. Потокъ всевозможныхъ просителей милостыни, съ различныхъ концевъ православнаго Востока, устремился въ Москву и съ теченіемъ времени становился все шире и стремительнѣе, грозя совсѣмъ опустошить царскую казну Въ виду этого требовались отъ русскаго правительства какія-либо мѣры, которыя бы, съ одной стороны, предупреждали чрезмѣрный наплывъ въ Москву просителей милостыни съ Востока, съ другой стороны, устраняли возможность злоупотребленій, такъ какъ подъ видомъ просителей милостыни могли являться на Русь, и дѣйствительно являлись, разные самозванцы, запрещенные архіереи, всевозможные авантюристы и под.

Въ XVI вѣкѣ мы вовсе не встрѣчаемъ еще никакихъ мѣръ, предпринятыхъ правительствомъ съ цѣлью стѣсненія пріѣзда просителей въ Москву или съ цѣлью предупрежденія различныхъ злоупотребленій со стороны просителей. Это понятно. Въ XVI столѣтіи Москва только еще выступаетъ въ качествѣ покровительницы всего восточнаго православія, она усиленно ищетъ признанія ея въ этой роли со стороны православнаго Востока и ея прямой интересъ требовалъ самаго широкаго развитія благотворительности Востоку,—чѣмъ болѣе въ Москву пріѣзжало просителей милостыни, тѣмъ яснѣе выражалось этимъ признаніе Москвы покровительницею всего вселенскаго православія Иванъ Васильевичъ Грозный, по собственной инициативѣ, посылаетъ отъ себя богатую милостыню всѣмъ восточнымъ патріархамъ, многимъ митрополитамъ, монастырямъ и церквамъ, хотя они и не просили его объ этомъ. Посылка милостыни была ему нужна для того, чтобы явить себя всему Востоку единымъ теперь православнымъ царемъ, опорою и покровителемъ всего вселенскаго православія. Естественно поэтому, что просители милостыни въ XVI столѣтіи не только не могли встрѣтить со стороны московскаго правительства какихъ-либо стѣсненій или препятствій къ полученію милостыни, но наоборотъ, встрѣчали только одно поощреніе, а потому притокъ ихъ все болѣе увеличивался. Къ концу XVI вѣка пріѣзжаютъ въ Москву, въ качествѣ просителей милостыни, уже два восточные патріарха. изъ которыхъ одинъ былъ самъ вселенскій—Іеремія. Понятно также, что за это время не могло возникнуть никакихъ особыхъ мѣръ и по поводу злоупотребленій русскою милостынею со стороны просителей, потому что эти злоупотребленія развились особенно только въ послѣдующее время, а на встрѣчавшіеся отдѣльные случаи въ Москвѣ и смотрѣли какъ на отдѣльные исключительные случаи, которымъ не придавали особаго значенія.

Смутное время, наступившее въ Россіи, остановило было притокъ въ Москву просителей. Но какъ скоро въ Москвѣ установилось прочное правительство, просители милостыни снова направились въ Москву и чѣмъ далѣе, тѣмъ все въ большемъ количествѣ. Россія въ смутное время была разорена, цѣлые города и области были разграблены, опустошены, выжжены; народъ сильно обѣднѣлъ, совсѣмъ опустѣла и царская казна, не было денегъ на удовлетвореніе первыхъ. необходимѣйшихъ государственныхъ потребностей, а между тѣмъ нуждъ было такъ много, всѣ онѣ были такъ настоятельны. Казалось бы, что тутъ уже не до благотворительности, не до покровительства Востоку, казалось невозможнымъ и крайне неразумнымъ, при такихъ обстоятельствахъ, тратить большія суммы въ концѣ истощенной казны на раздачу милостыни разнымъ просителямъ съ Востока. Не такъ смотрѣло на это дѣло московское правительство: отказаться отъ благотворительности православному Востоку, значило бы, изъ боязни лишнихъ, хотя бы и тяжелыхъ для государства, расходовъ, отказаться отъ историческаго при-

[1]) Въ 1586 году просители аѳонскаго зографскаго монастыря не были пропущены въ Москву и получили милостыню 130 р въ Путивлѣ, такъ какъ они пришли изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ было моровое повѣтріе

званія Россіи, отъ той высокой роли, какая самимъ Промыслом назначена Руси относительно всего православнаго міра, значило бы порвать связь съ прежними, самыми завѣтными и дорогими стремленіями и преданіями московскаго царства. значило бы подвергать, никѣмъ болѣе не поддерживаемое православіе на Востокѣ, крайней опасности и сдѣлать отвѣтственной Москву за его, если не конечное паденіе, то умаленіе на Востокѣ. На такой шагъ московское правительство, несмотря на всѣ свои финансовыя затрудненія, было не способно, особенно же Филаретъ Никитичъ, строгій ревнитель русской чести и преданій московскаго царства. Поэтому, съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича, и особенно съ пріѣздомъ Филарета Никитича, пріемъ въ Москвѣ просителей милостыни снова былъ возстановленъ и число ихъ все болѣе увеличивалось, такъ какъ Филаретъ Никитичъ хотѣлъ во всей силѣ поддержать и продолжить старыя московскія традиціи по отношенію къ православному Востоку. Просителей не только радушно принимали, но и одаряли милостынею ничуть не меньше прежняго времени, несмотря на крайнюю скудость государственной казны Но такъ какъ число ихъ увеличивалось съ каждымъ годомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ росло и количество злоупотребленій милостынею. то явилась потребность въ какихъ-либо опредѣленныхъ правилахъ, имѣвшихъ въ виду на первый разъ не столько сокращеніе числа просителей или количества отпускаемой имъ милостыни, сколько предупрежденіе злоупотребленій. Одною изъ первыхъ мѣръ въ этомъ родѣ была дача разнымъ восточнымъ обителямъ такъ называемыхъ жалованныхъ граматъ. Такія граматы уже выдавались раньше Иваномъ Васильевичемъ и Ѳедоромъ Ивановичемъ нѣкоторымъ восточнымъ монастырямъ, напримѣръ: Пантелеймоновскому аѳонскому монастырю, Благовѣщенскому сербскому на рѣкѣ Папрачѣ, Всесвятскому Метеорскому. Въ этихъ граматахъ, которыя буквально сходны между собою, приказывается воеводамъ старцевъ означеннаго въ граматѣ монастыря пропускать въ Москву, когда они явятся на рубежъ съ жалованною граматою, давать имъ подводы и пристава до Москвы. На каждаго человѣка полагалась одна подвода, а подъ рухлядь «сколько можно поднятись». «А корму имъ давати

въ дорогу архимандриту и строителю по алтыну человѣку на день, а конскаго корму давати имъ зимою по 2 деньги на лошадь на день, сколько съ ними лошадей будетъ». Если при старцахъ были служки, то имъ полагалось «по 3 деньги человѣку на день». Затѣмъ въ грамотахъ предписывается всѣмъ властямъ не брать пошлинъ съ рухляди старцевъ, на мостахъ и рѣкахъ за перевозъ и проѣздъ и вообще пропускать ихъ вездѣ безъ всякія «зацѣпки»; а кто ихъ обидитъ или что возьметъ у нихъ, тому быть отъ государя въ опалѣ, а взятое возвратить вдвое безъ суда. Въ заключеніе грамоты говорится, чтобъ архимандритъ и старцы означеннаго монастыря не ввозили и не вывозили иныхъ монастырей старцевъ, слугъ и лошадей, а также товаровъ чужихъ и заповѣдныхъ,—на виновныхъ государь наложитъ пеню, смотря по винѣ. Точно такія же жалованныя грамоты давались и во все послѣдующее время, только съ самаго начала XVII столѣтія въ нихъ внесены были два небольшія, но очень важныя, по своему значенію, добавленія. Теперь въ жалованныхъ грамотахъ всегда стали обозначать сроки, чрезъ сколько лѣтъ обитель можетъ присылать своихъ просителей въ Москву за милостынею. Сроки эти для различныхъ обителей были различны: по большей части назначалось пріѣзжать въ шестой или седьмой годъ, значительно рѣже въ пятый, восьмой и десятый, и, въ исключительныхъ случаяхъ въ четвертый и даже въ третій. Ранѣе назначеннаго срока пріѣзжать въ Москву за милостынею просители уже не имѣли права и ихъ теперь нерѣдко отсылали назадъ съ замѣчаніемъ, что они пріѣхали ранѣе назначеннаго срока, тогда, какъ прежде, когда срока въ граматахъ не назначалось, они могли ѣздить за милостынею чуть не каждый годъ. Съ теченіемъ времени, когда явилась потребность стѣснить и ограничить все болѣе увеличивающійся приливъ просителей, старались пропускать въ Москву просителей только изъ тѣхъ монастырей, которые имѣли у себя жалованныя граматы. Поэтому каждая восточная обитель употребляла обыкновенно всѣ усилія добыть себѣ царскую жалованную грамату, которая, въ извѣстные сроки, обезпечивала просителямъ свободный, безпрепятственный проѣздъ въ Москву. Для полученія жалованныхъ граматъ употреблялись со сто-

роны просителей всевозможныя средства: личныя просьбы и моленія предъ государемъ, ходатайства восточныхъ патріарховъ, разныхъ лицъ, пользующихся при московскомъ дворѣ вліяніемъ и под. Получившіе грамату съ долгимъ срокомъ старались перемѣнить его на болѣе короткій и въ большинствѣ случаевъ достигали цѣли. Другое добавленіе, внесенное въ жалованныя граматы съ начала XVII столѣтія, состояло въ точномъ обозначеніи числа лицъ, которыхъ обитель могла присылать въ Москву за милостынею, о чемъ граматы XVI вѣка вовсе не упоминали. Это добавленіе вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что вмѣстѣ съ дѣйствительными просителями отъ обители пріѣзжали въ Москву и сторонніе лица, по большей части купцы. Всѣхъ пріѣхавшихъ приходилось перевозить, а купцовъ и съ ихъ товарами, отъ границы до Москвы на казенныхъ подводахъ, давать имъ во все время пребыванія на Руси, полное казенное содержаніе и, сверхъ того, одѣлять ихъ подарками и милостынею. Въ видахъ ограниченія подобныхъ злоупотребленій, въ граматахъ и стали, съ XVII вѣка, точно обозначать, сколько лицъ заразъ могутъ пріѣхать въ Москву за милостынею отъ извѣстной обители. Впрочемъ просители всячески старались обойти эти стѣснительныя для нихъ правила, а правительство, съ своей стороны, не всегда достаточно энергично настаивало на ихъ точномъ выполненіи, почему отступленія отъ нихъ были нерѣдки.

Другимъ правиломъ, которымъ съ XVII столѣтія стали руководствоваться въ Москвѣ относительно просителей милостыни, было требованіе рекомендательныхъ или ходатайственныхъ граматъ за просителя какого-либо восточнаго патріарха. Нѣкоторыхъ просителей теперь стали возвращать изъ Путивля именно потому, что они не имѣли за себя рекомендательныхъ граматъ ни отъ какого патріарха [1]). Слѣд-

[1]) Такъ, напримѣръ, въ 1630 году архимандритъ Аѳонскаго Филоѳеевскаго монастыря былъ возвращенъ изъ Путивля назадъ потому, что не привезъ свидѣтельственныхъ граматъ ни отъ какого патріарха. Въ томъ же году и по той же причинѣ не пропустили въ Москву игумена города Ахриды Преображенскаго монастыря Въ слѣдующемъ году по той же причинѣ былъ возвращенъ назадъ изъ Путивля одинъ греческій епископъ, тогда какъ пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ архимандритъ ларисскаго Стефановскаго монастыря былъ пропущенъ въ Москву, такъ какъ онъ имѣлъ рекомендательную грамату отъ константинопольскаго патріарха.

ствіемъ этого требованія было то, что каждый проситель, отправляясь на Русь за милостынею, старался раздобыться рекомендательною патріаршею граматою, и если не добывалъ настоящей, то замѣнялъ ее поддѣльной, благодаря чему фабрикація поддѣльныхъ рекомендательныхъ патріаршихъ граматъ и приняла съ тѣхъ поръ очень почтенные размѣры. Наше правительство не умѣло или не хотѣло энергично бороться противъ этихъ злоупотребленій и потому требованіе отъ просителей рекомендательныхъ патріаршихъ граматъ не могло служить гарантіей противъ разныхъ обмановъ со стороны просителей, тѣмъ болѣе, что къ ихъ продѣлкамъ правительство относилось, въ большинствѣ случаевъ, какъ-то очень снисходительно. Напримѣръ: въ 1640 году въ Москву прибыли изъ Метеорскаго Преображенскаго монастыря архимандритъ Захарій, да съ Бѣлаго моря игуменъ Аѳанасій, да изъ Царьграда протопопъ Захарій, «а въ Путивлѣ они пролгалися: архимандритъ сказалъ, что будто онъ выѣхалъ на государево имя на вѣчное житье, а къ Москвѣ пріѣхавъ, билъ челомъ государю, чтобы государь пожаловалъ велѣлъ его съ Москвы отпустить назадъ въ его монастырь, и на Москвѣ жить не хочетъ. А игуменъ Аѳанасій сказалъ у себя въ Путивлѣ листъ молдавскаго владѣтеля Василья о государевѣ тайномъ дѣлѣ, о которомъ де былъ посланъ съ Москвы въ молдавскую землю Богданъ Дубровской; а на Москвѣ тотъ игуменъ заперся о томъ, будто онъ въ Путивлѣ такого листа у себя не сказывалъ. Да онъ же игуменъ съ собою привезъ цареградскаго патріарха стараго Кирилла грамату—рука и печать патріарша поддѣланы. А протопопъ Захарей сказалъ, что есть съ нимъ къ государю грамата новаго цареградскаго патріарха Парѳенія и словесный приказъ о великомъ дѣлѣ; а на Москвѣ въ томъ заперся жъ, что будто онъ того въ Путивлѣ не сказывалъ. И за тѣ ложныя статьи архимандритъ и игуменъ и протопопъ государевыхъ очей не видали, а государева жалованья дано имъ для ихъ бѣдности на отпускѣ деньгами: архимандриту 12 рублевъ, игумену да протопопу по 6 рублевъ человѣку и отпущены съ Москвы назадъ въ свои земли» [1]). Наконецъ, значеніе указанной мѣры

[1])—7150 г № 20.

отчасти подрывало и само правительство, которое, несмотря на ходатайственныя граматы патріарховъ, все-таки отсылало просителей назадъ изъ Путивля. Такъ, въ 1632 году отосланы были назадъ изъ Путивля два архимандрита двухъ греческихъ монастырей, несмотря на то, что за нихъ ходатайствовалъ особыми граматами константинопольскій патріархъ Кириллъ Лукарисъ. Въ 1636 году воротили изъ Путивля бѣлаго священника и двухъ бѣльцевъ гречанъ, хотя за нихъ просили два патріарха: константинопольскій и іерусалимскій. Въ 1641 году былъ возвращенъ назадъ изъ Путивля архимандритъ аѳонской лавры св. Аѳанасія, несмотря на особое ходатайство о лаврѣ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана [1]). Вообще, какъ и безъ патріаршихъ рекомендательныхъ грамотъ можно было попасть въ Москву, особенно лицамъ высшаго іерархическаго ранга, каковы: митрополиты, архіепископы; такъ и наоборотъ: съ патріаршей граматой можно было не побывать въ Москвѣ, а возвратиться назадъ изъ Путивля,—разъ строго опредѣленнаго въ этомъ отношеніи ничего не было.

Придерживались, при пропускѣ просителей въ Москву, и нѣкоторыхъ другихъ правилъ, хотя и не особенно крѣпко. Такъ, возвращали изъ Путивля назадъ тѣхъ, которые, разъ получивъ милостыню, очень скоро опять обращались за нею. Въ 1627 году изъ Путивля возвратили аѳонскаго ватопедскаго архимандрита, потому что за три года передъ тѣмъ пріѣзжалъ архимандритъ ватопедскій Игнатій и получилъ милостыни на 200 рублей—«надобно, чтобы они помнили русскую милостыню». Въ 1630 году воротили изъ Путивля гревенскаго митрополита Сергія, который уже получилъ милостыню въ 1626 году. Въ 1631 году не пропустили въ Москву греческаго митрополита Іеремію, потому что онъ ранѣе былъ въ Москвѣ и тогда милостыня была дана ему «нескудная». Наоборотъ, въ Москву безпрепятственно пропускались просители изъ такихъ монастырей, отъ которыхъ ранѣе просителей въ Москвѣ не было, на это обстоятельство обыкновенно и указывалось въ царскомъ приказѣ путивльскимъ воеводамъ о пропускѣ такихъ лицъ въ Москву.

[1])—7140 г № 12,—7144 г № 12,—7149 г № 15

Иногда просителей не пропускали въ Москву потому, что они не привозили съ собою никакихъ политическихъ вѣстей. Разъ, въ 1630 году, отказали просителямъ «за скудостью», такъ какъ въ московскій пожаръ 1626 года сгорѣла многая царская казна; а иногда просителей возвращали назадъ изъ Путивля безъ всякихъ объясненій.

Существовало и еще одно правило, котораго правительство придерживалось въ теченіе первой половины XVII вѣка относительно пропуска просителей въ Москву: обращалось вниманіе на національность просителя,—греки были по преимуществу покровительствуемые, просители же славяне возвращались назадъ изъ Путивля. Въ 1628 году былъ возвращенъ изъ Путивля назадъ сербскаго Благовѣщенскаго, на рѣкѣ Попрачѣ, монастыря, архимандритъ Ананія съ своими спутниками, хотя они и заявляли, что лучше имъ живыми не быть, чѣмъ не видѣть царское пресвѣтлое лицо, чѣмъ они будутъ хвалиться предъ сербскимъ архіепископомъ и митрополитами. Въ 1629 году не были пропущены въ Москву просители славянскихъ аѳонскихъ монастырей Пантелеймоновскаго, Зографскаго и Хиландарскаго, а также просители изъ сербской Студеницкой Лавры. Въ 1635 году воротили назадъ изъ Путивля просителей изъ Милешевскаго монастыря, при чемъ въ приказной справкѣ замѣчено: «а изъ сербскіе земли пріѣзжали бить челомъ къ государю о милостынѣ въ прошлыхъ годѣхъ разныхъ иныхъ монастырей архимандриты и старцы на Путивль и имъ государево жалованье давано въ Путивлѣ и отпусканы съ Путивля назадъ, а къ Москвѣ многіе не иманы» [1]). Въ приказной справкѣ слѣдующаго 1636 года, по поводу пріѣзда просителей изъ сербскаго Дмитріевскаго монастыря, прямо говорится, что черныхъ поповъ просителей изъ разныхъ сербскихъ монастырей въ Москву пропускать не велѣно, а велѣно выдавать имъ милостыню въ Путивлѣ [2]). Въ 1643 г. пріѣхалъ въ Путивль отъ сербскаго печскаго архіепископа Паисія архимандритъ печскаго Вознесенскаго монастыря, но его, съ малой дачей, велѣно было возвратить назадъ. Ар-

[1]) 7136 г № 18,—7137 г №№ 7 и 17,—7143 г № 6
[2]) 7144 г № 5

химандритъ не поѣхалъ и прислалъ къ государю грамату, въ которой была означена разная привезенная имъ святыня, «все сіе, писалъ архимандритъ, на почесть прислалъ нашъ святѣйшій архіепископъ Паисій вашему пресвѣтлому царству; мы убогіе стояли въ Путивлѣ три мѣсяца, но Василій Петровичъ воевода послалъ насъ назадъ, мы же стали ни туда, ни сюда; а нашъ архіепископъ старъ, имѣетъ около ста лѣтъ, и мы оставили его въ турской землѣ въ неволѣ, сидитъ въ желѣзахъ, ради дани впалъ въ великій долгъ,— долгу девять тысячъ ефимковъ, а земля въ убожество пришла отъ агарянскаго насилія, что и у васъ слышно» [1]) Но царь не тронулся этими моленіями архимандрита, а приказалъ воеводѣ отпустить его назадъ изъ Путивля.—Причина такого пренебрежительнаго отношенія русскаго правительства къ сербскимъ просителямъ можетъ быть объяснена слѣдующими соображеніями: русское правительство по преимуществу благотворило грекамъ потому, что они постоянно доставляли ему нужныя свѣдѣнія «о турецкихъ поведеніяхъ», служили ему въ качествѣ тайныхъ политическихъ агентовъ, между тѣмъ какъ сербы не могли удовлетворять этому требованію, почему ихъ и не пропускали въ Москву, а надѣляли милостынею въ Путивлѣ. Греки, отправляясь въ Москву, всегда старались имѣть при себѣ рекомендательныя граматы отъ восточныхъ патріарховъ, что, какъ мы видѣли, было однимъ изъ условій для полученія пропуска въ Москву Сербамъ такихъ граматъ добыть было неоткуда, рекомендательныя же граматы ихъ собственнаго архіепископа или митрополитовъ въ глазахъ русскихъ не имѣли значенія, а потому ихъ въ Москву и не пропускали. Московскій царь, какъ покровитель всего вселенскаго православія, старался благотворить по преимуществу обителямъ славнымъ и знаменитымъ въ цѣломъ православномъ мірѣ, почитаемымъ всѣми и повсюду съ древнихъ временъ а такими были обители греческія Какъ прямой наслѣдникъ византійскихъ императоровъ, онъ старался благотворить по преимуществу грекамъ, которые, сверхъ того, и по своему прежнему и настоящему положенію на Востокѣ оставались тамъ главными представителями и хранителями

[1]) 7151 г № 4

православія. Сербы же ни въ своемъ прошломъ, ни въ своемъ настоящемъ не имѣли ничего такого, чтобы могло привлечь къ нимъ особое вниманіе и расположеніе тогдашняго московскаго правительства. Наконецъ, на указанное отношеніе московскаго правительства къ просителямъ сербамъ могли влять и гречане, жившіе въ Москвѣ, игравшіе при московскомъ дворѣ важную роль въ дѣлѣ раздачи милостыни просителямъ. Они были посредниками между просителями и нашимъ правительствомъ, которое обращалось къ нимъ за свѣдѣніями относительно различныхъ восточныхъ обителей, о лицахъ, пріѣзжавшихъ въ Москву за милостынею, при чемъ ихъ голосъ и рекомендація, въ большинствѣ случаевъ, имѣли рѣшающее значеніе. Но гречане, естественно, покровительствовали только гречанамъ же, только имъ оказывали всевозможное содѣйствіе въ дѣлѣ полученія милостыни отъ русскаго правительства. Ходатайствовать въ Москвѣ за сербовъ и сербскіе монастыри они не имѣли никакихъ побужденій, тѣмъ болѣе, что греки вообще крайне не любили самостоятельныхъ и независимыхъ отъ нихъ въ церковномъ отношеніи сербовъ и потому, съ своей стороны, не только не могли содѣйствовать установленію болѣе близкихъ и сердечныхъ отношеній между восточными славянами и Москвой, но наоборотъ, старались поставить къ тому всевозможныя препятствія, чтобы направить всю русскую благотворительность на однихъ бѣдныхъ гречанъ Достигнуть имъ этой цѣли было не трудно, въ виду того, что русскіе смотрѣли на православный Востокъ только греческими глазами, видѣли въ немъ почти исключительно однихъ грековъ, а о славянахъ, ихъ положеніи на Востокѣ, ихъ кровномъ родствѣ и братствѣ съ русскими, ихъ стремленіяхъ и симпатіяхъ, не имѣли почти никакого представленія

Такимъ образомъ почти до самой половины XVII вѣка, во время царствованія Михаила Ѳеодоровича, русское правительство, хотя и держалось нѣкоторыхъ правилъ относительно пропуска и пріема просителей милостыни съ Востока, но эти правила не имѣли общей обязательной силы закона, были какъ-то случайны и неустойчивы, не были никогда точно формулированы и выражены въ какомъ-либо всѣмъ извѣстномъ постановленіи. Личная воля и благоусмо-

трѣніе высшей власти, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, всегда брали перевѣсъ надъ практиковавшимся доселѣ правиломъ, или вѣрнѣе обычаемъ, такъ что отступленіе отъ этихъ правилъ со стороны самаго правительства было явленіемъ очень нерѣдкимъ. По своему характеру всѣ указанныя правила не имѣли въ виду стѣснить или ограничить приливъ въ Москву просителей милостыни, а только устранить злоупотребленія царскою милостынею, найти гаранти за то, что милостыня идетъ дѣйствительно нуждающимся, дѣйствительно пострадавшимъ отъ агарянскаго насилія. Въ этихъ только видахъ правительство требовало отъ просителей рекомендательныхъ патріаршихъ граматъ, собирало о нихъ и ихъ обителяхъ свѣдѣнія отъ жившихъ въ Москвѣ гречанъ, возвращало назадъ изъ Путивля лицъ сомнительныхъ, или же такихъ, которыя уже слишкомъ часто и безцеремонно хотѣли пользоваться русскою милостынею и под.

Съ воцареніемъ Алексѣя Михайловича правительство начинаетъ принимать цѣлый рядъ мѣръ въ видахъ уже сдержать чрезмѣрный притокъ просителей въ Москву, которыхъ оно думаетъ теперь останавливать въ Путивлѣ и тамъ надѣлять ихъ милостынею. Распоряженія въ этомъ смыслѣ сдѣланы были немедленно по вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича, первые годы царствованія котораго далеко не отличались тѣмъ грекофильствомъ, которое такъ сильно проявилось у него позднѣе подъ вліяніемъ Никона. Прежде всего рѣшено было для пріѣздовъ всѣхъ имѣющихъ царскія жалованныя граматы, назначить одинъ общій срокъ и притомъ самый длинный—именно десятилѣтній, чѣмъ само собою значительно сокращалось число пріѣздовъ въ Москву просителей. Впрочемъ само правительство скоро отступилось отъ этой мѣры: уступая разнымъ ходатайствамъ и челобитьямъ, оно снова стало сокращать сроки съ десяти лѣтъ на меньшія, выдавать новыя жалованныя граматы съ короткими сроками, такъ что въ концѣ концовъ, эта мѣра никогда не была осуществлена и въ послѣдующее время къ ней болѣе не возвращались. Болѣе важное значеніе имѣла другая мѣра: рѣшено было пропускать въ Москву только тѣхъ просителей, которые имѣли съ собою патріаршія граматы съ какими-либо вѣстями или личные наказы отъ патріарховъ по какому-либо государеву дѣлу. Но просители, являясь въ Путивль, стали обманывать воеводъ, что будто бы у нихъ есть къ государю патріаршія граматы или личные наказы отъ патріарховъ, вслѣдствіе чего ихъ безпрепятственно пропускали въ Москву. Между тѣмъ въ Москвѣ они заявляли, что такъ говорили въ Путивлѣ только для того, чтобъ ихъ пропустили въ Москву, — граматъ же патріаршихъ и личныхъ наказовъ къ государю съ ними нѣтъ. Такимъ способомъ пробрались, напримѣръ, въ Москву силистрійскій митрополитъ Іеремія, элассонскій архіепископъ Іоасафъ и др. Въ виду этихъ злоупотребленій со стороны просителей, изданъ былъ 19 октября 1646 года первый, извѣстный намъ, царскій указъ, которымъ предписывалось путивльскимъ воеводамъ руководствоваться слѣдующими правилами относительно отпуска изъ Путивля въ Москву различныхъ просителей милостыни: «которые впредь, говоритъ указъ, гречане старцы и бѣльцы учнутъ въ Путивль пріѣзжать, а скажутъ у себя граматы отъ цареградскихъ патріарховъ, и отъ митрополитовъ и отъ архіепископовъ о нашихъ дѣлахъ, и ты бы (путивльскій воевода) велѣлъ у нихъ тѣхъ граматъ досматривать подлинно, и которыя граматы у нихъ будутъ за отворчатыми печатьми ихъ къ намъ къ Москвѣ не пропускать; а которыя граматы у нихъ будутъ къ намъ великому государю за глухими печатьми, а скажутъ они, что писаны тѣ граматы объ нихъ о милостынѣ, и ты бъ велѣлъ имъ ждати нашего указу въ Путивлѣ, а о томъ писалъ и граматы ихъ прислалъ къ Москвѣ. А буде которые скажутъ, писаны тѣ граматы объ нашихъ дѣлахъ, и ты бъ велѣлъ ихъ допрашивать подлинно, о чемъ тѣ граматы писаны и то имъ велѣлъ выговаривать, чтобъ они сказывали правду не затѣвая никакихъ дѣлъ; и буде они ѣдутъ къ намъ къ Москвѣ бити челомъ о милостынѣ и имъ, по нашему указу, милостыня будетъ дана въ Путивлѣ; а будетъ они, пролгася нашимъ дѣломъ, пріѣдутъ къ намъ къ Москвѣ, а въ граматахъ ихъ объ нашихъ дѣлѣхъ ничего не объявится. и имъ за ту ихъ ложь на Москвѣ нашего жалованья, корму и милостыни не будетъ, и они бъ сказывали правду, никакихъ дѣлъ не затѣвая. Да будетъ по распросу, съ которыми гречаны граматъ къ намъ великому го-

сударю о нашихъ дѣлахъ не будетъ и вѣстей надобныхъ не скажутъ, и ты бъ однолично такихъ гречанъ къ Москвѣ не пропускалъ, а писалъ бы еся объ нихъ къ намъ къ Москвѣ, а имъ до нашего указу велѣлъ побыти въ Путивлѣ. А буде у которыхъ гречанъ будутъ граматы къ намъ великому государю греческихъ патріарховъ или митрополитовъ или архіепископовъ за глухими печатьми, а скажутъ впрямь, что тѣ граматы писаны о нашихъ дѣлѣхъ, а не о милостынѣ, и ты бъ съ тѣми граматами присылалъ ихъ къ намъ къ Москвѣ по прежнему нашему указу»[1]). Понятно, чѣмъ былъ вызванъ приведенный указъ: все болѣе увеличивающійся притокъ просителей въ Москвѣ становился слишкомъ обременительнымъ для государственной казны, тѣмъ болѣе, что каждый проситель являлся въ Москву не одинъ, а въ сопровожденіи нѣсколькихъ, сопутствующихъ ему лицъ, набранныхъ, нерѣдко, изъ всякаго случайнаго сброда. А между тѣмъ всѣхъ ихъ нужно было переправлять изъ Путивля въ Москву и обратно на казенный счетъ, кормить и поить дорогою и во все время ихъ пребыванія въ Москвѣ, что требовало отъ правительства очень значительныхъ, а въ то же время непроизводительныхъ расходовъ. Чтобы избѣжать ихъ, правительство и рѣшается всѣхъ просителей задерживать въ Путивлѣ и здѣсь выдавать имъ извѣстную положенную милостыню; Русь, по прежнему, будетъ благотворить православному Востоку, только не изъ Москвы, а изъ Путивля. Но эта мѣра не могла быть проведена во всей строгости: на ряду съ простыми, обыкновенными просителями милостыни, пріѣзжали въ Путивль и такіе, которые привозили съ собою тайныя отписки разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ о дѣлахъ государевыхъ, т.-е. попросту, политическія вѣсти. Такіе просители были въ Москвѣ желанные люди, тѣмъ болѣе, что посылавшіе ихъ нерѣдко поручали имъ на словахъ передать то, что они не успѣвали или опасались передать на бумагѣ. Такихъ то нужныхъ въ Москвѣ просителей воеводамъ повелѣвается немедленно отсылать изъ Путивля въ Москву, сдѣлавши напередъ имъ предупрежденіе, что если они обманутъ государевымъ дѣломъ и обма-

[1]) 7155 г. № 6.

номъ проѣдутъ въ Москву, то здѣсь имъ не дадутъ ни кормовъ, ни милостыни, а немедленно отправятъ назадъ, но только не на казенныхъ, а на своихъ подводахъ. Послѣдняя оговорка въ указѣ: пропускать въ Москву немедленно всѣхъ, которые имѣютъ граматы о государевыхъ дѣлахъ и послужили той лазейкой, въ которую бойко полѣзли смѣлые гречане-просители, обходя законъ, удерживающій ихъ въ Путивлѣ. Такъ уже въ томъ же году [1]), когда изданъ былъ указъ, явился изъ Варны митрополитъ Парѳеній, и, на строгій допросъ путивльскаго воеводы о цѣли своего пріѣзда, смѣло и рѣшительно заявилъ, что ѣдетъ къ царю объ его государевѣ дѣлѣ, почему немедленно и былъ отправленъ въ Москву. Но здѣсь въ посольскомъ приказѣ онъ заявилъ, что государева дѣла у него никакого нѣтъ, а сказалъ онъ это въ Путивлѣ для того, чтобъ его пропустили въ Москву; дѣйствительная же цѣль его поѣздки — ударить челомъ государю о милостынѣ, о своемъ великомъ раззореньи, что подтвердятъ и привезенныя имъ граматы патріарха константинопольскаго и архіепископа ахридскаго. Въ Москвѣ рѣшились было наказать митрополита за такую ложь, какъ и предупреждали въ Путивлѣ воеводы: ему цѣлыхъ полторы недѣли не давали казенныхъ кормовъ и питья, пока, наконецъ, онъ не обратился къ царю съ челобитной, ради его бѣдности и великаго разоренья, пожаловать его государевымъ кормомъ и питьемъ. Государь сжалился надъ нимъ и велѣлъ выдавать ему кормъ и питье противъ иныхъ митрополитовъ, но по меньшей статьѣ, а затѣмъ дозволилъ ему видѣть свои государевы очи и одѣлилъ его обычною милостынею. Такимъ образомъ самъ государь далеко не строго выполнялъ имъ же самимъ изданныя постановленія, что для просителей было прямымъ побужденіемъ обходить стѣснительный для нихъ законъ. Находили гречане и другія средства пробраться въ Москву, вопреки закону, удерживающему ихъ въ Путивлѣ. Въ 1648 году въ Путивль пріѣхали города Верія Предтеченскаго монастыря архимандритъ Даміанъ, города Сервія Успенскаго монастыря архимандритъ Ѳеофанъ. На допросѣ

[1]) 7155 г. № 9.

Даміанъ объявилъ путивльскому воеводѣ, что онъ имѣетъ съ собою грамату александрійскаго патріарха, но не знаетъ о чемъ, грамату архимандрита Венедикта съ политическими вѣстями, грамату одного волошанина тоже о государевѣ дѣлѣ. Архимандритъ Ѳеофанъ сказалъ у себя, кромѣ граматы съ политическими вѣстями, «и вѣсти тайные и тѣхъ де вѣстей, государь, пишетъ воевода, въ Путивлѣ сказать ему не умѣтъ, а скажетъ де, государь, онъ архимандритъ, тѣ вѣсти на Москвѣ въ посольскомъ приказѣ. И я, холопъ твой, сообщаетъ воевода, посылалъ къ нимъ архимандритамъ къ Демьяну и Ѳеофану гостинна двора голову Ондрея Литвинова, да соѣзжей избы подъячего многажды, говоритъ имъ, государь, велѣлъ накрѣпко: вправѣ ли въ тѣхъ граматахъ и въ письмѣ Исаія Остафьева (волошанина), которые граматы и письмо послано съ ними къ тебѣ государю, писано твое государево дѣло и вѣсти, или они затѣваютъ, чтобы имъ тѣми граматами пробраться къ Москвѣ?.. И я, холопъ твой, послалъ къ нимъ архимандритамъ евожъ Ондрея Литвинова, да соѣзжей избы подъячего, а велѣлъ имъ, государь, тѣмъ архимандритамъ противъ твоего государева указу выговаривать накрѣпко, чтобы они сказывали правду, а ничего не затѣвали; а будетъ они, твоимъ государевымъ дѣломъ пролгався, къ Москвѣ и пріѣдутъ, а твоихъ государевыхъ великихъ дѣлъ за ними никакихъ не будетъ, а пріѣдутъ для милостыни или своего дѣла, а имъ за ту ихъ ложь на Москвѣ твоего государева жалованья и корму и милостыни ничего не будетъ и вышлютъ ихъ съ Москвы назадъ тотчасъ на ихъ подводахъ». Архимандриты отправлены были въ Москву, гдѣ они дѣйствительно подали граматы съ политическими вѣстями, но самыми незначительными, неважными, набрать которыя ничего не значило [1]). Въ томъ же году былъ новый случай и прямого уже обмана. 10 января пріѣхали въ Москву гревенскаго Преображенскаго Спасова монастыря архимандритъ Гавріилъ со старцами. Въ Путивлѣ онъ объявилъ воеводѣ, что въ Москву его послалъ константинопольскій патріархъ Іоанникій съ граматою о государевѣ великомъ дѣлѣ и о вѣстяхъ, да съ нимъ же есть изустный тайный приказъ

[1]) 7156 г № 8

отъ патріарха къ государю объ его государевѣ дѣлѣ. Въ Москвѣ же на допросѣ сказалъ, что у него грамата цареградскаго патріарха Іоанникія къ государю объ немъ архимандритѣ, о милостынѣ, а не о государевомъ дѣлѣ и изустнаго приказа съ нихъ отъ патріарха о государевомъ дѣлѣ нѣтъ. А въ Путивлѣ онъ сказалъ все это для того, что его не хотѣли пропустить въ Москву, а они бѣдные, ѣдучи дорогою, исхарчились въ полтораста ефимковъ и для де бѣдности онъ архимандритъ сказывалъ за собою государево дѣло, чтобы ихъ изъ Путивля пропустили въ Москву. Имъ дана была обычная дача [1]). Такимъ образомъ законъ 1646 года обходился или прямо нарушался просителями, къ которымъ царь не рѣшался приложить его во всей строгости, а потому было вполнѣ естественно, что онъ вскорѣ по выходѣ теряетъ всякую силу, не соблюдается самимъ даже правительствомъ, которое по прежнему начинаетъ пропускать въ Москву рѣшительно всѣхъ просителей Въ 1648 году снова указомъ государя подтверждается воеводамъ погранічнымъ не пропускать въ Москву не только просителей собственно милостыни, но уже и тѣхъ, которые привезутъ съ собою вѣстовыя письма, до особаго распоряженія о нихъ изъ Москвы. Указъ воеводамъ говоритъ: «А которые они у себя граматы скажутъ, или вѣстовыя письма, или сами вѣстей, что скажутъ, и ты бъ тѣ граматы и вѣстовые письма у нихъ взялъ и что вѣстей скажутъ, то велѣлъ записать и о томъ писалъ бы и граматы ихъ и вѣстовые письма присылалъ къ намъ къ Москвѣ съ нарочными гончиками, а однолично еси никакихъ гречанъ, кто откуда не пріѣдетъ, къ намъ къ Москвѣ безъ нашего указа не пропускать» [2]). Такимъ образомъ казалось, что этотъ указъ окончательно отнималъ у гречанъ всякую возможность пробраться въ Москву, такъ какъ теперь и граматы съ политическими вѣстями не давали на это права,—ихъ нужно было напередъ отослать въ Москву, а вмѣстѣ съ ними и изустныя политическія вѣсти, написавъ ихъ предварительно на бумагѣ, и въ Москвѣ уже по этимъ даннымъ рѣшатъ: слѣдуетъ ли пропустить извѣстное лицо

[1]) № 13.
[2]) № 32.

въ Москву или нѣтъ Но и тутъ гречане нашлись Вскорѣ послѣ объявленія указа явился въ Путивль архимандритъ Янинскаго Успенскаго монастыря и заявилъ воеводѣ, что его послалъ въ Москву константинопольскій патріархъ Іоанникія съ граматою объ его государевомъ дѣлѣ и о турскихъ вѣстяхъ, о которыхъ онъ, архимандритъ, ничего не знаетъ. Воевода въ силу послѣдняго указа, потребовалъ отъ архимандрита грамату, чтобы отослать ее въ Москву, но архимандритъ граматы не далъ, а только показалъ ее воеводѣ изъ своихъ рукъ и говорилъ, что патріархъ велѣлъ ему ту грамату отдать въ посольскомъ приказѣ въ Москвѣ Архимандритъ былъ отправленъ въ Москву, гдѣ и отдалъ патріаршую грамату, въ которой описывалось случившееся въ Константинополѣ землетрясеніе [1]). Впрочемъ, само правительство и теперь, какъ и прежде, не держалось строго своихъ постановленій, тѣмъ болѣе, что въ Москву въ январѣ 1649 года пріѣхалъ за милостынею самъ Іерусалимскій патріархъ Паисій, а съ нимъ и за нимъ всевозможные гречане По отъѣздѣ патріарха Паисія въ томъ же 1649 году (іюня 15 и 29 іюля) указомъ государя путивльскому воеводѣ опять предписывается; «которые гречане старцы и бѣльцы пріѣдутъ въ Путивль для милостыни и ты бъ тѣмъ гречаномъ старцомъ и бѣльцомъ наше жалованье на милостину давалъ изъ нашихъ изъ путивльскихъ доходовъ по прежнему нашему указу, по чему имъ давати указано и отпускалъ бы еси ихъ назадъ откуды они пріѣдутъ, а къ намъ къ Москвѣ никого изъ нихъ не пропускалъ А будетъ они привезутъ съ собою къ намъ граматы или какіе-нибудь письма и ты бъ тѣ граматы и письма взявъ у нихъ, присылалъ къ намъ къ Москвѣ, да о томъ писалъ къ намъ отписки, и граматы и письма велѣлъ отдавати въ посольскомъ приказѣ думному нашему дьяку Михаилу Волошенинову, а тѣхъ гречанъ, потому жъ, давъ имъ на милостину по указу, изъ Путивля отпускалъ назадъ». Посланцовъ же молдавскаго воеводы Василія и иныхъ, а также пріѣхавшихъ для торгу съ ефимками, съ золотыми и иными товарами, повелѣвается въ Москву пропускать. По полученіи этого указа воеводы обратились къ государю за инструк-

[1]) № 35

ціями на такой случай если пріѣхавшіе съ граматами о государевомъ дѣлѣ тѣхъ граматъ воеводамъ не отдадутъ и будутъ говорить, что имѣютъ устный тайный наказъ о государевыхъ дѣлахъ,—какъ тогда поступать? Государь предписываетъ отбирать привезенныя граматы и отсылать ихъ въ Москву, а относительно устныхъ тайныхъ наказовъ повелѣвается отъ привезшихъ ихъ требовать, чтобы они въ Путивлѣ излагали ихъ на бумагѣ и запечатывали своими печатями, а воеводы будутъ такія отписки немедленно пересылать въ Москву,—если же кто изъ гречанъ упрямо будетъ отказываться отъ письменнаго изложенія тайнаго наказа въ Путивлѣ, то о такомъ обстоятельствѣ сообщать государю и ждать его указа на каждый отдѣльный подобный случай [1]) Такъ происходила упорная борьба между правительствомъ и гречанами первое напрягало всѣ свои усилія задержать ихъ въ Путивлѣ и не пропускать далѣе, вторые употребляли всевозможныя средства пробраться изъ Путивля въ Москву и пользовались для этого всякимъ подходящимъ случаемъ, всякою неопредѣленностью и недомолвкою закона, который они всегда такъ или иначе успѣвали обойти Такъ было и съ послѣднимъ закономъ, предусмотрѣвшимъ, казалось, всѣ случаи Только что онъ былъ изданъ, какъ въ Путивлѣ появились два греческіе архимандрита и сказали, что ѣдутъ къ государю съ тайнымъ словеснымъ приказомъ отъ константинопольскаго патріарха о государевомъ дѣлѣ, котораго никакъ не хотѣли изложить письменно въ Путивлѣ, а требовали немедленнаго пропуска въ Москву, куда дѣйствительно и были отправлены [2]) А за однимъ нарушеніемъ закона послѣдовалъ, какъ и всегда, цѣлый рядъ другихъ, такъ что законъ потерялъ наконецъ всякое практическое значеніе Тогда въ 1654 году пришлось опять напомнить указъ 1646 года, съ такимъ яснымъ сознаніемъ его безсилія «и греческіе власти и старцы и бѣльцы, пріѣхавъ въ Путивль, пролыгаются, сказываютъ за собой вѣсти надобные, а иные отъ патріарховъ и отъ иныхъ греческихъ властей граматы и тайные приказы, а какъ

[1]) 7157 г № 29
[2]) № 32

пріѣдутъ къ Москвѣ, а за ними вѣстей подобныхъ и тайныхъ приказовъ нѣтъ, а граматы привозятъ съ собой о милостынѣ, а не о вѣстяхъ; а государевѣ казнѣ отъ ихъ многихъ пріѣздовъ въ лишнихъ кормѣхъ и подводахъ чинятца многіе убытки». Далѣе указывается, что просители являются даже съ подложными, составными граматами, почему іерусалимскій патріархъ прислалъ свою особую печать, чтобы можно было его подлинныя граматы отличить отъ подложныхъ. Въ виду этого воеводамъ рекомендуется строже слѣдить за просителями и не пропускать ихъ въ Москву [1]). Но въ это время московскимъ патріархомъ сдѣлался Никонъ, великій любитель и почитатель гречанъ и всего греческаго; Никонъ взялъ гречанъ подъ свое особое покровительство и сталъ ходатайствовать объ ихъ пропускѣ въ Москву. Его ходатайства, конечно, всегда уважались, такъ что наконецъ просители стали заявлять въ Путивлѣ прямо, что они ѣдутъ къ святѣйшему Никону, и этого заявленія было достаточно, чтобы ихъ, ради Никона, свободно пропускали въ Москву. Впрочемъ, какъ слабо и нерѣшительно примѣнялся указъ о непропускѣ просителей въ Москву, помимо вмѣшательства Никона, видно изъ слѣдующаго случая: въ 1659 году въ Путивль пріѣхалъ греческій архіепископъ Кириллъ, котораго, во исполненіе указа, велѣно было отпустить изъ Путивля, надѣливъ его здѣсь обычною милостынею. Воеводы по этому случаю доносятъ, что имъ, въ граматѣ государя, повелѣвается надѣлить пріѣхавшаго архіепископа и его спутниковъ милостынею и отпустить назадъ, «а буде государь, они изъ Путивля назадъ ѣхать не похотятъ и намъ бы, холопемъ твоимъ, ему, митрополиту, говорить дважды и трижды, чтобы они, взявъ твое великаго государя жалованье, ѣхали изъ Путивля назадъ. Да будетъ, государь, они ѣхать назадъ не похотятъ и учнутъ бить челомъ тебѣ великому государю, чтобы ихъ отпустить къ Москвѣ, и намъ бы, холопемъ твоимъ, давъ имъ подводы и проводниковъ и въ дорогу кормъ, отпустить къ тебѣ великому государю къ Москвѣ» [2]). Въ данномъ случаѣ про-

[1]) 7162 г № 18
[2]) 7167 г № 4

ситель уѣхать изъ Путивля назадъ не похотѣлъ, хотя ему, въ исполненіе царскаго указа, воевода говорилъ объ этомъ дважды и трижды, даже посылалъ къ нему государево жалованье на дворъ, но онъ его не бралъ, а настоятельно требовалъ отпуска въ Москву, куда дѣйствительно и былъ отправленъ. Значитъ, стоило только греку нѣсколько заупрямиться и не ѣхать назадъ, стоило только не обращать вниманія на убѣжденія воеводы, на существующій законъ о пропускѣ просителей, и онъ благополучно, на казенныхъ подводахъ и на полномъ содержаніи, провозился къ Москвѣ. Съ удаленіемъ Никона для гречанъ въ Москвѣ настало самое золотое время: они стали для правительства нужными, желанными людьми, дѣльцами, руководителями, посредниками. Они во все вмѣшиваются, все устрояютъ, всюду хозяйничаютъ. все прибираютъ къ своимъ рукамъ. О какомъ-либо ограниченіи доступа для нихъ въ Москву въ такое жаркое время, конечно, не могло быть и рѣчи, хотя государственная казна и была истощена въ конецъ. Старые указы о непропускѣ просителей въ Москву были рѣшительно забыты, а какихъ-либо новыхъ распоряженій въ этомъ духѣ не дѣлалось. Только уже въ 1671 году, 29 марта, государевымъ указомъ подтверждалось прежнее распоряженіе о непропускѣ въ Москву духовныхъ особъ безъ жалованныхъ граматъ, о пропускѣ съ жалованными граматами только въ назначенные сроки, о пропускѣ лицъ, ѣдущихъ съ государевымъ дѣломъ не иначе, какъ съ высочайшаго всякій разъ разрѣшенія [1]). Такъ все время царствованія Алексѣя Михайловича прошло въ непрерывныхъ колебаніяхъ относительно пропуска въ Москву просителей. Былъ изданъ цѣлый рядъ указовъ, которые сейчасъ же нарушались и просителями и самимъ правительствомъ, почему они и не имѣли никакого практическаго значенія, такъ что дѣла шли прежнимъ порядкомъ или, вѣрнѣе, безъ всякаго опредѣленнаго порядка.

Съ воцареніемъ Ѳеодора Алексѣевича, воспитавшагося подъ вліяніемъ лицъ антигреческаго направленія, для гречанъ наступили было самыя тяжелыя времена,—имъ окон-

[1]) 7179 г № 14

чательно воспрещенъ былъ въѣздъ въ Москву, потому что, какъ говорилъ указъ, ранѣе «пріѣзжали греческіе власти изъ Палестинъ, а съ собою привозили *многоцѣлебные мощи* и чудотворные иконы, а ихъ братья торговыя гречаня самые знатные люди и привозили съ собою золото, серебро и узорочные каменья, а локотные дорогіе товары самые добрые, а винной и табашной продажи, и воровскихъ составныхъ писемъ и въ товарѣхъ утайки и никакого дурна за ними, опричь торгу, не бывало; а нынѣ духовнаго чина никто не пріѣзжаетъ, а они, гречаня, учали пріѣзжать самые молодчіе люди и не для прямаго торгу; а буде у которыхъ объявятся товары, и тѣ худые, и въ запанѣхъ и въ иныхъ вещахъ вмѣсто алмазовъ и иныхъ узорочныхъ камней поддѣланные стекла, а золото и иныхъ дорогихъ товаровъ, какъ напередъ сего бывало, привозить не учали; да изъ нихъ многіе учали воровать, товары привозить тайно, для кражи пошлинъ, а иные поддѣлывали заочно кабалы, и торгуютъ виномъ и табакомъ, и въ томъ во всемъ многіе обличены и въ корчемныхъ дѣлѣхъ были многажды» [1]). А такъ какъ много грековъ почти постоянно жило въ Москвѣ, то «въ нынѣшнемъ во 185 году сентября въ 10 день великій государь указалъ и бояре приговорили: гречанъ всѣхъ, которые на Москвѣ, выслать въ свою землю и впредь имъ пріѣзжать и всякими товары торговать въ Путивлѣ, во всемъ противъ того, какъ было со 155 года, а къ Москвѣ имъ ѣздить не велѣно» [2]). Такимъ образомъ не только Москва была очищена отъ грековъ, но и всякій доступъ имъ во внутрь Россіи былъ безусловно воспрещенъ. Такъ, казалось, готовы были прерваться вѣковыя сношенія Россіи съ православнымъ Востокомъ, Русь какъ бы отказывалась отъ своего историческаго призванія, отъ вѣковой роли благотворительницы и покровительницы православныхъ. Но такой разрывъ былъ слишкомъ насильствененъ, шелъ въ разрѣзъ вѣковымъ традиціямъ, былъ неудобенъ и невыгоденъ для самой Россіи во многихъ отношеніяхъ и потому не могъ быть продолжителенъ. Неудобства прекращенія сношеній съ Востокомъ особенно были ощутительны въ церковной сферѣ, гдѣ въ это время возникли горячія пренія по разнымъ вопросамъ, порѣшить которые въ извѣстномъ смыслѣ было гораздо легче, опираясь на авторитетъ восточныхъ патріарховъ, который всегда былъ готовъ явиться къ услугамъ московскаго патріарха. Предстояло затѣмъ рѣшить важный въ церковномъ и въ политическомъ отношеніи вопросъ о присоединеніи кіевской митрополіи къ московскому патріархату, чего опять нельзя было сдѣлать безъ согласія константинопольскаго патріарха, котораго, при добрыхъ съ нимъ отношеніяхъ, можно было склонить на уступки тѣми или другими средствами. Нечужда была, какъ нѣкоторые утверждаютъ, патріарху Іоакиму и мысль о церковномъ подчиненіи всѣхъ православныхъ славянъ московскому патріарху, чего достигнуть можно было не иначе, какъ съ помощью опять таки добрыхъ отношеній къ восточнымъ патріархамъ и ко всѣмъ угнетеннымъ православнымъ народностямъ. Да и вообще та внимательность, то уваженіе и почтеніе, хотя бы только внѣшнія и формальныя, какими пользовался московскій патріархъ со стороны своихъ восточныхъ собратьевъ, та угодливость и заискиванье предъ нимъ всевозможныхъ греческихъ іерарховъ, зависѣли и происходили исключительно отъ того обстоятельства, что русское правительство благотворило Востоку. Съ помощью милостыни Русь крѣпко держала въ своихъ рукахъ вліяніе на восточныхъ патріарховъ, а чрезъ нихъ и на другихъ просителей и на весь православный Востокъ,—выпускать эту, уже вѣками созданную, силу изъ своихъ рукъ было бы крайне неразумно, не только въ церковномъ отношеніи, но и въ политическомъ. Въ это время Русь сдѣлалась непосредственной сосѣдкой Турціи и между ними явилось множество недоразумѣній, за которыми естественно должно было послѣдовать враждебное столкновеніе. Разумно ли было теперь разрывать сношенія съ православными, подчиненными Турціи, народностями, открыто симпатизировавшими Россіи; время ли было изъ-за мелкихъ плутней и обмановъ гречанъ уничтожать тѣ народныя симпатіи, которыя Русь уже успѣла пріобрѣсть, благодаря своей вѣковой благотворительности, у разныхъ православныхъ національностей Балканскаго полуострова?—Теперь слѣдовало пожинать то, что ранѣе сѣяло

[1]) Ак экспед IV, № 214
[2]) 7185 г. № 2.

и возращало московское правительство, собирать плодъ, а не уничтожать его, не бросать какъ негодный. Такъ посмотрѣлъ на это дѣло, такъ понялъ его московскій патріархъ Іоакимъ и рѣшился уничтожить, отмѣнить постановленіе, запрещавшее пріѣздъ въ Москву просителямъ милостыни съ Востока и греческимъ купцамъ для торговли въ Москвѣ. «186 года, марта въ 18 день, билъ челомъ великому государю царю и великому князю Ѳеодору Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу великій господинъ святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Русіи: въ прошломъ во 184 году по его великаго государя указу, посланы его великаго государя грамоты въ порубежные города: въ Путивль и въ Сѣвскъ и въ иные,— велѣно греческихъ властей митрополитовъ и архіепископовъ и архимандритовъ для милостыни и гречанъ къ Москвѣ съ полоняники и съ товары не пропускать, а пріѣзжать имъ грекомъ и торговать въ тѣхъ порубежныхъ городѣхъ. И великій государь пожаловалъ бы его, повелѣлъ греческихъ монастырей властей, которые по жалованнымъ предковъ его государскихъ, великихъ государей и великихъ князей россійскихъ и отца ево государева, блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, грамотамъ учнутъ пріѣзжать, также и грековъ всѣхъ для единыя православныя христіанскія вѣры въ московское государство пропускать по прежнему, потому что власти пріѣзживали въ московское государство со святынею, а греки привозятъ единовѣрныхъ православныхъ христіанъ, которые пребываютъ въ бусурманской неволѣ, полоненниковъ и всякіе узорочные товары. И великій государь царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, по челобитью и прошенію великаго господина святѣйшаго Іоакима патріарха московскаго и всеа Русіи, пожаловалъ, для единые православные христіанскіе вѣры и для свобожденія изъ бусурманскихъ рукъ православныхъ христіанъ, которые побраны на разныхъ бояхъ, указалъ: греческіе палестины пестрымъ и чернымъ властемъ по жалованнымъ грамотамъ, въ указной годъ, съ причетники ихъ пріѣзжать, а гречанъ съ окупными полоняники и съ товары

пропускать противъ прежняго, а заповѣдныхъ товаровъ не провозить и о томъ изъ посольскаго приказу въ порубежные города: въ Кіевъ и въ Нѣжинъ и въ Путивль и въ Сѣвскъ и къ гетману послать съ сего, его великаго государя указу, граматы», при чемъ воеводамъ настоятельно предписывается всячески наблюдать, чтобы ни подъ какимъ видомъ не пропускать на Русь такихъ лицъ, которыя пріѣхали изъ мѣстъ, зараженныхъ моровымъ повѣтріемъ [1]). Такимъ образомъ, благодаря вмѣшательству и настоянію патріарха Іоакима, снова возстановлена была связь Россіи съ православнымъ Востокомъ, всѣ, имѣвшіе жалованныя грамоты русскихъ царей, по прежнему, свободно, въ указанные имъ сроки, могли являться въ Москву за полученіемъ обычной милостыни, греческіе купцы свободно могли везти свои товары въ Москву, — Русь по прежнему выступила, какъ покровительница всѣхъ православныхъ.

Во время управленія царевны Софіи не только не издавалось никакихъ распоряженій, стѣснительныхъ для просителей [2]), но ихъ всегда встрѣчали въ Москвѣ особенно радушно и щедро одаряли. Это объясняется тѣмъ, что Софья хотѣла явить себя Востоку дѣйствительною православною царицею, пекущеюся о поддержаніи и процвѣтаніи святыхъ мѣстъ, столь дорогихъ для каждаго христіанина; она хотѣла своимъ широкимъ покровительствомъ угнетенному на Востокѣ православію сдѣлать свое имя славнымъ и популярнымъ среди восточныхъ христіанъ, пріобрѣсти ихъ симпатіи, что бы при случаѣ воспользоваться ими для своихъ честолюбивыхъ цѣлей.

При Петрѣ Великомъ изданъ былъ, относительно просителей съ Востока цѣлый рядъ постановленій, имѣвшихъ въ виду, съ одной стороны, ограничить пріѣздъ просителей только тѣми лицами, которыя имѣли у себя жалованныя

[1])—7187 г № 7.

[2]) Въ 1694 году (№ 30), по случаю ожидаемой войны съ султаномъ и крымскимъ ханомъ, изданъ былъ указъ, чтобы всѣхъ просителей, находившихся въ Москвѣ, немедленно выслать изъ Россіи, а вновь пріѣзжающихъ сейчасъ же отсылать обратно за рубежъ. Въ 1696 году (№ 8) этотъ указъ былъ отмѣненъ. Подобные указы всегда издавались и въ послѣдующее время, когда ожидалась или наступала война съ Турціей, а по окончаніи войны они опять отмѣнялись.

грамоты, съ другой стороны, оградить Россію отъ пріѣздовъ въ нее самозванныхъ и всѣхъ вообще подозрительныхъ просителей милостыни. Такъ, въ 1700 году велѣно было пропускать чрезъ рубежъ только тѣхъ духовныхъ особъ, которыя имѣютъ у себя жалованныя грамоты, безъ которыхъ въѣздъ въ Москву просителямъ рѣшительно воспрещался [1]). Когда поэтому въ 1702 году явился въ Сѣвскъ игуменъ одного изъ сербскихъ фрушскихъ монастырей, чтобы проѣхать въ Москву, то былъ задержанъ воеводою и отпущенъ имъ во Москву только послѣ полученія спеціальнаго приказа: пропустить игумена «для увѣдомленія нынѣшняго въ Турской землѣ состоянія» [2]). Въ 1705 году предпринимается относительно просителей новая мѣра: указомъ 26 февраля повелѣвается пограничнымъ воеводамъ пропускать въ Москву только тѣхъ палестинскихъ особъ, которыя будутъ имѣть у себя подорожныя отъ константинопольскаго русскаго посла Толстаго, а изъ Москвы, не пропускать за рубежъ тѣхъ просителей, которые не будутъ имѣть у себя паспорта, выданнаго изъ посольскаго приказа [3]). Въ 1708 году велѣно было переписать всѣхъ гречанъ, жившихъ въ Москвѣ [4]), и съ нихъ взята была сказка, подъ угрозой смертной казни, чтобы имъ безъ указа государя и не взявъ изъ посольскаго приказа подорожныхъ грамотъ, «тайно и воровски съ Москвы не уѣхать» [5]). Въ августѣ 1718 года состоялся новый царскій указъ, которымъ повелѣвается изъ восточнаго духовенства процускать въ Россію за милостынею только тѣхъ, которые привезутъ отъ своего патріарха свидѣтельственную грамату, а съ однѣми жалованными грамотами или съ грамотами отъ братіи монастыря въ Москву никого не пропускать [6]). Въ 1723 году русскій константинопольскій ре-

[1]) 1700 г
[2])—1702 г № 3.
[3])—1705 г № 13
[4]) Всѣхъ гречанъ, жившихъ въ Москвѣ, оказалось по переписи 2 архимандрита, 9 іеромонаховъ и монаховъ, 1 капитанъ, 22 торговыхъ грека, 31 рукодѣльныхъ, да еще разыскано было до 30 разныхъ грековъ, неявившихся было сначала для записи въ посольскій приказъ.
[5]) 1708 г № 2
[6]) 1718 г. № 15

зидентъ Иванъ Неплюевъ доносилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, что Портою, чрезъ волошскаго владѣтеля, посланы въ Россію шпіоны греческаго закона попы и чернцы, подъ видомъ просителей милостыни въ монастыри, чтобы высматривать войска и прочія военныя приготовленія [1]). Въ виду этого донесенія русскаго константинопольскаго резидента состоялся сенатскій указъ съ подтвержденіемъ воеводамъ порубежныхъ городовъ присматривать за пріѣзжими духовными лицами, подвергать ихъ строгому допросу и пропускать только имѣющихъ жалованныя грамоты, а также свидѣтельственныя отъ своихъ патріарховъ. Состоялся по этому поводу и синодскій указъ въ видахъ огражденія Россіи отъ разныхъ обманщиковъ, «которые приходятъ изъ Греціи и Турціи въ такомъ образѣ, якобы просить или въ монастыри собирать милостыню и ходятъ подъ видомъ святыни, а являются въ нихъ большая часть безвѣрниковъ»; синодъ посылаетъ ко всѣмъ архіереямъ распоряженія, «дабы во всѣхъ мѣстахъ надлежащее о ономъ предостерегательствѣ учрежденіе учинено было» [2]).

Наконецъ Петръ рѣшился ввести опредѣленный порядокъ и отчетность въ расходованіи суммъ на просителей. До послѣдняго времени русское правительство затрачивало на просителей значительныя суммы, но сколько именно оно этого не знало. Вся благотворительность Востоку была только личнымъ дѣломъ государя, къ которому исключительно обращались съ своими челобитными просители; каждая ихъ просьба всегда представлялась на личное усмотрѣніе государя, который повелѣвалъ выдать просителю столько-то. Правда, держались въ этомъ отношеніи установленной практикою нормы, но это не было дѣломъ обязательнымъ, на каждый данный случай возможны были отступленія, измѣненія, иногда зависѣвшія исключительно только отъ личнаго настроенія государя въ данную минуту. Поэтому милостыня Востоку, какъ только личное дѣло государя могла быть прекращена и вовсе, если государь почему-либо не считалъ нужнымъ продолжать ее, отъ благоусмотрѣнія государя зависѣло усилить благотворительность или ослабить,—ничего прочнаго,

[1]) 1723 г № 8
[2]) Описаніе документовъ и дѣлъ св. Синода. Т. III, № 69, 1723 г.

разъ опредѣленнаго въ этомъ отношеніи, не было, вся благотворительность носила какой-то случайный, неустойчивый и безпорядочный характеръ. Очевидно, чтобы внести въ раздачу милостыни просителямъ нѣкоторую правильность, опредѣленность и отчетность, требовалось напередъ опредѣлить количество суммы, которую правительство ежегодно могло затрачивать на дачу милостыни просителямъ, опредѣлить, кто именно и когда можетъ и долженъ являться за милостынею: передать раздачу милостыни въ вѣденіе какого-либо учрежденія, которое, какъ и всякое учрежденіе, подчиненное контролю и отчетности, должно во всемъ руководствоваться разъ опредѣленными правилами. Съ этою именно цѣлью Петръ Великій велѣлъ передать завѣдываніе раздачею милостыни въ руки Св. Синода, приказавъ ему составить относительно раздачи милостыни опредѣленные штаты. Но указъ объ этомъ, подписанный Петромъ, былъ изданъ уже Екатериною Первою 29 апрѣля 1725 года въ слѣдующей редакціи: «пріѣзжимъ изъ Палестины архіереямъ и инымъ духовнымъ особамъ, которыя пріѣзжаютъ по жалованнымъ грамотамъ въ указные годы, по подписанію блаженныя и вѣчно достойныя памяти его императорскаго величества собственною рукою на докладномъ отъ иностранной коллегіи реэстрѣ декабря 22 дня 1724 года, вѣдомымъ быть въ Синодѣ и жалованье давать имъ изъ доходовъ, которые въ сборѣ быть имѣютъ съ вотчинъ дома святѣйшаго патріарха, кромѣ подушныхъ денегъ; и велѣно въ конторѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ сдѣлать окладную книгу о пріѣзжихъ духовныхъ особахъ, которые пріѣзжаютъ изъ Путивля и изъ другихъ краевъ съ жалованными грамотами для милостыни, по скольку въ который монастырь и котораго года по жалованнымъ грамотамъ велѣно пріѣзжать для милостыни и почему въ который монастырь послать жалованья, и тѣмъ духовнымъ особамъ, что на пріѣздѣ и на отпускѣ жалованья (слѣдуетъ давать), и о поденномъ имъ кормѣ и о питьѣ и на прогоны, и прислать одну роспись въ С.-Петербургскую коллегію иностранныхъ дѣлъ для отсылки въ Синодъ» [1]). Такимъ образомъ съ

[1]) 1725 г. № 3

1725 года всѣ просители милостыни перешли изъ вѣдѣнія коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе Св. Синода, который сталъ завѣдывать также распредѣленіемъ и раздачею милостыни просителямъ; для чего, въ исполненіе указа Петра Великаго, изданнаго Екатериной Первой, уже при Аннѣ Ивановнѣ, св. Синодомъ и составлены были такъ называемые «палестинскіе штаты», точно опредѣлившіе кому, когда и сколько слѣдуетъ давать милостыни.

Въ заключеніе обзора правительственныхъ мѣръ и постановленіи относительно просителей милостыни за различное время не лишнее будетъ замѣтить, что и до настоящаго времени практикующійся обычай разрѣшать просителямъ милостыни дѣлать сборъ пожертвованій по книжкѣ въ разныхъ мѣстахъ Россіи впервые введенъ при Петрѣ Великомъ, когда стали давать разрѣшеніе просителямъ сбирать пожертвованія или по всей Россіи или въ одной только Москвѣ, записывая каждое пожертвованіе въ данную книжку. При этомъ сборщику милостыни предписывалось, чтобы онъ, «будучи въ россійскомъ государствѣ, требовалъ милостыни отъ православныхъ каѳолическаго исповѣданія христіанъ, кто что доброхотно по усердію своему даетъ, о чемъ и прошеніе предлагали бы словесное, съ надлежащею учтивостью, безъ стуженія, а письменными просьбами никого не утруждали, и отъ инославныхъ бы персонъ, т.-е. отъ папистовъ, лютеровъ и кальвиновъ, въ Россіи обрѣтающихся, никакой себѣ дачи, никакими виды отнюдь не домогалися, ибо отъ оныхъ не другаго чего къ пользѣ церковной. но токло нареканія для посмѣянія православныхъ можно надѣяться, чего ради онымъ просителемъ и просьбу свою однимъ только православнымъ предлагать, и подаваемое отъ нихъ въ книги записывать имянно, безъ всякой утайки, и по окончаніи того сбора книги при доношеніи своемъ къ объявленію предложить въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ безъотлагательно» [1]).

[1]) Полн. собр. постановленій по Вѣдомству Правосл. Исповѣд. Т. I. № 119, 4; № 501, 694, 796.

Глава VII.

Восточные патріархи, митрополиты, архіепископы и пр., какъ политическіе агенты русскаго правительства съ конца XVI и до начала XVIII столѣтія.

Когда въ Москву, какъ новую столицу православія, изъ всѣхъ странъ порабощеннаго турками православнаго Востока стали стекаться всевозможные просители милостыни, тогда у русскихъ естественно возникла мысль воспользоваться этимъ, чтобы получать отъ пріѣзжихъ просителей свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ тѣхъ странахъ, откуда они вышли и чрезъ которыя они проѣзжали. При тогдашней замкнутости и отчужденности русской жизни, нашему правительству неоткуда было получать постоянныхъ и непрерывныхъ свѣдѣній о всемъ, что дѣлается у сосѣдей, а между тѣмъ такія свѣдѣнія для него были въ высшей степени важны и необходимы. Этой насущной потребности какъ нельзя болѣе могли удовлетворять просители милостыни, пріѣзжавшіе изъ разныхъ концовъ Востока, на которомъ въ то время и сосредоточивались всѣ самые главные и существенные интересы Россіи. Въ этомъ отношеніи особенно были пригодны греки, народъ юркій, ловкій, бродившій по всей Европѣ, способный все вывѣдать и разузнать и дѣйствительно хорошо знавшій, гдѣ что дѣлается. Утилизировать эту сторону своихъ сношеній съ православнымъ Востокомъ было такъ естественно для нашего правительства, что уже съ конца XVI столѣтія (когда всѣми дѣлами сталъ заправлять Годуновъ) путивльскіе воеводы должны были допрашивать каждаго пріѣхавшаго: откуда и когда онъ выѣхалъ, чрезъ какія земли проѣзжалъ, нѣтъ ли гдѣ войны, мороваго повѣтрія и т. п... Въ Москвѣ пріѣхавшій обязанъ былъ прежде всего явиться въ посольскій приказъ и здѣсь обстоятельно разсказать, что онъ самъ видѣлъ или слышалъ отъ другихъ о всемъ, что дѣлается въ тѣхъ странахъ, чрезъ которыя онъ проѣзжалъ, пробираясь въ Москву. Такъ какъ не привезшій никакихъ вѣстей въ Москву обыкновенно не пропускался, а получалъ милостыню въ Путивлѣ, то всѣ просители, хорошо зная это обстоятельство, всячески старались, отправляясь въ Москву, добыть на пути разныя вѣсти, и чѣмъ

важнѣй и обстоятельнѣе онѣ были, тѣмъ вѣрнѣе просители могли разсчитывать на скорый пропускъ въ Москву и на полученіе здѣсь болѣе щедрой милостыни. Правда, что вѣсти, привозимыя просителями, иногда были очень мелочны, неважны, случайны и не всегда достовѣрны, такъ какъ составлялись нерѣдко на основаніи слуховъ, народной молвы и т. п., но, при невозможности получать нужныя свѣдѣнія другимъ путемъ, и эти вѣсти просителей были очень важны для нашего правительства, тѣмъ болѣе, что онѣ шли отъ многихъ разныхъ лицъ и потому допускали взаимную провѣрку, недостатки показанія одного просителя восполнялись и исправлялись показаніями другаго. А такъ какъ токъ этихъ вѣстей никогда не прерывался и всѣ показанія тщательно записывались. то, на основаніи ихъ, нашему правительству являлась возможность слѣдить изъ посольскаго приказа за ходомъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ Турціи, Молдавіи и Валахіи, въ Сербіи. въ Крыму, въ Польшѣ, у казаковъ, т.-е. въ тѣхъ именно странахъ, которыя для тогдашней Россіи имѣли особенную и преимущественную важность.

Для той же самой цѣли—полученія достовѣрныхъ и своевременныхъ вѣстей о всемъ происходящемъ на Востокѣ, наше правительство прибѣгло и къ другому способу, болѣе совершенному и вѣрному, чѣмъ первый. Не довольствуясь случайными и отрывочными свѣдѣніями случайныхъ просителей милостыни, оно постаралось обратить нѣкоторыхъ изъ нихъ въ особыхъ, спеціальныхъ агентовъ, которые бы и въ Константинополѣ помогали своими свѣдѣніями и связями нашимъ посламъ, и на Русь бы нарочно писали о всемъ, что дѣлается въ Турціи и другихъ странахъ и что въ какомъ-либо отношеніи важно было знать, и притомъ своевременно, московскому правительству. Это дѣло скоро устроилось, такъ какъ разные гречане, замѣтивъ, какъ сильно русскіе дорожатъ всякими идущими съ Востока вѣстями, сами стали заявлять свою готовность поступать на тайную службу къ православному царю, который къ тому же готовъ хорошо платить за такую службу. Уже съ конца XVI вѣка и особенно въ XVII московское правительство обзаводится въ Турціи довольно многочисленнымъ штатомъ тайныхъ политическихъ агентовъ изъ грековъ, которые внимательно слѣдятъ

за всѣмъ, что дѣлается въ Турціи, и о всемъ, что узнаютъ, немедленно увѣдомляютъ русское правительство чрезъ особыя вѣстовыя письма, пересылаемыя на Русь съ вѣрными и надежными людьми. Въ ряду этихъ тайныхъ русскихъ политическихъ агентовъ первое мѣсто занимали патріархи, по преимуществу константинопольскіе и іерусалимскіе, а затѣмъ слѣдовали разные митрополиты, архіепископы, архимандриты, іеромонахи, учители и простые бѣльцы гречане.

Политическая тайная служба восточныхъ патріарховъ русскому правительству началась со времени пріѣзда въ Москву константинопольскаго патріарха Іереміи. Уже ранѣе наши послы въ Константинополѣ видались съ тамошними патріархами, но какихъ-либо политическихъ сношеній съ ними не имѣли. Такъ, напримѣръ, великій князь Василій Ивановичъ, посылая въ 1515 году Бориса Голохвастова посломъ въ Константинополь, наказалъ ему, *по окончаніи всѣхъ государевыхъ дѣлъ*, сходить къ патріарху и сообщить ему, что посланный отъ него въ Москву за милостынею зихновскій митрополитъ Іосифъ, скоро воротится съ княжескою милостынею, и чтобы патріархъ молилъ Бога о здоровьѣ князя и о всемъ православномъ христіанствѣ. О какомъ-либо наказѣ послу совѣтоваться съ патріархомъ о государевыхъ дѣлахъ, какъ это дѣлалось впослѣдствіи, нѣтъ и намека [1]). Иванъ Васильевичъ Грозный, посылая на востокъ архимандрита Ѳеодорита, даетъ ему тайный наказъ развѣдать «съ кѣмъ турецкій султанъ въ миру и съ кѣмъ не въ миру, и съ патріархомъ въ довѣренныхъ бесѣдахъ, *какъ бы нечаянно*, поговорить о томъ, какія есть намѣренія у турокъ, и все сіе сохранить у себя въ величайшей тайнѣ». Очевидно, что Грозный смотрѣлъ на константинопольскаго патріарха еще какъ на человѣка, совершенно чуждаго политическимъ интересамъ Россіи. Но подобное положеніе дѣлъ, при постоянномъ обращеніи патріарховъ на Русь за милостынею, не могло продолжаться долго; между ними сами собою должны были возникнуть болѣе близкія и интимныя отношенія, отъ которыхъ обѣ стороны могли только выиграть. Русское правительство скоро увидало, что константинопольскіе патріархи, какъ живущіе въ столицѣ султана и имѣющіе связи и знакомства среди высшихъ правительственныхъ лицъ Турціи, могутъ, при случаѣ, оказать содѣйствіе нашимъ посламъ своими знаніями и совѣтами, могутъ, благодаря своимъ связямъ, такъ или иначе вліять, въ интересахъ Россіи, на турецкихъ пашей, могутъ, при случаѣ, сообщать русскому правительству нужныя и драгоцѣнныя для него свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Турціи. Единому теперь православному царю естественно было ожидать подобныхъ услугъ отъ первѣйшаго представителя православной церкви, тѣмъ болѣе, что патріархи, постоянно присылая къ московскому царю просительныя граматы о милостынѣ, въ то же время всегда выражали въ нихъ свое крайнее отвращеніе къ безбожнымъ агарянамъ и свои горячія симпатіи къ Россіи. Въ виду этого, естественно было думать русскимъ, что константинопольскіе патріархи не прочь будутъ и дѣломъ посодѣйствовать успѣхамъ московскаго правительства въ его сношеніяхъ съ турками, отъ которыхъ они такъ много терпятъ и которыхъ такъ ненавидятъ. Пріѣздъ въ Москву константинопольскаго патріарха Іереміи далъ нашему правительству прекрасный случай вступить въ непосредственное соглашеніе съ патріархомъ. При личномъ свиданіи съ Борисомъ Годуновымъ Іеремія разсказалъ ему о крайне бѣдственномъ положеніи константинопольской церкви и затѣмъ, конечно по просьбѣ Годунова, сообщилъ ему разныя политическія вѣсти, какія онъ узналъ, проѣзжая чрезъ Польшу, и въ заключеніе прибавилъ, что «есть у него нѣкоторыя рѣчи тайныя. И Борисъ Ѳедоровичъ выслушалъ ихъ вкратцѣ». Но этимъ дѣло не ограничилось. Годуновъ постарался войти съ Іереміею въ болѣе близкія отношенія и даже заключилъ съ нимъ какой-то тайный договоръ. Въ переписныхъ дѣлахъ посольскаго приказа 1626 года [1]) значится: «книжка и договоръ Еремѣя патріарха съ бояриномъ Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ 96 году и поставленіе на патріаршество Іева и новгородскаго митрополита Александра,—оболочена бѣлою кожицею». Этотъ договоръ, какъ есть основаніе ду-

[1]) Турецкіе статейные списки № 1 (1512—1564 г.). стр 111 и 248.

[1]) № 2, листъ 337.

мать, состоялъ въ томъ, что Іеремія обязался Годунову присылать политическія вѣсти изъ Литвы и Польши, чрезъ которыя онъ долженъ былъ проѣзжать, а затѣмъ, по пріѣздѣ въ Константинополь, во всемъ помогать и совѣтовать нашимъ посламъ въ ихъ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ. Такое соображеніе подтверждается слѣдующимъ: когда Іеремія возвращался изъ Москвы, то на рубежѣ его догналъ царскій гонецъ съ царскими подарками и съ письмомъ отъ Годунова, въ которомъ тотъ писалъ Іереміи: «а какъ будешь въ Литвѣ и ты-бъ, государь, провѣдалъ про Максимилиана про Цысарева брата, гдѣ нынѣ и какимъ обычаемъ живетъ, въ польской ли землѣ и нынѣ, или отпущенъ, по которому договору; также бы еси и того провѣдалъ: укрѣпился ли свѣйской королевичъ на коронѣ польской и на великомъ княжествѣ литовскомъ и на каковѣ мѣрѣ утвердился, и что его впередъ умышленье съ государемъ нашимъ, а провѣдавъ о томъ, еси о всемъ подлинно отписалъ, съ кѣмъ возможно, и послалъ бы еси письмо, написавъ о вѣстехъ тайно, закрыто, своего святительскаго имени и моего ни въ чемъ не объявивъ. А какъ дастъ Богъ, будешь въ царствующемъ градѣ, и ты-бъ о своемъ пріѣздѣ, каковъ пріѣздъ твой будетъ и что вѣстей всякихъ будетъ во Царѣ-городѣ и какъ нынѣ держитъ Муратъ-салтанъ, и нѣтъ ли розни въ пашахъ, и насильства христіанству лишняго нѣтъ ли, и съ кѣмъ нынѣ султану турскому война, и вновѣ съ которымъ государствомъ—съ фряскими людьми и съ кисильбашибой рать какова была-ль, и чего впередъ чаять,—о всѣхъ дѣлѣхъ отписалъ бы еси и словомъ наказалъ, кого пошлешь своего вѣрнаго къ благочестивому царю, чтобъ о всемъ государю нашему благочестивому царю..... было въ вѣдомѣ, а язъ, тебѣ государю своему, много челомъ бью». Такой наказъ давалъ Годуновъ патріарху Іереміи конечно потому, что тотъ, будучи въ Москвѣ, согласился сдѣлаться тайнымъ политическимъ агентомъ московскаго правительства. Согласіе Іереміи на такую службу московскому правительству подтверждается и его отвѣтнымъ письмомъ Годунову. «Которую грамоту прислалъ ко мнѣ, писалъ Іеремія, и язъ ее пріяхомъ, и видѣлъ все и выразумѣлъ подлинно, и о томъ, Богъ дастъ, искусно отпишу,

какъ всякое дѣло было про Максимилиана и про брата его Рудольфа и о свѣйскаго короля сынѣ, о литовскомъ королѣ, о всемъ, что у нихъ ни было. Да которыя грамоты пошлю отселѣ въ честныя твои руки, и ты прикажи воеводамъ смоленскимъ и черниговскимъ, которыя и впередъ грамоты и людей своихъ пошлю, и они бы отсылали тебѣ государю... А о томъ даю вѣдомость тебѣ государю: въ Оршѣ слышалъ есмя подлинно, что Максимиліана отпустили, а съ королемъ ѣли и пили, да и помирилися, а которая харчь ни сдѣлана, то все пропало; а про татаръ нигдѣ не слыхать, а король въ Вильгу будетъ часа того, да и впередъ къ тебѣ ко государю о всемъ отпишу» [1]). Когда въ 1592 году въ Константинополь отправленъ былъ посломъ Григорій Аѳанасьевичъ Нащокинъ, то ему данъ былъ особый наказъ во всемъ совѣтоваться къ Константинополѣ съ патріархомъ Іереміею и съ тырновскимъ митрополитомъ Діонисіемъ. который, въ бытность свою въ Москвѣ, вызвался служить государевымъ посламъ. Наказъ именно повелѣваетъ посламъ, по прибытіи въ Константинополь, напомнить патріарху и митрополиту объ ихъ обѣщаніи служить государю, чтобы они «государю служили и Мурадъ-салтана на всякое добро наводили, чтобъ съ государемъ, царемъ и великимъ княземъ Салтанъ похотѣлъ быти въ крѣпкой дружбѣ и въ любви и ихъ бы посланниковъ отпустилъ къ государю съ добрымъ дѣломъ, и съ ними вмѣстѣ слалъ бы ко государю своего посланника, ближняго человѣка. «И будетъ, говоритъ наказъ, патріархъ Іеремѣй и митрополитъ Діонисій учнетъ государю служити и учнетъ буде у нихъ списка съ грамоты государевы просити, какова послана къ Салтану, чтобъ имъ вѣдати государево дѣло, чѣмъ промышлять, и Григорью и Ондрею списокъ государевы грамоты, каковъ съ ними посланъ къ Салтану, патріарху и митрополиту дати, а отослати къ нему тайно съ толмачемъ или его человѣкомъ и приказати къ нимъ, чтобъ они тотъ списокъ держали у себя тайно, никому не объявляли, а сами его вычетчи, потому и государевымъ дѣломъ промышляли». На-

[1]) Древн Вивл XII, стр 337—338, 341—342

щокинъ въ Константинополѣ, дѣйствительно, совѣтовался съ патріархомъ Іереміею и дѣйствовалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ по его указаніямъ. Такъ, прибывъ въ Константинополь, онъ по обычаю одарилъ визиря назначенными ему подарками, но оказалось, что этотъ визирь подвергся опалѣ и былъ замѣненъ другимъ, такъ что подарки пропали даромъ. Въ такомъ затруднительномъ положеніи посолъ обратился за совѣтомъ, чрезъ тырновскаго митрополита, къ патріарху, какъ ему поступить въ этомъ случаѣ: слѣдуетъ ли давать подарки и новому визирю? Патріархъ велѣлъ сказать послу, что здѣшніе люди корыстолюбивы и старый паша (новый визирь) можетъ сдѣлать все, что ни захочетъ, такъ какъ султанъ его слушаетъ, «и вамъ бы его однолично почтить гораздо, чтобы онъ въ чемъ государеву дѣлу порухи не учинилъ». Нащокинъ поступилъ по совѣту патріарха [1]).

Въ лицѣ Іереміи и другіе патріархи, преемники Іереміи, поступили на службу къ русскому правительству въ качествѣ его тайныхъ политическихъ агентовъ, получая за свои услуги опредѣленное вознагражденіе отъ нашего правительства подъ видомъ милостыни. Такія отношенія настолько были выгодны и естественны для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, что послѣ короткаго перерыва ихъ, въ теченіе смутнаго времени, у насъ они немедленно возстановляются. Михаилъ Ѳеодоровичъ, вступивъ на престолъ, сейчасъ же посылаетъ къ константинопольскому патріарху грамату, въ которой, извѣщая его о событіяхъ смутнаго времени и своемъ воцареніи, пишетъ: «о нашихъ государскихъ дѣлахъ прошу радѣть и брата нашего Ахметъ Салтанова величества пашамъ и ближнимъ людямъ говорить и напоминать и о нашихъ дѣлѣхъ съ радѣніемъ промышлять, и мы, великій государь, ваше архіерейство нашимъ жалованьемъ не будемъ забывать». Опредѣленіе взаимныхъ отношеній было очень ясное: патріархъ обязывался всѣми зависящими отъ него средствами служить предъ турецкимъ правительствомъ интересамъ Россіи, съ радѣніемъ промышлять о государевыхъ дѣлахъ, а царь обѣщаетъ ему за это свое жалованье—милостыню, которая такимъ образомъ въ извѣстной степени была только платою за политическія услуги. Такъ эти отношенія понимались нашимъ правительствомъ и въ послѣдующее время. Въ 1650 году, напримѣръ, государь, извѣщая константинопольскаго патріарха Паѳенія о посылкѣ ему милостыни, въ то же время просить его въ своей граматѣ о царѣ, царицѣ, царскихъ дѣтяхъ, «Бога молить соборне и келейне и о нашихъ государскихъ дѣлѣхъ радѣти и вѣдомо нашему царскому величеству чинити и у насъ, великаго государя нашего царскаго величества, и впредь ваше святительство въ забвеніи не будетъ» [1]).

Радѣніе патріарховъ въ государевыхъ дѣлахъ должно было прежде всего выразиться въ содѣйствіи нашимъ константинопольскимъ посламъ въ ихъ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ. Въ 1632 году Филаретъ Никитичъ писалъ Кириллу Лукарису: «посламъ нашимъ велѣли приходить къ вамъ и въ дѣлѣхъ съ вами совѣщаться и обо всемъ докладывать, чтобъ въ нашихъ дѣлахъ имъ помощь чинили». Въ 1634 году государь, извѣщая Кирилла Лукариса о смерти Филарета Никитича и объ избраніи московскимъ патріархомъ Іоасафа, проситъ его порадѣть и вразумитьословъ нашихъ, какъ бы они лучше могли навести султана на мысль, чтобъ онъ въ своихъ граматахъ къ русскому царю его титулъ и именованіе писалъ безъ умаленія для его чести [2]). Въ 1667 году съ посломъ Нестеровымъ Алексѣй Михайловичъ писалъ іерусалимскому патріарху Нектарію: «да мы же, великій государь, наше царское величество, приказали посломъ нашимъ, будучи во Царѣгородѣ, приходити къ вашему святительству къ благословенію и о нашихъ государскихъ дѣлѣхъ, о чемъ доведетца, вамъ докладывати, и вашему святительству о тѣхъ нашихъ царскаго величества дѣлѣхъ порадѣти и мысль свою посломъ нашимъ подавати, а мы великій государь, наше царское величество, и впредь ваше святительство въ-

[1]) Турецкіе статейные списки № 3, 1592—1594, л.л 55—57 и 235.

[1]) Греч. дѣла 7158 г. № 27.
[2]) 7140 г. № 11; 7142 г. № 5.

забвенье полагати не будемъ» [1]). Въ іюлѣ 1681 года патріархъ Іоакимъ писалъ іерусалимскому патріарху Досиѳею, что въ Константинополь отправленъ посломъ окольничій Илья Ивановичъ Чириковъ, «и ежели сей посолъ востребуетъ отъ твоего святительства какова вспоможенія, о чемъ онъ отъ царскаго величества посланъ, слова потребнаго или добраго совѣта, ради любве Христовы, яко вѣдущій тамошнія обычаи, ему помощь въ томъ творити» [2]). Въ 1702 году Петръ Великій писалъ отъ себя тому же іерусалимскому патріарху Досиѳею: «се посылаемъ тамо посла нашего ближняго нашего стольника Петра Андреевича Толстова, которому указали, чтобы, будучи ему тамо, совѣты свои пріобщилъ съ блаженствомъ вашимъ, какъ и прежніе наши послы, будучи тамъ, учинили; а отъ блаженства вашего желаемъ, дабы къ тому послу нашему былъ еси во всякихъ приключающихся ему дѣлахъ способникъ и дѣломъ и словомъ, елико возможно. И того ради пространнѣе о томъ на письмѣ отповѣди не пишемъ ко блаженству вашему, понеже указали ему про всякія дѣла наши объявити словесно и совѣтовати объ нихъ, какъ лучше можно быти и какъ Богъ наставитъ блаженство ваше, такъ и учини, противъ святаго своего прежняго обычая. А мы въ томъ не токмо не сумнѣваемся, но надѣемся, что блаженство ваше тому послу нашему будешь во всѣхъ дѣлахъ совѣтникъ и искренній помощникъ, и о дѣлѣхъ тамошнихъ случающихся желаемъ отъ блаженства вашего, дабы всегда, чрезъ того же посла нашего, изволилъ къ намъ писати и объявляти, а у нашего царскаго величества тое радѣніе и прилежаніе къ намъ блаженства вашего зѣло пріятно и незабвенно будетъ» [3]).

Такимъ образомъ, наше правительство желало и требовало отъ восточныхъ, по преимуществу константинопольскихъ, патріарховъ, чтобы они были совѣтниками и руководителями нашихъ пословъ въ ихъ сношеніяхъ о дѣлахъ государевыхъ съ турецкимъ правительствомъ, оказывали помощь и содѣйствіе во всемъ, что отъ нихъ потребуютъ наши послы. Согласно съ этимъ, наше правительство и надѣляло своихъ константинопольскихъ пословъ такими инструкціями, которыя вмѣняли имъ въ непремѣнную обязанность обо всемъ совѣтоваться съ патріархами и во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ поступать по ихъ указаніямъ. Такъ, напримѣръ, въ 1664 году въ инструкціи посламъ Аѳанасію Нестерову и дьяку Ивану Вахрамѣеву говорилось: «а буде имъ посломъ Аѳонасью и дьяку Ивану доведется о какихъ дѣлѣхъ говорить съ визиремъ и съ пашами, а визирь и паши будетъ имъ быти вскорѣ у себя не велятъ и тѣхъ дѣлъ, выслушавъ у нихъ, и до Солтана доносить вскорѣ не похотятъ, или имъ учнетъ чинитца какое безчестье и тѣснота,— и посломъ спрашиватись о томъ о всемъ съ патріархомъ Парѳеніемъ, буде онъ благочестивъ и къ великому государю радѣтеленъ, и чаятъ въ немъ правды; и что патріархъ имъ прикажетъ и о чемъ посовѣтуетъ, то имъ и учинить, и говорить патріарху, чтобъ онъ царскаго величества о дѣлѣхъ промышлялъ, визиря и пашей и ближнихъ людей, которые ему дружны, наговаривать на всякое добро, чтобъ они межъ великаго государя, его царскаго величества, и великаго государя своего Магметъ Салтанова величества о всякомъ добрѣ радѣли и Солтана на всякое добро наводили, чтобъ впредь межъ ими, великими государи, братская любовь и дружба и ссылка была крѣпка и неподвижна. И приходити имъ къ патріарху для благословенія и для спросу почасто, и будетъ патріархъ учнетъ ихъ спрашивать, для какого они дѣла отъ царскаго величества къ салтану посланы, и посломъ сказать, что они присланы отъ царскаго величества къ Магметъ Салтанову величеству о брацкой дружбѣ и о любви, чтобъ имъ государемъ быть въ брацкой дружбѣ и въ любви по прежнему неподвижно» [1]). Въ 1681 году послы Илья Ивановичъ Чириковъ и дьякъ Прокопій Возницынъ, отправляясь въ Константинополь, получили такую инструкцію отъ

[1]) Тур. стат списки № 9, стр. 23—25.
[2]) «Икона» рук спб. синод. библіотеки № 5, стр. 16—17.
[3]) 1702 г № 1.

[1]) Тур. стат. списки № 8, стр. 137—138.

правительства, что если визирь и паши, переговоривъ съ ними о дѣлѣ, вскорѣ имъ быть у себя не велятъ и не захотятъ доложить султану, или имъ «учнетъ чинитца какое безчестіе и тѣснота», то «посламъ о той своей тѣснотѣ объявить святѣйщему патріарху и просить у него совѣту, какъ онъ имъ ко отрадѣ той ихъ тѣсноты мысль свою подастъ, чтобъ визиря и ближнихъ людей привести на любовь. И приходите имъ къ патріарху для благословенія, усмотря время, какъ прилучитца, чтобъ на него и на себя тѣмъ не навести отъ салтана и отъ визиря нелюбья» [1]).

Поставленные прямыми инструкціями въ зависимость отъ патріарховъ, наши константинопольскіе послы дѣйствительно во всѣхъ затрудненіяхъ прибѣгали къ совѣту патріарховъ и поступали уже по ихъ указаніямъ. Такъ, напримѣръ, посолъ Андрей Петровичъ Совинъ (1630 г.) доноситъ правительству, что случилась смѣна визиря и другихъ сановниковъ при Портѣ и что вновь назначенные сановники прислали къ нему переводчика съ просьбою подарковъ. Послы сказали переводчику: «что у нихъ соболей нѣтъ, а что прислано было, и тѣ соболи розданы визирямъ и пашамъ и приказнымъ людямъ, а нынѣ имъ соболей взять негдѣ», но переводчикъ настаивалъ на своей просьбѣ. Тогда послы обратились за совѣтомъ къ русскому тайному агенту Ѳомѣ Кантакузену, какъ имъ быть въ этомъ случаѣ, ибо они опасаются, что если не дадутъ новымъ турецкимъ сановникамъ просимыхъ ими соболей, «то отъ нихъ государеву дѣлу поруха будетъ». Ѳома отослалъ ихъ къ патріарху Кириллу Лукарису, которому послы и заявили о своемъ затруднительномъ положеніи, «какъ онъ о томъ придумаетъ, а по государеву цареву... и отца его... указу велѣно имъ посломъ о всякихъ дѣлѣхъ его вселенскаго патріарха докладывать и совѣтовать съ Ѳомою Кантакузинымъ». Патріархъ нашелъ необходимымъ удовлетворить просьбы турокъ и посовѣтовалъ имъ немедленно занять на это денегъ при его содѣйствіи и посредничествѣ, такъ какъ у него самого въ казнѣ денегъ нѣтъ, ибо на его мѣсто подкупился было веррійскій

[1]) Ibid. № 20, стр. 240—241.

митрополитъ, ради чего ему и пришлось задолжать 25,000 рублей. Послы, съ патріаршаго вѣдома и совѣтовавъ съ Ѳомою, денегъ на соболиную покупку заняли и ими удовлетворили турецкихъ чиновниковъ [1]). Въ 1700 году наши послы Емельянъ Украинцевъ и Иванъ Чередѣевъ, отправляясь изъ Константинополя, получили предложеніе отъ турецкаго правительства оставить кого-либо изъ членовъ посольства въ Константинополѣ. Не имѣя на такой случай инструкціи отъ своего правительства и не понимая цѣли небывалаго доселѣ предложенія турокъ, послы обратились къ іерусалимскому патріарху Досиѳею, что «желаютъ отъ него святѣйшаго патріарха о томъ благаго совѣта, какъ имъ въ томъ поступить». Досиѳей объяснилъ посламъ причину, почему турки желаютъ удержать въ Константинополѣ одного изъ членовъ русскаго посольства, и посовѣтовалъ исполнить ихъ желаніе. Тогда посланники заявили, что въ виду нужды, «а паче жъ по совѣту его, святѣйшаго патріарха, оставляютъ въ Константинополѣ дворянина Лаврецкаго и съ нимъ подъячего» и били челомъ, чтобы онъ, святѣйшій патріархъ, «въ нуждахъ и во всякихъ требованіяхъ ево не оставилъ и былъ къ нему милостивъ, якоже къ нимъ посланникомъ». Досиѳей, съ своей стороны, заявилъ, что «Семену (Лаврецкому) въ желаніяхъ ево всякое вспоможеніе чинить ему будетъ, только де онъ, Семенъ, въ чемъ ему прилучитца, совѣтывалъ бы съ нимъ святѣйшимъ патріархомъ и поступалъ бы *по его приказу*». «И посланники сказали, что онъ безъ его совѣта ничего собою дѣлать не будетъ и такое его патріаршеское милостивое обѣщаніе великому государю, его царскому величеству, донесутъ» [2]). Иногда наши посланники прямо обращались къ патріархамъ съ требованіемъ, чтобы они сказали имъ все о замыслахъ турокъ и сообщили имъ всѣ свѣдѣнія, какія только они, послы, отъ нихъ потребуютъ. Посолъ Аѳанасій Поросуковъ (1677 г.) въ своемъ статейномъ спискѣ разсказываетъ, что, послѣ торжественнаго и офиціальнаго представленія константи-

[1]) Ibib. № 6, 1630—1650 г., стр. 104—107.
[2]) Idid. № 27, 1699—1700 г., л. 1233 и 1234.

нопольскому патріарху, онъ явился къ нему въ другой разъ тайно, ночью, и говорилъ патріарху, чтобы онъ, «видя къ себѣ великаго государя, его царскаго величества, милостивое жалованье, объявилъ ему, Аѳанасью о замыслахъ Солтана турскаго въ тайнѣ». Патріархъ заявилъ Аѳанасію, что онъ желаетъ государю всякаго добра, какъ себѣ царствія Божія, и о замыслахъ непріятеля креста святаго ему Аѳанасью объявляетъ». Затѣмъ патріархъ говорилъ, что султанъ турецкій, «имѣя чрево свое бусурманское ненасыщенное», думаетъ присоединить къ себѣ владѣнія Дорошенки Петра, а потомъ овладѣть и всей Украйною, сообщалъ потомъ о количествѣ предполагаемаго турецкаго войска, о тѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя оно пойдетъ въ Украйну, и т. п «И святѣйшій патріархъ, доноситъ посолъ, съ прошеніемъ говорилъ, чтобы великій государь, его царское величество, церквей ради Божіихъ и вѣры христіанской, Чигирина и Украйны въ сторону салтана турскаго не уступалъ, а если великій государь Чигиринъ уступитъ, тогда не токмо малой Россіи, но и государству московскому тяжекъ будетъ непріятель». Въ заключеніе патріархъ сообщилъ послу о статьяхъ, на которыхъ, султанъ помирился съ польскимъ королемъ [1]). 20 іюня 1704 года іерусалимскій патріархъ Досиѳей писалъ Петру Великому изъ Бухареста, что въ 1702 году 1 августа «здѣсь въ Мултянской землѣ проѣхалъ посолъ вашего величества въ Андріанополь. Онъ возвѣстилъ намъ, что имѣетъ объявить намъ указы вашего тишайшества, почему мы безъ всякаго отлагательства выѣхали отсюда въ Андріанополь и обрѣли его какъ бы обладаемаго отъ турокъ. Принявъ вашего величества почтенную грамоту, отложивъ всякую свою заботу, мы послужили ему въ сихъ четырехъ дѣлахъ: первое, во всякой трудности, какая случалась по его вопросу, способствовали совѣтомъ, такъ что Божіимъ благоволеніемъ совершенно она устранялась; второе, о тѣхъ дѣлахъ, которыхъ онъ не вѣдалъ, мы позаботились и писали ему обо всемъ, чтобы знать, что говорить и какъ дѣйствовать и чего беречься; третіе, если приключи-

[1]) Ibid № 17, 1677—1678 г., л л 76 и 84

лась необходимость, чтобы вѣдала о томъ ваша держава, извѣщали его чрезъ слово и писаніе, дабы докладывалъ о томъ вашей державѣ; четвертое, указы, которые изволило ваше величество посылать послу вашему чрезъ вѣрнѣйшаго раба своего преславнаго господаря мултянскаго, и мы отдавали ему, и то что самъ посолъ писалъ къ вашей кротости, мы опять посылали къ господарю мултянскому и чрезъ него къ престолу богоизбраннаго вашего величества» [1])

Служа совѣтчиками и руководителями нашихъ константинопольскихъ пословъ, доставляя имъ нужныя и необходимыя свѣдѣнія по разнымъ вопросамъ и дѣламъ, патріархи въ то же время посылали свои отзывы нашему правительству о той или другой дѣятельности пословъ, которая, такимъ образомъ, находилась подъ постояннымъ контролемъ патріарховъ Такъ въ 1634 году Кириллъ Лукарисъ извѣщалъ царя и патріарха, что «пришли послы великаго вашего царствія Аѳанасій Осиповичъ Прончищевъ да Тихонъ Васильевичъ Бормосовъ, разумные и достойные люди во всѣхъ дѣлѣхъ великаго твоего царствія и преблаженства твоего, и въ тѣхъ во всѣхъ вашихъ государевыхъ дѣлѣхъ неусыпные и спѣшные предъ великимъ царемъ салтанъ Муратомъ говорили, сколько было пригоже, и великому царю Мурать Салтану и начальному ево пресвѣтлому визирю Магметъ полюбилося, и почтили ихъ и говорили съ ними сколько было надобно» [2]). Въ 1644 году патріархъ Парѳеній писалъ: «буди вѣдомо, благочестивый царю, что послы царствія вашего, стольникъ Илья Даниловичъ Милославскій да дьякъ Левонтей Лазаревской, какъ они были здѣсь во Царѣ-градѣ, служили тебѣ великому государю и о твоихъ царскихъ дѣлѣхъ радѣли великимъ радѣніемъ со мною богомольцемъ вашимъ, и ходили они ко мнѣ часто, и милостью Божіею и вашимъ царскимъ счастьемъ всѣ ваши царскія дѣла Богъ исполнилъ» [3]) Въ 1649 году патріархъ Парѳеній писалъ

[1]) 1704 г № 1
[2]) Самая грамата патріарха въ «Приложеніяхъ»
[3]) 7152 г № 13

государю, что посолъ Кузовлевъ человѣкъ смышленный и досужій, что онъ, несмотря на тяжелыя времена, умѣлъ съ честью вести государевы дѣла, особенно о царскомъ титулѣ [1]) Въ 1683 году іерусалимскій патріархъ Досиѳей писалъ государю: «великому послу вашего царствія въ чемъ мы содѣйствовали, самъ онъ да свидѣтельствуетъ; но и онъ Прокопій (Возницынъ) какъ никто иной побораль и подвизался, чтобы къ благополучному концу привести повелѣнie ваше, разумный человѣкъ и честный, воистину почтилъ службу ему врученную, хотя и немоществовалъ, какъ человѣкъ» [2]). Въ 1704 году Досиѳей писалъ Петру: «нынѣшній въ Константинополѣ посолъ вашего божественнаго величества поступалъ зѣло хорошо, зане чего не разумѣлъ, насъ вопрошалъ и познавалъ, и что мы ему возвѣщали, слушалъ» [3]). Въ 170С году Досиѳей писалъ канцлеру Головкину. «три государевы послы, которые пріѣзжали сюда, имѣли насъ наставниками, и когда насъ слушали, то благоуспѣвали» [4]).

Не всякій однако патріархъ былъ годнымъ политическимъ агентомъ, а только тотъ, который уже заявилъ себя чѣмъ либо съ этой стороны, и котораго русское правительство знало какъ своего доброхота Отправляя въ 1630 году пословъ, Яковлева и Евдокимова, въ Константинополь, правительство въ инструкціи имъ даетъ наказъ быть у патріарха и говорить съ нимъ о государевыхъ дѣлахъ, если патріархомъ по прежнему будетъ Кириллъ Лукарисъ, или, если и новый, «а въ православной христианской вѣрѣ благочестивъ и крѣпокъ и непоколебимъ». Но если патріархъ будетъ новый, «а они про него провѣдаютъ, что онъ въ вѣрѣ некрѣпокъ и неблагочестивъ и о государевыхъ дѣлѣхъ радѣнья и промыслу въ немъ не чаять», тогда посламъ приказывается такому патріарху государевыхъ граматъ не отдавать, поминокъ ему не посылать и о государевыхъ дѣлахъ съ

[1]) 7157 г № 19
[2]) 7191 г № 2
[3]) 1704 г № 1
[4]) 1706 г № 1

нимъ не говорить [1]). Подобныя инструкціи давались обыкновенно и другимъ посламъ. Въ инструкціи Аѳанасью Нестерову и дьяку Вахрамѣеву (1667 г.) предписывается «спрашиватись о всемъ съ патріархомъ Парѳеніемъ, буде онъ благочестивъ и къ великому государю радѣтеленъ и чаять въ немъ правды, и что патріархъ имъ прикажетъ и о чемъ посовѣтуетъ, то имъ и учинить, и приходити имъ къ патріарху для благословенія и для спросу почасто. А будетъ волею Божіею, говоритъ наказъ, патріарха не станетъ, а на ево мѣсто учинился новой патріархъ, и посломъ Аѳанасью и дьяку Ивану къ новому патріарху приходити не часто, одинова или дважды, а не спрашиватца съ нимъ ни о чемъ; а что послано къ патріарху государево жалованье, то новому патріарху, будетъ онъ благочестивъ, отдати, а будетъ новый патріархъ поставленъ иновѣренъ и посломъ Аѳанасью и дьяку Ивану тому новому патріарху не давать ничего и къ благословенію къ нему не ходить» [2]). Въ инструкціи посламъ Чирикову и Возницыну въ 1681 году предписывается на случай перемѣны патріарха· «а буде новый патріархъ къ великому государю, его царскому величеству и ко всему россійскому государству не доброхотенъ и въ дѣлахъ никакого добра отъ него не чаять, и ему государева жалованья не давать и къ нему не ходить» [3]). Когда въ 1700 году нашимъ посламъ Украинцеву и Чередѣеву турецкій переводчикъ Маврокордатъ, служивший посредникомъ между ними и турецкимъ правительствомъ, интересы котораго онъ очень замѣтно отстаивалъ, предложилъ прислать къ нимъ патріарховъ, которые де посовѣтуютъ имъ сдѣлать уступки, на которыя послы не рѣшались; то они отказались принять патріарховъ и совѣтоваться съ ними, «понеже ни о какихъ дѣлѣхъ съ ними говорить и совѣтывать имъ посланникамъ не належитъ и не для чего» [4])

Восточные патріархи, съ своей стороны, выражали полную готовность служить русскимъ интересамъ и охотно вступали въ штатъ тайныхъ политическихъ агентовъ при рус-

[1]) 7136 г № 8
[2]) Тур стат списки № 8 1667 г, стр 137—138
[3]) Ibid № 20, 1681—1682 г, л л 240—242
Ibid № 27, 1699—1700 г, л л 553—554

скомъ правительствѣ. Въ 1634 году Кириллъ Лукарисъ писалъ государю: «мы и нынѣ (какъ и прежде) не отлучимся работати великому твоему царствію и преблаженству твоему (т.-е. Филарету Никитичу) всѣмъ добрымъ дѣломъ и словомъ и поспѣшеніемъ и вѣрою, сколько будетъ намъ возможно». Въ 1648 году 19 ноября патріархъ Паѳеній писалъ государю: «я имѣлъ многое радѣніе и великую любовь послужить великому вашему царствію словомъ и дѣломъ по силѣ своей, и объявляюся предъ Богомъ и царствіемъ вашимъ вѣрной вашъ богомолецъ; болѣ бывшихъ прежнихъ вселенскихъ патріарховъ, для природы православные наше вѣры и для душевнаго спасенія совершити всѣ ваши царскія дѣла чистымъ сердцемъ, по повелѣнію блаженные памяти по плоти отца вашего великаго государя» [1]). Отъ 10 ноября 1649 года іерусалимскій патріархъ Паисій писалъ государю изъ Молдавіи: «пожалуйте, извольте прислать къ намъ святую вашу грамоту о какихъ дѣлехъ изволите, а мы готовы о тѣхъ дѣлѣхъ радѣть и работать, якоже реклися великому вашему царствію, что ни услышимъ, будемъ всегда вѣдомо чинить, да будеши вѣдать друговъ своихъ и недруговъ» [2]). Въ 1703 году іерусалимскій патріархъ Досиѳей, по поводу просьбы къ нему Петра помогать своими совѣтами послу Толстому, писалъ царю: «нѣстъ такого дѣла, которое бы мы вѣдали, что оно нужно послу вашему знати, и не объявляхомъ ему, ниже отлучаемся когда, чтобъ ему не совѣтывати въ нужныхъ дѣлѣхъ, и тако будемъ дѣйствовати покамѣстъ живемъ, понеже не токмо есмы богомольцы теплѣйшія вашея державы, но и работники усердни, а наипаче указъ твой имѣемъ, яко слово святое и гласъ Божій» [3]). Бывшій антіохійскій патріархъ Аѳанасій въ 1707 году собственноручно писалъ Петру изъ Константинополя: «нынѣ сіе объявляю своеручно, яко обѣщаюся всегда защищати въ дѣлехъ, которые суть свойственны непобѣдимому царствію вашему, купно и всею душею помогати хочу и послу вашему во всякой приключающейся ему потребѣ

[1]) Эта грамата патріарха Паѳенія напечатана въ «Приложеніяхъ»
[2]) 7157 г № 22.
[3]) 1703 г № 1.

во всякое время» [1]). Между патріархами являлось даже соревнованіе по дѣлу службы русскому правительству. Такъ, статейный списокъ послѣ Украинцева разсказываетъ, что во все время веденія переговоровъ съ турецкимъ правительствомъ онъ не могъ видѣться съ патріархами вслѣдствіе строгаго надзора за ними турокъ, и только одинъ іерусалимскій патріархъ Досиѳей успѣвалъ передавать ему, чрезъ надежныхъ людей, нужныя вѣсти. Но когда переговоры кончились заключеніемъ перемирія, то константинопольскій патріархъ заявилъ желаніе лично посѣтить пословъ. Узнавъ объ этомъ, и іерусалимскій патріархъ Досиѳей тоже пожелалъ повидаться съ послами, которымъ онъ доселѣ служилъ чрезъ разныхъ посредниковъ. При этомъ онъ говорилъ: «что уже де нынѣ и вселенскій святѣйшій патріархъ киръ Каллиникъ будетъ являться другомъ и пріятелемъ имъ посланникомъ, зане въ благополучное время многіе являются друзьями, а въ нужное время ни одинъ, окромѣ его святѣйшаго патріарха, отъ чего онъ имѣлъ въ чести своей великое опасеніе, а наипаче и живота своего лишеніе, радѣя и промышляя о дѣлехъ православнаго государя нашего, а иной никто ни съ чѣмъ, а пачежъ и со всякою осторожностью къ нимъ посланникомъ не отзывался» [2]).

Единственно, что сдерживало патріарховъ въ ихъ готовности всѣми мѣрами служить интересамъ русскаго правительства, это—опасеніе со стороны турокъ, опасеніе вполнѣ справедливое, которое вынуждало патріарховъ къ великой осторожности при сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ. Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ въ 1638 году писалъ: «посемъ пишемъ и объявляемъ, что дѣется во Цареградѣ, и о томъ у насъ бываетъ великій страхъ, о томъ бо есть и вамъ вѣдомо, только наша великая любовь и для благочестія твоего и для милостыни, что имѣетъ къ намъ, понуждаетъ насъ писати и объявляти» [3]). Константинопольскій патріархъ Паѳеній, въ 1644 году, сообщая политическія вѣсти, замѣчаетъ: «съ великимъ страхомъ писалъ я,

[1]) 1707 г № 25
[2]) Тур стат списки, № 27, 1699—1700 г., л 1082
[3]) 7146 г № 5

а обо всѣхъ подобныхъ тайнахъ будетъ говорить изустно митрополитъ, который пріѣдетъ къ царствію вашему» [1]). Въ 1648 году патріархъ Парѳеній писалъ, сообщая политическія вѣсти: «сіе писали мы на скоро и посылаемъ тайнымъ образомъ къ великому вашему царствію, какъ вѣрный вашъ богомолецъ, запечатано нашею патріаршею печатью, а иные тайны, что невозможно было писать къ великому вашему царствію, то услышите изустно отъ вашего царскаго посла» [2]). Въ 1658 году александрійскій патріархъ прислалъ въ Москву грека Исаію Остафьева и велѣлъ ему сообщить политическія вѣсти на словахъ, а граматы не далъ, потому что «вѣроятно и государь слышалъ, какъ учинили турки съ братомъ его константинопольскимъ патріархомъ» [3]), (его турки повѣсили за сношенія съ русскимъ правительствомъ). Въ 1662 году антіохійскій патріархъ Макарій писалъ государю: «да не будетъ явно писаніе патріаршее, ибо съ великимъ страхомъ посылалась даже жалованная грамота (ранѣе данная патріарху),—невозможно намъ писать отъ нашихъ державцевъ, борющихъ насъ» [4]). Когда посолъ Нестеровъ именемъ царя говорилъ бывшему константинопольскому патріарху Діонисію, чтобы онъ государю «о всякихъ подлинныхъ вѣдомостяхъ писалъ, то Діонисій рѣшительно отказался принять сдѣланное ему предложеніе, на томъ основаніи, что султанъ строго запретилъ писать въ московское государство какія бы то ни было письма» [5]). Іерусалимскій патріархъ Досиѳей писалъ нашему константинопольскому послу Толстому въ 1706 году: «господине мой, время есть зѣло трудно и по премногу страшно и боимся о родѣ и о жизни нашей», и въ другой разъ: «преславность ваша вѣси, яко третьяго года человѣка твоего, аще бы не пріяла понукла (опухоль, грыжа), толикая зла имѣлъ бы происходатайствовать намъ. Молимъ тя и совѣтуемъ тебѣ, да послушаеши насъ и имѣеши людей московскихъ

[1]) 7152 г. № 1.
[2]) 7157 г. № 19.
[3]) 7166 г. № 11.
[4]) 7170 г. № 28.
[5]) Тур. стат. списки № 8, 1667 г., л. 304.

вѣрныхъ ради службы сія, а отъ грековъ удаляйся, зане греки тайная не хранятъ» [1]). Эти постоянныя опасенія патріарховъ, что турки могутъ узнать объ ихъ сношеніяхъ съ московскимъ правительствомъ, были не напрасны. Въ 1654 году, отъ 6-го августа, цареградскій архимандритъ Парѳеній писалъ государю, между прочимъ, слѣдующее: «въ нѣкое врамя блаженный Парѳеній патріархъ (младшій) писалъ къ великому царствію твоему вѣсти тайныя,—не вѣдаю, какъ случились они въ рукахъ ляховъ. Они послали ихъ съ своимъ посломъ къ царю турскому и сказали: «видишь ли, какъ греки и патріархъ ихъ пишутъ о всѣхъ тайнахъ къ врагамъ царствія твоего». Случилось же, по Божію благоволенію, что былъ тутъ чаущъ, боярскій человѣкъ, котораго братъ грекъ и донынѣ былъ намѣстникъ патріарха Парѳенія. Визирь призвалъ чауша и спрашивалъ: знаетъ ли онъ по-гречески? Тотъ отвѣчалъ ему: не только по-гречески, но и грамоты греческія. И такъ, визирь отдалъ ему письма. Онъ же узналъ грамоты и кто писалъ ихъ и призвалъ брата своего и писца, въ моемъ присутствіи растолковалъ грамоты, какъ хотѣлъ, а не такъ, какъ были написаны. Богъ помогъ, что не дались сіи грамоты въ руки другаго чауша, ибо многіе бы христіане погибли. А онъ сказалъ визарю, что никакого зла не пишутъ, а только просятъ, чтобы дали милостыню грекамъ и ихъ патріарху» [2]). Совсѣмъ иначе кончилось подобное же дѣло для другаго константинопольскаго патріарха Парѳенія III-го: онъ былъ уличенъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ московскимъ правительствомъ и за это публично повѣшенъ въ Константинополѣ. Сербскій митрополитъ Михаилъ, поселившійся въ Россіи и ѣздившій оттуда въ Іерусалимъ, собралъ въ Константинополѣ свѣдѣнія объ обстоятельствахъ казни Парѳенія и со-

[1]) Турецкіе дѣла, связка 7, № 3, л. 119 на об. и 120 на об. Досиѳей здѣсь намекаетъ на слѣдующій случай: одинъ изъ служащихъ у Толстого рѣшился потурчиться, а между тѣмъ онъ зналъ всѣхъ, кто имѣлъ съ Толстымъ тайныя сношенія, и могъ указать на нихъ и турецкому правительству. Неминуемая бѣда грозила и Толстому и всѣмъ грекамъ, служившимъ русскому правительству. Толстой употребилъ крайнюю мѣру: онъ отравилъ измѣнника, на что и намекаетъ Досиѳей.
2) 7163 г. № 1.

общилъ ихъ въ Москвѣ, куда онъ прибылъ 16-го сентября 1657 года. Онъ показывалъ, «что 15-го іюня 1656 года онъ прибылъ въ Царьградъ, гдѣ въ то время патріархомъ учиненъ былъ брусскій митрополитъ Парѳеній, человѣкъ добрый и похвальный. До него, послѣ прежняго патріарха Парѳенія, котораго казнили турки, наречены были два патріарха изъ митрополитовъ, но ихъ міромъ не возлюбили, потому что они другъ передъ другомъ на патріаршество перекупались, а избрали того брусскаго митрополита, вѣдая его доброе житіе. Прежнему патріарху Парѳенію учинилась казнь отъ турокъ на страстной недѣлѣ за то, что написалъ нѣкто, непріятель его, листъ на имя царскаго величества: что православнымъ христіаномъ отъ нечестивыхъ турокъ утѣсненіе, а война у турскаго солтана съ венеціанами непрестанна, и нѣмцы турковъ побиваютъ, то чтобы царское величество изволилъ идти на Царьградъ войною, а они ему, великому государю, всѣ рады. Укравши у патріарха печать, запечатали ею тотъ листъ, и, невѣдомо какими мѣрами, письмо сіе крымскіе татары перехватили и отдали въ Царьградѣ визирю. Визирь тотчасъ велѣлъ быть у себя патріарху Парѳенію и, показавъ ему листъ, спросилъ: для чего онъ такіе смутные листы пишетъ? Патріархъ сказалъ, что онъ такого листа не писалъ, хотя печать и его, а какъ запечатано, того не вѣдаетъ. Визирь не повѣрилъ патріаршимъ рѣчамъ, велѣлъ привязать ему веревку на шею и водить три дня по городу, а бирючь кликалъ, объявляя всѣмъ, что патріархъ такими листами учиняетъ смуту между государствъ. Послѣ трехъ дней велѣли патріарха повѣсить на торгу, на улицѣ, между лавокъ; висѣлъ онъ три дня, а потомъ кинули его въ море, и греки, давъ за него выкупъ, вынули его изъ моря и погребли. Но покамѣстъ гречане просили указа о погребеніи тѣла, въ то время оно плавало поверхъ воды и на дно не погрязло, а иные люди говорятъ, какъ онъ висѣлъ три дня, всѣ три ночи видѣли надъ головою его свѣтъ великій». Въ томъ же году и то же самое разсказывалъ о казни Парѳенія и выѣхавшій на государево имя варнскій митрополитъ Даніилъ съ тѣмъ лишь добавленіемъ, что будто бы турки не только казнили патріарха, «но и начали изыскивать иныхъ властей и хотѣли ихъ побить; онъ же (Даніилъ), убоявшись сего, ушелъ изъ города Варны тайно; слышалъ, что патріархъ висѣлъ три дня, а куда дѣли тѣло его, не вѣдаетъ» [1]).

Наши константинопольскіе послы очень дорожили тѣми услугами, какія имъ оказывали патріархи, тѣмъ болѣе, что подозрительное турецкое правительство иногда держало ихъ какъ бы подъ арестомъ, и они часто совсѣмъ не знали, что дѣлается кругомъ ихъ. Въ такихъ обстоятельствахъ услуги патріарховъ были особенно цѣнны: они успѣвали сообщать посламъ, чрезъ вѣрныхъ людей, необходимыя для нихъ свѣдѣнія и указанія, пересылали ихъ отписки въ Россію, а имъ передавали царскія вновь присланныя инструкціи, рекомендовали имъ для услугъ вѣрныхъ людей и т. под. Какую важность этимъ услугамъ патріарховъ придавали сами послы—это, между прочимъ, видно, напримѣръ, изъ словъ Толстого, который въ 1705 году отъ 16 іюля доносилъ канцлеру Головкину: «письма мои святѣйшій іерусалимскій патріархъ началъ принимать по прежнему и въ дѣлѣхъ великаго государя усердствуетъ вельми, обаче страха ради отъ сихъ поганцевъ не можетъ мнѣ часто подавать потребныхъ вѣдомостей чрезъ писанія, какъ чинилъ напередъ сего, однакожъ усердіе являетъ изрядное чрезъ единаго грека словесно». Чтобы убѣдиться, какъ важны были эти услуги Досиѳея для нашего посла, достаточно указать на ту въ высшей степени обширную переписку, какая существовала между Толстымъ и Досиѳеемъ, изъ которой оказывается, что Досиѳей имѣлъ у себя особыхъ агентовъ въ разныхъ мѣстахъ, отъ которыхъ онъ узнавалъ все необходимое для нашего посла и немедленно о всемъ сообщалъ ему съ присовокупленіемъ своихъ совѣтовъ, какъ лучше, по его мнѣнію, поступить въ томъ или другомъ случаѣ. Съ своей стороны и Толстой сообщалъ Досиѳею полученныя имъ свѣдѣнія, ходъ переговоровъ съ турками, свои предположенія и планы относительно веденія того или другого дѣла, спрашивалъ его мнѣнія и т. п. [2]).

[1]) 7166 г. №№ 3 и 4.

[2]) Турецкіе дѣла, связка 6, № 4, стр. 254, 255, 273, 274, 315, 316, 352 и др., связка 7, № 3. Эти двѣ большія связки, обнимающія собою дѣла за 1705 и 1706 годъ, въ большей своей части состоятъ изъ переписки Толстаго съ Досиѳеемъ.

Услуги восточныхъ патріарховъ нашему правительству не ограничивались тѣмъ, что они руководили нашими послами въ Константинополѣ, давали имъ полезные совѣты, сообщали нужныя свѣдѣнія и т. п., но они еще присылали и отъ себя лично въ Москву разныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Турціи. Такъ, напримѣръ, Кириллъ Лукарисъ, посылая въ 1630 году грамату въ Москву съ архимандритомъ Амфилохіемъ, заявляетъ въ ней: «и въ той граматѣ пишу и повѣдаю все тайное, всякое бытейское дѣло истинное, и приказалъ ему (посланному архимандриту) изъ устъ тайное дѣло говорить царствію вашему». Въ 1647 году александрійскій патріархъ Іоанникій съ грекомъ Иваномъ Петровымъ прислалъ къ государю грамату, въ которой пишетъ: «еще хотѣлъ писать и объявить великому вашему царствію о всякой причинѣ царственныхъ вѣстей, но невозможно было, и теперь же идетъ вѣрный рабъ и честный слуга великаго вашего царствія и сынъ о св. Духѣ нашего смиренія Иванъ Петровъ; вѣдая, что онъ мужъ честный и сверхъ того обо всемъ радѣтельный къ вашему царствію и другъ нашего смиренія и во всемъ вѣренъ, я поручилъ ему изустно все объявить державному вашему царствію, какъ будто мы сами говорили на лицо въ царствіи вашемъ» [1]). Такія отписки въ Москву съ политическими вѣстями обыкновенно посылалъ почти каждый патріархъ, въ видахъ заслужить благоволеніе къ себѣ московскаго правительства и получать отъ него милостыню, которая давалась за эту службу патріархъ, на что имъ, при дачѣ милостыни, прямо и указывалось. Посолъ Украинцевъ, напримѣръ, передавая царскую милостыню іерусалимскому патріарху Досиѳею, долженъ былъ отъ имени государя говорить ему: «за многія ваши святѣйшаго патріарха ему, великому государю, письменныя донешенія онъ, великій государь, благодарствуетъ и впредь отъ тебя тогоже требуетъ» [2]).

Нѣкоторые патріархи, особенно тѣ изъ нихъ, которые подолгу занимали свои каѳедры, становились самыми дѣятельными политическими агентами; они съ увлеченіемъ исполняли свою небезопасную для нихъ лично службу, тщательно извѣщая наше правительство рѣшительно обо всемъ, что ни дѣлается или замышляется турецкимъ правительствомъ. Досиѳей, напримѣръ, въ одной изъ граматъ къ царю, самъ говоритъ о себѣ, что «въ вашей богохранимой державѣ мы имѣемъ *чинъ доносителя*». Большинство патріарховъ дѣйствительно не шло дальше «чина доносителей», но за то нѣкоторые изъ нихъ, находившіеся въ сношеніяхъ съ московскимъ правительствомъ въ теченіе многихъ лѣтъ, были не просто пассивные «доносители», но активные и вліятельные дипломатическіе агенты. Они къ своимъ донесеніямъ о разныхъ событіяхъ въ Турціи нерѣдко присоединяютъ совѣты, указанія, предостереженія, нескрываемое иногда притязаніе направлять и опредѣлять образъ дѣйствій нашего правительства. Константинопольскій, напримѣръ, патріархъ Кириллъ Лукарисъ, граматою отъ 6 іюля 1634 года, извѣщая государя о возвращеніи нашихъ константинопольскихъ пословъ въ Москву, говоритъ, что они долго не могли добиться отъ турецкаго правительства, чтобы граматы къ государю были написаны съ полными царскими титулами, а если теперь онѣ и написаны, какъ того желали послы, то это не можетъ служить ручательствомъ, что всегда такъ будетъ и послѣ. Въ виду этого, говоритъ въ граматѣ патріархъ, «азъ о томъ вамъ пишу и совѣтываю съ вами, да учините то, чтобъ написати отъ царствія вашего съ Москвы къ султану Мурату съ послы царствія вашего граматы особные о томъ дѣлѣ, и будетъ возможно, хотя бъ ихъ и по турски написать, и подати ихъ велѣть въ руки царю салтану Мурату, чтобъ ему ихъ прочести самому, а въ тѣхъ граматахъ напишите и просите того, чтобъ титла царствія вашего писати сполна по достоянію. Да и то напишите и учините ему вѣдомо, да узнаетъ онъ городы и царства, что есте обладали саблею своею и имѣете ихъ подъ своею державою: Казань и Астрахань и Сибирь и иные какъ надобно, потомъ и учините имъ вѣдомо; пишите, отъ котораго царя и съ котораго времени начали есте называтися и именоватися цари; и то напишите, что всѣ короли, въ которыя королевства посылаете пословъ своихъ, и тѣ всѣ васъ пишутъ царемъ, да прикажите послу ихъ Алею-агѣ, чтобъ

[1]) 7155 г. № 24.
[2]) Тур. стат. списки, № 27, 1699—1700 г., стр. 200.

онъ изустно сказалъ царю и визирю... Тако я пишу и совѣтую царствію вашему о томъ дѣлѣ, да учините такъ, а я имѣю къ вамъ желаніе и духовную божественную любовь и хочу имени вашему чести и возвышенія царствію вашему» [1]). Особенно много совѣтовъ по разнымъ случаямъ давалъ русскому правительству одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и ревностныхъ его агентовъ—іерусалимскій патріархъ Досиѳей, неустанно служившій интересамъ Россіи болѣе тридцати лѣтъ. Въ 1692 году, напримѣръ, Досиѳей писалъ, что еще Алексѣю Михайловичу онъ давалъ совѣтъ бросить борьбу съ поляками и смирить прежде турокъ, но его тогда не послушали, а между тѣмъ турки уже стремятся овладѣть Днѣпромъ, что онъ тогда и предсказывалъ. «Буде хотите мириться, пишетъ онъ, миритесь такъ, чтобы и Украйна была освобождена и Іерусалимъ отданъ (грекамъ)», иначе лучше бросить миръ и воевать съ турками въ союзѣ съ сосѣдями, ибо поляковъ, когда захотите смирить, тогда и смирите. Турки никогда и ни за что не будутъ вамъ благодарны, «потому что думаютъ, что доброта ваша отъ неблагоразумія, и нынѣ вмѣстѣ съ ханомъ радѣетъ (турокъ) васъ обмануть, покамѣстъ будетъ возможно нѣмцевъ побѣдить, а потомъ и за мужей васъ не будетъ почитать, потому что весьма глубокъ и лукавъ онъ. При этомъ нынѣшній или иной визирь будетъ, если побѣдятъ нѣмцевъ, то послѣ сего великую награду имѣть будутъ и станутъ воевать васъ съ великимъ гнѣвомъ многихъ ради причинъ»,—и потому, совѣтуетъ, во что бы то ни стало, выгнать турокъ изъ Украйны, «случай имѣете, дабы поганцы смирились, и не пропустите его». Затѣмъ онъ совѣтуетъ, въ союзѣ съ поляками, разгромить окончательно татаръ, — «и буде татары погибнутъ, то и турки съ ними и вся власть погибнетъ, и дойдетъ ваша власть до Дуная» [2]). Въ слѣдующемъ 1693 году Досиѳей, послѣ своихъ переговоровъ съ мутьянскимъ воеводою Константиномъ, старается убѣдить наше правительство, чтобы оно «промыслъ учинить изволило» надъ турецкими городками, стоящими на Днѣпрѣ, и, взявъ ихъ, разорило бы по-

[1]) 7142 г № 1
[2]) 7200 г № 1

томъ и бѣлгородскую орду, и тогда господарства молдавское и валахское поддадутся царскому величеству безъ всякаго замедленія, такъ какъ мутьянскій господарь уполномочилъ его заявить слѣдующее: «если царское войско пойдетъ на бѣлгородскую орду, то больше шестидесяти тысячъ казаковъ не надобно, и въ одинъ мѣсяцъ могутъ всю орду раззорить; когда же та орда раззорится, и городки, что на Днѣпрѣ, взяты будутъ, тотчасъ и онъ востанетъ противъ поганыхъ, и съ нимъ премножество людей совокупится». Въ августѣ того же года Досиѳей прислалъ въ Москву добытыя имъ статьи англійскаго посла, на основаніи которыхъ предполагалось заключить миръ между нѣмцами, венеціанами и поляками, съ одной стороны, и турками, съ другой. Туркамъ обѣщается заключеніе мира съ Москвой подъ условіемъ уступки ей Азова и двухъ порубежныхъ съ нимъ крѣпостей. По этому поводу Досиѳей пишетъ: «Нечестивые паписты 1) представляютъ, будто имѣютъ попеченіе о Москвѣ, но сіе, думаемъ, ради своей нужды, а не любви; 2) обрекаютъ грековъ на вѣчное порабощеніе и погибель; 3) сосѣдямъ своимъ, папистамъ же, близъ турокъ живущимъ, радѣютъ всею силою, а для православныхъ ничего; 4) поминаютъ объ отдачѣ Москвѣ Азова и двухъ крѣпостей, т.-е. нѣчто малое, что не только Москва, но и ея подвластные вскорѣ взять могутъ, а не предлагаютъ, чтобъ Украйна была за Москвою; 5) какъ положатъ нѣмцы рубежемъ Дунай и возобладаютъ сербской, венгерской и седмиградскою землею, а поляки возьмутъ Украйну, Подолію, волошскую и мултянскую земли, также и бѣлгородскую орду, тогда они будутъ первые враги Москвѣ, и всегда война будетъ съ ними, а когда болгары, сербы, волохи, мултяне и седмиградчане будутъ подъ ними, тогда станутъ всѣхъ принуждать въ унію, также какъ и благочестивыхъ, которые теперь подъ ними обрѣтаются, и не только весьма умалится благочестіе и паписты будутъ весьма сильны и не столько будутъ непріятелями турокъ, какъ православному царству врагами» [1]). Въ 1698 году Досиѳей сообщаетъ царю, что поляки, захвативъ въ Яссахъ множество православныхъ въ плѣнъ, всѣхъ ихъ обратили въ папежство, что австрійцы.

[1]) 7201 г № 4

приглашая къ себѣ сербовъ и надѣляя ихъ привиллегіями, въ дѣйствительности употребляютъ всѣ усилія обратить ихъ въ латинство, что всѣ вообще папежники, а также англичане и голландцы,—злые, непримиримые враги православія и царя и всячески готовы всегда противодѣйствовать его успѣхамъ, увеличенію могущества и силы православнаго русскаго царства. Хотя они, пишетъ Досиѳей, «ваше священное высочество уважаютъ, просятъ и восхваляютъ, но только для того, чтобы помощью вашею побѣдить своего непріятеля или избѣжать его нашествія, а буде увидятъ, что возрастаете или распространяете предѣлы ваши, тогда позавидуютъ и будутъ навѣтовать, хотя и не явно, но тайно, по обычаю еретическому... Сего ради ваша пречестная душа, имѣя свѣдѣнія о ихъ любви къ вамъ, не вѣрь имъ, ниже преклоняй святыя уши свои къ совѣтамъ ихъ» [1]).

Внимательность и ревность Досиѳея къ интересамъ русскаго правительства шла и далѣе,—онъ даетъ свои совѣты и относительно различныхъ сторонъ внутренней уже русской жизни. Такъ, въ 1700 году онъ разъясняетъ Петру, что казаки представляютъ изъ себя лучшее войско для борьбы съ Турціей, такъ какъ турки никого такъ не боятся, какъ казаковъ. Поэтому царь долженъ стараться всѣми мѣрами крѣпче привязать къ себѣ казаковъ, которыхъ турки всячески стараются поссорить съ москвичами, ожидая себѣ отъ ихъ тѣснаго союза большихъ опасностей. Затѣмъ онъ совѣтуетъ царю усиленно стараться о скорѣйшемъ образованіи хорошаго, всему правильно обученнаго войска. Относительно Азова Досиѳей совѣтуетъ царю образовать изъ него торговый пунктъ, для чего съ привозимыхъ туда товаровъ нужно брать только половинную пошлину сравнительно съ Москвою, чѣмъ будутъ привлечены въ Азовъ промышленные и торговые люди. А отъ Азова до Москвы слѣдуетъ провести большую дорогу, благодаря чему чрезъ Азовъ пойдетъ тогда вся торговля. Въ то же время Досиѳей проситъ царя, чтобы съ грековъ, которые поселятся въ Азовѣ и его окрестностяхъ, не брали никакихъ податей, тогда эти мѣста быстро заселятся греческими выходцами изъ разныхъ мѣстъ. Затѣмъ онъ совѣтуетъ

[1]) 7206 г. № 31.

царю учредить въ Азовѣ митрополію съ подчиненными епископами по городамъ. «А дабы не учинило тягости царской казнѣ житіе ихъ, чтобы было по древнему обычаю каѳолической церкви, а наипаче, понеже суть сосѣди наши, чтобы было и житіе ихъ, якоже и наше. Патріархи и здѣсь въ Царьградѣ наипаче пѣши ходятъ, а архіереи суть нищіе и преже сего были, какъ познавается отъ исторіахъ и отъ собранія вселенскихъ соборовъ, что тамъ нищія были, что цари ихъ кормили; платья дорогія духовнымъ людемъ (носить) непристойно, а носили такія платья иконоборцы, и буде изволишь, прочтите правило шестоенадесять вселенскаго седьмаго собора, которое весьма низвергаетъ» [1]). Относительно того же Азова Досиѳей прислалъ государю съ посломъ Украинцевымъ и такой наказъ: «если де изволитъ великій государь, его царское величество, городъ Азовъ и къ нему прилежащіе старые и новые городки держать, то ненадобно ихъ пометывать, но всегда имѣть въ осмотрѣніи и во всякомъ призрѣніи, чтобъ въ нихъ воеводы и начальные люди были разумные, а ратные люди добрые и смѣлые, и непріятель, на то смотря, не такъ будетъ въ мысли своей распространяться. А если тѣ городы въ крѣпости и въ оборонѣ будутъ слабы, и непріятель всегда имѣти будетъ тщаніе и неусыпное радѣніе о воинскомъ надъ ними промыслу; а на то нечего смотрѣть и обнадеживаться, что съ нимъ учинены будутъ мирные договоры, понеже онъ древній вѣроломный и лукавый христіанскій непріятель. А если когда царское величество изволитъ начать съ нимъ войну, и тогда надобно прежде взять Очаковъ — лѣвый рогъ, а правый рогъ былъ Таганъ-рогъ, а взявъ Очаковъ, то надобно Крымъ взять, а взявши Крымъ, то будетъ дорога на Черное море свободною, и тогда пристанутъ сербы, и волохи, и мултяны, и болгары, а не взявъ Очакова и Крыму, турковъ на морѣ воевать трудно, понеже татаровя въ томъ чинить будутъ препону, да и оные народы для той же опасности вспоможенія чинить не будутъ. А къ тому де воинскому поведенію надобны морскіе мелкіе многіе суды, которые великій страхъ могутъ здѣсь учинить, нежели корабли, и тѣхъ кораблей турки такъ не боятца,

[1]) 1700 г № 1

какъ мелкихъ судовъ, потому что тѣ мелкіе суды могутъ по всему Черному морю во всѣ стороны разсѣятися и жилищамъ бусурманскимъ чинить огнемъ и мечемъ раззоренье и плѣненіе» [1]). Во время войны съ шведами Досиѳей даетъ Петру съ высшей степени своеобразный совѣтъ, какъ покончить эту войну въ пользу Россіи, именно: нужно де поддерживать непрерывныя сраженія съ шведами, не жалѣя людей, ибо тогда силы шведовъ, хотя бы они и побѣждали, необходимо будутъ умаляться послѣ каждаго сраженія, и имъ, по дальности ихъ страны отъ театра войны, будетъ невозможно скоро пополнять эту убыль людей, что наоборотъ легко дѣлать русскимъ, которыхъ къ тому же тамъ много. Въ концѣ концовъ отъ непрерывныхъ сраженій силы шведовъ все болѣе и болѣе будутъ умаляться, и наконецъ всѣ они будутъ уничтожены, и русскіе, такимъ образомъ, одержатъ надъ ними рѣшительный верхъ. Жалѣть убитыхъ русскихъ никакъ не слѣдуетъ, потому что всѣ убитые—мученики [2]). Не менѣе любопытно нравоученіе, какое дѣлаетъ Досиѳей Петру относительно продажи русскими плѣнныхъ шведовъ въ Турцію. Въ 1706 году Досиѳей писалъ Петру: «пишемъ нынѣ объ одномъ великомъ и нужномъ дѣлѣ, которое, по данному намъ отъ Бога духовному дарованію, имѣемъ должность донести, не въ наученіе вашему царскому величеству, ибо вѣдаемъ, что Богомъ просвѣщенъ и богомудръ, но въ напоминаніе, а наипаче поелику въ вашей богохранимой державѣ имѣемъ чинъ доносителя. Шведы, хотя и еретики, но, когда пріемлютъ ихъ къ Москвѣ, дѣлаются православными мало по малу: но бываетъ и то, что имѣютъ позволеніе нѣкоторые вывозить ихъ въ землю турскую, и покупаютъ ихъ папежники и кальвины, а не одни православные, и еще продаютъ ихъ и туркамъ. Пресвѣтлѣйшій и превеликій государь! не допусти, дабы труды твоего царскаго величества были въ прибыль нечестивымъ, а потомъ: не грѣхъ ли сіе предъ Богомъ и на свѣтѣ не великое ли безчестіе? поелику ни изъ котораго христіанскаго государства не привозятъ сюда продавать христіанъ, а изъ святыхъ странъ привозить непристойно.

[1]) Тур. стат списки, № 27, 1699—1700 г., л л. 1198 и 1199.
[2]) Ист. Солов. XV, приложеніе.

Надобно, если изволите, повелѣть, чтобы не вывозили христіанъ больше, и объявить ослушникамъ смертъ неотложную, и будетъ великая честь и великая слава твоему царскому величеству. Мы, какъ долгъ имѣя, доносимъ церковную правду вашей свѣтлости; а вашему благочестію, какъ сыну церкви, праведно послушать, да возъимѣешь и Бога должникомъ своимъ во всякой правдѣ» [1]). И въ Константинополѣ Досиѳей сильно упрекалъ нашего посла Толстого, зачѣмъ изъ Россіи вывозятъ плѣнныхъ шведовъ и продаютъ ихъ туркамъ. На эти упреки Толстой отвѣчалъ Досиѳею, что это дѣлаютъ недостойные купцы-греки и что если бы это сдѣлалъ хотя бы одинъ московскій купецъ, то онъ съ нимъ и здѣсь бы расправился по достоинству, а на грековъ онъ управы не имѣетъ; «и не токмо шведовъ крадутъ тамо (въ Россіи) греки и сюда привозятъ и продаютъ, но и сущихъ московскихъ, какъ нынѣ слышу, что привезъ греченинъ одну дѣвку московскую и здѣсь продалъ» [2]). Затѣмъ Толстой признается, что ранѣе и ему прислали одну дѣвку шведскую, которую онъ подарилъ одному греку, работающему у Порты, въ благодарность за что грекъ прислалъ ему своего невольника. Толстой не видитъ возможности иначе прекратить этотъ постыдный торгъ, какъ просить государя, чтобы тѣхъ плутовъ грековъ запретили пропускать въ Россію и къ казакамъ. Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что Досиѳей возмущался собственно не самымъ фактомъ продажи плѣнныхъ шведовъ въ рабство, а только тѣмъ, что ихъ продаютъ въ руки нечестивыхъ. Въ 1704 году онъ самъ обращался къ переводчику Спаѳарію, «чтобы онъ промыслилъ купити ему (Досиѳею) четырехъ человѣкъ полоненниковъ шведскихъ — двухъ ребятъ по 15 лѣтъ въ келейники, да для писаря и сродника своего двухъ дѣвокъ по 17 и 18 лѣтъ». Указомъ государя того же года 28 декабря повелѣвается послать къ іерусалимскому патріарху Досиѳею просимыхъ имъ шведскихъ полоняниковъ двухъ ребятъ и двухъ дѣвокъ [3]).

Понятно, какъ важны и цѣнны были для нашихъ константинопольскихъ пословъ и для правительства услуги восточ-

[1]) 1706 г. № 1.
[2]) Турецкія дѣла, 1706 года, связка 7, № 3, л.л. 405—406.
[3]) 1704 г. № 1.

ныхъ патріарховъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые служили въ теченіе многихъ лѣтъ и оказывали на этой службѣ особенную ревность и преданность интересамъ Россіи. Самъ великій Петръ, напримѣръ, высоко цѣнилъ службу іерусалимскаго патріарха Досиѳея, не разъ посылалъ ему отъ себя лично письма, въ которыхъ онъ восхвалялъ его ревность, выражалъ ему свою любовь и уваженіе, просилъ его и впредь быть пособникомъ въ дѣлахъ царскихъ, не оставлять его своими писаніями. «Мы, блаженство ваше, писалъ, напримѣръ, Петръ Досиѳею 3 сентября 1703 года, имѣемъ *паче протчихъ всѣхъ о Христѣ возлюбленнаго отца и пастыря и великодушнаго мужа* и тѣмъ паки призываемъ блаженство ваше, дабы какъ прежде сего въ богоугодныхъ молитвахъ своихъ насъ никогда запомнилъ и *въ дѣлахъ нашихъ приключающихся всегда пособники имѣли есмы*, такъ и нынѣ потому-жъ отъ блаженства вашего желаемъ, *аки отъ возлюбленнаго отца и пастыря*, яко да во всякихъ дѣлѣхъ нашихъ, покамѣсть нашъ великій посолъ въ тѣхъ краяхъ пребудетъ, было-бъ ему блаженство ваше совѣтникъ истинный, а мы, великій государь, наше царское величество, къ тебѣ, *возлюбленному отцу и пастырю нашему*, поелико возможно, не токмо словомъ, но и дѣломъ ко всѣмъ богопроходимымъ мѣстамъ святыхъ склонны есмы щедрою рукою способляти, *токмо и блаженство ваше, какъ и прежде сего, всегда честными грамотами своими насъ посѣщать благословиши и молитвою не оставляй*» [1]). Въ 1706 году канцлеръ Головинъ писалъ Досиѳею: «извѣстія ваши, какъ пишете о тамошнихъ владѣтеляхъ, выразумѣли и благодаримъ блаженство ваше, *какъ благодѣтеля нашего*». Головкинъ, заступившій мѣсто умершаго Головина, счелъ себя обязаннымъ немедленно писать Досиѳею и просить его, чтобы онъ по прежнему продолжалъ присылать правительству свои граматы. «Просимъ ваше блаженство, писалъ Головкинъ, дабы и впредь, какъ и прежде, при господинѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, и съ нами имѣли чрезъ писанія свои собесѣдованіе, и не сомнѣваемся, что блаженство ваше, по обычной своей ко всѣмъ отеческой склонности, соизволитъ на сіе непремѣнно; мы же по возможности

[1]) Письма Петра Великаго къ Досиѳею напечатаны въ приложеніяхъ.

нашей не пренебрежемъ явить подобающую вамъ службу нашу и знаки истиннаго послушанія нашего» [1]).

Служба однихъ только восточныхъ патріарховъ не могла однако удовлетворить всѣмъ требованіямъ русскаго правительства, потому что константинопольскіе патріархи, которые въ этомъ отношеніи имѣли особую важность, слишкомъ часто мѣнялись, что мѣшало нашему правительству войти съ ними въ желанныя близкія отношенія. Съ другой стороны, патріархи были слишкомъ крупною и замѣтною личностью, на которую подозрительно посматривало турецкое правительство. Пока Россія была далеко отъ Турціи и не была для нея опасна, турки почти совсѣмъ не обращали вниманія на сношенія патріарховъ съ Москвою [2]). Но съ теченіемъ времени обстоятельства измѣнились, и турецкое правительство

[1]) 1706 г № 1

[2]) Мы имѣемъ подъ руками даже одинъ случай, изъ начала XVII вѣка, когда турецкое правительство задумало было воспользоваться вліяніемъ константинопольскаго патріарха на московское правительство въ своихъ интересахъ Въ 1621 году патріархъ Кириллъ Лукарисъ, съ турецкимъ посломъ грекомъ Ѳомою Кантакузеномъ, писалъ государю «имѣемъ надежду, что порадѣешь свободити отъ Литвы отъ злыхъ недруговъ царствія своего Смоленскъ и иныя мѣста, (которыя) съ лукавствомъ взяли изъ рукъ царствія вашего, нынѣ имѣешь время, коль великій и крѣпкій царь Османъ салтанъ хочетъ силою своею учинить воздаяніе надъ тѣми ляхи, да и царствіе твое имѣетъ время доброе воздать имъ воздаяніе, и да утвердится любовь межь вами съ высокими враты» Въ другой граматѣ къ царю Кириллъ, сильно выбранивъ злыхъ и коварныхъ ляховъ, которые только и думаютъ, какъ бы имъ овладѣть русскими городами, усиленно выхваляетъ мудраго и могущественнаго султана, расположеннаго къ грекамъ «насъ любитъ и призираетъ, пишетъ патріархъ, и, имѣя насъ свободныхъ, насъ и домы наши и церкви, ни единаго супротивія не имѣемъ отъ великаго его царствія, только живемъ и пребываемъ добрѣ и все добровольно въ покоѣ пребываемъ и благодаримъ», увѣряетъ, что султанъ поднимается отмстить ляхамъ за ихъ злыя дѣла, учиненныя особенно относительно Россіи, и совѣтуетъ царю, безъ всякой мѣшкоты, отнять у поляковъ, въ союзѣ съ турками Смоленскъ Если царь приметъ совѣтъ этотъ, то, увѣряетъ патріархъ, султанъ и его визирь будутъ имѣть ко всѣмъ христіанамъ еще болѣе любви, и потому онъ именемъ Бога и Христа умоляетъ царя исполнить его прошеніе о союзѣ съ турками противъ поляковъ О томъ же Лукарисъ писалъ и Филарету Никитичу Но, по приказанію Лукариса, турецкій посолъ грекъ Ѳома Кантакузенъ заявилъ на словахъ, что граматы о союзѣ русскихъ съ турками противъ поляковъ патріархъ писалъ по повелѣнію султана, а не самъ собою Филаретъ Никитичъ однако отвѣчалъ Лукарису особою грама-

не могло не замѣтить, что патріархи всегда готовы служить и радѣть единовѣрной Москвѣ во вредъ Турціи. Тогда турки стали внимательно слѣдить за сношеніями патріарховъ съ русскими послами и правительствомъ и стали строго карать тѣхъ изъ нихъ, которыхъ уличали въ преступныхъ, тайныхъ сношеніяхъ съ Москвою. Такъ, за тайныя сношенія съ Москвою они повѣсили патріарха Парѳенія; за поѣздку въ Москву они лишили каѳедръ патріарховъ александрійскаго Паисія и антіохійскаго Макарія. Прежде наши послы въ Константинополѣ безпрепятственно ходили къ патріархамъ и совѣтовались съ ними о государевыхъ дѣлахъ, но со второй половины XVII столѣтія имъ уже не дозволялось имѣть никакихъ сношеній съ патріархами до полнаго окончанія всѣхъ дѣлъ. Въ виду этого и наше правительство въ своихъ инструкціяхъ посламъ стало предписывать ходить имъ къ патріарху тайно, «усмотря время, какъ прилучится, чтобъ на него и на себя тѣмъ не навести отъ салтана и визиря нелюбья». Въ 1705 году константинопольскій патріархъ говорилъ нашему послу чрезъ одного грека, что ему ни письменно, ни чрезъ особыхъ посланныхъ никакъ нельзя было сноситься съ царемъ, «понеже де турки вельми къ нему патріарху подзираютъ паче прочихъ, понеже о прочихъ патріархахъ небрегутъ, кромѣ константинопольскаго, и того де ради іерусалимскій патріархъ (Досиѳей) и пишетъ къ царскому величеству, еже имѣетъ свободу, а ему де писать никоторые дѣлы немочно» [1]). Патріархи опасались даже своихъ собратій архіереевъ, которые могли донести на нихъ туркамъ. Такъ, патріархъ Меѳодій просилъ посла Нестерова, чтобы онъ въ присутствіи греческихъ властей не передавалъ и не говорилъ ему о присланныхъ царемъ граматахъ и дарахъ, потому что онъ, патріархъ. «и

тою, въ которой, сказавъ о польскомъ разореніи и о мирѣ, заключенномъ съ поляками на 14 лѣтъ, заявляетъ, что забыть сдѣланное поляками зло не возможно, и если бы польскій король подалъ хотя бы малѣйшій поводъ къ нарушенію мира, царь на него тогда поднялся бы А что Москва въ борьбѣ султана съ Польшею не подастъ послѣдней ни малѣйшей помощи и впредь полякамъ помогать не будетъ, въ этомъ Кириллъ можетъ смѣло завѣрить султана. (Тур стат. списки № 4, стр. 97—123).

[1]) Турецкія дѣла, 1705 годъ, связка 6, № 4, стр 340.

отъ греческихъ властей имѣетъ опасенье» [1]). Такимъ образомъ патріархи, благодаря подозрительности турецкаго правительства, далеко не всегда могли съ успѣхомъ исполнять службу тайныхъ русскихъ политическихъ агентовъ и часто, несмотря на все свое желаніе, не могли быть полезными въ этомъ отношеніи, что естественно побуждало московское правительство пользоваться, помимо патріарховъ, услугами и другихъ лицъ, тѣмъ болѣе, что охотниковъ до такой службы всегда было много.

Въ числѣ тайныхъ русскихъ политическихъ агентовъ, состоявшихъ на службѣ у нашего правительства, мы встрѣчаемъ, помимо патріарховъ, всевозможныхъ восточныхъ митрополитовъ, архіепископовъ, архимандритовъ, іеромонаховъ, учителей и разныхъ мірскихъ лицъ, по преимуществу грековъ купцовъ. Въ большинствѣ случаевъ на службу къ русскому правительству поступали тѣ лица, которыя побывали въ Москвѣ за милостынею и хотѣли поддерживать дальнѣйшія небезвыгодныя для нихъ сношенія съ Москвою. Первымъ, послѣ патріарха Іереміи, извѣстнымъ намъ лицомъ, поступившимъ въ число тайныхъ политическихъ агентовъ, былъ тырновскій митрополитъ Діонисій, привезшій въ Москву грамату объ утвержденіи въ Россіи патріаршества. Находясь въ Москвѣ, Діонисій самъ вызвался помогать нашимъ посламъ въ Константинополѣ, почему въ инструкціи послу Нащокину 1592 года говорится: «да память Григорію и Ондрею: пріѣзжалъ къ государю царю... отъ цареградцкаго патріярхова собору терновскій митрополитъ Діонисій и сказывалъ государевымъ приказнымъ людемъ, что у турскаго салтана ближней человѣкъ Иванъ греченинъ, а ему племянникъ, и онъ, пріѣхавъ въ Царьгородъ, рекся государю служить и всякими дѣлы промышлять, а что провѣдаетъ, и онъ о всякихъ дѣлехъ рекся къ нимъ государевымъ посланникомъ приказывати и къ греченину Ивану послано съ нимъ государева жалованья». Поэтому, посламъ предписывается сноситься въ Константинополѣ съ Діонисіемъ и напомнить ему о его обѣщаніи служить государю [2]). Подобную же роль

[1]) Тур статейные списки, № 10, 1667 года, стр 332; № 15. 1667—1679 годъ стр 56; № 20, 1681—1682 годъ, л 442.

[2]) Ibid № 3, 1592—1594 годъ, стр 57.

при нашихъ послахъ играли и другіе гречане. Въ 1621 году въ качествѣ турецкаго посла явился въ Москву грекъ Ѳома Кантакузенъ, котораго константинопольскій патріархъ Кириллъ Лукарисъ рекомендовалъ русскому правительству, какъ человѣка, могущаго служить нашимъ посламъ къ Константинополѣ, въ инструкціи которымъ и предписывается совѣтоваться имъ съ Ѳомою [1]). Но этого мало: Ѳома пересылаетъ въ Москву съ разными греками вѣстовыя письма о «турецкихъ поведеніяхъ», такъ что царь пишетъ ему: «ты дѣлаешь добро, что къ намъ, царскому величеству, о нашихъ дѣлехъ пишешь», и посылаетъ ему три сорока соболей, чтобы и впредь продолжалъ служить государю [2]). Въ 1667 году съ посломъ Нестеровымъ государь послалъ грамату адріанопольскому митрополиту Неофиту, въ которой пишетъ, что когда къ султану посланъ былъ съ любительною граматою стряпчій Тяпкинъ, то Неофитъ, когда Тяпкинъ былъ въ Адріанополѣ, «о нашихъ государскихъ дѣлехъ, о чемъ ему наказано было говорить святѣйшему Парѳенію, патріарху царегородскому, говорилъ, а что ты ему на тѣ дѣла отвѣтъ учинилъ, и про то намъ великому государю вѣдомо». Далѣе митрополиту напоминается, что онъ Тяпкину заявилъ тогда, чтобы мы «о всякихъ государскихъ дѣлехъ писали къ тебѣ, а ты, служа намъ великому государю, тѣ дѣла исправлять будешь съ великимъ тщаніемъ», и потому, если случится ему быть въ Константинополѣ въ бытность тамъ государевыхъословъ, «и тебѣ бы о нашихъ государскихъ дѣлехъ, о чемъ тебѣ наши послы учнутъ говорить, радѣть и съ ними совѣтовать и мысль свою имъ посломъ подавать, гдѣ будетъ пристойно, а мы великій государь, наше царское величество, и впредь радѣнія твоего забвенна не учинимъ» (а теперь ему послано было на 200 рублей соболями). Эта просьба царя къ митрополиту Неофиту имѣла успѣхъ. Какъ видно изъ статейнаго списка посла Нестерова, Неофитъ тайно являлся къ послу въ Константинополѣ и сообщалъ ему разныя вѣсти. Впрочемъ, съ этою же цѣлью являлись къ Нестерову и другія духовныя особы, какъ напримѣръ: кессарійскій митро-

[1]) Ibid № 4, 1621 г. стр. 97—123; № 6, 1630—1650 г. стр 104—107.
[2]) 7143 г. №№ 7 и 8.

нолитъ Ѳеодосій и филиппопольскій Гавріилъ [1]). Служили въ Константинополѣ нашимъ посламъ и многія другія лица, которыя по большей части были посредниками между патріархами и нашими послами, а иногда служили и самостоятельно. Въ 1629 году прибыли въ Москву два грека, Константинъ и Ѳедоръ Ларевы, которымъ дано было сорокъ соболей въ шестьдесятъ рублей за то, что они въ Царѣградѣ у государевыхъ посланниковъ о дѣлахъ ихъ промышляли. Въ статейномъ спискѣ посла Украинцева значится въ числѣ расходовъ: іерусалимскаго патріарха архимандриту Макарію дана пора соболей двухсотъ-рублеваго достоинства, такъ какъ онъ приносилъ отъ патріарха разныя вѣдомости; сербянину старцу Григорью, который присылань былъ отъ него же святѣйшаго патріарха къ посланникомъ со всякими вѣдомостями по часту, дана пара соболей двухсотъ-рублеваго достоинства [2]). Въ 1642 году наши послы писали про службу имъ посламъ въ Константинополѣ грека Ивана Петрова Тафрали: «а во Царегородѣ онъ Иванъ служилъ тебѣ царю отъ истинна сердца вѣрою и правдою и о твоихъ государевыхъ дѣлехъ вседушно радѣлъ и промышлялъ, на салтановѣ и на визиревѣ дворѣхъ—вездѣ имѣлъ друзей. Нынѣ у салтана и у визиря ближній человѣкъ Речепъ-ага жалуетъ іво добрѣ и во всякихъ дѣлехъ вѣрятъ ему, а къ нему Ивану Петрову Речепъ-ага пріятливъ... и никоторый греченинъ того не ищетъ, какъ онъ, Иванъ, во всякихъ твоихъ государевыхъ дѣлехъ радѣетъ, и для того многіе гречане его Ивана ненавидятъ, зависти ради» [3]). Одинъ изъ такихъ агентовъ, работавшихъ государю въ Константинополѣ, именно архимандритъ Амфилохій, такъ изображаетъ свою службу въ одной изъ своихъ гramатъ государю (1649 года): сообщивъ разныя политическія вѣсти и разсказавъ о нестроеніяхъ въ патріархіи, вслѣдствіе частой смѣны патріарховъ, Амфилохій далѣе говоритъ: «еще объявляемъ тебѣ великому и праведному царю, что въ такихъ нужныхъ и смутныхъ временахъ, я, богомолецъ твой, отъ твоей государской службы не отлучался никогда и по силѣ моей въ

[1]) Тур. стат. списки № 8, 1667 г., стр. 23—85 и 140; № 10, стр. 66—75.
[2]) Ibid № 27, 1699—1700 г., л. 1295—1296.
[3]) 7150 г., № 11.

такихъ страшныхъ часахъ во всякой мѣрѣ твоему государеву послу помощь оказывалъ писаніемъ моимъ вселенскому патріарху Парѳенію,—посолъ твой мою къ тебѣ государю прямую службу самъ вѣдаетъ. Какъ вселенскій патріархъ Парѳеній позвалъ меня къ себѣ тайнымъ дѣломъ ночью и спрашивалъ богомольца твоего про всякое государское дѣло, и я ему объявилъ о нуждѣ и тѣснотѣ, какую терпѣли твои люди съ посломъ Алферьемъ Кузовлевымъ въ такихъ страшныхъ временахъ; я открывалъ все ему святѣйшему патріарху слово въ слово о сихъ дѣлахъ неложно, и онъ послалъ меня къ твоему послу спрашивать: какое у него есть прошеніе и дѣло до визиря? Посолъ говорилъ о твоихъ дѣлахъ, и я, по приказу его, тотчасъ ходилъ къ вселенскому патріарху и объявилъ посольскія всякія рѣчи и билъ челомъ отъ себя усердно за твоего государева посла и всѣхъ твоихъ людей, чтобы вселенскій патріархъ визиря Магметъ-пашу просилъ объ ихъ отпускѣ и скоромъ совершеніи вашихъ государскихъ дѣлъ. Посему я, богомолецъ твой, бью челомъ тебѣ великому и праведному государю, чтобы пожаловалъ меня своимъ царскимъ жалованьемъ, какъ тебѣ Богъ извѣститъ, а я буду работать тебѣ и Бога молить до конца жизни моей, и на отъѣздѣ я твоему послу говорилъ и велѣлъ всякія мои рѣчи о тайныхъ дѣлахъ тебѣ, государю, объявить, въ томъ воленъ Богъ да ты великій государь» [1]).

Какъ происходила вербовка гречанъ на службу государя въ Константинополѣ, объ этомъ статейный списокъ посла Аѳанасія Поросукова разсказываетъ слѣдующее: разъ ночью явился къ нему одинъ грекъ, служившій переводчикомъ у турокъ, и заявилъ желаніе служить православному царю. Въ знакъ своей вѣрности грекъ снялъ икону и поцѣловалъ ее и затѣмъ того же потребовалъ и отъ посла въ доказательство того, что все ему сообщенное будетъ имъ сохранено въ строгой тайнѣ и будетъ доведено до свѣдѣнія царя и его ближнихъ людей. Аѳанасій поцѣловалъ икону, то же должны были сдѣлать, по его приказу и по требованію грека, посольскій подьячій и толмачъ. Послѣ этой церемоніи грекъ сталъ сообщать послу о намѣреніяхъ и замыслахъ

[1]) 7157 г. № 17.

турокъ, заявилъ, между прочимъ, что султанъ вовсе не желаетъ войны съ Москвою, а Украйну—владѣнія Дорошенки и Чигиринъ—надѣется захватить безъ войны; онъ де боится въ борьбѣ съ Москвою потерять ту славу, которую онъ получилъ въ войнѣ съ поляками [1]). Такимъ образомъ нашимъ константинопольскимъ посламъ, кромѣ патріарховъ, совмѣстно съ ними или отдѣльно отъ нихъ, помогали своими совѣтами, свѣдѣніями и связями при турецкомъ дворѣ и другія духовныя и свѣтскія лица, услуги которыхъ, по заявленію самихъ пословъ, были для нихъ иногда очень важны и полезны.

Кромѣ патріарховъ и другихъ лицъ, которые такъ или иначе служили нашимъ посламъ въ Константинополѣ, русское правительство имѣло еще цѣлый многочисленный штатъ тайныхъ политическихъ агентовъ, которые, проживая въ Турціи, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ посольскимъ приказомъ, куда они присылали свои вѣстовыя письма съ подробнымъ изложеніемъ того, что замѣчательнаго въ какомъ-либо отношеніи происходило въ различныхъ мѣстахъ Турціи. Какъ велико было число этихъ агентовъ, видно изъ того, что въ періодъ времени между 1630 и 1660 годомъ въ числѣ ихъ встрѣчаются митрополиты: севастійскій, веррійскій, ѳессалійскій, тырновскій, приконійскій, халкидонскій, назаретскій, виѳлеемскій, коринѳскій, варнскій. Кромѣ митрополитовъ, въ числѣ русскихъ агентовъ, присылавшихъ свои отписки въ посольскій приказъ, встрѣчаются за указанное время архимандриты: Амфилохій, Венедиктъ, Парѳеній и другіе; затѣмъ молдавскій учитель Гавріилъ Власьевъ, цареградскій инокосвященникъ Діонисій, іерусалимскій протосингелъ Гавріилъ, іерусалимскій іеромонахъ Діонисій и греки бѣльцы: Иванъ Петровъ Тафрали, Мануилъ Константиновъ, Ѳома Ивановъ и др.

Въ число тайныхъ русскихъ политическихъ агентовъ поступали прежде всего тѣ лица, которыя оставались въ Москвѣ на государево имя, но чрезъ нѣсколько лѣтъ опять оставляли Россію и возвращались на востокъ. Не желая по своемъ отъѣздѣ изъ Москвы прекращать выгодныя для

[1]) Тур стат. списки, № 17, 1677—1678 г., л.л. 97—100.

нихъ сношенія съ русскимъ правительствомъ, они поступали обыкновенно въ число его тайныхъ агентовъ и начинали присылать въ Москву вѣсти о турецкихъ поведеніяхъ, въ надеждѣ получать за это милостыню. Такъ, севастійскій митрополитъ Іосифъ, въ 1630 году оставшійся въ Москвѣ на государево имя и отпущенный опять на востокъ въ 1634 году, немедленно присылаетъ государю грамату, въ которой заявляетъ, что онъ прибылъ въ Константинополь, былъ здѣсь у патріарха и принятъ имъ, ради царской граматы, съ нимъ посланной, съ великою любовью, что онъ по дѣламъ царскимъ предъ обоими патріархами толмачилъ и служилъ, сколько мочи и силы было. Затѣмъ Іосифъ начинаетъ присылать въ Москву рядъ граматъ съ политическими вѣстями, тѣмъ болѣе, что онъ, по его словамъ, успѣлъ свести короткое знакомство съ приказными султана [1]). Точно такъ же и веррійскій митрополитъ Аверкій, оставивъ Москву и поселившись въ Молдавіи, начинаетъ присылать отсюда граматы въ Москву съ политическими вѣстями; такъ же поступаетъ и долго жившій въ Москвѣ и извѣстный у насъ по книжнымъ исправленіямъ иверскій архимандритъ Діонисій и другія лица [2]).

Въ число русскихъ политическихъ агентовъ поступали затѣмъ тѣ лица, которыя пріѣзжали въ Москву за милостынею и здѣсь узнавали, какъ сильно русское правительство дорожитъ разными политическими вѣстями, какъ охотно оно отличаетъ и награждаетъ тѣхъ, которые для него бываютъ полезны въ этомъ отношеніи. Въ надеждѣ на милости русскаго правительства, такія лица вступали въ число политическихъ агентовъ, если только получали на это разрѣшеніе отъ правительства, которое не всѣхъ и не всегда принимало къ себѣ на службу, а только чѣмъ-либо зарекомендовавшихъ себя или успѣвшихъ внушить ему довѣріе къ себѣ. Въ 1645 году халкидонскій митрополитъ Даніилъ, ранѣе побывавшій въ Москвѣ, присылаетъ государю обстоятельное донесеніе о турецкихъ поведеніяхъ и смутахъ въ константинопольской патріархіи, при чемъ замѣчаетъ, что

[1]) 7143 г. № 7; 7147 г № 12.
[2]) 7147 г. №№ 7 и 11; 7178 г № 59

онъ уже и ранѣе чрезъ одного грека извѣщалъ государя о турецкихъ дѣлахъ. Но, какъ видно, на его услуги въ Москвѣ не обращали сначала вниманія, и потому онъ въ 1651 году обратился къ государю съ формальнымъ и настоятельнымъ предложеніемъ принять его въ число политическихъ агентовъ. «Я желаю, писалъ митрополитъ, наречься рабомъ вашего царствія и почитаться съ прочими вашими рабами (т.-е. агентами). Пребывая въ Царьградѣ у святѣйшаго патріарха, хожу я къ султановымъ ближнимъ людямъ и всякихъ вѣстей провѣдываю и начну писать къ царствію вашему, лишь бы намъ только имѣть ваше царское повелѣніе, а я богомолецъ и вѣрный рабъ вашъ послужу царствію вашему и желаю быть и молю Бога, да сподобитъ меня быть у державы царствія ва́шего; и если только будетъ произволеніе, всегда буду писать вѣрно и подлинно, ибо мы, богомольцы ваши, должны вседушно радѣть и промышлять съ великою радостью христіанскому царю, сколько нашей силы достанетъ, какъ и прежде сего дѣлали искренно». Предложеніе Даніила на этотъ разъ было принято, и онъ сталъ присылать въ Москву самыя подробныя и обстоятельныя извѣстія о событіяхъ въ Турціи. Въ томъ же году приконійскій митрополитъ, пріѣзжавшій въ Москву за милостынею, по выѣздѣ изъ Россіи писалъ государю: «какъ рабъ и должникъ великому вашему царствію, всегда долженъ я, какъ работникъ, на дѣло, гдѣ удобно по силѣ моей, и пишу какъ вѣрный рабъ и богомолецъ, что на мѣстахъ нашихъ бываетъ, и буду давать о томъ вѣсть тихомирному вашему царствію». Царегородскій инокосвященникъ Діонисій, посвященный въ монахи, по его словамъ, въ Москвѣ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ на Кирилловскомъ подворьѣ, въ томъ же 1651 году писалъ государю, что онъ, помня къ себѣ царскую милость, посылаетъ къ государю (съ грекомъ Дмитріемъ) золотой крестъ, а теперь предлагаетъ, если на это будетъ царское соизволеніе, присылать политическія вѣсти, только бы все это было тайно. Услуги Діонисія были приняты правительствомъ. и въ послѣдующее время встрѣчаются присланныя имъ вѣстовыя письма [1]). Въ 1653 году назаретскій митро-

[1]) 7153 г. № 19; 7159 г №№ 8, 24, 39, 7162 г № 6, 7164 г № 6, 7168 г № 30.

политъ Гавріилъ, сообщая политическія вѣсти, заключаетъ свою грамату предложеніемъ услугъ и впредь о всемъ извѣщать государя, такъ какъ онъ нашелъ входъ къ ближнимъ вельможамъ султана, и отъ нихъ теперь онъ можетъ вывѣдывать все, если только о томъ будетъ царскій указъ [1]). Въ 1654 году архимандритъ умершаго іерусалимскаго патріарха Ѳеофана Макарій писалъ: «свидѣтель Богъ, готовъ я со всякимъ тщаніемъ работать на всякую службу, какая мнѣ по силѣ, для великаго твоего царствія» [2]). Въ 1658 году іерусалимскій архимандритъ Іоасафъ извѣщалъ, что патріархъ, уѣзжая изъ Іерусалима, оставилъ его своимъ намѣстникомъ «и приказалъ мнѣ писать вашему царствію о всякихъ дѣлахъ и статьяхъ», которыя онъ и сообщаетъ въ своей граматѣ [3]). Въ 1660 году архимандритъ іерусалимскаго патріарха Діонисій, сообщая разныя политическія вѣсти, замѣчаетъ: «пишу, помня къ себѣ великую и неизреченную вашу милость и жалованье» [4]). Въ 1661 году получено было въ Москвѣ письмо отъ погоянинскаго архіепископа Нектарія, ранѣе уже бывшаго въ Москвѣ, въ которомъ онъ благодаритъ царя за его милости, сообщаетъ о дѣлахъ турецкихъ и молдовлахійскихъ и обѣщаетъ писать о нихъ и впредь [5]). Въ 1662 году прислалъ грамату варнскій митрополитъ Даніилъ, въ которой онъ заявляетъ желаніе свое служить государю по силѣ своей, сколько можетъ [6]). Однимъ изъ самыхъ видныхъ и дѣятельныхъ агентовъ былъ архимандритъ Амфилохій, не разъ пріѣзжавшій въ Москву въ качествѣ довѣреннаго лица отъ патріарха Кирилла Лукариса съ тайными отъ него наказами, въ Константинополѣ служившій посредникомъ между нашими послами и патріархами, присылавшій и отъ себя въ Москву обстоятельныя свѣдѣнія о дѣлахъ турецкихъ, почему онъ пользовался въ Москвѣ особымъ расположеніемъ и вниманіемъ. Когда въ 1653 году Амфилохій умеръ, то явилось

[1]) 7161 г. № 16.
[2]) 7162 г. № 17.
[3]) 7167 г. № 3.
[4]) 7168 г. № 21.
[5]) 7169 г. № 4.
[6]) 7170 г. № 21.

сразу нѣсколько человѣкъ, желавшихъ занять его мѣсто по службѣ русскому правительству. Такъ, александрійскій архимандритъ Варѳоломей, ранѣе пріѣзжавшій въ Москву въ качествѣ посланнаго отъ александрійскаго патріарха Никифора, заявляетъ, послѣ передачи разныхъ политическихъ вѣстей: «еще пишемъ великому вашему царствію, аще да произволитъ царствіе ваше быти намъ и служить великому вашему царствію вмѣсто блаженныя памяти архимандрита Амфилохія и вѣдомо чинити обо всемъ, какъ и онъ чинилъ, и будетъ на то ваше царское произволеніе, и чтобъ о томъ повелѣлъ вѣдомо учинить вашею царскою грамотою». При этомъ Варѳоломей обѣщаетъ служить государю вѣрою и правдою тѣмъ болѣе, «что имѣемъ друзей достойныхъ человѣкъ, у которыхъ обо всемъ проповѣдываемъ». Въ то же самое время и іерусалимскій протосингелъ Гавріилъ обращался къ государю съ просьбою, чтобы онъ дозволилъ ему занять мѣсто Амфилохія, о смерти котораго онъ извѣщаетъ государя. Наконецъ, въ томъ же году въ Москву прибылъ съ рекомендательными граматами цареградскаго патріарха Паисія архимандритъ Парѳеній, племянникъ Амфилохія. Онъ заявилъ, что поставленъ архимандритомъ на мѣсто своего дяди и что имѣетъ отъ покойнаго заповѣдь всегда радѣть о дѣлахъ царскихъ, и что поэтому онъ желаетъ, по службѣ русскому правительству, занять мѣсто своего дяди [1]). Такимъ образомъ охотниковъ служить русскому правительству въ качествѣ его политическихъ агентовъ всегда было много: на мѣсто одного выбывшаго агента сейчасъ же являлось нѣсколько кандидатовъ съ предложеніемъ своихъ услугъ, такъ что правительству приходилось выбирать между ними. Въ виду этого было вполнѣ естественно, что между разными агентами возникала конкуренція, переходившая иногда прямо въ недоброжелательство. Каждый изъ нихъ старался выставить на видъ свои услуги, свою преданность и ревность въ служеніи государю и при случаѣ не прочь былъ заподозрить, уронить въ глазахъ царя службу, ревность и достовѣрность сообщаемаго другими агентами. Въ 1649 году архимандритъ Венедиктъ, сообщая разныя политиче-

[1]) 7161 г. № 8 и 30.

скія вѣсти, между прочимъ, писалъ и слѣдующее. «многія грамоты писалъ и посылалъ я къ великому вашему царствію и въ нихъ писалъ *прежде иныхъ людей* о всемъ подлинно про турскаго салтана, *и никто иной не писалъ такъ подлинно и не разсказывалъ*» [1]) Учитель великой церкви Гавріилъ съ посломъ Нестеровымъ прислалъ къ государю грамату, въ которой благодаритъ государя за присланные ему соболи въ 300 ефимковъ и въ то же время пишетъ слѣдующее: «которые къ царскому величеству палестинскіе епископы и архіепископы, и митрополиты, и патріархи пишутъ, будто они царскому вашему величеству о дѣлехъ радѣютъ и пишутъ и, пріѣхавъ, изустно сказываютъ, и тому-бъ вашему царскому величеству не вѣрить, — *все пишутъ и говорятъ ложно*, потому что они тамъ будучи *никакихъ подлинныхъ дѣлъ и вѣстей не вѣдаютъ да и вѣдать имъ не даютъ* и почитаютъ (ихъ) вмѣсто псовъ» [2]). Про ревностнаго русскаго агента Ивана Петрова наши послы писали государю, «что никоторый греченинъ того не ищетъ, какъ онъ Иванъ во всякихъ твоихъ государевыхъ дѣлехъ радѣетъ, *и для того многіе гречаня его Ивана ненавидятъ зависти ради*». Эта зависть къ уважаемымъ и вліятельнымъ при московскомъ дворѣ агентамъ побудила, безъ сомнѣнія, написать іерусалимскаго патріарха Ѳеоѳана, въ 1641 году, слѣдующій доносъ государю на архимандрита Амфилохія: «нѣкій архимандритъ Амфилохій, писалъ Ѳеофанъ, котораго я имѣлъ прежде у св. гроба, отъ меня сбѣжавъ присталъ къ прежнему патріарху Кириллу (Лукарису) и посылаемъ былъ дважды къ вашему царствію, а нынѣ онъ ни у цареградскаго патріарха, ни со мною у св гроба. Онъ пишетъ и посылаетъ къ вамъ государю отъ насъ обоихъ патріарховъ грамоты ложью многою, вы же ему не вѣрьте; сказываютъ, что отъ него пострадалъ Иванъ Петровъ, и онъ не добрый человѣкъ» [3]). Понятно, что на этотъ доносъ патріарха не было обращено никакого вниманія въ Москвѣ, гдѣ хорошо знали Амфилохія, какъ самаго ревностнаго и преданнаго русскому правительству агента, и потому, не-

[1]) 7157 г № 17
[2]) Тур статейные списки, № 8, 1667 г, л 331 на об
[3]) 7149 г № 12

смотря на доносъ патріарха, продолжали пользоваться услугами Амфилохія до самой его смерти.

Служба русскому правительству второстепенныхъ агентовъ, такъ же какъ и патріарховъ, была для нихъ далеко не безопасна. Архимандритъ Амфилохій, сообщая о низверженіи и смерти патріарха Кирилла Лукариса, пишетъ, что и ему грозила сильная опасность: «я бѣгалъ и укрывался больше шести мѣсяцевъ и ожидалъ всякій день смерти, а нынѣ пребываю на іерусалимскомъ подворьѣ бѣденъ и въ нуждѣ» [1]). Въ 1652 году ѳессалійскій архіепископъ Даніилъ сообщаетъ политическія вѣсти, хотя онъ и сильно опасается за себя, потому что агаряне безпрестанно кровь проливаютъ и преданы во всемъ дьяволу [2]). Въ 1661 году архимандритъ Діонисій сообщалъ: «пишемъ съ симъ вѣрнымъ рабомъ вашего царствія Саввою Дмитріевымъ и всегда желаемъ писать, но не смѣемъ, потому что многіе за такія дѣла погублены. А буде турки услышатъ, что кто въ Москву идетъ, или изъ Москвы пріѣхалъ, тотчасъ его казнятъ и на колъ посадятъ. Одинъ чернецъ ѣздилъ къ вашему царствію отъ Константина воеводы, и какъ онъ возвратился въ Молдавскую землю, тотчасъ его поймали нечестивые и отослали къ визирю, а визирь его казнилъ, и сего ради пишемъ къ вамъ съ великимъ страхомъ, не щадя своихъ головъ» [2]). То же подтверждали и другія лица, пріѣзжавшія въ этотъ годъ въ Москву. Аѳонскій, напримѣръ, иверскій архимандритъ заявилъ, что по султанову повелѣнію въ Царьгородѣ, мутьянской и волошской землѣ сдѣланъ заказъ крѣпкій, чтобы въ Московское государство патріарховъ, митрополитовъ и иныхъ властей и старцевъ не пропускать. При немъ пріѣхалъ въ Яссы виѳлеемскій митрополитъ и хотѣлъ ѣхать къ царскому величеству, но воевода Стефанъ его не пропустилъ и велѣлъ ѣхать назадъ, да и купецкихъ людей и гречанъ къ Москвѣ не пропускаетъ, и онъ архимандритъ уѣхалъ тайно Грекъ Исаія Остафьевъ, пріѣхавшій отъ константинопольскаго патріарха, заявилъ, что патріархъ и гречане, которые работали великому госу-

[1]) 7148 г № 8
[2]) 7160 г № 3
[3]) 7169 г № 30

дарю, страшились отъ турокъ злаго ихъ мученія и смерти, и теперь не отъ кого больше получать разныя вѣсти [1]). Агентамъ нашего правительства приходилось опасаться и самихъ грековъ, особенно тѣхъ, которые побывали въ Москвѣ. Въ 1651 году цареградскій инокосвященникъ Діонисій прислалъ грамату съ политическими вѣстями и въ ней проситъ не объявлять этого рода писемъ приходившимъ въ Москву грекамъ, чтобы отъ того не пострадать. Въ 1672 году переводчикъ при турецкомъ дворѣ Панагіотъ доносилъ государю чрезъ грека Ивана Юрьева, «что отъ тѣхъ грековъ, которые долго живутъ на Москвѣ, великое зло выростаетъ; какъ только кто-нибудь изъ нихъ обѣднялъ и въ Царьградъ съѣдетъ, то святѣйшимъ патріархамъ и нарочитымъ грекамъ чинятъ великое раззореніе, оглашая туркамъ, ради своей бездѣльной корысти, будто патріархи и честные люди о всякихъ вѣстяхъ Москвѣ пишутъ, а турки за то многихъ казнятъ смертью» [2]).

Однимъ изъ побужденій, которое заставляло и патріарховъ и другихъ агентовъ служить русскому правительству, несмотря на всѣ опасности со стороны турокъ, заключалось въ той милостынѣ, которую они получали отъ нашего правительства за свою службу. Іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ писалъ, «что только великая наша любовь и для благочестія твоего *и для милостыни, что имѣете къ намъ*, понуждаетъ насъ писати и объявляти» разныя политическія вѣсти. Кириллъ Лукарисъ въ 1634 году со слезами благодаритъ государя за присланную имъ милостыню и обѣщаетъ за это работать великому государю дѣломъ, и словомъ, и поспѣшеніемъ, и вѣрою, сколько будетъ возможно. Для патріарховъ царская милостыня имѣла иногда въ высшей степени важное значеніе. Въ 1636 году Кириллъ Лукарисъ, лишенный въ это время каѳедры, просилъ у государя прислать ему шубу изъ черныхъ лисицъ, которую онъ отдастъ въ подарокъ начальнымъ турецкимъ людямъ. Шуба ему была послана и возвратила ему потерянную было каѳедру. По крайней мѣрѣ, самъ Лукарисъ писалъ объ этомъ об-

[1]) Ibid. №№ 10 и 17.
[2]) 7159 г. № 41; 7180 г. № 25.

стоятельствѣ государю въ 1638 году слѣдующее: «приняли есми твоего царскаго жалованья—шубу лисью, и ту я шубу отдалъ начальнымъ людямъ, и они согнали беззаконника, а мнѣ велѣли быть по прежнему. По семъ молимъ, чтобы всегда неотлучно было отъ насъ твое царское жалованье, потому что мы всегда богомольцы державнаго твоего царствія» [1]). Подобно патріархамъ и всѣ другіе агенты, работая великому государю, имѣли въ виду получать за свою работу извѣстное вознагражденіе. Отписки этихъ агентовъ заключались обыкновенно жалобами на ихъ бѣдственное положеніе и просьбами къ государю прислать имъ милостыню. Въ 1640 году архимандритъ Амфилохій писалъ: «нынѣ пребываю бѣденъ и нищъ и въ великомъ долгу и сего ради молю со слезами и бью челомъ тебѣ великому государю: пожалуй меня, бѣднаго богомольца своего, какъ тебѣ Богъ извѣститъ». Въ 1642 году онъ писалъ: «нынѣ онъ бѣденъ и въ пожарное время келія его съ книгами и со всею рухлядью погорѣла, и государь бы его пожаловалъ своею милостынею». Въ 1649 году онъ же писалъ: «я богомолецъ твой вельми бью челомъ тебѣ великому и праведному государю, чтобъ тебѣ пожаловати меня своимъ царскимъ жалованьемъ, какъ тебѣ государю Богъ извѣститъ, а я буду работать тебѣ великому государю и Бога молить до конца живота моего» [2]). Въ 1646 году халкидонскій митрополитъ Даніилъ свою отписку съ политическими вѣстями заключаетъ: «поклоняюсь, молюсь и благословляю великое ваше царствіе, своимъ жалованьемъ не забывайте насъ, какъ вѣрныхъ вашихъ рабовъ». Вскорѣ Даніилъ прислалъ и другую грамату, въ которой, извѣщая государя о своемъ поставленіи въ тырновскіе митрополиты, писалъ: «еще благочестивый царю бью челомъ великому вашему царствію и поклоняюся, молю и благословляю великое ваше царствіе, да не забудеши насъ отъ милости царствія вашего... Нынѣ тому пять лѣтъ имѣемъ, не пріяли милостыни великаго вашего царствія ничего и тако уповаемъ нынѣ, да не забудите насъ» [3]). Въ 1653 году халкидонскій митрополитъ

[1]) 7146 г. № 9.
[2]) 7148 г. № 8; 7150 г. № 17; 7157 г. № 17.
[3]) 7155 г. №№ 4 и 16.

Гавріилъ проситъ государя наградить его милостынею за его хожденіе по дѣламъ царскимъ [1]). Подобныя просьбы царскихъ богомольцевъ и работниковъ о милостынѣ, за ихъ службу и радѣніе о государевыхъ дѣлахъ, по возможности удовлетворялись нашимъ правительствомъ. Такъ, севастійскому, напримѣръ, митрополиту Іосифу въ 1636 году за его службу послано было три сорока соболей въ 200 рублей; въ 1639 году ему посланы сосуды церковные цѣною 23 рубля, 25 алтынъ, 4 деньги, да шуба соболья въ 40 рублей; да по его челобитью послано въ Троицкій на о. Халки монастырь, гдѣ жилъ митрополитъ, сорокъ соболей въ 30 рублей; въ 1640 году, когда митрополитъ самъ пріѣзжалъ въ Москву, ему дано было: кубокъ серебряный въ три гривенки, камки 12 аршинъ, сорокъ соболей въ 30 рублей и 40 рублей деньгами, да ему еще дано было 70 рублей за то, что у него въ синодикѣ записаны были родители государя, да еще даны ему ризы въ 35 рублей, 8 алтынъ, 6 денегъ, да кадило серебряное золоченое, вѣсомъ въ 2 фунта безъ 9 золотниковъ; въ 1642 году ему было послано соболей на 100 рублей [2]). Архимандриту Амфилохію, помимо дачъ, которыя онъ получалъ во время двухъ своихъ пріѣздовъ въ Москву, платили за его службу государю соболями: въ 1638, 1640, 1641 и въ 1642 годахъ на 50 рублей каждый разъ, въ 1645 году на 370 рублей, въ 1646 году на 100 рублей, въ 1647 и 1648 годахъ на 30 рублей въ годъ, въ 1649 году на 100 рублей, въ 1650 году на 50 рублей и въ 1651 году на 70 рублей [3]). Приблизительно такая же дача давалась и другимъ лицамъ, присылавшимъ въ Москву отписки съ политическими вѣстями, конечно, если правительство соглашалось признать присылающее отписки лицо за своего агента, въ противномъ случаѣ за присылку вѣстей милостыни не давали. Подобный случай, напримѣръ, былъ съ архимандритомъ великой церкви Венедиктомъ, который прислалъ въ Москву нѣсколько грамотъ съ политическими вѣстями и въ каждой изъ нихъ умолялъ государя прислать ему «хоть одинъ добрый сорокъ соболей», который однако такъ и не

[1]) 7161 г. № 31.
[2]) 7150 г. № 17.
[3]) 7150 г. № 17; 7157 г. № 7; 7167 г. № 3.

попалъ въ его руки, потому что Венедиктъ, будучи въ Москвѣ, произвелъ здѣсь очень дурное впечатлѣніе. За какія-нибудь особыя, чрезвычайныя услуги агентовъ и плата имъ давалась особая. Такъ, назаретскому митрополиту Гавріилу, бывшему посредникомъ между Москвою и Хмельницкимъ, дѣятельно склонявшему послѣдняго подчиниться Москвѣ, сверхъ обычной дачи дано было соболями на 200 рублей, да потомъ еще прибавлено на 400 рублей [1]).

Нѣкоторые гречане, поступая на службу русскому правительству, имѣли въ этомъ случаѣ въ виду не личные только, матеріальные интересы, но интересы всего православія. Служа русскому правительству, они думали тѣмъ самымъ служить всему православію. Грекъ Иванъ Петровъ Тафрали въ челобитной государю заявляетъ: «какъ мои сродники служили прежнимъ православнымъ царямъ, такъ и я хочу служить царствію твоему до конца живота своего всѣмъ сердцемъ и душою», заявляетъ, что онъ «для ради православныя христіанскія вѣры» будетъ охотно отправлять всякую службу, какую только поручитъ ему государь [2]). Философъ и учитель Николай Морицкій, пріѣзжавшій въ Москву въ 1657 году и сообщавшій здѣсь разныя вѣсти, такъ мотивируетъ свою службу государю: «радѣя для православія и многолѣтняго царя, я кровь свою хочу пролить и живота своего не щажу, потому что иного царя православнаго въ родѣ нашемъ греческомъ не имѣю; если кто любитъ царствіе твое, тотъ любитъ православіе и Бога, а если кто не любитъ царствія твоего, тотъ не любитъ ни православія, ни Бога» [3]). Іерусалимскій патріархъ Досиѳей посылаетъ вступившему на отеческій престолъ царю Ѳедору Алексѣевичу грамату, въ которой онъ изображаетъ, каковъ долженъ быть истинно православный христіанскій царь по своимъ личнымъ качествамъ, какъ онъ долженъ относиться къ дѣламъ вѣры, церкви, къ подданнымъ и пр. [4]). Это довольно обширное наставленіе молодому царю не было со стороны Досиѳея простою формальностью, но выраженіемъ

[1]) 7165 г. № 6.
[2]) 7143 г. № 7.
[3]) 7165 г. № 10.
[4]) 7186 г. № 3.

того высокаго взгляда на русскаго единаго теперь православнаго царя, который усвоилъ себѣ Досиѳей. Для него русскій царь—это представитель, защитникъ и поборникъ всего вселенскаго православія, почему онъ долженъ всегда по своимъ личнымъ качествамъ и по характеру своей дѣятельности стоять на высотѣ своего призванія, долженъ интересы всего православія ставить выше всѣхъ другихъ интересовъ, а всѣ православные, безъ исключенія, обязаны безпрекословно подчиняться его высшему водительству, какъ божественному, во всемъ и всегда должны вѣрно и неустанно служить царю. Понятно отсюда, что ревностная служба русскому царю, въ глазахъ подобныхъ агентовъ, была дѣломъ святымъ, богоугоднымъ, службою интересамъ всего вселенскаго православія, такъ что для агента этого разряда она была обязательна и въ томъ случаѣ, если она ему лично и ничего не давала, кромѣ труда, разныхъ тревогъ и даже прямой опасности для жизни. Понятно также, что агенты этого рода были самые вѣрные и усердные слуги русскаго правительства, преданные ему всею душею и готовые вездѣ и повсюду ревностно исполнять всѣ возложенныя на нихъ порученія.

Политическія вѣсти, сообщаемыя нашему правительству разными агентами изъ гречанъ, были очень разнообразны и касались всѣхъ важнѣйшихъ внѣшнихъ и внутреннихъ событій Турціи и странъ, ближайшихъ къ Россіи, каковы Крымъ, Польша, Малороссія, Молдавія и Валахія, Австрія въ ея славянскихъ провинціяхъ. Чтобы, хотя отчасти, познакомиться съ характеромъ тѣхъ сообщеній, которыя наше правительство получало отъ своихъ агентовъ, мы укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ.

Для московскаго государства его отношенія къ Крыму всегда стояли на первомъ мѣстѣ, такъ какъ они затрогивали самые существенные его интересы. Поэтому для русскаго правительства крайне важно было получать постоянныя и обстоятельныя свѣдѣнія о всемъ, что касалось Крыма. Разные агенты вполнѣ удовлетворяли этой насущной потребности московскаго правительства. Они тщательно слѣдили и наблюдали за всѣмъ, что дѣлается въ Крыму, разузнавали замыслы и намѣренія хана, его отношенія къ турецкому правительству, къ Польшѣ, къ казакамъ, и обо всемъ немедленно увѣдомляли наше правительство, при чемъ нерѣдко къ своимъ сообщеніямъ присоединяли предостереженія, совѣты и наставленія, какъ слѣдуетъ поступать при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Въ 1645 году, напримѣръ, браиловскій митрополитъ Мелетій сообщалъ въ Москвѣ отъ имени константинопольскаго патріарха Парѳенія о крымскомъ ханѣ, что онъ злой человѣкъ и ранѣе былъ сосланъ въ Родосъ вмѣстѣ съ визиремъ Магметъ-пашою, гдѣ они побратались и условились между собою помогать другъ другу. Теперь Магметъ сдѣлался опять визиремъ и послалъ своего пріятеля хана въ Крымъ и велѣлъ ему воевать государеву Украйну, гдѣ тотъ и взялъ въ полонъ двѣ тысячи человѣкъ. А такъ какъ въ Крыму нынѣ голодъ и тамъ ѣдятъ человѣчину, то нужно ждать новаго нападенія крымцевъ на государевы владѣнія, и потому царю слѣдуетъ теперь тщательно оберегать свою Украйну. Въ томъ же году архимандритъ Амфилохій увѣдомлялъ государя, что крымскіе люди воевали государеву Украйну, и это было любо султану Ибрагиму, который послалъ за это хану кафтанъ и саблю и велѣлъ ему опять послать въ государеву Украйну своихъ людей, которыхъ теперь собрано въ Крыму до 40,000 человѣкъ. По тому же самому поводу и въ томъ же году грекъ Иванъ Петровъ совѣтуетъ государю говорить находившемуся въ Москвѣ турецкому послу, что царь по любви къ султану отдалъ ему Азовъ и смирилъ казаковъ и, въ надеждѣ на турецкую пріязнь за это, не оберегалъ своей Украйны, а между тѣмъ султанъ не устоялъ въ своемъ словѣ и послалъ крымцевъ воевать Украйну, въ виду чего русскій царь впередъ уже будетъ дѣйствовать, какъ Богъ велитъ. Такую рѣчь, по мнѣнію Ивана Петрова, слѣдуетъ написать и въ граматахъ къ султану и визирю, аословъ посылать не слѣдуетъ, такъ какъ тогда все пропадетъ, ибо султанъ въ своемъ словѣ неустойчивъ, что говоритъ, того не дѣлаетъ. Затѣмъ Иванъ Петровъ совѣтуетъ послать въ походъ казаковъ и дать имъ отъ себя помощь и держать ихъ подъ своимъ царскимъ повелѣніемъ, ибо «пока ваши казаки будутъ проживать на Дону, то вашей царской Украйнѣ будетъ великая помощь, а турскому посрамленье, и онъ

смирится, потому что и въ книгахъ своихъ обрѣтаютъ, что царство ихъ будетъ взято отъ царскаго рода. И такъ, велите оберегать свою Украйну, ибо турки лживы, какъ извѣщаю я смиренный и меньшій рабъ вашъ; пока Азовъ былъ у казаковъ и послы царствія вашего не пріѣзжали въ Царьградъ, тогда не позволено было воевать Украйну вашу, потому что турки боялись, а какъ изволили вы отдать Азовъ и послы ваши пріѣхали въ Царьградъ, тогда турки ударили на казаковъ и татарамъ велѣли Украйну раззорить, потому что опасенія себѣ никакого не чаяли». Въ новой граматѣ отъ того же года Иванъ Петровъ продолжаетъ извѣщать наше правительство, «что султанъ Ибрагимъ приказалъ крымскому хану идти воевать Украйну и что онъ похваляется заставить царствіе ваше платить дань султану и ему хану, что весьма полюбилось султану». Халкидонскій митрополитъ Даніилъ съ своей стороны писалъ: «ноября въ 17 день прибылъ корабль изъ Кафы съ московскими полоняниками; мы распрашивали ихъ чрезъ толмача и они намъ сказали, что крымскій царь взялъ ихъ въ полонъ отъ страны вашей четыре тысячи, и о томъ всѣ цареградскіе христіане пожалѣли и подивились, что повѣрило царствіе ваше турской любви и покинули Украйну свою безъ ратныхъ людей, а они собаки татаре сыскали время и полонили столькихъ христіанъ. Должно всегда православнымъ христіанамъ не вѣрить турскому собакѣ, и многолѣтному царю надлежитъ въ ту пору, когда съ невѣрными въ любви бываетъ, еще больше оберегать свою Украйну. Какъ услышалъ турской султанъ, что крымскіе татаре такой походъ учинили и столько полону взяли, они, собаки, весьма обрадовались и послѣ того послали Антона Константинова чрезъ Крымъ къ царствію вашему утѣшать тѣмъ, что будто султанъ ничего не знаетъ; но все то ложь, намъ всѣмъ подлинно извѣстно, что по повелѣнію султанову учинили походъ въ Украйну и что станетъ Антонъ Константиновъ сказывать, то все ложно, потому что онъ далъ Бекташъ-агѣ много ефимковъ и много иныхъ даровъ, чтобы его послали, и не должно царствію вашему почтить Антона, потому что явно обманываютъ васъ: съ одной стороны мирятся, а съ другой раззоряютъ Украйну царствія вашего; сего ради

должно стоять твердо, ибо ты великій царь и долженъ почитать ихъ ни во что, ибо они на словѣ своемъ не стоятъ. Князь Матвѣй, мутьянскій воевода, имѣетъ только тридцать тысячъ воинскихъ людей, и то турки весьма устрашаются его, и послалъ къ нему султанъ свою жалованную грамоту, чтобы ему владѣть по смерть свою; а великое ваше царствіе зачѣмъ ихъ почитаешь? Если только не воззришь ты своимъ страшнымъ окомъ на нечестивыхъ турокъ, увидишь, что они больше того начнутъ раззорять Украйну великаго вашего царствія; ты благочестивъ и тихомиренъ и потому уважаешь ихъ, а они себѣ думаютъ, что ты, государь, устрашаешься и потому почитаешь, и ради этого они превозносятся. Крымскій царь послалъ къ султану Ибрагиму гонца своего и просилъ у него повелѣнія, чтобы ему опять походъ учинить въ другой разъ на Украйну, и похвалился крымскій ханъ султану, что заставитъ московскаго царя давать дань ежегодно султану, какъ и ему даетъ, а султанъ явно кажется какъ будто не даетъ крымскому воли, но весьма тому радъ. И такъ извѣщаю великому вашему царствію, что онъ готовъ ударить на Украйну опять, и вамъ бы приказать оберегать Украйну свою» [1]). Въ 1646 г. тотъ же халкидонскій митрополитъ Даніилъ извѣщалъ государя, «что турской вельми разорился» и что, вслѣдствіе громадныхъ потерь во время войны съ нѣмцами, онъ, не имѣя людей для вновь построенныхъ каторгъ, рѣшился набрать гребцовъ для нихъ изъ полоняниковъ, ради чего 20 октября послалъ къ крымскому хану грамату, чтобы ему, безъ всякаго мѣшканья, идти на московское государство и тамъ взять полону для каторгъ. «Извѣщаю великому вашему царствію, писалъ митрополитъ, да наскоро великое ваше царствіе, яко благочестивый и благоразумный царю, пошлеши ратныхъ своихъ людей оберегати свои украйныя мѣста, чтобы христіанамъ раззоренія не было и по всему бы міру позору не было, потому что турки николи на своей вѣрѣ и на дружбѣ не стоятъ и непостоянны... великое ваше царствіе не вѣрьте имъ ни въ чемъ... и не оплошайте, да не будете посрамлены во всемъ народѣ; а всѣ короли соединилися за одно на турскаго... Не помышляйте послать посла къ турскому султану, только обере-

[1]) 7153 г. №№ 15 и 30. Снош. съ Вост. II, стр. 269—300.

гайте украйну свою отъ татаръ, а отъ султана не опасайтесь, потому что онъ планиту воспріялъ нынѣ и будетъ воспріяти и многія лѣта съ умомъ не соберется»[1]). Въ 1647 году тотъ же Даніилъ извѣщалъ государя, что султанъ съ ханомъ замышляютъ походъ на московское государство, и потому «да не будете безъ опасенія, да не будетъ же у васъ не готово прежде ихъ, потому что они не спятъ, а радѣютъ взяти городы и мѣста, такожде подобаетъ великому вашему царствію *не спати*, а оберегати украйну свою»[2]). Въ 1651 году еессалійскій архіепископъ Даніилъ, сообщая государю политическія вѣсти, совѣтовалъ ему особенно оберегать свою царскую украйну, потому что крымскій ханъ собралъ великое войско въ Добруджѣ и съ иныхъ сторонъ, и съ нимъ еще черкасы за одно, такъ что онъ можетъ неожиданно напасть на царскіе предѣлы, и потому тщательно слѣдуетъ оберегать царскую украйну, ибо хану вѣры ни въ чемъ давать нельзя[3]). Въ 1652 году грекъ Дмитрій Ивановъ извѣщаетъ государя, что крымскому хану писалъ кумыцкій султанъ Муратъ, чтобы онъ поднялся для имени Божія и освободилъ много бусурманскихъ душъ отъ нечестивыхъ рукъ русскихъ, они же съ своей стороны готовы. Крымскій ханъ на это отвѣчалъ, что нынѣ у него война съ Литвою, а къ веснѣ онъ будетъ готовъ и придетъ къ ихъ освобожденію, и заставилъ бирюча по всему Крыму кликать, чтобы ратные люди были готовы, почему государю слѣдуетъ оберегать путивльскую украйну, а Богъ сокрушитъ недруговъ царскихъ[4]). Въ 1656 году цареградскій архимандритъ Парѳеній, сообщая вѣсти о турскихъ дѣлахъ, писалъ: «нынѣ да будетъ вѣдомо тебѣ, многолѣтный царю, что крымскій ханъ готовитъ войну, а съ которой стороны мы не знаемъ, только вели свою украйну оберегать, потому что на дружбу ихъ надѣяться нельзя»[5]).

Приведенныя нами выдержки изъ донесеній о Крымѣ показываютъ, что агенты очень внимательно слѣдили за всѣмъ, что замышлялось или происходило въ Крыму, и о всемъ

[1]) 7154 г. № 13.
[2]) 7155 г. № 16.
[3]) 7159 г. № 8.
[4]) 7160 г. № 40.
[5]) 7164 г. № 25.

замѣченномъ немедленно сообщали русскому правительству, предупреждая и остерегая его, чтобы оно не было застигнуто врасплохъ событіями. Понятно, какъ важны и дороги были для московскаго правительства всѣ эти вѣсти о Крымѣ, отношенія къ которому тогда стояли на первомъ планѣ нашихъ международныхъ сношеній.

Не менѣе важны и интересны были сообщенія разныхъ агентовъ объ отношеніяхъ турокъ къ другимъ государствамъ, объ ихъ войнахъ, о постигшихъ ихъ удачахъ и неудачахъ и т. п. Въ 1646 году халкидонскій митрополитъ Даніилъ подробно описываетъ, напримѣръ, всѣ приготовленія турокъ къ войнѣ съ венеціанами и всѣ ихъ военныя дѣйствія, точно обозначая, въ какой именно день и что случилось[1]). Или,

[1]) Вотъ самое донесеніе Даніила, которое мы приводимъ какъ образецъ подобныхъ донесеній: «извѣщаю великому вашему царствію, ноября 26 числа, что есми извѣстилъ о вѣстяхъ агарянскихъ съ Ѳедоромъ Юрьевымъ, и нынѣ паки объявляю великому вашему царствію окаянство ихъ: въ мѣсяцѣ декабрѣ въ 7 день, на воскресной день, перемѣнилъ салтанъ везиря своего Магметъ-пашу и поставилъ на его мѣсто Селихъ пашу, и той есть и до днесь везиремъ; и перемѣнилъ яныченскаго агу; а въ 8 числѣ пришелъ единой галенъ турской, который ѣхалъ въ Египетъ, и за нимъ гнались нѣмецкіе галіоны и насилу ушелъ, и спереди носъ у него обломанъ отъ пушекъ, и посрамились зѣло агаряне. Въ 10 числѣ декабря, въ среду, поѣхалъ блаженнѣйшій во Іерусалимъ степью, отъ страха нѣмецкаго нельзя было ѣхать моремъ. Того-жъ мѣсяца 15 числа надѣлъ султанъ кафтанъ на Магметъ пашу, который былъ везиремъ, ѣхати ему въ Селунь собрати все войско западные страны, чтобы быти имъ готовымъ весною ѣхати на Критской островъ, а въ 19 числѣ проводили ево. Того жъ мѣсяца въ 23 числѣ послалъ салтанъ каторжного дворецкаго Химаралу съ восмью каторги перевести Дели-Хусейнъ-пашу отъ Манавасіи въ Критъ, и ѣдучи гнались за ними нѣмецкіе галіоны и немного ихъ не взяли и убѣгли, а галіоны пришли въ Манавасію и съ пушками, сбили многіе домы и тако прислали гонца къ салтану, и салтанъ призвалъ капитанъ-пашу, и велѣлъ ему взяти отъ части каторгъ ѣхати и перевести Дели-Хусейнъ-пашу, и онъ ему супротивился, что невозможно перевести не со многими каторги, потому что нѣмецкая арманта есть много на полѣ (на морѣ?), и насилу освободилъ армаду нашу и привезъ и султанъ раскручинился и въ тотъ часъ ево задавилъ мѣсяца генваря въ 12 день въ понедѣльникъ. Посемъ Дели-Хусейнъ-паша съ Химараглымъ изыскали время зимнее и перешли въ Критской островъ; и потомъ, по времянной погодѣ, ночью пришелъ и Химараглъ въ 7 числѣ мѣсяца февраля въ Царьгородъ съ нѣкоторымъ Ассанъ-пашею съ двѣмя каторги, и привезли сорокъ человѣкъ хрестьянъ отъ Критскаго острова отъ хана, и сказывали, будтося они хотѣли предать городъ Хано, и въ тотъ часъ, какъ ихъ привезли къ султану, иныхъ велѣлъ повѣсить, а иныхъ казнить предъ собою при морѣ, при своемъ Сардалѣ. Мѣсяца февраля въ 18-й день пришла

напримѣръ, въ 1649 году архимандритъ Венедиктъ сообщалъ, что турецкій султанъ нынѣ весною готовитъ великую

вѣсть виницѣйскому агенту, что умеръ виницѣйскій король и учинился на его мѣсто иной король и той былъ съ арматою въ Критѣ. Того жъ мѣсяца 20 числа послалъ султанъ единую каторгу съ порохомъ въ Хію городъ, потому что пришла вѣсть, что армата нѣмецкая многая есть на Бѣломъ морѣ и боятся турчене, чтобы, шедъ, не взяли Хія города и смутились. Да марта въ 1-е число пришелъ другой стружокъ отъ Хіи съ грамотою къ султану, чтобъ наскоро учинилъ и сдѣлалъ, выслалъ бы армаду скоро, потому что армада нѣмецкая хочетъ ѣхать въ Хію, тожъ и всѣ Хіоти рухлядь свою похоронили въ землю, а турецкіе жены надѣли греческое платье. 21-го числа марта въ день святаго и праведнаго Лазаря, въ субботу, пришелъ стругъ и пришла вѣсть, что пришли 27 галюновъ нѣмецкихъ за новыми городками и стали въ Тенодѣ; и смутился султанъ и всѣ агаряне и султанъ повелѣлъ капитанъ Муса—пашѣ, чтобы наскоро уготовить армату и изготовили 20 каторгъ, потому что достальные не готовы были, и пошли на страстной недѣли въ понедѣльникъ, 23 числа марта, и пошли до новыхъ городковъ и оберегали, а далѣ того боялися ѣхать отъ нѣмецъ. Въ тѣхъ же дняхъ ставилъ яныченъ и перемѣнилъ яныченскаго агу; да марта въ 28 число, въ великую и святую субботу, послалъ еще 15 каторгъ да четыре галюны, да мѣсяца апрѣля во второмъ числѣ, на свѣтлой недѣлѣ во вторникъ, изготовилъ 20 каторгъ на Черное море, только возвратили 10 каторгъ ночью опять назадъ къ каторжному пристанищу, а достальная 10 осталась у новыхъ городковъ у Маврова мола оберегать. Мѣсяца апрѣля въ 15-й день, въ понедѣльникъ, пришелъ гонецъ къ салтану отъ крымскаго царя и просилъ помощи 40,000 людей, сказываючи, что идетъ московской на крымскаго царя со 100,000 воинскими людьми, и везирь тотъ часъ послалъ его къ молдавскому воеводѣ съ граматою, что ты говорилъ такъ: «покамѣста я сдѣся воеводою, никакого страха не будете имѣти отъ московскаго», а нынѣ для чего возстали, только дѣлай, что ни сдѣлаешь, да утолиши его,—сіе многое и болѣе того писалъ къ нему и послалъ человѣка крымскаго царя къ нему съ грамотами. Мѣсяца апрѣля въ 16-й день, въ четвергъ, поѣхалъ капитанъ-паша съ 20 каторгами, да съ тремя магуны и всѣхъ пошло 55 каторгъ, а 30 бѣломорскихъ княженецкихъ каторгъ и всего 85 каторгъ, да 5 магунъ, да 4 галюны да 280 (?) кораблей меньшихъ и большихъ торговыхъ, на которыхъ наклали ружья и воинскихъ людей восточныхъ и западныхъ, и пошедъ и стали подъ новыми городками, только не смѣли выѣхать на море, потому что до 27 галюновъ стояли передъ Тенедомъ. Въ той же день пришелъ и посолъ великаго вашего царствія на корабли и задержали его и стоялъ на великой быстринѣ въ Орваницкой деревнѣ и на завтрее взяли ево и привезли въ Царьгородъ и поставили его на молдавскомъ дворѣ мѣсяца апрѣля въ 18-й день, въ субботу. Іюня 1-е число, въ понедѣльникъ, были у руки у салтана, а въ четвертомъ числѣ были у патріарха и подали ему вашу милостыну, *а иному никому милостыни не дали и по сей день.* Посемъ арманта турскаго стояла подъ новыми городками и послали вѣсть къ султану, чтобъ учинили мольбу, потому что хочетъ ѣхать армата битися съ нѣмцами и тако сотворили въ то время, мѣ-

армаду и корабли, только людей не имѣетъ, чѣмъ ихъ наполнить, а съ другой стороны сказываютъ, что нѣмцы но-

сяца маія въ 14-й день. А въ 16-й день пошли галоны нѣмецкіе взяти воды позади острова Тенедосскаго, и осталось четыре галюна на морѣ, и пошла армата на тѣ на четыре галюна и учинили бой, и потопили у турскаго 7 каторгъ, а у достальныхъ каторгъ поломали весла и многихъ людей побили, и возвратились назадъ подъ новые городки позорны и восприняли турченя великій позоръ толико, что хотѣлъ салтанъ казнити всѣхъ крестьянъ, которые пребываютъ здѣсь въ Царьгородѣ, только везирь и муетій не пустили его казнить; и тако послали ту 10 каторгъ, которые оберегали губу Чернаго моря, съ порохомъ и съ пушками и съ веслы, чтобы снарядить во вторые свою армату, и тако ихъ имѣли въ заперти до іюня мѣсяца. И одну ночь была тишина и вышли они и пошли подъ Хію и видя, что нѣмецкіе галюны пошли прочь и потомъ во 2-й день пошли за ними и оттуда видя, что галюны не рушатся съ мѣста и прошли въ Моновасѣю и собралось всей арматы турской въ Моновасѣи, а галюны нѣмецкіе, шодъ, съѣхались съ другою арматою нѣмецкою въ Критѣ. Говорятъ, что имѣютъ веницейскіе 110 каторгъ, да 80 галюновъ, да 100 мелкихъ каторгъ и оберегаютъ протоку подъ Ханію и сказываютъ, взыскала время подобное армата турецкая и пошла было подъ Ханію и встрѣтилась съ нѣмецкою арматою и бились и побили турскую армату всю до основанья со всѣмъ войскомъ, немногіе каторги ушли и тѣ невѣдомо гдѣ, еще подлинно того не вѣдомо, а какъ провѣдаемъ подлинно и мы про то отпишемъ съ Ѳедоромъ Юрьевымъ вскорѣ. Посемъ турченя есть кручинны и не знаютъ што дѣлать, потому что въ маѣ въ 27 числѣ пригнали два гонца къ салтану отъ крымскаго царя и привезли подлинныя вѣсти, что донскіе казаки осадили Азовъ. Да мѣсяца іюня въ четвертомъ числѣ пріѣхалъ иной человѣкъ отъ крымскаго царя, что идетъ великое войско московское на крымскаго царя, тоже и подъ Азовъ. И присылалъ везирь къ посломъ и они посылали переводчика Дементья и ходилъ и сказалъ ему везирь; что какъ взяли турки Царьгородъ, отъ сѣверныя страны сабля не возставала, а нынѣ для которой нужды подняли саблю на насъ? И переводчикъ отвѣчалъ имъ досуже и говорилъ, что блаженный царь нашъ, что представился, присылалъ пословъ къ вамъ сюда о любви, тожъ и вы послали къ намъ (пословъ) о любви, а потомъ шодъ крымской царь воевалъ и взялъ 4,000 полоняниковъ, и потомъ вторые послалъ насъ провѣдати, что вашего ли царя повелѣньемъ или нѣтъ (нападалъ на московскія области крымскій ханъ),—и потомъ представился. И сѣлъ сынъ его и написалъ грамоты противъ прежнихъ грамотъ; и потомъ насъ вы привезли въ Кафу и заключили тамъ и ѣхавъ крымскій царь воевалъ мѣста и взялъ 4,000 полону,—вѣдаетъ ли то салтанъ или нѣтъ? И везирь сказалъ, что нѣтъ. И переводчикъ сказалъ, аще про то не вѣдаетъ салтанъ и онъ бы послалъ привести крымскаго царя и казнилъ бы его главу передъ посломъ и тако поѣдимъ къ нашему царю и утишимъ войну, а для ради Азова царь нашъ про то не вѣдаетъ, потому что казаки самовольны и никто ими не владѣетъ. И такъ его отпустилъ, ничего ему не говорилъ и имѣлъ корабль на готовѣ отпустить посла ѣхати, а какъ услышали про войну, задержали его и заперли и не пускаютъ никакого человѣка видитца съ

вую великую армаду имѣютъ на Бѣломъ морѣ, а иные стоятъ у бѣломорскаго гирла у новыхъ городковъ, и не

нимъ и до днесь, только кормъ имъ даютъ. А турченъ стоитъ въ великомъ размышленіи и янычанъ ставятъ и посылаютъ ихъ къ Днѣпру; тожъ пришли воинскіе люди отъ восточной страны многіе и идутъ къ Днѣпру, а того не вѣдаемъ, куды пойдутъ, а посемъ будемъ писать. Еще извѣщаю великому вашему царствію: въ тѣ дни, какъ присылалъ крымскій ханъ людей своихъ къ салтану о войскѣ, въ сіе время прислалъ единаго князя московскаго съ граматами къ султану, сказываючи, чтобы ему далъ салтанъ помочи 50,000 воинскихъ людей ѣхати ему съ крымскимъ царемъ. Сіе писалъ крымскій царь, да и самъ тожъ говорилъ, чая, что ему дадутъ сейчасъ помощь идти войною на васъ; только султанъ, имѣя войну съ нѣмцами и слыша про войну азовскую, не послушалъ ихъ, только ево почтилъ и поставилъ ево близко султанъ—сулейманія на дворѣ рузномедіевѣ (?) и кормъ ему указалъ и смута учинилась во Царѣгородѣ, что пріѣхалъ царевичъ съ Москвы и сулилъ онъ имъ, аще да сяду на Москвѣ царемъ и я вамъ дамъ Астрахань и Казань да будетъ ваша, сія и иная многая сулилъ туркамъ, а турки радовались. И услыша то, посолъ царствія вашего раскручинился зѣло и занемогъ толико, при смерти лежалъ,—въ 3 числѣ августа причащали и масломъ соборовали. Тожъ и азъ, небольшій богомолецъ вашъ, порадѣлъ и видѣлся съ тѣмъ княжичемъ одинъ день, какъ онъ ходилъ на потѣху съ тремя его людьми, да съ янычениномъ, который ево караулитъ, и я янычена напоилъ пьянаго и къ нему приблизился и вопросилъ его и онъ объявилъ и разсказалъ мнѣ, что язъ есми пріѣхалъ быть царемъ на Москвѣ, да и княжеи сынъ есми, пріѣхалъ изъ Астрахани, завутъ меня князь Андреемъ Торхоги (?), а турченя его зовутъ князь Алпутъ. Аще вы спросите о возрастѣ его,—есть тридцати лѣтъ, рыжеусъ, высокъ, тонокъ, бѣлоглазъ и про него разскажетъ вамъ человѣкъ нашъ, который везетъ письмо наше, Василій Ивановъ, потому что и онъ съ нимъ видѣлся и говорилъ съ нимъ. А иной князь пріѣхалъ отъ васъ въ Литву, а оттуда пріѣхалъ въ Мутьянскую землю, а оттуда поѣхалъ въ магарскую (мадьярскую?) землю, а оттуда въ Камусвары (Темешваръ?). а оттуды прислалъ вѣсть къ будунскому пашѣ, и онъ послалъ и взялъ его и прислалъ его сюда къ султану, и того зовутъ князь Иванъ, а отцово имя князь Василій Шуйскій; тожъ ему кормъ идетъ и живетъ. Сіе извѣщаемъ великому вашему царствію нынѣ и паки не во многіе дни, что будетъ у нихъ на умѣ, мы опять извѣстимъ. Посемъ поклоняюся, молю и благословляю великое ваше царствіе, отъ своего жалованья не забывайте насъ, яко вѣрныхъ вашихъ рабовъ...» (7155 г. № 4). Вотъ какія подробныя и обстоятельныя отписки присылали государю обо всемъ, происходившемъ въ Турціи, политическіе агенты изъ гречанъ, такъ что наше правительство, пользуясь этими отписками, знало подробно все, что происходило въ Турціи, тѣмъ болѣе, что вѣсти объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ шли отъ нѣсколькихъ лицъ сразу, благодаря чему являлась полная возможность провѣрять и дополнять извѣстія одно другимъ. Понятно, что эти отписки агентовъ имѣютъ свое значеніе и въ настоящее время, какъ матеріалъ для историка.

смѣетъ ни одинъ турскій корабль выѣхать на Бѣлое море. Венеціане хотѣли помириться съ султаномъ на томъ, чтобы критскій островъ покинулъ, а взялъ бы милліонъ золота, но турки говорили, что невозможно сему быть, потому что въ Ханеи уже поставили свои мечети и города не отдадутъ. Еще слышали, что венеціане нынѣ одного великаго посла посылаютъ въ Литву, а зачѣмъ, того не вѣдомо. Еще писали изъ Царьграда, что французскій король молодъ и его мать королева съ нѣкоторымъ кардиналомъ и нѣкія ихъ земли отложились, а съ шпанскимъ помирились, ибо у нихъ междоусобная брань. Шпанскіе великую помощь подаютъ венеціанамъ, и отъ того наполнилось Бѣлое море нѣмецкими кораблями,—да наполнится и Черное море христіанами! Такъ, превысочайшій царь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи, мы слышали и, какъ вѣрный рабъ и богомолецъ вашего царствія, объявляю, ибо я всегда радѣю и пишу къ вашему царствію [1]). Въ 1652 году ѳессалійскій архіепископъ извѣщалъ государя о морскихъ сраженіяхъ нѣмцевъ съ турками, при чемъ рѣшительный перевѣсъ былъ на сторонѣ нѣмцевъ, но при этомъ пострадали и христіане. Нѣмцы, вышедши на берегъ, разсказываетъ архіепископъ, принуждали христіанъ выдавать имъ турокъ, которые спаслись на берегъ острова Сантарино, угрожая въ противномъ случаѣ истребить всѣхъ. Устрашенные христіане вынуждены были выдать турокъ, которыхъ нѣмцы всѣхъ побили. А такъ какъ въ числѣ корабельщиковъ, вмѣстѣ съ турками, были и христіане, то нѣмцы, отдѣливъ ихъ, посадили на три корабля, взятые у турокъ, и безъ милосердія всѣхъ ихъ сожгли, чтобы и инымъ не было повадно наниматься къ туркамъ на службу противъ единовѣрныхъ. Остальныя турецкія суда бѣжали въ Родосъ, и вся ихъ похвальба престала, у нихъ было 50 большихъ и 50 малыхъ кораблей и половину у нихъ отобрали нѣмцы [2]).

Изъ донесеній агентовъ русское правительство обстоятельно узнавало о внутреннемъ состояніи Турціи, о тѣхъ смутахъ и нестроеніяхъ, которыя происходили при турецкомъ дворѣ.

[1]) 7157 г. № 21.
[2]) 7160 г. № 3.

Такъ въ 1648 году архимандритъ Венедиктъ сообщаетъ: «слышалъ есми подлинно, что возстали четыре паши изъ анатольской стороны и идутъ судиться съ салтаномъ въ Царѣгородѣ о своихъ напраслинахъ, что имъ салтанъ сотворяетъ, и то бо есть истина, а не ложь, потому что и всѣ царегородцы отъ него изобижены и ряды ихъ — турскихъ людей, и животы православныхъ христіанъ изъ лавокъ пограбилъ, што имѣли въ соблюденіи и болѣе того, што и отъ братій своихъ, взялъ всѣ ихъ дорогіе вещи, и чаю истинно, што его по се число извели, потому что всегда на него роптали, что онъ безбожный и по своей вѣрѣ Богу не молится, только живетъ блудно и безумно» [1]). Въ слѣдующемъ 1649 году архимандритъ Амфилохій сообщалъ съ грекомъ Христофоромъ Мануйловымъ: «объявляемъ тебѣ великому государю, что іюля въ 28 числѣ собрались всѣ янычаре, и стали они за одно съ оружіемъ противъ царскаго двора, и заперли всѣ ворота цареградскіе и поймали царя Ибрагима Августа въ 8 день и задавили его за многую его неправду и на его мѣсто посадили на царство царевича, сына его Ибрагимова по седьмому году, и убили еще визиря Ахметъ-пашу и на его мѣсто выбрали новаго визиря Мегметъ-пашу» [2]). Объ этомъ задавленномъ янычарами султанѣ Ибрагимѣ встрѣчаются любопытныя свѣдѣнія, идущія изъ разныхъ рукъ. Въ 1646 году пріѣхалъ въ Москву Лаврентій, архіепископъ кассандрійскій, съ которымъ патріархъ Парѳеній прислалъ разныя вѣсти. Между прочимъ архіепископъ сказалъ: «говорилъ де цареградскому Парѳенію патріарху визирь, что нынѣшній Ибрагимъ султанъ несчастливъ, какъ де онъ сѣлъ на царство и по ся мѣсто никоторое дѣло въ путь нейдетъ и никакого добра нѣтъ, гдѣ де онъ ни пошлетъ людей, и ихъ де всѣхъ побиваютъ, а счастья никакого нѣтъ. Да и турченя де служилые люди всѣ во Царьгородѣ говорятъ про турскаго Ибрагима султана тожъ, что онъ несчастливъ и въ разумѣ недостаточенъ». Въ 1647 году пріѣхалъ въ Москву корицкій митрополитъ Гавріилъ, который на предложенный ему въ посольскомъ

[1]) 7156 г. № 36
[2]) 7157 г № 17.

приказѣ вопросъ: что Ибрагимъ султанъ думаетъ объ общемъ вооруженіи противъ него?—сказалъ, «что турской Ибрагимъ салтанъ въ великомъ страхованьѣ и ночью сна ему нѣтъ, ходитъ по вся ночи съ ближними своими людьми по городу, а Царьгородъ запираютъ за часъ до вечера, а отпираютъ съ утра въ часъ дни, и говоритъ де турскій Ибрагимъ султанъ съ ближними своими людьми, что наступили на него многія нѣмецкія государства и московскій государь (агенты доносили, что съ восшествіемъ на престолъ Алексѣя Михайловича турки стали думать, что русскіе опять захватятъ уступленный ими Азовъ, и ходили у нихъ слухи, что московское войско двигается на Крымъ) и литовскій король на него жъ собираются, и нешто де намъ отъ Царягорода отступить и быть по прежнему на своихъ юртахъ». О самой личности султана Ибрагима московское правительство получило довольно интересныя для него свѣдѣнія. Въ 1641 году пріѣхавшій въ Москву грекъ заявлялъ въ посольскомъ приказѣ: «а турской Ибрагимъ салтанъ малоуменъ и немощенъ и кривошеевать, а дѣтей у него нѣтъ, а во всемъ владѣетъ визирь Мустафа-паша». Въ 1647 году силистрійскій митрополитъ Іеремія сообщалъ въ Москвѣ, «что Ибрагимъ салтанъ пьетъ, а допьяна не упивается, только простъ во всемъ». Въ 1648 году грекъ Юрій Остафьевъ сообщалъ въ Москвѣ: «а салтанъ (Ибрагимъ) ни о чемъ не радѣетъ, только дался на блудъ женской и на иные великіе блуды и ни о чемъ не помышляетъ». Въ томъ же году очень любопытныя вѣсти о султанѣ сообщилъ въ Москву и архимандритъ Венедиктъ, именно, что султаномъ сильно недовольны въ Царьгородѣ, потому что видятъ, «что онъ не радѣетъ о воинскомъ строеніи и онъ есть дуракъ и преданъ на восхотѣніе женское и встаетъ близъ полдня, потомъ поѣдитъ со многими дѣвицами въ возкахъ и, ѣдучи къ рѣшеткамъ, сирѣчь къ великому базару, ставитъ шатры и съ дерзновеніемъ ѣстъ и пьетъ и дѣлаетъ многое позорная. Потомъ, паки возставъ, ѣдетъ на иное мѣсто на аврат-базаръ подъ вечеръ и чинитъ такожде, и тако дѣлаючи по вся дни. И возстали дворяне на него и насилу тремя стами мѣшками утолилъ ихъ, а въ мѣшку по пяти сотъ ефимковъ. И послѣ того не оставилъ

же своего дуровства и визиреву жену и дефтедарову жену и иныхъ многихъ, гдѣ услышитъ про лѣпыхъ, всѣхъ опозорилъ. А для утѣшенія визиря, что онъ опозорилъ жену его, далъ за него дочь свою—году и трехъ мѣсяцевъ и учинилъ его зятемъ себѣ. Сія и иные многіе неисчетные и пуще того—безуміе его понуждаетъ и чинитъ. Да не токмо сего ради, великій царю, ненавидятъ его во Царѣгородѣ, но во Анатольской странѣ возсталъ единой измѣнникъ и отложился—именемъ Кара-Хасанъ. Султанъ писалъ къ одному пашѣ, чтобъ поймалъ его, а онъ отъѣхавъ сталъ съ нимъ за одно и оба измѣнили и собрали, сказываютъ, много войска» [1]).

Смертъ султана и воцареніе новаго вызвало въ Константинополѣ смуты, волненія и дворцовыя интриги, о чемъ немедленно сообщали русскому правительству его агенты. Съ грекомъ Христофоромъ Мануйловымъ архимандритъ Венедиктъ извѣщалъ: «объявляю, что въ великомъ безсиліи пребываетъ нечестивое царство турецкое, ибо султанъ молодъ, а паши владѣющіе разныхъ думъ, и дѣлаетъ всякій по своему разуму. Еще: въ прошлыхъ дняхъ имѣли междоусобную брань янычаре съ дворянами, не только въ Царѣградѣ, но и вездѣ побивали другъ друга, и то знаю подлинно. Нынѣ они помирились, но межъ себя вражду держатъ, а когда-нибудь у нихъ великое зло будетъ, и пошли Богъ такой свой гнѣвъ на нихъ» [2]). Приконійскій митрополитъ Іеремія въ 1651 году извѣщалъ про турокъ, что они «другъ друга побиваютъ и янычаре ссорятся съ своими начальниками, а паши съ визирями. Въ Анатоліи возсталъ мятежникъ, все раззоряетъ и разбилъ посланныхъ противъ него» [3]). Ѳессалійскій архіепископъ Даніилъ въ 1652 году сообщалъ, что въ Цареградѣ большія смуты, «вельможи ѣдятъ другъ друга, какъ псы, кому изъ нихъ быть визиремъ и богатство собрать, а султанъ остался безъ родителей, и вельможи владѣютъ, какъ хотятъ». Въ томъ же году грекъ Ѳома Ивановъ сообщалъ, «что турки пребываютъ въ великомъ непостоянствѣ и невозможно высказать, какое зло всѣмъ они творятъ, по малолѣтству султана, не почитая его царемъ.

[1]) 7154 г. № 10; 7155 г. № 1; 7149 г. № 14; 7155 г. № 2; 7156 г. № 36.
[2]) 7157 г № 17.
[3]) 7159 г. № 37.

Если бы еще владѣли благородные люди, то не было бы досадно, а то владѣетъ черный арабъ Селикторъ-ага, который вѣдаетъ дѣвокъ султанскихъ и столько гордится, что никто ему не противится: ни визирь, ни кто другой, что скажетъ султану, то и вѣритъ, потому что къ нраву его привыченъ; онъ отставляетъ и визирей и муѳтій, и безъ его вѣдома визири никакого дѣла не дѣлаютъ; кого убиваетъ, кого ссылаетъ. На мѣсто визирское посадилъ грузина, который никакого дѣла разсудить не умѣетъ, и ихъ дѣламъ окрестные народы смѣются» [1]). Наконецъ доносили агенты (цареградскій архимандритъ Парѳеній), что господство евнуха вызвало возмущеніе: «янычары и спаги, собравшись, явились къ султану и когда онъ вышелъ и спрашивалъ: чего они хотятъ?—всѣ поклонились султану и возопили: «дай намъ твоихъ ближнихъ арабовъ, потому что они тратятъ твою казну и міръ раззоряютъ». Султанъ говорилъ имъ, чтобы отъ мысли своей они отстали, но они возопіяли опять: «дай намъ ихъ и тебѣ лучше будетъ, казну твою раззоряютъ и собираютъ себѣ». Султанъ, видя, что они не покоряются, удавилъ дѣвичья своего агу и учителя своего и выкинулъ къ нимъ мертвыхъ: они, взявъ ихъ, наругалися имъ и вѣшали ихъ за ноги на площади. а на третій день пришли къ султану просить и остальныхъ. Султанъ вышелъ къ нимъ и выдалъ своего дворецкаго и съ нимъ иныхъ своихъ ближнихъ людей также мертвыми, и одну женщину, удавивъ съ мужемъ, также выкинулъ къ нимъ. Янычаре опять наругались надъ ними. У тѣхъ мертвыхъ осталась казна неисчетная, то все отдали султану. Но янычаре опять начали просить изъ затворныхъ ближнихъ людей. Каймакана Мустафу-пашу перемѣнили, а къ Сіушъ-пашѣ послали наскоро, чтобы пріѣхалъ и сѣлъ визиремъ, а затворныхъ ближнихъ людей султановыхъ всѣхъ четвертовали. Еще просили янычерскаго агу и иныхъ, которые скрылись, и султанъ далъ имъ наказную память, чтобы гдѣ ихъ сыщутъ, тамъ и погубили. Послѣ сего янычаре и спаги укротились. Марта 5 пришелъ въ Царьградъ Сіушъ-паша, а 25 марта удавили таможеннаго голову Асанъ-агу, а остальныхъ аговъ поймали и всѣхъ удавили» [2]). Во

[1]) 7160 г. №№ 3 и 21.
[2]) 7164 г. № 25

всѣхъ этихъ смутахъ, особенно во время малолѣтства султана, по донесеніямъ агентовъ, не малую роль играли женщины. Такъ грекъ Ѳома Ивановъ въ 1651 году прямо заявлялъ въ Москвѣ, что смуты въ Константинополѣ происходятъ, между прочимъ, отъ султановой бабки, которая, поссорившись съ матерью султана, говорила, что никогда не допуститъ ее править государствомъ и, въ случаѣ нужды, посадитъ на царство меньшаго внука, и что визири стараются прекратить эту распрю между царицами, какъ опасную для цѣлости имперіи, и безъ того погибающей отъ христіанскихъ королей [1]). О дальнѣйшемъ развитіи этой ссоры царицъ и объ ея послѣдствіяхъ, въ 1652 году сообщалъ іессалійскій архіепископъ Даніилъ слѣдующее: старая царица, жена султана Ахмета, побранилась съ новою и стакнулась съ ближними людьми, чтобы убить султана и посадить на престолъ младшаго брата, какъ болѣе достойнаго и смѣлаго; раздавали для этого много денегъ янычарамъ. Новая же царица имѣла у себя вѣрнаго скопца и его вліяніемъ перемѣнила визиря и старалась привлечь къ себѣ народъ, уменьшая цѣну съѣстныхъ припасовъ. Они провѣдали объ опасности, угрожавшей султану, и во время ее предупредили. Визирь пришелъ съ вооруженными людьми во дворецъ; старая же царица вооружила своихъ дѣвокъ въ латы и понесла молодому султану молоко съ отравою; но одинъ вѣрный человѣкъ далъ знать султану, чтобъ онъ не пилъ. Тогда султанша, бросивъ чашку съ молокомъ на землю, схватила за горло султана и хотѣла удавить, но прибѣжалъ старшій изъ скопцовъ и спасъ его изъ рукъ бабки. Пришелъ и визирь, которому жаловался султанъ, что бабка хотѣла его удавить. Визирь велѣлъ немедленно задавить царицу и приказалъ вооруженнымъ людямъ охранять всѣ ворота дворца, а внутри убивать всѣхъ евнуховъ и дѣвокъ, которые были на сторонѣ царицы. Когда прибѣжали янычары на дворъ визиря, они не нашли его и узнавъ, что въ султановомъ дворцѣ всѣ вооружены, возвратились назадъ. На другой день визирь велѣлъ выставить знамя пророка и сзывать всѣхъ правовѣрныхъ на помощь султану. Ближніе же люди, понадѣ-

[1]) 7159 г № 8

ясь на янычаръ, не пошли на зовъ сей, и сдѣлалась великая смута. Вооруженные бѣгали по всему городу, собрались и христіане на помощь государю. Султанъ и визирь, видя, что не покорились вельможи и что муфтій на ихъ сторонѣ, послали за старымъ муфтіемъ и возвели его на старую степень. Новый сановникъ объявилъ всѣхъ непокорныхъ отлученными отъ своей вѣры, и хотя самъ султанъ выѣхалъ на конѣ противъ янычаръ, но по малодушію бѣжалъ отъ нихъ; однако янычары не захотѣли быть отлученными отъ своей вѣры за нѣсколько вельможъ и поддались подъ царское знамя. Тогда вельможи разбѣжались по дворамъ своимъ. Однако ихъ не казнили, а только удалили отъ занимаемыхъ ими мѣстъ и раздали имъ различные пашалыки, но впослѣдствіи ихъ умертвили, лишь только они выѣхали изъ Царьграда. Новый султанъ имѣетъ такой страхъ предъ янычарами, что никого изъ нихъ не хочетъ видѣть, помня, что они задавили отца его, и когда ѣздитъ въ мечеть св. Софіи, то велитъ ихъ отгонять Безпокойство и въ Анатоліи и такое непостоянство у агарянъ, что и описать невозможно [1]).

Кромѣ разныхъ политическихъ вѣстей и сообщеній о придворныхъ и гаремныхъ происшествіяхъ при турецкомъ дворѣ, агенты и пріѣзжавшіе за милостынею просители доставляли иногда въ Москву вѣсти и о другихъ событіяхъ, которыя казались имъ почему-либо выдающимися или особенно интересными. Эти сообщенія для тогдашняго правительства замѣняли нынѣшнія газетныя извѣстія. Напримѣръ, въ 1641 году пріѣзжіе гречане сообщали: «да въ нынѣшнемъ во 149 году въ мартѣ мѣсяцѣ былъ въ Царѣ городѣ пожаръ на Галатѣхъ, сгорѣло съ тысячу дворовъ и нанесло огонь на сарай, гдѣ стоитъ нарядъ для снаряженія каторгъ, и изъ одной пушки выстрѣлило и визиря Мустафу-пашу отъ ядра опалило—бороду и глазъ попортило, и отъ того лежалъ боленъ недѣли съ двѣ» [2]). Въ 1648 году константинопольскій патріархъ Іоанникій пишетъ государю особую грамату, «чтобы вамъ достовѣрно вѣдомо было о чудесѣхъ, что здѣсь сотворилось отъ Бога,—страшный трусъ, что николи такого не бывало

[1]) 7160 г №№ 3 и 14
[2]) 7149 г № 14

и никто толь не помнитъ». Затѣмъ разсказываетъ, что отъ землетрясенія разрушились многіе дома, «и упали два столба пречудные, которые были поставлены въ древніе лѣта отъ добрыхъ мастеровъ»; эти столпы всегда оставались цѣлы и невредимы во всѣ предшествующія землетрясенія. Разъ жиды дали туркамъ много денегъ и съ ихъ позволенія обожгли кругомъ одинъ изъ этихъ столповъ, который былъ позолоченъ, «чая отъ него много злата сняти», но ошиблись въ разсчетахъ. Столпъ отъ огня только разсѣялся, и жидамъ пришлось скрѣпить его желѣзными обручами; такъ столпъ и сгоялъ до послѣдняго времени, а теперь вмѣстѣ съ другимъ палъ, чего никто не ожидалъ. Какъ видно, это землетрясеніе произвело сильное впечатлѣніе въ Царыградѣ, такъ что и архимандритъ Амфилохій счелъ нужнымъ съ своей стороны увѣдомить о немъ царя, при чемъ онъ замѣчаетъ, что сами турки считаютъ это явленіе недобрымъ знакомъ для ихъ царства [1]). Въ 1653 году халкидонскій митрополитъ Гавріилъ, между другими вѣстями, сообщаетъ государю и слѣдующее: «учинилось нѣкакое чудо здѣся въ турской землѣ, въ арцкомъ епископствѣ, а писалъ намъ о томъ нѣкоторой священноинокъ, именемъ Евгеній: въ прошломъ де году, мѣсяца сентября въ 9 день, часу дни, источила земля кровь горячую красную, и наполнилися мѣста и хоромы, и міръ устрашился и прибѣгли къ церквамъ и учали пѣть молебны, и та кровь во всю ночь источила, а на утре та кровь ухронилась, только земля и стѣны остались окровяны; и о семъ чудесѣ многіе, съ той стороны приходящіе, сказывали патріарху, что видѣли сами оковидно, и язъ, рабъ твой, дерзнулъ еси писати и вѣдомо учинити великому вашему царствію» [2]) Не безъ интереса русскіе могли читать и слѣдующій разсказъ изъ мѣстной жизни янинскаго митрополита Каллиника, написанный имъ въ 1650 году 5 мая и присланный въ Москву съ архимандритомъ Нектаріемъ. «Слышалъ я отъ агарянъ, писалъ митрополитъ, какъ они говорили о великомъ вашемъ царствіи: въ нашей янинской области, по той сторонѣ озера, есть село, называемое Струны, и близъ него большой кустъ

[1]) 7156 г №№ 35 и 37
[2]) 7161 г № 31

(именемъ Пурнарій), изъ-подъ корня его отъ камня выходитъ вода, «аки происходящая рѣка», и та вода такъ холодна что невозможно вложить въ нее руку Тамъ поставилъ нѣкто Али-паша большой теремъ каменный, и пріѣзжаютъ туда для прохлады многіе вельможи на всякое лѣто Пріѣхалъ туда и одинъ капыджи-баши изъ Царыграда и велѣлъ ловить христіанъ и называть ихъ измѣнниками, будто они посылаютъ запасы и порохъ и иное снадобье во французскую землю, а какъ тѣ люди разбѣжались, капыджи велѣлъ разворить домы ихъ и собралъ къ себѣ къ той водѣ для прохлады князей и вельможъ. Были у него въ то время Али-паши сынъ и капитанъ-паша и братья его и кадій Они промежъ себя говорили о воинскихъ людяхъ и о иныхъ государствахъ и капыджи-баши сказалъ, что опричь московскаго царя иного такого нѣтъ, потому что государство его велико и владѣетъ многими мѣстами въ десятеро больше султана, и князь страны той весьма тому дивился. Капыджи говорилъ и про московскихъ ратныхъ людей что ихъ у царя много, «только де худосильны, потому что у нихъ краснаго питья нѣтъ», но нѣкоторые изъ нихъ говорили: «есть де у нихъ питье и лучше нашего краснаго питья, а царь де вельми богатъ». Демиръ-паша говорилъ: отъ того де и наши бывшіе султаны на московское государство войною не ходили Капыджи сказалъ на это хотѣлъ было славныя памяти султанъ Муратъ съ московскимъ царемъ войну начать, только прежде хотѣлъ помириться съ поляками и Литвою, чтобы ему пройти чрезъ Литву. Къ этимъ словамъ присовокупилъ ближній человѣкъ паши, потурчившійся гречанинъ: «что де вы то говорите? всего де отъ Бога не дано; уже нашъ срокъ отходитъ, что мы владѣемъ, а хотятъ тѣмъ опять владѣть гречане, да и въ книгахъ де о томъ писано, *что отъ страны московскіе сядетъ царемъ въ Константинополѣ*». Въ тѣ поры у капыджи-баши были греческихъ монастырей игумены, которые приносили ему почесть, и Али-пашинъ сынъ Теврикъ-бей, говорилъ: чаю де изъ тѣхъ чернцовъ который-нибудь на Москвѣ бывалъ? и спрашивалъ ихъ о томъ, но они сказали, что на Москвѣ не бывали. Тогда князь тамошней страны спрашивалъ тѣхъ игуменовъ «съ пристрастіемъ», чтобы они сказали добромъ, кто изъ нихъ

на Москвѣ бывалъ? а буде они не скажутъ, а онъ послѣ про то свѣдаетъ, тѣхъ замучаетъ. Слыша это, нѣкоторый архимандритъ отъ св. пророка Иліи, Нектарій, который былъ въ Москвѣ въ прошломъ году и принялъ милостыню отъ великаго вашего царствія, сказалъ, что онъ въ Москвѣ бывалъ. Они его о московскомъ государствѣ распрашивали. Нектарій сказалъ: хотя московскій царь и пожаловалъ меня милостынею, только я скажу правду, что видѣлъ очами своими: бывалъ я въ Царьградѣ и въ иныхъ многихъ государствахъ и столь многосильныхъ ратныхъ людей, опричь московскаго государства, нигдѣ не видалъ. Они спрашивали и его о вашемъ царскомъ возрастѣ, и онъ имъ сказалъ, «что младъ и страшенъ и грозенъ и храбръ». Еще спрашивали его: есть ли въ московскомъ государствѣ лошади добрыя противъ того, какъ у нихъ въ Царь-городѣ? и онъ имъ сказалъ, что видѣлъ тамъ лошадей лучше царегородскихъ, да на Москвѣ видѣлъ онъ народъ такой, никого индѣ нигдѣ не видалъ. И кашыджи за то его бранилъ, что де онъ сказываетъ неправду, и отошелъ отъ него прочь. Послѣ того тамошней страны князь ходилъ къ нѣкоторому бусурманской вѣры учителю, именемъ Лезію, котораго они почитаютъ святымъ, а пребываетъ онъ въ янинской области, идетъ ему царева корму по пяти ефимковъ на день. Князь спрашивалъ Лезія: есть ли то писано, что будетъ такое время, «когда имъ туркамъ доступити московскаго государства, или нѣтъ, и какъ о томъ въ ихъ турскихъ библіяхъ или въ лѣтописцѣ написано?» и тотъ ему сказалъ: «уже де срокъ нашъ доходитъ и не много остается намъ владѣти; спрашиваете про московское государство, а про себя не чаете, *что московской царь самъ сядетъ во Царьградѣ*». Они еще спрашивали: почему такъ въ ихъ книгахъ написано, а въ греческихъ книгахъ нѣтъ? Лезій сказалъ князю, чтобъ онъ призвалъ къ себѣ игумена монастыря Косьмы и Даміана, и когда тотъ пришелъ, Лезій велѣлъ ему принести изъ церкви греческую лѣтописную книгу. Игуменъ, ничего не вѣдая, книги принесъ Лезію и, по его велѣнью, пріискалъ ту статью, которая указываетъ, что по первому индикту Магометъ Палеологовъ родъ одолѣетъ, и все вычиталъ ему подробно. А Лезій разсказалъ имъ бусурманамъ

тоже подробно, «что де сядетъ въ Царѣгородѣ отъ сѣверные страны, отъ народа русскаго, а сѣверная де страна — московское государство, и то де время доходитъ». И за то турки разгнѣвались на Лезія, зачѣмъ такъ говорилъ, но онъ имъ сказалъ: «какъ де Богъ изволилъ, такъ то и будетъ!» И турчане, напившись пьяны, игумена поймали и требовали отъ него указной граматы, почему онъ свою церковь обновилъ? и велѣно было ратнымъ людямъ раззорить ее до основанія [1]). И другія очень интересныя свѣдѣнія получались въ Москвѣ отъ разныхъ гречанъ. Русскіе издавна сильно интересовались разсказами объ огнѣ, сходящемъ въ Іерусалимѣ на гробъ Господень въ навечеріи свѣтлаго дня. Объ этомъ огнѣ обязательно говорили всѣ паломники, побывавшіе въ Іерусалимѣ, возбуждая своими разсказами и удивленіе и любопытство русскихъ. Когда, поэтому, въ Москву пріѣхалъ въ 1649 году іерусалимскій патріархъ Паисій, его не преминули разспросить и о чудесномъ огнѣ. Паисій далъ объ этомъ такое показаніе: «а на гробъ Господень благодать св. Духа небеснымъ огнемъ сходитъ по прежнему въ великую субботу: стоитъ де у гроба Господня 800 кадилъ, и турки де тѣ кадила всѣ погасятъ въ великую пятницу, а въ великую субботу на вечерни отомкнутъ турки гробъ Господень, а съ него патріарха снимутъ санъ и корону. И какъ на вечерни учнутъ пѣть литію, и въ то время входитъ онъ патріархъ ко гробу Господню, а турки тутъ же входятъ и осматриваютъ гробъ Господень: сшелъ ли на гробъ Господень огнь съ небеси и, будетъ еще не сшелъ, отъ гроба Господня выходятъ и ожидаютъ, какъ на гробъ Господень огнь съ небеси сойдетъ. А какъ огнь съ небеси сойдетъ, и перво де отъ того огня засвѣтится въ паникадилѣ христіанскомъ, которое стоитъ надъ гробомъ Господнимъ, свѣча, а потомъ на камени, что на гробѣ Господни, а потомъ по всему гробу Господню разсыплется, что краплины, и отъ того де огня онъ, патріархъ, засвѣчаетъ свѣчи и даетъ во весь міръ. И было де то одинова, что Софронія патріарха іерусалимскаго, какъ онъ изъ Царягорода пріѣхалъ, турки въ великую субботу не хотѣли пу-

[1]) 7158 г № 29

стить въ церковь, а просили у него за то подарковъ большихъ, а онъ имъ въ томъ отказалъ и подарковъ ничего не далъ и онъ де то видѣлъ и внѣ церкви, какъ огнь съ небеси въ церковь на Гробъ Господень сшолъ. Да въ нѣкое де время прилучилось армянскому празднику великому дню вмѣстѣ съ христіаны, и они дали туркамъ, чтобъ имъ отпечатать Гробъ Господень и чтобы огнь съ небеси сшолъ на Гробъ Господень при нихъ, армянахъ, 20,000 ефимковъ, и какъ де Гробъ Господень отпечатали и огнь де съ небеси при нихъ на Гробъ Господень не сшолъ, а сшолъ на руки и засвѣтило свѣчи у нѣкоторой инокини, которая прилучилась въ то время въ церкви Воскресенія Христова. И во Іерусалимѣ де есть люди десяти разныхъ вѣръ, только де они, православные христіане, съ ними совѣту не имѣютъ, и церковь христіанская ихъ не пріемлетъ» [1]). Но объясненіями патріарха Паисія объ огнѣ, сходящемъ въ Іерусалимѣ на Гробъ Господень, русскіе, какъ видно, не вполнѣ удовлетворились. Когда, въ 1654 году, отправился изъ Москвы на поклоненіе святымъ мѣстамъ сербскій митрополитъ Михаилъ, то ему дано было порученіе развѣдать относительно небеснаго іерусалимскаго огня все пообстоятельнѣе. Михаилъ исполнилъ это порученіе, хотя и не такъ, какъ онъ думалъ. Воротившись въ Москву 16-го сентября 1657 года, Михаилъ показывалъ о небесномъ іерусалимскомъ огнѣ: въ великую субботу передъ вечернею, какъ пришло время идти въ самый Гробъ Господень, намѣстникъ патріаршій (а патріарха не было) и онъ, митрополитъ, ходили около палатки трижды съ незажженными свѣчами. Намѣстникъ пошелъ внутрь гроба, *и хотя давалъ митрополитъ почесть немалую турчину, чтобы ему войти въ Гробъ вмѣстѣ съ намѣстникомъ, но онъ заказалъ турчанамъ, чтобы опричь его не пускать во Гробъ ни митрополита, ни кого-либо иныхъ. и далъ имъ за то почесть большую.* Намѣстникъ, войдя внутрь Гроба одинъ, затворилъ за собою двери, былъ тамъ полчаса и вынесъ съ собою свѣчи зажженныя, говоря, что онѣ засвѣтились отъ Гроба Господня дѣйствіемъ Святаго Духа и раздавалъ свѣчи сіи митрополиту, армянскому

[1]) 7157 г № 7

патріарху и прочимъ людямъ. «И митрополитъ де Михаилъ того огня испытывалъ, и отъ него де жаръ и палитъ также какъ и отъ прочего вещественнаго огня» [1]), а какимъ образомъ у намѣстника патріаршаго возжегся огнь у Гроба Господня, онъ не вѣдаетъ, потому что его, митрополита, туда не пустили, а уже только по выходѣ намѣстника входилъ онъ и прочіе люди для поклоненія [2]).

Такимъ образомъ, хотя русское правительство въ теченіе всего XVII столѣтія и не имѣло при иностранныхъ дворахъ своихъ постоянныхъ офиціальныхъ агентовъ, которые бы сообщали ему нужныя свѣдѣнія о другихъ странахъ, однако, несмотря на это, оно хорошо и своевременно знало о всемъ, что дѣлалось и предпринималось въ сосѣднихъ государствахъ, особенно въ Турціи, въ Крыму, въ Молдавіи и Валахіи и въ Польшѣ. Этимъ оно исключительно было обязано услугамъ гречанъ, которые въ теченіе всего XVII столѣтія съ успѣхомъ замѣняли для нашего правительства и дипломатическій корпусъ и отчасти нынѣшнія газеты, такъ что правительство, затрачивая на милостыню просителямъ значительныя суммы, достигало этимъ двухъ важныхъ цѣлей: поддерживало православіе на востокѣ и въ этотъ же счетъ получало необходимыя для него свѣдѣнія о всѣхъ выдающихся заграничныхъ событіяхъ. Такой порядокъ дѣлъ про-

[1]) Если сербскій митрополитъ Михаилъ «испытывалъ» небесный іерусалимскій огонь и нашелъ, что «отъ него жаръ и палитъ также, какъ и отъ прочаго вещественнаго огня», то нашъ русскій паломникъ 1634 года, Василій Гагара, точно также испытывавшій небесный огонь относительно его свойствъ, нашелъ ихъ, послѣ неоднократнаго испытанія, совершенно иными, чѣмъ сербскій митрополитъ Гагара говоритъ: «огнь же небесный багровиденъ, а не какъ прочій огонь естественъ отъ земнаго огня. Азъ же, Василій, у митрополита зажегъ въ едину руку двадцать свѣчъ и нача браду свою палити тѣмъ огнемъ, и ни единъ отъ власъ брады моя погибе и не сгорѣ, и азъ грѣшный токмо увѣровалъ, что небесный огнь есть, како не сожгло брады моея отъ огня, какоже бываетъ отъ естественнаго огня, что многія вещи пожигаетъ; такоже и въ другорядь и въ третій палилъ браду свою, и никакоже прикоснулся огнь власомъ моимъ Азъ же, Василій, прощенія просилъ у митрополита въ томъ, что невѣрованіемъ одержимъ быхъ, чаяхъ, что греки тотъ огнь составляютъ своимъ умышленіемъ, а не небесный огнь сходитъ съ небеси» (Сказанія русскаго народа—Сахарова, II, стр. 120)

[2]) 7166 г № 3

должался, впрочемъ, только до начала XVIII вѣка, когда кредитъ грековъ, какъ преданныхъ и полезныхъ для Россіи политическихъ агентовъ, сильно пошатнулся во мнѣніи нашихъ правительственныхъ лицъ и когда въ Константинополѣ появилось постоянное русское посольство. Въ 1706 году нашъ константинопольскій посолъ Толстой, получивъ отъ канцлера Головина приказъ, «чтобы грековъ мастеровыхъ людей и малороссовъ къ Москвѣ не отпускать, понеже они лживы», писалъ ему, что «письма посылать чрезъ старыхъ друзей всеусердно желаю, обаче временемъ, когда бываю во утѣсненіи, опасаются и не принимаютъ и въ нужныя времена отбѣгаютъ и слышать ихъ негдѣ, того ради посылаю кромѣ ихъ; а когда мнѣ бываетъ въ пребываніи моемъ свобода, тогда пріятели усердствуютъ изрядно, а грековъ, государь, по приказу твоему отнюдь отпускать къ Москвѣ не буду, понеже, государь, во истинно отъ мало и до велика все лгутъ и вѣрить имъ отнюдь не мочно» [1]). Іерусалимскій патріархъ Досиѳей съ своей стороны писалъ Толстому: «молимъ тя и совѣтуемъ тебѣ, да послушаеши насъ и имѣеши людей московскихъ вѣрныхъ ради службы сія, а отъ грековъ удаляйся, зане греки тайная не хранятъ» [2]). Въ 1712 году прибылъ изъ Константинополя съ письмомъ отъ Шафирова грекъ Георгій Эргакій, который канцлеру Головину объявилъ секретно слѣдующее· «ѣхалъ онъ изъ Царягорода чрезъ Мултянскую землю и когда былъ въ Бухарестѣ, тогда ночью приходилъ къ нему одинъ человѣкъ, закрывъ лице свое, только очи свои показалъ и говорилъ· вѣдаетъ онъ, что Эргакій ѣдетъ къ его царскому величеству и сего ради объявляетъ ему подъ присягою, чтобы увѣдомилъ его царское величество: что по повелѣнію салтана турскаго, по наущенію короля шведскаго, велѣно господарю мултянскому послать нарочно двухъ человѣкъ изъ греческихъ купцовъ въ россійское государство подъ именемъ купеческимъ, будто для торговаго промысла, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы они всякими мѣрами промышляли высокую персону его царскаго величества чрезъ отраву

[1]) Турецкія дѣла 1706 года, связка 7, № 3, стр 14—15
[2]) Ibid № 30 стр 120 на об и 121

умертвить» (отъ чего всемогущій Богъ да сохранитъ его), за что ему, мултянскому господарю, отъ Порты обѣщано вѣчно имѣть господарство, а также и его наслѣдникамъ. Господарь, по тому повелѣнію и по своимъ злымъ поступкамъ, двухъ грековъ послалъ для силъ злыхъ промысловъ, а какъ тѣхъ грековъ зовутъ и въ какія мѣста отправлены, о томъ ему, Эргакію, не объявилъ. Потомъ ѣхалъ онъ чрезъ Седмиградскую землю въ Польшу, а когда пріѣхалъ въ Львовъ, то грекъ Евеимій о томъ же дѣлѣ ему подъ присягою объявилъ и сверхъ того сказывалъ, что дядя графа Ѳомы Кантакузена, Михайло Кантакузенъ послалъ съ письмами вѣрнаго своего человѣка къ двору его царскаго величества и къ нему, Ѳомѣ, Георгія Мирузина, чтобъ наскоро секретъ сей Георгій объявилъ ему для донесенія о томъ его царскому величеству, дабы тѣхъ посланныхъ грековъ поймать, ибо Георгій ихъ знаетъ. Съ тѣми греками посланы весьма богатыя серьги алмазныя, будто для продажи, и нѣсколько тысячъ червонныхъ золотыхъ, а именно: въ алмазахъ червонныхъ на сто пятьдесятъ тысячъ ефимковъ, и при этомъ маленькая стклянночка съ отравою Георгій уже былъ во Львовѣ у Евеимія и хотѣлъ ѣхать въ тотъ же день, какъ Эргакій поѣхалъ, только за худыми лошадьми остановился. Да онъ же объявилъ за высшій секретъ подъ присягою, что отъ многихъ своихъ друзей слышалъ, что господарь мултянскій поступаетъ неправедно и во всемъ дѣлаетъ великому государю противное и что всякія вѣдомости къ турецкой Портѣ посылаетъ чрезъ патріарха іерусалимскаго Хрисанѳа, *который не христіанинъ, но атеистъ и сущій турецкій шпегъ отъ древнихъ лѣтъ* Когда визирь прошлаго года былъ во Адріанополѣ, то онъ у визиря почти по цѣлымъ ночамъ бывалъ инкогнито, и когда турки пошли изъ Андріанополя въ походъ, то онъ послалъ съ визиремъ вѣрнаго своего чернеца, который былъ инкогнито въ турецкомъ платьѣ при визирѣ и почти повседневно отъ мултянскаго господаря давалъ визирю вѣдомости о войскахъ государевыхъ и о состояніи противника; а для большаго увѣренія, сказывалъ Георгій, что сей секретъ слышалъ и нѣкоторую часть видѣлъ, а все подлинно узналъ и провѣдалъ чрезъ секретаря вышеписаннаго патріарха, турченина, именемъ Абдиръ-Кади, который на турец-

комъ языкѣ по визирскому повелѣнію писалъ, по слову патріаршескому, всякія вѣдомости и визирю передавалъ» [1]). Съ своей стороны и Шафировъ, находившійся послѣ прутской катастрофы въ Константинополѣ, писалъ оттуда, чтобы не довѣряли ни господарю валахскому, ни іерусалимскому патріарху Хрисанѳу, потому что оба турецкіе пріятели, ни вообще грекамъ, «ибо, изо всѣхъ грековъ, доносилъ Шафировъ, ни мы, ни Петръ Андреевичъ (Толстой) не сыскали пріятеля, ни добраго человѣка, бѣгутъ отъ насъ какъ отъ чумы» [2]). Съ этого времени политическая служба восточныхъ патріарховъ русскому правительству навсегда прекращается, такъ что уже ни одинъ изъ нихъ не является болѣе въ роли тайнаго агента нашего правительства, а вмѣстѣ съ этимъ постепенно прекращается и служба всѣхъ другихъ гречанъ, не потому только, что имъ уже болѣе не довѣряли, а главнымъ образомъ потому, что въ ней больше не нуждались. Съ начала XVIII столѣтія наше правительство завело при турецкомъ дворѣ своихъ постоянныхъ посланниковъ или резидентовъ, которыми, по выраженію одного распоряженія Анны Ивановны, наши дѣла «прямо Портѣ чинимы предложеніями въ лучшее и въ несравненное съ прежними (когда грекамъ посредникамъ платили не малыя суммы) поведеніе преведены» [3]). При существованіи въ Константинополѣ нашего постояннаго посольства, значеніе прежнихъ случайныхъ агентовъ необходимо должно было пасть само собою.

---

[1]) Вслѣдствіе доноса Эргакія о готовящемся покушеніи на жизнь государя, сдѣлано было распоряженіе о поимкѣ посланныхъ въ Россію грековъ, «чтобы поймавъ ихъ за крѣпкимъ карауломъ къ его царскому величеству прислать со всѣми вещами, которыя при нихъ будутъ обрѣтаться». Дѣло это повелѣвалось вести крайне секретно, чтобы посланные греки какимъ-нибудь образомъ не извѣстились о предпринятыхъ для ихъ поимки мѣрахъ. Доносъ былъ сдѣланъ въ февралѣ, а 11 апрѣля въ Петербургъ уже были доставлены два грека, Дементій и Петръ, которыхъ обвиняли въ принятіи на себя исполненія приказа султана—отравить государя. Схваченные греки нѣсколько разъ подвергались жестокой пыткѣ, но оба ни въ чемъ не признавались (1712 г. № 5).

[2]) Ист. Сол. XVI, 114.

[3]) 1743 г. № 5.

Глава VIII.

Признаніе русскимъ правительствомъ въ концѣ XVII вѣка своею историческою миссіею освобожденіе православнаго Востока отъ турецкаго ига.

Когда Иванъ Васильевичъ Грозный принялъ титулъ царя, какъ законный наслѣдникъ греческихъ императоровъ, то онъ и его ближайшіе преемники вовсе не думали предъявлять какихъ-либо правъ на самую византійскую имперію, какъ на принадлежащую имъ по праву наслѣдства. Московскіе цари хотѣли быть наслѣдниками византійскихъ императоровъ, не выступая однако изъ Москвы и не вступая въ Константинополь. Изъ всѣхъ правъ прежнихъ греческихъ императоровъ, они усвоили только одно—право считаться представителями и защитниками всего вселенскаго православія, при чемъ ихъ покровительство вселенскому православію, на первыхъ порахъ, не шло далѣе дачи милостыни различнымъ просителямъ съ Востока. О покровительствѣ православнымъ народамъ въ качествѣ крупной и вліятельной политической силы, а тѣмъ болѣе о роли ихъ какъ освободителей отъ турецкаго ига, московскіе цари вовсе даже и не думали, да и не могли думать. Грозный, извѣщая константинопольскаго патріарха о взятіи Казани и Астрахани, пишетъ ему: «желательно желаемъ, дабы и вы отъ Бога получили милость, какъ чашу исполненную растворенія, и избавились во дни сіи отъ томительства богохульныхъ, *и мы о томъ услышавъ*, возрадуемся и принесемъ побѣдную пѣснь Богу во славу и честь Его имени». И во все послѣдующее время, вплоть до конца XVII столѣтія, русское правительство никогда серьезно не думало вступать въ борьбу съ Турціей въ видахъ освобожденія православныхъ народовъ изъ-подъ ея власти. А между тѣмъ самыя обстоятельства, съ теченіемъ времени, слагались такъ, что русскому правительству, волею или неволею, пришлось однако въ концѣ концовъ выступить въ роли освободителей православныхъ народовъ, стремиться не изъ Москвы сдѣлать Константинополь—третій Римъ, а овладѣть настоящимъ дѣйствительнымъ Константинополемъ, изгнавъ изъ него турокъ. На эту роль освободителей русскихъ

энергично толкали сами покоренные турками православные народы. Семнадцатый вѣкъ представляетъ нѣсколько любопытныхъ попытокъ, со стороны православныхъ народностей, воспользоваться политической силой выросшей Россіи, съ цѣлью своего освобожденія отъ господства турокъ. Такое отношеніе къ Россіи православныхъ народовъ было вполнѣ естественно. У нихъ никогда не умирала мысль о возможности освободиться отъ ненавистнаго турецкаго ига, они всегда питали надежду такъ или иначе возвратить себѣ прежнюю свободу и самостоятельность. А такъ какъ во всемъ мірѣ теперь былъ только одинъ независимый и могучій православный правитель—московскій царь, то на немъ, естественно, и сосредоточивались всѣ завѣтныя чаянія и надежды порабощенныхъ православныхъ народностей о своемъ освобожденіи,—русскій царь, стали думать они, положитъ конецъ мусульманскому владычеству на востокѣ, онъ овладѣетъ Константинополемъ и изгонитъ оттуда турокъ. Подобныя заявленія о призваніи московскаго царя появляются съ Востока уже немедленно послѣ принятія Грознымъ царскаго титула. Константинопольскій патріархъ, утверждая царское вѣнчаніе Ивана Васильевича, въ то же время въ своей граматѣ называетъ его «надеждою и упованіемъ всѣхъ родовъ христіанскихъ, которыхъ онъ избавитъ отъ варварской тяготы и горькой работы», пишетъ, что онъ со всѣмъ соборомъ молитъ Бога, да укрѣпитъ онъ царство его и возвыситъ руку его, «да избавитъ повсюду всѣ христіанскіе роды отъ скверныхъ варваръ, сыроядцевъ и страшныхъ язычниковъ-агарянъ». Александрійскій патріархъ Іоакимъ съ своей стороны пишетъ Грозному, что «царь является имъ какъ бы второе солнце, утѣшая ихъ надеждою благихъ временъ, дабы и имъ когда-либо избавиться его рукою отъ руки злочестивыхъ... уже воображаютъ въ сердцѣ надежды свои, взирая на него какъ на основаніе и начатокъ благодатнаго воинства, имѣющаго ихъ освободить». Тотъ же александрійскій патріархъ говорилъ въ Константинополѣ царскому послу Благому: «нынѣ достигъ я старости великой, и не велитъ мнѣ Богъ того видѣть, какъ ему (московскому государю) Господь Богъ подастъ наслѣдіе царя Константина и покоритъ всѣ государства къ подножію его; а мы чаемъ того у Бога, что подастъ ему, государю, Господь

Богъ наслѣдіе Константина царя въ недолгое время... я говорю тебѣ отъ книгъ откровенія Ивана Богослова». Это представленіе о московскомъ царѣ, какъ предназначенномъ овладѣть съ теченіемъ времени наслѣдіемъ великаго Константина, какъ объ имѣющемъ освободить всѣ православные народы отъ руки злочестивыхъ, все болѣе укоренялось на востокѣ, пока, наконецъ, не сдѣлалось общимъ вѣрованіемъ, народнымъ убѣжденіемъ. Это понятно. Въ теченіе столѣтій многочисленные просители милостыни со всѣхъ концовъ православнаго востока являлись въ Москву и необходимо повсюду разносили разсказы о могуществѣ и богатствѣ московскаго православнаго царя, о его благочестіи и преданности православію, объ его покровительствѣ и щедрыхъ дарахъ всѣмъ православнымъ, являющимся къ нему за милостынею. При этомъ, побывавшіе въ Москвѣ привозили съ собою и видимые знаки царской щедрости: деньги, соболя, матеріи, церковные сосуды, ризы, иконы, книги, царскія жалованныя граматы. Притѣсняемые и угнетаемые иновѣрнымъ завоевателемъ, православные народы, не видя себѣ ниоткуда помощи и защиты, съ удовольствіемъ слушали, что тамъ въ далекой Москвѣ есть могущественный и сильный православный царь, который всячески радѣетъ и покровительствуетъ всѣмъ православнымъ, царство котораго все болѣе крѣпнетъ и расширяется, который всегда готовъ оказать имъ всякую помощь. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ обстоятельствѣ, что въ средѣ православныхъ покоренныхъ турками народностей сложилось и окончательно укоренилось убѣжденіе, что московскій царь есть покровитель и защитникъ всѣхъ православныхъ народовъ и что ему именно предназначено свыше освободить ихъ изъ рукъ невѣрныхъ. По мѣрѣ того, какъ русское царство крѣпло и расширяло свои предѣлы, и надежды православныхъ на освобожденіе отъ турецкаго ига съ помощью русскихъ становились все болѣе опредѣленными и осязательными и даже породили у нихъ вѣрованіе, что будто бы и у самихъ турокъ существуетъ пророчество о томъ, что Константинополь будетъ взятъ русскими и владычество мусульманъ приходитъ къ концу. Заявленія въ этомъ родѣ не разъ дѣлались гречанами нашему правительству. Въ 1645

году грекъ Иванъ Петровъ совѣтуетъ государю послать противъ турокъ донскихъ казаковъ съ своими ратными людьми, отъ чего турскому будетъ большое посрамленіе и онъ смирится, «потому что въ книгахъ своихъ обрѣтаютъ, что царство ихъ будетъ взято отъ русскаго рода». Въ 1647 году силистрійскій митрополитъ Іеремія показывалъ въ посольскомъ приказѣ: «опасеніе у турчанъ большое отъ донскихъ казаковъ, а отъ нѣмцевъ такого опасенія нѣтъ, потому что де у нихъ описуетъ взяту быть Царьграду съ сея государскіе стороны» [1]). 1650 года янинскій митрополитъ сообщалъ въ Москву, что будто бы одинъ потурчившійся греченинъ говорилъ разъ мѣстнымъ пашамъ: «уже нашъ срокъ отходитъ, что мы владѣемъ, а хотятъ тѣмъ опять владѣть гречане; да и въ книгахъ де о томъ писано, что отъ страны московскіе сядетъ царемъ въ Константинополѣ». То же будто бы подтвердилъ и призванный пашами мусульманскій учитель, почитаемый за святаго, Лезій, который подробно разъяснилъ басурманамъ, «что де сядетъ во Царѣ городѣ отъ сѣверные страны, отъ народа русскаго, а сѣверная де страна— московское государство, и то де время доходитъ». Паисій Лигаридъ, какъ извѣстно, указывалъ на существующее пророчество, что грековъ освободитъ изъ подъ турецкой неволи Алексѣй Михайловичъ. Малороссійскій православный писатель Галятовскій въ своемъ сочиненіи «Лебедь» (1683 г.) пишетъ: «есть у туриновъ пророчество, до сихъ поръ сохраняемое, что полунощный самодержецъ мечемъ своимъ покоритъ и подчинитъ своей державѣ святой градъ Іерусалимъ и все турецкое царство. Этотъ полунощный самодержецъ есть царь и великій князь московскій. Онъ-то истребитъ бусурманскую скверную ересь и до конца погубитъ» [2]). Какъ чутки и воспріимчивы въ этомъ отношеніи были греки, турки и сами русскіе, какъ они во всемъ готовы были видѣть признаки исполненія существующаго пророчества о временномъ господствѣ турокъ въ Константинополѣ, на это

[1]) 7155 г. № 2.

[2]) Костомарова: Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея дѣятелей: выпускъ пятый, стр. 367—370.

указываетъ слѣдующій случай. Въ 1672 году былъ отправленъ посломъ въ Константинополь Василій Даудовъ, который сообщаетъ въ своемъ статейномъ спискѣ: «при немъ Васильѣ въ Царѣ-городѣ, въ великій постъ, на третьей недѣлѣ, въ среду, въ большой мечети, что прежде была благочестивая церковь Софіи премудрости Божіи, во время того, какъ турки чинили мольбище, слышенъ былъ страшный благовѣстъ. Прежде ударили трижды, а потомъ, помѣшкавъ мало, также ударило трижды, и въ третіе потому жъ; и на завтрее того дни, въ четвергъ, былъ слышенъ благовѣстъ противъ того жъ, а въ пятницу, по таковымъ же благовѣстѣ, слышано было литоргисованіе божественной литоргіи греческимъ языкомъ и иже херувимскую пѣснь ангельскими гласы воспѣваема. И о томъ де чудеси учинилось вѣдомо въ Адріанополѣ, и салтанъ де велѣлъ тое бывшую благочестивую церковь запечатать до свѣтлаго Христова воскресенія, и велѣно смотрѣть, что на тотъ превеликій праздникъ изъявится. *Турцы жъ старые люди и ученые говорятъ и конечно чаютъ, что тотъ знакъ отъ самого Бога къ тому, что паки тому государству быти во благочестіи;* а что же послѣ его Васильева поѣзду учинилось, того онъ не вѣдаетъ» [1]).

Особенно сильныя надежды у гречанъ возбудило удачное возстаніе Хмельницкаго противъ поляковъ. Они рѣшились поддерживать это возстаніе всѣми средствами и приняли въ немъ самое живое и дѣятельное участіе. Хорошо понимая, что Хмельницкому трудно справиться съ поляками своими собственными только силами, не сочувствуя въ то же время его союзу съ татарами, гречане, съ самаго начала, всѣ свои усилія направили на то, чтобы, съ одной стороны, побудить Хмельницкаго и всѣхъ казаковъ отдаться въ подданство московскому православному царю, а съ другой стороны, чтобы Москва приняла это подданство и немедленно послала свои войска на помощь Хмельницкому. Задача была трудная: Москва подозрительно относилась къ возставшимъ казакамъ, не хотѣла изъ-за нихъ разрывать своего мира съ Польшею и потому упрямо отказывалась отъ содѣйствія

[1]) Тур. стат. списки, № 13, л. 57.

Хмельницкому, и отъ принятія его въ свое подданство. Съ своей стороны, Хмельницкій сильно былъ недоволенъ Москвою, не разъ публично бранилъ московское правительство и даже грозилъ, вмѣстѣ съ татарами, заглянуть въ Москву. Несмотря на естественное тяготѣніе между великою и малою Русью, ихъ соединеніе однако постоянно встрѣчало много препятствій, и если оно совершилось все-таки сравнительно скоро и благополучно, то справедливость требуетъ признать, что это было, въ значительной степени, дѣломъ посредничества разныхъ гречанъ. Самую видную и дѣятельную роль въ возстаніи Хмельницкаго и въ дѣлѣ присоединенія Малороссіи къ Москвѣ игралъ, прежде всего, іерусалимскій патріархъ Паисій. Онъ вступилъ въ сношенія съ Хмельницкимъ, еще когда находился въ Молдавіи, готовясь отправиться въ Москву. 1 декабря 1648 года пріѣхали въ Москву за милостынею старцы аѳонскаго Зографскаго монастыря, которые въ посольскомъ приказѣ заявили, что они выѣхали изъ Молдавіи въ октябрѣ вмѣстѣ съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ и 19 пріѣхали въ литовскій городъ Винницы, гдѣ патріархъ и остался для того, что изъ Молдавіи посылалъ онъ гетману, а кого и для чего, того не знаютъ. Послѣ этой посылки отъ патріарха изъ Молдавіи, гетманъ прислалъ къ нему полковника, который, прибывъ съ ними въ Винницу, отправился оттуда къ гетману, а патріархъ остался ждать вѣсти отъ гетмана въ Винницѣ, но о чемъ межъ ними ссылка была,—они не знаютъ [1]). Въ Кіевѣ Паисій видѣлся съ Хмельницкимъ, благословилъ его на рѣшительную борьбу съ поляками, убѣждалъ его принять подданство московскому царю и взялся хлопотать объ этомъ въ Москвѣ, куда онъ отправился въ качествѣ уполномоченнаго отъ Хмельницкаго, пославшаго съ нимъ своего полковника Силуяна Мужеловскаго. Въ Москвѣ уже знали о сношеніяхъ патріарха съ гетманомъ, почему приставу, назначенному провожать патріарха отъ Путивля до Москвы, наказано было разспросить Паисія про Хмельницкаго и вообще про малороссійскія и польскія дѣла, «а провѣдовати Ѳедору (приставу) приказано было про то, опознався съ нимъ гораздо въ разговорѣхъ,

[1]) 7157 г. № 6.

а не явно». По прибытіи въ Москву къ Паисію посланъ былъ, 29 января, думный дьякъ Михаилъ Волошениновъ спросить его о здоровьи «и о дѣлѣхъ съ нимъ поговорити». Патріархъ говорилъ дьяку: «какъ де онъ патріархъ былъ въ Кіевѣ и приказывалъ отъ себя къ гетману Хмельницкому, что онъ человѣкъ крестьянскіе вѣры, а, сложась съ бусурманы, многіе христіанскіе крови пролилъ, а ему, де было о томъ мочно сослаться съ царскимъ величествомъ. И гетманъ де писалъ къ нему патріарху, что ему о помочи писать было неколи, а покамѣсто было имъ о помочи писать, а ляхи-бъ ихъ всѣхъ побили и вѣру искоренили, и онъ де по ссылкѣ съ татары сложася, противъ поляковъ за православную христіанскую вѣру стоялъ. Да гетманъ же Хмельницкій писалъ къ нему патріарху, что онъ ко государю о помочи писалъ, чтобъ онъ, государь, ему гетману на поляковъ помочь велѣлъ учинить и войною на нихъ съ своей стороны послалъ и свои городы, которые отъ московскаго государства къ нимъ, полякамъ, отошли, ихъ поималъ; и онъ де гетманъ, съ своей стороны, съ войскомъ на поляковъ пойдетъ же и ему, государю помогати учнетъ, а только бы де государь на то изволилъ, что свои государевы городы у поляковъ отымать, и онъ бы де гетманъ всѣ городы и до Смоленска подъ государеву руку подвелъ, и онъ де великій государь помочи имъ черкасомъ учинити и городовъ у нихъ взяти не изволилъ. А нынѣ они, гетманъ и все войско запорожское, велѣли ему, патріарху, бить челомъ царскому величеству, чтобы онъ, великій государь, изволилъ войско запорожское держать подъ своею государскою рукою, а они черкасы будутъ ему государю какъ есть каменная стѣна, и чтобъ онъ, государь, имъ помочь учинилъ ратными людьми, а они черкасы ему государю впередъ будутъ надобны. И онъ де патріархъ Хмельницкому говорилъ, чтобъ они всегда искали его царскіе милости. И гетманъ говорилъ, что онъ весь въ его государевѣ волѣ, какъ государь велитъ, такъ онъ и дѣлать радъ. И о томъ де у гетмана будетъ сеймъ, а съ сейму пришлетъ ко государюословъ, а что на сеймѣ приговорятъ и съ какимъ дѣломъ ко государю гетманъословъ пришлетъ, того де онъ не вѣдаетъ. Да онъ де патріархъ, какъ у нихъ черкасовъ былъ, и онъ всю ихъ мысль видѣлъ,

что они подъ государевою рукою быти желаютъ». Когда Паисій уѣзжалъ изъ Москвы, то онъ обратился къ правительству съ просьбою, чтобы оно дало ему положительный отвѣтъ на предложеніе Хмельницкаго о подданствѣ. Тогда государь приказалъ ѣхать къ Паисію и «объявить ему про вѣчное докончанье словомъ боярину и дворецкому Алексѣю Михайловичу Львову, да думному дьяку Михаилу Волошенинову». Посланные должны были передать патріарху слѣдующее рѣшеніе государя: такъ какъ у царя съ Польшею заключенъ вѣчный миръ, то «его царскому величеству его государевыхъ ратныхъ людей на помочь войску запорожскому, за вѣчнымъ докончаньемъ, дати и войска запорожскаго съ землями въ царскаго величества сторону приняти нельзя и вѣчнаго покончанья никакими мѣрами нарушить немочно. А будетъ гетманъ Хмельницкій и все запорожское войско своею мочью у короля и у пановъ рады учинятца свободны и похотятъ быти въ подданствѣ за великимъ государемъ нашимъ, за его царскимъ величествомъ, безъ нарушенья вѣчнаго докончанья, и великій государь нашъ, его царское величество, его гетмана и все войско запорожское пожалуетъ подъ свою царскаго величества высокую руку, принять велитъ».—«И патріархъ говорилъ: про то де, что у царскаго величества съ короли польскими и великими князи литовскими и съ Польшею и Литвою вѣчное докончанье ему, патріарху было невѣдомо, а коли де межь обоими великими государи и ихъ великими государствы вѣчное докончанье, и онъ де патріархъ и самъ то знаетъ, что ему великому христіанскому государю, его царскому величеству, того вѣчнаго утверженья по дѣлу нарушить немочно, а надобно остерегати. А казаки де запорожскіе люди простые, говорятъ не знаючи ничего».—«И патріарху говорено: а будетъ черкасомъ за православную христіанскую вѣру учинитца тѣснота и гоненье, а пойдутъ они въ царскаго величества сторону и великій государь нашъ, его царское величество, для православные христіанскіе вѣры ихъ пожалуетъ, велитъ приняти безъ земель, потому что послѣ вѣчнаго докончанья съ обѣ стороны переходить повольно». — «И патріархъ на государевѣ жалованьи билъ челомъ, что де царское величество пожаловалъ, велѣлъ ему о вѣчномъ докончаньи объявить, и онъ

на государевѣ жалованьи челомъ бьетъ, и какъ будетъ въ войскѣ запорожскомъ и онъ имъ про то скажетъ». [1]). Такимъ образомъ іерусалимскій патріархъ Паисій явился въ Москву въ качествѣ уполномоченнаго отъ Хмельницкаго и казаковъ уладить дѣло о присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ. Но его посредничество не имѣло успѣха: на его предложеніе московское правительство отвѣчало рѣшительнымъ отказамъ, оно не хотѣло ни помогать казакамъ, ни принимать ихъ въ свое подданство. Паисій остался очень недоволенъ неудачею своего посольства, что онъ не разъ и выражалъ потомъ открыто сопровождавшему его до Молдавіи Арсенію Суханову. Но неудача не охладила однако участія патріарха къ дѣлу казаковъ и не измѣнила его убѣжденія, что казаки должны принять подданство московскому царю. Въ этомъ духѣ Паисій энергично продолжалъ дѣйствовать изъ Молдавіи, гдѣ онъ поселился, стараясь вліять, съ одной стороны, на Хмельницкаго, съ другой—на московское правительство. Въ этихъ видахъ онъ послалъ изъ Молдавіи къ Хмельницкому, вмѣстѣ съ Арсеніемъ Сухановымъ, назаретскаго митрополита Гавріила, который долженъ былъ посредничать между гетманомъ и Москвою, съ цѣлью привести ихъ къ соглашенію. Гавріилъ, дѣйствительно, отправился къ Хмельницкому и, послѣ переговоровъ съ нимъ, получивъ отъ него полномочія, поѣхалъ въ Москву, чтобы склонять государя принять въ свое подданство казаковъ. Хмельницкій въ особой граматѣ къ государю просить его надѣлить митрополита милостынею и затѣмъ пишетъ: «тому-жъ преосвященному отцу митрополиту назаретскому о дѣлехъ добрыхъ, къ вѣрѣ нашей православной належачихъ, твоему царскому величеству потребныхъ, словесно говорити поручили есмя, которому изволь ваше царское величество милостиво ухо преклонити и во всемъ вѣрити, какъ намъ самимъ, понеже онъ изустное наученіе отъ насъ имѣетъ». Порученіе Гавріила къ государю отъ гетмана было то же, что и порученіе Паисія: просить государя, чтобы онъ принялъ казаковъ въ свое подданство и оказалъ имъ помощь войскомъ. Митрополитъ, между прочимъ, показывалъ въ Москвѣ, что онъ былъ

[1]) 7157 г. № 7.

посланъ, вмѣстѣ съ Сухановымъ, къ Хмельницкому отъ патріарха Паисія, послѣ того, какъ тотъ узналъ, что гетманъ соединился съ татарами, чтобы напасть на московскую Украйну. Митрополитъ отъ имени патріарха долженъ былъ остановить гетмана отъ этого шага и пригрозить ему отлученіемъ отъ христіанства. Изъ своихъ переговоровъ съ Хмельницкимъ Гавріилъ передалъ въ Москвѣ слѣдующее: Хмельницкій говорилъ митрополиту, «что де онъ приказу отца своего духовнаго, блаженнѣйшаго патріарха Паисія, ничѣмъ не преслушаетъ», но тутъ же выразилъ и сильное неудовольствіе на то, что царь «ихъ челобитья и прошенья не призрѣлъ», не принялъ ихъ подъ свою высокую руку. Гетманъ говорилъ митрополиту: «ему Хмельницкому на государствѣ быть непристойно, — не тое природы человѣкъ, а великій де государь, его царское величество, издавна государскаго благочестиваго корени природный государь, отъ колѣна благочестиваго великаго князя Владимира Мономаха и ими владѣть ему государю пристойно, понеже великій христіянскій государь благочестивый подъ солнцемъ единъ. И они ему великому государю поклоняются и хотятъ раби его быти, и чтобъ де великій государь, для подлиннаго увѣренія, изволилъ къ нимъ прислать кого-нибудь съ своею царскою грамотою, съ милостивымъ указомъ, чтобъ имъ на его государеву милость быть надежнымъ, и велѣлъ бы прислати къ нимъ въ полкъ свое государево знамя, а они де въ его государевѣ во всемъ повелѣніи быти готовы и его государева указу ожидаютъ съ радостью; а какъ де его государевъ указъ о томъ къ нимъ будетъ, и онъ де, Хмельницкій, во всѣхъ тѣхъ городѣхъ, которыми нынѣ владѣетъ, посадитъ воеводъ отъ царскаго величества и крѣпости всякія въ городѣхъ учнетъ чинити» [1]). Въ то же время прибылъ въ Москву изъ Константинополя грекъ Исаія Остафьевъ съ товарищами. Онъ, между прочимъ, заявилъ, что, когда онъ былъ въ Молдавіи, призывалъ его къ себѣ іерусалимскій патріархъ Паисій въ городѣ Тарговицѣ и велѣлъ ему объявить въ Москвѣ въ посольскомъ приказѣ, чтобы царское величество гетмана Хмельницкаго и войско его жало-

[1]) 7159 г. № 11.

валъ. Съ этимъ же грекомъ патріархъ прислалъ письмо за своею печатью Ильѣ Даниловичу Милославскому и приказывалъ сказать словесно, что прежде сего, когда предъ волошскою войною крымскій ханъ хотѣлъ идти на московское государство и гетманъ писалъ къ патріарху, что ханъ проситъ у него себѣ людей на помощь, то патріархъ отвѣчалъ гетману, «что буде онъ на московское государство начнетъ давать помощь крымскому хану, то всѣ они, вселенскіе патріархи, собравшись, учинятъ соборъ и предадутъ проклятію и христіаниномъ называть его не будутъ, и чтобы бы онъ гетманъ съ своимъ войскомъ царскому величеству всеконечно покорность учинилъ и поклонился, потому что христіанскій государь подъ солнцемъ единый» [1]). Такимъ образомъ патріархъ Паисій, проживая въ Молдавіи, внимательно однако слѣдилъ за ходомъ дѣлъ въ Малороссіи, поддерживалъ постоянно дѣятельныя сношенія и съ гетманомъ и съ московскимъ правительствомъ, склоняя обѣ стороны къ союзу и окончательному соединенію и, по возможности, устраняя изъ ихъ отношеній все, что могло вести къ недоразумѣніямъ и разрыву между ними.

Въ томъ же духѣ, какъ и Паисій, дѣйствовалъ на Хмельницкаго и константинопольскій патріархъ. Въ 1651 году прислалъ свои отписки съ разными вѣстями архимандритъ Амфилохій, который, между прочимъ, извѣщалъ, что отъ гетмана былъ присланъ къ визирю для переговоровъ полковникъ, который былъ принятъ турецкимъ правительствомъ съ большою честію и послѣ свиданія съ визиремъ былъ и у патріарха. Послѣдній тайно у себя въ келліи, чрезъ посредство Амфилохія, говорилъ полковнику многія добрыя слова про великаго государя и велѣлъ всѣ сіи слова сказать самому гетману безстрашно. А говорилъ онъ ему, что не слѣдуетъ гетману ходить войною на московское государство, какъ единовѣрное, а слѣдуетъ всегда дѣйствовать заодно съ нимъ, а если гетманъ допуститъ совершиться такому беззаконному дѣлу, то онъ уподобится Каину, который убилъ своего брата Авеля, и Богъ почтетъ его какъ братоубійцу. Патріархъ заклиналъ полковника, «ради Бога и своей

[1]) Ibid. № 17.

души» передать все это гетману. Полковникъ клятвенно обѣщался исполнить просьбу патріарха, но въ то же время жаловался, что Москва не только не платитъ имъ, какъ прежде, жалованья, но и не помогла имъ «ни словомъ, ни дѣломъ» въ нужное время. Патріархъ отвѣчалъ на жалобы полковника, что онъ будетъ писать великому государю про жалованье и про всякія дѣла великаго войска и полковникъ билъ челомъ до земли вселенскому патріарху, чтобы онъ обо всемъ писалъ великому государю. Патріархъ угостилъ у себя столомъ полковника и отпустилъ его съ великою честью, приказывая, чтобы гетманъ писалъ къ нему о государевомъ дѣлѣ противъ того письма, какое онъ патріархъ пошлетъ къ нему. Послѣ этого патріархъ послалъ Амфилохія къ полковнику съ грамотою къ гетману, припоминая полковнику всѣ свои рѣчи о великомъ государѣ, и полковникъ снова обѣщалъ довести ихъ до гетмана [1]).

Кромѣ вселенскихъ патріарховъ и другіе греки, какъ духовные, такъ и мірскіе, принимали самое живое и дѣятельное участіе въ присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ, служа посредниками между Москвою и Хмельницкимъ и склоняя обѣ стороны къ соединенію. Такъ, коринескій митрополитъ Іоасафъ, жившій при гетманѣ, не только поощрялъ его и все казачество на рѣшительную борьбу съ поляками, но и находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ московскимъ правительствомъ, убѣждая его принять казаковъ въ свое подданство. Въ 1651 году, Іоасафъ писалъ государю, что онъ находится при гетманѣ и убѣждаетъ его, чтобы онъ отдался Москвѣ. Митрополитъ увѣряетъ царя, что все казачество поцѣлуетъ крестъ на подданство государю и будетъ ему вѣрнымъ работникомъ, защитой отъ татаръ и ляховъ, а за свою службу «жалованья отъ царствія вашего они не просятъ, только бы быти имъ работниками царствію вашему, и Божіимъ изволеніемъ возьмешь города свои отъ ляховъ, ибо завладѣешь всѣми городами литовскими, и учинится соединеніе и единое христіанство». Въ то же время митрополитъ извѣщалъ государя, «что пріѣхалъ вѣрный рабъ царствія вашего господинъ Иванъ Петровъ (Тафрали) и радѣлъ зѣло

[1]) Ibid. № 29

о вашемъ царскомъ дѣлѣ и обо всемъ онъ будетъ вамъ изустно сказати». Дѣйствительно, грекъ Иванъ Петровъ былъ отправленъ изъ Москвы ранѣе къ гетману для переговоровъ, и теперь онъ возвратился въ Москву отъ Хмельницкаго «съ тайнымъ приказомъ, да съ нимъ же присланы къ государю отъ гетмана посланцы съ листомъ»; онъ же привезъ къ государю и грамоту коринескаго митрополита. О важности порученія, возложеннаго правительствомъ на грека Ивана Петрова, посланнаго къ гетману, можно видѣть изъ заявленія грека Димитрія, который 28 февраля, того же 1651 года, показывалъ въ Москвѣ, что «будучи у гетмана, онъ просилъ у него граматы къ государю, но гетманъ сказалъ ему, что уже послалъ грамату съ Иваномъ Петровымъ и о чемъ писалъ, въ томъ твердо стоять будетъ; хочетъ быть во единой христіанской вѣрѣ и надѣется на помощь Божію, что побѣдитъ недруговъ своихъ, и хочетъ быть, если Богъ произволитъ, во единомъ благочестіи» [1]). Въ томъ же 1651 году прислалъ въ Москву грамату и патріаршій экзархъ, приконійскій митрополитъ Іеремія, за годъ передъ тѣмъ бывшій въ Москвѣ. Іеремія сообщалъ государю, что на обратномъ пути изъ Москвы онъ встрѣтился съ гетманомъ, у котораго были собраны огромныя войска. При гетманѣ находились тогда послы молдавскій, турецкій и венгерскій. Гетманъ разспрашивалъ митрополита о государѣ, такъ какъ молдавскій посолъ, ѣхавшій изъ Москвы, сообщилъ ему, будто бы онъ видѣлъ при московскомъ дворѣ литовскаго посла, которому государь обѣщалъ помощь противъ гетмана, о чемъ тотъ кручинился и былъ гнѣвенъ. Но экзархъ съ клятвою сказалъ ему, что слова молдавскаго посла были ложны, ибо благочестивый христіанскій государь наипаче радѣетъ о благочестіи. На это гетманъ сказалъ ему: московскіе люди лживы и въ словахъ своихъ не стоятъ, а я радѣю о любви Христовой и всю надежду имѣю на государя, да поможетъ мнѣ воевать своихъ недруговъ, а царь не имѣетъ готовыхъ ратныхъ людей ни съ которой стороны. А мы, хотя и не вѣдали, пишетъ митрополитъ, но сказали, что многолѣтній царь ляховъ ненавидитъ и хочетъ на нихъ

[1]) Ibid. №№ 19, 28.

ратныхъ людей послать, чтобы очистить мѣста свои отъ нихъ и города свои взять, которыми они завладѣли, и гетману помочь. Гетманъ спросилъ: подлинно ли будетъ такъ? и мы ему сказали: по истинному Богу повѣрь, что будетъ такъ. И потомъ сердце гетмана утишилось, и говоритъ онъ, что для христіанства и царя онъ радѣетъ и трудится, какъ произволитъ его царствіе. Потомъ гетманъ спрашивалъ про христіанъ, которые живутъ у турокъ, какъ они пребываютъ? Мы ему сказали, что они всегда въ гоненіи и тѣснотѣ ради податей, что у нихъ просятъ, и насильствомъ у нихъ отнимаютъ дѣтей и бусурманятъ, и онъ противъ того сказалъ: уповаю на силу всемогущаго Бога, да освободятся скоро [1]). Въ 1653 году въ Москву прибылъ съ рекомендательными граматами отъ трехъ восточныхъ патріарховъ митрополитъ Навпакта и Арты Гавріилъ. Съ нимъ гетманъ прислалъ къ государю грамату, въ которои писалъ: «мы поручили митрополиту устнымъ разговоромъ передать о вашихъ царскихъ дѣлахъ». Гавріилъ заявилъ въ посольскомъ приказѣ, что будучи у гетмана, онъ говорилъ ему: для чего онъ имѣетъ съ собою татаръ и плѣняетъ бѣдныхъ христіанъ единовѣрцевъ нашихъ? Какое общеніе есть свѣту съ тьмой? Гетманъ отвѣчалъ: дѣлаю то по неволѣ, чтобы мнѣ побѣдить недруговъ своихъ, потому что великій государь московскій и прочіе единовѣрные христіане мнѣ не помогаютъ; писалъ я многажды, но они все сказываютъ, что нынѣ да завтра и никогда въ совершеніе не приводятъ, а нынѣ время, — только бы захотѣли, могли бы взять Смоленскъ и другіе города и имѣли бы меня своимъ во всемъ своемъ произволеніи. Да еще слышалъ онъ, будто ляхи просили у государя помощи, предлагая отдать Смоленскъ и будто государь обѣщалъ дать помощь ляхамъ, но онъ митрополитъ завѣрилъ гетмана, что дѣло такое сбыться не можетъ, а что, напротивъ, государь пошлетъ ему помощь. Если угодно государю, то на обратномъ пути митрополитъ готовъ передать гетману все, что будетъ приказано, и готовъ служить государю до самой своей смерти [2]).

[1]) Ibid. № 37
[2]) 7161 г № 5

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ присоединенія Малороссіи гречане играли очень видную и дѣятельную роль, какъ посредники между Хмельницкимъ и Москвою. Они вліяли, съ одной стороны, на Хмельницкаго, всячески убѣждая его принять подданство московскому царю, успокоивая его подозрительность и недовольство Москвою за ея бездѣйствіе, сдерживая и остерегая его отъ такихъ поступковъ, которые бы сдѣлали невозможнымъ соединеніе съ Москвою, и постоянно поддерживали въ немъ надежду, что царь сочувствуетъ казакамъ и готовъ оказать имъ дѣятельную помощь, такъ какъ онъ ненавидитъ ляховъ. Съ другой стороны, въ Москвѣ гречане постоянно твердили о необходимости принять казаковъ подъ высокую руку царя и оказать имъ дѣятельную поддержку противъ поляковъ, выставляли на видъ, что казаки искренно преданы московскому единовѣрному царю, желаютъ быть его подданными, что они будутъ для московскаго государства стѣною противъ поляковъ и крымцевъ, старались ослабить и смягчить въ Москвѣ то впечатлѣніе, какое производили здѣсь извѣстія о союзѣ Хмельницкаго съ заклятыми врагами Руси—татарами, объ его попыткахъ заключить союзъ съ турками и т. под. Вообще роль гречанъ во всемъ этомъ дѣлѣ была посредническая, примиряющая, имѣвшая въ виду конечное и всецѣлое присоединеніе Малороссіи къ Москвѣ, образованіе изъ нихъ единаго сильнаго и могучаго православнаго царства, которое бы потомъ могло послужить гречанамъ и всѣмъ другимъ покореннымъ турками православнымъ народамъ орудіемъ для ихъ освобожденія отъ ига невѣрныхъ. Что не одно только единовѣріе и естественное сочувствіе къ угнетеннымъ руководили въ этомъ случаѣ гречанами, но и болѣе практическіе расчеты, это видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Арсеній Сухановъ, сопровождавшій іерусалимскаго патріарха Паисія и по его порученію пріѣзжавшій изъ Молдавіи въ Москву, 11 декабря 1649 года, докладывалъ въ посольскомъ приказѣ: «а приказывалъ де съ нимъ іерусалимскій патріархъ словесно, а велѣлъ извѣстить государю: прежде де сего писалъ онъ къ государю, что турскій царь велѣлъ крымскому царю идти на Русь войною, а нынѣ де въ совѣтѣ волоскій воевода Василій съ мутьянскимъ воево-

дою Матвѣемъ и съ запорожскими черкасы и хотятъ на лѣто итти на Царь-городъ. И патріархъ велѣлъ о томъ государю объявити, чтобъ онъ, великій государь, велѣлъ съ своей царскаго величества стороны итти моремъ, хотя малыми людьми. И въ то время, слыша про то, пойдутъ подъ Царь-городъ сербяне и гречане и волоской и мутьянской воеводы со всѣми людьми; а нынѣ де турскаго сила изнемогаетъ, потому, что веницѣяне одолѣваютъ. А приказывалъ де онъ про то объявить, слышавъ подлинно. Говорятъ де всѣ христіане, чтобъ имъ то видѣть, чтобы Царьградомъ владѣти великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, нежели нѣмцомъ» [1]). Очевидно, что у іерусалимскаго патріарха, по поводу неудачъ турокъ въ войнѣ съ венеціанами и успѣховъ Хмельницкаго въ борьбѣ съ поляками созрѣлъ цѣлый грандіозный планъ о всеобщемъ возстаніи всѣхъ покоренныхъ турками народностей противъ своихъ притѣснителей. Какъ видно, этотъ планъ патріархъ сообщилъ Хмельницкому и нашелъ у него сочувствіе, такъ какъ Хмельницкому не чужда была мысль о борьбѣ казаковъ противъ невѣрныхъ съ цѣлью освобожденія православныхъ народовъ. Живя, по возвращеніи изъ Москвы, въ Молдавіи, Паисій успѣлъ склонить въ пользу своего плана господарей молдавскаго и валахскаго, стараясь тѣснѣе соединить ихъ съ Хмельницкимъ въ видахъ предполагавшейся борьбы съ турками [2]). Но для успѣха всего предпріятія необходимо было участіе русскихъ, которое бы придало всему движенію порабощенныхъ народностей единство, прочность и силу.—русскіе должны были составить ядро, вокругъ котораго сгруппировались бы всѣ другія мелкія народности, сами по себѣ слишкомъ разъединенныя, раздробленныя и

[1]) 7157 г. № 22

[2]) Въ 1651 году кессарійскій митрополитъ писалъ въ Москву: «туркамъ не любо, что Василій воевода выдалъ дочь свою за сына Хмельницкаго, хотя Василій и извинялся, что сдѣлалъ это неволею, послѣ раззоренія. Отъ султана было къ нему писано: что и въ Царьградѣ можно было бы для нея сыскать честныхъ людей, а нынѣ дочь его хоть собакамъ кинь» (7159 г. № 17). Въ 1652 году грекъ Димитрій Ивановъ сообщалъ въ Москвѣ: «турки опасаются, что Хмельницкій будетъ въ сватовствѣ съ Молдавскимъ воеводою Василіемъ, а мутьянскій Матвѣй отпускаетъ на свадьбу жену свою, и какъ они соединятся, то что нибудь надъ ними (турками) промыслятъ». (7160 г. № 36).

потому, безсильныя для борьбы съ своими угнетателями. Планъ былъ задуманъ широко, но, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, рѣшительно неисполнимъ, такъ какъ Москва вовсе не думала пускаться въ рискованную борьбу съ Турціей, опираясь только на сомнительную возможность поддержки со стороны покоренныхъ турками различныхъ православныхъ народностей. Даже съ Польшей, какъ потомъ оказалось, ей было трудно справиться. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ русскіе не могли и думать о борьбѣ съ Турціей, въ видахъ освобожденія православныхъ народовъ. А между тѣмъ присоединеніе Малороссіи и первые блестящіе успѣхи русскихъ въ войнѣ съ поляками произвели на востокѣ самое глубокое впечатлѣніе. Грекамъ стало казаться, что уже наступилъ часъ ихъ освобожденія, что московскій царь, покончивши съ поляками, начнетъ затѣмъ борьбу съ турками для освобожденія своихъ единовѣрцевъ, которые съ нетерпѣніемъ ожидаютъ появленія среди себя царскихъ войскъ, чтобы вмѣстѣ съ ними ударить на своего поработителя и окончательно уничтожить его господство надъ христіанами. Въ этомъ духѣ греки не разъ дѣлали заявленія московскому правительству. Такъ, въ 1655 году грекъ Мануилъ Юрьевъ давалъ въ Москвѣ слѣдующее показаніе: «Въ Царь-городѣ говорятъ, сообщалъ Мануилъ, что если государь взялъ Смоленскъ, городъ крѣпче Царяграда, и какъ завоюетъ Литву, тогда и турскому царству отъ войны и раззоренья не избыть. У нихъ вѣдомо, что у государя ратныхъ людей 600,000, а если государь пришлетъ на турокъ 50 или 60 тысячъ, то у нихъ многіе христіане къ нимъ пристанутъ и на каждаго турка будетъ по десяти христіанъ» [1]). Въ слѣдующемъ 1656 году грекъ Павелъ Кондратьевъ показывалъ въ Москвѣ: «а въ прошломъ во 163 году, какъ послышали въ Царь-городѣ турки, что государь пошелъ на польскаго короля и многіе городы поималъ, и они де всѣ были страшны добрѣ; а какъ де услышали, что государь изволилъ возвратитца къ Москвѣ, и они де о томъ обрадовались, а только де послышатъ, что государь въ нынѣшнемъ году пойдетъ въ походъ и турки

[1]) 7163 г. № 14.

де всѣ учнутъ страшитца. А румельская де страна всѣ Бога молютъ, чтобы Богъ далъ государю на непріятелей побѣду, а только де государь изволитъ хоть малыхъ людей прислать къ нимъ для славы, и они бъ де всѣ тому обрадовались и на турковъ съ государевыми людьми возстали собча, а болгары де и сербы всѣ того желаютъ же и на турковъ начнутъ стоять собча. А венгерскій де Ракоцъ съ волоскимъ воеводою въ дружбѣ, а молдавскій де владѣтель поневолѣ съ ними въ дружбѣ, потому что предъ нами безсиленъ» [1]). Въ томъ же году отъ 5 іюня писалъ въ Москву бывшій константинопольскій патріархъ Іоанникій: «мы въ сіи времена скитаемся во всякихъ бѣдахъ и въ скудости и иныхъ надеждъ не имѣемъ кромѣ святаго вашего царствія, и слыша нынѣ, что покоряются вамъ враги, радуемся и печаль свою забываемъ и уповаемъ впредь о державѣ святаго вашего царствія, да возможете и восточную всея вселенныя церковь подъ высокую свою руку воспріять по благодати милостиваго Бога» [2]). Въ 1657 году греческій учитель и философъ Николай Морицкій показывалъ въ Москвѣ, что, находясь въ Чигиринѣ, онъ говорилъ гетманскому писарю: «Румельской страны греки, слыша, что царь московскій пошолъ на войну, всѣ соединились и положили, какъ только услышатъ, что казаки съ царскими войсками перешли Дунай, къ нимъ присоединиться; въ сборѣ ихъ до 30,000, да албанцевъ 20,000, которые, когда была война турокъ съ венеціанами, весь запасъ турецкій отбили и отдали армадѣ венеціанской, а въ Венецію послали, чтобы всѣхъ ихъ женъ и дѣтей перевести на ихъ острова, но венеціане не хотѣли имъ помогать; а гетману съ Московскимъ царемъ можно такое боголюбезное дѣло учинить и христіанъ освободить, потому что нынѣ турки обезсилѣли и имѣютъ междоусобную брань. А если христіане братію свою освободить не хотятъ, то за сіе дадутъ отвѣтъ Богу» [3]). Въ томъ же 1657 году венеціанскіе греки, посѣтивши находившагося въ Венеціи русскаго посла Чемоданова, говорили ему: «ѣздимъ де мы изъ Венеціи въ турскую землю со всякими товары по часту, и съ турскими людьми торгуемъ; и турскіе де люди многіе

[1]) 7164 г № 17.
[2]) 7164 г № 24.
[3]) 7165 г. № 10

говорили предъ нами: Божіимъ де изволеніемъ и счастіемъ великаго государя московскаго, Богъ ему далъ на поляковъ и иныхъ государствъ побѣду; и у нихъ де въ турской землѣ во всей и во всѣхъ государствахъ ихъ слава о томъ великая; и турской де царь и ихъ паши всѣ, сыскавъ въ письмахъ своихъ гадательныхъ, и говорятъ, что то время пришло, что Царю-граду быти за нимъ же государемъ; и живутъ съ великимъ опасеніемъ и у Царягорода на многое время ворота бываютъ засыпаны; и учали де имъ гречанамъ чинить всякое утѣсненіе, и мы де на милость Божію и на заступленье великаго государя... надѣемся, чтобъ онъ великій государь, его царское величество, своими государскими молитвами и счастіемъ изъ бусурманскихъ рукъ изъ порабощенія насъ православныхъ христіанъ греческаго закона высвободилъ» [1]). Не остался безучастнымъ зрителемъ царскихъ побѣдъ и іерусалимскій патріархъ Паисій. Мысль еще болѣе усилить Россію и сдѣлать изъ нея вѣрное и надежное орудіе для своего освобожденія отъ турокъ побуждаетъ его хлопотать о присоединеніи къ Россіи, вслѣдъ за Малороссіею, и Молдавіи, благодаря чему Россія прочно стала бы на Дунаѣ и могла бы войти въ непосредственную связь и сношенія съ порабощенными турками народами. Въ этомъ духѣ и дѣйствуетъ теперь Паисій. Какъ въ 1649 году онъ явился въ Москву въ качествѣ уполномоченнаго отъ Хмельницкаго, съ предложеніемъ царю принять казаковъ въ свое подданство, такъ и теперь, въ качествѣ уполномоченнаго отъ молдавскаго воеводы, онъ обращается къ Алексѣю Михайловичу (въ 1655 году, 8 октября) съ просительною грамотою (присланною въ Москву съ грекомъ Мануиломъ Константиновымъ), о принятіи въ покровительство и оборону молдавскаго владѣтеля со всею его землею, которую агаряне часто набѣгами своими опустошаютъ, святые храмы оскверняютъ и христіанъ берутъ въ полонъ [2]). Вслѣдъ за этимъ посланіемъ Паисія послѣдовало, въ слѣдующемъ 1656 году, и офиціальное предложеніе, привезенное митрополитомъ молдавскимъ Гедеономъ, принять, подобно Хмельниц-

[1]) Древн. вивл. т. IV, стр. 256.
[2]) Реэстръ греческимъ граматамъ № 137, 1656 года, октября 8. Къ сожалѣнію, самой граматы патріарха мы не нашли.

кому, и молдавскаго владѣтеля въ подданство Россіи. Подъ просительною граматою между прочимъ подписался и антіохійскій патріархъ Макарій, который при этомъ свидѣтельствовалъ, что и іерусалимскій патріархъ Паисій одобряетъ это дѣло [1]).

Надежды гречанъ, что московскій царь, присоединивъ къ себѣ Малороссію и побѣдивъ поляковъ, двинется потомъ и противъ турокъ, чтобы освободить православные народы, рѣшительно не оправдались,—даже не вся Малороссія отошла къ Москвѣ, а только часть ея. Несмотря на такой исходъ широкихъ и блестящихъ надеждъ, возбужденныхъ на востокѣ присоединеніемъ Малороссіи и первыми успѣхами русскихъ въ войнѣ съ поляками, теперь однако становилось для всѣхъ очевиднымъ, что православный востокъ ждетъ отъ русскихъ не только милостыни и прибѣжища на случай гоненія, но и своего освобожденія отъ турецкаго ига. Русь, по мысли православныхъ народовъ, должна была вступить въ открытую борьбу съ Турціей, чтобы освободить своихъ единовѣрцевъ, которые всегда готовы примкнуть къ ней и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ появленія въ средѣ своей царскихъ войскъ, чтобы возстать и бороться противъ своихъ притѣснителей; русскому православному царю, наслѣднику и преемнику древнихъ благочестивыхъ греческихъ царей, предназначено свыше овладѣть самымъ Константинополемъ, изгнавъ изъ него безбожныхъ агарянъ; царство великаго Константина снова будетъ возстановлено, и именно русскими. Такъ естественно и само собою въ отношеніи Россіи къ православному востоку привзошелъ и политическій элементъ: на русское правительство возлагалась теперь новая и важная обязанность—не просто только милостынею поддерживать православіе на востокѣ, но и стремиться силою оружія освободить своихъ единовѣрцевъ отъ турецкаго ига. Эти представленія о политической роли русскаго государства относительно порабощеннаго востока, опиравшіяся на дѣйствительномъ ростѣ и быстромъ развитіи политическаго могущества Россіи, разъ возникнувъ и открыто заявивъ себя, никогда уже болѣе не исчезали, но все глубже и глубже входили въ сознаніе порабощенныхъ турками православныхъ народовъ, тѣмъ болѣе что другого православнаго царства,

[1]) Полн. собр. зак. № 180.

на которое бы они могли перенести свои завѣтныя чаянія о возвращеніи себѣ свободы и самостоятельности, не было. Въ концѣ XVII вѣка эти чаянія покоренныхъ турками православныхъ народовъ снова заявили себя и съ особою силою. Въ сентябрѣ 1688 года прибылъ въ Москву архимандритъ аѳонскаго павловскаго монастыря Исаія, который привезъ съ собою къ государямъ и царевнѣ граматы отъ бывшаго константинопольскаго патріарха Діонисія, отъ валашскаго воеводы Щербана и сербскаго архіепископа, нареченнаго патріарха, Арсенія. Діонисій, послѣ предисловія, въ которомъ онъ разсуждаетъ о различныхъ дарахъ царства и священства, которыя одно безъ другаго существовать не могутъ, пишетъ: «и къ чему предисловіе мое сіе, святые мои и Богомъ вѣнчанные цари, нѣсть иное, кромѣ того, воеже объявити простыми реченіями, безъ риторическихъ сладословій или витійствъ эллинскихъ, понеже нѣсть время нынѣ таковымъ, но увѣщеваніе о помощи и избавленіи вѣры, зане достигохомъ въ послѣдніе времена и мучими бываемъ отъ невѣрныхъ: церкви запустѣваютъ, монастыри раззоряются, крестъ обругается, иконы омерзаются, христіане плѣняются, грады благочестивыхъ запустѣютъ, молбища ихъ отъ основанія подкапаются, и ничесо иное не слашатъ отъ убогихъ христіанъ, кромѣ—горе, оле болѣзнь и воздыханіе; и кто можетъ насъ избавити, кромѣ единъ сынъ Божій по благодати, и кто есть сей, кромѣ царстія вашего, которое можетъ, яко превосходящее и богатствомъ и силою и войска множествомъ. И кое благополучнѣйшее время будетъ, яко сіе время, егда всякіе государства и власти благочестивыхъ королей и князей православныхъ всѣ вкупѣ восташа на антихриста, воююще на него сухимъ путемъ и моремъ, воеже одолѣти звѣря сего, а царствіе ваше дремлетъ. Имени ради сладчайшаго Іисуса Христа нашего возстанете и возмете оружіе и щитъ на безбожныхъ агарянъ и утвердите непорочную вѣру, ничесо бо невозможно вамъ, яко умалихомся кромѣ всѣхъ языковъ, грѣховъ ради нащихъ; всѣ благочестивіи святаго вашего царствія ожидаютъ: сербы и болгары, волохи и мултяне, вышніе и нижніе Мисіи, востанете убо и не дремлите и пріидите, воеже спасти насъ... Время есть бодрости, а не

лѣности, нынѣ является любовь ко ближнему, нынѣ показуются ревнители вѣры и подражатели Христовы, время угодное нынѣ и не всегда тоежде, яко же и прежде писахъ къ державѣ вашей и словеснымъ приказомъ посламъ вашимъ рекохъ въ Константинополѣ, и нынѣ тоежде пишу и колѣномъ вашимъ прикасаюсь и молюся о избавлении церкви Христовой и непорочной вѣры утверждении и благочестивыхъ христианъ освобождении; талантъ, иже увѣровався отъ Господа моего, се предъ святымъ вашимъ царствіемъ вержу, а еже умножити его и сохранити (дѣло) вашей державы есть, яко же ревнители и подражатели царю царствующихъ». Въ граматѣ къ царевнѣ Софьѣ Дионисій указываетъ ей на то, какъ нѣкогда Богъ спасалъ народъ свой чрезъ Деворру, Юдиѳь и Есѳирь, и потомъ говоритъ: «и чего ради воспоминалъ въ началѣ писанія моего приклады сія? Да устремляю святое царство ваше воеже явитися въ нынѣшние времена, яко едина отъ оныхъ, да избавиши черезъ руки державнѣйшихъ святыхъ нашихъ царей родъ твой, благочестивое собраніе, языкъ святый, царское освященіе сущу нѣкогда, нынѣ же порабощенно и отъ безбожныхъ и невѣрныхъ агарянъ мучимое, и бысть языкомъ поруганіе и уничтоженіе и дерзающе рещи: нѣсть мѣста, ниже града, который не мучится отъ нихъ нечестивыхъ; плѣнится во вся дни благочестивое собраніе, кровопролитіе многое, вездѣ церкви Божіи въ раззореніи, жертвенники раскопаны монастыри попраны, архіереи и іереи поруганы отъ нихъ нечестивыхъ, крестъ Господень оплеванъ отъ нихъ, и имя Господа нашего Іисуса Христа хулимое и укоренное, и глаголюще скверным своимъ языкомъ: аще бы бѣ Христосъ Сынъ Божій и Богъ, его же христіане именуютъ, не остави бы ихъ, рабовъ сущихъ, въ руки наши. Тако поругаются, такимъ хульнымъ языкомъ проповѣдуютъ и повѣдуютъ Агары отродіе, а вы дремлете царствующіе единые, радѣя о своихъ, а братія ваши, благочестивые христіане,— рабы и плѣнники востали Бога ради. Подай руку помощи словомъ и дѣломъ ко державнѣйшимъ и самобратямъ своимъ святымъ царемъ, да воспріявъ оружіе со войски наступити на супостаты, скиѳы и варвары; могутъ убо, аще восхотятъ, Бога имѣюще поборника, избавити родъ христіанскій, яко умалихомся во всей земли днесь кромѣ всѣхъ языковъ, глаголя: гдѣ есть Богъ ихъ, или цари вѣрнѣйшие и ихъ вѣрѣ подобные, да придутъ и да помогутъ имъ? Явися убо, яко Девора и Юдиѳь и Есѳирь—словомъ и дѣломъ... святое ваше имя проповѣдатися будетъ въ роды и роды, и память пребудетъ вѣчная». Воевода Щербанъ, въ своей граматѣ къ царямъ, приноситъ имъ раболѣпное и смиренное свое поклоненіе, «якоже превеликимъ столпамъ и непоколебимымъ основаніямъ святыя православныя вѣры и пресвятыя и непобѣдимыя апостольскіе восточные церкви, яко единымъ, которые единые есте солнцы, сіяющіе кругъ земной, а наипаче изрядно тѣмъ, которые оскорблены суть и укоряются, подданни суще невѣрнымъ и мучительной силѣ, подъ которымъ и мы даже до днесь пребываемъ». Указавъ затѣмъ на бѣдственное положеніе покоренныхъ турками христіанъ, Щербанъ пишетъ: «яко нѣкогда отъ истиннаго Мессія, разрушителя умнаго фараона, ожидалъ міръ избавленія своего, сицевымъ образомъ нынѣ отъ васъ великихъ и пресильныхъ царей отъ рукъ видимаго фараона православные ожидаютъ избавленія своего». Въ заключеніе воевода пишетъ, что обо всемъ подробно и обстоятельно государи узнаютъ изъ устныхъ сообщеній архимандрита Исаіи, «потому что преподобность его вѣдаетъ и разумѣетъ и причастникъ тѣхъ скорбей». Сербскій архіепископъ Арсеній пишетъ: «извѣстно буди вашему пресвѣтлому царствію о нашемъ убогомъ народѣ, а наипаче вашихъ богомольцевъ, колико пострада родъ нашъ отъ безбожныхъ агарянскихъ и немилостивыхъ чадъ: церкви святые и царскіе монастыри всеконечному запустѣнію предаша и самихъ насъ долгими лѣты въ попраніе и въ подданники сотворше больше трехъ сотъ лѣтъ, церковное украшеніе отъемше и многихъ въ свою скверную службу обратиша и иные огнемъ попалиша, мощи же святыхъ конскими ногами попираютъ, священные сосуды и иные потребные вещи во оружіе себѣ въ погибель сковаше и множество народа христіанскаго мечемъ поразиша, другихъ же въ плѣнъ отведоша, и сіе недавно, зане невозможно отъ нечестиваго благочестію быти... Милостиви будете рабомъ вашимъ, призывающимъ васъ въ нуждахъ, достойно потщитеся въ помощь роду нашему скоро прити, будите ходатаи

ко спасенію и обновленію нашему, вооружайтеся на варвары, да освободите невѣсту Христову отъ угрызенія зміина и избавите нища и убога отъ сильна, ему же нѣсть помощника кромѣ Бога и вашего царствія; и немедлите, се пріиде время дѣланія спасенія вашего, воздвигните силу свою и пожените враги своя, не аки бъ недовольствовали о державѣ предѣловъ вашего царствія,—довольни бо есть, но будите намъ ожалователи единоязычникамъ богомольцамъ и рабамъ вашимъ, вѣмъ бо, яко Господь Богъ предастъ нынѣ враги ваши въ руцѣ царствію вашему и покорити будете супостаты подъ ноги ваша, точію не облѣнитеся, за сіе бо велику мзду и милость отъ Бога пріимете. Аще ли презрите, отвѣтъ кто дастъ Богу о нашей погибели? Аще не бы есмы возвѣстили, грѣха не бысте имѣли» [1]).

Въ посольскомъ приказѣ архимандритъ Исаія заявилъ, что его послалъ въ Москву настоящій константинопольскій патріархъ Іаковъ, и прежде бывшій Діонисій, и все духовенство, и всѣ православные христіане, обрѣтающіеся подъ игомъ бусурманскимъ, и мутьянскій господарь Щербанъ, и архіепископъ сербскій и печскій, нареченный патріархъ, и всѣ сербы, и болгары, и волохи, и мултяне къ великимъ государямъ бить челомъ объ избавленіи ихъ отъ ига, поелику пришло время ихъ избавленія. Во-первыхъ, въ нынѣшнее время все турское владѣтельство отъ Господа Бога приняло великое наказаніе, и приходитъ то великое бусурманство къ самой конечной погибели. Какъ отъ войскъ христіанскихъ, такъ и отъ внутреннихъ междоусобій, пришли турки въ великое безсиліе и въ казнѣ и въ людяхъ, и уже невозможно имъ стоять противъ силъ христіанскихъ. Никогда у нихъ подобнаго раззоренія не бывало, и за тысячу лѣтъ не бывало болѣе удобнаго времени до конца сгубить бусурманъ и освободить изъ подъ ига ихъ православныхъ христіанъ. Христіане же отъ ихъ бусурманской погибели всѣ посѣчены и въ плѣнъ забраны, а именно: турскія войска въ прошлыхъ годахъ, не будучи въ силахъ стоять противъ венеціанскихъ

[1]) Выдержки изъ граматъ Діонисія, Щербана и Арсенія приведены нами по рукописи спб. синодальной библіотеки «икона», №№ 69, 70, 71 и 72; стр. 168—173.

и цесарскихъ войскъ, отступая, болѣе трехъ тысячъ предали огню и мечу и множество малолѣтнихъ обоего пола свезли за море въ Анатолію и въ Египетъ, а города, гдѣ пребывало православіе, церкви и монастыри всѣ до основанія сожгли и никакого жилища не оставили. Такое раззореніе христіанамъ бусурмане учинили съ всего своего сборища поганскаго, съ самимъ султаномъ и муфтіями ихъ, для того, чтобы христіане тѣхъ земель не соединились съ непріятелями ихъ и на нихъ не возстали, и дабы ихъ пожитки не достались христіанскому войску. У бусурманъ между собою положенъ совѣтъ: когда войска христіанскія начнутъ приближаться во внутрь ихъ земли и къ святой горѣ, тогда они всѣхъ христіанъ въ тѣхъ мѣстахъ искоренятъ и церкви раззорятъ, а сами, оставивъ свои жилища, пойдутъ за море, откуда пришли. Итакъ, пусть будутъ единые православные государи имѣютъ попеченіе о избавленіи христіанъ отъ сихъ бѣдствій. Во-вторыхъ, все великое христіанство со слезами молитъ государей, чтобы ихъ изъ неволи бусурманской въ большую и горшую неволю пускать не изволили и ихъ милостиво призрѣли, потому что церковь святую православную всегда ненавидятъ папежники, т.-е. римляне. Какіе города въ Венгріи и Мореи цесарскія и венеціанскія войска побрали у турокъ, во всѣхъ ихъ они православные храмы обратили въ уніатскіе. Когда имъ римлянамъ посчастливится добыть подъ свою власть православныхъ христіанъ, а особенно, если они возьмутъ Царьградъ, то земли сіи въ худшее, нежели при туркахъ, придутъ состояніе, такъ какъ латиняне обратятъ монастыри въ костелы и, искоренивъ православное духовенство, наставятъ своихъ бискуповъ, — въ ожиданіи чего все православное христіанство пребываетъ въ великомъ сѣтованіи. Для сего, упреждая ихъ, чтобы не пришло такое насилованіе отъ римлянъ, послали они государямъ свою грамату. Итакъ, пусть умилосердятся великіе государи и, освободивъ ихъ отъ ига, надъ ними бы и обладали и не дозволили бы надъ ними владѣть цесарю и венеціанамъ, такъ какъ у нихъ и языкъ (съ русскими) единый. Къ этому архимандритъ прибавилъ, что воевода Щербанъ поручилъ ему просить государей, чтобы они послали войска свои на Буджакскую орду, и какъ только онъ услышитъ о

прибытіи царскаго войска, сейчасъ же выведетъ къ нему на помощь 70,000 челосвѣкъ. Въ тѣхъ странахъ водъ много и скудости въ запасѣ не будетъ, ибо земля мултянская доходитъ до Дуная, и какъ только услышатъ о приближеніи войскъ и воевода выйдетъ къ нимъ навстрѣчу, тогда всѣ сербы, болгары и молдаване пристанутъ къ нимъ же, и будетъ путь ихъ до Царьграда безъ помѣхи, ибо въ тѣхъ странахъ живутъ одни христіане, и соберется въ тѣхъ мѣстахъ сербовъ и болгаръ 300,000, и все христіанство возстанетъ, а нѣмцамъ помогать не будутъ, развѣ только изъ неволи и нужды. Воевода съ собраннымъ войскомъ стоитъ въ Бухарестѣ, и хотя ему много было присылки отъ цезаря, чтобы помогалъ ему противъ турокъ, но воевода отказываетъ, а сіе по причинѣ вѣры, что не хочетъ быть подъ нимъ, а подъ державою православной. Къ этому Исаія, согласно приказанію патріарховъ и воеводы, прибавилъ еще: ѣхалъ онъ на Седмиградскую землю, которая изъ-подъ султана выбилась и поддалась цезарю; много въ ней православныхъ людей, которымъ отъ папежанъ стало притѣсненіе въ вѣрѣ. Пріѣзжалъ изъ Вѣны римскій бискупъ, переписалъ всѣ церкви, а попамъ сказалъ, чтобы всѣ съ римскою церковью были въ соединеніи, а если волею не захотятъ, то ихъ будутъ мучить, а народъ будутъ принуждать цезарскимъ указомъ, и отъ такого принужденія великая печаль всѣмъ, ибо подъ турскимъ игомъ была имъ тяжесть отъ налоговъ, а въ вѣрѣ принужденія не было. Разсказывалъ Исаія и о турецкихъ междоусобіяхъ: много почетныхъ между турками побито, и пришло раззореніе на турское царство, вездѣ междоусобія,—въ Египтѣ и Анатоліи желаютъ сына стараго султана; «стало турку нечѣмъ воевать, всѣ войны были у него побиты» и т. п. Исаія надолго былъ задержанъ въ Москвѣ. въ ожиданіи царскихъ отвѣтовъ на привезенныя имъ предложенія.

Въ декабрѣ 28 были приготовлены отвѣтныя граматы государей патріарху Діонисію, воеводѣ Щербану и сербскому архіепископу Арсенію, въ которыхъ одинаково говорилось, что государи и архипастырей и воеводу и все православное христіанство, въ странахъ тамошнихъ живущее, за такое

ихъ желаніе, что они нашей царской милости ищутъ, жалуемъ милостиво и похваляемъ и имѣемъ о вашемъ архипастырствѣ и о всѣхъ православныхъ христіанахъ, живущихъ подъ игомъ поганскимъ, попеченіе не отмѣнное; что государи посылаютъ сильное войско противъ крымцевъ и, раззоривъ ихъ юрты, двинутся къ Дунаю, чтобы освободить всѣхъ православныхъ, а воеводу Щербана готовы принять въ свое подданство, только бы онъ соединился съ царскими войсками неотмѣнно, не взирая ни на какія препятствія и никому не склоняясь въ подданство, кромѣ насъ милостивыхъ государей. Исаія отправленъ былъ съ этими граматами изъ Москвы только въ февралѣ 1689 года, при чемъ, на дорогѣ въ Валахію, онъ былъ арестованъ въ Австріи и брошенъ въ тюрьму, граматы у него были отобраны. Исаія пробылъ въ заключеніи цѣлыхъ два года, и только послѣ усиленныхъ хлопотъ его друзей, русское правительство рѣшилось просить австрійскаго императора объ его освобожденіи. Когда онъ прибылъ, послѣ своего освобожденія, въ Москву. къ нему отнеслись здѣсь очень холодно, за всѣ его хлопоты и страданія въ австрійскихъ тюрьмахъ ему дано было только 10 рублей деньгами, да соболями на 18 рублей, и затѣмъ онъ былъ отосланъ на Аѳонъ [1]).

[1]) Причины неблаговоленія Петра къ архимандриту Исаіи объясняются слѣдующимъ показаніемъ Исаіи, даннымъ имъ во время его вторичнаго пребыванія въ Москвѣ. Когда онъ въ первый разъ пріѣзжалъ въ Москву и ему уже вручены были отвѣтныя граматы государей патріарху Діонисію и воеводѣ Щербану, «тогда при отъѣздѣ, показывалъ Исаія, призвалъ насъ къ себѣ бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ и спрашивалъ: «совсѣмъ ли насъ отпустили отъ приказа? и простился ли мы у святѣйшаго патріарха?»—Я отвѣчалъ, «что съ приказа отпустили, но у патріарха еще не были». Тогда бояринъ велѣлъ идти проститься къ патріарху и потомъ опять у него побывать за отпускомъ, потому что есть нѣкоторое дѣло государское, которое я долженъ буду устроить со вселенскими патріархами Пошолъ я къ святѣйшему и, прощаясь, сказалъ, что князь говорилъ мнѣ о нѣкоемъ дѣлѣ, которое надо покончить со вселенскими патріархами, но я не знаю, какое это дѣло. Патріархъ началъ говорить мнѣ: «знаю дѣло, которое проситъ князь Василій у святѣйшихъ патріарховъ,—чтобы они послали благословенную грамоту о томъ, чтобы могла государыня царевна Софія царскую корону носить и ей бы вмѣстѣ съ великими государями во всякомъ правилѣ поминаться» Патріархъ судомъ Божіимъ и клятвою завѣщевалъ намъ, чтобы мы о семъ дѣлѣ не ходатайствовали и его бы не учинили, и мы, по завѣщанію святѣйшаго, предъ спасительнымъ обра-

Между тѣмъ въ октябрѣ 1688 года, когда Исаія еще находился въ Москвѣ, въ ожиданіи отвѣтныхъ царскихъ граматъ, наше правительство послало къ господарю Валахіи и къ патріарху Діонисію грека Дементія съ отвѣтными граматами на тѣ письма, которыя они прислали къ государямъ съ аѳонскимъ архимандритомъ Исаіею. Въ то же время государи писали къ нашему константинопольскому посланнику Возницыну, что бывшій цареградскій патріархъ Діонисій, воевода мултянскій и архіепископъ сербскій просили государей о защитѣ ихъ отъ басурманъ, и къ нимъ по этому дѣлу посланъ грекъ Дементій. Возницыну предписывалось, чтобы онъ, съ своей стороны, подъ предлогомъ выкупа плѣнныхъ, послалъ бы своего подъячаго наблюдать за грекомъ Дементіемъ, въ то же время и самъ бы вывѣдывалъ о намѣреніи тамошнихъ христіанъ и о томъ, много ли войска и удобенъ ли будетъ путь для ратныхъ? Грекъ Дементій исполнилъ возложенное на него порученіе и, возвратившись въ Москву, далъ въ посольскомъ приказѣ слѣдующее показаніе: «онъ уже не засталъ въ живыхъ господаря Щербана, къ которому были посланы грамоты государей, но патріарху Діонисію онъ отдалъ царскій совѣтъ и спросилъ его: отдавать ли грамоту новому господарю? Патріархъ сказалъ, что новаго господаря опасаться нечего, такъ какъ онъ про все вѣдаетъ, почему онъ и отдалъ царскую грамоту новому господарю Константину. Тотъ съ большимъ уваженіемъ спрашивалъ о здоровьи государей, и когда посланный объявилъ ему государскую милость, то господарь билъ челомъ и кланялся до земли многократно. Онъ сказалъ, что о всѣхъ тайныхъ дѣлахъ объявилъ дядѣ своему, брату покойнаго господаря, у котораго потомъ и былъ Дементій, и тотъ его разспрашивалъ о числѣ войскъ московскихъ и кто будетъ воеводою. Когда затѣмъ Дементій объявилъ господарю, что государи принимаютъ его подъ свою высокую руку, будутъ охранять его, и чтобы онъ безъ всякаго сомнѣнія шелъ на соединеніе съ царскими войсками, то господарь отвѣчалъ, что потомъ объ этомъ подумаетъ и къ царю напишетъ.

зомъ обѣщались, что не будемъ о семъ дѣлѣ ходить и ходатайствовать, видя святѣйшаго патріарха волю и разсужденіе, и что не по правиламъ св. Апостолъ и Отецъ, чтобы при двухъ живыхъ царяхъ и третью особу женскаго пола на царство короновать. Послѣ сего, поклонившись патріарху, пошелъ я опять къ князю Василію, и тотъ сталъ повторять мнѣ прежнее слово: что хочетъ, чтобы мы у святѣйшихъ патріарховъ нѣкоторое дѣло повершили, которое потребно великимъ государямъ, о дѣлѣ же томъ извѣстить насъ сѣвскій воевода Леонтій Романовичъ, но не изъявилъ намъ, какое это дѣло, а только повторялъ, чтобы мы его исполнили. Я же не могъ ему иначе отвѣчать, что если то дѣло будетъ противъ нашей силы и по Богѣ, то должны мы потрудиться и послужить великимъ государямъ, но патріаршую тайну мы сохранили въ сердцѣ своемъ и, поклонившись князю, пошли въ путь свой. — Когда прибыли мы въ Сѣвскъ, призвалъ насъ къ себѣ воевода, но о томъ дѣлѣ ничего съ нами въ тотъ день не говорилъ, а велѣлъ придти на другой день и тогда только сказалъ, что ему приказали великіе государи и князь Василій Васильевичъ сказать намъ сіе дѣло, чтобы я такую грамоту исходатайствовалъ у вселенскихъ патріарховъ для государыни Софіи, чтобы могла носить она царскую корону и въ правилахъ церковныхъ поминовеніе имѣть вкупѣ съ великими государями, и приказывалъ намъ воевода именемъ царскимъ и царевны Софіи и именемъ князя Василія Васильевича, чтобы мы то дѣло исправили. Я же, видя свою немощь и помня слово святѣйшаго патріарха, сказалъ Леонтію Романовичу, что, по указу великихъ государей, долженъ я доложить тѣ слова святѣйшимъ патріархамъ, но не берусь конечно, чтобы сіе учинилось, ибо знаю, что святѣйшіе патріархи много о семъ дѣлѣ будутъ разсуждать, но того не знаю, будутъ ли сіе чинить или нѣтъ; поелику знаетъ онъ, архимандритъ, что патріархи вселенскіе дали власть патріарху московскому во всякихъ дѣлахъ церковныхъ и царскихъ, и имѣетъ онъ власть вязать и рѣшить, и слѣдуетъ такое благословеніе просить у московскаго патріарха, и нечего о такихъ дѣлахъ въ турскія области посылать, котораго совершенство въ московскомъ государствѣ имѣется Леонтій на сіе слово отвѣчалъ, что отъ сего нашего патріарха ни благословенія, ни клятвы не ищемъ, плюнь де на него. Архимандритъ устрашился такому безстрашію и безбожію. Леонтій еще говорилъ, что дастъ ему архимандриту человѣка, который съ нимъ у святѣйшихъ патріарховъ говорить будетъ. Но архимандритъ сказалъ, что человѣка напрасно трудить не надобно, ибо и самъ онъ о томъ доложитъ, и если будетъ на то ихъ воля, то и сами они сіе безъ человѣка сдѣлаютъ. Онъ архимандритъ такъ отговаривался, помня патріарха московскаго слово и разсужденіе, и такимъ образомъ отбился отъ того воеводы. А о томъ, чтобы доложить святѣйшимъ патріархамъ о томъ дѣлѣ и тайное намѣреніе святѣйшаго киръ Іоакима повѣдать, у меня такое намѣреніе было: зная вселенскихъ патріарховъ мысль, что когда услышатъ они неблаговоленіе и неблагословеніе (московскаго патріарха) о семъ, никакимъ образомъ не возмогутъ дѣло сіе къ совершенію привести Такъ поѣхалъ я въ путь свой». Понятно, что послѣ такого показанія о замыслахъ теперь уже низвергнутой Софьи, при чемъ Исаія волей или неволей принималъ въ нихъ участіе, онъ не могъ ожидать къ себѣ благосклоннаго отношенія отъ правительства Петра.

Тогда посланный снова отправился къ патріарху Діонисію и прямо спрашивалъ его: подлинно ли господарь мултянскій желаетъ подданства великихъ государей и пошлетъ ли онъ войска свои на соединеніе съ царскими? Патріархъ отвѣчалъ: лишь бы были на то царская дума и совѣтъ, а что воевода, какъ только услышитъ о походѣ царскихъ войскъ, сейчасъ же выступитъ съ 30,000 ратниковъ. У него же патріарха готово и письмо къ царямъ, которое онъ передастъ господарю, потому что самъ отъѣзжаетъ въ Царьградъ. На вопросъ: для чего онъ туда ѣдетъ? сказалъ, что къ нему неоднократно присылали турки и просятъ его, чтобы онъ, по прежнему былъ патріархомъ. Объявилъ патріархъ и то, что бывшій господарь посылалъ отъ себя къ цесарю брата и племянника съ просьбою принять его въ свое подданство, но врядъ ли де тѣ поѣхали, и послѣ его смерти ихъ велѣно было воротить. При отпускѣ Дементій спрашивалъ у дяди господаря: хотятъ ли они по прежнему быть въ подданствѣ у государей и пришлютъ ли войска на помощь? — но тотъ медлилъ отвѣтомъ, сколько онъ ни настаивалъ. Господарь, отпуская Дементія, заявилъ, что въ подданствѣ у государя быть радъ и милости ихъ желаетъ такъ же, какъ и дядя, только письма о томъ отъ страха писать не смѣетъ, да сего дѣла съ малыми людьми и учинить нельзя. Надобно, чтобы о томъ многіе знали и на тѣхъ листахъ подписались, а многимъ объявить объ этомъ теперь нельзя, чтобы не вышло разногласія, и если о томъ услышатъ нѣмцы, то придутъ и всѣхъ ихъ разсорятъ до конца. Пусть великіе государи прикажутъ написать, на какихъ статьяхъ ему быть въ подданствѣ, и тогда онъ напишетъ листъ подданства и всѣ руки приложатъ, а когда услышитъ, что царскіе воеводы идутъ въ Крымъ, то и онъ пойдетъ къ нимъ на соединеніе съ войскомъ или пришлетъ до 30,000 конныхъ и пѣшихъ воиновъ». Съ Дементіемъ были присланы государямъ граматы отъ патріарха Діонисія и господаря Константина. Діонисій въ своей граматѣ извѣщалъ государей о кончинѣ бывшаго господаря Щербана, о выборѣ на его мѣсто народомъ и боярами Константина, по матери изъ рода Кантакузеновъ, а по отцу Бассарабы; Константину отъ роду 35 лѣтъ, но разумомъ онъ старъ и ревнитель

православной вѣры паче многихъ прежнихъ господарей и надежно исполнитъ всѣ повелѣнія царскія. О себѣ Діонисій извѣщалъ, что онъ, получивъ граматы отъ царей, собрался ѣхать въ Константинополь, «чтобы дать надежду тамошнимъ благочестивымъ христіанамъ на то усердіе, которое имѣете, чтобы пособить имъ, да будутъ они имѣть надежду на свое избавленіе». Въ заключеніе патріархъ пишетъ: «явитесь въ послѣднія дни новые Константины, покажите щедроты милосердія къ братіи вашей, покажите любовь къ ближнему чрезъ совершеніе дѣлъ, чтобы сподобиться небеснаго царствія съ равноапостольными Константиномъ и Еленою». Мултянскій господарь Константинъ писалъ государямъ (отъ 31 декабря 1688 года) очень витіевато и трогательно, но уже ничего не говорилъ о подданствѣ. Царскія граматы, пишетъ воевода, «всѣхъ исполнили утѣшенія и надежды по своему милостивому содержанію и обѣщаніемъ избавленія отъ тяжкой работы. Всѣ ожили, какъ оживаютъ послѣ тяжкой зимы и распускаются листья и цвѣты, такъ и христіане подъ игомъ поганскимъ живуще, чая скораго избавленія, теплыя возсылаютъ къ Богу молитвы о царяхъ». Затѣмъ, указавъ на опасность для своей страны отъ турокъ, которые имѣютъ за Дунаемъ, противъ мултянской земли, много крѣпостей и войска, воевода, поклоняясь государямъ до земли, со слезами молитъ ихъ быть всегда къ нему милостивыми и свою высокую руку обратить на искорененіе непріятеля, отъ котораго страждетъ народъ православный, ибо на нихъ государей обращены всѣ взоры, и за нихъ возсылаются теплыя молитвы къ Богу [1]).

Все дѣло о подданствѣ Валахіи Россіи и совмѣстномъ ихъ дѣйствіи противъ Крыма и потомъ турокъ, какъ извѣстно, потерпѣло неудачу. Два похода русскихъ въ Крымъ при Софьѣ не имѣли успѣха; прутской катастрофой окончился потомъ и походъ Петра. Но, несмотря на неудачный исходъ этихъ кампаній, предпринятыхъ, между прочимъ, подъ

[1]) 7196 г. № 16; 7197 г. № 2; 7190 г. № 27. *Греческіе статейные списки № 11-й* составляютъ цѣлую переплетенную книгу, которая содержитъ въ себѣ всѣ документы и дѣла относительно пріѣзда архимандрита Исаіи съ извѣстными предложеніями, посылки къ патріарху и воеводѣ грека Дементія, посылки самого Исаіи, его арестъ въ Венгріи и пр

вліяніемъ побужденій, исходившихъ съ православнаго востока и имѣвшихъ конечною цѣлью его освобожденіе отъ турецкаго ига, для всѣхъ теперь стало очевиднымъ, что русскій царь, разъ вступивъ въ открытую борьбу съ турками, во имя освобожденія покоренныхъ ими народовъ, тѣмъ самымъ фактически принялъ на себя, относительно православнаго востока, новую обязанность, на которую впрочемъ уже давно ему настойчиво указывали съ востока, именно — обязанность силою оружія возвратить православнымъ народамъ свободу и независимость, уничтоживъ господство надъ ними турокъ. И другая не менѣе важная задача въ это уже время возложена была на русскихъ относительно православнаго востока. Къ наслѣдію Великаго Константина протягиваютъ руки и латиняне, отнимая у турокъ область за областью. Во всѣхъ мѣстахъ, попавшихъ подъ господство латинянъ, они угнетаютъ и преслѣдуютъ православныхъ, силою склоняя ихъ къ латинству,—ихъ господство въ этомъ отношеніи гораздо тяжелѣе и прямо опаснѣе господства турокъ, такъ что, если латиняне успѣютъ овладѣть Константинополемъ, то все православіе можетъ погибнуть на востокѣ. Отсюда само собою слѣдовало, что задача русскихъ состоитъ не только въ томъ, чтобы освободить православный востокъ отъ господства турокъ, но и предупредить захватъ православныхъ странъ со стороны латинянъ и другихъ иновѣрцевъ, — православный востокъ всегда долженъ оставаться православнымъ и въ православныхъ рукахъ.

Такимъ образомъ, покровительство Россіи православному востоку, начавшись простою благотворительностью, раздачею милостыни бѣдствующимъ единовѣрцамъ, съ теченіемъ времени перешло въ покровительство политическое; задача поддерживать православіе на востокѣ съ помощью милостыни превратилась къ концу XVII столѣтія въ задачу возвратить свободу и самостоятельность всѣмъ православнымъ народамъ, покореннымъ турками. Такое измѣненіе въ характерѣ отношеній Россіи къ православному востоку произошло постепенно, незамѣтно, само собою и было естественнымъ, необходимымъ результатомъ предшествующихъ сношеній съ востокомъ. Съ одной стороны, православные народы, пользуясь вѣковою русскою благотворительностью,

видя постепенное возрастаніе силы и могущества русскаго государства, невольно составили представленіе о русскихъ, какъ о своихъ будущихъ освободителяхъ отъ агарянскаго ига, стали вѣровать, что русскіе призваны положить конецъ мусульманскому владычеству на востокѣ, гдѣ крестъ, при ихъ содѣйствіи, снова возьметъ перевѣсъ надъ луной. Вѣковыя, постоянныя сношенія Россіи съ самыми отдаленными уголками православнаго міра поддерживали, оживляли и укрѣпляли эти представленія православныхъ народовъ относительно призванія русскихъ, заставляли ихъ радостно привѣтствовать всякій успѣхъ русскаго оружія, какъ свой собственный успѣхъ, какъ новый шагъ къ ихъ освобожденію съ помощью русскихъ. Съ другой стороны, русскій царь, сдѣлавшись представителемъ, опорою и охранителемъ всего вселенскаго православія и, въ силу этого, благотворя въ теченіе столѣтій всему православному востоку, находясь съ нимъ въ непрерывныхъ, живыхъ сношеніяхъ, тѣмъ самымъ невольно направлялъ мысль русскихъ на востокъ, пріучалъ ихъ смотрѣть на него, какъ на самую близкую и родную для нихъ страну, гдѣ находятся самые жизненные и священные ихъ интересы, такъ что у русскихъ само собою и незамѣтно сложилось и окрѣпло представленіе, что они призваны освободить православные народы отъ господства турокъ. Постоянный приливъ въ Москву просителей милостыни съ востока возбуждалъ и поддерживалъ эту мысль, не давалъ ей заснуть, заглохнуть, внесъ ее, такъ сказать, въ плоть и кровь русскаго самосознанія. Словомъ, существующее убѣжденіе, что Россія призвана порѣшить такъ называемый восточный вопросъ, что ея историческое призваніе заключается и въ томъ, чтобы сдѣлать свободными и самостоятельными всѣ православные народы, не есть что нибудь случайное, искусственное, кѣмъ-либо придуманное, а естественное, логическое слѣдствіе историческаго хода событій, простой результатъ, выводъ изъ вѣковыхъ отношеній Россіи къ православному востоку. Если мы въ недавнее время принуждены были бороться съ турками, то мы въ этомъ случаѣ продолжали, въ измѣненномъ видѣ, то же дѣло, начало котораго положено было еще сотни лѣтъ тому назадъ царями московскими, выступившими въ качествѣ по-

кровителей и охранителей всего вселенскаго православія. Задача современной мудрости должна состоять не въ отрицаніи этого историческаго призванія Россіи,—которое, несмотря на всѣ препятствія, всегда сумѣетъ заявить себя съ достаточною силою,—а въ указаніи лучшихъ путей и средствъ для его своевременнаго и окончательнаго выполненія.

ОТДѢЛЪ III.

Русское благочестіе есть высшее и совершеннѣйшее въ цѣломъ мірѣ.

Послѣ флорентійской уніи и паденія Константинополя у русскихъ сложилось представленіе, что правая, ни въ чемъ неизмѣненная вѣра сохранилась только у нихъ однихъ, такъ что на Руси, сравнительно со всѣми другими странами, «большее есть православіе и высшее христіанство», только одна русская держава цвѣтетъ «совершеннымъ благочестіемъ какъ свѣтъ солнечный». Если ранѣе, центромъ и представителемъ всего православія былъ Константинополь, то теперь его мѣсто въ православномъ мірѣ заняла Москва—третій Римъ, такъ какъ у самихъ грековъ «вѣра православная испроказися Махметовою прелестью отъ безбожныхъ турокъ», вслѣдствіе чего она стала у нихъ во многомъ ниже и несовершеннѣе во всемъ совершенной вѣры русской. Въ виду этого русскіе обязаны не только твердо и неизмѣнно хранить у себя преданное имъ благочестіе, не допускать въ немъ никакихъ перемѣнъ и нововведеній, но и свое русское считать нормою при опредѣленіи того, что православно и что нѣтъ, что истинно благочестиво и что нѣтъ. Теперь все идущее на Русь отъ грековъ слѣдуетъ подвергать строгой провѣркѣ русскимъ и все, оказавшееся съ нимъ несогласнымъ, отметать, какъ несогласное съ истиннымъ православіемъ, какъ позднѣйшія, допущенныя греками новшества.

Глава IX.

Взглядъ русскихъ шестнадцатаго и первой половины семнадцатаго столѣтій на грековъ и греческое благочестіе.

Представленія русскихъ о своемъ религіозномъ превосходствѣ надъ всѣми другими народами, о грекахъ, какъ объ утерявшихъ правую вѣру и истинное благочестіе, такъ сильно распространилось въ русскомъ обществѣ уже въ первый половинѣ XVI вѣка, что Максиму Греку пришлось писать два особыхъ сочиненія въ опроверженіе этихъ представленій [1]). Но попытка Максима Грека не имѣла успѣха, и онъ самъ былъ осужденъ какъ еретикъ, боговдохновенныя книги растлевающій, а не правящій, какъ человѣкъ, который своими книжными исправленіями прилагалъ велію досаду возсіявшимъ въ русской землѣ преподобнѣйшимъ чудотворцамъ. Стоглавый соборъ, имѣвшій въ виду «исправити истинная и непорочная наша христіанская вѣра», всѣ тѣ церковные порядки и обычаи, которые въ послѣднее время «поисшаталися», производить церковныя исправленія исключительно русскими силами и средствами, вовсе не думая обращаться къ грекамъ за совѣтомъ, руководствомъ, за какими-либо указаніями, за утвержденіемъ состоявшихся на соборѣ постановленій. Іерерхи, присутствовавшіе на Стоглавомъ соборѣ, конечно, хорошо знали, что сдѣланныя ими соборныя постановленія о двоеперстіи, сугубой аллилуіи и т. п. окончательно узаконяли въ русской церкви нѣкоторые обряды, несогласные съ обрядами современной греческой церкви, но они не только не стѣснялись этимъ обстоятельствомъ, а и оградили установленный ими, несогласный съ греческимъ, обрядъ страшною соборною клятвою, съ цѣлью предупредить возможность его измѣненія и въ послѣдующее время.

[1]) Первое сочиненіе: «Сказаніе къ отрицающимся на поставленіе и клянущимъ своимъ рукописаніемъ русскому митрополиту и всему священному собору, еже не пріимати поставленія на митрополіи и на владычество отъ римскаго папы латинскія вѣры и отъ цареградскаго патріарха, аки въ области безбожныхъ турокъ поганаго царя, и поставленнаго отъ нихъ не принимати»; второе: «Сказаніе, яко не оскверняются святая николиже, аще и многа лѣта обладаеми суть градове отъ поганыхъ».

Очевидно, что іерархами, присутствовавшими на Стоглавомъ соборѣ, руководило въ этомъ случаѣ убѣжденіе, что православный обрядъ во всей его первоначальной чистотѣ и неповрежденности сохранился только у русскихъ, тогда какъ у грековъ въ немъ допущены были позднѣйшія новшества и искаженія. Послѣ Стоглаваго собора взглядъ русскихъ XVI вѣка на греческое благочестіе довольно ярко выразился въ дѣлѣ учрежденія у насъ патріаршества, когда русскіе не рѣшились «учинити у себя греческаго закона патріарха», изъ опасенія, какъ бы вмѣстѣ съ патріархомъ-грекомъ не перешли на Русь и не укоренились здѣсь разныя греческія новшества, способныя замутить и русское благочестіе, какъ оно уже замутилось у самихъ грековъ.

Изъ XVII столѣтія мы имѣемъ вполнѣ ясныя и опредѣленныя данныя относительно того, какъ русскіе смотрѣли тогда на сравнительное достоинство греческаго и русскаго благочестія. Въ Москву съ XVII вѣка часто пріѣзжали для торговли греческіе купцы, которые по необходимости должны были проживать въ Москвѣ довольно долго. На этихъ купцовъ-грековъ нѣкоторые русскіе смотрѣли какъ на неправославныхъ, называли ихъ невѣрными и не пускали ихъ въ русскіе храмы, такъ что греки принуждены были просить себѣ у правительства особой церкви, которая бы служила исключительно для грековъ. Въ 1653 году иверскій архимандритъ Климъ, пріѣзжавшій въ Москву за милостынею, съ согласія всѣхъ бывшихъ тогда въ Москвѣ греческихъ властей и торговыхъ гречанъ, просилъ у государя и патріарха Никона дать для пріѣзжихъ грековъ особый монастырь въ Москвѣ, гдѣ бы служба совершалась на греческомъ языкѣ, потому что, объясняетъ въ своей челобитной архимандритъ Климъ, греки русской службы не понимаютъ, «а иные русскіе попы мірскихъ торговыхъ грековъ въ церковь Божію божественнаго пѣнія слушать не пущали, *называли ихъ невѣрными*» [1]). То же самое подтверждаетъ и Павелъ алеппскій, который свидѣтельствуетъ, что на Москвѣ греческимъ купцамъ воспрещалось входить въ русскія церкви. Но этого мало: по свидѣтельству того же Павла алепскаго у насъ, прежде его

[1]) 7177 г. № 13.

пріѣзда въ Москву, не дозволяли служить пріѣзжавшимъ къ намъ съ востока греческимъ епископамъ и патріархамъ, потому что считали ихъ осквернеными чрезъ сближеніе съ турками [1]). Какъ само наше правительство смотрѣло на греческое благочестіе, это видно изъ царской граматы въ Новгородъ 1617 года. Въ ней царь торжественно заявляетъ, что врагъ рода человѣческаго—діаволъ всегда дѣлаетъ покушеніе на христіанскую православную вѣру «ово многоразличными ересьми, овожъ ратьми и бѣдами, возставляя богоборные языки, якоже на греческіе люди мусульманскіе народы, на Римъ и на прочихъ душегубительные волки, еже есть еретическія люди, злыми нѣкими дьявольскими умышленьми *вѣру ихъ*, преданную святыми апостолы, во многихъ лѣтѣхъ прежде держимую отцы ихъ, *развратиша*; на насъ же, на славянскіе народы, всегубительный дьяволъ тако же непрестая возстаетъ и борется, *но* (въ противоположность грекамъ и римлянамъ) *развращеніемъ въ вѣрѣ благовѣрные люди не возмогъ развратити и въ душевную пагубу свести*» [2]). Какъ правительство относилось къ благочестію самихъ вселенскихъ патріарховъ, это очень ясно видно изъ его наказовъ нашимъ константинопольскимъ посламъ, которымъ предписывается, прежде чѣмъ входить въ сношенія съ новымъ патріархомъ, подлинно про него провѣдать: благочестивъ ли онъ и крѣпокъ ли въ вѣрѣ православной, не иновѣренъ ли онъ? Очевидно отсюда, что наше правительство допускало полную возможность такихъ случаевъ, когда константинопольскими патріархами дѣлались люди неблагочестивые, некрѣпкіе въ вѣрѣ православной и даже прямо иновѣрные. Понятно отсюда, какая осторожность вообще внушалась русскимъ самимъ правительствомъ на случай какихъ-либо сношеній со вселенскими патріархами особенно по дѣламъ церковнымъ,—нельзя же было безусловно вѣрить голосу той церкви, которою управляетъ и руководитъ человѣкъ неблагочестивый, нетвердый въ православіи и даже иновѣрный. Какъ въ XVII вѣкѣ русское правительство относилось къ оставшимся въ Россіи

[1]) Чт. общ. ист. и древн. 1871 г., статья Рущинскаго.
[2]) Собр. госуд. грам. и догов. III, № 34, стр. 149.

на вѣчное житье восточнымъ іерархамъ, инокамъ и бѣльцамъ, мы уже видѣли выше. Всѣхъ іерарховъ оно обучало русскимъ обычаямъ и только послѣ этого обученія допускало ихъ до отправленія архіерейскихъ обязанностей. Что же касается до выходцевъ, простыхъ иноковъ и мірянъ, то ихъ предварительно посылали въ разные русскіе монастыри подъ начало «для исправленія ихъ христіанскія вѣры» и только послѣ этого исправленія вѣры считали возможнымъ окончательно поселить ихъ въ Россіи. Въ обоихъ случаяхъ нашимъ правительствомъ руководила одна и та же мысль, что современные греки уже нѣчто утеряли изъ своего православія и привнесли въ свою христіанскую жизнь нѣчто чуждое, вслѣдствіе чего принятію ихъ въ совершеннѣйшую христіанскую среду, какова русская, должно предшествовать исправленіе ихъ несовершенной вѣры, наученіе ихъ русскому совершеннѣйшему благочестію, въ противномъ случаѣ являлась опасность заразить и русскихъ греческими новшествами.

Не только къ грекамъ и ихъ благочестію русскіе относились очень подозрительно, но и къ самымъ греческимъ церковнымъ книгамъ, которымъ они рѣшительно не довѣряли. У русскихъ сложилось сказаніе, что будто бы всѣ греческія книги при завоеваніи Константинополя были отобраны у грековъ латинянами и сожжены ими. Послѣ этого греческія книги были напечатаны всѣ вновь въ латинскихъ странахъ, продолжаютъ тамъ печататься и доселѣ, при чемъ латиняне переправляютъ ихъ на свой ладъ и въ этомъ передѣланномъ видѣ продаютъ ихъ потомъ грекамъ. Это сказаніе находило полную вѣру у всѣхъ русскихъ, почему они и не считали для себя возможнымъ пользоваться греческими печатными книгами, а тѣмъ болѣе исправлять по нимъ русскія книги,—это бы значило, по ихъ мнѣнію, не исправлять русскія церковныя книги, а вводить въ нихъ тѣ ереси, которыя латиняне внесли въ греческія напечатанныя у нихъ книги. Если же русскіе и принимали печатныя греческія книги, то только тѣ, съ которыхъ существовали старые славянскіе переводы, но признавали ихъ опять таки на столько, на сколько онѣ согласны были съ этими переводами, все же несогласное въ нихъ съ старыми переводами отрицалось, какъ латинская передѣлка. Вполнѣ точно и опредѣленно

этотъ взглядъ русскихъ на печатныя греческія книги былъ выраженъ игуменомъ Ильею и Онисимовымъ во время ихъ собесѣдованія съ Лаврентіемъ Зизаніемъ. На замѣчаніе Зизанія: «да у васъ греческихъ правилъ нѣтъ», Илья и Онисимовъ говорили: «всѣхъ греческихъ старыхъ переводовъ добрыхъ правила у насъ есть, *а новыхъ переводовъ греческаго языка и всякихъ книгъ не пріемлемъ*, потому что греки нынѣ живутъ въ тѣснотахъ великихъ между невѣрными, и по своихъ воляхъ печатати имъ книгъ своихъ не умѣть, *и для того вводятъ иныя вѣры въ переводы греческаго языка, что хотятъ*. И намъ такихъ новыхъ переводовъ греческихъ не надобно, хотя что и есть въ нихъ отъ новаго обычая напечатано, и мы тотъ новый вводъ не пріемлемъ». На замѣчаніе Зизанія: «да откуда у васъ взялися греческія правила», собесѣдники отвѣтили ему: «Кипріянъ, митрополитъ Кіевскій и всея Росіи, егда пріиде изъ Константина града на русскую митрополію и тогда съ собою привезъ правильныя книги христіанскаго закона греческаго языка и перевелъ ихъ на славянскій языкъ, Божіею милостью пребываютъ и донынѣ *безъ всякихъ смутковъ и прикладовъ новыхъ вводовъ*, да и многія книги греческаго языка есть у насъ старыхъ переводовъ, *а нынѣ къ намъ которыя книги выходятъ печатныя греческаго языка и будетъ сойдутся съ старыми переводы, и мы ихъ пріемлемъ и любимъ, а будетъ въ нихъ приложено ново, и мы тѣхъ не пріемлемъ, хотя они и греческимъ языкомъ тиснуты*, потому что греки живутъ нынѣ въ великихъ тѣснотахъ въ невѣрныхъ странахъ и печатати имъ по своему обычаю невозможно» [1]).

Самымъ полнымъ и систематическимъ выраженіемъ русскихъ воззрѣній XVII вѣка на грековъ, на отношеніе русской церкви къ греческой, на достоинство русскаго благочестія сравнительно съ греческимъ служатъ знаменитыя пренія Арсенія Суханова съ греками о вѣрѣ. Во время этихъ преній о вѣрѣ Арсеній доказывалъ грекамъ, что единственно правое перстосложеніе и есть московское двуперстное, тогда

[1]) Засѣданіе въ книжной палатѣ 18 Февраля 1627 году по поводу исправленія катихизиса Лаврентія Зизанія. Изданіе Общ. люб. древне рус. письменности. С. Пб. 1878 г. XVII.

какъ троеперстное греческое перстосложеніе есть позднѣйшее измышленіе грековъ, несогласное съ древнимъ преданіемъ. На возраженіе, что греки лучше русскихъ знаютъ древнее преданіе, такъ какъ они приняли христіанство отъ самихъ апостоловъ, а русскіе были крещены въ позднѣйшее время и отъ грековъ, Арсеній отвѣчалъ указаніемъ на то, что Русь была первоначально просвѣщена христіанствомъ апостоломъ Андреемъ, такъ что русская церковь по своему происхожденію совершенно равна греческой, и греки въ этомъ отношеніи не имѣютъ никакихъ преимуществъ надъ русскими. Если греки въ доказательство справедливости своего перстосложенія будутъ ссылаться на апостоловъ, отъ которыхъ они его получили, то и русскіе съ равнымъ правомъ могутъ указывать на то же обстоятельство, въ доказательство справедливости своего перстосложенія. Вообще, по мнѣнію Суханова, греки не имѣютъ предъ русскими въ дѣлѣ вѣры никакого преимущества, которое бы оправдало ихъ притязаніе обличать русскіе церковные обряды, какъ неправые, и требовать ихъ исправленія по образцу современныхъ греческихъ. Пусть даже будетъ справедливо, что русскіе приняли вѣру отъ грековъ, но приняли ее отъ тѣхъ грековъ, «которые непорочно сохраняли правила святыхъ апостолъ и седми вселенскихъ соборовъ, а не отъ нынѣшнихъ, которые не соблюдаютъ правилъ святыхъ апостоловъ, въ крещеніи обливаются и покропляются, а не погружаются въ купѣли и книгъ своихъ и науки у себя не имѣютъ, но отъ нѣмецъ пріимаютъ», т.-е. Арсеній ставитъ русскихъ наравнѣ съ древними благочестивыми греками, а надъ современными даетъ рѣшительное преимущество русскимъ, такъ какъ если бы современные греки «по святыхъ отецъ преданію и по апостольскому благовѣстію ходили», то они крестились бы тогда одинаково съ русскимъ двуперстнымъ сложеніемъ, а если они теперь крестятся иначе, чѣмъ русскіе то это потому, что они уклонились въ этомъ случаѣ отъ истины, какъ они уклонились отъ нея и въ другихъ случаяхъ. Когда патріархъ предложилъ Арсенію поговорить съ учеными греческими дидаскалами: откуда произошла у русскихъ и грековъ разница въ лѣтосчисленіи, то Арсеній отклонилъ это предложеніе вести бесѣду съ дидаскалами и

высказалъ при этомъ очень невысокое представленіе объ ученыхъ грекахъ: «у нихъ, говорилъ онъ, такова наука: тщатся они не истину сыскать, но только бы перетягать и многословесіемъ своимъ истину замять, на то они тщатся, и наука у нихъ такова езуитская», такъ какъ, по мнѣнію, Арсенія, греки «книгъ своихъ и науки у себя не имѣютъ», а берутъ все у иновѣрныхъ, у нѣмцевъ. На заявленіе патріарха, что лѣтосчисленіе невѣрно у русскихъ, такъ какъ всѣ четыре восточные патріарха держатъ его согласно и невозможно, чтобы всѣ они ошибались, Арсеній отвѣтилъ: «владыка святый, мнится ми, что у васъ погрѣшено, понеже по взятіи Царяграда отъ турка латинницы книги греческія всѣ выкупили и, у себя переправя, печатали по гречески и вамъ раздавали». Возможность погрѣшить со стороны патріарховъ Арсеній объяснялъ и доказывалъ тѣмъ, что и Іуда былъ апостолъ, что ап. Петръ трижды отрекся отъ Христа, что въ Александріи и Римѣ появлялись многія ереси и что доселѣ въ Царьградѣ греки своихъ патріарховъ низводятъ, душатъ и топятъ, что и сейчасъ греки имѣютъ четыре константинопольскихъ патріарха. На замѣчаніе патріарха, что вѣдь вѣра «отъ Сіона изыде и что есть добраго, то отъ насъ изыде, и мы корень и источникъ всего въ вѣрѣ и вселенскіе соборы у насъ же были», Арсеній отвѣчалъ: «владыка святый, истину глаголешь, что законъ изыде отъ Сіона и соборы у васъ же были, тое и мы вѣру держимъ и проповѣдуемъ, которая отъ Сіона изыде и вселенскими соборы подкрѣплена, *а вы греки тое вѣры не держите, которая отъ Сіона изыде, но токмо словомъ говорите*». На упрекъ грековъ, зачѣмъ русскіе перекрещиваютъ уже крещенныхъ христіанъ, что всѣ восточные патріархи будутъ объ этомъ писать въ Москву царю и патріарху, которые конечно послушаютъ голоса четырехъ патріарховъ—иначе кого же вамъ слушать? Арсеній изложилъ взглядъ русскихъ на значеніе для русской церкви голоса четырехъ современныхъ патріарховъ по дѣламъ церковнымъ. «Есть, говорилъ Арсеній грекамъ, по святыхъ отецъ правиломъ станутъ писать (греческіе патріархи на Русь), послушаютъ (ихъ на Москвѣ), а не по преданію, ино не послушаютъ, *могутъ на Москвѣ и четырехъ патріарховъ откинуть,*

якоже и папу естьли они неправославны будутъ... То вѣдь вамъ, грекамъ, не мочно ничего дѣлать безъ четырехъ патріарховъ своихъ, потому что въ Цареградѣ былъ царь благочестивый единъ подъ солнцемъ, и онъ учинилъ четырехъ патріарховъ, да папу въ первыхъ, и тѣ патріархи были въ одномъ царствіи подъ единымъ царемъ, и на соборы сбирались патріархи по его царскому изволенію. А нынѣ вмѣсто того царя на Москвѣ государь царь благочестивой, во всей подсолнечной единъ царь благочестивой, и царство христіанское у насъ Богъ прославилъ и государь царь устроилъ у себя *вмѣсто папы — патріарха на царствующемъ градѣ Москвѣ, а вмѣсто вашихъ четырехъ патріарховъ—четырехъ митрополитовъ, и ему мощно безъ четырехъ патріарховъ вашихъ править законъ Божій*". Въ заключеніе преній Арсеній заявилъ грекамъ, «что у васъ не было добраго, то все къ Москвѣ перешло, — все ваше начало къ намъ перешло». Когда греки попросили Арсенія точно опредѣлить, что именно перешло отъ нихъ къ русскимъ, то Арсеній заявилъ: «былъ у васъ царь благочестивый, а нынѣ нѣтъ, и въ то мѣсто воздвигъ Господь Богъ на Москвѣ царя благочестиваго...» На второмъ вселенскомъ соборѣ постановлено имѣть константинопольскому патріарху честь равную съ римскимъ, «но нынѣ у васъ какъ и чѣмъ величатися патріарху, якоже и римскому бискупу»? константинопольскіе патріархи теперь не могутъ проявлять даже самыхъ обыкновенныхъ патріаршихъ дѣйствій: устроять по городу крестные ходы, на главѣ крестъ носить, на церквахъ имѣть кресты, звонить въ колокола, ѣздить на осляти, такъ что честію онъ не можетъ теперь сравняться не только съ римскимъ епископомъ, *«но невозможно ему и противъ епископа московскаго величатися»*. Поэтому говорилъ Арсеній, *«у насъ на Москвѣ патріархъ вмѣсто константинопольскаго*, не токмо якожъ второй по римскомъ величаться, но *якожъ и первый епископъ римскій*, — сирѣчь, якоже древній папа благочестивый, церковною утварью украшенный, занеже и клобукъ бѣлый перваго папы Селивестра римскаго на себѣ носитъ... У васъ, говорилъ далѣе Арсеній, было монастырей много и иноковъ безъ числа, а нынѣ токмо слѣдъ знать—и церкви ваша многія бусурманы завла-

дѣли и починили на мечети и христіаны многія побусурманились. И мощей святыхъ у васъ было много, и вы ихъ разносили по землямъ и нынѣ у васъ нѣту, а у насъ стало много, да и нашея земли многихъ Богъ прославилъ угодниковъ своихъ, мощи ихъ нетлѣнны лежатъ и чудеса творятъ, и риза Спасителя нашего Бога Христа у насъ же» [1]).

Такимъ образомъ, по мнѣнію Арсенія Суханова, Москва во всѣхъ отношеніяхъ замѣнила собою Византію и заняла ея мѣсто въ православномъ мірѣ, такъ какъ все доброе отъ грековъ перешло теперь на Русь. Московскій царь занялъ мѣсто прежнихъ греческихъ благочестивыхъ царей, московскій патріархъ занялъ мѣсто константинопольскаго патріарха; мощи и вся другая святыня съ востока перешли теперь на Русь, гдѣ святыни стало уже больше, чѣмъ у грековъ, не говоря о мѣстныхъ собственно русскихъ угодникахъ Божіихъ. Къ русскимъ же перешло отъ грековъ и истинное благочестіе, такъ какъ греки не держатъ болѣе той вѣры, которая отъ Сіона изыде и древніе православные обычаи перемѣнили на новые: ввели у себя троеперстіе, обливаніе при крещеніи и т. п. Теперь нормою для опредѣленія того, что православно и что нѣтъ, должно служить уже русское, а не греческое; даже голосъ всѣхъ четырехъ восточныхъ патріарховъ не имѣетъ для русскихъ никакого значенія, если онъ утверждаетъ противное имѣющемуся у русскихъ, расходится съ нимъ. Въ послѣднемъ случаѣ русскіе не должны слушать и самихъ восточныхъ патріарховъ, а рѣшать церковные вопросы своими силами, ибо единому теперь православному царю «мощно и безъ четырехъ патріарховъ вашихъ править законъ Божій».

Воззрѣнія Арсенія Суханова на грековъ и греческое благочестіе, выраженныя имъ въ его преніяхъ съ греками о вѣрѣ, не были только его личными воззрѣніями, его личнымъ измышленіемъ, но образовались, какъ это уже мы видѣли, задолго до него, именно послѣ флорентійской уніи и паденія Константинополя, такъ что въ своихъ преніяхъ Суханов заявлялъ только то, что думали о грекахъ, въ чемъ убѣждены были почти всѣ русскіе, не исключая и самого правительства. Мы видѣли, что эти воззрѣнія заявлялись не разъ въ теченіе XVI и первой половины XVII вѣка, но заявлялись по какимъ-либо частнымъ случаямъ, и потому отрывочно, безъ надлежащей системы и полноты. На долю Суханова выпало привести эти воззрѣнія въ систему и порядокъ, высказать ихъ по всей полнотѣ предъ лицомъ іерусалимскаго патріарха, разныхъ греческихъ іерарховъ и ученыхъ, высказать ихъ во время горячаго спора и потому особенно жестоко и рѣзко. Но несомнѣнно, что значительное большинство тогдашнихъ русскихъ безъ всякаго колебанія подписалось бы подъ преніями съ греками Суханова и все, имъ высказанное о грекахъ, признало бы за свои дѣйствительныя мнѣнія объ нихъ. Чтобы понять, какимъ образомъ такъ прочно и долго могли держаться среди русскихъ на грековъ и греческое благочестіе подобныя воззрѣнія и особенно въ виду того, что русскіе находились за все это время въ постоянныхъ живыхъ сношеніяхъ съ греками, нужно обратить вниманіе на особенности въ пониманіи русскими обряда и благочестія, а также на тѣ свѣдѣнія о православномъ востокѣ, которыя имѣлись тогда у русскихъ.

Во введеніи къ настоящему изслѣдованію мы старались уяснить, что русскіе, по особымъ обстоятельствамъ ихъ умственной и исторической жизни, на обрядъ смотрѣли такъ же, какъ и на самое вѣроученіе, считали обрядъ такъ же спасительнымъ, неизмѣняемымъ и единымъ, какъ и самое вѣроученіе. Не тотъ обрядъ, по мнѣнію русскихъ, указывалъ и на иное ученіе, перемѣна въ обрядѣ вела за собою и перемѣну въ самомъ ученіи, поэтому не отъ ученія къ обряду дѣлали они заключеніе, а отъ обряда къ ученію. Если русскій видѣлъ держащагося иного, чѣмъ онъ, обряда, то онъ, не изучая, не входя въ оцѣнку вѣрованій этого другаго, прямо заключалъ, что онъ иновѣренъ, именно потому, что онъ держится другаго обряда, ибо правый обрядъ, какъ и правое вѣроученіе, долженъ быть у всѣхъ одинъ, при чемъ правымъ обрядомъ русскій считалъ именно только свой. Своеобразно смотрѣли русскіе и на самое христіанское благочестіе. Истинное благочестіе, по ихъ мнѣнію, всегда должно

[1]) Подлинный списокъ преній Арсенія Суханова съ греками о вѣрѣ находится въ греческихъ дѣлахъ московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, 7157 г. № 8.

выражаться въ извѣстныхъ условныхъ формахъ и именно такъ, какъ онѣ сложились на Руси. Этихъ условныхъ формъ благочестія обязанъ держаться всякій истинно-православный человѣкъ,—благочестіе, проявляемое инымъ способомъ, отливающееся въ иныя внѣшнія формы, не казалось русскому настоящимъ благочестіемъ. Въ виду этихъ особенностей русскихъ воззрѣній на обрядъ и благочестіе, понятнымъ становится, почему русскіе, несмотря на свои постоянныя живыя сношенія съ греками, считали ихъ однако утерявшими и правую вѣру и истинное благочестіе. Русскіе видѣли, что греки иначе крестятся, иначе поютъ и читаютъ въ церкви, имѣютъ нѣкоторые свои особые церковные чины и обряды, несогласные съ русскими, и отсюда заключали, что греки и вѣруютъ иначе, чѣмъ русскіе, такъ какъ иной обрядъ у грековъ, отличный отъ русскаго, появился необходимо потому, что у грековъ появилось иное ученіе. Точно такъ же и греческое благочестіе, по наблюденію русскихъ, оказывалось вовсе не такимъ, какимъ было русское. Греки были относительно равнодушны къ внѣшней обрядности и внѣшнимъ формамъ проявленія благочестія, они на первый планъ ставили вѣрованіе, а не обряды, вѣрность духу и ученію православія, а не внѣшнимъ только, иногда совершенно случайнымъ формамъ его проявленія, и вообще христіанское благочестіе понимали болѣе внутренно и духовно, не затемняя его излишними условными формальностями. Въ виду этого русскіе, не замѣчая у грековъ тѣхъ же формъ проявленія благочестія, какія они привыкли считать обязательными и необходимыми для всякаго истинно-православнаго христіанина, приходили къ заключенію, что у грековъ уже нѣтъ болѣе истиннаго благочестія, что оно, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, окончательно у нихъ изсякло и сохранилось теперь только на Руси.

Если по особому складу своихъ воззрѣній на обрядъ и благочестіе русскій уже предрасположенъ былъ относиться къ грекамъ, какъ къ утерявшимъ правую вѣру и истинное благочестіе, то по характеру тѣхъ свѣдѣній, которыя онъ имѣлъ у себя относительно положенія православія на востокѣ, онъ приходилъ необходимо къ твердому и рѣшительному убѣжденію, что правая вѣра въ ея неизмѣнномъ видѣ

и настоящее истинное благочестіе дѣйствительно находятся теперь на одной Руси, такъ какъ на востокѣ православіе совсѣмъ погибаетъ, вслѣдствіе господства тамъ безбожныхъ агарянъ. Въ этомъ настоятельно убѣждали русскихъ сами восточные патріархи, митрополиты, архіепископы, епископы, настоятели и братія разныхъ монастырей. Обращаясь на Русь за милостынею, они изображали въ своихъ просительныхъ граматахъ государю свое положеніе подъ турецкимъ игомъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. «Православіе повсюду на востокѣ ратуемо иноплеменными врагами, пишетъ константинопольскій патріархъ Діонисій Грозному царю, и столь велики напасти и убытки, что безъ помощи христіанской невозможно существовать». Тому же государю александрійскій патріархъ Іоакимъ пишетъ, «что зловѣрные арапляне, немилостивые къ намъ до конца, тщатся истребить святую церковь Божію», что онъ пребываетъ всегда съ своею паствою «на всякій день въ великихъ печаляхъ, нуждахъ и бѣдахъ, срамотахъ и поношеніяхъ, убиваемые и гонимые ради сохраненія вѣры православной». Другой александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ пишетъ царю Ѳеодору: «если бы не помощь твоей царственности, то вѣрь, православнѣйшій царь, православіе нашлось бы въ крайней опасности, такъ же какъ и эта патріархія». Въ другой граматѣ онъ пишетъ Ѳеодору: «горячо заботься о ней (восточной церкви), чтобы она, порабощенная и разсѣянная среди ассиріанъ, вавилонянъ и египтянъ, не исчезла до конца, подавляемая чрезмѣрными угнетеніями и нуждами». Іерусалимскій патріархъ Софроній, изображая въ граматѣ къ Годунову тѣ бѣдствія, которыя имъ приходится испытывать, замѣчаетъ: «все терпимъ для имени Христа, какъ прежніе мученики, но тѣ только день или два или три страдали, а мы на всякъ день мучимся для святыхъ мѣстъ». Константинопольскій патріархъ Кириллъ Лукарисъ въ 1634 году писалъ государю: «только благій Богъ и молитва пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ и сокровище великаго вашего царствія насъ бережетъ и помогаетъ и крѣпитъ великую церковь восточную, для пребыванія православныя вѣры христіанства». Патріархъ Парѳеній въ 1644 году писалъ: «всѣ мѣста христіанскія пребываютъ въ великой печали и утѣсненіи и по-

гибаютъ душевно и тѣлесно; мысль визиря есть извести весь родъ христіанскій». Антіохійскій патріархъ Макарій въ 1653 году писалъ государю: «мы, богомольцы великаго вашего царствія, пребываемъ въ великой смутѣ и въ обидѣ неизчетной, будучи въ работѣ у христіанскихъ недруговъ агарянъ, которые, какъ дикіе и лютые звѣри, хотятъ насъ поглотить». Александрійскій патріархъ Паисій, присутствовавшій на большомъ московскомъ соборѣ въ 1671 году, писалъ царю Алексѣю Михайловичу о своихъ личныхъ великихъ страданіяхъ: «о горе, кто не будетъ плакать о насъ! о горе, кто слыша, да не будетъ дивитися о такой неправедной на насъ клеветѣ, еже сотвори лукавый человѣкъ! Елико страдалъ, державный царю, азъ отецъ твой и стражду, кто иной терпѣлъ? и старые святые не терпѣша. Писати по единому нѣсть ми времени и смѣю глаголати, яко вторый Павелъ и вторый Іовъ, ей, ей клянуся царствію твоему, яко не лгу». То же самое писали на Русь и другіе восточные патріархи, а также митрополиты, архіепископы и епископы разныхъ каѳедръ, настоятели и братія разныхъ восточныхъ монастырей. Аѳониты, напр., въ своей просительной граматѣ 1670 года писали государю отъ лица всѣхъ аѳонскихъ обителей: «вѣруй, во истину многолѣтствуяй царю, яко аще не простреши многоподатливую царскую десницу въ помощь святой горѣ, запустѣніемъ запустѣетъ, инако нѣсть!» Въ такомъ мрачномъ и прямо отчаянномъ положеніи изображали состояніе православія на востокѣ сами его представители, объ этомъ они твердили русскому правительству въ теченіе столѣтій, и потому вполнѣ было естественно, что у русскихъ сложилось и твердо держалось убѣжденіе, что на востокѣ православіе погибаетъ почти окончательно, а если оно и держится тамъ, то единственно только благодаря русской помощи, безъ которой оно не можетъ болѣе существовать.

Опасность, грозившая восточному православію со стороны турокъ, была чисто внѣшняя, не касавшаяся самой его сущности ученія, такъ что отъ господства турокъ православіе теряло только количественно, а не качественно. Но другія неблагопріятныя условія, по увѣренію самихъ восточныхъ іерарховъ, грозили православію на востокѣ уже не внѣшне

только, но прямо искаженіемъ чистоты самаго его ученія, привнесеніемъ въ него чуждыхъ вѣрованій. Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ въ своемъ посланіи къ православнымъ русскимъ и грекамъ, жившимъ въ Польшѣ, между прочимъ, пишетъ, что у грековъ, со времени завоеванія ихъ турками, «начали изсякать ручьи божественной мудрости, заглохло наше просвѣщеніе, насталъ для вселенной (духовный) голодъ и жажда. И даже западъ, т.-е. греки, живущіе на западѣ, терпятъ необычайное несчастіе. Ибо, тѣ, *которые плѣнены, пришли въ такое злосчастіе, что едва могутъ сохранить вѣру Христову цѣлою и неисказимою и то съ большими опасностями и страданіями; тѣ же которые*, по человѣколюбію Божію, *были свободными отъ этого плѣна* и его бѣдствій, мало по малу попали въ другія затрудненія, вслѣдствіе того многобѣдственнаго раздѣленія церквей, которое приготовлено крайнимъ славолюбіемъ желающихъ властвовать вмѣсто Христа; такимъ образомъ и эти послѣдніе *страдаютъ, бывъ подвержены другимъ бѣдствіямъ*» [1]). Русскіе имѣли полную возможность убѣдиться въ справедливости грустнаго заявленія Мелетія о плачевномъ состояніи православія на востокѣ. Послѣ завоеванія Константинополя турками, просвѣщеніе у грековъ, дѣйствительно, почти окончательно упало, школъ, гдѣ бы давалось научное образованіе, или вовсе не было или онѣ были крайне рѣдки и притомъ, сравнительно съ западными школами, очень неудовлетворительны по своей постановкѣ. Поэтому всѣ греки, желавшіе получить высшее научное образованіе, по необходимости должны были учиться въ иновѣрныхъ западныхъ школахъ или въ протестантскихъ или, въ большинствѣ случаевъ, въ латинскихъ. Въ Римѣ, въ концѣ XVI вѣка папою Григоріемъ XIII была уже основана спеціальная греческая коллегія, гдѣ въ духѣ латинства, подъ руководствомъ отцовъ-іезуитовъ, воспитывались молодые греки, которые потомъ должны были сдѣлаться поборниками и проповѣдниками латинства среди православныхъ. Изъ этой римской греческой коллегіи вышли между прочимъ и извѣстные намъ дѣятели Арсеній грекъ и Паисій Лигаридъ. Даже тѣ ученые

[1]) Мелетій Пигасъ—Малышевскаго. Т. II, № 26, стр. 81—82.

греки, которые остались вѣрны православію, обучаясь въ латинскихъ школахъ, принуждены были временно отказываться отъ православія и принимать латинство. Да и вообще иновѣрная школа, иногда даже невольно, должна была оказывать свое заражающее вліяніе на учащихся въ ней православныхъ грековъ, незамѣтно прививая къ нимъ или латинскія или протестантскія воззрѣнія, а между тѣмъ воспитанники иновѣрныхъ школъ, какъ получившіе высшее научное образованіе, стремились занять мѣста учителей, проповѣдниковъ и архіерейскія каѳедры. Но этого мало. Не только ученые греки заражались иногда въ иновѣрныхъ школахъ чуждыми православію воззрѣніями, но и самыя греческія книги подвергались серьезной опасности быть попорченными, особенно со стороны латинянъ, которые, кромѣ школы, не прочь были и такимъ путемъ пропагандировать латинство между греками. Греки не имѣли у себя дома своей типографіи и принуждены были печатать свои книги за границей, преимущественно въ Венеціи. Попытка константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса завести свою греческую типографію въ Константинополѣ, благодаря интригамъ іезуитовъ, потерпѣла полную неудачу, и греки принуждены были по прежнему печатать свои книги въ латинскихъ земляхъ, что открывало возможность латинянамъ злоупотреблять греческими печатными книгами. При упомянутой выше коллегіи въ Римѣ печатались и греческія книги, прошедши предварительно чрезъ руки и цензуру отцовъ-іезуитовъ. Сами венеціанскіе греки не прочь были внести въ печатаемыя ими греческія книги нѣкоторыя латинскія нововведенія. Такъ, въ лицѣ своего митрополита Гавріила Севера они обращаются къ константинопольскому патріарху Іереміи II, съ просьбою разрѣшить имъ ввести у себя, ради житейскихъ удобствъ, григоріанскій календарь, на что патріархъ отвѣчаетъ: «пишете, что *западная церковь хочетъ нѣчто передѣлать въ книгахъ восточной, другое же прояснить;* но наша церковь не привыкла вводить новости подъ какимъ бы то ни было видомъ, какъ постоянно это дѣлаетъ западная... *Мы не дерзаемъ отнять даже одной запятой въ древнихъ книгахъ*». Когда протестанты, въ видахъ пропаганды, издали новый завѣтъ на народномъ ново-греческомъ языкѣ, то православные

греки не приняли этихъ изданій на томъ, между прочимъ, основаніи, что они выходили изъ неправославныхъ странъ. Вообще сами православные греки очень подозрительно относились особенно къ латинскимъ изданіямъ отеческихъ твореній въ виду того сложившагося у нихъ представленія, что латиняне, при изданіи отеческихъ твореній, дозволяютъ себѣ ихъ намѣренныя искаженія и даже прямо тенденціозные подлоги [1]).

Русскіе хорошо знали, что греки черпаютъ свою ученость, которою они такъ гордятся и превозносятся предъ русскими, въ иностранныхъ иновѣрныхъ школахъ, что греческія книги печатаются въ иновѣрныхъ земляхъ и что иновѣрцы вносятъ въ ихъ книги свои ереси. Все это русскіе знали изъ заявленій самихъ грековъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна челобитная палеопатрасскаго митрополита Ѳеофана, поданная имъ государю въ 1645 году, послѣ того какъ онъ исполнилъ порученіе константинопольскаго патріарха и собора, которыми онъ былъ посланъ въ Москву. Въ своей челобитной царю Ѳеофанъ пишетъ: «буди вѣдомо, державный царю, что веліе есть нынѣ безсиліе во всемъ родѣ православныхъ христіанъ и боренія отъ еретиковъ, потому что *имѣютъ папежи и лютори греческую печать и печатаютъ повсядневно богословныя книги святыхъ отецъ и въ тѣхъ книгахъ вмѣщаютъ лютое зеліе—поганую свою ересь.* И клеплютъ святыхъ и богоносныхъ отецъ, что будто пишутъ по ихъ обычаю, и тое есть нестаточно, потому, что нынѣ есть древніи книги и библѣи харатейные рукописьмены и богословные святыхъ отецъ въ монастырехъ во святой горѣ Аѳонской и въ иныхъ древнихъ монастыряхъ и по тѣмъ библіямъ и книгамъ объявляетца ихъ лукавство. Посемъ нынѣ они которые книги печатали и составили, по своему обычаю и вымыслу, тѣми же книгами они борются во странахъ, а гдѣ древнихъ библѣй нѣтъ, и опаясаютца оружіемъ нашимъ и являются они мужественны и стрѣляютъ на насъ нашими стрѣлами. И то чинитца, державный царю, для того, что турки не поволятъ намъ печатать книги въ Царѣ-градѣ, понеже и нѣмцы, которые

[1]) Ibid T. I. стр. 71, 74, 372, 580.

пребываютъ въ Царѣ-градѣ, мѣшаютъ отъ зависти своей и осиливаютъ они своею мздою... Сердцевидѣцъ есть Господь свидѣтель, что веліе веселіе и радость воспріяла душа моя, что Богъ сподобилъ меня и видѣлъ такова православнаго царя и благочестіе веліе *и вспомянулъ смуты что имѣютъ христіане отъ еретиковъ и смущаются многіе въ умахъ, прочитаючи тѣхъ составленныхъ книгъ и надѣютца, что такое есть составленіе святыхъ отецъ и падаютъ въ прелесть ихъ и погибаютъ*. Азъ прослезился и помыслилъ абіе понуждая отъ глубины сердца своего извѣстити обо всемъ къ великому вашему царствію, а преблагій Богъ избралъ тя царемъ на земли и есть ваше царское имя славно во всей земли. И будетъ извѣститъ въ сердце великому и державному царствію вашему къ надобю благочестивымъ и православнымъ христіаномъ: *да повелиши быть греческой печати и пріѣхать греческому учителю учить русскихъ людей философства и богословія греческаго языку и по русскому*, тогда будутъ переводить многіе книги греческіе на русскій языкъ, которые не переведены, и будетъ великое надобе на обѣ стороны и великая доброта, *да и гречане освободятца отъ лукавства еретиковъ*, да исполнятца во всемъ мірѣ православные христіанскіе книги и не будетъ нужны тѣми составленными римскими и люторскими книгами; *здѣся исполнятца древніе книги, будутъ ихъ печатать и переводить на русскій языкъ прямо, подлинно и благочестиво*, и тогда будетъ великая радость во всемъ мірѣ и во всемъ народѣ христіанскомъ и прославитца великое имя царствія вашего по всей вселенной, но и паки Птоломея царя... Сіе извѣщаю, державный царю, великому вашему царствію Божіимъ наставленіемъ, да не явлюся докучникъ къ великому вашему царствію, потому, что сіе дѣло не одному мнѣ надобно, но и всѣмъ православнымъ христіаномъ» [1]). Понятно, какое глубокое впечатлѣніе должно было произвести на всѣхъ русскихъ это заявленіе палеопатрасскаго митрополита Ѳеофана. Оно вполнѣ

[1]) Челобитная государю палеопатрасскаго митрополита Ѳеофана 1645 года напечатана нами въ полномъ видѣ въ статьѣ: Слѣдственное дѣло объ Арсеніи грекѣ и ссылка его въ Соловецкій монастырь. Чтен. въ Общ. Люб. Дух. Просв. 1881 г. Іюль.

подтверждало уже давно сложившееся у русскихъ убѣжденіе, что греческія книги, печатаемыя въ иновѣрныхъ земляхъ, намѣренно искажаются тамъ еретиками, которые вносятъ въ нихъ свои ереси. Отсюда русскіе само собою сдѣлали прямое заключеніе, что довѣрять новопечатнымъ греческимъ книгамъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ расходятся съ русскими книгами, никакъ не слѣдуетъ, ибо сами греки, и именно посолъ отъ константинопольскаго патріарха и собора, палеопатрасскій митрополитъ, торжественно заявляетъ царю, что для избѣжанія козней еретиковъ греческія книги необходимо печатать въ Москвѣ, такъ какъ только здѣсь *будутъ ихъ печатать и переводить на русскій языкъ прямо, подлинно и благочестиво*. Не вѣрить этому заявленію Ѳеофана русскіе не могли уже потому, что оно вполнѣ подтверждало ихъ собственное ранѣе сложившееся мнѣніе о греческихъ новопечатныхъ книгахъ, да къ тому же и другія данныя подтверждали заявленіе Ѳеофана. Во время преній съ греками о вѣрѣ Сухановъ укорялъ ихъ, зачѣмъ они сожгли на Аѳонѣ русскія богослужебныя книги, имъ бы слѣдовало лучше жечь свои греческія книги, которыя печатаются у латинянъ, такъ какъ въ этихъ книгахъ дѣйствительно находятся латинскія ереси. Для доказательства Сухановъ принесъ и показалъ патріарху Паисію одну греческую книгу, взятую имъ у греческаго учителя, въ которой символъ вѣры дѣйствительно былъ напечатанъ съ прибавленіемъ Filioque. Въ виду этой очевидной улики патріархъ Паисій объяснилъ Суханову, что они—православные греки—пользуются греческими книгами венеціанскихъ изданій съ большою осторожностью, такъ какъ хорошо знаютъ, что латиняне намѣренно вносятъ въ греческія книги свои еретическія мнѣнія, которыя они—православные греки—и вымарываютъ изъ этихъ книгъ, но самыхъ книгъ не сжигаютъ. Павелъ алеппскій свидѣтельствуетъ, что онъ достовѣрно узналъ, будто франки запретили печатать въ греческихъ книгахъ многія вещи и между прочимъ чинъ освященія церкви и приготовленія мура [1]). Въ 1700 году наши послы въ Константинополѣ, Украинцевъ и Чередѣевъ, были у іерусалимскаго патріарха Досиѳея, который имъ показывалъ раз-

[1]) Рущинскаго, стр. 161.

ныя купленныя имъ греческія хроники, напечатанныя во Франціи по-гречески и по-латыни. Послы полюбопытствовали спросить Досиѳея: «какъ они, французы, тѣ книги печатаютъ, *понеже въ вѣрѣ и въ иныхъ церковныхъ догматехъ имѣютъ великое разнствіе* и совершенно ли знаютъ греческій языкъ?» Патріархъ отвѣчалъ: «печатаютъ всю старину правдою, *развѣ малое что не печатаютъ, которое имъ что къ поношенію и ко укоризнѣ належитъ* и эллино-греческій языкъ знаютъ достаточно» [1]).

Такимъ образомъ, на основаніи тѣхъ заявленій, какія сами восточные іерархи постоянно дѣлали нашему правительству, у русскихъ естественно и само собою явилось такое представленіе, «что православіе повсюду на востокѣ ратуемо иноплеменными врагами», что, находясь подъ игомъ турокъ, восточные христіане «едва могутъ сохранить вѣру Христову цѣлою и неисказимою», такъ какъ они «пребываютъ на всякій день въ великихъ печаляхъ, нуждахъ и бѣдахъ, срамотахъ и поношеніяхъ, убиваемые и гонимые ради сохраненія вѣры православной», которую «зловѣрные тщатся истребить», почему православные постоянно опасаются, какъ бы православная церковь на востокѣ, «порабощенная и разсѣянная среди ассиріянъ, вавилонянъ и египтянъ, не исчезла до конца». Но этого мало. Отъ самихъ же греческихъ іерарховъ русскіе узнавали, что православіе на востокѣ испытываетъ не одни только внѣшнія притѣсненія и умаленія, но и подвергается серьезной опасности «и отъ боренія еретиковъ, потому что имѣютъ папежи и лютори греческую печать и печатаютъ повсядневно богословные книги святыхъ отецъ и въ тѣхъ книгахъ вмѣщаютъ лютое зеліе, поганую свою ересь», и это не остается безъ вреднаго, пагубнаго вліянія на православныхъ, «ибо смущаются многіе въ умахъ, прочитаючи тѣхъ составленныхъ книгъ и надѣютца, что такое есть составленіе святыхъ отецъ и падаютъ въ прелесть ихъ и погибаютъ». Самый простой и естественный выводъ, который русскіе логически необходимо должны были сдѣлать, на основаніи имѣвшихся у нихъ свѣдѣній о состояніи православія на востокѣ, былъ тотъ, что слова—грекъ и православіе перестали уже быть синонимами, что русскіе должны

[1]) Тур. стат. списки, № 27, 1699—1700 гг., стр. 203.

крайне недовѣрчиво и опасливо относиться ко всему, что переходитъ на Русь отъ грековъ, иначе и на Русь можетъ проникнуть лютое зелье, поганая ересь папежей и люторей, какъ она уже успѣла проникнуть и все шире и глубже проникаетъ въ среду православныхъ грековъ.

Внѣшнія гоненія на церковь и нападеніе на нее со стороны еретиковъ еще не даютъ однако права подозрительно и опасливо относиться къ гонимой церкви. Разныя гоненія и невзгоды нерѣдко только развиваютъ и закаляютъ высокія духовныя свойства въ гонимыхъ, доводятъ духовно-нравственную ихъ жизнь до высокаго возможнаго напряженія, ярко выставляютъ на видъ высокія качества пастырей и пасомыхъ, словомъ то духовное богатство, ту внутреннюю силу и мощь, которыя присущи гонимой церкви. Но вовсе не въ такомъ видѣ являлась предъ русскими жизнь православной греческой церкви на востокѣ. Начиная съ конца XVI вѣка русскіе получили очень подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія изъ разныхъ рукъ о всѣхъ событіяхъ и происшествіяхъ, особенно имѣвшихъ мѣсто въ константинопольской патріархіи, и на основаніи этихъ свѣдѣній имѣли полную возможность составить довольно ясное представленіе о жизни греческой церкви, о порядкахъ, царящихъ въ ней, о нравственныхъ качествахъ ея важнѣйшихъ и второстепенныхъ представителей и т. п. Нужно сознаться, что картина церковной жизни на востокѣ на основаніи идущихъ оттуда свѣдѣній получилась въ общемъ довольно мрачная, хотя эти свѣдѣнія шли отъ самыхъ достовѣрныхъ лицъ, такъ что заподозрить правдивость ихъ показаній русскіе не имѣли никакихъ основаній.—Пріѣхавшій въ Москву константинопольскій патріархъ Іеремія заявляетъ здѣсь, что онъ былъ на нѣкоторое время отставленъ отъ патріаршества, благодаря проискамъ и подкупу нѣкоего Ѳеолипта, «который сталъ подкупать пашей, чтобы учинили его въ Царѣградѣ патріархомъ, а онъ будетъ давать султану, сверхъ прежней дани, двѣ тысячи золотыхъ». Граматою отъ 29 іюля 1636 года патріархъ Кириллъ Лукарисъ извѣщаетъ царя, что на его мѣсто подкупился нѣкто митрополитъ веррійскій Кириллъ, который посулилъ султану за свое поставленіе 15 тысячъ рублей и успѣлъ сдѣлаться патріархомъ, но за свои жестокости и

разныя неправды былъ скоро отставленъ и даже чуть не казненъ. Бывшій константинопольскій патріархъ Аѳанасій Пателаръ о своемъ избраніи писалъ царю: «меня поставили на вселенскій престолъ братья мои архіереи въ помощь блаженнѣйшему и святѣйшему старому патріарху господину Кириллу, чтобъ согнать новаго Кирилла веррійскаго, и послѣ того дали мнѣ соборомъ селунскій престолъ», но онъ его оставилъ, потому что не могъ уплатить громадныхъ долговъ митрополіи, и удалился въ Молдавію, гдѣ и живетъ теперь. Совершенно иначе объясняетъ дѣло константинопольскій патріархъ Парѳеній въ своей грамотѣ къ государю отъ 18 августа 1643 года. Онъ говоритъ, что Аѳанасій, какъ критянинъ и, слѣдовательно, землякъ Лукариса, въ качествѣ простого іеромонаха появился въ Константинополѣ, былъ принятъ и обласканъ Лукарисомъ, успѣлъ пріобрѣсти его расположеніе и былъ наконецъ поставленъ селунскимъ митрополитомъ. Но Аѳанасій оказалъ величайшую неблагодарность своему благодѣтелю: «будучи злой человѣкъ и измѣнникъ, не пребылъ въ томъ достоинствѣ, что Богъ ему даровалъ, поднялся внезапу съ нѣкіими злыми человѣки и недруги и измѣнники церкви нашей, якоже супостатъ и новый Іюда», низвергъ Лукариса, добился его ссылки, а самъ сѣлъ на патріаршество, «учинивъ великой церкви многую поруху и убытки больши 50,000 ефимковъ». Но онъ патріаршествовалъ только 28 дней, его, «яко недруга и супостата великія церкви и измѣнника новаго Іюду», согнали съ патріаршества и возвратили Лукариса. Аѳанасію же дали опять прежнюю его селунскую епархію съ тѣмъ, чтобы онъ торжественною клятвою обязался не искать болѣе патріаршества и въ томъ онъ, Аѳанасій, далъ патріарху и архіереямъ вѣру на святомъ Евангеліи. Между тѣмъ по смерти Лукариса, патріархомъ сдѣлался онъ, Парѳеній, и съ своей стороны утвердилъ за Аѳанасіемъ селунскую митрополію. Но, сообщаетъ Парѳеній, прошло три года, и мы услышали, что «всѣялъ въ сердце ево (Аѳанасія) дьяволъ и преступилъ тою свою евангельскую клятву», бросивъ селунскую епархію своевольно, отправился въ молдавскую землю, чтобы происками произвести охлажденіе между патріархомъ Парѳеніемъ. владѣтелемъ Василіемъ и его вельможами и, за-

ручившись рекомендаціей господаря, пріѣхать въ Москву и «получить здѣсь большую милостыню, якоже и прежде сего пріѣзжалъ веррейскій Кириллъ, недругъ и измѣнникъ великія церкви, и имѣлъ онъ также сатанинскую мысль, что и нынѣ Аѳанасей». Какъ ранѣе Кириллъ, получивъ отъ царя богатую милостыню, по возвращеніи изъ Москвы, «учинилъ великіе смуты и убытки великіе великой церкви и убилъ блаженнѣйшаго того стараго патріарха Кирилла, такъ теперь и Аѳанасій тѣмъ же обычаемъ хочетъ учинить надъ нами и надъ великою церковью». Затѣмъ Парѳеній заявляетъ, что эта грамата объ Аѳанасіи написана «по хотѣнію и по совѣту» всѣхъ архіереевъ и благородныхъ цареградскихъ вельможъ въ удостовѣреніе, что «тотъ Аѳанасей Паталарей есть измѣнникъ и злой человѣкъ и недругъ великіе церкви Христовы, и хочетъ онъ пріѣхать къ тебѣ, великому государю, для милостыни, чтобы ему тѣмъ собраннымъ совершити сатанинскій умыселъ и злое свое хотѣніе». Поэтому патріархъ проситъ царя, если Аѳанасій пріѣдетъ въ Москву, учинить надъ нимъ какъ Богъ извѣститъ, «чтобы не погибла впередъ церковь Божія отъ него». Въ заключеніе Парѳеній дѣлаетъ такую приписку: «тою грамоту посылаемъ къ тебѣ великому государю тайнымъ обычаемъ». Очевидно, это былъ тайный доносъ на сильнаго соперника, сдѣланный въ расчетѣ такъ или иначе избавиться отъ него [1]). Если Парѳеній рѣзко отзывался объ Аѳанасіи Пателарѣ, то и о самомъ Парѳеніи на Руси былъ полученъ не лучшій отзывъ. Отъ 10 декабря 1644 года соборъ, низвергшій Парѳенія старшаго и возведшій на его мѣсто тоже Парѳенія, писалъ царю: «взошелъ сатана въ сердце нынѣ отставленнаго патріарха Парѳенія, по его грѣху и неправедному житію и по зависти славы патріаршеской, научилъ онъ понемногу искушать того блаженнѣйшаго стараго патріарха Кирилла, ибо желалъ себѣ престолъ его, будучи исполненъ лукавства, не хотѣлъ однако вдругъ объявить поганыя свои мысли и свою лукавую думу, что тайно мыслилъ день и ночь, какъ бы ему достигнуть патріаршескаго мѣста». Соборная грамата пишетъ, что будто бы Парѳеній научилъ треклятаго веррійскаго

[1]) 7151 г. № 1.

Кирилла извести Лукариса, чтобы самому сдѣлаться патріархомъ. По его же наученію Кириллъ веррійскій многихъ архіереевъ отъ областей ихъ отставилъ напрасно, убыточилъ и ссылалъ ихъ не по дѣлу и не оставилъ ни единаго, чтобы кому не сотворить зла, какъ мучитель и похититель престола, также дѣлалъ и съ іереями и съ монастырями и со многими христіанами. Кириллъ за его тяжкія вины былъ низложенъ, и Парѳеній, котораго тогда еще не знали, сдѣлался патріархомъ, «но онъ явился какъ бывшій веррійскій и злѣе того, повседневно творилъ правежъ, обиды и беззаконія и сверхъ того впалъ въ грѣхъ сребролюбія,—церковь святую раззорилъ и впалъ въ тяжкіе долги ради личной наживы». За взятки и ради взятокъ сталъ онъ отставлять архіереевъ, а нѣкоторыхъ хотѣлъ и совсѣмъ извести, и только сила Божія спасла ихъ отъ смерти. Тогда всѣ, видя, «что онъ былъ весь наполненъ лжи и лукавства и непостоянства, одно имѣлъ въ устахъ, а сердцемъ мыслилъ другое, какъ бы человѣку досадить и какимъ бы вымысломъ имѣніе его взять и обогатить себя, чтобы тѣмъ исполнить хотѣніе сребролюбное», соборомъ отставили его и избрали на его мѣсто другаго Парѳенія, зная, что онъ добрый и хорошій человѣкъ. Но прежде чѣмъ пришли эти соборныя граматы въ Москву, здѣсь уже знали обо всемъ случившемся изъ отписокъ агентовъ: халкидонскаго митрополита Даніила и грека Ивана Петрова, которые изображали все дѣло низверженія Парѳенія старшаго совершенно иначе, нежели какъ разсказывала объ этомъ соборная грамата. По словамъ халкидонскаго митрополита низверженіе Парѳенія было дѣломъ интригъ и происковъ трехъ архіереевъ: ларисскаго Григорія, адріанопольскаго Парѳенія и нынѣшняго халкидонскаго Пахомія, изъ нихъ Парѳеній самъ добивался патріаршескаго престола. Парѳеній старшій, чтобы прекратить эти происки враждебныхъ ему архіереевъ и тѣмъ предупредить дальнѣйшія смуты, созвалъ, по словамъ Ивана Петрова, соборъ 26 августа, постановившій, чтобы всѣ архіереи, исключая четырехъ, отправились въ свои епархіи, для чего имъ и данъ былъ десятидневный срокъ. Но враги стали дѣйствовать теперь рѣшительно, такъ что уже перваго сентября визирь надѣлъ кафтанъ на новаго патріарха, а прежняго сослалъ

на островъ Тенедосъ и «восплакались, пишетъ Даніилъ, всѣ православные христіане о старомъ патріархѣ Парѳеніѣ». Торжественное провозглашеніе новаго патріарха не только не было единодушнымъ, какъ увѣряетъ соборная грамата, но напротивъ вызвало со стороны нѣкоторыхъ публичный протестъ и сопровождалось великимъ позоромъ. Халкидонскій митрополитъ объ этомъ разсказываетъ: въ праздникъ Рождества Богоматери собралъ новый патріархъ духовныя власти, которыя случились въ Царьградѣ, собрался и весь народъ на постановленіе патріаршее; когда прочли отставленіе стараго патріарха, новый возгласилъ ему анаѳему; но весь народъ возопялъ: «Богъ проститъ стараго патріарха, а новый буди проклятъ!» Потомъ роздали народу свѣчи, и когда ираклійскій митрополитъ поднесъ посохъ и, возведя новопоставляемаго на престолъ, произнесъ: «аксіосъ», то весь народъ возопилъ: «анаксіосъ», т.-е. недостоинъ! и былъ великій позоръ, котораго никогда не бывало; потомъ же за деньги, обѣщанныя новымъ патріархомъ, сослали стараго въ Кипрскій островъ. Совершенно также разсказываетъ это дѣло и Иванъ Петровъ [1]).

Подобнаго же рода извѣстія получались въ Москвѣ о событіяхъ въ константинопольской патріархіи и въ послѣдующее время. Такъ въ 1652 году августа 23 ватопедскій архимандритъ показывалъ въ Москвѣ, что въ 1652 году іюня 13 на мѣсто патріарха Іоанникія поставленъ опять патріархомъ Аѳанасій, по прозванію Пателарій, и былъ на патріаршествѣ только 14 дней, а на его мѣсто подкупился Кириллъ филиппопольскій митрополитъ, и тотъ былъ на патріаршествѣ только три дня, а послѣ того іюня 30 поставленъ на патріаршество митрополитъ Паисій, да и на мѣсто этого патріарха подкупается адріанопольскій митрополитъ Неофитъ, а отставныхъ патріарховъ нынѣ въ Царьградѣ четыре [2]). Въ декабрѣ того же года пріѣхавшіе въ Москву гречане сообщили, что надъ патріархомъ Паисіемъ, недавно поставленнымъ, промышляетъ опять бывшій патріархъ Іоанникій съ своими людьми, чтобъ его отставить, а иные вель-

---

1) 7153 г. №№ 19, 30, 32.
2) 7160 г. № 37.

можи желаютъ возвести александрійскаго, потому что онъ мудръ и разуменъ, и вообще съ тѣхъ поръ, какъ потеряли Парѳенія, равнаго обрѣсти ему не могутъ и теперь весьма каятся, что его погубили. То же самое писали государю назаретскій митрополитъ Гавріилъ, прикопійскій Іеремія и халкидонскій Гавріилъ [1]). Въ августѣ 1653 года прислалъ государю грамату бывшій константинопольскій патріархъ Іоанникій. Интересенъ его отзывъ о другихъ патріархахъ, его соперникахъ. Если Парѳеній младшій, какъ мы видѣли, дѣлаетъ о низвергнутомъ имъ Парѳеніи старшемъ очень неблагопріятный отзывъ, то и о Парѳеніи младшемъ низвергшій его Іоанникій дѣлаетъ въ граматѣ государю слѣдующій, тоже не особенно лестный отзывъ: «какъ на патріаршествѣ былъ новый Парѳеній, жестокій нравомъ и немилосердый (упокой его Богъ, понеже и онъ былъ человѣкъ, если имѣлъ на себѣ какую вину, и то не диво), сослали его отъ патріаршества въ ссылку, а меня взяли отъ области моей и поставили меня цареградскимъ патріархомъ. Такъ пребылъ я немногое время со смиреніемъ въ мирномъ поставленіи; а какъ пріѣхалъ Парѳеній изъ ссылки и насильствомъ, съ великимъ домогательствомъ, взялъ опять патріаршество, то меня отставили. Но его опять отъ патріаршества сослалъ султанъ съ великою опалою, и меня снова призвали соборомъ (въ маѣ 1650 года)... и дали мнѣ владычество патріаршее, владѣлъ я мирно, но недолгое время (1 годъ и 13 дней). Въ то время возсталъ нѣкій отставной митрополитъ, непотребный человѣкъ, по имени Кириллъ, и сѣлъ на патріаршество насиліемъ, беззаконно, какъ разбойникъ, но онъ, видя, что его никто не почитаетъ, покинулъ патріаршество и отошелъ прочь» (былъ патріархомъ 18 дней), затѣмъ 18 дней (14?) былъ патріархомъ Пателларъ, но онъ самъ покинулъ патріаршество «и на его мѣсто учинился нѣкто ларскій митрополитъ Паисій (1651 года іюля 1), *образъ его лихимъ человѣкомъ не показуетъ, но что подобаетъ имѣть патріарху, онъ всего того чуждъ*» [2]). Въ сентябрѣ 1654 года халкидонскій митрополитъ писалъ объ Іоанникіи и вообще о положеніи дѣлъ

[1]) 7161 г. № 16.
[2]) 7161 г № 34.

въ патріархіи: «Державнѣйшій и святѣйшій царю, писать ли мнѣ о непостоянствѣ патріарщества нашего? Ничто же иное здѣсь, кромѣ скорби и болѣзни, какъ было и въ прошломъ: Іоанникій насильно взялъ патріаршество, много издержалъ вельможамъ, и мы это потерпѣли. Но не прошло и 10 мѣсяцевъ, какъ возсталъ одинъ низверженный отъ трехъ или четырехъ соборовъ за многія неприличныя и беззаконныя дѣла. Онъ пошелъ къ царскому девтердару и обѣщалъ 40,000 ефимковъ, чтобы дали ему патріаршество. Когда услышалъ о деньгахъ девтердаръ, то не только патріаршество, но и все иное отдалъ бы ему и извѣстилъ о томъ визиря». Изверженный Кириллъ сдѣлался патріархомъ. Тогда изъ архіереевъ и міянъ собрался совѣтъ, на которомъ говорили, «что слишкомъ много обѣщалъ Кириллъ и что нельзя найти столько денегъ; да сверхъ того онъ изверженъ и держитъ за собою три епархіи донынѣ». Тогда внесли визирю 28,000 ефимковъ, согнали Кирилла и поставили Паисія. «Нынѣ обрѣтается патріаршество наше въ долгу, свыше 100,000 ефимковъ, которые задолжалъ отчасти господинъ Паисій, отчасти Іоанникій и господинъ Аѳанасій Пателларій, который и больше задолжалъ, и потомъ опять Іоанникій» [1]). Если Іоанникій въ граматѣ царю сдѣлалъ очень неблагопріятный отзывъ о своемъ предшественникѣ Парѳеніи и преемникѣ Паисіи, то и Паисій съ своей стороны не особенно лестно отзывается объ Іоанникіи въ граматѣ царю, которую привезъ въ Москву одинъ грекъ 9 ноября 1655 года. Паисій пишетъ, что когда онъ противъ воли поставленъ былъ патріархомъ на мѣсто низведеннаго Іоанникія, то Іоанникій, «не хотя ни на какомъ мѣстѣ успокоиться и плакать о своихъ согрѣшеніяхъ иночески и ради старости своей, чрезъ краткое время посулилъ много денегъ туркамъ и сдѣлался опять патріархомъ, а насъ изгналъ». Сказавъ затѣмъ, какъ Іоанникія вскорѣ согналъ съ престола Кириллъ, въ свою очередь согнанный архіереями, и какъ его, Паисія, упросили снова сдѣлаться патріархомъ, Паисій продолжаетъ: какъ скоро онъ сдѣлался патріархомъ, «тотчасъ же мы привели изъ заточенія Іоанникія, куда сослалъ его безбородый (т.-е. Кириллъ) и привели

[1]) 7163 г № 1

его въ патріархію съ честію и славою. Какъ собрался весь соборъ, возопилъ онъ, что въ патріархахъ быть не хочетъ и по доброй своей волѣ просилъ, чтобы принести ему изъ великой церкви книгу правилъ, и подписалъ отреченіе своею рукою. Потомъ патріархъ Іоанникій и весь народъ пошли въ великую церковь; онъ пѣлъ молебенъ и, облачась въ омофоръ, проклялъ самъ себя, если будетъ воспоминать и просить патріаршества, и, потребовавъ священное евангеліе, принялъ надъ нимъ клятву, что до конца жизни своей никакимъ помысломъ не будетъ просить себѣ патріаршества, съ нами же цѣловался по-братски». Но весь этотъ обрядъ ни къ чему не привелъ, и Іоанникій измѣнилъ своей клятвѣ: «онъ же окаянный, пишетъ Паисій, не разумѣвъ, въ какую сѣть впалъ, не захотѣлъ быть въ смиреніи и не пошелъ въ митрополію, которую ему дали, а только сталъ жить въ городѣ Хіосѣ и началъ писать письма къ друзьямъ своимъ, чтобы опять его возвратили на патріаршество. Нѣсколько времени спустя послалъ онъ опять несчетное число денегъ и снова сѣлъ, какъ слѣпой на патріаршество, обѣщаніями и насиліемъ, а не чьимъ-либо хотѣніемъ, не вспомнивъ проклятія своего и клятвы надъ евангеліемъ объ оставленіи престола, ни страха Божія, ни срамоты человѣческой; все сіе попралъ и посрамилъ весь родъ христіанскій и не пріобрѣлъ себѣ ни единаго человѣка. Стали всѣ архіереи со мною за едино, и никто не хотѣлъ выйти къ нему поклониться, только я опять понаучилъ людей, чтобы шли къ нему и не впали бы въ зло отъ повелѣнія султанова. Такимъ образомъ вошелъ внутрь патріархіи съ бранью и позоромъ отъ малыхъ и великихъ, и не знаю, какъ будетъ въ ней пребывать. Христіане всѣ возстали на него какъ звѣри дикіе за его божбу и беззаконное клятвопреступленіе, а я, бѣдный, живу въ великомъ страхѣ отъ злаго его помысла» [1]). Любопытна, послѣ всего нами приведеннаго, покажется грамата патріарха Іоанникія, присланная имъ къ государю въ маѣ 1654 года, въ которой онъ пишетъ: «мы страдаемъ отъ невѣрнаго и многоглавнаго змія агарянскаго, который нами владѣетъ за наши великіе грѣхи и не даетъ по сіе время

[1]) 7164 г. № 8.

отдохновенія благочестивому христіанскому роду, а нынѣ, какъ у него взяли Критскій островъ, возсталъ на насъ, какъ лютый звѣрь и какъ волкъ на агнца, ибо многія тысячи людей погубилъ въ браняхъ и всуе истощилъ многую казну и впредь ничего не можетъ учинить, ибо самого его никто царемъ не почитаетъ въ царствѣ его, а только вся его мысль напрасно мучить христіанъ, и нынѣ противъ прежняго беретъ стократно, потому что казну свою истерялъ всю и нечѣмъ жаловать служилыхъ людей, а чрезъ то великіе убытки учинилъ великой церкви Христовой, больше ста тысячъ рублей, и мы переходимъ съ мѣста на мѣсто, потому что уже мочи не стало давать подати и долгъ платить. Слышалъ онъ, что ваше царское величество промыслило побѣду надъ недругами и многими мѣстами овладѣло, и ненавидитъ насъ, какъ лютый звѣрь, за то, что мы единовѣрны съ православными христіанами вашего царскаго величества и радуемся о Божіей вамъ помощи и молимся день и ночь о побѣдѣ вамъ надъ врагами» [1]). Эта грамата съ увѣреніемъ, что причина громаднаго долга патріархіи—тяжелые турецкіе поборы и подати, которыя раззоренные неудачною войною турки налагаютъ теперь на патріарховъ и что въ раззореніи патріархій косвенно виноватъ даже русскій царь, военные успѣхи котораго побудили турокъ возненавидѣть подчиненныхъ имъ христіанъ, какъ единовѣрныхъ царю; эта грамата, написанная непосредственно послѣ того, что писали о безпорядкахъ въ патріархіи разныя лица и самъ Іоанникій,—является прекраснымъ образчикомъ тѣхъ безцеремонныхъ отношеній, какія дозволяли себѣ восточные патріархи въ своихъ сношеніяхъ съ Москвою. Понятно, что очень невысокое представленіе о личныхъ качествахъ константинопольскихъ патріарховъ должно было составиться у русскихъ на основаніи тѣхъ извѣстій, которыя доходили до нихъ о происходящемъ въ константинопольской патріархіи.

Изъ донесеній какъ самихъ патріарховъ, такъ и разныхъ агентовъ, московское правительство не только узнавало о томъ, что въ константинопольской патріархіи царятъ подкупы, интриги и всевозможныя неправды, но что тамъ, для

[1]) 7164 г. № 24.

уничтоженія своего соперника, практикуются и убійства, и что нѣкоторые патріархи дѣйствительно потеряли жизнь, благодаря происканъ другихъ патріарховъ, ихъ соперниковъ. Такъ патріархъ іерусалимскій Ѳеофанъ сообщалъ въ Москву, что патріарха Кирилла Лукариса убили, благодаря навѣтамъ его соперника, новаго константинопольскаго патріарха Кирилла веррійскаго. Въ 1640 году иверскій старецъ сообщалъ въ Москвѣ, что въ Мутьянской землѣ не стало александрійскаго патріарха Митрофана, а какимъ образомъ случилась ему смерть, того онъ подлинно не вѣдаетъ, но въ Мутьянской землѣ всякіе люди говорятъ, что его окормили отравою по повелѣнію Кирилла, новаго патріарха цареградскаго. То же самое подтвердилъ и черный критскій священникъ Ѳеофанъ, въ это же время прибывшій въ Москву. Онъ заявилъ, что веррійскій потому отравилъ александрійскаго патріарха, что его хотѣли сдѣлать на мѣсто Кирилла цареградскимъ патріархомъ, а что Митрофанъ доподлинно отравленъ, это говорилъ ему, Ѳеофану, докторъ мутьянскаго воеводы. Въ 1643 году патріархъ Парѳеній старшій писалъ въ Москву, что Кириллъ «убилъ блаженнѣйшаго того стараго патріарха Кирилла» [1]). Грекъ Иванъ Петровъ писалъ въ Москву, что когда Парѳеній младшій низвергнулъ Парѳенія старшаго съ патріаршаго престола, «то стараго патріарха хотѣли извести и писали о томъ къ князю Василію воеводѣ, что объ немъ думаетъ? Но Василій воевода писалъ объ немъ, чтобы его ничѣмъ не вредили, а только бы сослали въ Кипрскій островъ» [2]). Впрочемъ носились слухи, что Парѳеній старшій дѣйствительно кончилъ неблагополучно, по крайней мѣрѣ, молдавскій учитель Гавріилъ Власьевъ отъ 9 января 1646 года писалъ государю, что въ сентябрѣ 1645 года нѣкоторые люди поѣхали въ Кипръ и безъ повелѣнія султана освободили Парѳенія, но патріархъ, доѣхавъ до Хіоса, разнемогся и, пролежавъ два дня, умеръ, и слухъ есть, замѣчаетъ учитель, будто его окормили, учинилась въ Царѣградѣ смута великая о немъ, и всколебались многіе христіане» [3]). Но и Парѳеній младшій, низвергшій старшаго Парѳенія, съ

[1]) 7151 г. № 1
[2]) 7153 г. № 32.
[3]) 7154 г. № 19.

своей стороны погибъ ужасною насильственною смертью. Въ іюлѣ 1651 года никонійскій митрополитъ прислалъ государю грамату, въ которой сообщалъ, что бѣднаго патріарха Парѳенія зло и беззаконно убили, и затѣмъ описываетъ самую смерть патріарха: его посадили въ каикъ «и первое ему глаза выняли, потомъ же ушибли топоромъ между плечъ и по лбу и потомъ удариша кинжаломъ въ брюхо и тако іво скончаша и вкинули въ море». Но когда узнали, что патріарха убивать не велѣно, то бросились немедленно на патріаршій дворъ, «поимали первыхъ смутниковъ» и одного изъ нихъ тотчасъ же повѣсили на патріаршихъ воротахъ, такъ какъ, по словамъ митрополита, патріарха убили патріаршіе люди [1]). Въ октябрѣ 1651 года еессалійскій архіепископъ Даніилъ сообщалъ, что во время убійства патріарха Парѳенія, которое случилось 16 мая, «я въ то время былъ посланъ на Бѣлое море въ островъ въ Линской собирать десятины патріарщеской», а когда воротился, то постарался собрать точныя свѣдѣнія о смерти патріарха. Оказалось, что патріарха Парѳенія убилъ какой то портной Михаилъ, питавшій злобу къ патріарху и искавшій его головы, потому что его жаловала прежняя султанова мать. Портной сознался въ убійствѣ и былъ повѣшенъ на патріаршихъ воротахъ. Но портной былъ только орудіемъ въ рукахъ другихъ лицъ, которыхъ прямо и называетъ архіепископъ: «А Аникея (преемника убитаго Парѳенія) и ево прикащиковъ дали за пристава за то, что они промышляли съ нимъ убойцомъ и по ихъ промыслу убили патріарха, и они въ томъ заперлися и сказали, что тотъ Михайло одинъ промышлялъ и Мутьянской и Молдавской воеводы дали 30,000 ефимковъ и ихъ освободили. И грѣхъ ради нашихъ сказываютъ, что іерусалимскій патріархъ прислалъ денегъ не мало тутъ же на помощь, чтобъ ево патріарха Парѳенія сослали, потому что они имѣли межъ себя недружбу» [2]). Итакъ, въ низверженіи и убійствѣ патріарха Парѳенія прямо обвинялись преемникъ Парѳенія на константинопольскомъ престолѣ патріархъ Іоанникій, который былъ даже арестованъ и освободился только благодаря 30,000

[1]) 7159 г. № 39.
[2]) 7160 г. № 3.

ефимкамъ, внесеннымъ за него воеводами Молдавіи и Валахіи, затѣмъ патріархъ іерусалимскій Паисій и наконецъ косвенно воеводы молдавскій и валахскій. Объ участіи патріарха Іоанникія въ низверженіи и убійствѣ Парѳенія говорятъ и другія донесенія. Въ октябрѣ 1653 года халкидонскій митрополитъ Даніилъ доносилъ, что Іоанникій, занявшій престолъ убитаго Парѳенія, въ томъ же году былъ отставленъ вмѣстѣ съ покровительствовавшимъ ему визиремъ, между прочимъ за убійство Парѳенія [1]). Великій архимандритъ константинопольской церкви отъ 6 августа 1654 года сообщалъ, что Іоанникій, прежде чѣмъ убить Парѳенія, не разъ писалъ молдавскому воеводѣ, что будто бы Парѳеній съ пашами ищетъ на его мѣсто поставить иного государя и хочетъ погубить его государство, вслѣдствіе чего молдавскій воевода прислалъ отъ себя Іоанникію 16,000 ефимковъ, чтобы согнать патріарха Парѳенія. Но Іоанникій не только низвергнулъ Парѳенія, а и убилъ его. Теперь же, сообщаетъ архимандритъ, воевода, узнавъ, что извѣты Іоанникія на Парѳенія были ложны, открыто заявляетъ въ Константинополѣ, что онъ послалъ деньги Іоанникію только для низверженія Парѳенія, «а вы, говоритъ воевода, деньги издержали, а его (Парѳенія) погубили, и непраедное сіе убійство привело меня къ тому, что я погубилъ богатство свое, государство, жену и дѣтей. Нынѣ же, поелику тотъ (Іоанникій) сотворилъ волю свою, а не мою, то да отдастъ мнѣ деньги мои обратно» [2]). Очевидно отсюда, что патріархъ Іоанникій былъ сильно замѣшанъ въ дѣлѣ убійства своего предшественника Парѳенія. Другимъ участникомъ низверженія и смерти Парѳенія былъ іерусалимскій патріархъ Паисій. Объ его дружбѣ съ Парѳеніемъ мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ. Въ 1650 году возвратился въ Путивль чудовскаго монастыря старецъ Пахомій, посланный сопровождать іерусалимскаго патріарха Паисія. Чрезъ путивльскаго воеводу онъ доносилъ царю, что Паисій отпустилъ его изъ Молдавской земли, а самъ поѣхалъ въ Мутьянскую, гдѣ и остается жить; «въ Іерусалимъ же онъ опасается ѣхать,

[1]) 7162 г № 2
[2]) 7163 г. № 1

боясь опалы отъ султана, за что—не знаетъ, да за старую недружбу цареградскаго патріарха Парѳенія опасается запрещенія ѣхать и потому думаетъ долго прожить въ Мутьянахъ *до самой смерти Парѳенія»;* это сообщили Пахомію черный попъ патріарха Даніилъ, да старецъ Ѳеона [1]). Троицкій іеродіаконъ Іона, отправившійся изъ Москвы въ Іерусалимъ вмѣстѣ съ патріархомъ Паисіемъ, о причинахъ замедленія патріарха въ Мутьянахъ говоритъ: «патріарху же коснящу страха ради турскаго, овоже бояся патріарха цареградскаго, занеже между собою велію вражду имуще». Арсеній Суховъ говоритъ: «и строитель Арсеній выспрашивалъ у иныхъ старцевъ, которые къ нему, Арсенію, были добры: поѣдетъ ли патріархъ въ Іерусалимъ? И они ему сказали: сказываютъ де поѣдетъ, а мы не чаемъ ему ѣхать, *если Парѳеній патріархъ цареградскій живъ будетъ*» [2]). Въ январѣ 1651 года цареградскій грекъ Исаія Остафьевъ показывалъ между прочимъ въ Москвѣ, что іерусалимскій патріархъ нынѣ въ Мутьянской землѣ и въ Царьгородъ ѣхать боится, потому что тамъ про него молва, что онъ ѣздилъ къ гетману, и въ московское государство безъ султанскаго вѣдома, а ему только дозволено быть въ Мутьянской землѣ и въ Волошской для милостыни; теперь же у него съ цареградскимъ патріархомъ несогласіе. Въ томъ же году назаретскій митрополитъ писалъ, что патріархъ іерусалимскій живетъ въ Мутьянской землѣ у воеводы и готовится ѣхать, доселѣ же ѣхать было нельзя, извѣстно по какой причинѣ (т.-е. по нелюбію съ Парѳеніемъ). Это нелюбье двухъ патріарховъ привело къ тому, что Паисій, какъ ходила тогда общераспространенная молва, послалъ значительную сумму денегъ, чтобы низвергнуть своего недруга съ патріаршаго престола. Это сдѣлать для него тѣмъ болѣе было удобно, что противъ Парѳенія были возбуждены воеводы молдавскій и волошскій, у которыхъ проживалъ Паисій, нетерпѣливо ожидавшій низверженія своего врага. Оба воеводы, вѣроятно, не безъ вѣдома и согласія проживавшаго у нихъ Паисія, и сверхъ того возбуждаемые навѣтами Іоан-

[1]) 7158 г. № 9.
[2]) Сказ. рус. нар. Сахарова, II, 161 и 190.

никія, рѣшились раздѣлаться съ Парѳеніемъ. Объ этомъ обстоятельствѣ прикопійскій митрополитъ доносилъ царю, что «патріархъ Парѳеній былъ убитъ турками по навѣтамъ мултянскаго воеводы Матвѣя и валашскаго Василія. Матвѣй прислалъ ближнимъ султанскимъ людямъ 20 тысячъ ефимковъ, а Василій 10,000 съ тѣмъ, чтобы патріархъ былъ сосланъ, потому что онъ сталъ на патріаршество безъ ихъ воли. Но Парѳеній вмѣсто ссылки былъ убитъ, и когда объ этомъ узнали султанъ и визирь, то они казнили всѣхъ убійцъ, и тогда побито было человѣкъ десять важныхъ людей, убили также и посланныхъ къ нимъ отъ обоихъ воеводъ. Халкидонскій митрополитъ въ своей граматѣ доносилъ, что Парѳенію причинилась смерть отъ двухъ владѣтелей молдавскаго и мутьянскаго за то, что онъ ихъ воли не творилъ и Хмѣльницкаго пословъ къ себѣ къ благословенію принималъ, молебенъ имъ пѣлъ и у себя ихъ кормилъ. По сей недружбѣ послали они въ Царьградъ 50,000 ефимковъ, чтобы извести патріарха, и по ихъ наученію грекъ Михайло промыслилъ и патріарха извелъ». Варварская и несправедливая смерть Парѳенія, погибшаго по интригамъ патріарховъ и воеводъ, произвела въ Константинополѣ сильное впечатлѣніе, на Парѳенія большинство стало смотрѣть какъ на святаго страдальца и мученика. Въ этомъ смыслѣ скоро сложились о Парѳеніи сказанія, и одно изъ нихъ уже въ 1652 году въ декабрѣ такъ передавалъ грекъ Ѳома Петровъ: «тѣло убитаго патріарха было брошено въ море, которое его выкинуло подъ Новымъ селомъ. Тогда его отвезли отъ села версты за двѣ и опять бросили въ море, такъ какъ жители опасались пени, но тѣло опять приплыло къ селу, и такъ повторялось нѣсколько разъ. Наконецъ патріархъ явился во снѣ попу того села и сказалъ ему: для чего вы мечете меня въ море? я патріархъ Парѳеній, возьмите и погребите меня у церкви св. Николы. Попъ со страху всталъ и пѣлъ заутреню, а послѣ то видѣніе объявилъ старшинамъ и говорилъ имъ, чтобы они шли съ нимъ на пристанище; они обрѣли тѣло патріарха на старомъ мѣстѣ и собрали съ села деньги, дали приказному и приказный велѣлъ его погребсти» [1]). И въ Москвѣ смерть Парѳенія должна была

[1]) 7159 г. №№ 17, 39; 7160 г. № 21; 7161 г. № 16.

произвести сильное впечатлѣніе тѣмъ болѣе, что Парѳеній былъ однимъ изъ самыхъ преданныхъ Россіи патріарховъ и всячески старался оказывать ей разныя услуги. Отмѣтимъ при этомъ одну, по нашему мнѣнію, довольно характерную частность. Въ 1653 году въ іюлѣ константинопольскій патріархъ Паисій писалъ, между прочимъ, государю, что по смерти Парѳенія младшаго остались въ рукахъ агарянскихъ части ризъ его архіерейскихъ, и отъ того патріархъ имѣлъ не токмо великую срамоту, но и грѣхъ покинуть ихъ въ иноплеменныхъ рукахъ, такъ какъ агаряне хотѣли ихъ портить и учинить великое безчестіе. Великая церковь ради налоговъ агарянскихъ не имѣла чѣмъ выкупить ризы, и потому ихъ выкупилъ грекъ Иванъ Кирилловъ за 1050 ефимковъ. Этотъ грекъ съ патріаршею грамотою и выкупленными имъ ризами отправился теперь въ Москву, и Паисій проситъ, чтобы «государь отверзъ сокровища своей милости и искупилъ бы ризы отъ раба своего, а потомъ прислалъ бы ихъ обратно въ Царьградъ, какъ царскій свой вкладъ для того, чтобы не лишена была великая церковь своего достоянія и чтобы вселенскіе патріархи всегда облекались въ ризы сіи» [1]). Въ январѣ 1654 года грекъ Иванъ Кирилловъ привезъ въ Москву пять саккосовъ бывшаго патріарха Парѳенія, которые однако не были отосланы назадъ въ Константинополь, какъ просилъ патріархъ Паисій, а отосланы государемъ къ святѣйшему Никону патріарху [2]). Въ граматѣ отъ 5 августа 1654 года халкидонскій митрополитъ Гавріилъ, рекомендуя милости государя грековъ Ивана и Димитрія, пишетъ, что они обрѣли честную панагію блаженнаго патріарха Парѳенія, патерицу и трикиріи его, которые несутъ царю [3]). Такъ ловкіе и находчивые гречане самую смерть патріарха Парѳенія умѣли обратить въ благовидный поводъ къ наживѣ на счетъ уваженія русскаго правительства къ убитому патріарху.

О дѣятельности и характерѣ вообще церковнаго управленія константинопольскими патріархами въ Москвѣ полу-

[1]) 7161 г. № 37.
[2]) 7162 г. № 5.
[3]) 7163 г. № 1.

чались тоже самыя неутѣшительныя вѣсти. О патріархѣ Кириллѣ веррійскомъ Лукарисъ пишетъ, что Кириллъ, «усиливаясь выплатить то, что посулилъ и еще другія пятнадцать тысячъ рублей, и не имѣвъ тѣхъ денегъ, мучилъ онъ митрополитовъ и священниковъ и всѣхъ церковниковъ и собравъ вдвое противъ тѣхъ денегъ, что посулилъ, отдалъ басурманамъ, чтобъ его любили» [1]). Пріѣзжавшіе въ Москву за милостынею въ 1637 году заявляли, что Кирилла веррійскаго отставили отъ патріаршества «для того, что онъ было учалъ отставливать и перемѣнять греческихъ властей, которые ему не почали давать казны» [2]). Въ 1639 году, грекъ Иванъ Савельевъ сообщалъ въ Москвѣ, что веррійскаго арестовали за то, «что били челомъ на него власти: митрополиты и архіепископы и архимандриты и старцы, что де онъ патріархъ собралъ съ нихъ многую казну и утаилъ себѣ, а салтану дани ничего не далъ и строенья тою казною никакого не учинилъ и должникомъ ничего не уплатилъ. Да онъ же патріархъ учинилъ на александрійскаго патріарха Митрофаново мѣсто патріархомъ изъ Критцкого острова чернаго попа, Никифоромъ зовутъ, безъ соборнаго совѣту» [3]). Въ 1640 году севастійскій митрополитъ Іосифъ въ граматѣ царю писалъ, «что патріархъ Кириллъ веррійскій надъ властьми дѣлалъ сыски и обиды, надъ священницы и надъ монастырями и надъ крестьяны, и еще повелѣлъ беззаконникъ, чтобъ не молили Бога о вашемъ царскомъ многолѣтномъ здравіи, стараго патріарха святаго мужа извелъ, и потеряли его напрасно» [4]). О патріархѣ Парѳеніи старцемъ низвергшій его соборъ торжественно писалъ государю, что онъ «повседневно творилъ правежь, обиды и беззаконія и сверхъ того впалъ въ грѣхъ сребролюбія. Какіе онъ собиралъ церковные доходы, тѣ держалъ про себя, долговъ никакихъ не платилъ и никакой доброты не дѣлалъ, безъ дани жилъ, а оставилъ великій долгъ церковный съ великимъ ростомъ, и погибаетъ и раззоряется до

[1]) 7146 г. № 6.
[2]) 7145 г. № 3.
[3]) 7147 г. № 12.
[4]) 7148 г. № 8.

конца церковь Христова. Да еще желая грабить, началъ нѣкоторыя власти отставлять отъ ихъ престоловъ безъ вины, взятокъ ради, а иныя власти хотѣлъ извести, только божественная сила спасла ихъ отъ такого зла, а то подлинно быть бы имъ раззореннымъ и убитымъ» [1]). Про патріарха Кирилла безбородаго, подкупившагося на мѣсто Іоанникія, халкидонскій митрополитъ Гавріилъ пишетъ, что когда турки поставили Кирилла патріархомъ, то «дали ему грамоту, что если какой митрополитъ не пойдетъ поклониться ему и не дастъ ему денегъ, то пусть онъ накажетъ его и дастъ епархію другому», т.-е. открыто признали за нимъ право торговать епархіями [2]). Это право отдавать епархіи тому, кто больше дастъ, практиковали, какъ видно, всѣ патріархи. Въ 1623 году такъ называемый у насъ синайскій митрополитъ Іеремія показывалъ въ Москвѣ, что ранѣе онъ былъ родосскимъ митрополитомъ и, добровольно оставивъ каѳедру, ушелъ на Синай: «просилъ де у меня константинопольскій патріархъ Рафаилъ три тысячи золотыхъ, если ихъ дамъ, то буду въ Родосѣ, если не дамъ, то патріархъ мнѣ быть въ Родосѣ не велитъ». Митрополитъ письменно отвѣтилъ на патріаршее требованіе, что «онъ де ѣстъ одну капусту съ солью и дать ему патріарху нечего, да и не за что, и отъ того де онъ изъ Родоса ушелъ въ синайскую гору» [3]). Аѳанасій Пателаръ, самъ не разъ бывшій константинопольскимъ патріархомъ, въ письмѣ къ учителю архимандриту Венедикту между прочимъ сообщаетъ: тырновскій митрополитъ преставился въ Болгаріи, и на его мѣсто поставленъ бывшій халкидонскій, за что онъ далъ 10,000 ефимковъ [4]). Про патріарха Іоанникія цареградскій архимандритъ Парѳеній въ граматѣ государю отъ 6-го августа 1654 года разсказываетъ: въ Критѣ былъ нѣкто священноинокъ Неофитъ, по прозванію Карапелакъ, племянникъ господина Аѳанасія Пателарія, который былъ здѣсь на Москвѣ. Тѣ, которые знаютъ сего священноинока, го-

[1]) 7153 г. № 32.
[2]) 7163 г. № 1.
[3]) 7131 г. № 5.
[4]) 7154 г. № 15.

ворятъ, что онъ злой человѣкъ и что ходитъ на брань вмѣстѣ съ пашею (Дели-Хусейнъ-паша) и предаетъ міръ и христіанъ, ибо онъ изъ города Критскаго и все знаетъ, и писалъ граматы съ совѣта сего паши къ господину Іоанникію и къ инымъ друзьямъ своимъ и просился быть митрополитомъ критскимъ. Послалъ же онъ къ господину Іоанникію 3,000 золотыхъ, чтобы далъ пособляющимъ по 1,000 ефимковъ. Іоанникій прельстился подаркомъ и тайно, безъ совѣта архіереевъ, поставилъ Неофита, не давъ ничего великой церкви за его поставленіе. По низверженіи Іоанникія узнали объ этомъ архіереи и клирики, но уже не могли исправить сдѣланнаго [1]). За неуплату дани патріарху митрополитовъ отставляли. Въ 1670 году пріѣхалъ въ Москву на государево имя архіепископъ лидорикійскій Панкратій. Въ привезенной имъ ставленной граматѣ говорится, что онъ поставленъ лидорикійскимъ епископомъ на мѣсто своего предшественника, который былъ низверженъ «сихъ ради винъ: первая, яко не платилъ годовыя дани и оправданія по соборному уложенію, которое глаголетъ: аще кто отъ архіереевъ не платитъ полѣтное правданіе, извержется, и за иныя вины, которыя онъ самъ вѣдаетъ» [2]). Но этого мало: патріархи иногда даже прямо грабили подчиненныхъ имъ митрополитовъ. Такъ, прикопійскій митрополитъ Іеремія, получившій въ Москвѣ милостыню, въ граматѣ царю разсказываетъ, что молдавскій воевода Василій отнялъ у него всю царскую милостыню за патріаршій долгъ, а когда онъ прибылъ въ Царьградъ, то патріархъ Іоанникій отнялъ у него силою 500 ефимковъ, а послѣ еще 400, а потомъ отдалъ его на руки жиду, которому должна была великая церковь [3]). Константинопольскій архимандритъ Парѳеній разсказываетъ, что «когда онъ воротился изъ Москвы въ Турцію, то патріархъ Іоанникій приказалъ воеводамъ и архіереямъ граматою, когда приду, взять что есть со мною и наконецъ погубить... и свидѣтель мнѣ Сынъ Божій, что

[1]) 7163 г. № 1.
[2]) 7178 г. № 30.
[3]) 7161 г. № 16.

ничто бы не спасло меня, кромѣ милостыни твоего царствія, которую предалъ въ руки его (Іоанникія)» [1]).

Изъ сказаннаго понятны становятся тѣ крайне мрачные отзывы о положеніи дѣлъ въ константинопольской патріархіи, которые дѣлаютъ въ своихъ отпискахъ въ Москву различныя лица съ востока. Такъ, патріархъ Парѳеній младшій писалъ государю: «въ нынѣшнее время учинилась великая смута и колебаніе и частая перемѣна патріархамъ и иное многое зло, а отписать намъ о томъ и извѣстить державѣ вашего царствія невозможно; *если бы и написали, святое ваше царствіе слушать того бы не изволили*» [2]). Молдавскій учитель Гавріилъ Власьевъ въ 1646 году писалъ: «если изволитъ святое ваше царствіе вѣдать про цареградское патріаршество, то оно пребываетъ въ великомъ непостоянствѣ и долгу. Господь Богъ да наложитъ святую и державную Свою руку и исправитъ оное; *только трудно исправить, потому что двухъ патріарховъ тутъ кровь пролилась, и боюсь, что и впредь пути не будетъ, видя ихъ такое непостоянство*» [3]). Въ 1652 году назаретскій митрополитъ Гавріилъ писалъ, что онъ, прибывъ въ Константинополь, «нашелъ тамъ большіе мятежи не только между бусурманами, но и христіанами, ибо турки старую царицу убили и многихъ начальныхъ людей въ домѣ царскомъ; также и христіане, или, вѣрнѣе сказать, *лжехристіане вселенскаго патріарха Парѳенія безбожно смертію казнили, и между митрополитами ненависть другъ на друга и обращаются ко властямъ бусурманскимъ*. Онъ сообщаетъ далѣе, что бывшій родосскій митрополитъ принялъ магометанство и многія клеветы говорилъ на христіанъ и на патріарховъ іерусалимскаго и вселенскаго. Посему великое гоненіе воздвигли турки на патріарховъ и митрополитовъ» [4]). Въ октябрѣ 1653 года халкидонскій митрополитъ Гавріилъ прислалъ грамату, въ которой такъ начинаетъ свои сообщенія о дѣлахъ патріархіи: «о патріархахъ нашихъ не имѣемъ,

[1]) 7163 г. № 1.
[2]) 7153 г. № 32.
[3]) 7154 г. № 19.
[4]) 7160 г. № 21.

что и писать, боюсь и трепещу начать...» Въ слѣдующемъ году онъ пишетъ: «державнѣйшій и святѣйшій царю! писать ли мнѣ о непостоянствѣ патріаршества нашего? Ничтоже иное здѣсь кромѣ скорби и болѣзни, какъ было и въ прошломъ» [1]). Положеніе дѣлъ въ патріархіи дѣйствительно приняло наконецъ невозможно позорный характеръ. Претендентами на вселенскій престолъ являлись и такія лица, которыя не были даже настоящими христіанами и, потерпѣвъ неудачу въ домогательствѣ патріаршаго престола, обращались въ мусульманство. Вотъ случай, разсказанный прикопійскимъ митрополитомъ Іереміею въ грамотѣ государю, присланной въ декабрѣ 1652 года: «бывшаго патріарха Парѳенія люди искали отмстить кровь Парѳенія, и пронеслось про то, что родосскій митрополитъ Мелетій въ ихъ совѣтѣ и хочетъ быть патріархомъ. Слыша такія рѣчи патріархъ Іоанникій сказалъ о томъ прикащикамъ молдавскаго и мултянскаго владѣтелей, и они искали времени, какимъ бы образомъ въ тайнѣ его умертвить. Тогда Мелетій, не зная куда отъ нихъ бѣжать, обратился къ султанову казначею и посулилъ ему много денегъ, чтобы посадить его на патріаршество. А тотъ ему говорилъ: для чего тебѣ патріаршество? Завтра тебя отставятъ и убьютъ; для чего не обусурманишься и не поживешь какъ хочешь? Онъ же поганый, имѣя въ себѣ дьявола, сказалъ, что онъ митрополитъ и дохода ему каждый годъ изъ области по двѣ тысячи ефимковъ, а если обусурманится, что ему учинитъ султанъ? Казначей обѣщалъ ему сдѣлать его капуджи-башею, и митрополитъ далъ ему свое исповѣданіе, что на все готовъ, да пошелъ къ патріаршимъ людямъ и, обманувъ ихъ, будто сдѣлается патріархомъ, просилъ, чтобы ему дали рухляди и деньги патріаршія и серебряные сосуды, но онъ окаянный за два дни до турецкаго Бейрама совершилъ свое отреченіе. Казначей говорилъ султану, что это человѣкъ богатый и изъ книгъ научился, что бусурманская вѣра пріятнѣе Богу, и потомъ пришелъ къ султану бусурманиться. Султанъ, по совѣту казначея, сдѣлалъ его капуджи-башею, и христіане приняли отъ того большую брань; имъ говорили: чего вы ожидаете, когда столпъ вашей вѣры узналъ, что не имѣете

[1]) 7162 г. № 2 и 7163 г. № 1.

вы истины?» [1]). Послѣ этого понятнымъ становится, почему наше правительство въ своихъ инструкціяхъ константинопольскимъ посламъ наказывало имъ, чтобы они про всякаго новаго патріарха напередъ доподлинно узнавали, прежде чѣмъ придутъ къ нему для благословенія и совѣта: «благочестивъ ли онъ, твердъ ли въ вѣрѣ православной и не иновѣренъ ли?»

Сильное и глубокое впечатлѣніе должны были производить на русскихъ всѣ эти вѣсти о подкупахъ, интригахъ, порокахъ и даже преступленіяхъ, царящихъ въ константинопольской патріархіи, о тѣхъ тяжелыхъ недугахъ, которыми была заражена вся церковная жизнь греческаго народа. Русскимъ естественно должно было казаться, что греческая церковь при внѣшнемъ бѣдственномъ положеніи поражена еще и страшными внутренними недугами, которые дѣйствуютъ на нее разлагающимъ образомъ, такъ что она не только вслѣдствіе внѣшнихъ гоненій, но и по характеру своей внутренней жизни находится на краю пропасти. Въ виду этого, брать порядки греческой церкви за образецъ для себя, исправлять и перестроивать свою церковную жизнь по образцу греческой, по указаніямъ и подъ руководствомъ гречанъ, было бы, по мнѣнію русскихъ, не просто безумiемъ, но прямо злостнымъ покушеніемъ на чистоту ничѣмъ не затемненнаго русскаго православія, значило бы недуги и язвы греческой церковной жизни искусственно пересаживать на здоровую русскую почву.

Кромѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя русскіе получали отъ самихъ грековъ относительно печальнаго внѣшняго и внутренняго положенія ихъ церкви, они могли хорошо познакомиться съ характеромъ греческаго благочестія чрезъ постоянныя наблюденія надъ греками, пріѣзжавшими въ Москву за милостынею или остававшимися въ Россіи на вѣчное житье. Всѣ бѣдные греки, начиная съ патріарха и кончая простымъ инокомъ, направлялись въ Москву съ единственною цѣлью получить здѣсь возможно щедрую милостыню. Чтобы достигнуть этой цѣли, они употребляли всѣ усилія понравиться русскимъ и во всемъ угодить имъ: дивились предъ русскимъ благочестіемъ и всячески восхваляли его, изъ угод-

[1]) 7161 г. № 16.

ливости подлаживались подъ русскіе религіозные обычаи въ ущербъ своимъ греческимъ, даже, чтобы остаться въ Россіи, шли предварительно подъ началъ для исправленія своей несовершенной вѣры и вообще вели себя относительно русскихъ льстиво, угодливо, поступаясь своими церковными особенностями и обычаями въ пользу русскихъ. При этомъ греки были корыстолюбивы, продажны, завистливы. Въ интересахъ наживы они готовы были пустить въ ходъ интригу, кляузы, клевету, всегда готовы были торговать всѣмъ, и совѣстью, и знаніями, словомъ за деньги, за шкурку соболя были готовы отдать русскимъ все, самое святое и завѣтное для православнаго христіанина. При созерцаніи этой корыстолюбивой продажной толпы всевозможныхъ гречанъ, готовыхъ всячески пресмыкаться и угодничать изъ-за получки лишней пары соболей, невольно и естественно являлось у русскихъ сознаніе своего нравственно-религіознаго превосходства предъ ними, невольно слагалось убѣжденіе, что въ дѣлахъ вѣры и благочестія греку довѣрять никакъ не слѣдуетъ. Какъ-то невольно все въ грекахъ казалось русскимъ нетвердымъ, шаткимъ, подозрительнымъ, достойнымъ не подражанія, а рѣшительнаго осужденія. Не таковъ идеалъ истинно благочестиваго человѣка предносился русскому уму, какимъ былъ современный и знаемый ими грекъ.

Наконецъ, объ упадкѣ благочестія у грековъ свидѣтельствовали и тѣ русскіе люди, которые путешествовали по востоку и лично наблюдали и изучали всю религіозную жизнь грековъ на мѣстѣ. Въ этомъ отношеніи особенно важно было путешествіе на востокъ Арсенія Суханова, который былъ официально уполномоченъ свѣтскимъ и духовнымъ нашимъ правительствомъ всесторонне и тщательно изучить православный востокъ и результаты своихъ изученій и наблюденій добросовѣстно и правдиво сообщить правительству. Въ лицѣ Суханова русскіе хотѣли, путемъ собственнаго наблюденія и изученія состоянія греческой православной церкви на востокѣ, окончательно рѣшить давно занимавшій ихъ вопросъ: дѣйствительно ли греки въ дѣлахъ вѣры и благочестія не остались во всемъ вѣрны истинному православію, или эти представленія русскихъ о грекахъ были ошибочны, несогласны съ дѣйствительностью? Сухановъ, въ качествѣ

полномочнаго эксперта, изучилъ на мѣстѣ греческіе церковные чины и обряды и, хорошо познакомившись съ греческимъ благочестіемъ, не только не опровергъ ранѣе сложившихся русскихъ воззрѣній на грековъ, но и вполнѣ подтвердилъ ихъ, какъ несомнѣнно справедливыя, какъ вытекающія изъ дѣйствительнаго положенія греческой церкви и греческаго благочестія. Голосъ Суханова, какъ эксперта, долженъ былъ имѣть рѣшающее значеніе для большинства русскихъ, не имѣвшихъ причинъ заподозрить искренность и справедливость его отзывовъ о грекахъ и греческомъ благочестіи, тѣмъ болѣе, что Сухановъ только подтверждалъ то, что уже ранѣе думали о грекахъ всѣ русскіе, не исключая и самаго правительства.

Изъ всего сказаннаго нами само собою слѣдуетъ, что русскіе до второй половины XVII вѣка имѣли, съ своей точки зрѣнія, вполнѣ достаточныя и очень твердыя основанія думать, что послѣ паденія Константинополя истинное православіе и совершенное благочестіе отъ грековъ дѣйствительно перешло на Русь; что современные греки уже не могутъ болѣе считаться представителями и руководителями религіозной жизни православнаго міра; что греческая церковь, въ ея современномъ состояніи, не только не можетъ служить своими церковными порядками образцомъ для другихъ православныхъ церквей, но и сама настоятельно требуетъ серьезнаго врачеванія; что русскіе въ своей религіозной жизни уже переросли своихъ бывшихъ учителей и не только не нуждаются въ ихъ дальнѣйшемъ учительствѣ и въ какой бы то ни было опекѣ съ ихъ стороны, но кое въ чемъ уже могутъ поучить и самихъ грековъ, такъ какъ на Руси истинная правая вѣра все болѣе цвѣтетъ и ширится, а у грековъ она все болѣе умаляется и потемняется. Такъ думали русскіе, такъ они и относились къ грекамъ и вовсе не видѣли причинъ измѣнять эти отношенія, считать ихъ почему-либо несправедливыми и ошибочными. Наоборотъ, все, что только они знали о современныхъ грекахъ и ихъ церковно-религіозной жизни, все, что они сами могли видѣть и наблюдать изъ нея, все это только еще болѣе утверждало ихъ въ несомнѣнной правотѣ ихъ взгляда на грековъ и греческое благочестіе, — думать иначе о грекахъ они не

имѣли никакихъ данныхъ. Поэтому, тотъ неподдѣльный ужасъ, та боязнь за чистоту и неповрежденность русскаго православія и благочестія, которыя такъ сильно проявились въ русскомъ обществѣ при видѣ грекофильской реформаторской дѣятельности Никона, не были пустою, только русскимъ круглымъ невѣжествомъ, измышленною боязнью, созданіемъ невѣжественныхъ и фанатичныхъ поклонниковъ родной старины, порожденіемъ нѣсколькихъ интригановъ, сводившихъ съ Никономъ свои личные счеты,—но прямымъ, естественнымъ слѣдствіемъ исторически сложившихся русскихъ воззрѣній на сравнительное достоинство русскаго и греческаго благочестія, при чемъ эти воззрѣнія нашли себѣ полное подтвержденіе и оправданіе въ суммѣ тѣхъ свѣдѣній о православномъ востокѣ, какія имѣлись въ рукахъ русскихъ за XVI и XVII вѣка.

Глава X.

Перемѣна въ воззрѣніяхъ русскихъ на относительное достоинство греческаго и русскаго благочестія, произведенная церковною реформою Никона.

Указанныя нами воззрѣнія русскихъ XVI и первой половины XVII вѣка на грековъ и греческое благочестіе, несмотря на то, что они имѣли за себя очень серьезныя и убѣдительныя данныя, были признаны однако самими русскими уже въ началѣ второй половины XVII вѣка за ошибочныя и несправедливыя. Но русскіе не просто только отреклись отъ своихъ прежнихъ воззрѣній на греческое благочестіе, а и усвоили себѣ взглядъ на это дѣло прямо противоположный предшествующему. Они теперь стали думать, что истинное благочестіе сохранилось вовсе не у русскихъ, а у грековъ, что не греки, а русскіе допустили у себя разныя церковныя новшества, что русская церковная жизнь нуждается въ исправленіи по греческому образцу, по указаніямъ и подъ руководствомъ грековъ. Этотъ коренной переворотъ въ воззрѣніяхъ русскихъ на относительное достоинство греческаго и русскаго благочестія совершился благодаря церковной реформѣ Никона, произведенной имъ подъ вліяніемъ грековъ, при ихъ живомъ и дѣятельномъ участіи.

Если русскіе смотрѣли на себя, какъ на избранный народъ Божій, какъ на новаго Израиля, только въ средѣ котораго и сохранилась правая, ничѣмъ не затемненная вѣра, если они на этомъ основаніи относились къ бывшимъ своимъ учителямъ-грекамъ свысока и покровительственно, какъ къ народу низшему ихъ въ дѣлахъ вѣры и благочестія; то и греки съ своей стороны не лучше относились къ русскимъ. Правда, являясь въ Москву за милостынею, греки всячески хвалили здѣсь и прославляли русскихъ, умилялись при созерцаніи ихъ строгаго и крѣпкаго благочестія, но въ этомъ случаѣ часто говорило не искреннее чувство, не дѣйствительное уваженіе къ русскому благочестію, а желаніе во что бы то ни стало угодить русскимъ, понравиться имъ и тѣмъ расположить ихъ къ дачѣ болѣе щедрой милостыни. Правда, греки открыто и торжественно признавали Россію опорою и покровительницею всего вселенскаго православія, его послѣднимъ надежнымъ убѣжищемъ. Но покровительство Россіи восточному православію они понимали исключительно матеріально: оно должно было, по ихъ мнѣнію, состоять только въ дачѣ всѣмъ просителямъ съ востока возможно щедрой и обильной милостыни и, самое большее, въ готовности русскихъ свою политическую силу и могущество употребить на освобожденіе грековъ отъ турецкаго ига [1]). Чего-либо инаго греки не ожидали и не требовали отъ русскихъ, о которыхъ они имѣли представленіе какъ о на-

[1]) Какихъ отношеній Россіи къ православному востоку желали греческіе, какъ они понимали русское покровительство вселенскому православію, это видно между прочимъ изъ слѣдующаго характернаго заявленія іерусалимскаго архимандрита, впослѣдствіи патріарха, Хрисанѳа. Въ грамотѣ къ патріарху Іоакиму онъ убѣждаетъ его подвигнуть царей на освобожденіе св. гроба Господня изъ рукъ еретиковъ и далѣе пишетъ: «царство махометанское на всякъ годъ пророка своего на гробъ истрясуетъ неисчетныя сокровища, и нынѣшній султанъ прошедшаго лѣта учини едино паникадило и присла на гробъ его и истрясе болши трехъ сотъ рублевъ. И аще они трясутъ толика и толика единому ложному пророку, якоже они исповѣдуютъ, что убо намъ подобаетъ, православніи, творити на Владычнемъ гробѣ, въ немъ же уснулъ есть Богочеловѣкъ Іисусъ Сынъ и Слово Божіе,—наипаче вамъ, идѣже есть сила царская, яже многими образы можетъ предъукрѣпити въ концы вселенныя. Ріга испанскій на пищу старцамъ папистамъ, иже собираютъ во святомъ градѣ, даетъ на всякій мѣсяцъ по тысящи грошей и изрядѣе вся елика имъ пристоятъ ко всякому дѣлу,

родѣ, хотя сильномъ и богатомъ, но въ то же время грубомъ и невѣжественномъ, для котораго еще нужна опека и водительство болѣе зрѣлыхъ и образованныхъ гречанъ.

онъ во вся годы присылаетъ съ людьми своими, безъ старческаго труда. Ваше же веліе святое и державное царство, яко убо есть едино православно во всей вселеннѣй подобаетъ наипаче посѣщати святыя мѣста». (Рукопись Спб. синодальной библіотеки «Икона», № 154, стр. 407). Какъ греки понимали характеръ русскаго покровительства православнымъ восточнымъ обителямъ, это съ особенною ясностью видно изъ слѣдующаго случая. Въ 1682 году въ Москву прибылъ синайскій архіепископъ Ананія. Онъ просилъ государей взять синайскую обитель на свое царское попеченіе, ибо въ противномъ случаѣ ею можетъ овладѣть папа римскій. Архіепископъ опредѣляетъ, въ чемъ именно должно состоять царское попеченіе о синайской обители: ей слѣдуетъ дать на Москвѣ подворье да какой либо русскій монастырь съ вотчинами. Но на этотъ разъ домогательства синаитовъ не имѣли успѣха. Тогда въ 1687 году въ Москву прибылъ синайскій архимандритъ Кириллъ съ особыми полномочіями отъ синайскаго архіепископа Іоанникія и всей братіи обители, которые прислали царямъ челобитную съ просьбою принять въ свое полное вѣдѣніе синайскій монастырь, послать въ него русскихъ иноковъ, такъ чтобы онъ былъ въ полномъ смыслѣ русскою царскою обителью. На этотъ разъ домогательства синаитовъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Синай офиціально былъ принятъ подъ особое русское покровительство и сдѣлался русскимъ царскимъ монастыремъ, синаитамъ послана была денежная дача, дана была жалованная грамата съ правомъ пріѣзжать въ Москву за милостынею черезъ два года и, сверхъ того, велѣно было устроить серебряную раку для мощей великомученицы Екатерины. Синаиты немедленно воспользовались своими новыми отношеніями къ русскимъ царямъ въ видахъ извлечь изъ этихъ отношеній возможныя матеріальныя выгоды для себя. Въ 1693 году прибывшій въ Москву синайскій архимандритъ Кириллъ привезъ къ государямъ грамату отъ своего архіепископа, въ которой тотъ благодаритъ царей за присланную милостыню и особенно за драгоцѣнную раку для мощей великомученицы Екатерины,—«рака сія есть де восьмое чудо къ семи древнимъ». Далѣе архіепископъ проситъ царей пожаловать ихъ обитель обильно всѣми потребами и, подобно Ивану Васильевичу Грозному, послать своихъ двухъ—трехъ бояръ для посѣщенія Синая (разумѣется съ богатой денежной дачей, какъ это и было при Грозномъ). Въ заключеніе архіепископъ проситъ отпустить мзду и по жалованной граматѣ и чтобы жалованье сіе было погодное, потому что всякіе два года, какъ написано въ жалованной граматѣ, присылать человѣка по дальности пути не могутъ, и чтобы жалованье было деньгами, а не соболями, такъ какъ отъ товаровъ непрестанно бываютъ большіе убытки. Была просительная грамата отъ архіепископа и къ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, при чемъ на нее возлагалось особое порученіе. Такъ какъ синайская обитель теперь сдѣлалась царскимъ монастыремъ и потому должна имѣть царскіе сосуды, которыхъ у нея однако нѣтъ, то царица и

Понятно само собою, что греки свои нелестныя представленія о русскихъ не высказывали въ Москвѣ, гдѣ за ними строго слѣдили, но за то внѣ Россіи они уже не

должна позаботиться о снабженіи монастыря царскими сосудами, ибо ея суть всѣ иноки, пусть же управляется монастырь, какъ управляются и собственные ея монастыри, во славу и честь ея царствія. Подобнаго же содержанія была грамата къ царицамъ Прасковьѣ и Евдокіи Ѳеодоровнамъ, которыхъ архіепископъ называетъ возлюбленными своими дщерями и посылаетъ имъ благодать отъ Господа Іисуса и отъ святой Неопалимой Купины. Царицу Прасковью архіепископъ просилъ сдѣлать въ монастырь лахань съ рукомойникомъ, а царицу Евдокію—архіерейскую шапку съ омофоромъ во славу своего имени, какъ дѣлали и прежнія боголюбивыя царицы, которыя не только сооружали царскую утварь въ обители, но и самые монастыри созидали. Была грамата и къ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, въ которой на нее возлагалась забота о снабженіи царскаго монастыря ризами и сосудами, и архіепископъ не сомнѣвается въ исполненіи его просьбы, ибо благодѣянія царевны превосходятъ милостыню царицъ Ѳеодоры и Ѳеофаніи. Были и еще двѣ грамоты къ царевнамъ Екатеринѣ и Натальѣ Алексѣевнамъ, такого же содержанія. Первую архіепископъ сравнивалъ съ царицею Ѳеодорою и премудрою Екатериною и просилъ ее, чтобы приняла милосердымъ разумомъ царскаго произволенія посланнаго архимандрита Кирилла. Ей было порученіе: каменья и вѣнецъ на ракѣ великомученицы Екатерины остаются безъ украшенья, а потому онъ просилъ ее, чтобы она прислала каменья и жемчугъ на украшенье, какъ подобаетъ ради лучшей лѣпоты, и еще одну золотую лампаду. Натальѣ Алексѣевнѣ давалось порученіе: такъ какъ монастырь скуденъ покровомъ и дискосомъ съ покровомъ и не имѣетъ украшеннаго евангелія, то ей слѣдуетъ позаботиться обо всемъ этомъ, при чемъ архіепископъ предупредительно посылалъ къ ней и самое евангеліе, на которое она должна была сдѣлать драгоцѣнный окладъ. Такъ обстоятельно и точно распредѣлилъ синайскій архіепископъ обязанности каждаго лица царствующаго дома относительно вкладовъ въ обитель. Въ 1697 году синайскій архіепископъ снова обращается къ государю съ просьбою, чтобы онъ ежегодно давалъ на обитель по пяти тысячъ рублей, «что да не будетъ вамъ въ тягость, но въ радость», поучаетъ при этомъ архіепископъ. Но, какъ видно, такой запросъ самому архіепископу показался уже слишкомъ чрезмѣрнымъ, и потому онъ сейчасъ же допускаетъ очень крупную сбавку съ цифры своего запроса: «если вамъ, говоритъ онъ, видится тяжко 5000 рублей, потѣшьте насъ хотя меньшимъ—двумя тысячами всякій годъ и жалованною грамотою». И на этотъ разъ, какъ и прежде, архіепископъ обращается съ просительными граматами къ разнымъ лицамъ царствующаго дома. Такъ, царицѣ Прасковьѣ онъ, между прочимъ, писалъ: «милости просимъ, если произволеніе твоего царствія будетъ, едино паникадило серебряное быти надъ мощами святыя Екатерины въ вѣчное поминовеніе и въ славу твоего царствія». У царевень—Екатерины Алексѣевны проситъ покровъ и икону на раку, а у Натальи Алексѣевны—серебряное паникадило для мона-

стѣснялись иногда выражать свои истинныя, дѣйствительныя отношенія къ русскимъ и къ самому ихъ благочестію.

Въ 1664 году грекъ Иванъ Петровъ писалъ государю изъ Константинополя: «извѣщаю, державный царь, что есть христіане, наши братія гречане, которые пріѣзжаютъ всякій годъ къ царствію вашему торговать, на вашихъ подводахъ и съ приставами для оберегань,я и получаютъ ваше царское жалованье — кормъ, и пошлинъ не платятъ. Они то почитаютъ ни во что, пріѣхавъ въ Царь-градъ осуждаютъ царствіе ваше предъ басурманами, гречанами и жидами. Если начнутъ ихъ спрашивать: что вы замѣшкались въ Москвѣ? то отвѣчаютъ, будто настоятель ихъ Юрій Остафьевъ училъ царевича вашего древкомъ играть и оттого замѣшкались. А иныхъ спрашиваютъ: какимъ образомъ татаре воевали московскую Украйну? и они отвѣчаютъ, будто при нихъ пріѣзжали татаре и около Москвы всѣ села, деревни и посады выжгли и взяли полону сорокъ тысячъ; никто противъ нихъ не выходилъ для того, что царствіе ваше тогда дѣлали чанъ серебряный, чтобы крестить въ немъ королевича. Басурманы имъ говорили: отъ чего не противятся московскіе люди татарамъ? гречане же отвѣчали: нѣкій чернецъ заклялъ, чтобы имъ противъ татаръ войною не ходить... И иныя многія рѣчи говорили ихъ поганыя уста, а намъ писать обо всемъ невозможно» [1]). Въ 1650 году клирошанинъ Чудова монастыря Пахомій, возвращаясь изъ Молдавіи, доносилъ государю: «а которые гречане въ волоской землѣ

стырской трапезы и т. п. (См. нашу статью: Русская благотворительность Синайской обители, Чтенія въ общ. любит. духов. просвѣщ. 1881 года окт.—ноябрь). Такъ въ высшей степени выгодно для себя поняли синаиты свои новыя отношенія къ Москвѣ: своею обязанностью они считали просить, требовать и получать, на царя же они возлагали обязанность давать имъ крупныя суммы денегъ, цѣнные разнообразные подарки, радостно удовлетворять всѣ монастырскія нужды и потребы. Ничѣмъ не прикрытое желаніе какъ можно болѣе и скорѣе нажиться на счетъ тароватаго русскаго правительства, выманить у него всѣми способами побольше денегъ и цѣнныхъ вкладовъ—вотъ единственныя побужденія, которыя руководятъ синаитами въ ихъ сношеніяхъ съ Москвою. Въ такія же отношенія къ русскимъ государямъ усиленно стремились стать и всѣ восточныя обители, навязчиво предлагавшія государямъ сдѣлаться ктиторами той или другой обители.

[1]) Сношн. съ вост. II, 298.

и тѣ московскихъ и кіевлянъ русскихъ людей ненавидятъ, а которые и пріѣхали, и тѣхъ называютъ собаками» [1]).

О самомъ благочестіи русскихъ, которымъ они такъ гордились предъ греками, послѣдніе имѣли очень невысокое представленіе. «Кому, говорили побывавшіе въ Москвѣ гречане Павлу алепскому, хочется сократить свою жизнь лѣтъ, напримѣръ, на пять—на десять, тотъ пусть ѣдетъ въ страну московскую и хоть по виду сдѣлается человѣкомъ благочестивымъ, соблюдая постоянно постъ, молитву, дневныя чтенія, обычай вставать на молитву въ полночь, и воздерживаясь при этомъ отъ всякаго проявленія радости и веселья и отъ громкаго смѣха и тихой улыбки, равно какъ и отъ употребленія табаку и опіума». Ганскій митрополитъ Неофитъ, будучи въ Москвѣ въ 1628 году и насмотрѣвшись здѣсь на московское благочестіе, сдѣлалъ о немъ такой отзывъ: «только де на Москвѣ и вѣры, что звонятъ въ колокола много, а иного нѣтъ ничего». Въ письмахъ изъ Свіяжска къ своимъ друзьямъ въ Константинополѣ тотъ же Неофитъ сообщаетъ имъ, что будто бы русскіе мучатъ его день и ночь, заставляя сдѣлаться москвитяниномъ, «но азъ къ нимъ глаголю: почто буду москвитяномъ, азъ бо есть православный христіанинъ; они же лютѣйше меня мучатъ»; пишетъ, что Богъ хочетъ избавить его «отъ сего грубовиднаго и варваровиднаго народа московскаго... не суть сіи православніи христіане». И сами русскіе подмѣчали иногда пренебрежительное отношеніе грековъ къ русскому благочестію. Клирошанинъ Чудова монастыря Пахомій въ 1650 году доносилъ государю, что русскія богослужебныя книги, которыя царь посылаетъ въ разные аѳонскіе монастыри, тамъ въ небреженіи бываютъ и въ передѣлкахъ текста, потому что въ нихъ находятъ (иноки-аѳониты) еретическое ученіе о перстосложеніи, «а которое жъ твое царево жалованье даны греческимъ старцомъ въ разные палестинскіе монастыри иконы, и тѣ, государь, иконы они, греческіе старцы, всѣ распродали и носятъ по торгомъ неподобно, будто простую доску,—тѣхъ иконъ они не почитаютъ и въ церквахъ ихъ у себя не ставятъ». Составитель русскихъ святцевъ, изъ второй половины XVII вѣка, въ послѣсловіи замѣчаетъ между прочимъ: «греци гордящеся и возносящеся глаголютъ, яко

[1]) 7158 г. № 9.

Русь отъ нихъ начало пріять и невѣріемъ омрачаются, *мняще русское благочестіе ничтоже есть и о святыхъ, угодившихъ Богу на Руси, усомнѣваются*“ .

Греки и русскіе съ теченіемъ времени порознились между собою въ нѣкоторыхъ церковныхъ обрядахъ. Русскіе объясняли себѣ это явленіе тѣмъ, что греки потеряли истинное благочестіе и привнесли въ свою церковную жизнь разныя новшества, заимствованныя ими у латинянъ. Съ своей стороны греки смотрѣли на особенности русскаго церковнаго обряда, какъ на искаженіе истинно-православнаго обряда, какъ на отступленіе отъ него, допущенное русскими по невѣжеству. Болѣе ревностные между греками не прочь были заклеймить русскихъ за ихъ церковно-обрядовыя особенности именемъ если не еретиковъ, то раскольниковъ. Такое отношеніе грековъ къ русскимъ церковнымъ особенностямъ было подмѣчено и иностранцами. Олеарій говоритъ: «русскіе во многихъ дѣлахъ, какъ въ основныхъ положеніяхъ вѣры, такъ и въ церковныхъ обычаяхъ и обрядахъ своихъ, уклонились отъ грековъ, *такъ что эти послѣдніе считаютъ ихъ за раскольниковъ*, хотя и не смѣютъ высказать это по причинѣ значительныхъ приношеній, которыя ежегодно получаютъ отъ нихъ» [1]). Справедливость этого свидѣтельства Олеарія, по крайней мѣрѣ относительно извѣстной части грековъ, подтверждается фактомъ сожженія въ концѣ первой половины XVII вика русскихъ церковныхъ книгъ на Аѳонѣ, какъ еретическихъ. Это въ высшей степени характерное событіе произошло такимъ образомъ.

Русь, благотворя всему православному востоку, между прочимъ посылала въ славянскіе восточные монастыри цѣлые круги богослужебныхъ книгъ московской печати. Эти посылки богослужебныхъ книгъ стали обычны собственно со времени патріарха Филарета Никитича, когда въ Москвѣ усилена была типографская дѣятельность. Получивъ въ Москвѣ богослужебныя книги, нѣкоторые славянскіе аѳонскіе монастыри стали отправлять по нимъ богослуженіе, при чемъ сейчасъ же обнаружилось, что между греческими и русскими церковными чинами и обрядами существуютъ нѣкоторыя несходства и разности. А такъ какъ на Аѳонѣ славянскіе монастыри находятся буквально рядомъ съ греческими и каждый монастырь отлично знаетъ все, что творится въ другомъ сосѣднемъ, то всякая малѣйшая разность въ церковныхъ чинахъ и обрядахъ выдавалась здѣсь особенно замѣтно и рѣзко и невольно обращала на себя вниманіе всѣхъ иноковъ, которые къ тому же всегда сильно дорожили своей репутаціей, какъ ревнителей и охранителей истиннаго православнаго благочестія. Тогда на Аѳонѣ немедленно, по поводу усмотрѣнныхъ разностей въ церковныхъ чинахъ греческихъ и русскихъ, возникли горячіе споры и препирательства: откуда произошла эта разность, кто отступилъ отъ древнихъ чиновъ и обрядовъ, кто правъ—русскіе или греки? Весь Аѳонъ раздѣлился на двѣ враждебныя партіи, отвѣтившія на поставленные вопросы прямо противоположно. На одной сторонѣ стояла тѣсно сплоченная, господствующая на всемъ Аѳонѣ греческая партія, на другой—сравнительно слабая партія иноковъ славянъ, состоявшая по преимуществу изъ сербовъ, у которыхъ особенно сильно развито было національное чувство и которые не хотѣли нести на себѣ тяжелое иго грековъ. Аѳониты греки съ своей стороны рѣшительно заявили, что греческія церковныя книги, чины и обряды во всемъ правы и согласны съ древними, а что въ московскія книги внесены позднѣйшія выдумки и измышленія, такъ что книги московской печати слѣдуетъ считать еретическими, достойными сожженія, а всѣхъ держащихся этихъ книгъ надлежитъ подвергнуть отлученію и тяжкимъ карамъ. Но съ такимъ рѣшеніемъ спора были несогласны нѣкоторые старцы славянскихъ монастырей, употреблявшіе при богослуженіи московскія книги. Они съ своей стороны заявляли, что истина на сторонѣ московскихъ книгъ, а не греческихъ, такъ какъ греки уже давно утеряли у себя древнее истинное благочестіе, допустили у себя разныя новшества въ церковныхъ обрядахъ и чинахъ, которые во всей своей чистотѣ и неизмѣнности сохранились теперь только у русскихъ, да у нихъ сербовъ. Свои взгляды сербскіе иноки подтверждали очень вѣскимъ, по ихъ мнѣнію, доводомъ: они представили отъ себя одну старую рукописную сербскую книгу, написанную за 130 слишкомъ лѣтъ до этихъ аѳонскихъ споровъ, книга оказалась слово въ слово согласною

[1]) Чт Ист. и Древн. 1868 г. кн. IV, стр. 387.

съ Кирилловой книгой московской печати, въ ней также нашлось то же самое ученіе о двоеперстіи. Ясное дѣло, заключали отсюда сербскіе старцы, что русскія книги дѣйствительно согласны съ древними, что отступленія отъ древнихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ сдѣланы позднѣйшими греками, а не русскими. Поэтому славяне аѳониты не только не хотѣли подчиниться грекамъ, признать вмѣстѣ съ ними московскія книги еретическими, но нѣкоторые изъ нихъ и другихъ стали учить, чтобы они крестились по-московски, т.-е. двумя перстами, а не тремя. Это открыто выраженное славянами аѳонитами сомнѣніе въ правильности современнаго греческаго обряда, это отрицаніе ими авторитета современныхъ грековъ въ дѣлахъ вѣры и благочестія и нескрываемое желаніе замѣнить его авторитетомъ русско-славянскимъ должно было сильно встревожить всѣхъ истыхъ гречанъ и вызвать ихъ на самыя энергичныя мѣры противъ обнаружившагося антигреческаго направленія на Аѳонѣ. Въ это время случился на Аѳонѣ ахридскій архіепископъ Даніилъ, родомъ грекъ, какъ и всѣ ахридскіе архіепископы, но паства котораго состояла изъ славянъ-болгаръ по преимуществу. Даніилъ, какъ истый грекъ, презиравшій славянъ, глубоко былъ возмущенъ смѣлыми заявленіями славянъ аѳонитовъ и, чтобы сразу покончить съ непріятными и опасными для грековъ спорами, посовѣтовалъ аѳонитамъ грекамъ торжественно осудить книги московской печати, какъ еретическія, и какъ такія немедленно сжечь ихъ вмѣстѣ съ старинною рукописною сербскою книгою, подтверждающей правильность московскаго двуперстнаго перстосложенія. Въ то же время рѣшено было послѣдователей и защитниковъ московскихъ книгъ и московскаго обряда подвергнуть соборнымъ и несоборнымъ истязаніямъ, которыя бы заставили ихъ отказаться отъ всего московскаго, на случай же ихъ сопротивленія рѣшено было поступить съ упорными такъ же, какъ и съ московскими книгами, т.-е. сжечь ихъ. Соборъ греческихъ аѳонскихъ старцевъ привелъ все это въ исполненіе. Очевидецъ старецъ Амфилохій разсказывалъ впослѣдствіи предъ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ и Арсеніемъ Сухановымъ о сожженіи русскихъ богослужебныхъ книгъ на Аѳонѣ слѣдующее: «онъ въ то время былъ на Аѳонской горѣ и то все видѣлъ: сошлись де старцы святогорскіе всѣ, и надѣли на себя патрахѣли и привели старца съ московскими книгами, и облекли его въ ризы, и поставили его среди церкви, и называли его еретикомъ, и книги де держитъ еретическія, и крестится не по гречески, и хотѣли де его сжечь, и съ книгами тутожде и турки стояли призваны. И по многомъ де безчестіи тому старцу велѣли московскія книги на огнь положить самому, и онъ де многое время не хотѣлъ на огнь класть и за великую нужду, заплакавъ, положилъ, убоясь и самъ того огня. А сожгли де московскихъ книгъ: двѣ въ десть, а третья въ полдесть, а иныхъ не помню каковы. А старца де того закляли, чтобъ ему впредь такъ не креститься и никого не учить, и отдали его турку, и турокъ де держалъ его у себя въ желѣзахъ многое время и взявъ съ него (взятку) отпустилъ. А другого де такого старца у нихъ во всей горѣ аѳонской нѣту: борода де у него до самой земли, якоже у Макарія Великаго, а носитъ де ее въ мѣшечки склавъ и тотъ мѣшечикъ съ бородою привязываетъ къ поясу, а имя ему Дамаскинъ—мужъ духовенъ и грамотѣ ученъ. И то де греки сдѣлали отъ ненависти, что тотъ старецъ отъ многихъ почитаемъ, сербинъ онъ, а не грекъ, греки де хотятъ, чтобы всѣми они владѣли.»

Такимъ образомъ русскіе въ глазахъ грековъ были народомъ грубымъ и невѣжественнымъ, стоящимъ на низшей ступени христіанскаго пониманія и жизни, народомъ еще несовершеннолѣтнимъ въ дѣлахъ вѣры и благочестія, который, будучи предоставленъ въ церковной жизни только самому себѣ, исказилъ и извратилъ по своему невѣжеству и неразумію православной церковный чинъ и обрядъ, хотя всю свою религіозность и полагалъ именно въ сохраненіи внѣшней обрядовой стороны христіанства, далѣе которой его благочестіе не простиралось. Притязанія русскихъ на первенство и главенство въ православномъ мірѣ казались грекамъ притязаніями ребенка на невозможную для него роль взрослаго человѣка. Греки были убѣждены, что для русскихъ еще необходимы опека и верховное водительство гречанъ, иначе русскіе, благодаря своему невѣжеству, пожалуй окончательно исказятъ то православіе, которое они нѣкогда приняли отъ грековъ и въ которое они уже успѣли привнести нѣчто ему чуждое.

Естественнымъ слѣдствіемъ указанныхъ взаимныхъ отно-

шеній между русскими и греками было неизбѣжное столкновеніе греческаго и русскаго каждый разъ, какъ только представлялся какой-либо случай къ обнаруженію національныхъ исторически сложившихся воззрѣній одного народа на другой, при чемъ всегда возникалъ вопросъ: кто правъ — греки или русскіе, кто изъ нихъ долженъ поступиться своими церковно-обрядовыми особенностями въ пользу другаго?

Когда на Аѳонѣ русскія церковныя книги были сожжены какъ еретическія, когда греческими старцами аѳонитами торжественно было заявлено, что служить по русскимъ церковнымъ книгамъ, слѣдовать имъ составляетъ преступленіе, за которое всякій долженъ подвергнуться тяжкой карѣ, когда вѣсть объ этомъ необычайномъ событіи быстро распространилась всюду, возбуждая различные толки, состязанія о вѣрѣ греческой и русской; тогда вопросъ о томъ, чей обрядъ правъ—греческій или русскій, потребовалъ своего окончательнаго рѣшенія. Толки о сожженіи русскихъ церковныхъ книгъ на Аѳонѣ особенно сильны были въ Молдавіи, гдѣ сходились тогда всѣ православныя народности, откуда лежалъ тогда прямой и обычный путь въ Россію изъ разныхъ мѣстъ православнаго востока. Здѣсь въ Молдавіи можно было услышать и разсказы о сожженіи книгъ отъ самихъ очевидцевъ, здѣсь происходили и состязанія о вѣрѣ русской и греческой, здѣсь находились и защитники аѳонскаго самосуда и его противники. Невозможно было скрыть этого прискорбнаго событія отъ русскихъ. Дѣйствительно, когда Арсеній Сухановъ, сопровождавшій іерусалимскаго патріарха Паисія, возвратился въ Молдавію изъ Москвы, куда его посылалъ патріархъ съ особымъ порученіемъ, и остановился въ метохѣ зографскаго аѳонскаго монастыря; то старцы славяне этого метоха поспѣшили сообщить ему, какъ царскому посланцу, что на Аѳонѣ греки торжественно провозгласили русскія церковныя книги еретическими и какъ такія публично предали ихъ сожженію. Они постарались разъяснить Суханову, что это событіе не просто случайное и потому не имѣющее особой важности, но что оно служитъ только однимъ изъ проявленій той исконной вражды грековъ къ славянамъ вообще, которая началась еще со временъ Кирилла философа и продолжается доселѣ, такъ

какъ греки не терпятъ ни малѣйшей самостоятельности славянъ, но всегда хотѣли и хотятъ владычествовать надъ ними. Близко къ сердцу принялъ Суханов обиду русскихъ со стороны грековъ, «наругавшихся надъ государевыми книгами», онъ собралъ о событіи точныя свѣдѣнія и пожаловался патріарху Паисію, который и заявилъ ему, что аѳониты «не добро учинили». Но этого мало. Патріархъ нашелъ необходимымъ произвести въ присутствіи Суханова формальное дознаніе о сожженіи русскихъ книгъ. Онъ ставилъ ахридскаго архіепископа Даніила, который въ то время находился при патріархѣ, «съ очей на очи» съ свидѣтелями очевидцами самаго событія, при чемъ Даніилъ отказался отъ участія въ этомъ дѣлѣ, заявивъ, что онъ посовѣтовалъ аѳонитамъ сжечь только сербскую старинную книгу, въ которой находилось ученіе о двоеперстіи, а о сожженіи московскихъ книгъ онъ ничего не знаетъ. Патріархъ съ своей стороны опять отозвался о поступкѣ аѳонитовъ, «не добро они сдѣлали». Но не одобряя поступка аѳонитовъ, патріархъ и всѣ другіе греки однако прямо и рѣшительно заявляли Арсенію, который вступилъ съ ними по этому случаю въ горячія пренія о вѣрѣ греческой и русской, что именно русскіе погрѣшаютъ въ своихъ церковныхъ чинахъ и обрядахъ, которые во всей ихъ чистотѣ и неизмѣнности сохранились только у грековъ, почему русскіе должны признать грековъ учителями и руководителями въ своей церковной жизни.

О сожженіи русскихъ церковныхъ книгъ на Аѳонѣ, о своихъ преніяхъ съ греками о вѣрѣ Арсеній Суховъ немедленно послалъ обстоятельное официальное донесеніе царю и патріарху. Въ Москвѣ такимъ образомъ узнали о томъ, что не только греки аѳониты признаютъ русскія церковныя книги еретическими и какъ такія публично сжигаютъ ихъ, но что и іерусалимскій патріархъ и другіе греческіе іерархи и учители считаютъ русскій церковный обрядъ и чинъ, въ чемъ онъ несогласенъ съ современнымъ греческимъ, за искаженіе и извращеніе истинно православнаго чина и обряда.

Понятно, что въ Москвѣ не могли отнестись равнодушно въ происходившему на Аѳонѣ и въ Молдавіи, къ открытымъ обвиненіямъ русскихъ греками чуть не въ еретичествѣ. Сомнѣній въ томъ, какъ должны были посмотрѣть

въ Москвѣ на эти обвиненія русскихъ греками въ ереси-чествѣ, казалось, не могло быть. Трудно было грекамъ нанести русскимъ болѣе сильное и кровное оскорбленіе, какъ провозгласивъ ихъ богослужебныя книги еретическими, достойными сожженія, ихъ церковные чины и обряды неправыми, несогласными съ истинно православными чинами и обрядами. Это значило не только въ слухъ всего православнаго востока заподозрить чистоту православія русскихъ, открыто объявить ихъ чуть не еретиками, но и назвать ихъ развратителями всѣхъ другихъ православныхъ народовъ, которымъ они посылали свои еретическія богослужебныя книги, вслѣдствіе чего еретическая зараза изъ Москвы проникла даже и на святой Аѳонъ и уже успѣла было пустить здѣсь свои корни, да къ счастію аѳониты греки во время замѣтили опасность и сожгли еретическія московскія книги. Невозможно было думать, чтобы Москва, всегда столь чувствительная къ своей репутаціи, какъ единственной теперь во всемъ мірѣ хранительницы и представительницы чистаго, ничѣмъ не поврежденнаго православія, отнеслась къ этому факту благодушно и снисходительно, чтобы она не вступилась за свою честь, такъ безцеремонно попранную и поруганную тѣми самыми аѳонитами греками, которые на Москвѣ постоянно твердили, что Русь есть опора и покровительница всего вселенскаго православія, что Святая Гора только и держится русскою милостынею, которые, чтобы остаться въ царствѣ единаго теперь православнаго царя, не прочь даже были отправиться подъ начало въ какой-либо русскій монастырь «для исправленія ихъ христіанскія вѣры». Казалось въ самомъ дѣлѣ невозможнымъ, чтобы московскій царь, этотъ «второй Константинъ и Ѳеодосій», этотъ «отъ Божія промысла и Святымъ Духомъ соблюдаемый православный царь», это «свѣтозарное свѣтило для всѣхъ православныхъ», какъ его величали постоянно сами аѳониты въ своихъ просительныхъ граматахъ о милостынѣ, вдругъ признали себя, по указанію тѣхъ же аѳонитовъ, чуть не еретикомъ, свои богослужебныя книги еретическими, достойными сожженія, свои вѣковые церковные чины и обряды искаженными, несогласными съ истинно православными чинами и обрядами. А, между тѣмъ, въ дѣйствительности и случилось именно это невѣроятное и невозможное, вопреки всему, что доселѣ думала, чѣмъ жила и къ чему стремилась гордая своимъ православіемъ и благочестіемъ Москва.

Русскіе стремились занять въ православномъ мірѣ мѣсто грековъ, которые, по ихъ мнѣнію, уже потеряли право на первенство, вслѣдствіе своего уклоненія отъ православія и благочестія. Въ извѣстномъ отношеніи русскіе достигли своей цѣли. Они имѣли удовольствіе видѣть, что въ Москву, какъ столицу православія, стекаются теперь самые разнообразные представители православнаго востока, начиная съ патріарха и кончая убогимъ старцемъ,—что всѣ они торжественно и единодушно признаютъ Россію опорою, покровительницею всего вселенскаго православія. Но это первенство и главенство русскихъ среди другихъ православныхъ народовъ было чисто внѣшнее и матеріальное, вытекавшее изъ внѣшняго цвѣтущаго состоянія ихъ церкви и государства и вовсе не имѣло никакого отношенія къ тому убѣжденію русскихъ, на которомъ они строили свои притязанія, т.-е. къ убѣжденію, что будто бы только у однихъ русскихъ сохранилась теперь и правая, ничѣмъ не затемненная вѣра и истинное, совершеннѣйшее благочестіе. Въ глазахъ грековъ русскіе были, какъ мы видѣли, народомъ, исказившимъ православный церковный чинъ и обрядъ, народомъ, неспособнымъ еще, благодаря своему невѣжеству, къ самостоятельной церковной жизни, народомъ, «у котораго только и вѣры, что въ колокола звонятъ много, а иного нѣтъ ничего». Слѣдовательно, русскимъ, чтобы оправдать свою точку зрѣнія на дѣло своихъ отношеній къ православному востоку вообще и въ частности къ грекамъ, чтобы добиться первенства въ православномъ мірѣ не матеріальнаго только, опирающагося на дачу щедрой милостыни, на возможность свою политическую силу и могущество употребить въ будущемъ на защиту православныхъ народовъ отъ турецкихъ насилій,—необходимо было доказать свое дѣйствительное религіозное превосходство надъ греками, стать выше ихъ въ пониманіи вѣры и въ дѣлахъ благочестія, проявить у себя такое богатство культурныхъ силъ, которое бы дало имъ возможность подѣлиться избыткомъ этихъ силъ со всѣми другими православными народами и тѣмъ подчинить своему вліянію ихъ духовно-религіозную жизнь, какъ это и было ра-

нѣе съ греками. Только подъ этимъ неизбѣжнымъ условіемъ русскіе могли претендовать на руководящую роль въ православномъ мірѣ, на дѣйствительное признаніе со стороны всѣхъ православныхъ народовъ ихъ первенства, главенства и всецѣлаго превосходства надъ ними. Вліяніе Византіи въ православномъ мірѣ, какъ мы уже замѣчали, и основывалось именно на томъ, что она была для всѣхъ православныхъ народовъ востока культурнымъ центромъ, откуда исходили къ нимъ наука, образованіе, высшія и совершеннѣйшія формы церковной и общественной жизни и пр. Ничего похожаго на старую Византію не представляла въ этомъ отношеніи Москва. Она не знала, что такое наука и научное образованіе, она даже совсѣмъ не имѣла у себя школы и лицъ, получившихъ правильное научное образованіе; весь ея образовательный капиталъ заключался въ томъ, съ научной точки зрѣнія, не особенно богатомъ и разнообразномъ наслѣдствѣ, которое въ разное время русскіе посредственно или непосредственно получали отъ грековъ, не прибавивъ къ нему съ своей стороны почти ровно ничего. Естественно поэтому, что первенство и главенство Москвы въ православномъ мірѣ могло быть только чисто внѣшнее и очень условное; естественно было, что греки, какъ народъ сравнительно образованный и развитой, по прежнему были распорядителями и рѣшителями всѣхъ тѣхъ дѣлъ и вопросовъ, гдѣ требовалось знаніе, опытность, образованіе, наука; что русскіе во всѣхъ подобныхъ случаяхъ волею или неволею должны были отступать на задній планъ, уступать руководящую роль образованнымъ гречанамъ. Но этого мало. Сами русскіе, въ силу своей культурной несостоятельности, невольно должны были подчиниться вліянію тѣхъ самыхъ грековъ, мѣсто которыхъ они думали занять въ православномъ мірѣ, и даже принуждены были признать высшій авторитетъ грековъ въ своихъ собственныхъ, такъ сказать, домашнихъ, церковныхъ дѣлахъ. Несмотря на все свое недовѣріе къ грекамъ и ихъ благочестію, на сознаніе своего религіознаго превосходства надъ ними, русскіе, особенно съ XVII вѣка, находясь въ непрерывныхъ живыхъ сношеніяхъ съ греками, невольно и незамѣтно для себя начинаютъ сближаться съ

ними, принимать ихъ въ свою среду и все болѣе подчиняться ихъ вліянію. Это понятно. Съ XVII столѣтія разные гречане остаются въ Москвѣ на вѣчное житье, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣтаютъ иногда при московскомъ дворѣ видное вліятельное положеніе. И вотъ каждый изъ этихъ гречанъ выходцевъ, сознательно или несознательно, становился проводникомъ греческаго вліянія на Руси. Ради собственной выгоды онъ старался возвышать и укрѣплять въ глазахъ русскихъ авторитетъ грековъ, старался сдѣлаться для русскихъ человѣкомъ въ какомъ-либо отношеніи полезнымъ и даже необходимымъ, что было не особенно трудно, такъ какъ русскіе нуждались въ людяхъ образованныхъ и свѣдущихъ, какими сами они не были. И чѣмъ настойчивѣе и рѣшительнѣе русская жизнь предъявляетъ запросъ на людей бывалыхъ, свѣдущихъ, научно-образованныхъ, безъ которыхъ она въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже не можетъ обойтись, тѣмъ болѣе греки дѣлаются на Руси людьми желанными, такъ какъ они, по своему единовѣрію съ русскими, имѣли въ ихъ глазахъ рѣшительное преимущество предъ всѣми другими образованными иностранцами, какъ иновѣрными. Само правительство все шире начинаетъ пользоваться услугами разныхъ гречанъ, охотно принимаетъ ихъ на свою службу, даетъ имъ даже важныя политическія порученія, привыкаетъ прислушиваться къ ихъ голосу, начинаетъ дорожить ихъ мнѣніемъ и т. под. И если оно по прежнему еще не высоко цѣнитъ грековъ за ихъ благочестіе, за то невольно отдаетъ имъ рѣшительное преимущество предъ русскими, какъ людямъ ученымъ, образованнымъ, начинаетъ приглашать ихъ въ Москву для книжныхъ переводовъ, для обученія русскихъ людей, и даже думаетъ устроить въ Москвѣ постоянную школу, въ которой бы греки-учители преподавали русскимъ людямъ разныя науки. Такъ все шире и глубже проникало на Русь вліяніе грековъ, какъ людей ученыхъ и образованныхъ. Даже въ заповѣдную область русской церковной жизни начинаетъ незамѣтно вторгаться греческое вліяніе. Хотя русскіе и смотрятъ на грековъ, какъ на утерявшихъ истинное благочестіе, какъ на допустившихъ въ свою церковную жизнь разныя новшества, заимствованныя у латинянъ, однако это не мѣшаетъ Филарету Никитичу обратиться къ авторитету и ука-

занiямъ восточныхъ патрiарховъ для рѣшенiя возникшаго на Руси спора о прилогѣ слова «и огнемъ» въ молитвѣ на освященiе богоявленской воды. Патрiархъ Iосифъ, несмотря на то, что русскiй Стоглавый соборъ далъ вполнѣ ясное и точное опредѣленiе относительно введенiя въ церквахъ единогласнаго пѣнiя, когда этотъ вопросъ возникъ при немъ снова, счелъ необходимымъ для его рѣшенiя обратиться напередъ къ авторитету константинопольскаго патрiарха, голосъ котораго и имѣлъ для него рѣшающее значенiе. Такъ сами русскiе вынуждены были открыто признаться, что и въ церковной своей жизни они еще не могутъ обойтись безъ грековъ, ихъ содѣйствiя и руководства, что ихъ собственныя духовныя силы и средства, ихъ знанiя, даже въ сферѣ церковнаго обряда, такъ бѣдны и скудны, что своими только собственными силами они не могутъ справиться и съ такими церковными вопросами, какъ вопросъ о прилогѣ слова «и огнемъ», или объ употребленiи въ церквахъ единогласнаго пѣнiя. Боязнь погрѣшить при рѣшенiи хотя бы самаго незначительнаго и неважнаго церковнаго вопроса, столь свойственная людямъ благочестивымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно необразованнымъ и неразвитымъ, та боязнь, которая проистекаетъ изъ непониманiя, что дѣйствительно важно и существенно въ дѣлѣ благочестiя и что нѣтъ, невольно приводила русскихъ къ грекамъ и заставляла ихъ искать у послѣднихъ, какъ у людей образованныхъ и свѣдущихъ, опоры для себя, указанiя и совѣтовъ, авторитетнаго рѣшенiя возникавшихъ церковныхъ вопросовъ и недоумѣнiй.

Изъ сказаннаго нами уже понятнымъ становится, кто и какъ долженъ былъ порѣшить возникшiй на Аѳонѣ междуцерковный вопросъ относительно сравнительнаго достоинства греческаго и русскаго церковнаго обряда. Очевидно, что греки, какъ люди науки и знанiя, будутъ играть въ рѣшенiи этого вопроса активную рѣшающую роль; русскiе, вслѣдствiе своего невѣжества, пассивную и страдательную; очевидно также, что греки употребятъ всѣ усилiя съ своей стороны порѣшить этотъ вопросъ въ пользу греческихъ церковныхъ особенностей, а у русскихъ не найдется средствъ и умѣнья отстоять предъ греками свое церковное прошлое, такъ что побѣда уже по характеру борющихся силъ естественно должна была остаться на сторонѣ грековъ. Но грекамъ впрочемъ и не пришлось прибѣгать къ какимъ-либо особымъ средствамъ, чтобы обезпечить себѣ полную побѣду надъ русскими побѣда, и притомъ самая полная, далась имъ очень легко и скоро, безъ всякихъ особыхъ усилiй съ ихъ стороны. На патрiаршей московской каѳедрѣ они неожиданно нашли человѣка, который оказался самымъ горячимъ поклонникомъ грековъ и всего греческаго, готовымъ во всемъ слѣдовать ихъ указанiямъ и внушенiямъ, мало или вовсе не обращая вниманiя на указанiя своей родной старины, на протесты ея почитателей. Этотъ человѣкъ былъ патрiархъ Никонъ.

Въ то время, когда на Аѳонѣ греки жгли русскiя церковныя книги, какъ еретическiя, когда по этому поводу и на Аѳонѣ и въ Молдавiи шли горячiя пренiя о вѣрѣ греческой и русской, выдвинувшiя на очередь жгучiй и щекотливый вопросъ — кто остался вѣренъ во всемъ истинно-православному чину и обряду: греки или русскiе,—въ это время въ Москвѣ сдѣлался патрiархомъ Никонъ, державшiй въ своихъ властныхъ рукахъ и церковь и государство. На его долю и выпало порѣшить вѣковой споръ между греками и русскими объ относительномъ достоинствѣ греческаго и русскаго благочестiя. Еще будучи новоспасскимъ архимандритомъ, Никонъ уже близко сошелся съ разными греками, пріѣзжавшими въ Москву за милостынею, такъ какъ пріѣзжiе греки всячески старались заискивать у всемогущаго царскаго любимца, который былъ самымъ влiятельнымъ ходатаемъ за нихъ предъ царемъ Сближенiе съ греками не прошло для Никона даромъ. Онъ скоро подчинился вліянiю ловкихъ и угодливыхъ гречанъ и, по ихъ собственному сознанiю, сдѣлался самымъ завзятымъ грекофиломъ, какого ранѣе и не бывало на Руси. Греки умѣло и ловко воспользовались расположенiемъ къ нимъ Никона, возбужденнымъ въ немъ влеченiемъ ко всему греческому. Сблизившись съ нимъ и овладѣвъ его довѣренностью, они уже смѣло стали «зазирать» предъ нимъ русскiе церковные чины и обряды, несходные съ современными греческими, какъ неправые, какъ искаженные русскимъ невѣжествомъ и неразумiемъ и потому требующiе немедленнаго исправленiя. Льстиво выдѣ-

ляя Никона изъ ряда другихъ русскихъ іерарховъ за его выдающіяся качества, они внушали ему, что у него хватитъ и силъ и власти и умѣнья на то, чтобы немедленно произвести требуемую церковную реформу, несмотря на протесты и крики разныхъ невѣждъ, неспособныхъ вѣрно понять и оцѣнить относительное достоинство греческаго и русскаго обряда. Зазиранія и внушенія гречанъ произвели на Никона свое дѣйствіе: онъ сталъ смотрѣть на все глазами грековъ и, сдѣлавшись патріархомъ, рѣшился произвести церковную реформу, какъ она была внушена ему его друзьями и поклонниками греками. По самому своему характеру склонный къ увлеченіямъ и крайностямъ, мало способный соблюдать мѣру и осторожность въ чемъ бы то ни было, Никонъ и въ своемъ грекофильствѣ доходилъ до крайностей, не зналъ мѣры. «Хотя я русскій и сынъ русскаго, торжественно заявлялъ онъ, но моя вѣра и убѣжденія греческія». Дѣйствительно, Никонъ такъ отнесся къ русской церковной старинѣ, какъ будто бы онъ былъ настоящимъ, завзятымъ грекомъ, для котораго все цѣнное было только у грековъ, а все русское не заслуживало ни малѣйшаго вниманія и уваженія. Рѣшивъ собственно привести въ полное соотвѣтствіе русскія церковныя книги, чины и обряды съ современными греческими, Никонъ кстати уже переноситъ къ намъ и греческіе амвоны, греческій архіерейскій посохъ, греческіе мантіи и клобуки, греческіе напѣвы, приглашаетъ на Русь греческихъ живописцевъ, мастеровъ серебрянаго дѣла, строитъ монастыри по образцу греческихъ и даетъ имъ греческія названія, приближаетъ къ себѣ безъ разбора всѣхъ грековъ, слушаетъ только ихъ, дѣйствуетъ по ихъ указаніямъ, повсюду выдвигаетъ на первый планъ греческій авторитетъ, отдавая ему рѣшительное преимущество предъ вѣковою русскою стариною, предъ русскими доселѣ всѣми чтимыми и признаваемыми авторитетами. Даже одного простаго указанія, подсказа какого-нибудь случайнаго заѣзжаго въ Москву греческаго іерарха-милостынесобирателя было вполнѣ достаточно для Никона, чтобы передѣлывать русскую церковную старину на современный греческій ладъ. Вообще все русское, несогласное съ современнымъ греческимъ, торжественно и рѣшительно

признано было Никономъ порожденіемъ русскаго невѣжества и неразумія, отступленіемъ отъ истинной нормы православія, сохранившейся только у грековъ, которые должны служить образцомъ для русской церковной жизни [1]).

Церковная реформа Никона должна была нанести смертельный ударъ исторически сложившимся представленіямъ русскихъ о своемъ религіозномъ превосходствѣ надъ всѣми другими народами и въ частности надъ греками, объ особомъ исключительномъ призваніи русскихъ быть единственными представителями и хранителями истиннаго, ни въ чемъ неповрежденнаго православія, въ концѣ или частію уже утерянаго всѣми другими народами. Если до Никона русскіе думали, что правая вѣра и совершеннѣйшее благочестіе сохранилось только у нихъ однихъ, если они думали, что критеріемъ для опредѣленія того, что православно и что нѣтъ, должно служить только русское и все съ нимъ не согласное слѣдуетъ признавать за прямое уклоненіе отъ православія; если русскіе думали, что историческое ихъ призваніе состоитъ въ томъ, чтобы принятое ими отъ предковъ православіе хранить всегда неизмѣннымъ, никогда и ни въ чемъ не допуская самыхъ, повидимому, незначительныхъ и малѣйшихъ перемѣнъ, въ немъ, то реформа Никона самымъ рѣшительнымъ образомъ ниспровергала эти вѣковыя воззрѣнія русскихъ, какъ несправедливыя и ошибочныя. Она говорила русскимъ, что истинное православіе во всей его чистотѣ и неизмѣнности сохранилось только у грековъ, а вовсе не у русскихъ, допустившихъ у себя искаженія и новшества въ церковныхъ чинахъ и обрядахъ, почему они и требуютъ исправленія по образцу греческихъ; что истинными хранителями и представителями православія по прежнему нужно считать грековъ, а русскіе должны быть причислены къ разряду народовъ несовершеннолѣтнихъ въ религіозномъ отношеніи, для которыхъ еще нужна опека и верховное водительство гречанъ; что задачи и цѣли исторической жизни русскаго народа нужно понять и опредѣлить

[1]) О церковной реформѣ Никона и ея противникахъ мы готовимъ къ печати отдѣльное изслѣдованіе, почему въ данномъ случаѣ мы и ограничиваемся въ своихъ сужденіяхъ о реформѣ Никона самыми общими и короткими замѣчаніями

иначе, нежели какъ онѣ понимались и опредѣлялись до сихъ поръ, при чемъ и исходная точка для этого должна быть взята уже совсѣмъ другая, а не та, изъ которой исходили книжники конца XV и начала XVI вѣка,—жить долѣе по старому и старымъ было уже нельзя, необходимо было такъ или иначе начинать новую жизнь.

Вполнѣ естественно было, что грекофильская реформаторская дѣятельность Никона, какъ шедшая совершенно въ разрѣзъ съ существовавшими дотолѣ въ русскомъ обществѣ воззрѣніями на относительное достоинство греческаго и русскаго благочестія и пр. вызвала въ приверженцахъ и поклонникахъ русской церковной старины сильный протестъ, горячее осужденіе всей дѣятельности Никона и его самого. Съ ихъ точки зрѣнія Никонъ естественно казался презрителемъ родной и святой старины, отеческихъ завѣтовъ и преданій, опаснымъ, зловреднымъ новообводителемъ, ведущимъ къ конечной и несомнѣнной гибели и церковь и государство. Но несмотря на всѣ протесты поклонниковъ русской церковной старины, реформа Никона была однако признана всею церковью, какъ законная и правая, при чемъ іерархи, какъ греческіе, такъ и русскіе, присутствовавшіе на большомъ московскомъ соборѣ 1667 года, торжественно заявили, что отцы Стоглаваго собора, узаконившіе въ русской церкви обрядъ, несогласный съ тогдашнимъ греческимъ, дѣйствовали въ этомъ случаѣ «неразсудно, простотою и невѣжествомъ», что соборныя клятвы они клали «безъ разсужденія и неправедно», что предсѣдатель Стоглаваго собора митрополитъ Макарій «мудрствовалъ (на соборѣ) невѣжествомъ своимъ безразсудно», что вся вина отцовъ Стоглаваго собора въ томъ именно и состояла, что они составляли свои опредѣленія, «ниже со вселенскими святѣйшими патріархи о томъ совѣтоваша и ниже совопросишася съ ними». Подписавшись подъ этимъ, продиктованнымъ греками, опредѣленіемъ о Стоглавомъ соборѣ, русскіе тѣмъ самымъ торжественно и окончательно отреклись отъ своей церковной старины въ пользу современной греческой церковной практики, сами признали весь періодъ своей церковной самостоятельной жизни (отъ паденія Константинополя до Никона), когда они устранили изъ нея всякое участіе и вліяніе

грековъ, періодомъ ошибокъ и заблужденій, временемъ уклоненія русскихъ отъ истинно-православныхъ чиновъ и обрядовъ, временемъ, достойнымъ всякаго осужденія и порицанія. Вмѣстѣ съ этимъ, русскіе торжественно сознались, что они еще неспособны къ самостоятельной церковной жизни, что для нихъ, какъ несовершеннолѣтнихъ, нужна еще опека и водительство гречанъ, что образцомъ для нихъ, руководствомъ и свѣточемъ въ ихъ церковной жизни должно служить не ихъ собственное прошлое, не своя родная старина, которою они такъ гордились, а современная греческая церковная жизнь. Это было по истинѣ полное отреченіе отъ всѣхъ тѣхъ мечтаній и чаяній, которыми доселѣ жила Русь, по которымъ она строила свою внутреннюю жизнь, свои отношенія къ другимъ народамъ, въ чемъ она видѣла свою главную заслугу и славу предъ всѣми другими народами.

Такимъ образомъ, церковная реформа Никона и ея признаніе всею русскою церковью, особенно въ томъ видѣ, какъ это совершилось на соборѣ 1667 года, было полнымъ блестящимъ торжествомъ грековъ надъ горделивыми притязаніями русскихъ на главенство и первенство въ православномъ мірѣ, притязаніями, возникшими и развившимися на счетъ бѣдствій и униженія грековъ, почему они всегда и были для нихъ особенно ненавистны и оскорбительны. Теперь оказалось, что русскіе до сихъ поръ строили свое зданіе исключительно на пескѣ, что для него у нихъ совсѣмъ не находилось никакихъ прочныхъ опоръ и устоевъ, почему оно сразу и рухнуло подъ первымъ напоромъ, брошенное, какъ негодное и опасное, самими строителями. Правда, въ русскомъ обществѣ нашелся небольшой кружокъ лицъ, который горячо и энергично (толково или не толково, это другой вопросъ) возсталъ на защиту родной старины, ея завѣтовъ и преданій, который не захотѣлъ, вмѣстѣ съ греками, видѣть въ клятвахъ русскаго Стоглаваго собора только одно «безразсудство и невѣжество» его отцовъ. Но этотъ кружокъ лицъ за свою приверженность къ русской старинѣ, за свое упрямое нежеланіе признать и подчиниться новымъ требованіямъ и условіямъ жизни, за свое стремленіе разрушить миръ и единеніе русской церкви съ вселенскою, былъ осужденъ церковью, какъ непокорникъ и противникъ голосу цѣлой вселенской церкви.

Справедливость требуетъ замѣтить, что и послѣ реформы Никона старыя русскія воззрѣнія на грековъ, какъ на утерявшихъ истинное благочестіе, на Москву, какъ на преемницу Византіи, какъ на единственную теперь хранительницу чистаго, ни въ чемъ неповрежденнаго православія, нѣсколько уже замутившагося у грековъ, — еще не вдругъ и не скоро вымерли, даже въ средѣ православнаго русскаго общества. Эти отжившія и окончательно уже осужденныя церковью воззрѣнія заявляютъ однако себя въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ прежнею силою и настойчивостью, какъ будто церковной реформы Никона вовсе и не существовало, какъ будто грекъ оставался въ глазахъ русскихъ тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ для нихъ и до Никона. Любопытно при этомъ, что такія воззрѣнія высказываются людьми не только строго православными, но и сравнительно образованными и передовыми, при чемъ эти лица и не замѣчаютъ того очевиднаго противорѣчія, въ которое они впадаютъ, съ одной стороны, признавая церковную реформу Никона за правую, съ другой—считая чрековъ за утерявшихъ истинное благочестіе, которое теперь находится только на одной Руси. Укажемъ три характерные въ этомъ отношеніи случая.

Русскій православный книжникъ второй половины XVII вѣка пишетъ святцы спеціально русскихъ и славянскихъ святыхъ и въ послѣсловіи говоритъ слѣдующее: «аще и напослѣдокъ россійстіи людіе благодать св. крещенія восприяша, *но большія благодати сподобишася*. Вся бо царствія христіянская отъ Рима и отъ Царя града и отъ Болгаръ и Сербовъ и Иверскихъ и прочихъ христіанъ во едино россійское царство сниде. Вездѣ бо тамо обладаще латини и агаряне, единоже Россійское царство благодатію Божіею сіяетъ и процвѣтаетъ благочестіемъ, ни отъ кого ненавѣтно. Тако же и патріарщество по благодати Божіей благочестіемъ сіяетъ. Въ греческой земли святѣйшіе патріархи отъ насилія безбожныхъ агарянъ утѣсняеми, развѣ именемъ точію патріархи нарицаются, а воли имъ ни въ чемъ окаянные турци не даютъ и насиліе безчестное святѣйшимъ патріархомъ и прочимъ святителемъ и благочестивымъ христіаномъ поруганіе, елико и усты человѣческими глаголати невозможно. И что мнѣ о семъ глаголати: *елико, что ни*

есть честное во благочестіи, вся сія отъ христіанскихъ царствъ въ россійское царство принесено и украшается россійская земля. Первое царскій вѣнецъ, потомъ святительскій бѣлый клобукъ и патріаршество, вмѣсто папы римскаго здѣ пятое патріаршество учинено по благодати Божіей и по благословенію четырехъ патріарховъ. Еще же паки речемъ, чудотворные образы и мощи святыхъ чудотворцевъ и прочія святыни на Русь принесены изволеніемъ Божіимъ. И елико тамо отъ насилія безбожныхъ агарянъ и латинъ христіанство умаляется, толико здѣ благодать Божія простирается и христіанское благочестіе растетъ и ширится... И еще бы Греци гордящеся и возносящеся глаголютъ, яко Русь отъ нихъ начало пріятъ и невѣріемъ омрачаются, мняще русское благочестіе ничто же есть, и о святыхъ, угодившихъ Богу на Руси, усомнѣваются. *Сами насилія ради отъ безбожныхъ благочестіе свое погубиша, чудотворные иконы, также и мощи святыхъ раздѣлиша, ея отъ себе отвезоша на Русь и свое благочестіе пусто сотвориша.* И таково насиліе терпяще отъ нечестивыхъ, яко и именемъ христіанскимъ не смѣюще нарицатися, и святители ихъ платія святительскаго и мнихи такожде подобающаго платія не смѣюще надѣти. А о церквахъ Божіихъ и церковномъ украшеніи и уста не отверзаются» [1]).

Другой случай имѣлъ мѣсто въ Константинополѣ, при чемъ дѣйствующими лицами были наши послы и константинопольскій патріархъ съ сопровождавшей его свитой. Въ 1700 году 18 іюля нашихъ константинопольскихъ посланниковъ, думнаго дьяка Емельяна Украинцева и дьяка Ивана Чередѣева, по окончаніи ими всѣхъ государевыхъ дѣлъ, посѣтилъ самъ вселенскій патріархъ Каллиникъ въ сопровожденіи митрополитовъ: кизическаго, халкидонскаго, никомидійскаго, четырехъ старцевъ и двухъ бѣльцовъ. Поздравивъ пословъ съ благополучнымъ окончаніемъ государевыхъ дѣлъ, патріархъ извинялся, что ранѣе онъ не посѣтилъ пословъ, такъ какъ «ему свободы не было», и затѣмъ говорилъ: «дворъ де тотъ, въ которомъ они посланники нынѣ здѣсь живутъ, какъ онъ видитъ, зѣло стоитъ въ низкомъ и глу-

[1]) Рук. Моск. Духовн. Академіи № 201, л. 338 и 339.

хомъ мѣстѣ, и чаять де имъ посланникомъ, живучи въ такомъ непотребномъ дворѣ, прискучило»? Послы отвѣчали, что такое мѣсто для жительства дало имъ турецкое правительство, а изъ дома дѣйствительно не видно ни поля, ни моря, ни самаго города, во все время пребыванія ихъ здѣсь мимо ихъ никто не ѣздилъ и не ходилъ, и жили они въ этомъ глухомъ мѣстѣ чуть не годъ, какъ въ тюрьмѣ.— Патріархъ спрашивалъ: «въ государствѣ де московскомъ улицы и переулки пространнѣе-ль здѣшнихъ или таковы-жъ, также и домы великіе каменные есть ли»?—Послы отвѣчали, что въ Москвѣ «каменнаго строенія много и домы великіе каменные есть многіе, а улицы и переулки пространнѣе здѣшнихъ». Патріархъ объяснилъ посланникамъ, что при греческихъ царяхъ въ Константинополѣ «улицы и переулки были пространные жъ, также и домы каменные у грековъ были великіе, а какъ де достался въ руки агарянскіе, и съ того времени все опровергнуто, и улицы и переулки и домы почали строить плохіе и недолговѣчные, и того прежняго греческаго строенія, а имянно отъ царства царя Константина въ остаткѣ во всемъ Стамбулѣ только одна палата, которая и до нынѣ цѣла близко салтанскаго двора, въ которой учатся турки бить въ барабаны и играть въ сипоши». Посланники спрашивали: «есть ли что теперь благочестиваго царя Константина строенія городоваго»?—«И святѣйшій патріархъ и митрополиты сказали, что кругомъ Стамбула только основаніе городовое царя Константина, а городскихъ стѣнъ и башенъ его строенія нѣтъ, все уже вновь послѣ его перестроено, а индѣ починено, и въ послѣдніе де починивалъ царь Ѳеофилъ, а гдѣ его починка была, и тому значитъ на башняхъ имяни его подпись».— «И спращивалъ онъ, святѣйшій патріархъ: около Москвы каменное городовое строеніе есть ли, и какова имъ здѣшняя салтанская резиденція кажется»?—«И посланники говорили, что около Москвы каменное городовое строеніе есть, а резиденція здѣшняя славная, понеже стоитъ междо двемя морями — Чернымъ и Бѣлымъ, *только де хотя и славна, однакожъ бѣдственна и всегда пребывала въ смятеніяхъ, а имянно: въ премѣненіи вѣры и въ ересяхъ, а потомъ и въ насиліе агарянское досталась*». — «И святѣйшій патріархъ и митрополиты говорили, что завидному мѣсту всегда бываетъ тѣсно, а отъ расколовъ никоторое государство уйти не можетъ, *и чаятъ де не безъ того и въ государствѣ московскомъ*»?—«И посланники говорили, *что въ государствѣ россійскомъ великихъ церковныхъ расколовъ нѣтъ, развѣ когда изрѣдка явится какой старецъ или попъ, и то не о большомъ дѣлѣ — о скуфьѣ, или о платьѣ, какъ подобаетъ которому чину какую одежду носить, или о крестномъ знаменіи*, и такимъ де не значущимъ и неученымъ людямъ, за такое раскольное малое дѣло, краткой судъ чинитца, смотря по винѣ чинятъ наказаніе или посылаютъ въ монастырь на смиреніе; *и нынѣ милостью Божіею такихъ и иныхъ никакихъ расколовъ въ россійскомъ государствѣ нѣтъ*».—«И святѣйшій патріархъ говорилъ, что въ здѣшнемъ царствѣ напредь сего расколы церковные великіе были до седми соборовъ, а по седми соборѣхъ всякія ереси и расколы угасли, и такъ на седмомъ соборѣ утверждено и укрѣплено и постановлено, хотябъ ангелъ съ небеси сошелъ, то въ вѣрѣ премѣненія не чинить, и нынѣ де такихъ церковныхъ расколовъ здѣсь междо христіаны не слышно жъ, *а которыя и явятся, а такіе смиряются у нихъ увѣщаніемъ отъ божественнаго писанія и наказуются правильными винами — кротостью и смиреніемъ, а не смертною казнью*» [1]), да и у турковъ де расколы въ вѣрѣ ихъ есть же, только они успокоиваютъ такіе расколы тайно, чтобы никто не вѣдалъ, *и такихъ возмутителей у нихъ казнятъ смертью*» [2]).—«И посланники говорили: *по видимому де царство греческое и вѣра православная и благочестіе все перенеслось отсюду въ Россійское царство?*»—«И святѣйшій патріархъ говорилъ: онъ де скажетъ имъ, посланникомъ, о томъ нѣкоторую разумную историческую притчю, чтобъ у него того

[1]) Очевидно, что патріархъ говорилъ это съ прямымъ желаніемъ укорить русскихъ, которые казнями расправлялись съ расколоучителями, что, какъ видно, хорошо было извѣстно патріарху, несмотря на завѣреніе пословъ, что теперь въ Россіи никакихъ расколовъ нѣтъ.

[2]) Этимъ указаніемъ, что турки казнятъ появляющихся у нихъ раскольниковъ въ вѣрѣ, патріархъ опять имѣлъ въ виду укорить русскихъ, которые расправляются съ своими раскольниками по-турецки—казнями, а не борются съ ними христіански—писаніемъ, кротостью и смиреніемъ.

послушали и о чемъ онъ патріархъ посланниковъ спроситъ, о томъ бы ему сказали. И спрашивалъ онъ святѣйшій патріархъ, что въ московскомъ государствѣ на рѣкахъ и озерахъ птицы, именуемые рыболовы, естьли, и тѣ птицы на тѣхъ рѣкахъ и озерахъ зимуютъ ли или отлетаютъ куда въ иные теплые страны?»—«И посланники сказали, что такіе птицы рыболовы въ россійскомъ государствѣ на рѣкахъ и озерахъ лѣтомъ бываютъ, а къ зимнему времени отлетаютъ въ теплыя страны, а къ лѣту прилетаютъ по прежнему на тѣжъ мѣста».—«И святѣйшій патріархъ говорилъ, что тѣ птицы, гдѣ ни бываютъ, однакожъ на старину свою и во отчизну прилетаютъ и въ зимнее время всегда держатся въ теплыхъ странахъ, а именно—во Инди западной, и имѣютъ де тѣ птицы между собою такую ревность благоискусную и другъ другу помогательную, что которая изъ нихъ птица остарѣетъ или отъ немощи своей ослабѣетъ и летѣть не можетъ, то по такую старую птицу прилетаютъ младые птенцы и тѣхъ старыхъ подымаютъ и помочь имъ въ летании чинятъ, а вовсе не пометываютъ и не оставливаютъ нигдѣ. Также де подобно тому и здѣшнее государство, хотя оно въ вѣрѣ и благочестіи было древнѣе и старѣе московскаго государства, только стало во изгнании, а россійское государство во свѣтѣ начало быть славно и сильно, а паче распространилось всякими украшеніями—премудростью и разумомъ пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великаго государя, его царскаго величества, которому да даруетъ Господь Богъ надъ всѣми побѣду и одолѣніе, и нынѣ они, святѣйшіе патріархи, и всѣ православные христіане помощи и заступленія требуютъ не отъ иного кого, токмо отъ его царскаго величества. И того ради, чтобы изволилъ его царское величество ихъ старыхъ въ здѣшнемъ царствѣ не оставливать и помощью своею государскою изволилъ ихъ вспомогать».—«И посланники говорили, что та ево, святѣйшаго патріарха, объявленная имъ притча по премногу разумна, а на свѣтѣ все дивное и недивное въ руцѣ Божіи, что восхощетъ, то Онъ, Создатель нашъ, и сотворитъ».—Этимъ не кончилась однако бесѣда нашихъ пословъ съ патріархомъ. Когда послы явились къ нему за благословеніемъ предъ самымъ своимъ отъѣздомъ изъ Константинополя, то патріархъ неожиданно предложилъ имъ

вопросъ, имѣвшій, очевидно, прямую связь съ ихъ предшествующею бесѣдою и слухами, ходившими на востокѣ объ усиливавшемся все болѣе вліяніи запада на Руси: «догматы церковные, спрашивалъ патріархъ пословъ, въ своемъ ли существѣ въ россійскомъ государствѣ пребываютъ и нѣтъ ли въ чемъ премѣненія и для чего то премѣненіе учинилось?»—Получивъ отъ пословъ увѣреніе, что въ русскомъ государствѣ никакого премѣненія церковнымъ догматамъ никогда не было и нѣтъ, патріархъ говорилъ, что Русь славна не величиною и множествомъ людей, «но самою тою вѣрою православною и истиннымъ и непоколебимымъ утвержденіемъ ея», а опасаться слѣдуетъ особенно римлянъ, которые вездѣ ищутъ учинить въ вѣрѣ прелесть, «*а у нихъ де здѣсь, хотя они и подъ игомъ бусурманскимъ обрѣтаются, еще въ вѣрѣ никакого премѣненія нѣтъ*“ [1]).

Тѣ же самыя воззрѣнія на грековъ и ихъ благочестіе выражаетъ въ своемъ путешествіи и священникъ московской церкви Покрова Пресвятыя Богородицы, Лукьяновъ, который отправился на востокъ для посѣщенія святыхъ мѣстъ 15 іюня 1710 года и оставилъ намъ описаніе своего путешествія. Какъ священникъ, и при томъ московскій, Лукьяновъ сильно интересовался греческимъ благочестіемъ и невольно сопоставлялъ его съ благочестіемъ русскихъ. Его личныя наблюденія надъ нравами, обычаями, религіозностью и благочестіемъ грековъ привели его къ очень невыгоднымъ заключеніямъ о грекахъ и греческомъ благочестіи, особенно по сравненію его съ русскимъ. «Греки, говоритъ онъ, непостоянны, обманчивы; *только малые христіане называются, а и слѣду благочестія нѣтъ*. Да откуда имъ и благочестія взять: грекамъ книги печатаютъ въ Венеціи, такъ они по нихъ и поютъ, а Венеція папежская, а папа главный врагъ христіанской вѣрѣ; какъ у нихъ быть благочестію? и откуда взять? Каковы имъ не пришлютъ книги, такъ они по нихъ и поютъ. И такъ малымъ чѣмъ разнились съ папежцы; а что пьютъ, ѣдятъ, то все съ ними вмѣстѣ, а въ церкви мы сами видѣли, что папежцы къ грекамъ ходятъ, а греки

[1]) Тур стат списки № 27, 1699—1700 гг., лл 1188—1196 и 1231

къ папежцамъ: такъ недалеко отъ соединенія.. Всѣ нравы у грекъ и поступки внѣшнія и духовныя всѣ бусурманскія, *а что прежнія ихъ бывали христанскія, тѣхъ у нихъ отнюдь и слѣду нѣтъ* . А крестятся греки странно: руку на чело замахнетъ, а до чела далѣе не донесетъ, да и опуститъ къ землѣ, отнюдь не увидишь, ктобъ изъ грекъ до плеча доносилъ, а духовный чинъ у грекъ хуже простова народу крестятся; срамно сильно, какъ войдешь въ церковь. а рукою махаетъ, а самъ то на ту сторону, то на другую озирается, что коза... Патріархъ греческій по вся годы церкви отдаетъ на откупъ, а беретъ за церковь по цвѣсти талерей и полтораста, а что годъ, то переторжка: кто больше дастъ, тому и отдаетъ, хоть два талера передастъ, тому и отдаетъ. У нихъ и митрополитъ митрополита ссаживаетъ: далъ лишнее, да и взялъ епархію. Такъ у нихъ много безмѣстныхъ митрополитовъ и поповъ—такъ таскаются по базару, живутъ въ Царьгородѣ, да собакъ бьютъ, ходя по улицамъ... А митрополиты греческіе въ церквахъ зѣло неискусны; все смѣются и съ греками говорятъ со стороны на сторону; и пѣнія неслыхать, а самъ, что коза, назадъ оглядывается, кричитъ по церкви; *зѣло не хранятъ своего чина церковнаго; наши посельскіе попы лучше ихъ митрополитовъ*». Лукьяновъ даже помѣщаетъ въ своемъ путешествіи особыя статьи «о несогласіи грековъ съ восточною церковью». Онъ указываетъ до четырнадцати греческихъ уклоненій отъ православной восточной церкви. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: 1) греки въ крещеніи обливаются. 2) Крестовъ на себѣ не носятъ. 3) Неистово крестятся, ни на чело, ни на плечо не доносятъ; махаютъ сѣмо и овамо. 4) Въ церквахъ стоятъ въ шапкахъ, какъ молятся не скидаютъ, а стоятъ въ стойлахъ гордо, искривя бокъ, и глядятъ не къ иконамъ, а на стѣны. 5) Служатъ на одной сторонѣ просфиры и то на черствой, а міряне у нихъ не говѣютъ причащаются. 6) Патріархи, митрополиты и всѣ духовные играютъ въ карты и шахматы и т. п.» [1]).

[1]) «Путешествіе во святую землю священника Лукьянова» напечатано въ Русскомъ Архивѣ за 1863 годъ

Глава XI.

Упадокъ значенія грековъ на Руси послѣ церковной реформы Никона и окончательное утвержденіе у насъ, въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, западнаго вліянія.

Церковная реформа Никона, повидимому, должна была произвести коренной переворотъ въ отношеніяхъ русскихъ къ грекамъ Не только прежнее предубѣжденіе русскихъ противъ греческаго благочестія не имѣло уже болѣе мѣста, но греки и все греческое пріобрѣли въ Москвѣ прочное вліятельное положеніе, авторитетъ грековъ высоко сталъ теперь въ мнѣніи русскихъ. Какъ при самомъ Никонѣ, такъ и послѣ удаленія его съ патріаршей каѳедры, ловкіе гречане захватили въ свои руки всѣ наши церковныя дѣла и буквально хозяйничали въ нихъ. Они были душею, иниціаторами и руководителями всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій по дѣлу Никона и его противниковъ, авторитетными совѣтниками и рѣшителями всѣхъ возникавшихъ тогда церковныхъ вопросовъ и недоумѣній, исполнителями ими же внушенныхъ правительственныхъ распоряженій, особенно по сношеніямъ съ восточными патріархами. Русскіе, въ сознаніи своего безсилія, своей неспособности преодолѣть своими только силами все болѣе осложнявшіяся церковныя затрудненія, какъ-то пассивно шли за своими учеными, готовыми на всѣ руки руководителями, безпрекословно соглашались съ ними во всемъ, не пытаясь и не рѣшаясь оказать имъ въ чемъ-либо противорѣчія или выступить противъ нихъ съ чѣмъ-либо своимъ. Греки не замедлили воспользоваться такъ благопріятно сложившимися для нихъ обстоятельствами въ своихъ интересахъ. Сами восточные патріархи, предсѣдательствовавшіе на соборѣ 1667 года, въ письмѣ къ константинопольскому патріарху, открыто сознаются, что своею дѣятельностью въ Москвѣ они имѣли въ виду не только увеличить количество милостыни, которую русское правительство посылало ихъ каѳедрамъ, но и возвысить въ мнѣніи русскихъ «лѣпоту греческаго рода», возстановить у рус-

скихъ свою прежнюю честь и славу, «юже древле имѣхомъ». Казалось, что греки вполнѣ достигли своей цѣли. Русскіе отдали на ихъ судъ всю свою прошлую церковную жизнь, современное положеніе своихъ церковныхъ дѣлъ, отъ нихъ ждали рѣшенія всѣхъ своихъ вопросовъ и недоумѣній; предъ восточными патріархами, какъ верховными судьями, стояли, въ качествѣ подсудимыхъ, самъ русскій царь и знаменитѣйшій московскій патріархъ, искавше у нихъ себѣ оправданія, готовые подчиниться ихъ приговору; всѣ ихъ рѣшенія и постановленія принимались русскими безпрекословно, безъ всякаго противорѣчія, хотя нѣкоторыя изъ соборныхъ постановленій, продиктованныя греками, и были прямо направлены противъ русскаго съ цѣлью, на счетъ его униженія, возвысить греческое. Казалось, что греки, разъ прочно утвердивъ въ Москвѣ свой авторитетъ, надолго сдѣлаются въ ней полными хозяевами и распорядителями и даже окажутъ подавляющее вліяніе и на весь дальнѣйшій ходъ развитія русскихъ, которые къ тому же стремились устроить въ Москвѣ постоянную школу и имѣть въ ней учителями именно грековъ. Но какъ ранѣе дѣйствительность не оправдала мечтаній русскихъ объ ихъ исключительномъ религіозномъ призваніи и положеніи въ православномъ мірѣ, такъ теперь она не оправдала и надеждъ грековъ на утвержденіе ихъ исключительнаго вліянія и преобладанія на Руси. Отношенія русскихъ къ грекамъ, уже вскорѣ послѣ соб ра 1667 года, не только не носятъ на себѣ характера недавняго преклоненія и, такъ сказать, униженія русскихъ предъ греками, но, и довольно недвусмысленно, говорятъ за то, что русскіе даже къ самимъ восточнымъ патріархамъ потеряли значительную долю недавняго уваженія, такъ какъ въ сношеніяхъ съ ними, въ видахъ полученія отъ нихъ согласія на что-либо, употребляютъ такія средства, которыя никакъ не примѣнимы къ лицамъ высокоуважаемымъ и почитаемымъ. Нѣсколько характерныхъ въ этомъ отношеніи фактовъ пояснятъ нашу мысль.

Въ 1670 году отправленъ былъ изъ Москвы въ Константинополь переводчикъ Христофоръ, который долженъ былъ выхлопотать у вселенскаго патріарха, за извѣстное вознагражденіе, разрѣшительную грамату гетману Многогрѣшному, котораго патріархъ ранѣе проклялъ. Когда переговоры объ этомъ были благополучно окончены и разрѣшительная грамата была приготовлена, патріархъ пригласилъ Христофора посмотрѣть ее, и тотъ, посмотрѣвъ, спрашивалъ патріарха: какъ онъ прикажетъ о жалованьи царскомъ—соболяхъ? Патріархъ отвѣчалъ, что никакимъ образомъ ему нельзя принять соболи, такъ какъ догадаются, что это царское жалованье, а лучше было бы переводчику продать эти соболи и вручить патріарху чистыми деньгами. Христоферъ продалъ два сорока соболей, взявъ за нихъ 480 ефимковъ, которые и отнесъ патріарху. Тотъ, взявъ деньги, билъ челомъ, за царскую милостыню и, запечатавъ при переводчикѣ разрѣшительную грамату, отдалъ ее ему [1]). Характеръ этой сдѣлки очевиденъ.

Суровое осужденіе патріарха Никона должно было на всѣхъ русскихъ, не ослѣпленныхъ окончательно враждою къ нему, производить тяжелое, удручающее впечатлѣніе, особенно когда возбужденныя его дѣломъ страсти уже нѣсколько успокоились. Сознаніе, что осужденіе Никона было позоромъ и для всей русской церкви, что ея честь требуетъ возстановленія Никона въ патріаршемъ достоинствѣ, кажется, не было чуждо и самому Алексѣю Михайловичу, который всегда сильно жалѣлъ своего «собиннаго» друга. По крайней мѣрѣ въ граматѣ царя Ѳеодора къ восточнымъ патріархамъ о разрѣшеніи Никона говорится, что Алексѣй Михайловичъ «воспоминати того (запрещенія Никона) любве ради Христовы не благоволилъ», а александрійскій патріархъ въ граматѣ по поводу разрѣшенія Никона писалъ, что ему будто бы сообщено царскими послами: «яко сицевую боголюбезную мысль имяще і иже въ блаженной памяти приснопоминаемый отецъ вашъ великій государь царь и самодержецъ—во еже простити онаго блаженнаго и патріаршескаго званія удостоити» [2]). Имѣлъ ли, дѣйствительно, Алексѣй Михайловичъ намѣреніе возвратить Никону патріаршее достоинство, или нѣтъ, только его сынъ, Ѳеодоръ Алексѣевичъ, рѣшился до-

[1]) 7178 г. № 75.

[2]) Турецкіе статейные списки, № 20. стр. 382 и 731.

биться разрѣшенія Никона во чтобы то ни стало, несмотря на упорное сопротивленіе патріарха Іоакима, который право разрѣшить Никона признавалъ только за восточными патріархами, осудившими его. На востокъ были отправлены послы Возницынъ и Чириковъ, которые повезли съ собою граматы ко всѣмъ патріархамъ съ просьбою о разрѣшеніи уже умершаго Никона. Но такъ какъ эта просьба, по мнѣнію правительства, могла встрѣтить на востокѣ большія затрудненія, ибо патріархамъ приходилось, разрѣшая Никона, стать въ противорѣчіе съ состоявшимся о немъ соборнымъ опредѣленіемъ, то посламъ дана была на этотъ случай особая инструкція, показывающая, что правительство хорошо знало, съ кѣмъ оно имѣетъ дѣло и какъ слѣдуетъ вести его. Въ инструкціи посламъ говорится: «а буде вселенскіе патріархи по нашимъ великаго государя грамотамъ учинить того (разрѣшить Никона) не похотятъ, и вы бъ, наши великіе послы, домогалися о томъ у нихъ всякими мѣрами чрезъ кого возможно, и сверхъ того нашего великаго государя жалованье, которое на милостыню съ вами къ нимъ послано, *дали бъ имъ*, или съ кѣмъ послали нашего великаго государя жалованье особно отъ того изъ нашея великаго государя казны, которая съ вами въ запасъ послана, или у грековъ занявъ— *по двѣсти по пятидесяти рублевъ патріарху*, только бъ, конечно, того домогаться, чтобъ они, вселенскіе патріархи, для нашего государскаго прошенія о томъ, по нашимъ великаго государя грамотамъ учинили и свои о томъ грамоты къ намъ, великому государю, съ вами, нашими великими послы, послали... *И есть ли крѣпко и упорно станутъ и непохотятъ того учинить и, по самой конечной мѣрѣ, дать по пяти сотъ рублевъ патріарху, а буде и по тому предложенію вашему не учинятъ, и, по самой нуже, дать по тысячи рублевъ человѣку, только бъ учинили и въ грамотахъ своихъ написали имянно*». Возницынъ, прибывъ на востокъ (Чириковъ умеръ дорогою), прежде всего обратился къ іерусалимскому патріарху Досиеею, чтобы тотъ помогъ ему выхлопотать у патріарховъ разрѣшеніе Никону. Досиеей охотно взялся устроить это дѣло и говорилъ послу, чтобъ онъ «всѣ тѣ дѣла положилъ на него, патріарха». Дѣйствительно вскорѣ самъ Досиеей, а также и антіохійскій патріархъ вручили послу свои разрѣщительныя граматы, вовсе не требуя отъ него какой-либо особой приплаты сверхъ той дачи, которую имъ вручилъ за это посолъ. Не то было съ патріархами — константинопольскимъ и александрійскимъ. Они рѣшились воспользоваться благопріятными обстоятельствами, чтобы возможно больше получить съ русскихъ за свою услугу, и потому никакъ не соглашались выдать разрѣшительныя граматы за ту дачу, какую имъ предлагалъ посолъ, они требовали гораздо большей. «По вашему, великаго государя, указу, доносилъ Возницынъ, я, холопъ твой, у святѣйшихъ патріарховъ у антіохійскаго и іерусалимскаго святѣйшему Никону патріарху прощальныя и разрѣшительныя грамоты взялъ, а цареградской, государь, и александрійской патріархи, хотя, чтобы я, холопъ твой, отъ того далъ имъ дачу большую, по се число своихъ грамотъ не отдаютъ; только, государь, замѣчаетъ посолъ, какъ ни есть, прося у Бога милости, и у нихъ возьму, и придетъ то ваше, великаго государя, дѣло у меня, холопа твоего, по вашему государскому изволенію въ совершеніе». И дѣйствительно, настойчивый посолъ достигъ своей цѣли—получилъ отъ всѣхъ патріарховъ разрѣшительныя граматы, не давъ при этомъ ни одному изъ нихъ великой дачи. Съ нескрываемымъ торжествомъ Возницынъ доносилъ государю, что онъ добылъ отъ всѣхъ патріарховъ разрѣшительныя граматы Никону, «а учинилъ онъ то неусыпнымъ своимъ промысломъ и радѣніемъ, *безъ великихъ дачъ*, а велѣно было отъ того дать и многую дачу и о совершеніи того дѣла радѣть накрѣпко». Сколько каждый патріархъ получилъ за разрѣшительныя граматы и во сколько вообще все это дѣло обошлось нашему правительству, видно изъ слѣдующаго донесенія Возницына: «а за тѣ грамоты далъ онъ, Прокофей, царегородскому да іерусалимскому патріархамъ *по триста талеровъ*, а александрійскому Прохору *сто пятьдесятъ талеровъ*, антіохійскому—*сто талеровъ*. Да самъ онъ, Прокофей, поднесъ имъ патріархамъ: царегородскому, александрійскому, іерусалимскому при отъѣздѣ своемъ изъ Царяграда за тѣжъ великаго государя и за иныя дѣла *по пятидесяти золотыхъ червонныхъ*; да на соборы ихъ: на царегородской, на александрѣйской, на іеросалимской, на антіохійской *по двадцати золо-*

тыхъ, а митрополитомъ дано собольми, а тотъ расходъ писанъ въ соболиной раздачѣ». (Именно, царегородскому логоѳету дана пара соболей въ *12 рублей*, «потому что безъ него никакія дѣла не дѣлаются»; митрополитамъ, бывшимъ на соборѣ по поводу разрѣшенія Никона, дано двумъ по парѣ соболей *въ 15 рублей*, двумъ по парѣ *въ 16 рублей* и тремъ по парѣ въ *10 рублей*). Послу пришлось еще дать плату и старому антіохійскому патріарху, который, не вѣдая своей смѣны и того, что новый патріархъ уже далъ Никону свою разрѣшительную грамату, вручилъ послу такую же грамату, за что и получилъ *100 талеровъ и 10 золотыхъ* [1]). Характеръ и этой сдѣлки не требуетъ объясненій.

Присоединеніе Малороссіи необходимо должно было сопровождаться и подчиненіемъ кіевской митрополіи московскому патріарху. Уже Никонъ хлопоталъ было объ этомъ, но разныя обстоятельства долго и послѣ него препятствовали московскому правительству осуществить свое намѣреніе. Между прочимъ, само кіевское духовенство не желало подчиненія московскому патріарху и въ своемъ сопротивленіи опиралось на то обстоятельство, что кіевская митрополія зависитъ отъ константинопольскаго патріарха. Въ виду этого нашему правительству приходилось вести дѣло съ константинопольскимъ патріархомъ, чтобы получить отъ него разрѣшеніе на подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріарху. Прежде чѣмъ приступить къ рѣшительному шагу, правительство рѣшилось напередъ изслѣдовать по этому дѣлу почву въ самомъ Константинополѣ. Въ 1682 году нашему константинопольскому послу Возницыну былъ посланъ изъ Москвы слѣдующій тайный наказъ: «усмотря время, когда пристойно, говорить Прокофью константинопольскому патріарху *отъ себя*, буди мочно, для чего кіевская митрополія колико лѣтъ пастыря не имѣетъ, и спрашивать его о томъ пространными разговоры и довѣдыватца того всякими мѣры, какъ мочно: поволитъ ли онъ, патріархъ, кіевской митрополіи со всѣми духовными быть подъ благословеніемъ святѣйшихъ патріарховъ московскихъ

[1]) Турецкіе статейные списки, № 20, стр 385, 386, 574 на об и 720; № 21, стр 120, 121, 218, 219 и 224

и всеа Русіи? А ты константинопольскому патріарху прелагаешь для имени христіанскаго *отъ себя*, чтобъ благочестивая христіанская вѣра распространялась и церкви Божіи умножались, и всячески о томъ провѣдывать тайно, поступитъ ли онъ въ то дѣло крѣпко, — о томъ развѣдать, а чтобъ патріархъ о томъ не дознался и въ Малой бы Россіи о томъ несвѣдали нихто и кромѣ-бъ тебя нихто того не вѣдалъ,—говорить о томъ съ великимъ остереганьемъ» [1]). Какъ Возницынъ исполнилъ этотъ тайный наказъ и какія свѣдѣнія удалось ему получить отъ константинопольскаго патріарха, объ этомъ статейный его списокъ ничего не говоритъ. Но когда между московскимъ правительствомъ и гетманомъ Самойловичемъ уже рѣшено было сдѣлать кіевскимъ митрополитомъ Гедеона Четвертинскаго съ тѣмъ, чтобы онъ поставленъ былъ московскимъ патріархомъ, тогда, въ декабрѣ 1684 года, въ Константинополь отправленъ былъ спеціальный посолъ грекъ Захарій Ивановъ, или Софиръ, съ царскими граматами и подарками къ константинопольскому патріарху съ цѣлью добыть у него отпустительную грамату на кіевскую митрополію. Цари писали патріарху въ своей граматѣ, что они посылаютъ ему сорокъ соболей въ 200 рублей и впредь обѣщаютъ его архипастырство въ забвеніе не полагать. Софиръ, прибывъ въ Константинополь, передалъ царскую грамату греку Юрію Мецевиту, который съ нею и явился къ патріарху. Тотъ велѣлъ Юрію вычесть грамату государей и, узнавъ изъ нея, что ему присланы соболи, велѣлъ Захарію тѣ соболи принести къ себѣ. Но Юрій говорилъ патріарху, что напередъ ему слѣдуетъ исполнить царское требованіе о кіевской митрополіи, а потомъ уже получить и соболи. Патріархъ говорилъ, что для удовлетворенія царскаго требованія необходимо созвать соборъ, а это сдѣлать нельзя безъ разрѣшенія визиря, иначе онъ отсѣчетъ ему голову. Тогда Юрій сказалъ патріарху: «для чего ему у Софира нынѣ соболи имать, если онъ того дѣла не совершаетъ?» «И патріархъ на него съ сердцемъ молвилъ: то де государева жалованья прислано къ нему и того-жъ часу послалъ онъ къ Софиру архидіакона своего и тѣ соболи ве-

[1]) Ibid № 20, л 480

лѣлъ у него взять». По порученію патріарха и отъ его имени Юрій Мецевитъ писалъ въ Москву къ князю Голицыну, чтобы онъ послалъ отъ себя къ визирю грамату съ просьбой разрѣшить патріарху вести дѣло о кіевской митрополіи открыто, такъ какъ дѣйствовать тайно отъ визиря онъ, патріархъ, боится [1]). Но московское правительство поступило иначе. Не входя въ новыя сношенія съ константинопольскимъ патріархомъ, оно, съ согласія гетмана Самойловича, рѣшилось поставить въ Кіевъ митрополита собственной властью... Дѣйствительно, Гедеонъ Четвертинскій былъ поставленъ, какъ извѣстно, въ кіевскіе митрополиты московскимъ патріархомъ Іоакимомъ, которому онъ далъ обѣщаніе во всемъ зависѣть отъ него. Такимъ образомъ, кіевская митрополія фактически уже была подчинена московскому патріарху, и нашему правительству оставалось только оформить это дѣло—получить отъ константинопольскаго патріарха формальное утвержденіе уже совершившагося факта. Съ этою цѣлью, въ ноябрѣ 1685 года, въ Константинополь былъ отправленъ спеціальный посолъ, дьякъ Никита Алексѣевъ. Въ граматѣ, посланной съ нимъ отъ государей къ константинопольскому патріарху, говорилось, между прочимъ: «послали мы великіе государи, наше царское величество, и сестра наша, великая государыня, благовѣрная царевна, къ вашему святительству нашіе государскіе милости — нѣсколько золотыхъ и соболей. И вашему бъ архипастырству тѣ золотые и соболи у него принять велѣть и о нашемъ государскомъ здравіи всесильнаго Бога молить соборнѣ и келейнѣ. А сколько числомъ тѣхъ золотыхъ и соболей у него принято будетъ, и о томъ къ намъ великимъ государямъ, къ нашему царскому величеству, писать и свое архипастырское отпустительное благословеніе на митрополію кіевскую подати и прислати съ тѣмъ же нашимъ гонцомъ». Чтобы и на этотъ разъ посылаемые патріарху соболи и золотые не пропали даромъ, какъ это было при посольствѣ грека Софира, Никитѣ Алексѣеву даны были точныя инструкціи, какъ вести все дѣло. Великіе государи и царевна Софья велѣли послать «своей госу-

[1]) Ibid. № 25, л. л. 329—336; № 26, л. л 36—39

даревы милостыни ко святѣйшему Іякову патріарху константинопольскому съ подьячимъ Никитою Алексѣевымъ *тысячю рублевъ* и въ то число собольми сорокъ въ 300 рублевъ, сорокъ въ 250 рублевъ, сорокъ въ 210 рублевъ, да двѣсти золотыхъ червонныхъ, считая по сороку алтынъ золотой... А въ наказѣ Никитѣ написать (что дѣйствительно буквально и было написано), чтобъ тѣ соболи и золотые святѣйшему патріарху поднести въ то время, какъ великихъ государей по грамотѣ онъ, святѣйшій патріархъ, дастъ ему, Никитѣ, къ великимъ государемъ о кіевской митрополіи отпустительную соборную грамоту. А буде святѣйшій патріархъ на кіевскую митрополію отпустительной грамоты не дастъ и ему, Никитѣ, святѣйшему патріарху изъ тѣхъ золотыхъ и соболей дать *двадцать золотыхъ, да на сто рублей соболей, а достальные золотые и соболи привести къ Москвѣ*». Великіе государи и царевна Софья послали съ Никитою Алексѣевымъ 200 золотыхъ и іерусалимскому патріарху Досиеею и велѣли написать въ наказѣ Никитѣ, «чтобы домогатись ему у іерусалимскаго патріарха, чтобъ онъ, для царскаго величества милости, съ константинопольскимъ патріархомъ совѣтывалъ, чтобъ царскаго величества по грамотѣ о кіевской митрополіи константинопольскій патріархъ къ великимъ государямъ отпустительную грамоту съ нимъ, Никитою, послалъ и у той грамоты и евобъ іерусалимскаго патріарха рука подписана была, и какъ по тому совѣту іерусалимскаго патріарха константинопольскій патріархъ отпустительную грамоту дастъ, и Никитѣ іерусалимскому патріарху великихъ государей милостыню *тѣ двѣсти червонныхъ золотыхъ отдать* и къ великимъ государемъ взять листъ. А буде со святѣйщимъ патріархомъ іерусалимскимъ видѣтись ему Никитѣ не лучитца, и ему *тѣ золотые привести съ собою къ Москвѣ*, а хотя гдѣ и видѣтись лучитца, а грамоты отпустительной константинопольскій патріархъ на кіевскую митрополію дать не похочетъ, и ему, Никитѣ, іерусалимскому патріарху великихъ государей милостыни изъ тѣхъ золотыхъ *дать двадцать золотыхъ, а достальные привести къ Москвѣ*». Никита Алексѣевъ точно выполнилъ данную ему инструкцію. Согласно полученному приказанію, посолъ, прибывъ въ Адріанополь, прежде всего пожелалъ видѣться съ

іерусалимскимъ патріархомъ Досиѳеемъ, чтобы склонить его въ пользу своего дѣла. Но Досиѳей рѣшительно отказался видѣться съ Алексѣевымъ безъ разрѣшенія визиря. Когда это разрѣшеніе отъ визиря было получено, то посолъ, явившись къ Досиѳею, сталъ склонять его въ пользу царскаго предложенія Но тотъ не только рѣшительно отказался помогать въ этомъ дѣлѣ послу, но и отнесся вначалѣ крайне неодобрительно къ самому царскому предложенію. «Мы, говорилъ Досиѳей послу, не дадимъ своего благословенія: прежде митрополиты кіевскіе пріѣзжали для поставленія въ Царьградъ, и теперь бы изволили великіе государи писать къ намъ о поставленіи въ Кіевъ митрополита, и мы бы дали благословеніе, что вольно поставить его московскому патріарху, а не вѣчно быть той епархіи за нимъ А то прислали просить благословенія, когда уже поставили! Это восточной церкви раздѣленіе. Я совѣтоваться объ этомъ съ константинопольскимъ патріархомъ не буду и отпустительнаго благословенія, конечно, не дамъ». Тогда Алексѣевъ сталъ приводить патріарху разные доводы въ пользу русскихъ предложеній, какъ это ему повелѣвалось въ инструкціи, и въ заключеніе говорилъ, что ему, святѣйшему патріарху, такъ же, какъ и константинопольскому, «прислано изъ великихъ государей жалованья, а впредь ихъ государская милость отъ нихъ отъемлема не будетъ». Досиѳей сталъ смягчаться, хотя и теперь онъ отказывался отъ дѣятельнаго участія въ этомъ дѣлѣ, но уже не говорилъ болѣе о своемъ противодѣйствіи. «И патріархъ говорилъ, что онъ въ то дѣло вступатца конечно не будетъ, и какъ де о томъ хочетъ константинопольскій патріархъ, *а ему бъ хотя дана была и великая казна*, тобъ онъ такого дѣла не учинилъ», при чемъ Досиѳей замѣтилъ, что и константинопольскій патріархъ безъ разрѣшенія визиря въ этомъ дѣлѣ, которое требуетъ созванія собора, сдѣлать ничего не можетъ Но своихъ безкорыстныхъ воззрѣній Досиѳей держался впрочемъ не долго. Когда визирь, къ которому обратился Алексѣевъ, далъ свое согласіе на русскія предложенія о кіевской митрополіи, то Досиѳей уже говорилъ послу, что будто бы въ правилахъ онъ прискалъ, что Кіевъ можно отдать Москвѣ и потому онъ будетъ теперь на-

говаривать патріарха Діонисія учинить по волѣ государей и самъ отъ себя будетъ писать грамату московскому патріарху, но не вмѣстѣ, а отдѣльно отъ константинопольскаго. Досиѳей дѣйствительно прислалъ на подворье къ Никитѣ свою отпустительную грамату на кіевскую митрополію, причемъ принесшій грамату архидіаконъ говорилъ: «которое де великихъ государей жалованья объявилъ онъ, Никита, святѣйшему патріарху, и онъ бы то отдалъ». Тогда посолъ самъ отправился къ Досиѳею и лично вручилъ ему за присланную отпустительную грамату 200 золотыхъ. Съ константинопольскимъ патріархомъ, права котораго на кіевскую митрополію были нарушены русскими, дѣло обошлось проще, такъ какъ патріархъ охотно пошелъ на денежную сдѣлку. Онъ прислалъ послу свою отпустительную грамату на кіевскую митрополію съ архидіакономъ и просилъ назначенное ему государево жалованье за грамату прислать тайно, что и было исполнено. На прощальной торжественной аудіенціи послу константинопольскій патріархъ, въ присутствіи всѣхъ греческихъ іерарховъ, говорилъ ему, чтобы царь призрѣлъ великую церковь (тысячную дачу за отпустительную грамату патріархъ считалъ принадлежащею только ему, почему и просилъ передать ее ему тайно), и послалъ ей милостыню отъ казны своей, чтобы милостыня была прислана и всѣмъ бывшимъ на соборѣ митрополитамъ, какъ это было при учрежденіи на Руси патріаршества; просилъ заѣмъ патріархъ для великой церкви иконъ, утвари и пр. Тогда же патріархъ говорилъ, что посылаетъ московскому патріарху братское поздравленіе «и чтобы онъ, святѣйшій патріархъ, по своему къ нимъ въ Духѣ святомъ братству, не забывалъ начало матери соборныя церкви и къ нимъ на искупленіе церквей отъ погань отъ своея казны елико возможно прислалъ, и то онъ, патріархъ, не себѣ на одежду проситъ, или сродникомъ своимъ, но на искупленіе церкви соборные, которая не можетъ уже три года искупитися, а нынѣ у нихъ недороды хлѣбные и христіане всѣ оскудали, а дань на ту церковь наложена великая». Всѣ эти просьбы о милостыни великой церкви митрополитамъ, о присылкѣ иконъ, разной церковной утвари и пр. патріархъ изложилъ въ граматѣ къ царю, при чемъ не забылъ

попросить его и о своихъ родственникахъ, которые имѣли торговыя дѣла въ Россіи, а также просилъ царя и за всѣхъ вообще грековъ, чтобы имъ дозволено было торговать въ Россіи безпошлинно. Очевидно, константинопольскій патріархъ, соглашаясь на уступку кіевской митрополи московскому патріарху, имѣлъ въ виду извлечь изъ этой сдѣлки возможныя выгоды для себя лично, для своихъ родственниковъ, для великой константинопольской церкви и для всѣхъ вообще грековъ, торговавшихъ въ Россіи. Не остался доволенъ характеромъ этой сдѣлки только іерусалимскій патріархъ Досиеей. Въ граматѣ къ патріарху Іоакиму, въ 1686 году, онъ пишетъ: «да присылаете деньги и изъ ума людей выводите, берете грамоты сопротивныя церкви и Богу. Сказывалъ намъ посланникъ вашъ, яко письма отъ васъ не привезъ, токмо приказали ему дати намъ милостыню, аще ему дадимъ письмо, яко же хощете; и аще не дадимъ ему отпустительной грамоты, и онъ намъ да не отдастъ (милостыню)... Близъ насъ стоялъ посланникъ вашъ и приходилъ къ нему нѣкоторый архимандритъ святогорскій отъ страны Діонисія патріарха и просилъ денегъ отъ посланника и послѣ да дастъ ему грамоты. И посланникъ отвѣщалъ, яко прежде да дастъ ему грамоты и потомъ да возметъ деньги отъ него. И бяше удобнѣе, да поставите митрополита безъ благословенія, ниже присылаете деньги и просите прощенія, яко есть явная симонія; и ниже прощеніе есть прощеніе, ниже грамоты суть грамоты, аще ищете не по Бозѣ, понеже единъ не прощаетъ наипаче же и съ деньгами, токмо вси но и вси, паки не просто прощаютъ, но егда суть нужда. Но здѣ нѣсть, явно есть лихоиманіе и во уничиженіе восточныя церкви». То же Досиеей говоритъ и въ граматѣ государямъ: «не просите сіе (подчиненія московскому патріарху кіевской митрополи) чрезъ деньги, но просто вѣры ради и пользы вѣрныхъ, не якоже нынѣ, когда честнѣйшій посланный извѣщаетъ намъ, яко аще дадимъ грамоту, дастъ и милостыню, и аще не дадимъ—не дастъ. И киръ Діонисію, иже вопрошаше денегъ, отвѣща онъ, яко имѣетъ наказъ царскій прежде взяти грамоты, а потомъ дати деньги. И подобаетъ ли апостольской церкви великія Москвы просити отъ матери своей восточныя церкви духовныя дарованія за деньги? И неужели

мота оная, юже емлетъ честность его отъ константинопольскаго и такимъ образомъ прошенія, и изъ денегъ—есть ли грамота достойна? *И аще суть нищи и обыкли имати деньги и давати грамоты*—лѣпо есть вашей церкви просити такимъ образомъ сицевая великая прошенія, яже дабы святый Богъ презритъ». И въ граматѣ къ царевнѣ Софьѣ Досиеей писалъ: «сами патріархи цареградскіе, которые даютъ грамоты, не даютъ ихъ со всѣмъ сердцемъ, *но ради денегъ*, паче же суть и въ себѣ не крѣпкіе» [1]). Эти обличенія не помѣшали однако Досиею дать отъ себя отпустительную грамату на кіевскую митрополію и получить за нее отъ русскаго посла 200 золотыхъ. Русское правительство, очевидно, хорошо знало, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и какія средства слѣдуетъ употреблять, чтобы заставить восточныхъ патріарховъ исполнить то или другое его требованіе.

Въ 1715 году Петръ Великій послалъ (изъ Петербурга 4 іюля) константинопольскому патріарху Косьмѣ двѣ граматы. Въ одной изъ нихъ царь пишетъ, что онъ, какъ истинный сынъ восточной православной церкви, долженъ отъ всего сердца хранить всѣ ея догматы и постановленія, что онъ и дѣлаетъ со всякимъ тщаніемъ. Но, заявляетъ царь, «чистою совѣстью исповѣдую Вашему Всесвятѣйшеству, что раствореніемъ природы моеи есмь вельми слабъ и часто впадаю въ превеликіе болѣзни, наипаче стражду феброю и скорбутиною, которые болѣзни мнѣ приключаются больше отъ всякихъ суровыхъ ѣствъ», такъ какъ приходится постоянно находиться въ воинскихъ трудахъ и путешествіяхъ, «въ которыхъ трудно что отъ постныхъ ядей къ пропитанію получить». Поэтому, «медики наши тѣлесные намъ совѣтуютъ и принуждаютъ отъ вышеупомянутыхъ мнѣ вредительныхъ ѣствъ удерживатись», угрожая въ противномъ случаѣ опасностью жизни. Ради этого царь и рѣшается прибѣгнуть «къ духовному врачу» и проситъ его подать въ его болѣзни

[1]) Ibid № 25, стр 184, 185, 202, 206—212, 365, 405, № 26, стр 43, 53, 58, 59, 86—90, 98, 132, 135, 136, 137—139 Весь № 25 статейныхъ турецкихъ списковъ, составляющій изъ себя цѣлую книгу, заключаетъ въ себѣ исключительно документы касательно подчиненія кіевской митрополи Отвѣтныя граматы патріарховъ по этому дѣлу находятся и въ греческихъ дѣлахъ 7195 г № 3

«духовную цѣлбу», т.-е. разрѣшеніе на мясоястіе во всѣ посты, и надѣется получить отъ его святѣйшества «отческаго снисходительнаго письменнаго отвѣта и разрѣшенія». Въ другой граматѣ къ патріарху отъ того же числа царь пишетъ, что «православныя наши войска, которыя воюютъ противъ супостатъ креста Христова и еретиковъ, ревностью божественною изливающе кровь свою за мать свою святую, восточную, соборную и апостольскую церковь, и защищающе православную вѣру къ вящей Божіей славѣ», во время далекихъ походовъ по неудобнымъ пустыннымъ мѣстамъ, «идѣже мало, а иногда и ничего не обрѣтается никакихъ рыбъ, ниже иныхъ какихъ постныхъ яствъ», принуждены бываютъ въ походахъ во время постовъ питаться часто только однимъ сухимъ хлѣбомъ. Отъ такого плохаго питанія войска во время постовъ страдаютъ разными болѣзнями и многія тысячи даже помираютъ, отъ чего войско обезсиливаетъ, а непріятель этимъ пользуется, «что и случилось при Нарвѣ въ 1700 году, въ постъ предъ Рождествомъ Христовымъ», отчего и на будущее время можетъ произойти великая опасность не только для государства, но и для всей святой восточной церкви. Поэтому царь и проситъ патріарха разрѣшить русскимъ войскамъ на мясоястіе во всѣ посты, когда войска будутъ находиться въ походѣ [1]). Чтобы домогательство царя имѣло рѣшительный и несомнѣнный успѣхъ, по его приказанію подканцлеръ баронъ Шафировъ послалъ отъ себя, вмѣстѣ съ царскими грамотами, письмо къ патріаршему сакелларію архимандриту Кириллу. Въ этомъ письмѣ Шафировъ пишетъ, что онъ давно знаетъ его преподобія искусство и христіанскую ревность къ государю и всему христіанскому народу, и что «его преподобію зѣло извѣстно о нѣкоторой слабости природнаго здравія» августѣйшаго монарха. Поэтому, онъ проситъ сакелларія, дабы «мудрѣйшимъ и богословнымъ разсужденіемъ патріаршимъ и вашимъ вспоможеніемъ» дана была разрѣшительная грамота на мясоястіе въ посты, какъ самому государю, такъ, «ежели возможно», и всему воинству, о чемъ «въ патріаршей грамотѣ премудрымъ ораторствомъ да внесено будетъ». Затѣмъ Шафировъ,

[1]) Эти граматы Петра Великаго см. въ приложеніяхъ.

извѣщая сакелларія, что царскія граматы сначала будутъ переданы ему, пишетъ: «ваше преподобіе прилежно прошу, извольте тѣ грамоты его святѣйшеству вручить и благополучные способы въ семъ дѣлѣ показать по своей ревности и благоискусію, дабы монаршеское въ томъ желаніе было исполненс и грамоты разрѣшительныя сему листодавцу были отданы, который имѣетъ содержать въ сущемъ секретѣ и подъ именемъ купецкимъ за симъ дѣломъ посылается, *отъ котораго, по полученіи желаемаго, учинитца награжденіе и милостыня, какъ его святѣйшеству, такъ и вашему преподобію, съ которымъ* (*листодавцемъ*) *послано денегъ нынѣ на тѣ расходы пять мѣшковъ*». Въ заключеніе Шафировъ обѣщаетъ сакелларію за исполненіе возлагаемаго на него порученія монаршую милость на всѣ его желанія. Въ концѣ 1716 года явился въ Москву грекъ Григорій Ватаци и привезъ съ собою къ государю три граматы отъ патріарха Іереміи. Первыя двѣ граматы заключали въ себѣ разрѣшеніе государю и всему войску на мясоястіе во всѣ посты, исключая недѣли передъ причастіемъ [1]). Въ третьей граматѣ Іеремія сообщаетъ государю о своемъ избраніи въ патріархи, о томъ, что онъ, вскорѣ по вступленіи на патріаршій престолъ, получилъ царское донесеніе, «чрезъ которое возвѣщаете намъ труды и болѣзни, которые отъ нѣкоего зельнаго недуга повсяденно терпитъ ваше беличество, того ради возбраняемо отъ назирающихъ врачей причащатися всяко случайныхъ и злосочныхъ снѣдей, нужду имѣете разрѣшити на мяса во вся посты года». Патріархъ извѣщаетъ, что онъ посылаетъ это разрѣшеніе для царя и для всего русскаго войска и далѣе пишетъ: «молимъ и мы вашу христоподражательную и щедролюбивую пресвѣтлость, еже способствовати намъ и руку подати помощи, ради многихъ обстоятельствъ времене и неудобоносныхъ постороннихъ долговъ сущія у насъ святыя Христовы церкви, каковы никогда не бывали, и нынѣ зѣлно насъ оскорбляютъ и стужаютъ

[1]) Разрѣшительныя граматы константинопольскаго патріарха государю и войску на мясоястіе во время постовъ напечатаны въ Полн. Сбор. зак., №№ 3020, 3178.

непрестанно и, по Бозѣ, надежды освобожденія отъ сихъ нигдѣ не получихомъ. Того ради молимъ вашу благосердую пресвѣтлость: да опредѣлитъ купно съ грамотою за печатью красною, еже бы даватися отъ богохранимаго вашего царствія на всякъ годъ по единой коробкѣ соболей сущей у насъ Христовой церкви, къ малому утѣшенію и ослабѣ отъ многихъ и неудобоносныхъ посторонніхъ долговъ». Потомъ говоря, что съ граматами къ государю посланъ сынъ великаго сакелларія, патріархъ продолжаетъ: «молимъ прилежно вашу превысокую пресвѣтлость, яко да вручитъ въ руцѣ его первѣе уже на три года помощь сію церкви, сирѣчь три коробеи». Къ этой просьбѣ патріархъ прибавляетъ: «аще же и вяще что возмнится вашему великодаровитому царскому намѣренію придати и дати къ помощи нашей и церковнѣй — воспріимите всячески достойныя и пристойныя мзды отъ все-царя Бога». Писалъ патріархъ особую грамату и Шафирову, въ которой, извѣщая его о посылкѣ разрѣшительныхъ граматъ, проситъ его, чтобъ онъ ходатайствовалъ предъ государемъ о просимой патріархомъ милостынѣ, чтобы и самъ онъ прислалъ нѣчто «отъ благихъ своихъ», которыя ему даровалъ Господь, а также проситъ его «и пріятелей своихъ, которыхъ знаете, вразумить и подвигнуть къ вспоможенію, кійждо изъ нихъ чимъ восхощетъ». Съ Григоріемъ Ватаци прислалъ письма и патріаршій сакелларій къ бывшему константинопольскому послу Петру Андреевичу Толстому и къ Шафирову. Къ Толстому сакелларій пищетъ, напоминая ему объ ихъ старой дружбѣ, чтобъ онъ принялъ и во всемъ помогалъ посланному съ граматами сыну его и затѣмъ говоритъ: «пріимите сію простительную и разрѣшительную грамоту отъ всесвятѣйшаго, о которой я зналъ, что имѣли есть благоговѣйство и любовь, еже тую получить при отъѣздѣ своемъ отсюду (т.-е. изъ Константинополя), но я времени не имѣлъ совершить ю, се нынѣ милостью Божіею состоялась». При этомъ письмѣ приложена была и самая патріаршая разрѣшительная грамата на мясоястіе Толстому во всѣ посты, кромѣ недѣли предъ причастіемъ. Въ письмѣ къ Шафирову сакелларій писалъ: «не могу представить радость, которую воспріялъ есмь при полученіи честнаго вашего писанія и

повелѣнія и о семъ благодарствіе исповѣдую». Сообщаетъ Шафирову, что благодаря тщанію его, сакелларія, «тое дѣло намѣренное воспріяло свое окончаніе, якоже подобало и по намѣренію прошенія, а нынѣ всесвятѣйшій, подвигся и отъ любви и отъ нужды, какову вселенскій престолъ никогда не имѣлъ, якоже нынѣ имѣетъ». Проситъ исполнить просьбу патріарха о присылкѣ царской граматы за красною печатью, а также «еже бы изволилъ даровать на всякій годъ по одной коробкѣ соболей, и нынѣ первое вдругъ да дастся на три года впредь таковая милость». Затѣмъ сакелларій проситъ уже наградить и его лично за хлопоты и усердіе. «Молебнѣ прошу и азъ ваше превосходительство, пишетъ онъ, яко вѣрна друга и благодѣтеля, да споспѣшествуете и поможете, дабы и мнѣ, всегдашнему молебнику, іерею и усердствующему въ повелѣніяхъ, опредѣлено было отъ святаго и великаго царствія жалованье, аще возможно граматою за печатью красною, по два сорока соболей на каждый годъ, и да дастся первое вдругъ на три года впредь, или что угодно изволится святому и великому царствію, дабы и мнѣ и нынѣ имѣть при старости своей спокойство и буду пребывать молитвенникъ ко Богу и къ повелѣніямъ усердный. Извольте воспомянуть ваше превосходительство договоръ, учиненный между нами, чтобы помогать *не только въ возможныхъ, но и въ невозможныхъ*»... Къ этому письму сакелларій присоединилъ еще слѣдующую любопытную записку: «симъ писаніемъ увѣдомляю ваше превосходительство о дѣлѣ, что первая мѣшкота была за смятеніемъ церковнымъ, понеже въ 23 день марта поставленъ бысть новый патріархъ, въ 8 день апрѣля зачали мы дѣло тое и даже до тридесятаго того же мѣсяца (уже) воспріяло конецъ. Однако же кромѣ того учинилося и другое иждивеніе, якоже и ваше превосходительство признаете, о чемъ и объявлено 1716 года мая въ 7 день: 200 червонныхъ дано духовнику и совѣтнику патріаршему, 100 червонныхъ венетскихъ секретнописателю съ намѣреніемъ (съ согласія) господина Недѣлки (сербъ, посланный въ Константинополь отъ правительства съ граматами къ патріарху); 80 червонныхъ архидіакону; 80 червонныхъ протосингелу, 40 червонныхъ протодіакону, по приказу всесвятѣйшаго патріарха, которыя я

и иныя платилъ изъ рукъ въ руки, а въ другихъ остался должникомъ и належитъ (чтобъ) даны были тѣ (деньги) сыну моему Григорію. Пять мѣшковъ денегъ дано всесвятѣйшему рукою господина Недѣлки». Государь былъ очень доволенъ полученнымъ отъ патріарха разрѣшеніемъ ему и всему войску на мясоястіе во всѣ посты и въ благодарность за это далъ константинопольскому патріарху жалованную грамату съ назначеніемъ ему ежегодной дачи въ три тысячи рублей [1]). Этою ежегодною трехтысячною дачею Петръ Великій имѣлъ въ виду сдѣлать константинопольскаго патріарха навсегда послушнымъ орудіемъ въ рукахъ русскаго правительства, хотѣлъ заставить его рѣшать тѣ или другіе церковные вопросы такъ, какъ желало того наше правительство. Цѣль была достигнута, по крайней мѣрѣ относительно времени Петра, такъ какъ патріархъ, дѣйствительно, немедленно исполнялъ то, что отъ него требовалъ царь. По требованію государя онъ отмѣнилъ, напримѣръ, доселѣ практиковавшееся на Руси перекрещиваніе лютеранъ и кальвинистовъ, утвердилъ отмѣну у насъ патріаршества и замѣну его Святѣйшимъ Синодомъ и т. п.

Приведенные нами примѣры наглядно показываютъ тотъ своеобразный характеръ, какой, особенно со второй половины XVII вѣка, приняли отношенія русскаго правительства къ восточнымъ патріархамъ. Ближе присмотрѣвшись къ грекамъ во время ихъ хозяйничанья въ Москвѣ при Никонѣ и послѣ оставленія имъ патріаршей каѳедры, русскіе вполнѣ разгадали наконецъ истинный характеръ отношеній къ намъ грековъ. Они увидѣли, что греки потому и настолько дорожатъ своими сношеніями съ Россіей и вліяніемъ въ ней, насколько они разсчитываютъ получить отсюда тѣ или другія выгоды для себя, что всѣ ихъ услуги русскимъ имѣютъ въ виду корыстную цѣль получить за нихъ возможно большую плату, что греки готовы все продать, лишь бы подороже, готовы на всякую послугу, лишь бы за нее хорошо заплатили. Исключенія въ этомъ отношеніи, какъ вѣрно подмѣтили русскіе, не составляли иногда и сами восточные па-

[1]) 1715 г № 23, 1716 г № 23

тріархи: за добрую милостыню и они готовы были также на разныя послуги. Въ виду этого наше правительство, во второй половинѣ XVII вѣка, желая получить отъ восточныхъ патріарховъ рѣшеніе какого-либо вопроса въ желанномъ ему направленіи, ставило дѣло такимъ образомъ: оно прямо предлагало патріархамъ за ту или другую услугу опредѣленную дачу, которую, иногда поторговавшись напередъ, оно и выдавало имъ по исполненіи своего требованія Средство получать отъ восточныхъ патріарховъ все желаемое найдено было дѣйствительно вѣрное, такъ какъ оно всегда, какъ мы видѣли, достигало своей цѣли. Но за то подобныя отношенія къ восточнымъ патріархамъ сильно поколебали ихъ авторитетъ и прежнее высокое уваженіе къ нимъ русскихъ. Если на соборѣ 1667 года мы видимъ русскихъ преклоняющимися предъ восточными патріархами, предъ ихъ высшимъ авторитетомъ, предъ которымъ ничего не значитъ вся русская церковная старина, если мы тамъ видимъ русскихъ безпрекословно признающими верховное право восточныхъ патріарховъ судить и рѣшать всѣ русскія церковныя дѣла, ихъ право судить русскаго царя и патріарха; то спустя только пятьдесятъ лѣтъ картина въ этомъ отношеніи уже совершенно мѣняется. Въ 1721 году другой русскій соборъ — Св. Синодъ торжественно и офиціально отмѣняетъ возношеніе имени константинопольскаго патріарха при богослуженіи, что доселѣ всегда дѣлалось на Руси,—онъ не хочетъ терпѣть даже и тѣни, малѣйшаго намека на какое либо преимущество или первенство константинопольскаго патріарха въ русской церкви. Въ синодальномъ опредѣленіи причинъ, по которымъ рѣшено было отмѣнить въ русскомъ богослуженіи возношеніе патріаршаго имени, прямо говорится, что «высокость патріарховъ: константинопольскаго, александрійскаго, антіохійскаго основана была не на иномъ чемъ, токмо на высокой чести оныхъ градовъ», что константинопольскій вселенскій патріархъ не имѣетъ никакой власти надъ другими самостоятельными церквами, и если онъ и называется вселенскимъ, а александрійскій судіею вселенной, то, хотя этому и отыскиваютъ нѣкоторыя причины, «однакожъ изъ причинъ оныхъ иныя суть ложныя, иныя не

крѣпки и толикой титлѣ неравныя» [1]). Этимъ заявленіемъ Св. Синодъ навсегда и рѣшительно отвергнулъ право константинопольскаго и другихъ восточныхъ патріарховъ вмѣшиваться въ русскую церковную жизнь. Дѣйствительно, съ этого времени русскіе уже не стали болѣе обращаться на востокъ за рѣшеніемъ возникавшихъ у нихъ церковныхъ вопросовъ и недоумѣній, какъ это было прежде. Всѣ свои внутреннія церковныя дѣла они рѣшали уже теперь своими собственными силами и средствами, и даже въ междуцерковныхъ вопросахъ голосъ русской церкви сдѣлался однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ, къ которому должны были прислушиваться, и притомъ очень внимательно, сами восточные патріархи.

Не только вселенскіе патріархи, но и все вообще греческое и всѣ греки къ концу XVII вѣка потеряли у русскихъ всякій кредитъ и значеніе. Если при Никонѣ все греческое принималось и вводилось у насъ, какъ образцовое для русскихъ, достойное подражанія, если Никонъ гордился тѣмъ, что онъ «грекъ по убѣжденіямъ», если грековъ принимали тогда въ Москвѣ съ распростертыми объятіями, охотно подчинялись ихъ руководству и водительству, отъ нихъ ожидали переустройства и обновленія русской жизни, то къ концу XVII столѣтія и въ началѣ XVIII эти отношенія къ грекамъ и всему греческому рѣшительно измѣнились. Для царя Петра Алексѣевича греческая нація была уже отжившею, выродившеюся, ея исторія, правда, очень поучительна для русскихъ, но не въ смыслѣ подражанія и заимствованія, а только какъ предостереженіе, какъ печальный опытъ, который русскимъ не лишне имѣть предъ глазами, чтобы избѣгнуть разныхъ ошибокъ, которыя совсѣмъ погубили грековъ. Въ этомъ именно смыслѣ Петръ не разъ ссылался на примѣръ Греціи. Такъ, опредѣляя обязанности сената, государь писалъ, что «презрѣніе указовъ ничѣмъ не разнится съ измѣной», такъ какъ въ концѣ оно приводитъ государство къ конечной гибели, «какъ то въ греческой монархіи явный примѣръ имѣемъ». «Должно всѣ-

[1]) Опис. документовъ и дѣлъ св. Синода, Т. I, прилож. № XXIV.

ми силами благодарить Бога, говорилъ Петръ, при поднесеніи ему сенатомъ названія Великаго, Отца Отечества, Императора всероссійскаго,—но, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы не имѣть жребія монархіи греческой». Въ одномъ изъ писемъ къ своему сыну Петръ писалъ: «не хочу многихъ примѣровъ писать, но точію равновѣрныхъ намъ грековъ: не отъ сего ли пропали, что оружіе оставили и единымъ миролюбіемъ побѣждены и, желая жить въ покоѣ, всегда уступали непріятелю, который ихъ покой въ нескончаемую работу тираннамъ отдалъ» [1]). Правда, что Петръ, нуждавшійся въ людяхъ образованныхъ и повсюду ихъ искавшій, не прочь былъ на ряду съ другими иностранцами воспользоваться для своихъ цѣлей и образованными греками и даже давалъ имъ архіерейскія каѳедры въ Россіи. Но при этомъ онъ былъ далекъ отъ мысли давать грекамъ какое-либо исключительное и вліятельное положеніе въ русской церкви, они должны были служить ему просто, какъ и другія образованныя и ученыя лица. Но и эти греки не только не способствовали перемѣнѣ отношеній къ нимъ русскихъ, но наоборотъ, своими обычными интригами, корыстолюбіемъ, почти полнымъ отсутствіемъ нравственныхъ, хотя бы и невысокихъ, качествъ, еще болѣе усиливали нерасположеніе къ себѣ русскихъ. Подвиги такихъ личностей, какъ бывшій ахридскій архіепископъ Филоѳей, сдѣлавшійся у насъ смоленскимъ епископомъ, а потомъ уволенный за взяточничество; интриги еиваидскаго митрополита Арсенія изъ-за вологодскаго подворья въ Москвѣ; такая личность, какъ Аѳанасій Кондоиди, впослѣдствіи вологодскій архіерей; подвиги и дѣло іеромонаха Серафима Аріона, дѣло сына Іоанникія Лихуда Николая и пр.—окончательно должны были оттолкнуть русскихъ отъ грековъ, къ которымъ, наконецъ, русскіе, по свидѣтельству самихъ грековъ, стали, дѣйствительно, относиться гораздо хуже, чѣмъ ко всѣмъ другимъ иностранцамъ.

Такимъ образомъ, за тѣмъ необыкновенно высокимъ подъемомъ греческаго вліянія на Руси, какое мы видимъ при

[1]) Ист Сол. XVI, 185. XVII, 166, 390.

Никонѣ и которому, казалось, суждено было надолго и прочно утвердиться на Руси, послѣдовалъ столь же быстрый упадокъ у насъ всякаго значенія грековъ. Правда, русскіе уже не считаютъ ихъ, какъ прежде, утерявшими правую вѣру и истинное благочестіе, признаютъ ихъ совершенно равными себѣ по православію, но вмѣстѣ съ этимъ изъ русской жизни окончательно и навсегда исчезаетъ всякое непосредственное вліяніе современныхъ грековъ, — времена Никона у насъ никогда уже не повторяются. Сношенія съ греками не прекращаются и теперь, но въ нихъ русскіе выступаютъ только въ качествѣ покровителей и благодѣтелей бѣдныхъ единовѣрцевъ, а греки только въ качествѣ просителей и несчастныхъ, ищущихъ у русскихъ, или милостыни, или защиты отъ притѣсненія невѣрныхъ. Иногда, какъ мы видѣли, русскіе еще обращаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ восточнымъ патріархамъ, при чемъ однако послѣднимъ приходится только утверждать и подкрѣплять своимъ авторитетомъ то, что уже ранѣе окончательно рѣшено русскимъ правительствомъ. При этомъ къ содѣйствію восточныхъ патріарховъ русскіе прибѣгаютъ только въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, гдѣ имъ кажется неудобнымъ дѣйствовать на свой страхъ, или по щекотливости самаго дѣла, или гдѣ такъ или иначе затрогивается междуцерковный вопросъ, когда голосъ одной русской церкви будетъ недостаточенъ, или когда русскіе фактически уже нарушили въ чемъ-либо права восточныхъ патріарховъ, какъ это напримѣръ, было въ дѣлѣ присоединенія кіевской митрополіи къ московскому патріархату. О какихъ-либо высшихъ правахъ греческой церкви надъ русскою, о правѣ восточныхъ патріарховъ вмѣшиваться въ русскую церковную жизнь, играть относительно ея роль верховныхъ руководителей и опекуновъ, нѣтъ болѣе и помина Точно такъ же у русскихъ не является болѣе мысли приглашать къ себѣ грековъ, чтобы учиться у нихъ, пользоваться въ чемъ-либо ихъ совѣтами и указаніями, наоборотъ русскіе стремятся теперь всячески оградить себя отъ вторженія въ ихъ среду грековъ. Архіепископъ Амвросій въ письмѣ къ Арсенію Мацѣевичу говоритъ, что надлежитъ «исходатайствовать на вдовствующія епархіи настоящихъ пастырей, а не азіатскихъ выходцевъ и аѳонскихъ прелазатаевъ, за какое опущеніе намъ ожидать неминуемаго гнѣва Божія, на страшномъ судѣ отвѣта» [1])

Чтобы объяснить, какимъ образомъ греки такъ быстро потеряли у насъ всякое значеніе, недостаточно указать на нравственный характеръ ихъ, не внушавшій русскимъ уваженія и довѣрія, на ихъ корыстолюбіе, продажность, слишкомъ замѣтное стремленіе эксплуатировать русскихъ, на то обстоятельство, что греки и послѣ Никона, являясь въ Москву за милостынею, по прежнему должны были всячески заискивать у русскихъ, какъ у своихъ милостивцевъ и покровителей, вслѣдствіе чего русскіе по прежнему относились къ нимъ нѣсколько свысока и покровительственно. Всѣ эти условія въ отношеніяхъ русскихъ къ грекамъ существовали и до Никона, и однако при Никонѣ они нисколько не помѣшали русскимъ преклоняться предъ греками, признавать ихъ верховными судьями своихъ церковныхъ дѣлъ, безпрекословно подчиняться имъ даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ русская церковь была несогласна съ практикою современной греческой церкви. Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, кромѣ этихъ причинъ существовали еще и другія особыя причины, которыя къ концу XVII вѣка окончательно подорвали у насъ вліяніе и значеніе грековъ.

Церковная реформа Никона стала возможна именно потому, что прежніе устои русской жизни, какъ они были намѣчены книжниками XV и начала XVI вѣка, уже значительно пошатнулись, прежніе идеалы и цѣли уже многихъ неудовлетворяли, — жить только старымъ становилось все болѣе невозможнымъ, жизнь все болѣе настойчиво требовала обновленія и переустройства, при чемъ все сильнѣе и сильнѣе начиналась чувствоваться потребность въ знаніи, нужда въ наукѣ и образованіи, безъ которыхъ и русскимъ уже трудно было теперь обходиться. Именно этимъ переломомъ, совершившимся тогда въ русской жизни—признаніемъ несостоятельности и дальнѣйшей непригодности ея прежнихъ основъ, сознательнымъ или несозна-

---

[1]) Чт общ ист и древн 1862 г кн II, смѣсь, стр 21

тельнымъ стремленіемъ къ ея обновленію и переустройству (при чемъ церковная реформа Никона была только частичнымъ проявленіемъ этого общаго процесса), и объясняется то обстоятельство, что нелюбимые и подозрѣваемые въ потерѣ истиннаго благочестія греки получили однако въ Москвѣ такое вліятельное, преобладающее значеніе, что, по крайней мѣрѣ въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ, они сдѣлались на нѣкоторое время полными хозяевами и распорядителями. Въ нихъ русскіе видѣли представителей православной науки, представителей высшаго научнаго знанія, они чаяли найти у нихъ тѣ силы, которыя помогутъ русскимъ переустроить свою жизнь, сообразно новымъ нарождавшимся потребностямъ и задачамъ. Преклоненіе русскихъ предъ греками было естественнымъ преклоненіемъ темнаго, необразованнаго человѣка предъ человѣкомъ научно образованнымъ, отъ котораго онъ ожидаетъ своего просвѣщенія, рѣшенія возникшихъ у него вопросовъ и недоумѣній, съ которыми онъ не можетъ справиться своими только силами Разъ греки уже сослужили великую службу русскому народу, просвѣтивъ его христіанствомъ, воспитавъ его въ строгой, беззавѣтной преданности православію, теперь—въ половинѣ XVII вѣка—русскіе ожидали отъ грековъ другой услуги—просвѣщенія ихъ наукою, которая бы дала имъ возможность возвысить уровень не только ихъ религіозной, но и всей вообще жизни. И если бы греки сумѣли войти въ смыслъ тѣхъ требованій, которыя тогда предъявляла къ нимъ русская жизнь, если бы они, въ качествѣ людей высшаго христіанскаго образованія и развитія, сумѣли внести въ русскую церковную, смятенную разными нестроеніями жизнь духъ мира, любви и единенія, если бы они приняли живое и дѣятельное участіе въ совершавшемся переломѣ русской жизни, какъ просвѣтительная уряжающая сила, вносящая въ темную народную жизнь свѣтъ науки и знанія, выводящая ее на свѣтлый путь, тогда они прочно и надолго утвердили бы свое преобладающее вліяніе на Руси, какъ это уже разъ и было—послѣ принятія русскими христіанства. Но тогдашніе греки были мало способны явиться на Руси просвѣтительной и зиждительной силой, вѣстниками для русскихъ иной высшей и совершенъйшей жизни, такъ какъ они сами были задавлены тяжелымъ, деморализующимъ народную жизнь рабствомъ, сами нуждались въ обновленіи, въ постороннейй помощи и поддержкѣ. Если у грековъ и была тогда наука, то не своя, а чужая, заимствованная съ запада, гдѣ они получали свое высшее научное образованіе. Но главное, греки не имѣли особой охоты дѣлиться съ русскими тѣми научными знаніями, которыя они получали на западѣ, вовсе не думали дѣятельно насаждать на Руси просвѣщеніе. Поэтому вполнѣ было естественно, что греки не оправдали надеждъ русскихъ, не дали имъ того, что тѣ отъ нихъ требовали; они воспользовались своимъ исключительнымъ положеніемъ въ Москвѣ только для того, чтобы побольше нажиться отъ русскихъ, разыграть относительно всей ихъ прошлой самостоятельной, независимой отъ грековъ, церковной жизни роль суровыхъ неумолимыхъ судей—карателей; они только величались предъ русскими своею ученостію, своими знаніями, полученными въ латинскихъ школахъ, не привнося въ то же время въ русскую жизнь ничего, способнаго возвысить ее. Правда, въ сферѣ русскаго церковнаго обряда и чина были произведены греками нѣкоторыя перемѣны, но нельзя же въ самомъ дѣлѣ замѣну нѣкоторыхъ неважныхъ самихъ по себѣ обрядовъ другими: двоеперстія—троеперстіемъ, сугубой аллилуіи—трегубой и подоб. считать за такую серьезную церковную реформу, которая способна оказать возвышающее и просвѣтляющее вліяніе на религіозную жизнь народа, находившуюся по большей части еще на уровнѣ только внѣшняго формальнообрядоваго пониманія христіанства и отношенія къ нему. Правда и то, что греки торжественно и краснорѣчиво заявляли въ Москвѣ о необходимости для русскихъ науки и образованія, совѣтовали имъ открыть у себя школы, но дальше краснорѣчивыхъ заявленій и совѣтовъ не пошли и въ этомъ дѣлѣ, такъ что и послѣ 1667 года русскіе по прежнему оставались безъ школы и науки. Такимъ образомъ все хозяйничанье грековъ въ Москвѣ не принесло русскимъ никакой существенной пользы, а между тѣмъ оно обошлось имъ во всѣхъ отношеніяхъ слишкомъ дорого, особенно же для церковной жизни. Вмѣсто мира и единства. доселѣ царившаго въ русской церкви, въ ней

явился расколъ, вмѣсто чаемаго улучшенія религіозной жизни русскаго народа, въ ней народилось небывалое доселѣ сектантство, все болѣе и болѣе удалявшееся отъ основъ православія и все сильнѣе заражавшее собою религіозно-нравственную жизнь нашего народа. Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было полное разочарованіе большинства русскихъ въ пригодности грековъ къ роли просвѣтителей русскихъ, къ ихъ способности содѣйствовать русскимъ въ дѣлѣ улучшенія всей вообще русской жизни, въ дѣлѣ насажденія на Руси науки и образованія. Тогда русскіе отстранились отъ грековъ и обратились къ содѣйствію тѣхъ, отъ кого и сами греки получили свое научное образованіе, т.-е. къ содѣйствію запада, куда уже давно направлялась мысль многихъ русскихъ.

Несмотря на крайнее предубѣжденіе русскихъ противъ всѣхъ западныхъ народовъ, какъ иновѣрныхъ, ихъ тяготѣніе къ образованному западу начинаетъ сказываться еще очень рано, но особенно оно усиливается послѣ смутнаго времени. Если бѣды, постигшія Русь въ смутное время, для однихъ (значительнаго большинства) были только наказаніемъ за грѣхи и пороки народа, за разшатанность его религіозно-нравственной жизни, то для другихъ (сначала значительнаго меньшинства) онѣ были, вмѣстѣ съ этимъ, и естественнымъ слѣдствіемъ отсутствія у русскихъ тѣхъ спеціальныхъ знаній, которыя даютъ рѣшительное преимущество предъ русскими народамъ, усвоившимъ себѣ западную науку. Отсюда въ русской жизни, послѣ смутнаго времени, возникаютъ два теченія: одно хочетъ найти гаранти нормальной жизни государства и общества въ усиленіи и строгомъ проведеніи въ жизнь религіозно-нравственныхъ требованій, въ безусловной вѣрности всѣмъ церковнымъ и народнымъ традиціямъ, въ предохраненіи какъ церковной старины, такъ и всего народнаго быта отъ всякихъ измѣненій и новшествъ; другое, не отрицая перваго, начинаетъ дѣятельно стремиться усвоить русскимъ тѣ знанія, которыя составляютъ основу могущества и силы западныхъ государствъ, и съ этою цѣлію усиленно приглашаетъ на Русь западныхъ иностранцевъ, какъ представителей разныхъ профессіональныхъ знаній, искусствъ и ремеслъ. Въ самой Москвѣ по-

являются цѣлыя слободы, населенныя выходцами изъ разныхъ западныхъ государствъ, которые и служатъ посредниками между западомъ и Русью, незамѣтно сближая ихъ между собою и уничтожая то предубѣжденіе, которое русскіе имѣли къ западнымъ народамъ. Но самое рѣшительное вліяніе на сближеніе Москвы съ западомъ имѣли кіевскіе ученые—сами ученики западныхъ школъ. Ученые кіевляне приносили съ собою въ Москву западную науку, были сторонниками западной школы, они дѣятельно толкали на западъ и москвичей, побуждая ихъ усвоять западную науку и устроить у себя школу по образцу западныхъ. Но понятно само собою, что на первыхъ порахъ западному вліянію не возможно было конкурировать, а тѣмъ болѣе открыто бороться съ греческимъ вліяніемъ, которое имѣло за собою на Руси прочную, вѣками подготовленную почву, между тѣмъ какъ западная наука еще долго въ глазахъ большинства русскихъ была еретическою, враждебною православію и даже прямо для него гибельною. Русскіе еще не отдѣляли тогда западной науки отъ вѣроисповѣдныхъ западныхъ особенностей и были убѣждены, что вмѣстѣ съ западною наукой и учителями къ нимъ перейдутъ и западныя религіозныя заблужденія Только уже значительно позднѣе, въ лицѣ кіевскихъ ученыхъ, русскіе въ первый разъ увидали соединеніе западной учености съ строгимъ православіемъ и убѣдились, что можно учиться въ западныхъ школахъ и въ то же время оставаться строго православнымъ. Поэтому на первыхъ порахъ, когда у русскихъ проявилась потребность учиться и имѣть собственную постоянную школу, они хотѣли учиться только у православныхъ грековъ, только имъ они довѣряли устроить въ Москвѣ школу и первоначальное учительство въ ней. За православіе и полную благонадежность учителей-грековъ русскимъ должны были ручаться сами восточные патріархи, которые, предполагалось, пошлютъ на Русь, для насажденія въ ней науки и образованія, людей хорошо имъ извѣстныхъ, не только своею ученостію, но и своимъ строгимъ православіемъ и высокими нравственными качествами, какія подобаетъ имѣть всякому истинному учителю православія Но греки не сумѣли воспользоваться выгодами своего исключительнаго положенія—

они не создали въ Москвѣ греческой школы, которая бы дала имъ возможность подчинить своему вліянію всю послѣдующую духовную жизнь русскихъ и предупредить или, по крайней мѣрѣ, задержать ихъ сближеніе съ западомъ. своимъ нерадѣніемъ, своимъ равнодушнымъ отношеніемъ къ стремленіямъ русскихъ завести у себя постоянную школу, которая бы служила разсадникомъ образованія на Руси, греки дали возможность утвердиться у насъ западному вліянію, такъ что, когда они, замѣтивъ свою ошибку, вступили было потомъ въ борьбу съ западнымъ вліяніемъ, было уже поздно,— ихъ дѣло на Руси оказалось проиграннымъ окончательно.

Въ первый разъ рѣшеніе основать въ Москвѣ постоянную школу, съ помощью учителей-грековъ, заявлено было въ 1632 году, когда въ Москвѣ находился посланецъ константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса, извѣстный архимандритъ Амфилохій. Царь и патріархъ наказали ему, чтобы онъ попросилъ Лукариса прислать для московской школы подходящаго православнаго учителя и прислалъ его въ Москву. Но учитель самъ неожиданно явился въ Москву. Это былъ протосингелъ александрійскаго патріарха Іосифъ, ранѣе живший нѣсколько лѣтъ въ южной Россіи, гдѣ онъ изучилъ славянскій языкъ. Это послѣднее обстоятельство дѣлало его особенно пригоднымъ какъ для переводныхъ работъ, такъ и для учительскаго дѣла. По просьбѣ царя и патріарха Іосифъ рѣшился остаться въ Москвѣ для перевода книгъ съ греческаго языка на славянскій и для учительства во вновь устроенной школѣ на учительскомъ дворѣ Въ грамотѣ царя и патріарха къ Іосифу сказано: «протосингелу архимандриту Іосифу, будучи въ нашемъ государствѣ намъ служити... духовными дѣлы, переводити ему греческія книги на славянскій языкъ и учити на учительскомъ дворѣ малыхъ ребятъ греческаго языка и грамотѣ. Де ему жъ переводити съ греческаго языка на словенскій на латинскія ереси. А корму ему давати по полтинѣ на день, да ему жъ давати жалованья на всякій годъ по десяти аршинъ камки куфтерю, да по сороку куницъ». Іосифъ, поселившись въ Москвѣ, немедленно занялся переводомъ греческихъ книгъ на славянскій языкъ. Кириллъ Лукарисъ, выражая свое удовольствіе, что Іосифъ остался въ Москвѣ, и посылая царю

книгу «Вариносъ, да Схоларія, да Геннадія, т.-е. три библіи (книги) противъ латинъ и еще другіе три библіи господина Мелетія патріарха александрійскаго», говоритъ въ своей грамотѣ къ царю, «а нынѣ бо протосингелъ Іосифъ съ тѣхъ книгъ переводъ писалъ сколько можетъ, какъ я писалъ ему въ грамотѣ отъ себя, да великосильный Богъ да сподобитъ и достальныя тѣ книги перевести». Очевидно, что Іосифъ занятъ былъ въ Москвѣ главнымъ образомъ переводами греческихъ книгъ, что не давало ему возможности всецѣло отдаться собственно школьному дѣлу. Поэтому правительство не прекращало заботъ о пріисканіи особаго учителя для московской школы. Въ приведенной выше грамотѣ Кирилла Лукариса государю и патріарху говорится: «я нынѣ хотѣлъ было прислать къ вамъ, великимъ государямъ, учителя Кіріака отъ Св. Аѳонскія горы, но онъ ѣхать не могъ, потому что старъ и безсиленъ. Сказывалъ мнѣ архимандритъ Амфилохій, чтобы прислать къ намъ, великимъ государямъ, инаго учителя, и я буду впредь сыскивать» [1]). Но заботамъ Филарета Никитича объ устройствѣ въ Москвѣ настоящей школы, руководимой хорошимъ учителемъ грекомъ, но суждено было осуществиться. Въ 1633 году Филаретъ Никитичъ умеръ, въ томъ же или слѣдующемъ году умеръ въ Москвѣ и протосингелъ Іосифъ, а другаго учителя, о чемъ такъ хлопотало наше правительство, Константинопольскій патріархъ не присылалъ къ намъ,, несмотря на свое обѣщаніе—«сыскивать его».

Въ 1645 году, по вступленіи на престолъ Алексѣя Михайловича, вопросъ объ устройствѣ въ Москвѣ греческой школы снова былъ возбужденъ пріѣзжавшимъ въ Москву за милостынею палеопатрасскимъ митрополитомъ Ѳеофаномъ. Въ своей челобитной царю Ѳеофанъ писалъ. «да повелиши быть (въ Москвѣ) греческой печати и пріѣхати греческому учителю учити русскихъ дѣтей философства и богословія греческаго языку и по русскому». Самъ Ѳеофанъ взялся подыскать и подходящаго для такого дѣла человѣка и дѣйствительно нашелъ его въ лицѣ константинопольскаго архимандрита Венедикта, который было и явился въ Москву «для печати и ученія». Но здѣсь Венедиктъ произвелъ крайне

[1]) 7141 г № 2, 7142 г № 1

непріятное впечатлѣніе и былъ отосланъ назадъ. Причина этого заключалась въ непозволительномъ самохвальствѣ, напыщенности и ученой надутости самого Венедикта, а также въ его мелочной притязательности, жадности и плутовствѣ. Высокопарныя его граматы къ царю, въ которыхъ онъ величаетъ себя «азъ Венедиктъ великій архимандритъ и учитель и богословъ великой церкви Константинопольской», въ которыхъ онъ неумѣренно похваляется своимъ учительствомъ, своими учеными занятіями и учительскими успѣхами, заставили правительство отвѣтить ему довольно рѣзко, съ жестокимъ обличеніемъ его учительскаго самохвальства [1]). Но не однимъ только самохвальствомъ заявилъ себя въ Москвѣ великій учитель Венедиктъ. Явившись насаждать здѣсь науку

[1]) Вотъ очень характерный отвѣтъ нашего правительства Венедикту, неумѣренно похвалявшемуся предъ русскими своею ученостію и учительствомъ: «Преблагій, всесильный и премудрый Богъ, видимыхъ и невидимыхъ Творецъ и Содѣтель, премудрости Наставникъ, мудрыхъ Исправитель и всякому смыслу и дѣлу Хитрецъ. Той наставляетъ всякаго человѣка, просящаго у него усугубить таланты, а еже отъ себе превеликій санъ богословія учителемъ налагати, и се есть, имъ достойно отъ иныхъ таковая похвала пріимати, а отъ своихъ устъ токмо единому мудрыхъ Исправителю и всякому дѣлу Хитрецу всесильному Богу несложная похвала приносити,—се есть корень христіанскому любомудрію и не зазорный учительскій санъ. Къ нимъ же речено: «да возсіяетъ свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ»,—разумѣй житіемъ и разумомъ въ богословіи и благочестіи свидѣтельствованна, реку убо во Апостолѣхъ Павла, паче инѣхъ потрудившагося, во истину бо силы велія бѣ не довляше человѣческое тщаніе. Трое бо внесе въ проповѣдь: усердіе горящее и дерзостное, душу, все что либо буди претерпѣти готовую и разумъ и мудрость, не довляше бо бѣ долюбное житіе непорочно аще бы и духа силу не пріяло. И зри отъ него перваго, паче же слыши его пишущаго: «да безпорочно буди служеніе наше, и паки: утѣшеніе бо наше не отъ прелести, ниже отъ нечистоты, ниже въ словеси ласканія, ниже виною лихоимѣнія»,—видѣлъ-ли еси непорочное, тажъ по сихъ на всякъ день умираю, тако ми нашея похвалы, южъ имамъ о Христѣ Іисусѣ, тажъ строеніе его быхъ іудеомъ, якожъ іудей, беззаконнымъ, яко беззаконенъ, подзаконнымъ, яко подзаконенъ и бритвится (?) и безчисленная творитъ. По сихъ слыши, како и похвалу о себѣ таковый небопарный орелъ рекъ: ничимъ же бо лишихся правѣдивѣйшихъ апостолъ, аще и ничто же есмь, мнѣ меньшему всѣхъ святыхъ дана бысть благодать сія въ языцѣхъ благовѣствовати неизслѣдованное богатство Христово и просвѣтити всѣхъ, кое есть смотрѣніе тайны сокровенныя отъ вѣковъ въ Богѣ, создавшемъ всяческая Іисусъ

и просвѣщеніе, чванясь и превозносясь своими учительскими талантами и успѣхами, онъ въ то же время не стыдился подавать царю такія, напр., челобитныя: когда ему назначили поденное содержаніе обыкновенное, какое вообще полагалось архимандритамъ — въ два алтына, а архимандриту александрійскаго патріарха, какъ представителю послѣдняго,—въ три алтына, онъ заявляетъ царю: «азъ богомолецъ твой твоимъ царскимъ жалованьемъ, поденнымъ кормомъ и питьемъ, оскорбленъ противъ своей братіи... Александрійскому архимандриту по твоему государеву указу, дано поденнаго корму по три алтына на день, а степени той Александрійскій архимандритъ меня, богомольца твоего, меньши, потому что азъ, богомолецъ твой, вселенскаго патріарха архимандритъ, а грамата мнѣ дана отъ патріарха вселенскаго и іерусалимскаго и отъ всѣхъ соборовъ за вислою печатью». Или, наприм., такая характерная челобитная царю: «много благодарю за твое государево жалованье

Христомъ, да скажется нынѣ начальствомъ и властемъ на небесныхъ церковію многоразличная мудрость Божія подъ преложенію вѣкъ, яже сотвори о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. И посему учителей есть добродѣтель не чести искати, ниже славы отъ начинаемыхъ, но спасенія ихъ и вся о семъ творити, за неже иное ищущій нѣсть учитель. Блаженный Павелъ напыщенія всякаго свободь сый, тако пребываніе, якожь единъ отъ многихъ, пачежъ и тѣхъ меньшій, сего ради и раба имъ себе нарицаетъ и многайшая къ чину моленія вѣщаетъ. Отдадимъ похвалу яже отъ себе внѣшнимъ любомудрецомъ, сіи убо аще не похвалятся отъ себе лишени суть мзды похвальныя будутъ, похваляютъ же ихъ невѣдущіи благочестія, ни силы Божія. Во благочестіи же учителю страшну быти похвалы, яжъ и отъ иныхъ приносимая на него, самому же о своихъ молчати и соунижати себѣ, не рабскимъ соуниженіемъ, но якожъ учителю довлѣетъ. При патріархѣ жь меньшему отъ него въ чину не достоитъ учителемъ нерещися, а еже богословцемъ, и о семъ мню, яко безсловесну дерзость. Укоряя же Господь нашъ книжниковъ и фарисеевъ (Мтѳ. зач. 93) глаголаше: любятъ же преже возлеганія на вечерѣхъ и преже сѣданія на сонмищахъ и зватися отъ человѣкъ: учителю, учителю! Но ученикомъ же, научая ихъ, Господь нашъ глаголаше: вы̀жъ не нарицайтесь учителе, единъ бо есть учитель вашъ Христосъ, вси же вы братія есте, и отца не зовете на земли, единъ бо отецъ вашъ иже на небесѣхъ; ниже нарицайтесь наставницы, единъ бо есть наставникъ вашъ Христосъ, болій же въ васъ да будетъ всѣмъ слуга, иже бо вознесется—смирится, смиряяйся вознесется,—слышали есте реченное, подобаше бо ти и сіе, господичне, реченіе въ памяти имѣти, и не дерзку быти отъ своихъ устъ на похвалу».

сорокъ соболевъ, но егда услышалъ, иже цѣна ему 20 рублевъ, и восплакахся, иже азъ толико потеряхъ, что далъ человѣку моему для граматы, якже мнѣ велѣли здѣсь (т.-е. за написаніе граматы по извѣстной условной формѣ). Милосердый государь, пожалуй меня, богомольца своего государева, со слезами молю, вели государь тые сорокъ соболевъ поцѣннѣе дати въ сорокъ рублевъ, и сколько денегъ для ради пути, понеже имѣю много книгъ и иконъ и да могу отвезти ихъ въ Царь-градъ». Но этого мало. О Венедиктѣ въ Москвѣ возникло цѣлое соблазнительное дѣло. Онъ обвинялся въ составленіи подложныхъ грамать, въ поддѣлкѣ подписи александрійскаго патріарха и въ заключеніе — совмѣстно съ митрополитами варнскимъ, силистрійскимъ и архіепископомъ элассонскимъ, которые вмѣстѣ съ нимъ были въ Москвѣ, пограбить въ Польщѣ архимандритовъ этихъ іерарховъ, когда они будутъ возвращаться изъ Москвы съ полученной отъ царя милостыней [1]). Не такого учителя хотѣли имѣть въ Москвѣ...

Великій учитель Венедиктъ былъ отосланъ назадъ, а между тѣмъ нужда въ устройствѣ постоянной школы чувствовалась въ Москвѣ все настоятельнѣе. Въ это время вокругъ молодаго царя сгруппировался цѣлый кружокъ лицъ, которые дѣятельно стремились подыскать на востокѣ и въ Малой Россіи людей ученыхъ и вмѣстѣ строго православныхъ, чтобы съ ихъ помощію водворить просвѣщеніе на Руси. Это были: царскій духовникъ протопопъ Благовѣщенскаго собора Стефанъ Вонифатьевъ, постельничій Ѳеодоръ Ртищевъ и потомъ казанскій протопопъ Иванъ Нероновъ съ братіею, къ которой тѣсно примкнулъ и Никонъ. Это былъ кружокъ лицъ по тогдашнему времени образованныхъ и передовыхъ, стремившихся улучшить всю тогдашнюю общественную и церковную жизнь, кружокъ по своимъ стремленіямъ и дѣятельности реформаторскій. Входившіе въ составъ его лица пользовались уваженіемъ и довѣріемъ молодого государя, который, подъ ихъ вліяніемъ, приглашаетъ въ Москву ученыхъ кіевлянъ и въ то же время обращается съ просьбою къ восточнымъ патріархамъ пріискать подходящаго учителя

[1]) 7154 г. № 15.

для московской школы и прислать его въ Москву. Подъ вліяніемъ толчка, даннаго кружкомъ, и патріархъ Іосифъ поручаетъ отъ себя греку Ивану Петрову пріискать на востокѣ подходящаго учителя, что тотъ и исполнилъ. Въ 1649 году, будучи въ Москвѣ, Иванъ Петровъ доносилъ патріарху Іосифу: «даю вѣдомость о нѣкоторомъ учителѣ смышленомъ эллинскому языку и разсудителя Евангельскому слову и имя ему Мелентій, прозвище Сирихъ, что такова учителя втораго не обрѣтается во всей вселенной и ни въ которомъ мѣстѣ. И далъ свое слово — хотѣлъ придти сюда ко благочестивому царю и къ святѣйшеству вашему, а будетъ изволеніе благочестиваго царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, самодержца всея Руси и произволеніемъ святительства вашего изволити дати грамату мнѣ, да онъ придетъ сюда, и челомъ бью, да мнѣ о томъ учини указъ и подай отвѣтъ» [1]). Но подходящій учитель самъ неожиданно явился въ Москву. Въ январѣ 1649 года въ Москву прибылъ за милостынею іерусалимскій патріархъ Паисій, при которомъ находился его дидаксалъ старецъ Арсеній. Онъ оказался по тогдашнему времени человѣкомъ очень образованнымъ, знавшимъ, что особенно важно, не только греческій и латинскій, но и славянскій языкъ, почему онъ и былъ для нашего правительства, занимавшагося тогда розысками подходящаго учителя, настоящею находкою. За религіозную и нравственную благонадежность Арсенія вполнѣ ручалось то обстоятельство, что не могъ же іерусалимскій патріархъ имѣть у себя дидаскаломъ человѣка сомнительнаго православія и нравственно неблагонадежнаго. Съ согласія и одобренія Паисія, Арсеній былъ оставленъ въ Москвѣ въ качествѣ учителя риторики. Но учительствовать Арсенію пришлось не долго. Самъ патріархъ Паисій, выѣхавъ изъ Москвы, прислалъ туда изъ Кіева на своего дидаскала доносъ, изъ котораго оказалось, что Арсеній былъ воспитанникъ іезуитовъ, что онъ нѣсколько разъ мѣнялъ свою вѣру и православнымъ его назвать нельзя, а скорѣе еретикомъ. Произведенное дознаніе подтвердило этотъ доносъ, и Арсеній вмѣсто учительства попалъ на Соловки подъ крѣпкій

[1]) 7157 г. № 24

началъ. Такъ и на этотъ разъ не удалось устроить въ Москвѣ греческую школу, вслѣдствіе крайней неблагонадежности рекомендованнаго іерусалимскимъ патріархомъ учителя [1]).

[1]) На вопросъ, какимъ образомъ патріархъ Паисій, несомнѣнно ранѣе знавшій прошлое Арсенія, рѣшился однако рекомендовать его въ качествѣ учителя и организатора устроиваемой въ Москвѣ школы, которая должна была сдѣлаться разсадникомъ православной науки на Руси,—на это можно отвѣтить слѣдующими соображеніями. Патріархъ Паисій, отправляясь въ Москву, старался составить себѣ дорогою многочисленную свиту съ тѣмъ, чтобы часть полученной ею въ Москвѣ милостыни присвоить себѣ, при чемъ въ выборѣ лицъ для своей свиты онъ поступалъ не особенно разборчиво. Въ Кіевѣ Паисій встрѣтился съ Арсеніемъ и включилъ его, какъ знающаго славянскій языкъ, въ свою свиту въ качествѣ своего дидаскала, въ какомъ званіи Арсеній и былъ отрекомендованъ государю. Узнавъ изъ бесѣды съ царемъ о его желаніи устроить въ Москвѣ школу, въ которой бы учителемъ былъ благонадежный во всѣхъ отношеніяхъ грекъ, Паисій, желая сдѣлать царю угодное, указалъ на своего дидаскала Арсенія, какъ на человѣка, который съ успѣхомъ можетъ занять мѣсто учителя въ школѣ, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ и славянскій языкъ. О томъ, что Арсеній былъ воспитанникъ греческой іезуитской коллегіи въ Римѣ, гдѣ онъ сдѣлался уніатомъ, что онъ былъ побусурманенъ и потомъ опять уніатъ, Паисій не сказалъ на этотъ разъ ни слова, вѣроятно потому, что никакъ не ожидалъ того, чтобы это дѣло когда-либо вскрылось и сдѣлалось извѣстно въ Москвѣ. Такимъ образомъ простая угодливость предъ царемъ, желаніе выслужиться предъ нимъ, а вѣроятно и желаніе имѣть въ Москвѣ учителемъ свою креатуру побудило Паисія рекомендовать Арсенія на мѣсто учителя въ московской школѣ. То соображеніе, что Арсеній могъ въ Москвѣ пропагандировать свои латинскія или какія-либо иныя не православныя воззрѣнія, не безпокоило патріарха. Паисій хорошо зналъ, что въ Москвѣ относительно всякой иновѣрной прогаганды было крайне строго, за малѣйшую попытку въ этомъ родѣ Арсеній могъ попасть на Соловки или куда-нибудь подальше. Поэтому простое чувство самосохраненія должно было заставить Арсенія отказаться въ Москвѣ отъ всякихъ, даже малѣйшихъ и случайныхъ проявленій симпатіи къ латинству. Зналъ, конечно, и то, что Арсеній вовсе не былъ горячій, искренній и убѣжденный поклонникъ латинства, способный во что бы то ни стало внести пропаганду въ русское общество. Наоборотъ, это былъ человѣкъ безъ опредѣленныхъ религіозныхъ убѣжденій, всегда способный всѣмъ поступиться, если того требовали обстоятельства, его личная польза и выгоды, такой человѣкъ въ Москвѣ несомнѣнно будетъ строго православнымъ. Что же касается того обстоятельства, что такому сомнительному и во всѣхъ отношеніяхъ неблагонадежному человѣку патріархъ рѣшился поручить насаждать въ Москвѣ строго православную науку и просвѣщеніе, для чего, повидимому, требовался человѣкъ нѣсколько другаго нравственнаго закала, иныхъ религіозныхъ убѣжденій, то Паисій, какъ и большинство тогдашнихъ грековъ, смотрѣлъ на это далеко не строго, ибо греки совершенно не похожи были въ этомъ случаѣ на русскихъ. Большая часть тогдашнихъ образованныхъ грековъ училась въ западныхъ школахъ, изъ которыхъ они иногда выносили и западныя, несогласныя съ православіемъ, понятія. На самыхъ патріаршихъ восточныхъ престолахъ сидѣли иногда такіе патріархи, строгое православіе которыхъ подвергалось нѣкоторыми сильному сомнѣнію. Что же касается нравственныхъ качествъ различныхъ восточныхъ іерарховъ, то они довольно часто были даже очень невысоки. Самого, напр., Паисія народная молва упорно обвиняла въ варварскомъ убійствѣ константинопольскаго патріарха Парѳенія старшаго, какъ объ этомъ по крайней мѣрѣ не разъ доносили въ Москву разные агенты. Поэтому такая личность, какъ Арсеній, не была на востокѣ исключеніемъ, а явленіемъ довольно обычнымъ, къ которому всѣ привыкли и къ которому въ большинствѣ случаевъ относились или равнодушно или и прямо снисходительно. Наконецъ, Паисій, вѣроятно, въ существѣ дѣла вовсе не интересовался московскою школою, ея направленіемъ и процвѣтаніемъ; его въ Москвѣ занимали совсѣмъ другіе вопросы, тѣмъ болѣе что, какъ грекъ, онъ, конечно, смотрѣлъ на русскихъ по-гречески, т.-е., свысока, пренебрежительно, только какъ на грубую матеріальную силу, неспособную къ высшему развитію. Что же касается того обстоятельства, какъ могло случиться, что патріархъ Паисій, оставивъ Арсенія въ Москвѣ въ качествѣ учителя, самъ же потомъ сдѣлалъ на него доносъ, то это объясняется просто слѣдующимъ: вмѣстѣ съ патріархомъ Паисіемъ отправился изъ Москвы и Арсеній Сухановъ, назначенный сопровождать патріарха. Прибывъ въ Кіевъ, Сухановъ постарался собрать всѣ свѣдѣнія о личности оставленнаго въ Москвѣ учителя, чтобы все узнанное сообщить о немъ въ Москву. Поэтому патріарху Паисію необходимо было поспѣшить объясниться съ московскимъ дворомъ относительно Арсенія грека, чтобы не испортить своихъ отношеній къ Москвѣ и предупредить Суханова. Благодаря этому обстоятельству и появился доносъ Паисія на Арсенія, при чемъ Паисій сознается, что Арсеній вовсе не былъ его дѣйствительнымъ дидаскаломъ, какъ онъ назвалъ его въ Москвѣ, а дидаскаломъ, взятымъ въ Кіевѣ, такъ сказать, на прокатъ, только для пополненія свиты на время пребыванія патріарха въ Москвѣ. Что же касается заявленія патріарха, что будто бы ранѣе онъ совсѣмъ не зналъ ничего объ Арсеніи, то это опровергается показаніемъ Арсенія, во время производства слѣдствія надъ нимъ, что онъ обо всемъ разсказалъ ранѣе патріарху Паисію, который его простилъ и благословилъ и далъ ему отъ себя разрѣшительную грамоту, которая теперь и находится у него, Арсенія. Противъ этого показанія Арсенія ничего не возразили. Очевидно, что разрѣшительная грамата Паисія дѣйствительно была у Арсенія.

Неудача устроить въ Москвѣ школу съ помощію дидаскала іерусалимскаго патріарха грека Арсенія не остановила однако дальнѣйшихъ попытокъ нашего правительства найти на востокѣ учителя, пригоднаго для московской школы. По просьбѣ царя этимъ дѣломъ занялись восточные патріархи, которые наконецъ, уже въ 1653 году, когда патріархомъ

сдѣлался Никонъ, прислали со своими рекомендательными граматами такого учителя, который удовлетворялъ, повидимому, всѣ требованіямъ русскихъ. Это былъ митрополитъ Навпакта и Арты Гавріилъ. Объ немъ іерусалимскій патріархъ Паисій писалъ государю: «повелѣли намъ, богомольцу вашему, радѣти и обрѣсти единаго учителя премудраго и православнаго и не имѣлъ бы никакого пороку во благочестивой вѣрѣ и былъ бы далече отъ еретиковъ и послати бъ намъ іво ко святому вашему царствію поклонитися, да учинитъ учительство и учитъ эллинскій языкъ, якоже она есть древня отъ иныхъ языкъ, понеже она корень и источникъ инымъ. И сего ради избрали есми достойнаго о такомъ дѣлѣ, яко сего преосвященнаго митрополита Навпакта и Арты, пречестнаго экзарха всея Италіи, премудраго учителя и богослова великія церкви Христовы, о Святомъ Духѣ возлюбленнаго брата нашего и сослужителя нашего смиренія, господина Гавріила Власія, якоже такова въ нынѣшнихъ временахъ въ родѣ нашемъ не во многихъ обрѣтаетца. И будучи въ такомъ дѣяніи и мудрости и разумѣ, почтилъ его блаженнѣйшій патріархъ александрійскій Іоаникей, о Святомъ Духѣ возлюбленный братъ и сослужитель нашего смиренія, а мы почтили іво и намѣстникомъ своимъ учинили со властію, въ которомъ мѣстѣ ни будетъ *отвѣщати за насъ во всѣхъ благочестивыхъ вопросѣхъ православные нашіе вѣры.* И объявляючи боголюбезную мысль святаго вашего царствія, понудили его пріити для любви великаго вашего царствія, аще и труды понести и многіе убытки приняти и погибель живота своего, токмо идетъ на поклоненіе со прочими своими видѣти ваши царскіе очи и совершити дѣло съ великимъ радѣніемъ, что желаетъ святое ваше царство,—и великаго достоинства. Посемъ бьемъ челомъ великому вашему царствію, да воспріемлеши его со отверстыми нѣдрами любительно и человѣколюбно и почтиши его, яко намѣстника нашего—двухъ патріарховъ. А какову честь ему учините, и та честь намъ воздается. и для небеснаго и превышняго Бога пожалуйте его, какъ Богъ извѣститъ великому вашему царствію, не яко иныхъ, но болѣ того, потому что иной такой митрополитъ преже сего въ ваши страны не пріѣзживалъ. А только будетъ произволитъ ваше царствіе быть учительству, якоже

выше сего рекли есми, и онъ готовъ есмь *побыти колико время ему возможно*, а мы ему также обѣщалися, что ему *имѣти волю свою*, а будетъ благодарить великое ваше царствіе. И онъ побудетъ и многое время, покамѣста ученики отъ него отойдутъ, и противлятися будутъ съ еретиками и отвѣтъ будутъ давать обо всякомъ вопросѣ, и будетъ благодаритися великое ваше царствіе и всѣ бояре и князи, и будещи оставити вѣчное воспоминаніе въ похвалу и славу отъ всѣхъ царствъ и королевствъ. А будетъ не изволитъ царствіе ваше быти учительству, и мы бьемъ челомъ, чтобы ему побыть, покамѣста онъ похочетъ, а святое ваше царствіе пожалуйте его своимъ царскимъ жалованьемъ милостынею, чтобъ ему вашимъ царскимъ жалованьемъ пріѣхати къ себѣ и покой свой получити и легость обрѣсти отъ долговъ своихъ, что имѣетъ, а онъ да будетъ долженъ всегда молити всемогущаго Бога о вашемъ царскомъ многолѣтномъ здравіи, якоже и прочіи архіереи». Съ своей стороны и константинопольскій патріархъ Іоанникій писалъ царю о митрополитѣ, что посылаетъ его къ царю на недолгое время и что этотъ Гавріилъ «и богословъ и православный въ родѣ нашемъ *и что произволитъ великое ваше царствіе отъ него вопросити отъ богословія и изысканія церковнаго, о томъ будетъ отвѣтъ держати благочестно и православно, якоже воспріяша благочестивая Христова великая апостольская и восточная церковь*, также и блаженнѣйшіе о Св. Духѣ возлюбленніи братья и сослужители нашего смиренія александрійскій патріархъ господинъ Іоанникій и еросалимскій господинъ Паисій избрали ево намѣстника своего и въ грамотѣ своихъ о томъ объявленъ. И того ради молимъ великаго вашего царствія, да воспріимлете его любительно отверстыми нѣдры и честь ему повелите воздати не тако, яко инѣмъ, которые завсегда приходятъ къ вашему царскому величеству, но того ради, что онъ посланъ отъ насъ и отъ прочихъ двухъ блаженнѣйшихъ патріарховъ— александрійскаго и еросалимскаго и есть вѣрный и древній другъ и богомолецъ теплый блаженной памяти отцу вашему, святому царю и государю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Русіи, также и святому вашему царствію, да онъ же прислалъ къ великому вашему царствію двѣ книги

эллинскимъ и словенскимъ языкомъ». Наконецъ митрополита Гавріила рекомендовали государю особыми граматами молдавскій воевода Василій и Хмельницкій. Но и помимо этихъ рекомендацій наше правительство знало Гавріила Власія, который ранѣе жилъ въ Молдавіи въ качествѣ учителя и не разъ присылалъ въ Москву, какъ доброхотъ русскихъ, отписки съ политическими вѣстями. Кромѣ того ранѣе онъ прислалъ въ Москву двѣ книги: одна Мелетія, александрійскаго патріарха, противъ іудеевъ, другая—грамматика, при чемъ въ тѣхъ книгахъ на одной сторонѣ писано эллинскимъ языкомъ, а на другой по славянски. Такимъ образомъ митрополитъ Гавріилъ удовлетворялъ повидимому всѣмъ требованіямъ, чтобы сдѣлаться учителемъ въ Москвѣ: объ его православіи, выдающейся учености и способности къ учительству торжественно свидѣтельствовали своими граматами сами восточные патріархи, онъ былъ извѣстнымъ испытаннымъ доброхотомъ русскаго правительства, онъ зналъ славянскій языкъ и уже ранѣе присылалъ въ Москву книги, писанныя на греческомъ и славянскомъ языкахъ. Несмотря однако на все это, Гавріилъ не остался въ Москвѣ, а былъ отосланъ назадъ. Можно думать, что русскіе не пожелали имѣть у себя такого важнаго и сановитаго человѣка, какимъ былъ Гавріилъ Василій, намѣстникъ двухъ патріарховъ и экзархъ Италіи, котораго сами патріархи просили принять съ особою честію и вниманіемъ,—такой человѣкъ дѣйствительно для московской школы былъ уже слишкомъ великъ. Кромѣ того Гавріилъ ѣхалъ въ Москву только на время, съ правомъ оставить ее, когда захочетъ, и ѣхалъ, кажется, не столько для учительства, сколько для того, чтобы отвѣтъ держать: «что его спросятъ отъ богословія и изысканія церковнаго». Очевидно, что пренія Арсенія Суханова съ греками о вѣрѣ произвели впечатлѣніе на восточныхъ патріарховъ и они посылали теперь въ Москву митрополита Гавріила въ качествѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго, не для учительства собственно, а для того, «что если произволитъ великое ваше царствіе отъ него вопросити отъ богословія и изысканія церковнаго, и онъ о томъ будетъ отвѣтъ держати благочестно и православно, якоже воспріяла благочестивая Христова великая апостольская и восточная

церковь», т.-е., патріархи посылали въ Москву митрополита Гавріила именно съ цѣлію разрѣшить тѣ недоумѣнія, которыя вызывали у грековъ и русскихъ нѣкоторыя разности въ ихъ церковныхъ обрядахъ и чинахъ. Какъ митрополитъ исполнилъ эту свою миссію, остается неизвѣстнымъ, но кажется государь не произволилъ вопрощать его отъ богословія и изысканія церковнаго, хотя возможно, что съ патріархомъ Никономъ онъ и велъ бесѣду относительно разныхъ церковныхъ вопросовъ, конечно, оправдывая предъ нимъ всѣ особенности греческаго обряда и чина, въ чемъ они расходились съ русскими. Какъ бы то ни было, только митрополитъ Гавріилъ не былъ такимъ учителемъ, какого хотѣли имѣть у себя русскіе и о присканіи котораго они такъ усиленно просили патріарховъ. Это сознавали и сами патріархи, которые ожидали, что Гавріилъ не будетъ оставленъ въ Москвѣ для учительства, почему въ своихъ грамматахъ и просили государя надѣлить его при отпускѣ возможно щедрою милостынею, о присылкѣ же другаго, болѣе подходящаго человѣка, который бы могъ всецѣло посвятить себя учительскому дѣлу на Руси, они по обычаю не позаботились. Впрочемъ и въ самой Москвѣ всѣ правительственныя заботы и хлопоты объ устройствѣ постоянной греческой школы рѣшительно прекратились, какъ скоро на патріаршую каѳедру вошелъ Никонъ, который отослалъ назадъ митрополита Гавріила и окончательно снялъ съ очереди вопросъ объ устройствѣ въ Москвѣ школы, такъ что ему суждено было опять возникнуть и наконецъ, осуществиться, только уже въ восьмидесятыхъ годахъ XVII столѣтія. Правда, во время хозяйничанья у насъ гречанъ, послѣ удаленія съ патріаршей каѳедры Никона, пріѣзжіе греки не разъ краснорѣчиво говорили о необходимости устройства въ Москвѣ и по другимъ городамъ школъ, гдѣ бы русскіе могли получать образованіе. Такъ Паисій Лигаридъ писалъ государю: «ты убо, о пресвѣтлый царю, подражай Ѳеодосіямъ, Юстиніанамъ и созижди здѣ училища ради остроумныхъ младенецъ, къ ученію трехъ языкъ коренныхъ, наипаче: греческаго, латинскаго и славенскаго, имаши бо, о благочестивѣйшій царю, подъ своею крѣпкою рукою толико пребогатыя митрополіи, толико преизобилующія архіепископіи,

толикая величайшая монастыри. Молю, да повелиши, воеже бо кождо сихъ начальниковъ, по мѣрѣ своихъ приходовъ толико имѣлъ питомцевъ и толико клирикъ пропитати тщился, ради изученія сихъ трехъ языковъ. Подобное и архимандритове монастырей ти царскихъ тоежде сотворятъ». Паисій объясняетъ царю, что онъ, раздумывая о причинахъ, которыя вызвали появленіе въ русской церкви раскола, нашелъ, что все зло произошло отъ двухъ причинъ: отъ того, что нѣтъ народныхъ училищъ и библіотекъ. Если бы меня спросили: какіе столпы церкви и государства? Я бы отвѣчалъ: «во-первыхъ училища, во-вторыхъ училища и въ-третьихъ училища». Съ своей стороны и восточные патріархи, судившіе въ Москвѣ Никона и его противниковъ, поучали царя и народъ «взыскать премудрости». «Видимъ, говорили они, яко во мнозѣхъ отъ васъ не имѣетъ премудрость мѣста, идѣже главу приклонити... Оставивше греческій языкъ и небрегуще о немъ, оставили есте и мудрость и аки оземствовасте (изгнали) ю. Странніи роди и противніи вѣрѣ православной, на западѣ живущіи, греческій языкъ яко свѣтильникъ держатъ, ради мудрости его и училища его назидаютъ Арапове же не хиротонисаютъ и единаго не искусна суща греческому языку. И тіи роди премнози за корень премудрости эллинскій нашъ языкъ имѣютъ, и того ради *Святыи Боже, херувимскую пѣснь* поютъ по гречески и возгласы эллинскимъ языкомъ творятъ, яко же грузи, серби, болгаре, мултяне и волоси. Здѣ точію лѣности ради зѣло обезцѣнился (греческій языкъ). Взыщите же ея (премудрости) толь мощнѣ, яко же искаху ея велиціи вселенныя учители. Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Аѳанасій Великій, Діонисій Ареопагитъ, Іоаннъ Дамаскинъ и иніи многочисленніи святильницы церкве. Ниже отрицайтеся неимѣніемъ училища: ибо аще взыщете, дастъ предвѣчная мудрость до сердца благочестиваго самодержца таково хотѣніе, еже училище построити и учители стяжати въ семъ царствующемъ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ»[1]). Конечно, эти поученія были хороши. Но дѣло въ томъ, что московское правительство въ нихъ вовсе не нуждалось, такъ

[1]) Приб къ Твор св отцевъ 1846 г кн 3, стр 162—164

какъ оно давно не только сознало нужду для русскихъ науки и образованія, необходимость устройства въ Москвѣ именно греческой школы, но и не разъ, какъ мы видѣли, обращалось къ восточнымъ патріархамъ съ просьбою прислать въ Москву, для устройства школы и учительства въ ней, образованныхъ, пригодныхъ для этой цѣли, грековъ Слѣдовательно Паисію Лигариду и восточнымъ патріархамъ нужно было не поучать русскихъ о пользѣ и необходимости для нихъ образованія, а дать имъ хорошихъ учителей грековъ и самымъ дѣломъ помочь русскимъ устроить въ Москвѣ школу, такъ какъ русскіе нуждались именно въ людяхъ, требовали самаго дѣла, а не поученій, хотя бы краснорѣчивыхъ и очень эффектныхъ. Но ораторы не пошли далѣе словъ, и Москва по прежнему осталась безъ учителей и школы.

Въ то время, когда греки такъ равнодушно и безучастно относились къ попыткамъ нашего правительства устроить въ Москвѣ греческую школу, когда они присылали къ намъ учителей или совершенно негодныхъ, или же и совсѣмъ ихъ не присылали, несмотря на всѣ просьбы объ этомъ нашего правительства, русскіе обратили свое вниманіе на Малую Россію, сближеніе съ которой началось у насъ еще вскорѣ послѣ смутнаго времени и съ теченіемъ времени все болѣе усиливалось. Въ 1649 году любимецъ царя Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ устроилъ близъ Воробьевыхъ горъ Андреевскій монастырь, въ которомъ поселены были иноки, вызванные изъ монастырей южно-русскихъ. Въ то же время Ртищевъ пригласилъ изъ Кіевской Лавры нѣсколько ученыхъ иноковъ «для обученія русскихъ свободнымъ наукамъ». Въ это же время и правительство вызвало въ Москву нѣсколькихъ ученыхъ кіевлянъ, между прочимъ для перевода священнаго писанія съ греческаго языка на славянскій. Такимъ образомъ съ половины XVII вѣка въ Москвѣ поселяются кіевскіе ученые, число которыхъ съ теченіемъ времени все увеличивается. Они естественно становятся въ Москвѣ центрами ученой и образовательной дѣятельности и оказываютъ необходимо могучее вліяніе на умственную жизнь передоваго русскаго общества. Другихъ ученыхъ, кромѣ кіевлянъ, въ Москвѣ не было, поэтому они одни могли удовле-

творять и дѣйствительно удовлетворяли пробудившейся у москвичей потребности въ научномъ знаніи и образованіи, благодаря чему кіевляне успѣли создать себѣ въ Москвѣ прочное и вліятельное положеніе, такъ что одинъ изъ нихъ Симеонъ Полоцкій сдѣлался даже учителемъ самого наслѣдника престола и сталъ вообще очень близко къ членамъ царскаго дома. Такъ создалось и укрѣпилось у насъ вліяніе и ученое значеніе кіевлянъ, долгое время дѣйствовавшихъ въ Москвѣ безъ всякой помѣхи и конкуренціи съ чьей бы то ни было стороны,—греки сами устранились отъ той дѣятельности, на которую такъ усиленно приглашали было ихъ русскіе, они сами уступили свое мѣсто въ Москвѣ кіевлянамъ, воспитанникамъ и сторонникамъ западной школы. Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія дѣла было то, что когда сознаніе необходимости создать школу въ Москвѣ снова пробудилось, то проектъ этой школы теперь былъ составленъ уже кіевлянами по образцу хорошо имъ извѣстныхъ западныхъ школъ, при чемъ самое устройство школы и учительство въ ней должно было попасть въ руки кіевлянъ, такъ какъ иныхъ людей, способныхъ къ учительству, у насъ тогда не было. Учрежденіе въ Москвѣ школы по проекту кіевлянъ сразу бы утвердило у насъ господство латинской школы, при которой уже не было бы мѣста грекамъ. Но и на этотъ разъ обстоятельства поблагопріятствовали грекамъ и дали имъ возможность исправить свои прежнія опущенія относительно русской школы, дали имъ возможность захватить дѣло учительства въ Москвѣ въ свои руки. Противъ кіевлянъ въ Москвѣ образовалась сильная партія, во главѣ которой стоялъ самъ патріархъ Іоакимъ, нерасположенный къ латинской учености кіевлянъ и даже прямо обвинявшій ихъ въ латинствѣ. Онъ рѣшился вовсе устранить кіевлянъ отъ учительства въ московской школѣ, вручивъ преподаваніе въ ней православнымъ ученымъ грекамъ, чтобы устраиваемая школа въ Москвѣ была строго православная, чуждая всякой латинской закваски, какою, казалось, была пропитана вся кіевская ученость, сбивавшаяся даже, по нѣкоторымъ пунктамъ вѣроученія, въ латинскую сторону. Какъ и въ былыя времена, патріархъ Іоакимъ обратился съ просьбою къ восточнымъ патріархамъ, чтобы они прислали въ Москву

ученыхъ грековъ, которые бы устроили въ Москвѣ школу и были въ ней учителями. На этотъ разъ восточные патріархи исполнили обращенную къ нимъ просьбу, въ Москву для учительства явились братья Лихуды, которые, по мысли восточныхъ и московскаго патріарховъ, должны были уничтожить въ Москвѣ вліяніе и значеніе латинствующихъ кіевлянъ и придать московской школѣ чисто греческій характеръ. Такимъ образомъ, учительство во вновь устроенной школѣ въ Москвѣ попало въ руки грековъ, которые чрезъ это получили полную возможность вліять на всю дальнѣйшую умственную жизнь русскихъ; значеніе кіевлянъ въ Москвѣ, какъ людей науки, должно было пасть и замѣниться значеніемъ ученыхъ грековъ. Но въ дѣйствительности этого не случилось, да и не могло случиться.

Дѣло въ томъ, что у грековъ не было своей собственной высшей школы, гдѣ бы они могли получать высшее научное образованіе. Для этого сами греки принуждены были отправляться на западъ и учиться въ тамошнихъ школахъ, такъ что вся ихъ ученость была по существу западная, вынесенная ими большею частію изъ латинскихъ школъ. Въ виду этого, учитель-грекъ въ Москвѣ могъ быть и дѣйствительно былъ только посредникомъ въ передачѣ западной науки на Русь, его ученое значеніе ничѣмъ существенно не отличалось отъ такого же значенія кіевлянъ, онъ могъ преподавать въ Москвѣ только такія науки и такъ, какимъ и какъ онъ самъ обучился въ той же западной школѣ, въ которой учились и кіевляне. Слѣдовательно, все, что грекъ могъ привнести въ московскую школу спеціально греческаго, заключалось единственно въ преподаваніи наукъ на греческомъ языкѣ, вмѣсто латинскаго, тѣмъ болѣе, что и самая вѣрность православію не могла въ дѣйствительности считаться принадлежностію только грека, ибо какъ не всѣ кіевскіе ученые сбивались на латинскую сторону, такъ, наоборотъ, между учеными изъ грековъ находилось не мало и такихъ, которые заражены были латинствомъ, а иногда и протестантствомъ. Понятно поэтому, что Лихуды, сами воспитанники западной школы, явившись въ Москву для учительства, стали преподавать въ московской школѣ тотъ кругъ наукъ, какой принятъ былъ тогда въ западныхъ школахъ, при чемъ методъ

и порядокъ преподаванія былъ опять только сколкомъ съ западной школы съ тѣмъ лишь отличіемъ, что преподаваніе велось, главнымъ образомъ, на греческомъ языкѣ, изученіе котораго стояло на первомъ мѣстѣ. Но изученіе и отчасти самое преподаваніе на греческомъ языкѣ не могло быть особенно устойчивымъ и продолжительнымъ, не могло придать московской школѣ какой-либо особый—спеціально греческій характеръ. Хотя восточные патріархи, по словамъ Досиѳея, отпуская Лихудовъ въ Москву для учительства, и дали имъ строгій наказъ учить въ московской школѣ только по-гречески и ни подъ какимъ видомъ не обучать латинскому языку, однако, Лихуды не выполнили этотъ наказъ патріарховъ. На ряду съ греческимъ языкомъ они стали преподавать въ московской школѣ и латинскій, однѣ науки они читали на греческомъ языкѣ, другія на латинскомъ [1]), такъ что школа носила смѣшанный греко-латинскій характеръ, съ преобладаніемъ впрочемъ греческаго языка. Понятно, почему Лихуды, вопреки наказу патріарховъ, стали преподавать въ Москвѣ и латинскій языкъ. Языкомъ школы и науки въ то время былъ языкъ латинскій, а не греческій, такъ что въ дѣлѣ сколько-нибудь серьезнаго научнаго образованія латинскій языкъ былъ тогда рѣшительно необходимъ,—ученый безъ знанія греческаго языка былъ тогда возможенъ, безъ знанія латинскаго почти немыслимъ. А такъ какъ русскіе, конечно, хотѣли имѣть у себя настоящую ученость, и Лихуды, какъ серьезные ученые, не прочь были вести дѣло въ московской школѣ по настоящему, то они вмѣстѣ съ греческимъ языкомъ обязательно стали учить русскихъ и латинскому, языку тогдашней науки. Такимъ образомъ, греческій характеръ первой московской школы по самому уже существу дѣла не могъ быть особенно устойчивымъ и продолжительнымъ, какъ приданный по случайнымъ стороннимъ ей побужденіямъ, хотя при учителяхъ-грекахъ онъ могъ бы продержаться гораздо дольше, нежели какъ это было въ дѣйствительности. Сами греки своими обычными распрями и интригами сдѣлали то, что ихъ очень скоро устранили отъ

[1]) См. о преподаваніи Лихудовъ въ Исторіи славянско-греко латинской академіи, С. Смирнова.

учительства въ московской школѣ, которое естественно перешло затѣмъ въ руки воспитанниковъ западной латинской школы.

Тотъ же самый іерусалимскій патріархъ Досиѳей, который прислалъ въ Москву Лихудовъ, ручаясь за ихъ полную религіозно-нравственную благонадежность и способность къ учительству, который требовалъ отъ Лихудовъ, чтобы они преподавали въ Москвѣ только одинъ греческій языкъ, скоро поссорился съ Лихудами и сталъ всячески добиваться, чтобы ихъ устранили изъ московской школы, какъ людей совершенно негодныхъ для учительства въ ней. Досиѳей въ этомъ случаѣ руководился личными счетами съ Лихудами, которые возбудили его ненависть и гнѣвъ нѣкоторыми своими поступками, не имѣвшими, впрочемъ, прямого отношенія къ школѣ и преподаванію въ ней. Первый поводъ къ столкновенію Лихудовъ съ Досиѳемъ подало наслѣдство, оставшееся послѣ извѣстнаго іеродіакона грека Мелетія. Лихуды, сдѣлавшись душеприказчиками Мелетія, согласно его завѣщанію, употребили оставленныя имъ деньги на постройку Заиконоспасскаго училища. Между тѣмъ Досиѳей утверждалъ, что Мелетій завѣщалъ свое имущество св. Гробу, такъ что, по его мнѣнію, Лихуды «учинили лукавство, взявъ столько богатствъ діакона Мелетія», и что будто бы они ѣздили изъ Москвы въ Венецію торговать на деньги Мелетія, принадлежавшія св. Гробу. Дѣло о наслѣдствѣ Мелетія повело къ дальнѣйшимъ столкновеніямъ Досиѳея съ Лихудами, которые, заручившись въ Москвѣ вліятельнымъ положеніемъ, стали покровительствовать пріѣзжавшимъ въ Москву грекамъ, по преимуществу тѣмъ, которыхъ почему-либо преслѣдовалъ Досиѳей. Это особенно рѣзко сказалось въ дѣлѣ андрусскаго епископа Акакія, или Арсенія, называвшаго себя родственникомъ Досиѳея, который, однако, его преслѣдовалъ, а Лихуды открыто взяли его подъ свою защиту, старались оправдать Акакія отъ тѣхъ обвиненій, которыя возводилъ на него Досиѳей [1]). Покровительствуя въ Москвѣ гонимымъ Доси-

[1]) Этотъ Акакій, въ письмѣ къ племяннику Досиѳея Хрисанеу, называетъ себя его двоюроднымъ братомъ, заклинаетъ его именемъ Бога вышняго, и душою общаго великаго ихъ дяди и госпожи тетки, чтобы не былъ противъ него въ Москвѣ, куда онъ ѣдетъ, при чемъ замѣчаетъ: «отъ дяди же

ѳеемъ, Лихуды, наоборотъ, старались вредить его довѣреннымъ лицамъ, которыхъ онъ посылалъ въ Москву. Такъ, его племянникъ, архимандритъ Хрисанѳъ, былъ принятъ въ Мо-

своего (Досиѳея) никакого добра не видали, какъ самъ онъ (Хрисанѳъ) знаетъ. Съ своей стороны Хрисанѳъ показывалъ въ посольскомъ приказѣ, что Акакій, родомъ изъ Пелопонеса, пришелъ въ Іерусалимъ, гдѣ сдѣлался діакономъ и служилъ брату Досиѳея Каллисту, но потомъ обокралъ его и бѣжалъ въ Кипръ, при чемъ захватилъ у старца часть животворящаго древа и другую святыню. Затѣмъ Акакій появляется въ Морѣ, гдѣ обманомъ сдѣлался епископомъ, а потомъ пробрался въ Венецію, а теперь ѣдетъ въ Москву. Хрисанѳъ просилъ арестовать Акакія и отобрать у него украденную имъ часть животворящаго древа. Когда 18 марта 1693 года епископъ Акакій пріѣхалъ въ Москву, то спрошенный о честномъ древѣ, показалъ, что при немъ есть часть онаго, ради святыни и исцѣленія болящихъ, что онъ пріобрѣлъ эту часть древа въ Іерусалимѣ, живши восемь лѣтъ у патріаршаго брата, который былъ ему двоюродный дядя и любилъ его какъ сына и благословилъ его самъ крестомъ, отъ котораго многіе получили исцѣленіе. Бывши въ венеціанскомъ лазаретѣ и увидавъ здѣсь одного бѣснующагося солдата, осѣнилъ его трижды этимъ крестомъ, и тотъ исцѣлился. И у него самого дорогою опухло лицо, онъ попросилъ ѣхавшаго съ нимъ архимандрита осѣнить его честнымъ древомъ, и болѣзнь миновалась. Попросили епископа дать списокъ находящихся у него мощей, но онъ отказался исполнить эту просьбу, заявивъ, что держитъ мощи у себя, какъ неоцѣненное сокровище, ставленную же свою грамоту объявилъ, которая однако, по разсмотрѣніи, показалась очень сомнительною, почему Акакій и заключенъ былъ пока въ Новоспасскій монастырь. Съ своей стороны патріархъ Досиѳей писалъ государю и особенно московскому патріарху, чтобы Акакій, какъ «чадо гнѣва» былъ непремѣнно сосланъ въ заточеніе въ какой-либо дальній русскій монастырь, чтобы и «нехотя могъ спастись и впредь другихъ бы не обманывалъ». Въ противномъ же случаѣ Акакій, возвратившись въ Турцію, извѣститъ турокъ о существующей перепискѣ между Досиѳеемъ и русскимъ правительствомъ, вслѣдствіе чего турки іерусалимскаго патріарха умертвятъ и всѣхъ, которые при немъ живутъ, перевѣшаютъ, или на колъ посадятъ. Поэтому-то патріархъ сильно опасается Акакія, «который хвалился, что ожидаетъ изъ Царьграда свидѣтельныхъ грамотъ отъ патріарха, что онъ добрый человѣкъ, потому что обѣщались исходатайствовать такія грамоты школьные учители Іоанникій и Софроній Лихуды, и то вѣрно, что они стараются получить сіи грамоты, и чтобы епископу отсюда выйти и учинить какое-либо зло патріарху іерусалимскому и его престолу за то, что святѣйшій писалъ объ нихъ къ царскому величеству правду о неправильномъ искательствѣ ими княжескаго званія и о неприлежаніи ихъ въ ученіи. Посему гнѣваясь на него хотятъ всякимъ образомъ ему отмстить и въ челобитной пишутъ, чтобы государи велѣли его (Акакія) отпустить изъ Москвы судиться съ патріархомъ іерусалимскимъ. Это прошеніе по истинѣ достойно смѣха или слезъ, и хотятъ они показать свою скверную гордость, или явную глупость, будучи простыми старцами и домогаясь судиться съ апостолопрестольнымъ патріар-

сквѣ, по его мнѣнію, довольно холодно, что онъ прямо объяснилъ враждебными ему происками Лихудовъ. Раздражало Досиѳея и то обстоятельство, что Лихуды заняли въ Москвѣ вообще видное вліятельное положеніе, такъ что пользовались особымъ вниманіемъ и довѣріемъ правительства, а между тѣмъ они держали себя относительно Досиѳея совершенно независимо, не желали ему подчиняться ни въ чемъ и даже

хомъ,—и кто ихъ прошенію не посмѣется, ихъ самихъ не обругаетъ? Они не только съ нимъ судиться, но и явиться къ нему не посмѣютъ, ибо сейчасъ тамъ каторгу узнаютъ и испытаютъ за свое безумное дерзновеніе. Посему и стараются подкупить, чтобы о низверженномъ епископѣ пришли грамоты изъ Царьграда и хотя бы чрезъ него учинить какое мщеніе іерусалимскому престолу, клеветами у турокъ. Но такія грамоты не могутъ прійти, кромѣ развѣ подложно составленныхъ подкупомъ, а если бы и пришли, то нельзя не подвергнуть особому разсмотрѣнію отъ такихъ злонравныхъ людей, потому что патріархъ іерусалимскій ложно и затѣйливо такимъ государямъ писать не станетъ, и онъ по своему патріаршескому лицу наипаче заслуживаетъ вѣры». Между тѣмъ Акакій подалъ государямъ челобитную, въ которой между прочимъ заявлялъ: «по древней лести діавольской позавидовалъ архимандритъ Хрисанѳъ, что привезъ онъ (Акакій) ради царскаго здравія нѣкую часть честнаго древа и иныя св. мощи и присылалъ къ нему своего человѣка, чтобы никому о томъ не объявлялъ, если хочетъ себѣ добра. Онъ же не хотѣлъ измѣнить своего намѣренія и потому оболгалъ его Хрисанѳъ въ посольскомъ приказѣ, будто все, что онъ привезъ, краденое». Акакій умоляетъ царей освободить его изъ заточенія и запретить Хрисанѳу писать объ немъ къ патріарху Досиѳею, что будто бы онъ на него клевещетъ, «ибо тогда патріархъ (Досиѳей) грамотою своею его конечно погубитъ». Эта челобитная Акакія, подкрѣпленная, вѣроятно, ходатайствомъ за него Лихудовъ, имѣла успѣхъ. Акакію велѣно было давать обычное для архіереевъ просителей содержаніе и сверхъ того ему дано было 10 руб. на милостыню, «такъ какъ святыню свою онъ не повезъ къ польскому королю или венеціанскому князю, но къ нимъ, великимъ государямъ». Тогда Досиѳей прислалъ въ Москву новую грамату, въ которой заявляетъ, что Акакій былъ хиротонисанъ отъ беззаконниковъ нѣкіихъ, или образомъ беззаконнымъ, того ради епископомъ называться недостоинъ, посему и низверженъ отъ цареградскаго великаго собора и отъ насъ самихъ». Затѣмъ Досиѳей описываетъ соблазнительныя похожденія низверженнаго Акакія въ разныхъ странахъ, гдѣ онъ выдавалъ себя за дѣйствительнаго епископа и называлъ себя то архіепископомъ Іоппіи, то епископомъ андрусскимъ, то уполномоченнымъ отъ св. Гроба на сборъ пожертвованій. Досиѳей проситъ заточить лжеепископа въ какой-нибудь дальній монастырь. Такъ какъ въ это время пришла въ Москву грамата константинопольскаго патріарха и собора, вполнѣ подтверждавшая доносъ Досиѳея на Акакія, то этотъ лжеепископъ-авантюристъ и былъ сосланъ нашимъ правительствомъ въ городъ Казань, гдѣ, вѣроятно, онъ и умеръ. (7201 г. № 38-й).

въ нѣкоторыхъ случаяхъ открыто и смѣло противодѣйствовали ему, чего никогда и ни отъ кого не могъ выносить Досиѳей, человѣкъ, по отзыву Спаѳарія, «запальчивый такой, что и въ алтарѣ никому не спуститъ». Досиѳей рѣшился, во что бы то ни стало, подорвать въ Москвѣ значеніе враждебныхъ ему Лихудовъ и удалить ихъ отъ преподаванія въ московской школѣ. Онъ сталъ доказывать русскому правительству, что Лихуды неправильно и небрежно ведутъ дѣло преподаванія въ московской школѣ и не оправдываютъ тѣхъ надеждъ, которыя возлагались на нихъ патріархами, когда они отправляли ихъ въ Москву для учительства. «Мы и святой константинопольскій патріархъ и весь соборъ, писалъ Досиѳей въ Москву, приказали имъ, чтобы не учили въ школѣ латинскаго языка и ученія, опричь эллинскаго, а они, пріѣхавъ тамо, творили и чинятъ все противно. Въ толикіе лѣта, продолжаетъ Досиѳей, что живутъ (въ Москвѣ) довелось было имъ имѣть учениковъ многихъ и учити бъ граматику и иные ученія, а они забавляются около физики и философіи, и изъ учениковъ не только кто учинился учитель, но которые что и учили, и то недобрѣ памятствуютъ, понеже безъ прилежанія имъ ученіе предавали». Затѣмъ Досиѳей, дѣйствуя на вѣроисповѣдныя опасенія русскихъ, усиленно старается доказать, что чистота православія русскихъ подвергнется неминуемой опасности, если они будутъ изучать въ школѣ латинскій языкъ. «Латины, пишетъ Досиѳей, отъ того времени, что отлучились отъ каѳолическіе церкве, учинили многія обновленія и потомъ, учившеся эллинскую мудрость, многія книги писали льстивою мудростію и оправдаютъ себя,—въ которыхъ и всякую добродѣтель отлагаютъ и всякое зло прощаютъ, токмо на то смотрятъ, чтобъ прельстити простыхъ принимати папежскую вѣру, тожде рещи—безбожество. Второе: кальвины лютеряны, которые суть нечестивѣйшіе всѣхъ еретиковъ и притворяются, будто дѣлаютъ, какъ повелѣваетъ святое Писаніе, однако, и они пишутъ на тайна и на святые отцы многія книги мудропрелестныя и вымышленные, дабы могли прельстити простѣйшихъ. Третіе: паписты и кальвины имѣютъ межъ собою многихъ безбожныхъ, которые писали и пишутъ многіе книги по ученію безбожнаго Епикура, и учатъ

многими лукавствы безбожества. Четвертое: тотъ сзувитъ, которой прежде всѣхъ былъ въ Китайскомъ царствѣ, тотъ былъ утаенный и нечестивой, сего ради и притворяяся, будто пишетъ исторію государства того, а межъ тѣмъ пишетъ, что имѣютъ Китайцы лѣта начало отъ осми сотъ тысячъ лѣтъ и иные такіе безбожности блядословитъ. Пятое: паписты пищуще утвердити новые свои вымыслы, иногда святыхъ зле протолкуютъ, а иногда оклеветаютъ ихъ и святое писаніе зло протолкуютъ, иными лукавствы и невѣдомыми исторіями радѣютъ утвердити ереси свои, и сія вся кто прочтетъ, суще немудрый и неученый, чтобъ могъ разсудити,—прельщается, обманывается и сердце его остужается и падаетъ въ сумнѣніе вѣры. Сего ради приснопамятные цари Константинъ, и Ѳеодосій, и Маркіанъ, и Устиніанъ великіе писали указы крѣпкіе, чтобъ жгли книги Порѳирія, Ѳемистія, Аріевы, Несторіевы и прочихъ еретиковъ. Приснопамятный святый и самодержецъ, Богомъ блаженный и почтенный отецъ вашъ, чрезъ Мелетія діакона присылалъ сюда и взялъ книги всѣхъ соборовъ,—изволите указать смотрити въ нихъ и сыщите, яко истинность, что мы пишемъ. Тако подобаетъ и вашему великому и святому царствію, божественнѣйшіе и боговѣнчанные самодержцы, яко да возбраните ученіе латинское отъ школы, потому что на латинскомъ языкѣ многія суть ереси и безбожества. Паче же святые самодержцы имѣютъ и иное превеліе имя, еже есть «дефенсоры», се есть оборонители вѣры, т.-е. отмстители православныя вѣры, сего ради имѣютъ должность неотмѣнную попещися наипаче въ духовные дѣла, нежели въ гражданскіе, чтобы не поволили учинитися какому обновленію въ церквахъ и не повелите учинити какое дѣло, отъ котораго будетъ вредительство. Маркіанъ царь въ сакрѣ своей къ святому собору, иже въ Халкидонѣ, пишетъ: вятще мнимъ быти всѣхъ дѣлъ гражданскихъ святые и православные вѣры попеченіе. Довольно есть, чтобъ толкователи (переводчики) были латинскаго языка для единой только службы пречестнаго престола царскаго, а чтобъ въ школѣ латинскаго языка неучили, ниже прочитати—такой указъ учинити и тако блаженнѣйшіе владыки и пречестные самодержцы, будучи подражатели приснопамятныхъ самодержцевъ православныхъ, и

будете наслѣдниками въ горнемъ Іерусалимѣ» [1]). Доказывая, что латинскій языкъ ни подъ какимъ видомъ не долженъ преподаваться въ московской школѣ, Досиѳей въ то же время настоятельно требовалъ, чтобы въ школѣ изучали обязательно только греческій языкъ, который имѣетъ всевозможныя преимущества предъ латинскимъ. Эту мысль Досиѳей подробно развиваетъ въ своемъ письмѣ къ дьяку Полянскому въ 1702 году. Онъ пишетъ ему: сказавшему честности вашей, чтобы не учили дѣтей вашихъ по-эллински, а по-латыни, скажи во-первыхъ, что древле-святое писаніе Духъ Святый на эллинскій языкъ предложилъ, а не на иный. Скажи второе, что языкъ сей предпочитаетъ и употребляетъ во свидѣтельство не только вся каѳолическая Христова церковь, но и сами еретики, понуждаемые истиною. Скажи третіе, что святое евангеліе и дѣянія апостольскія и посланія святыхъ апостоловъ эллински написаны. Скажи четвертое: на вселенскихъ соборахъ эллины собирались, а французовъ, бывшихъ два или три и не больше, эллински писали ихъ дѣянія и каноны. Скажи пятое: избранные изъ отцовъ были эллины. Скажи шестое: восточные отцы суть западныхъ учители. Скажи седьмое: заповѣди и каноны святыхъ апостолъ эллински написаны. Скажи осьмое: символъ апостольскій и символъ перваго вселенскаго собора и предѣлы прочихъ вселенскихъ соборовъ эллински написаны. Девятое: церковные историки древніе эллины были. Десятое: божественные обычаи, типы и утвержденія самодержцевъ о вѣрѣ и вселенскихъ соборовъ эллински написаны. Одинадцатое: самый языкъ латинскій половина есть языка греческаго. Итакъ, несравненно предпочитается эллинскій языкъ латинскому, а кто предпочитаетъ латинскій, тотъ еретикъ и нечестивый, ради сказаннаго выше и еще: поелику на латинскомъ языкѣ написаны суть такія ереси наипаче безъ божества, по семъ и въ политическихъ и въ нынѣшнихъ, т.-е грамматическихъ, геометрическихъ и астрономическихъ, эллины суть учители латинъ, и какъ отъ церковныхъ латины отпали и удалились, такъ и внѣшнее раздрали и осквернили. Глаголющій честности вашей учить дѣтей твоихъ по-латыни

[1]) 7201 г. № 4

есть еретикъ и обольститель самого себя, ибо не можетъ сотворить въ Московіи то, что намѣревается. Богу благоволящу, возбудятся стражи каѳолическія церкви Христовы, и всѣ тутъ сущіе возчувствуютъ обоняніе смерти, скрытое въ обоняніи жизни, и попрутъ его ногами и сокрушатъ. Благочестивѣйшій царь, первый стражъ и защититель святыя вѣры и изящная глава каѳолическія церкви, очиститъ гумно свое, преданное и ввѣренное божественности его отъ всевышняго Бога, и солому, т.-е. новоизобрѣтателей и лицемѣровъ сожжетъ неугасаемымъ огнемъ, погубляя ихъ всячески, пшеницу же святыя вѣры сохранитъ, какъ пріялъ и необновляемую и непоколебимую [1]).

Такимъ образомъ, Досиѳей преподаваніе въ московской школѣ языковъ греческаго и латинскаго ставилъ въ прямую тѣсную связь съ интересами православія, которыя, по его мнѣнію, должны были необходимо пострадать на Руси, если въ ея школахъ будутъ изучать латинскій языкъ,—это орудіе еретиковъ и безбожниковъ. Внушенія Досиѳея, возбуждавшія вѣроисповѣдныя опасенія русскихъ, произвели наконецъ свое дѣйствіе въ Москвѣ. Лихуды были отстранены отъ учительства, и латинскій языкъ былъ изгнанъ изъ московской школы. Но это продолжалось очень недолго—всего три—четыре года, и затѣмъ гонимый языкъ снова водворяется въ московской школѣ, какъ языкъ науки, и неизбѣжно занимаетъ въ ней первенствующее, господствующее положеніе вмѣсто греческаго. Очевидно, что греческое направленіе московской школы могло держаться подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, если бы въ школѣ учительство находилось въ рукахъ грековъ и притомъ довольно значительное время, которое бы дало возможность утвердиться и окрѣпнуть у насъ греческому направленію. Лихуды во время своего учительства въ школѣ, не изгоняя латинскаго языка, какъ необходимаго для полученія серьезнаго научнаго образованія, дали однако рѣшительный перевѣсъ греческому, ихъ ученики были больше знатоками и приверженцами греческаго языка, чѣмъ латинскаго, и останься Лихуды во главѣ московской школы, они воспитали бы, вѣроятно, цѣлое поколѣніе русскихъ уче-

[1]) 1702 г № 1.

ныхъ съ греческимъ направленіемъ, за которое стояли и наши патріархи, подозрительно относившіеся къ латинскому образованію [1]). Но Лихуды были отстранены отъ учительства, благодаря энергичнымъ настояніямъ Досиѳея, который преслѣдовалъ ученыхъ братьевъ только по личнымъ побужденіямъ, не обращая вниманія на тѣ неизбѣжныя послѣдствія, которыми должно было сопровождаться удаленіе Лихудовъ изъ московскои школы. Позволительно было по крайней мѣрѣ ожидать, что Досиѳей, изгнавъ изъ московскои школы Лихудовъ, постарается сейчасъ же на ихъ мѣсто прислать въ Москву другихъ учителей—грековъ, чтобы преподаваніе въ школѣ не перешло къ приверженцамъ латинскаго направленія. Но Досиѳей, достигнувъ своей цѣли, удаленія изъ школы его личныхъ враговъ, не присылалъ уже болѣе въ Москву учителей—грековъ, несмотря на неоднократныя просьбы къ нему объ этомъ патріарха Адріана. Слѣдствія такого положенія дѣлъ были понятны. московская школа, лишившись учителей—грековъ, должна была или закрыться, или перейти въ руки лицъ, получившихъ западное латинское образованіе, которые или вовсе не знали греческаго языка, или предпочитали ему латинскій, который съ 1700 года, со вступленія въ управленіе академіи Палладія Роговскаго, дѣйствительно и сдѣлался въ московской школѣ господствующимъ, придавъ ей окончательно латинскій характеръ. Нельзя не сознаться, что самъ Досиѳей, своею борьбою съ Лихудами, окончившеюся удаленіемъ послѣднихъ отъ учительства, своимъ нежеланіемъ прислать въ Москву на мѣсто ихъ другихъ учителей—грековъ, какъ нельзя болѣе содѣйствовалъ торжеству у насъ западнаго

[1]) Хотя и при такихъ условіяхъ едва ли возможно было ожидать, чтобы у насъ могъ дѣйствительно выработаться и прочно водвориться какой либо особыи типъ греческой именно школы, уже просто потому, что такой школы не выработалось и у самихъ грековъ Досиѳей, настаивая на обученіи въ московской школѣ только греческому языку и безусловно изгоняя латинскій, требовалъ отъ Лихудовъ и ихъ преемниковъ почти невозможнаго, тѣмъ болѣе, что онъ, ради господства у насъ греческаго языка, готовъ былъ сузить московскую школу, этотъ первый разсадникъ образованія на Руси, до предѣловъ только специально церковной школы, въ которой бы не забавлялись около физики и философіи, какъ это было при ненавистныхъ ему Лихудахъ

вліянія, враждебнаго грекамъ, и всему греческому. Но ревностный Досиѳей не думалъ, конечно, признаваться въ ошибочности своего образа дѣйствій относительно московской школы и въ своемъ непониманіи происходившаго тогда на Руси; а въ то же время онъ не хотѣлъ остаться и спокойнымъ зрителемъ все болѣе расширявшагося у насъ западнаго вліянія. Наконецъ онъ отыскалъ, казалось, главнаго виновника зла, противъ котораго и не замедлилъ ополчиться. Весь гнѣвъ Досиѳея обрушился теперь на мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стефана Яворскаго, который, по его мнѣнію, и былъ главною и единственною причиною господства латинскаго направленія въ московской школѣ и усиленія у насъ западнаго вліянія. Яворскій, по убѣжденію Досиѳея, будто бы зараженъ былъ латинствомъ и ненавидѣлъ грековъ. Досиѳей прислалъ Яворскому грамату, отъ 15 ноября 1703 года, въ которой укоряетъ его въ томъ, что будто бы онъ «на нѣкоторой трапезѣ со многими прохлаждаяся», при чемъ присутствовали и нѣкоторые греки, «опорочилъ восточную церковь о совершеніи святѣйшія тайны благодаренія, говорилъ еси явно, что греки говорятъ тое и другое», что своимъ знаніемъ латинскаго языка онъ пользуется не для обличенія «латинскихъ басней», а чтобы смѣло и дерзостно писать противъ восточныя церкви, какъ это видно изъ его сочиненій, которыя теперь находятся въ рукахъ Досиѳея; что Яворскій, еще будучи учителемъ въ кіевской школѣ, «положенія общая издалъ еси противная явно совершенію святыя тайны божественнаго благодаренія и иныхъ нѣкихъ. А теперь въ Москвѣ въ конецъ греческое училище стерлъ еси и токмо о латинскихъ старается, поставивъ учителеи въ иныхъ убо едва благоговѣйныхъ и честныхъ, обаче въ догматахъ строптивыхъ, якоже отъ тебя научившеся немудрствовать право о мнозѣхъ». Далѣе Досиѳей объясняетъ, что онъ писалъ уже государю, чтобы не ставилъ въ Москвѣ патріархомъ ни грека, ни кого-либо изъ Малой и Бѣлой Россіи, учившагося въ странахъ и школахъ латинскихъ, а только природнаго москвича. Грекъ неудобенъ для московскаго патріаршества уже потому одному, что онъ иноязычень, а малороссы потому, что живя съ латинами, «пріемлютъ многіе нравы и догматы оныхъ, чему живымъ примѣ-

ромъ служитъ самъ Яворскій. Поэтому патріархъ долженъ быть природнымъ москвичемъ, такъ какъ патріархи московскіе всегда были строго православны, никогда не уклонялись «ниже направо, ниже налѣво». Между тѣмъ, съ переходомъ церковнаго управленія на Руси въ руки Стефана, въ церквахъ уже объявились ваянія, которыя восточная церковь, сирѣчь каѳолическая церковь, всегда отметала и отгоняла, и онъ Стефанъ боится обличать нововводителей, что смѣло дѣлалъ патріархъ Іоакимъ. Поэтому то московскимъ патріархомъ и долженъ быть только москвичъ, хотя бы и немудрый въ церковныхъ дѣлахъ, довольно есть и то, чтобы былъ разумный и смиренный и житія благочестиваго и имѣя окрестъ себя мудрыхъ, сирѣчь вѣдомыхъ церковныхъ нравовъ и догматовъ. Въ заключеніе Досиѳей пишетъ Яворскому, что если онъ воистину исправится и докажетъ и словомъ и дѣломъ свое строгое православіе, «будешь и отъ насъ и отъ прочихъ братій (признанъ какъ) искренній архіерей и превозлюбленнѣйшій братъ», но, прибавляетъ Досиѳей, подъ условіемъ удовольствоваться «токмо тѣмъ чиномъ, который нынѣ получилъ еси, не желая ничего большаго», т.-е. патріаршества, въ противномъ случаѣ, т.-е., если бы Стефанъ и сдѣлался патріархомъ, «то, говоритъ Досиѳей, хотя бы и казался во всемъ православнымъ, ниже мы, ниже прочіе святѣйшіе патріархи безъ церковнаго негодованія и полезной епитиміи будемъ терпѣти (тебя) во пристойномъ (до удобнаго) времени». Но эта гнѣвная и грозная грамата Досиѳея не достигла своей цѣли: Яворскій по прежнему оставался мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола, и казалось даже вѣроятнымъ, что онъ сдѣлается московскимъ патріархомъ. Тогда Досиѳей рѣшился дѣйствовать уже прямо на царя. Въ 1705 году онъ прислалъ государю обличительную грамату, которую онъ въ 1703 году послалъ Яворскому, съ тѣмъ, чтобы государь прочелъ ее «и выразумѣвъ укорителя и хульника восточныя, тожде рещи, каѳолическія церкви, ругателя и хульника отцевъ и праотцевъ нашихъ, ругателя и хульника святыхъ, да сотворитъ отмщеніе блаженныхъ отцевъ и праотцевъ ващихъ и всѣхъ православныхъ, и да не понесете тое, еже оставити его въ такой чести, хотя и вспокается и напищетъ противная въ книгахъ хуле-

нія своего, въ тѣхъ да умолчаетъ, и отъ чести намѣстничества пречестныя да лишается. А какіе суть хулы его—объемлетъ книга, которая напечатана въ мултянской землѣ и подписана на имя вашея великія и самодержавныя державы». Затѣмъ Досиѳей, какъ и въ граматѣ къ Яворскому, пишетъ царю, чтобы «патріархъ не былъ избранъ изъ казаковъ, малороссіянъ, сербянъ и грековъ, а только изъ природныхъ москвичей и чтобъ онъ былъ старъ и добраго гражданства (жизни) и чтобы былъ такой человѣкъ, который заботился бы объ одной церкви, а отъ политическихъ дѣлъ былъ бы отлученъ и не писался бы господинъ и патріархъ, а только архіепископъ и патріархъ, и хотя будетъ философъ, довольно ему знать церковное, ибо можетъ имѣть архіереевъ или клириковъ мудрыхъ, служащихъ ему. Есть тутъ и другое: москвитяне патріархи, какъ церкви, такъ и царству не бываютъ навѣтниками и предателями, и еще: да не явится въ мірѣ, что не осталось потребныхъ людей изъ москвитянъ, а возводятся странные на патріаршій престолъ» [1]). Далѣе Досиѳей писалъ государю: «да повелите святѣйшему патріарху, его же будетъ предводити Божія благодать: что отнелѣже упокоится о Господѣ блаженнѣйшій и приснопамятный самодержецъ государь Алексѣй Михайловичъ, прежеланный отецъ высокаго и великаго твоего царствія: елика установишася въ церкви, якоже ваянная и оныя комедіи, которыя составлены отъ нѣкоторыхъ въ праздники—игры папежскія и изъ сердца дьявольскаго произведенныя, или что иное причинилося хотя велико, хотя не велико, дабы имѣлъ власть и указъ святѣйшій патріархъ истребить тоя изъ церкви, и токмо бы оставилъ оная, яже бѣща древняя и отечественная» [2]).

Очевидно, Досиѳей, такъ усердно вмѣщивавшійся въ русскую жизнь и такъ охотно поучавшій даже самихъ государей, какъ имъ слѣдуетъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ, рѣщительно не понималъ поучаемаго имъ Великаго Петра, тѣхъ цѣлей и задачъ, которыя тотъ преслѣдовалъ въ своей

---

[1]) То же о поставленіи патріарха писалъ Досиѳей государю и ранѣе, именно въ 1702 году (№ 1).

[2]) 1705 г. № 1.

дѣятельности, не понималъ того переворота, какой совершался тогда во всей русской жизни подъ водительствомъ энергичнаго геніальнаго царя, всѣми силами и средствами стремившагося, вопреки поученіямъ Досиѳея, тѣснѣе сблизить Россію съ образованнымъ западомъ. Какъ мало Досиѳей, насквозь пропитанный византійскими идеалами, способенъ былъ понять и оцѣнить Великаго Петра, какъ странно звучали иногда его поученія великому преобразователю Россіи, это видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго. Въ 1698 году Досиѳей такъ убѣждаетъ царя продолжать борьбу съ турками и не заключать съ ними мира: «вѣдаемъ, пишетъ онъ, что священная глава ваша исполнена разума, мудрости и любви и можно-ли, пріуготовивъ такія дѣла для избавленія рода нашего, чтобы ты искалъ примириться, наипаче имѣя примѣры великаго Моисея, а послѣ него судей и Давида, которые много потрудились на войнѣ, и послѣ нихъ еще славныхъ благочестіемъ великоименитыхъ самодержцевъ греческихъ, которые не щадили оружія и денегъ и трудовъ многолѣтнихъ», поборая нечестивыхъ. Чтобы еще болѣе убѣдить царя продолжать войну съ турками, Досиѳей приводитъ подходящіе тексты изъ священнаго Писанія, указываетъ на примѣры Гедеона, который побѣдилъ мадеонитовъ немногими воинами, сулитъ Петру великую славу наравнѣ съ тѣми благочестивыми царями, «которые апостольски ублажаются у Бога, которыхъ и церковь восхваляя именуетъ хранителями своими и отмстителями» [1]). Но всѣ эти доводы и примѣры, можетъ быть убѣдительные для Алексѣя Михайловича, для царя Петра уже были совсѣмъ неубѣдительны; они показываютъ только, что Досиѳей совсѣмъ не понималъ съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Когда Петръ послалъ своего сына за границу для науки, то извѣстіе объ этомъ такъ смутило Досиѳея, видѣвшаго въ западныхъ народахъ только злыхъ еретиковъ и безбожниковъ, что онъ счелъ своею священною обязанностію писать царю, чтобы предостеречь его отъ посылки царевича за границу, такъ какъ всякое сближеніе съ западомъ должно имѣть гибельныя послѣдствія не только относительно самого царевича, но и всего русскаго

[1]) 7206 г № 31.

царства: «Пришли сюда письма изъ Вѣны, писалъ онъ царю, и похваляются тамъ, что пощлетъ богоспасаемое святое ваше царствіе высокорожденнаго и порфиророднаго сына своего, тишайшаго царевича, государя Алексѣя Петровича туда, образованія ради и ученія, и что кесарь сотворитъ крѣпкій союзъ со святымъ вашимъ царствіемъ. Посему говоримъ: внемли божественнѣйшій и величайшій владыка не засылать изъ Московіи пресвѣтлѣйшаго сына вашего, да не пойдетъ въ чужія мѣста и научится не образованію, но иностраннымъ нравамъ, ибо неложный сказалъ Апостолъ: портятъ благія нравы злая сообщества. Приснопамятные отцы и праотцы святаго вашего царствія и богоутвержденное ваше царствіе ни отъ какихъ франковъ не учились обычаю и наукамъ, а владѣли и владѣете едва не всею вселенною, будучи крѣпки, велики, страшны и непобѣдимы. А оные франки, знающіе и образованные, что управили? только что ядятся и воюютъ между собою и о семъ будемъ пространнѣе писать. Итакъ, богоутвержденный владыка никакого соединенія никогда не твори съ франками, въ числѣ коихъ же и самый Леопольдъ, паповѣнчанный ложный кезарь, сколько разъ солгалъ великому вашему царствію. Когда имѣетъ нужду, притекаетъ къ великому вашему царствію и молитъ, и проситъ, и обѣщаетъ много, а послѣ тебя оставилъ одного, не боясь Бога и не устыдившись людей» [1]).

Если уже такая сравнительно выдающаяся личность, какъ іерусалимскій патріархъ Досиѳей, находившійся къ тому же въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ и слѣдившій за всѣмъ, происходившимъ тогда на Руси, оказался неспособнымъ понять Петра, смыслъ и значеніе его тяготѣнія къ образованному западу, то тѣмъ болѣе, конечно, Петръ, какъ поборникъ у насъ западнаго направленія, не былъ понятъ заурядными лицами православнаго востока, гдѣ его поступки, клонившіеся къ сближенію съ западомъ, вызывали только одно недоумѣніе и разные, иногда вовсе не лестные для царя, толки. О впечатлѣніи, какое произвело на востокѣ путешествіе государя за границу, Досиѳей въ 1698 году писалъ Петру слѣдующее: «вопреки всякаго чаянія услышали

[1]) 1702 г. № 1

мы здѣсь о отшествіи вашемъ въ иностранное государство, а причины тому мы не вѣдаемъ... Поганцы здѣшнія чаяли, что пришествіе вашей священной особы будетъ здѣсь въ Византіи для разузнанія о всякихъ дѣлахъ, а наипаче потому, что печется о художникахъ и иныхъ потребныхъ вещахъ, дабы устроить надлежащее приготовленіе, чтобы начать войну для избавленія грековъ. Англичане сказали намъ иное слово, сладостное не только для слуха, но и по самому дѣлу, т.-е. что божественный самодержавецъ сѣверныхъ странъ сказалъ королю аглицкому, что въ лѣто 1700-е будетъ пѣть молебенъ въ храмѣ святой Софіи. Мы, слышавъ сіе, и первенствующіе съ нами святители, не могли иное что учинить, какъ воздать славу имени Божію предъ Богомъ и Отцомъ Господа нашего Іисуса Христа, да видимъ исполненіе такихъ рѣчей. Но между тѣмъ опять облакъ мрачный скрылъ солнце надежды нашей и сдѣлалъ дни наши днями темноты, скорби и печали, потому что пріѣхали сюда посланные изъ аглицкой и голандской земли, возвѣщая здѣшнему властительству, что римскій тиранъ чрезъ нѣкоторыхъ своихъ іезуитовъ писалъ здѣшнимъ папистамъ, что преславный царь великой Россіи поѣхалъ съ немногими людьми въ Англію, а оттуда будетъ и у него, а иные иначе говорили, а другіе и написали, возвѣщая какъ нѣкогда иноплеменники съ идолами своими противное на израиля, суемудрствуя и ожидая нѣчто отъ вашей поклоняемой державы [1]), а верховныя всѣ власти восточныя церкви и мы сами, пребывая въ мултянской землѣ... были въ такой печали, что отъ созданія мира еще не видало солнце такихъ печальныхъ, съ рыданіями воздыхающихъ изъ глубины сердца. Но посѣтилъ насъ Господь Богъ и пріѣхалъ къ намъ въ Тарговистъ Родіанинъ, называющій себя вѣрнымъ рабомъ

[1]) Здѣсь Досиеей намекаетъ на распространившіеся тогда за границей слухи, которые особенно усердно разносили повсюду іезуиты, что будто бы Петръ Великій рѣшился соединиться съ римскою церковью Относительно этихъ слуховъ Ѳеофанъ Прокоповичъ замѣчаетъ, что они съ 1700 г распространены были іезуитами и другими католическими духовными въ разныхъ иноземныхъ странахъ и «тѣмъ ложнымъ слухомъ, какъ греческимъ такъ и русскимъ восточнаго исповѣданія людямъ, не малое чинили въ вѣрѣ сумнительство» (Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время И Чистовича, стр 430).

вашего святаго державства, который сказалъ намъ болѣе утѣшительныя вѣсти о вашемъ величествѣ и правдоподобныя причины, ради коихъ изволили путешествовать, и при томъ извѣстилъ о здравіи и спасеніи вашемъ. По сему утѣшились мы и христолюбивый господарь, и чрезъ граматы наши утѣшили иныхъ и умножили моленіе къ Богу о вашемъ величествѣ [1]). Въ 1701 году въ Москву прибылъ грекъ, племянникъ и посланецъ іерусалимскаго патріарха Досиѳея. Онъ между прочимъ говорилъ про русскаго турецкаго посла: «что онъ пріѣхалъ въ Андріанополь 20 мая, и пріемъ ему былъ по посольскому обычаю честно; въѣзжалъ онъ въ городъ въ нѣмецкомъ платьѣ, и турки тому дивились, а наипаче муфтій говорилъ всенародно: «какъ же у Москвы съ нѣмцами война, а нѣмецкое платье употребляютъ», — и о томъ у нихъ много молвятъ, что греческое оставили, а нѣмецкое приняли» [2]). Слухи о все болѣе усиливающемся сближеніи Россіи съ западомъ, объ усвоеніи русскими западной науки и обычаевъ, о намѣреніи царя, въ видахъ тѣснѣйшаго сближенія съ западомъ, женить своего сына на иностранной принцессѣ, побудили наконецъ и константинопольскаго патріарха возвысить свой предостерегающій голосъ и указать царю на ту неминуемую и страшную опасность, какой подвергается православіе русскихъ отъ ихъ сближенія съ западными иностранцами. 1705 года 8 декабря, вселенскій патріархъ Гавріилъ тайно прислалъ къ русскому константинопольскому послу Толстому одного грека, который, отъ лица патріарха, говорилъ послу: «слышно-де ему патріарху учинилось, что въ царствующемъ градѣ Москвѣ, по смерти святѣйшаго Адріана патріарха и доднесь патріарха нѣтъ, а учиненъ-де намѣстникомъ патріаршескимъ во управленіи церковныхъ дѣлъ нѣкто рязанскій митрополитъ Стефанъ, который-де мудрствуетъ купно съ латыни и уже-де нѣкоторые догматы церковные утвердилъ согласно съ латынскимъ, о которыхъ-де догматахъ и прежде сего во дни святѣйшаго Каллиника, патріарха константинопольскаго такожде въ Москвѣ прозябало нѣчто противное, обаче тогда оные противности были истреблены и благочестно было утверждено,

[1]) 7206 г № 31
[2]) 1701 г № 21

а нынѣ сей рязанскій митрополитъ оные догматы паки преложилъ согласно латинскимъ. Такожде слышится, что нынѣ въ Москвѣ заведены школы латинскіе и многіе-де есть езуиты и по домомъ честныхъ и благородныхъ людей учатъ дѣтей ихъ, такожде сообщились съ латыни и платьемъ и прочимъ. И то де онъ патріархъ знаетъ, что сіе изволяетъ чинить царское величество для лучшаго украшенія своего государства, чтобы произносилася добрая политика междо народомъ россійскимъ, обаче-де вельми остерегатися подобаетъ, чтобъ не повредилось благочестіе, понеже-де езуиты ни о чемъ иномъ не помышляютъ, токмо чтобъ имъ расширить и множить свое схизматическое мудрованіе, и когда-де во благородные младые сердца насѣютъ своего неправомудрствующаго сѣмени, тогда-де уже которое благочестіе послѣдовати можетъ, а ему-де патріарху, видя такое дѣйствіе, отъ чего можетъ благочестію быть умаленіе, молчать немочно и всеконечно-де говорить и писать ему о томъ патріарху належитъ нужда. Обаче-де не имѣя такого способу чрезъ кого писать, вельми онъ патріархъ оскорбляется, и замышлялъ-де было и нарочно для оныхъ дѣлъ послать въ царствующій градъ архіереевъ двухъ или трехъ, обаче-де и того учинить неможно; понеже-де турки вельми къ нему патріарху надзираютъ паче протчихъ, понеже о протчихъ патріархахъ небрегутъ, кромѣ константинопольскаго, и того-де ради іерусалимскій патріархъ и пишетъ къ царскому величеству, еже имѣетъ свободу, а ему-де писать никоторыми дѣлы немочно. И того ради проситъ онъ патріархъ ево посла, яко намѣстника царскаго величества, чтобъ сіе ево патріарщеские слова всѣ написалъ къ царскому величеству подлинно. Къ тому же-де и еще слухъ проносится, которому-де онъ патріархъ и вѣрить не хочетъ: говорятъ-де въ народѣ, будто царское величество изволяетъ сына своего сочетать законнаго брака на сестрѣ цесаря римскаго и ежели-де сіе учинитъ, конечное де латинское мудрованіе въ россійскомъ государствѣ возрастетъ, а благочестіе умалится, и вельми де ему патріарху о томъ удивительно: чего ради царское величество въ государствѣ своемъ сыну своему не изволитъ изобрать невѣсту, или де мало въ Москвѣ благородныхъ честныхъ дѣвицъ избранныхъ и благочестивыхъ, и

какія де ради причины сопрящися крайнимъ свойствомъ со иновѣрными?» [1]).

Такимъ образомъ даже выдающіеся и верховные греческіе іерархи не понимали и не хотѣли понять благотворнаго значенія и безусловной необходимости для Россіи преобразовательной дѣятельности Великаго Петра. Въ его стремленіи къ сближенію съ образованнымъ западомъ, къ усвоенію результатовъ западной науки и пересадкѣ ея на русскую почву,—въ этихъ лучшихъ стремленіяхъ великаго царя они, подобно нашимъ раскольникамъ, видѣли только угрозу русскому православію, которое будто бы неминуемо должно погибнуть на Руси отъ сближенія съ иновѣрнымъ западомъ, ибо иновѣрный и развращенный западъ неизбѣжно заразитъ своими ересями и пороками и православную Русь. Греки лучше хотѣли бы, чтобы русскіе вовсе не учились, нежели бы учились у западныхъ народовъ, имъ пріятнѣе было бы видѣть Россію грубою и невѣжественною, нежели просвѣщенною западною наукою, такъ какъ при невѣжествѣ русскихъ образованный грекъ всегда былъ бы необходимъ для нихъ и ему всегда принадлежала бы роль руководителя и опекуна русскихъ, что доставляло къ тому же и не малыя матеріальныя выгоды. Конечно, сами греки могли сколько угодно учиться въ западныхъ школахъ,—для нихъ это было не опасно, но для русскихъ это было безусловно гибельно. Поэтому, если русскіе уже непремѣнно хотѣли учиться, то обязательно должны были учиться только у грековъ и всячески избѣгать непосредственнаго знакомства съ западною наукою, ради чего имъ не слѣдуетъ изучать и латинскій языкъ, языкъ еретической западной науки. Между русскими и западомъ всегда долженъ стоять посредникомъ грекъ, какъ ближайшій и непосредственный руководитель русскихъ, умѣющій опредѣлить, что изъ западной науки полезно для нихъ и что вредно, и потому хорошо знающій, чему слѣдуетъ учить русскихъ и чему нѣтъ, такъ какъ сами русскіе по своему невѣжеству совершенно неспособны знать, что въ западной наукѣ дѣйствительно полезно для нихъ и что гибельно и вредно. Такая оригинальная постановка дѣла, ко-

[1]) Дѣла турецкія. Статейный списокъ посла Толстаго за 1705 годъ, № 4, стр. 340.

торую изо всѣхъ силъ защищали и пропагандировали у насъ греки, прикрываясь ревностію о сохраненіи на Руси православія, которому будто бы грозитъ серьезная опасность со стороны коварнаго еретическаго запада, была конечно для нихъ очень выгодна, такъ какъ при непосредственномъ сближеніи русскихъ съ западомъ, при непосредственномъ заимствованіи ими западной науки, руководящая и посредническая роль гречанъ должна была пасть сама собою, а вмѣстѣ съ этимъ греки должны были лишиться и всѣхъ тѣхъ выгодъ, какія доставляло имъ привиллегированное исключительное положеніе ихъ на Руси; именно перспектива лишиться всего, что греки доселѣ получали отъ русскихъ, пользуясь своимъ культурнымъ превосходствомъ надъ ними, и заставила восточныхъ патріарховъ и другихъ грековъ такъ враждебно отнестись къ начинавшемуся непосредственному сближенію русскихъ съ западомъ, хотя возможно, что патріархи въ этомъ случаѣ руководились отчасти и религіозными опасеніями, въ виду именно крайне преувеличенныхъ на востокѣ слуховъ объ усиленномъ проникновеніи на Русь латинскаго вліянія вмѣстѣ съ религіозною латинскою пропагандою. Но на этотъ разъ внушенія грековъ, старавшихся, какъ и всегда, дѣйствовать главнымъ образомъ на вѣроисповѣдныя опасенія русскихъ, потерпѣли полную неудачу. Не смущаясь ни криками доморощенныхъ поклонниковъ отжившей русской старины, ни грозными предостереженіями близорукихъ восточныхъ іерарховъ, великій преобразователь Россіи твердо шелъ по разъ намѣченному пути сближенія Россіи съ образованнымъ западомъ, по пути усвоенія русскими западной науки и знаній, открывая этимъ для русскихъ эру иной, болѣе лучшей и совершеннѣйшей жизни, въ которой грекамъ, съ ихъ прежними опекунскими притязаніями и эксплуататорскими стремленіями относительно Россіи, уже не было болѣе мѣста. Съ этого времени греки волею или неволею должны были признать за Россіей право на первенство въ православномъ мірѣ не во имя только ея матеріальной силы и могущества, но и во имя ея культурнаго развитія, которое, начавшись со времени Петра усвоеніемъ западной науки, поставило русскихъ и въ культурномъ отношеніи гораздо выше ихъ бывшихъ учителей-грековъ.

Приложенія.

№ 1.

Переводъ з' грамоты, что писалъ къ государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Русіи и ко отцу ево государеву блаженныя памяти къ великому государю святѣйшему патріарху Филарету Никитичу московскому и всеа Русіи цареградскій патріархъ Кириллъ своею рукою греческимъ письмомъ въ нынѣшнемъ во 142 году, Декабря въ 8 день, з' государевыми послы Ѳѳонасьемъ Прончищевымъ да з' дьякомъ с Тихономъ Бормосовымъ.

«Во имя Отца и Сына и св. Духа самого единаго истиннаго Бога, Того слава во вѣки. Аминь.

Кирилъ вселенскій патріархъ.

«Благочестивому и Богомъ вѣнчанному, христіанскому, самодержавному, милостію Божіею великому государю, царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Русіи, самодержцу владимірскому—(слѣдуетъ полный титулъ)—и преблаженнѣйшему и святѣйшему патріарху и великому государю киръ Филарету Никитичу московскому и всеа Русіи, о святомъ Дусѣ возлюбленному брату и сослужебнику нашего смиренія. Молю Отца, Сына и св. Духа, да покрыетъ и сохранитъ великое твое царствіе и преблаженство твое во благомъ здравіи і во спасеніи, і вашего царскаго величества сына і великаго князя Алексѣя Михаиловича такожде да сохранитъ во многолѣтномъ здравіи, и да покоритъ всѣ враги ваша въ подножіе ногамъ вашимъ. Великій государь царь і великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всеа Русіи и преблаженный великій государь и святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всеа Русіи—пришли послы великаго вашего царствія Ѳѳонасей Осиповичъ Прончищевъ да Тихонъ Васильевичъ Бармосовъ, разумные и достойные люди во всѣхъ дѣ-

лехъ великаго твоего царствія и преблаженства твоего, і въ тѣхъ во всѣхъ вашихъ государевыхъ дѣлехъ неусыпные и спѣшные, передъ великимъ царемъ Салтанъ Муратомъ говорили сколько было пригожъ, і великому царю Салтанъ Мурату и началному ево пресвѣтлому везирю Магметъ пашѣ полюбилося, и почтили ихъ и говорили съ ними сколько было надобно. А какъ тѣ ваши царскіе послы похотѣли поѣхати, и великій царь Салтанъ Муратъ ото устъ началника везиря Магметъ паши велѣлъ имъ дать отвѣтъ любительной и доброй, что онъ съ вами, великимъ государемъ царемъ і великимъ княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и съ преблаженствомъ твоимъ, великимъ государемъ святѣйшимъ патріархомъ господиномъ Филаретомъ Никитичемъ московскимъ і всеа Русіи, хочетъ быти въ дружбѣ и любви, другу вашему хочетъ быти другомъ а недругу недругомъ, и хочетъ послать войною на недруговъ вашихъ на проклятыхъ ляховъ за то, что они не спятъ и промышляютъ на всякое зло. Да они жъ литовскіе ляхи послали къ крымскому и посулили ему великіе дары, чтобъ ево подняти супротивъ великаго твоего царствія, и въ томъ имъ Богъ не помогаетъ. Былъ у ляховъ полоненъ нѣкоторой крымской царевичъ и освободилъ ево Владиславъ на то, чтобъ ему собрати много татаръ, чтобъ пріѣхать имъ на великое твое царствіе на украинные города,—и я имѣю надежду на всемилостиваго Бога, яко да пошлетъ ангела своего съ небеси и потребитъ ихъ и погубитъ ихъ, и да познаетъ всякій, что десная рука всесильнаго Бога во всемъ мощна великому твоему царствію, какъ опознали есмя отъ знаменія явна чудеси, и хощу писати тѣ знаменія болшія и буди вѣдомо и внятно великому твоему царствію и преблаженству твоему. Первое знаменіе: нѣкій Миронъ Бурновскій воевода былъ нѣкогда въ волоской землѣ воеводою, и какъ ево отъ воеводства отставили и онъ отъѣхалъ въ Литву и купилъ себѣ городъ и сталъ съ Литвою за одно, и послѣ того опять похотѣлъ быти въ волоской же землѣ воеводою, и литовскіе люди его не отпустили, и онъ посулилъ Владиславу за то, чтобъ ево отпустили назадъ въ Царьградъ, чтобъ ему взять по прежнему въ волоской землѣ воеводство, на помочь противъ вашего царствія тысячю конныхъ, а другую тысячю пѣшихъ и послати ихъ подъ Смоленскъ. И Владиславъ для

того ево въ Царьградъ отпустилъ. И какъ пріѣхалъ во Царьградъ и с' пріѣзду его на четвертый день отсѣкли ему голову, и отъ того разу рушилась вся мысль ево, а Владиславъ потерялъ тое помощь и надежду свою, на что было онъ надѣялся у того Борновскаго воеводы отъ волоскіе страны. И то есть явно, что то сдѣлалось Божіимъ повелѣніемъ и помощью великаго твоего царствія. Потомъ второе знаменіе: литва послали къ крымскому хану и посулили ему давати по прежнему данъ, что давали велми много, чтобъ наступили плѣнити великое твое царствіе украинные города и мѣста. И великій Богъ сотворилъ по промыслу Ѳеонасья Осиповича да Тихона Васильевича, что они говорили и сходилися почасту с' везиремъ и дали ему вѣдати литовскіе лукавства и поспѣшили и написали грамоты къ крымскому царю и къ Кантемирю, и надѣемся, что они по ся мѣста вступили въ Литовскую землю и будутъ и разорятъ. И то есть отъ Бога жъ, что восхотѣли было они сотворити надъ вашими украйнами, и то имъ Богъ воздалъ самимъ. Третіе знаменіе, что здѣся прислали ляхи меншово посла и Ѳеонасей Осиповичъ да Тихонъ Васильевичъ были у везиря у Магметъ паши и говорили ему, что бъ онъ имъ и ихъ лукавымъ рѣчамъ вѣры не давалъ, и онъ, везирь, того литовсково посла принялъ нечестно, и то есть Божіе же изволеніе и многіе то узнали, что Божія сила есть съ великимъ твоимъ царствіемъ и преблаженствомъ твоего святительства. И нынѣ поѣхали къ вамъ Ѳеонасей Осиповичъ да Тихонъ Васильевичъ съ добрыми отвѣты, да имъ же посломъ вашимъ говорилъ везирь Магметъ паша, какъ учинялъ войну противъ литовскаго короля, и въ тѣ поры вамъ великому государю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Русіи і вамъ пресвятѣйшему патріарху Филарету Никитичу московскому и всеа Русіи съ Литвою не помириться, а только вы съ Литвою помиритеся и ихъ отставити прочь и съ Литвою бъ ихъ не ссорити. И послы великаго твоего царствія Ѳеонасей и Тихонъ говорили везирю, что тому не быти, въ томъ они заложатъ головы свои и на томъ постановили и имѣемъ упованіе на силу всесильнаго Бога и на молитву и счастье великаго твоего царствія и преблаженства твоего, да будутъ дѣла ваша всѣ во благомъ счастьи. А здѣсь во Царѣградѣ вѣсти изъ Литвы что большіе паны межъ собою въ

великомъ колебленіи і въ непостоянствѣ, не хотятъ Владиславу помогати супротивъ твоего великаго царствія, и спустилъ Богъ на нихъ великое межусобство и пролилъ на нихъ свой праведный гнѣвъ, про то мы вѣдаемъ подлинно. А послы великаго твоего царствія Ѳеонасей да Тихонъ исправили добрые дѣла, да съ ними жъ труды полагалъ толмачь Анастасей и много тружался о дѣлехъ великаго твоего царствія. А нынѣ они поѣхали къ вашему царствію, а съ ними вмѣстѣ Муратъ Салтаново величество послалъ посла своего, единаго агу везирь—аземова кацучиларке хаясы (?), а имя ему Алѣй—ага, мы его знаемъ добрымъ человѣкомъ. А какъ Ахметъ ага, что пріѣхалъ съ послы великаго твоего царствія съ Ѳеонасьемъ Осиповичемъ да съ Тихономъ Васильевичемъ, а тотъ Ахметъ ага, пріѣхавъ, здѣсь говорилъ и вознесъ васъ и царствіе твое и преблаженство твое и благодарилъ милость вашу и отъ того Ахметъ аги во многихъ окрестныхъ государствахъ ваши царскіе имена и царствіе ваше возношается и славится къ вашей царской чести и повышенью. А какъ во Царѣградѣ видѣли пречестные и пресвятые иконы великаго твоего царствія и преблаженства твоего и великіе люди у насъ того просили, чтобъ имъ тѣхъ святыхъ образовъ послати посмотрѣти, и я къ нимъ не посылывалъ, а имѣю ихъ паче великаго сокровища и поставилъ и устроилъ есми ихъ въ тайныхъ моихъ кельяхъ, въ которыхъ я самъ пребываю и почитаю ихъ и прикладываюся къ нимъ, а когда молюся и я прошу въ молитвѣ своей, чтобъ ваша царская молитва восходила къ Богу съ моей молитвою вкупе до моей смерти, что есми азъ древній. Да великіе жъ люди, которые пребываютъ во Царѣградѣ, христіяне ото всего народу и многіе турки приходили въ мою келію видѣти тѣ святые ваши иконы и тѣ честные иконы они видѣли, только турки къ нимъ не прикладывалися, потому что на то я имъ не поволилъ и прикоснутися имъ къ тѣмъ честнымъ иконамъ не далъ. А которые въ то же время прилучилися греческія власти, и тѣ къ тѣмъ честнымъ иконамъ прикладывались, а франкамъ и инаго народу ни кому не далъ есми ни рукою прикоснутися, и благодарю много великое твое царствіе и преблаженство твое, что есте мнѣ учинили сію благодать, что мнѣ имѣти тѣ святые иконы, и да будетъ со мною Господь нашъ І. Христосъ и да сподобитъ намъ стати

предъ лицемъ своимъ въ царствіи небесномъ. Да мы жъ воспріяли есмя, что прислалъ преблаженствіе твое Минѣю общую, да Псалтырь со возслѣдованіемъ, да мыжъ воспріяли есмя милостынею великаго твоего царствія и преблаженства твоего все сполна, какъ писано было въ вашихъ государскихъ грамотахъ. Да мыжъ приняли есмя сто рублевъ денегъ, а то все предали намъ послы великаго твоего царствія Ѳеонасей Осиповичъ да Тихонъ Васильевичъ да Амфилохей архимаритъ вѣрной нашъ слуга, что сколько есмя его не посылали къ великому твоему царствію и къ преблаженству твоему, и онъ къ намъ приходилъ и послужилъ разумно и вѣрно, яко прямой, добрый и святый, и правда въ немъ предъ Богомъ и предъ великимъ твоимъ царствіемъ и предъ блаженствомъ твоимъ великая, и тѣмъ отъ вашего государскаго жалованья и подаянья сподобился въ великихъ надобьяхъ и нужахъ. И то имѣемъ и со слезами благодаримъ великую милость великаго твоего царствія и преблаженства твоего и воздѣвъ руцѣ молимъ всемилостиваго Бога о многолѣтнемъ здравіи и счастливомъ пребываніи васъ великаго государя и великаго вашего царствія и преблаженства твоего, великаго государя царевича князя Алексѣя Михаиловича и благочестивой царицы и великой княгини Евдокѣи Лукьяновны и царевны Ирины Михаиловны и царевны Анны Михаиловны, и за все ваше царствіе моленіе наше предъ Богомъ въ день и нощь, да сохранитъ и покрыетъ ваше царствіе мирно и безмятежно и да покоритъ враги ваша въ подножіе ногамъ вашимъ, аминь. Еще объявляю благочестивый великій царю Михаило Ѳеодоровичъ всеа Русіи и великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всеа Русіи: послы великаго твоего царствія и преблаженства твоего Ѳеонасей да Тихонъ будутъ къ вамъ со всякими добрыми дѣлы съ посломъ великаго царя султанъ Мурата и преславнаго везиря Магметъ паши съ Алѣемъ агою и есть съ ними царскіе грамоты. И да будетъ вѣдомо великому твоему царствію и преблаженству твоему, что пришли и другіе послы великаго твоего царствія Яковъ Оксентьевичъ Дашковъ да Матвѣй Михаиловичъ Сомовъ, а лица великаго царя Султана Мурата еще не видали, и для того и съ нами еще не видалися жъ до тѣхъ мѣстъ, покамѣста поѣхали первые послы, и мы и нынѣ потому жъ не отлучимся работати великому

твоему царствію и преблаженству твоему всѣмъ добрымъ дѣломъ и словомъ и поспѣшеньемъ и вѣрою, сколько будетъ намъ возможно. Да много, много молю и прошу великаго твоего царствія и преблаженства твоего, да простите насъ, что если не возмогли изготовити и прислати человѣка своего поклонитися великому твоему царствію и преблаженству твоему, отъ великихъ нашихъ недоволовъ и отъ агарянскихъ насильствъ не имѣемъ себѣ покою ни въ день ни въ ночь, только надежны есмя на то, что молитва великаго твоего царствія и преблаженства твоего да покрыетъ весь христіянскій народъ и меня грѣшнаго и сохранитъ во всякомъ благочестіи. Еще пишемъ и вѣдомо даемъ, что смерть свѣйскаго Густава Адольфа короля, что онъ принялъ отъ цесаря, принесла намъ велію печаль, потому что онъ былъ вельми надобенъ въ нынѣшнихъ временахъ, только еще великосильный Богъ не оставляетъ дѣлъ своихъ безъ промыслу. Вѣдомо намъ учинилось, что послѣ его Густава Адольфа короля смерти совѣтовали межъ собою всѣ вельможи и владѣтели и уставили бой великій съ цезаремъ и побили цесарскихъ многихъ воинскихъ людей многажды. И нынѣ цесарь въ великой тѣснотѣ, а имя, честь и слава бывшаго Густава Адольфа короля вездѣ славитца всегда. А нынѣ въ его королевское мѣсто противъ цесаря войну ведетъ и во всемъ справу чинитъ канцлеръ свѣйской именемъ Оксенстеръ, разумной и великой человѣкъ, о томъ буди вѣдомо великому твоему царствію и преблаженству твоему, да имѣете совѣтъ и любовь съ тѣмъ канцлеромъ свѣйскимъ Оксенстерномъ, потому что онъ нынѣ вельми надобенъ. Да послали есмя къ преблаженству твоему одну книгу Варинось, да Схоларія, да Енодія, то есть три библѣи супротивъ латинъ, да другіе три жъ библѣи господина Мелентія патріарха александрѣйскаго, и ихъ увидитъ преподобный протосингелъ господинъ Іосифъ, онъ уже учинилъ разумно и свято, что остался на имя ваше великаго государя и преблаженства твоего, а мы его здѣся всегда почитали яко учительнаго и чтимаго мужа, и тако покажетъ желаніе свое тѣ книги перевесть на русскій языкъ. А я нынѣ хотѣлъ было прислати къ вамъ великимъ государемъ учителя Кирьяка отъ святыя Аѳонскія горы, и тотъ Кирьякъ ѣхати не возмогъ, потому что онъ старъ и безсиленъ. А сказывалъ мнѣ архимаритъ Амфилохей,

чтобъ прислати къ вамъ великимъ государемъ иного учителя, и я учну впередъ сыскивать, а нынѣ бы протосингелъ Іосифъ съ тѣхъ книгъ переводъ писалъ, сколько онъ можетъ, какъ я писалъ отъ себя къ нему въ грамотѣ моей, да и великосильный Богъ яко да сподобитъ и достальные тѣ книги перевести. Да и надъ Аверкіемъ бывшимъ верейскимъ праведный судъ вы, великій государь царь и великій князь Михаило Ѳеодоровичъ всеа Русіи и великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всеа Русіи, и указъ свой учинили и видѣли есми о томъ грамату, рукописаніе преблаженства твоего, и намъ про то стало вѣдомо, и то все учинилося въ правду и свято и праведно. А у Анфиногена отрочника видѣли есмя ложную его ставленую и по правдѣ онъ въ запрещеніи и смиреніи, а прощалъ будто онъ прощенія отъ иной власти. Да сказывали вамъ, великимъ государемъ, нѣкоторые князья, будто прислали ко мнѣ для ради его нѣкую вещь, чтобъ мнѣ просити объ немъ, чтобъ вы великіе государи его простили, и то не буди тако: ко' мнѣ отъ нихъ ни слова ни вѣсти не бывало, и вѣдомо буди преблаженству твоему, что тѣ рѣчи всѣ о томъ Анфиногена не истинны суть. Такожде нѣкоторой толмачъ тутошной, говоря много съ посломъ съ Ахметъ-агою, которой посолъ пришелъ съ посломъ великаго твоего царствія и преблаженства твоего съ Ѳеонасьемъ Осиповичемъ да Тихономъ Васильевичемъ, и сказалъ тотъ толмачъ ему Ахметъ-агѣ, что царегородскій патріархъ посылаетъ къ Москвѣ тайно человѣка своего именемъ Андрѣя, да пищетъ о всемъ, что въ Царѣградѣ ни дѣетца, а именемъ тотъ толмачъ Петръ Красниковъ. И такихъ словъ и рѣчей тому толмачу не надобно было говорити, и о томъ вамъ великимъ государемъ надобно заказати накрѣпко, чтобъ впредь съ такими людьми, что ни дѣетца, такихъ словъ и рѣчей не говорили, и то все разумъ великаго твоего царствія и преблаженства твоего исправитъ. Потомъ у васъ великихъ государей прошу и молю, да учините единую мзду велію въ единомъ дѣлѣ боголюбномъ, какъ видимъ и мы, что достойно сотворити милость: къ великому твоему царствію и преблаженству твоему въ нѣкоторое время пріѣхалъ единъ человѣкъ именемъ Дмитрій Палеологъ, лихой и злой человѣкъ и имѣлъ съ собою нѣкоторыхъ безумныхъ людей гречанъ, да съ нимъ

же былъ нѣкоторый грекенинъ же Юрьи отъ Варны, и за вину они сосланы, и то сдѣлано праведно и свято. И того Юрьи мать и жена достойны всякой милости и плачутца день и ночь, какъ войду въ святую церковь и изъ церкви, и они падаютца у ногъ моихъ безпрестанно, дабы я отписалъ о томъ къ великому твоему царствію и къ преблаженству твоему, чтобъ вы, великіе государи, простили его и прійти ему къ матери и къ женѣ и къ дѣтямъ своимъ, и въ томъ будетъ ваша государская великая милость надъ бѣдною его матерью и надъ женою и надъ дѣтьми. И о семъ молю и прошу, да простите того Юрья отъ Варны, а потомъ какъ пожалуетъ великое твое царствіе и преблаженство твое. Также приходятъ ко мнѣ многіе люди и прощаютъ у меня грамотъ о милостинахъ, иные добромъ и челобитьемъ, а иные всякими статьями отъ иноплеменныхъ, и нельзя имъ отъ докукъ грамотъ не дать, и надъ ними призрѣнье и милость великаго твоего царствія и преблаженства твоего великая и неизрѣченная, а о семъ Юрье, какъ положитъ Богъ въ сердцахъ вашихъ, тако и сотворите. Посемъ извѣщаю великому твоему царствію и преблаженству твоему, чтобъ было вѣдомо, что Ѳеонасей Осиповичъ и Тихонъ Васильевичъ, говоря съ везиремъ азем Магметъ пашею про ваши государскія дѣла, и потомъ говорили ему накрѣпко, чтобъ послати войною на недруговъ вашихъ, и везирь Азземъ Магметъ паша о томъ докладывалъ султанъ Мурату, и Муратъ Салтанъ велѣлъ послати и позвать къ себѣ стряпчево крымскаго царя, который живетъ въ Царѣградѣ за дѣлы, и велѣлъ ему послати гонцы въ Крымъ къ царю, чтобъ онъ не помыслилъ послати войною въ ваше московское царство и однолично бъ поднялся самъ и ѣхалъ въ Литовскую землю, или жъ послалъ сына своего. Крымскаго царя стряпчей съ тѣми салтанъ муратовыми грозными грамотами послалъ въ Крымъ къ царю товарища своего и поѣхалъ онъ ис Цареграда мая во 2 число. Да въ тѣхъ же дняхъ везирь Магметъ паша велѣлъ Кантемиръ пашѣ и запороскому Абазѣ пашѣ и Буданскому пашѣ и Мутьянскому воеводѣ и Волоскому воеводѣ жъ, чтобъ они всѣ были готовы войною на недруговъ вашихъ на польскихъ и литовскихъ людей, а по ся мѣсто еще не поѣхали, только одинъ Кантемирь паша выѣхалъ въ литовскую землю, о томъ къ намъ писано,

что іюня въ 3 день Кантемирь паша въ литовскую землю вполъ, а про Абаза пашу еще подлинные вѣсти нѣтъ, только онъ на готовѣ жъ. Какъ поѣхалъ къ крымскому царю гонецъ, и послѣ того велѣли въ Царьградѣ кликати биричемъ съ повелѣніемъ царевымъ, чтобъ всѣ ратные служилые люди западные страны, которые живутъ здѣся, и всѣбъ воинскіе люди ѣхали за Абазъ-пашею, а хто не поѣдетъ, у него жалованье отнято и ис списку выкинуто будетъ, и тако вси текутъ. Еще буди вѣдомо великому твоему царствію и преблаженству твоему, что послы царствія твоего, Яковъ Оксентьевичъ да Матвѣй Михайловичъ, пріѣхали въ Константинополь іюня въ 8 день съ Ѳомою Чукинымъ, а въ 13 день іюня жъ мѣсяца были и видѣлися съ визиремъ съ Магметъ-пашею, а іюня жъ 26 слышали, что крымскій царь послалъ сына своего въ литовскую землю войною. Потомъ я, убогой патріархъ константинопольскій Кириллъ, имѣю надежду на великое твое царствіе и на преблаженство твое и вспоминаю о единомъ дѣлѣ и молюся, да приклоните ухо въ томъ, что я прошаю у васъ государей: король и всѣ князья франскіе и цесарскіе земли, хотя и не нашея вѣры, а всѣ насъ чтятъ, и многіе къ намъ писали съ прошеніемъ, чтобъ намъ отписати къ великому твоему царствію и къ преблаженству твоему для сосланнаго Каролоса Тарерандуса, за что онъ сосланъ, да ко мнѣ жъ особно писали мать ево, да мнѣ жъ здѣся во Царѣграде били челомъ объ немъ посолъ французской, посолъ англинской, посолъ лифлянской, посолъ веницѣйской, чтобъ мнѣ о томъ отписати къ великому твоему царствію и къ преблаженству твоему, чтобъ велѣти ево свободити и отпустити, чтобъ ему пріѣхати къ матери своей. И потомъ молю и прошу великаго твоего царствія и преблаженства твоего, да почтите патріаршеское достоинство во иноплеменныхъ мѣстахъ и странахъ, и объявится то, что нашего ради моленія и прошенія то сталось, о томъ я вамъ великимъ государемъ поклоняюся и для ради того сосланнаго Каролоса французкаго мое прошеніе и моленіе. Посемъ поклоняюся, падъ на колѣна своя предъ распятымъ Господемъ нашимъ Исусомъ Христомъ, и молю великую его милость, что сотворилъ въ родѣ христіанскомъ и насъ ради распять бысть, Онъ же распятый да сотворитъ милость свою въ жизни великаго твоего царствія,

великій царю Михайло Ѳеодоровичъ всеа Русіи, и преблаженству твоему, великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всеа Русіи, и да будете многолѣтны въ мирномъ пребывании і въ веліи радости, на исправленіе всего царствія вашего і всего народа христіанскаго, и да покорятца всѣ враги ваша въ подножіе ногамъ вашимъ и слава великаго Бога и Господа нашего Исуса Христа да будетъ и сіяетъ и всегда пребываетъ надъ вами, и пресвятыя и преблагословенныя владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи молитва и моленіе да будетъ въ помощь вашу, и святіи архангели и ангели да будутъ хранители ваши, и всѣхъ святыхъ молитвы да будутъ съ вами, и да будутъ благочестивая и христолюбивая царица и великая княгиня Евдокѣя и великій государь и великій князь Алексѣй Михайловичъ и царевна і великая княжна Ирина Михаиловна и царевна і великая княжна Анна Михаиловна многолѣтны, и да пошлетъ великосильный Богъ съ небесъ благое полученіе во всемъ великому вашему царствію, да благословляетъ и освящаетъ васъ и отгонитъ отъ васъ всякаго супротивнаго и даруетъ вамъ благодать свою во вѣки. Аминь.

Писалъ въ Константинополѣ, въ нашемъ въ патріарше дворѣ, лѣта отъ Рождества Христова 1633 года, а отъ сотворенія миру 7141 года, іюня въ 30 день.

Кирилъ Констянтинопольскій патріархъ.

(Греч дѣла 7142 г № 1).

№ 2.

«Переводъ з' греческіе грамоты, что писалъ къ великому государю, царю и великому кзязю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи самодержцу, Царегородской патріархъ Парѳеній въ нынѣшнемъ въ 157 году, апрѣля въ 16 день.

Парѳеній милостію Божію архіепископъ Констянтинополя новаго Рима и вселенскій патріархъ.

«Благочестивому, Богомъ вѣнчанному, Богомъ хранимому, христіянскому, милостивому, непобѣдимому, милостію Божію великому государю царю і великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи самодержцу, о святомъ Духѣ сыну возлюбленному нашего смиренія, молили Господа Бога датися великому святому вашему царствію здравіе, миръ, благоденствіе, державу, побѣду на враговъ видимыхъ и невидимыхъ і всякое благое и спасеніе отъ Бога вседержителя Господа нашего Исуса Христа, отъ нашего смиренія молитва и благословеніе и прощеніе. Смиреніе наше сею нашею патріаршескою грамотою объявляемъ великому вашему царствію, что въ 1647 году отъ Рождества Христова, въ мѣсяцѣ въ апрѣлѣ, пришли послы отъ васъ великаго государя, царя і великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи и блаженные памяти по плоти отца вашего великаго государя, царя і великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи, сюда во Царьгородъ къ державному царю Салтанъ Ибрагиму—преславный вельможа Степанъ Васильевичъ Телепневъ и честный Олеерей Кузовлевъ съ любительными царскими грамотами царствія вашего, и ихъ приняли съ подобною честію и царскимъ чиномъ, яко великихъ царскихъ пословъ, по прежнему обычаю. И будучи у царя у Султана Ибрагима, а спустя послѣ тово немногіе дни пришли на нашъ патріаршескій дворъ къ великіе церкви и къ намъ богомольцамъ вашимъ благословенія ради, и они

намъ подали двѣ грамоты царскіе, блаженные памяти по плоти отца вашего великаго государя царя і великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи, и милостыню великаго его царствія и вашего царскаго величества пять сороковъ соболей, і въ тѣхъ царскихъ грамотахъ писано къ намъ его царскаго величества, чтобъ намъ съ великимъ радѣньемъ и любовію промыслити и добыти единаго дохтура зѣло досужа и искусна лекарскому мастерству, и чтобъ онъ былъ достоинъ и разумѣлъ лечити немочь камчюжную и послати бъ къ великому его царствію съ послами царствія вашего, а посулити ему и здѣся великое жалованье царствія вашего, а что мы ему посулимъ здѣся, и то онъ будетъ имѣти безпрестанно отъ великаго вашего царствія, какъ пріѣдетъ въ царствующій градъ Москву. А въ другой граматѣ намъ объявлялъ конечную дружбу и любовь, что имѣлъ великое его царствіе къ брату своему Салтанъ Ибрагиму і какъ подобаетъ великимъ царемъ всегда держати любовь и дружбу на крѣпко, непоколебимо и соблюдати царскіе договоры и укрѣпленье до конца и умножати ихъ по подобію, чтобъ быти строенію и мирное поставленіе царствомъ ихъ. И еще писалъ къ намъ великое его царствіе, что приказано его царскимъ посламъ, чтобъ имъ думати съ нами и спрашиватца у насъ почасту ко всякимъ притчамъ и дѣламъ царствія вашего, чтобъ быти царскимъ дѣламъ наипаки утвержденнымъ и добрымъ. И потомъ, великій государь, послы великаго вашего царствія, какъ были у Султана Ибрагима и у насъ, учали дѣлать всякіе добрые дѣла, и, по повелѣнью блаженные памяти отца вашего великаго государя, послы царствія вашего всегда почасту насъ спрашивали о всякихъ притчахъ и царскихъ дѣлехъ, и мы, для любви царствія вашего, учили ихъ и отвѣтъ имъ держали, наставляя ихъ и елико сила наша могла, отставя наши патріаршескіе дѣла и радѣнье при томъ нашемъ небольшомъ времени. Благочестивый великій государь, послы царствія вашего были зѣло почтенны, и въ благоденствіи со всѣми государевыми людьми, и были благодарственны отъ здѣшняго царя, і въ тишинѣ і въ радости. И зря ихъ, язъ богомолецъ царствія вашего, былъ въ радости і въ веселіи, что сподобилъ мя Богъ видѣти во дни патріаршества моего таковыхъ царскихъ пословъ и царскіе грамоты блаженные

памяти отца вашего, и я имѣлъ многое радѣнье і великую любовь послужити великому вашему царствію словомъ и дѣломъ—по силѣ своей, и объявлюся предъ Богомъ и царствіемъ вашимъ вѣрной вашъ богомолецъ болѣ бывшихъ прежнихъ вселенскихъ патріарховъ, для природы православные нашіе вѣры и для душевнаго спасенія совершити всѣ ваши царскіе дѣла чистымъ сердцемъ, по повелѣнію блаженные памяти по плоти отца вашего великаго государя. А ненавистникъ лукавой діяволъ, видя радѣніе мое и по Бозѣ благоговѣніе, что имѣлъ и имѣю ко блаженные памяти, ко благочестивому отцу вашему великому государю і къ великому вашему царствію, не возмогъ зрѣти тѣ божественные дѣла, что совершали во дни наши къ посломъ царствія вашего, учинилася великая смута отъ нѣкоторыхъ злыхъ людей. Послѣ пріѣзду пословъ царствія вашего осмь мѣсяцевъ пребывалъ есми мирно и непоколебимо со преосвященными архіереи, съ клирики и съ вельможи и со всѣмъ Христовымъ стадомъ на патріаршескомъ престолѣ, и тѣ злые люди, которыхъ прежъ сего рекъ, благочестивый великій государь, безо всякіе архіерейскіе думы и клириковъ, і вельможей, мѣсяца ноября въ 11 день, пришли на патріаршій дворъ насильствомъ султановымъ повелѣніемъ и взяли меня наскоро съ великимъ насильствомъ сослати меня въ Кипрской островъ, и ссадили меня съ патріаршево престола безъ вины, напрасно и посреди многихъ великихъ печалей, что имѣлъ оставленіе престола своіво и отъ сылке, но и болѣ тово печаль имѣлъ, что есми отсталъ отъ дѣлъ царствія вашего и отъ товарищей пословъ царствія вашего. А преблагій Богъ наказалъ и паки милуетъ благоволилъ надо мною, надъ богомольцемъ вашего царствія, великую свою милость, и молитвою иже во святыхъ отца нашего великаго чудотворца Николы, вскорѣ мнѣ онъ даровалъ освобожденіе и не далъ мнѣ видѣти дальнее мое сосланіе, но какъ есми доѣхали до мѣста, иже во святыхъ отца нашего Николы городъ Миръ Ликѣйскій моремъ въ суднѣ, и тутъ пристали для небольшово опочиву, и я просился отъ солтановыхъ людей, чтобъ меня пустили шедъ поклонитися въ церковь великаго Николы, и они меня отпустили, и я, шедъ со многою великою радостію, поклонился, і въ тотъ день заставилъ священника тое церкви служить

святую литоргію, а послѣ литоргѣи пѣли молебенъ прежъ о многолѣтномъ здравіи царствія вашего, потомъ и о себѣ. А какъ есмя пришли на берегъ сѣсти въ судно, ѣхати въ ссылку, пребывалъ я зѣло въ печали і въ кручинѣ, куды меня отвезутъ, и гдѣ буду получити отдохновеніе и пожити остальное мое бѣдное житіе. О превеліе чудо! Абіе въ тотъ часъ пришолъ одинъ человѣкъ отъ враговъ моихъ злѣйшихъ всѣхъ, и тотъ меня отъ всѣхъ берегъ дорогою накрѣпко съ великимъ радѣніемъ и многимъ мученьемъ желѣзнымъ, аки осужденнаго, и боле отъ солтановыхъ людей, и онъ, изыскавъ время, на единѣ тайнымъ обычаемъ палъ на землю плачющи и рыдающи, прося отъ насъ прощенія для той великіе вины, что учинилъ надъ нами, и поговорилъ съ товарыщи для напрасные нашей ссылки, и онъ язнулся намъ чистымъ сердцемъ, что учинити промыслъ и освободити насъ отъ тое великіе погибели, что пребывали. И тако, благочестивый великій царю, узналъ ся истинно, что той, иже во святыхъ отецъ нашъ Николае великій чудотворецъ и теплый заступникъ, что освободилъ трехъ мужей отъ напрасныя смерти, освободилъ и меня грѣшнаго отъ великія ссылочныя погибели. И той человѣкъ, что есми рекъ царствію вашему, сговоря съ корабельщиками и изыскавъ доброе время добрымъ промысломъ, посадили меня на стругъ, оставя султановыхъ людей на берегу, отпустилися въ море. И такъ пріѣхали назадъ во Царьгородъ въ тайнѣ съ великою радостію со исполненіемъ Божіею помощію и молитвами святаго Николы, а гдѣ азъ былъ въ сокровенне, и слухъ мнѣ дошелъ, что преставился посолъ царствія вашего Степанъ Васильевичь и стали всѣ ваши царскіе дѣла у Олферья Кузовлева. И слышалъ еще великую печаль и утѣсненіе, что имѣлъ Олферей, посолъ великаго вашего царствія со всѣми государевыми людьми, и пребывалъ і язъ богомолецъ вашъ въ великой кручинѣ і въ печали, но не возмогохъ имъ никакой помочи воздати. потому что есми былъ въ сокровенномъ тайномъ мѣстѣ отъ враговъ своихъ. А посолъ царствія вашего, Олферей Кузовлевъ, онъ есть мужъ зѣло смышленъ и досужъ, исправлялъ добре и чинно въ такихъ непостоянныхъ и смутныхъ временахъ, полагая великіе труды съ великимъ радѣніемъ о титлѣ царствія вашего, вмѣстѣ съ переводчики и съ

толмачи, и стояли мужественно съ великою надежею передъ прежними везирями и при нынешнемъ преславномъ везиремъ Мегметъ пашею, друга нашего, и говорилъ о всякихъ притчахъ и царскихъ дѣлехъ, чтобъ совершити повелѣніе царствія вашего, когда смиреннымъ обычаемъ, когда же образомъ кручиннымъ—по времени смотря, только его не слушали ни въ чемъ, потому что здѣсь было непостоянство і великіе смуты. А мы, благочестивый великій государь здѣсь пребывали въ сокровенномъ мѣстѣ, въ великой кручинѣ і въ печали отъ супротивныхъ недруговъ нащихъ, а благочестивый и пресвѣтлый государь всеа Молдавскіе земли, Киръ Іоанъ Василій воівода, о Дусѣ сынъ возлюбленный нашего смиренія і вѣрный другъ царствія вашего, провѣдалъ о освобожденіи нашемъ и пріѣздъ нашъ во Царьгородъ, еще нужи и утѣсненіе, что есми имѣли, прислалъ къ намъ свое рукописанное письмо, и пишетъ къ намъ съ великою любовію и благоговѣніемъ, чтобъ ѣхать намъ къ пресвѣтлости его съ великимъ упованіемъ и надежею, получить покой нужамъ нашимъ. І видя мы то, богомольцы царствія вашего, великое благочестіе і великую любовь. что онъ показалъ намъ, и по его прошенію учинили и пришли къ его государской милости, и онъ, яко благочестивый и милостивый, воспріялъ насъ съ великою радостію и со многимъ благоговѣніемъ, и провѣдавъ бѣды и мученія, что учинились надо мною отъ сопротивныхъ. и онъ зѣло о томъ печаленъ былъ, и язъ пребывалъ близь его пресвѣтлой милости нѣкое время съ великою радостію и веселіемъ и съ великою честію и покоемъ. Посемъ, великій благочестивый государь, пріѣхали изъ Царя города къ намъ первые соборные два архіереи, преосвященный митрополитъ Никомидійскій господинъ Кирилъ, да Халкидонскій господинъ Пахомій, присланы повелѣніемъ и думою всѣхъ архіереевъ, и клириковъ, і вельможей, и ото всего міру къ пресвѣтлости его и ко мнѣ богомольцу вашему, и привезли двѣ грамоты, единую ко благочестивому и многолѣтному государю Іоаннѣ Василью воіводѣ, а другую ко мнѣ богомольцу вашему, проша меня со слезами и многимъ моленіемъ, чтобъ поставити меня опять патріархомъ по прежнему на высочайшемъ престолѣ. И сего ради, пресвѣтлый государь, видя грамоту преосвященныхъ архіереевъ собору и слыша изустно

тѣхъ двухъ архіереvъ, что просятъ насъ со слезами, і Василей воівода зѣло насъ понуждалъ съ великимъ радѣньемъ и помощію исполнити намъ хотѣніе архіерейское, клириковъ і вельможей, и язъ, богомолецъ царствія вашего, видя великое радѣніе государя Василья воіводы и слезы тѣхъ двухъ архіереевъ, язнулся всею радостью, да будетъ повелѣніе пресвѣтлаго государя і освященнаго собору архіерейскаго, и тако пріѣхалъ есми во Царьгородъ милостію Божію и счастьемъ вашего царскаго величества съ великою надежею, безо всякаго опасенія. И паки обрели есми посла великаго вашего царствія Олферья Кузовлева и всѣхъ государевыхъ людей въ кручинѣ і въ тѣснотѣ и вельми въ печали, боле прежняго, отъ многихъ великихъ непостоянствъ и налогъ здѣшнихъ сторонъ чинятца, и отъ частаго перемѣненія везиремъ, что чинятца грѣхъ ради нашихъ, и того ради не возмогли никакого дѣла царскаго сдѣлать, не токмо что сія, но и указной кормъ боле полутора года не давали, и они питалися собою, то же Богданъ Лыковъ и Николай Сидоровъ і всѣ переводчики и толмачи питалися вашимъ царскимъ жалованьемъ, а отъ Султана корму имъ не было, а се здѣсь всякой харчъ дорогъ. Да сверхъ того было на нихъ великое повѣтріе и померло большая половина. А какъ учинился новой царь Салтанъ Махметъ и новой везирь другъ нашъ Махметъ паша, и посолъ царствія вашего просилъ кончево отпуску, чтобъ ему быти у новаго царя, і везирь Махметъ паша передъ царемъ іво не ставилъ и подлиннаго отпуску ему не учинилъ, и посолъ царствія вашего о томъ промышлялъ вельможными людьми бусурманьями и гречанами, говорити везирю, чтобъ ему быти у салтана у руки, да никто не могъ ничево учинити никакимъ промысломъ, а помѣшка имъ чинитца отъ издѣшнихъ многихъ великихъ непостоянствъ и отъ частыхъ перемѣнъ везиревыхъ. И о всемъ о томъ слышалъ язъ, богомолецъ царствія вашего, какъ пріѣхалъ во Царьгородъ отъ вѣрныхъ, честныхъ мужей нашихъ друзей, и потужилъ вельми, что не прилучился въ тѣ нужные времена учинити и порадѣти и помочь подати посломъ великаго вашего царствія, и подумалъ есми съ Божіею помощіею и осмѣлитца сходить самому къ другу нашему къ везирю Магметъ пашѣ поговорити и побить челомъ, всякимъ промыслом учинити, чтобъ освободить пословъ царствія вашего.

И призвалъ я ночью тайнымъ обычаемъ нашего преподобнаго архимандрита господина Анфилофія о Дусѣ сына возлюбленнаго нашего смиренія, і вѣрнаго раба царствія вашего, и разспросилъ его подлинно обо всякихъ царскихъ дѣлехъ, что учинилося во время, какъ меня не было въ Царьгородѣ, и про посла царствія вашего, какъ пребываетъ и что іво прощеніе послово отъ везиря, и онъ мнѣ обо всемъ разсказалъ, и потомъ іво послалъ къ послу царствія вашего, ко Олферью Кузовлеву распросити іво, что есть прошеніе отъ везиря. А посолъ царствія вашего прислалъ къ намъ тово жъ архимандрита Анфилофія, и онъ сказалъ намъ, что первое прошеніе есть о вашемъ царскомъ титлѣ, чтобъ было написано въ грамотахъ султановыхъ по прежнему извычею бывшихъ царей Констянтинопольскихъ, какъ писали къ великимъ государемъ царемъ і великимъ княземъ всеа Русіи, а второе, чтобъ ему быти у Салтана Махмета у руки, третье, чтобъ іво со всѣми дѣлами отпустили. Сіи три прощенія сказалъ мнѣ архимаритъ отъ устъ пословъ царствія вашего, и язъ былъ готовъ, благочестивый великій государь, Божію милостію сходити къ везирю другу нашему совершити, что есмы думалъ, и только было итти къ везирю, изнела меня большая немочь грѣхъ ради моихъ, лежалъ тридцать пять дней, и о томъ раскажетъ вамъ изустно посолъ царствія вашего, и тако стало дѣло посла царствія вашего несовершено. А мѣсяца октября въ 28 день Божею милостію и вашимъ царскимъ счастіемъ обмогся и пришелъ на прежней свой патріаршескій престолъ, и, не по многихъ днехъ, ходилъ есмы къ другу ко везирю къ Махметъ пашѣ для дѣла царствія вашего и говоря билъ челомъ ему о томъ прошеніи, что объявилъ посолъ вашъ съ нашимъ архимаритомъ Амфилофіемъ, и везирь намъ говорилъ, что царскіе грамоты написаны до моего визеревства во дни Агметъ паши, бывшего везиря, и переписать изнова не умѣть. А что быти у новаго у салтана Махмета у руки, и то сказалъ не возможно, потому что султанъ лежитъ сослою, а нынѣ и иные послы есть, а у руки султана не бывали, для того что онъ не домогаетъ. Только везирь, любви ради и для прошенія моего, язнулся отпустить, и въ тотъ часъ взялъ ихъ къ себѣ на дворъ съ

честію и надѣлъ на нихъ кафтаны по извычею, и далъ ему посла отъ нынешняго новаго царя къ великому вашему царствію досужего человѣка Мустафу—агу. И послѣ того какъ былъ у везиря друга нашего мѣсяца ноября въ 12 день, былъ посолъ царствія вашего на нашемъ патріаршемъ дворѣ у насъ, богомольца твоего, благословенія ради, и пѣли молебенъ въ великой церкви для многолѣтняго здравія царствія вашего. Еще говорили есми съ посломъ царствія вашего съ Олферьемъ Кузовлевымъ, чтобъ ему разсказать подлинно изустно царствію вашему, елико было налоги и мученіе въ прошлыхъ временахъ надо мною богомольцемъ вашимъ, и то онъ видѣлъ оковидно, какъ былъ здѣсь во Царьгородѣ, и елико терпимъ по вся дни для великіе ради церкви Христовы, да сотворити ему отъ насъ земное поклоненіе великому вашему царствію благочестивому, Богомъ вѣнчанному государю, новому царю нашему, Божіимъ повелѣніемъ теплому защитнику въ нужныхъ временахъ. А посолъ царствія вашего, какъ возвратился отъ нашего патріаршескаго двора, въ тотъ же день, по повелѣнію цареву и друга нашего визеря Махметъ паши, сѣлъ на корабль вмѣстѣ съ турскимъ посломъ съ Мустафою ягою и поѣхали въ добрый путь. Сіе писали есми и объявляемъ на скоро и посылаемъ тайнымъ обычаемъ къ великому вашему царствію, яко вѣрный вашъ богомолецъ и о Бозѣ радѣтельной благочестію, запечатано нашею патріаршескою печатью. А иные тайны, что невозможно было писать къ великому вашему царствію, и то услышите изустно отъ вашего царскаго посла, а потомъ паки, какъ Богъ благоволитъ, будемъ промышлять послами къ тебѣ великому государю нашихъ патріаршескихъ людей, воздати подобное благодареніе и отъ насъ поклоненіе, якожъ есть подобно послѣдствовати и должное нашего апостольскаго и святаго вселенскаго патріаршескаго престола, якоже и прежъ святѣйшіе патріархи чинили должное ко благочестивымъ, блаженные памяти бывшимъ царемъ московскимъ і всеа Русіи, но и паки во время блаженные памяти бывшему по плоти отца вашего великаго государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи и блаженные памяти дѣда вашего великаго государя святѣйшаго патріарха киръ Филарета Никитича московскаго и всеа Русіи, о нихъ же молимъ

Господа Бога да упокоитъ души ихъ въ мѣстѣ праведныхъ, въ нѣдрахъ Авраама и Исаака и Якова въ лице ангелскомъ, пищи райскіе въ мѣстѣ свѣтле, въ мѣстѣ прохладне, въ мѣстѣ покойне, идѣ же нѣсть печали, ни воздыханія,—во царствіи небесномъ. Тебѣ же новому великому государю, царю і великому князю, Алексѣю Михайловичу всеа Русіи, великодарный і вѣнчанный Христосъ Богъ нашъ одаритъ вамъ побѣду, державу, многолѣтное здравіе, благоденствіе, душевное спасеніе и тѣлесное здравіе, да сотворитъ васъ превыше всѣхъ лукавыхъ супостатъ, да и покоритъ враги ваша подножіе ногъ вашихъ, якоже иного о Бозѣ помощника и защитителя не имамъ въ великихъ нашихъ бѣдахъ и нуждахъ, только великое и святое и державное ваше царствіе, яже одаритъ вамъ Господь Богъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ въ глубокой старости и посему земному временному сподобитъ васъ и небесному его царствію. Аминь.

Лѣта отъ Рождества Христова 1648 годъ, мѣсяца ноября въ 19 день, Индикта 8.

Константинопольскій вселенскій патріархъ Парѳеній и богомолецъ державнаго вашего царствія безпрестанный.

(Греч. дѣла 1757 г. № 19).

№ 3.

«Переводъ з' греческіе грамоты, что писалъ къ государю царю і великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу, бывшей цареградской патріархъ Паисѣй, з' гречениномъ Юрьемъ Ивановымъ въ нынѣшнемъ во 164 году Декабря въ 5 день.

«Благочестивому, христіянскому, православному, Богомъ вѣнчанному, Богомъ соблюденному, превысочайшему, тихомирному, державному, милостью Божіею великому государю, царю і великому князю Алексѣю Михаиловичу всеа Русіи, самодержцу Владимерскому (полный титулъ)... сыну о дусе возлюбленному и желательному нашего смиренія,—молю Господа всесильнаго Бога, да соблюдетъ и сохранитъ державное и святое ваше царствіе во здравіи і въ соблюденіи и долгожизненномъ и долгоденственномъ пребываніи, въ державѣ і въ побѣдѣ на враговъ видимыхъ и невидимыхъ, и со всею вашею православною преславною палатою и со благословенным воинствомъ. Сею нашею грамотою преже благословляемъ и молимъ святое ваше царствіе и благодаримъ Отца и Сына и св. Духа о радостехъ і веселіяхъ и побѣдѣ и о одолѣніяхъ, что сподобилъ насъ Господь слышати, что дѣлаете надъ сопротивными. И о томъ буди славно имя Господне, и сила его святая да будетъ покрывати и исправляти все твое благословенное воинство на побѣду врагомъ твоимъ храбрствомъ. Посемъ самодержавный царю, только произволитъ святое ваше царствіе вѣдати о насъ богомольцахъ твоихъ и скажу отъ начала, что великая церковь въ разореніи отъ убойства и убытковъ, что учинилось патріаршествомъ Іоанникіевымъ и дошло до того, что всѣмъ погинути. И собрався во дни тѣ архіереи, и клирики, і вельможи и прочіе люди, насъ выбрали и нарекли сильно прежъ сего и насъ подняли и взяли отъ престола нашего ларійскаго, і посадили насъ на патріаршеской престолъ и не для иного чего, и провѣдали насъ, что любимъ миръ и смиренное исправленіе, и такими обычаи, и хотя и не хотя, приняли такую тяготу патріаршескую, и пребывали прежъ какъ изволилъ Господь въ мирѣ съ малыми и съ великими. Потомъ тотъ Іоаникей, не хотя ни на которомъ мѣстѣ опочинути, да плачетъ о прегрѣшеніи своемъ по иночески і по старости своей христіанской, да оставитъ церковь, да будетъ въ тишинѣ, только преминуло не великое время и шедъ посулилъ денегъ туркамъ, и учинился опять патріархомъ и насъ отженулъ отъ того мѣста. И мы просили у него, чтобъ намъ далъ опочилное мѣсто, да отбудемъ отъ мірскія суеты и отъ колыбленія. И не похотѣлъ намъ того учинити, только смотрѣлъ того, чтобъ насъ погубити до конца и не слышнобъ было про насъ, и никаково добра въ воспоминовеніи своемъ не имѣлъ. А мы стояли въ смиреніи и смотрѣли и ожидали милости Божіи, а на патріаршество, во умѣ і въ помышленіи моемъ того не было. И невеликимъ временемъ привели опять за прегрѣшеніе наше нѣкотораго Безбородаго отъ Тырнова Кирила наважника, сына сатанинскаго, и свергъ Аникея, который былъ прежде сего, и хотѣлъ быти патріархомъ по мучительски, безъ выбору соборнаго. А на того Безбородаго востали архіереи и отгонили и послали въ заточеніе въ Кипрьской островъ, а Оаникея не похотѣли учинить опять патріархомъ, только нарекли опять насъ. И мы вѣдая то патріаршество будемъ держати десять дней отъ мѣста до мѣста—свидѣтель тому Господь, да не впаду опять въ смущеніе мірское, і всѣ архіереи всѣмъ соборомъ насъ просили и понуждали и я нехотѣньемъ своимъ, что отъ нихъ отбитца не могъ, принялъ опять вселенскій престолъ. И потомъ тотчасъ послали и привели Іоаникея отъ заточенья, что было заточилъ его Безбородый, и привели его на патріаршество съ честью и славою, и какъ собрался весь соборъ и онъ возопилъ, что въ патріархехъ не хочю быть, и хотѣніемъ своимъ попросилъ, и къ нему принесли великіе церкви правильную книгу и подписалъ отставленіе свое своею рукою. Потомъ патріархъ Іоанникей и весь народъ пошли въ великую церковь, і пѣвши молебная и облачась въ патрахѣль и амофоръ, и наперед проклялъ самъ себя, только де буду воспоминати и просите патріар-

щества, и о томъ отъ клялся и потомъ просилъ божественнаго и освященнаго евангелья и принялъ клятву евангельскую, да не буду просити до живота своего патріаршества никакимъ помышленіемъ. Потомъ учинились со мною братцки и тотчасъ повелѣли есми написати грамоту и отпустили ево с честью и со всякою радостью, да пойдетъ въ митрополію жити тамо въ покоѣ, і въ той митрополи есть монастырь крестотворный великой, тамъ пребываетъ зовомый Фотодотовъ, которой дали ему на пищу владѣти. Онъ же окаянный не разумѣ въ какую сѣть впаде, и не похотѣлъ николи въ смиренни быти и не пошолъ въ митрополію, что ему дали, только шедъ и сталъ жити въ Хіѣ городѣ. И оттолѣ учалъ писать письма къ друзьямъ своимъ, чтобъ ево взяли оттолѣ опять назадъ, и такое учинили і возвратили и привели іво во Царь-градъ, и потомъ не великое время шедъ опять и послали много безчетно денегъ, и вниде опять аки слѣпый на патріаршество посуломъ и силою, а не хотѣньемъ ничьимъ, и не воспомянулъ проклятія своего и клятвы и оставленія своего и евангельской клятвы и страха Божія и срамоты человѣческіе, тако все то попралъ и посрамилъ весь родъ христіянской и получилъ себѣ безчеловѣчіе. И стали всѣ архіереи со мною съ одной стороны за едино, и не хотѣлъ нихто выйти къ нему поклонитеся, только я опять понаказалъ людемъ, чтобъ шли къ нему, не впасти бы имъ во зло отъ повелѣнія салтанова, и тако пріиде внутрь патріархія з' бранію и с' позоромъ отъ малыхъ и великихъ, и не вѣмъ, какъ будетъ пребывать. Посемъ христіяне всѣ востали на него, аки звѣріе дивіи за его божбу и за беззаконное клятвенное преступленіе, что онъ учинилъ. А я бѣдной живу во единомъ мѣстѣ въ великомъ страхованье отъ злаго таковаго помысла его и еще отъ долгу нашего великаго, что насъ гонятъ должники наши, и остались пусты и бѣдны и пребываемъ въ великихъ тѣснотахъ. Потомъ Господь вѣсть и размышляю единымъ дѣломъ, да обрящу едино мѣсто жити въ покоѣ и молити Бога за душу свою и мнѣ всякая нужа терпѣти и не имѣю чѣмъ питатися и о долгу своемъ стѣсняюся, только день и нощь молю Господа со слезами, да получю божественное его промышленіе, въ одномъ мѣстѣ, да сподобитъ мя Богъ отлучитеся отъ суеты мірскіе. Сего ради державный и Богомъ

вѣнчанный царю великую надежду яко по дусе сына имѣю святому вашему царствію, объявляю тѣсноту свою къ милосердому и святому вашему царствію. Сего ради иного упованія не имѣю, опричь Бога и царскаго вашего милосердія, и прошу да помилуеши меня и вспомянеши меня, что я нынѣ въ нужу такую впадше пребываю, учинишь мнѣ, богомольцу твоему, помощь нѣкую, часть отъ святой твоей милости, какъ тебѣ извѣститъ живоначальная Троица, да мя утѣшишь отъ всѣхъ нахожденій, что имѣю, и подаси мнѣ радость отъ всѣхъ тѣхъ безчетныхъ нужахъ и печалей, да мя исправишь святою своею милостью, да исправлюся отъ нужъ своихъ, что имѣю и облегчуся и обрящу мѣсто покойно молить Бога всегда день и ночь о многолѣтномъ здоровье и о пребываніи и на враговъ побѣдѣ святаго вашего царствія. А только будетъ повелѣніе святаго вашего царствія да помилуешь и подашь тое милостыню въ руки вѣрному вашему рабу Мануйлу Костянтинову, да Ѳомѣ Иванову, и я имъ о томъ приказалъ бити челомъ о насъ святому вашему царствію, и они къ намъ привезутъ и отдадутъ въ руки наша, гдѣ я ни буду, и они меня сыщутъ и не потеряетца отъ нихъ. А святое ваще царствіе будетъ въ воспомяновеніи всегда отъ богомольца своего, и да подастъ тебѣ Господь стократное благое въ будущемъ вѣцѣ во царствіи своемъ небесномъ, а меня нужа великая заставила прибѣгнути съ надежею къ милосердому святому вашему царствію—Богъ тому вѣсть, и челомъ бью вельми, да не оставищи нашего прошенія для ради душъ блаженные памяти роду своего. А посемъ болѣе того будетъ сказати изустно сей комистъ Юрьи Ивановъ, сродичъ Исаіи Остафьева, который истинно словомъ и дѣломъ есть вѣренъ и теплый рабъ святаго вашего царствія, какъ есми его познали, да будетъ молитва наша съ нимъ, потому что искушенъ и видитца добродѣтель ево безъ свидѣтелей, яжъ ево видѣлъ и разумѣли мы, должно повѣдать, что видѣли: прибѣгаетъ съ великимъ страхомъ Божіимъ и благоговѣніемъ и вѣрностью чистою къ службѣ святому вашему царствію, во всякихъ дѣлехъ есть добръ и отъ вѣрности ево имѣетъ получити всякое святой вашей милости, яко вѣрный рабъ въ нынѣшнемъ времени, да воспоможетца святымъ вашимъ царствіемъ. Посемъ покориши въ подножіе

ногъ всѣхъ враговъ борющихъ васъ, да умножитъ державу и превознесетъ святое ваше царствіе выше всѣхъ царствъ, царствовать въ доброй славѣ и крѣпости великой въ родъ и родъ, молитвами всечистые и преблагословенные, всеславные владычицы нашей Богородицы и присно Дѣвы Маріи и всѣхъ святыхъ.

Лѣта отъ Рождества Христова 1655 года, мѣсяца Мая 1 дня, индикта 8.

Паисѣй бывшій Костянтинополя патріархъ и богомолецъ святаго вашего царствія.

(Греч. дѣла 7164 г. № 8).

№ 4

Грамата іерусалимскаго патріарха Досиѳея отъ 15-го ноября 1703 года къ рязанскому митрополиту Стефану Яворскому, съ обличеніемъ его въ латинствѣ, ненависти къ грекамъ и пр.

«Преосвященный и благочестивѣйшій митрополите резанскій кире Стефане, и пречестный о Христѣ Бозѣ возлюбленный, благодать всесвятаго Духа да будетъ архіерейству твоему, Который и сохранитъ тя во здравіи и спасеніи и во всякой радости.

«Писаніе твое принесъ къ намъ іеромонахъ твой, Илія именемъ, которое писано января 25 нынѣшняго года отъ страны архіерейства твоего. Но понеже иногда непріяхомъ письма вашего, отвѣщающе о назначенныхъ въ немъ, глаголемъ съ братскою любовію: что естьли бы мы не хранили о архіерействѣ твоемъ духовную и братскую благую мысль, нужда была давно бы писать противъ тебя съ гнѣвомъ, неприлепивше наипаче и другихъ каѳолическіе церкви наставниковъ, которые, Божіею ревностію подвижни, имѣли неотмѣнное намѣреніе, чтобы писать также противъ тебя полезная, но тѣхъ убо препяли есмы, также и до нынѣ мы умолчахомъ. Сіе убо яко со слезами приклонихомъ колѣна наша къ Богу и Отцу Господу нашему Іисусу Христу, да избавитъ тя отъ всякаго порока строптиваго и да благоволитъ слышать намъ о добромъ твоемъ правленіи. Сіе же яко святая Христова соборная и апостольская церковь имѣетъ многихъ враговъ и стрегутъ время, чтобы сыскати имъ вину и оболгати сущая восточныя церкве нещеваніемъ, зане въ нынѣшней установленной главѣ всѣхъ христіаннѣйшихъ градовъ отступили нѣцыи отъ праваго пути, ихъ же вина ар-

хіерей словесный и мудрый, а наипаче довѣренный. Того ради да не радуются таковые и неволніи молчанія друзи учинихомся, неукоряюще тобою новоуставленая. А нынѣ получивъ ваше письмо и почаявъ происшествіе архіерейства твоего, откуда изыде, возрадовахомся, и хотя въ письмѣ твоемъ и есть нѣчто оскудѣваемо, понеже не исповѣдуетъ прегрѣшенія, но отрицается слуху на тебя, обаче мы отрицаніе пріятно и съ любовію пріявше, возвращеніе и исправленіе совершеннаго православія къ древней красотѣ чаемъ. Но дабы слово по чину прежде бывшихъ святыхъ и избранныхъ предуспѣвало, глаголемъ пространнѣе о томъ, что доведется сказати. Пишетъ архіерейство твое, яко предстоитъ восточной церкве, но обаче сіе не токмо имать, зане на нѣкоторой трапезѣ со многими прохлаждаяся, на которомъ были и нѣкоторые греки, опорочилъ архіерейство твое восточную церковь о совершеніи святѣйшія тайны благодаренія, говорилъ еси явно, что греки говорятъ тое и другое. Но однакожъ блаженный Павелъ порочитъ начинаніе, сего убо отговариваяся отъ тѣхъ, которые говорятъ, азъ есмь Аполло, азъ же Павла, азъ же Кифа, сіе же глаголя о иныхъ, о Христѣ бо Іисусѣ нѣсть ниже Эллинъ, ниже обрѣзаніе, ниже скифъ, ниже варваръ. И понеже отлагаетъ братская твоя любовь грековъ, что можетъ предстояти восточной церкви, понеже грековъ порицаетъ, отъ какого роду вѣра есть, какою же вѣрою спасаются даже донынѣ множества православныхъ россіянъ, и какимъ исповѣданіемъ и правами освятилися толиціи у россіянъ поклоняемые святые, которыхъ и святыя мощи и честныя у васъ и суть и почитаются и славятся по всей восточной церкви? Пишешь, что ты знаешь латинскій языкъ и только восточной церкве предстоишь. Но ниже сіе есть истино, занеже знати кому латинскій языкъ, то не худо, а наипаче пріятно, ибо многіе восточныя церкве словесницы научилися и учатся латинскому языку, обаче употребляютъ его во обличеніе латинскихъ басней, а не къ защищенію. Архіерейство жъ твое всесмѣло и дерзостно писалъ еси начинанія нѣкая противъ восточныя церкви и наипаче въ разныхъ своихъ списаніяхъ и, будто протязаяся къ Кавасилу и иныхъ нѣкихъ іерофинкторовъ, несешися противъ всея восточныя церкве, претолковавъ и самотворивъ латинская на-

чинанія и умудренія. А воспомянувъ архіерейство твое тое, что пишешь въ нихъ, не можешь рещи, что предстоишь догматамъ восточной церкви, но яко излагаеши ихъ, елика сила; не можеши отрещися отъ списаній своихъ, потому что пришли и до рукъ нашихъ, которыя и нѣкоторыя отъ здѣшнихъ учителей переведены на латинскій языкъ. И видѣвши сія хульныя и противная отцемъ нашимъ, разрушили доводами противорѣченныхъ гнилая твоя употребленія, цѣлую книгу издивиче, которая нынѣ и въ печать отдана, въ которой о вышерѣченныхъ причинахъ препяхомъ, чтобъ пощажено было имя архіерейства твоего, благоговѣйствующе наипаче враговъ клеветы, яко же обыкше награждати сія чрезъ нѣкихъ измѣненія во всей восточной церкве. Не можеши убо рещи, яко не суть погрѣшенія сія великая и ереси виновная, которыя сирѣчь утверждаются чрезъ вышерѣченныя твоя списанія, понеже отцы наши, сущіе на Флорентійскомъ соборѣ и прежде его, тѣхъ, которые таковая умышляютъ, еретиками ихъ нарекоша, и святѣйшій патріархъ Константинопольскій Тарасій, предъ лицемъ всего святаго седьмаго вселенскаго собора, глаголаше, якоже видится въ первомъ его дѣяніи: въ догматѣхъ бо аще мало, аще велико погрѣшати, едино есть, отъ обоихъ бо Законъ Божій разрущается. Пишетъ архіерейство твое, яко ты еси ученикъ преосвященнѣйшаго и въ святомъ Дусѣ брата нашего и сослужителя киръ Варлаама, митрополита святѣйшія митрополіи Кіевскія, и буде сіе есть правда, надобно наипаче быти тебѣ ученику его и въ образѣ вѣры, понеже онъ мудрствовалъ и мудрствуетъ и поучаетъ безъ порока отечественная. А твое архіерейство ввелъ еси въ церковь отъ себя многажды та, яже суть отвергнута и осуждена. И убо прежде бывшу тебѣ въ Кіевской школѣ, въ богословскихъ наукахъ, и положенія общая издалъ еси противная явно совершенію святыя тайны божественнаго благодаренія и иныхъ нѣкихъ. И нынѣ въ царствующемъ и православнѣйшемъ градѣ обрѣтающуся тебѣ и въ церковныхъ пребывающу, въ конецъ Эллинское училище стерлъ еси и токмо о латинскихъ стараешися, поставивъ учителей во иныхъ убо едва благоговѣйныхъ и честныхъ, обаче въ догматахъ строптивыхъ, якоже отъ тебя научившеся не мудрствовать право о мнозѣхъ. Пишешь, что писали къ намъ нѣкоторые оттуда,

быти тебѣ рачителю тамошняго святѣйшаго патріаршаго престола, однакожъ никто не писалъ къ намъ тако о тебѣ, но ниже мы писахомъ, что свойственно или о тебѣ, или противъ тебя, слышавше же о архіерействѣ твоемъ, что ты такой словесенъ и учителенъ, но имѣеши образомъ нѣкимъ мысль отсѣчену въ строительныхъ и что и помудрствителенъ въ церковныхъ. Понеже отъ юношескаго возраста есми служители нелестніи, діаконы чистые, богомольцы бодрые и едва не ревнители несравнимыя святыя тоя земли, въ которой обрѣтается архіерейство твое, писахомъ отъ любве и благоговѣнія, и благовѣнчанному и благохранимому, крайнему защитителю, ревнителю, оборонителю и предстателю добрѣйшему святыя восточныя церкви, глаголемъ—къ великой и тишайшей верховности,—чтобы въ патріарха не былъ выбранъ грекъ, или иныя какая породы человѣкъ, сирѣчь или отъ малыя или бѣлые Россіи, которые вскормилися и учатся въ въ странахъ и школахъ латинскихъ или полонскихъ, хотя бы и (былъ) православнѣйшій; но точію человѣкъ изъ великія Россіи, честный сирѣчь и не лестный Москвитянинъ. Грекъ убо, зане овіи полезни, сидятъ въ томъ же озлобляющеся народу Божію и ожидающе конца, и пріявше неизглаголанными стѣнаніями свободу чадъ Божіихъ, и наипаче подлинное,—что иноязычни будучи, како могутъ такое великое настоятельство устроити? А тѣ, которое волочатся туды и сюды и наипаче въ тамошнихъ странахъ, хотя егда и честніи, однакожъ, какъ наивящіе мужики (т.-е. необразованные) и нѣсть не единъ, который бы возшелъ на такую степень, а прочіе—зане совокуплени съ латинами и пріемлютъ многія нравы и догматы оныхъ. О семъ не надобно намъ иного образца, довлѣетъ то архіерейству твоему, которое отшедши къ латинскимъ градомъ для возвращенія мудрости и обратившеся, приведе въ даръ воспитавшей и почтившей тя восточной церкви списанія исполнь хулы. Того ради молимъ, чтобъ не пришло никогда такое лицо къ святѣйшему патріаршескому престолу великія Москвы, но всегда бъ Москвитянинъ, понеже святѣйшіе патріархи москвитяне всегда были православніи, и аще когда послѣдовало измѣненіе какое, отъ чистоты бѣ и простоты прегрѣщеніе, а не вольно злодѣйственно и отъ страны мірскія премудрости и умудреней папежства, обаче паки сія попеченія имѣша и о исправленіи и въ малыхъ. Отнележе тамо (Богу благоволяющу) пребывалъ пречестный престолъ великія Москвы, всѣ святѣйшіе патріарси вступали въ путь церковныя правости неуклоняющеся ниже на право, ниже на лѣво. А отнележе архіерейство твое токмо учинился блюститель, объявилися ваянія, которая восточная церковь, сирѣчь каѳолическая церковь, всегда отметала и отгоняла. Вопрошаемъ тя братъ, чесо ради напечаталъ книгу противъ отеческихъ догматовъ, а потомъ опасаясь обличить тѣхъ, которые приносятъ ваяніе въ царствующій градъ, чесо ради блаженный святѣйшій патріархъ киръ Іоакимъ, видя сія въ церкви, и съ великимъ тщаніемъ разрушилъ, а архіерейство ваше молчишь учинижающіяся, а наипаче имѣетъ церкви заступителя и оборонителя святѣйшаго и православнѣйшаго, бодрствующаго и труждающагося и, по Павлѣ, умирающаго по ней? И паки начинающе глаголемъ сего ради, и такихъ ради причинъ нужда есть, дабы въ царствующемъ градѣ патріархъ былъ москаль, и аще не мудрый есть въ церковныхъ дѣлахъ, довольно есть и то, чтобъ былъ разуменъ и смиренный и житія святолюбиваго, имѣя окрестъ себя мудрыхъ, сирѣчь вѣдомыхъ церковныхъ правовъ и догматовъ, понеже глаголетъ Епифаній во ересехъ Валентиновъ, ниже зѣло сильный словомъ тѣхъ, иже въ церквахъ предсѣдателей, речетъ кромѣ сихъ—понеже никто паче учителя, ниже слабый во словѣ умалитъ преданіе, понеже единой и тойжде вѣры сущіе, ниже иже много о ней возмогающіи прибавилъ, ниже иже малое убавилъ: а яже глаголетъ Епифаній, сія суть: ниже премудрѣйшій патріархъ глаголяй много, обаче не безъ пороку, пользуетъ церкви, но наипаче вредитъ; яко имѣемъ прикладъ многихъ изъ патріарховъ востока и запада, ниже патріархъ не сущъ премудрѣйшій и словеснѣйшій, но православнѣйшій и добраго житія, глаголетъ и дѣйствуетъ нѣчто меньши потребныхъ, ниже повреждаетъ церкви, наипаче ея пользуетъ, творяй благая и учаяй простъ сущи словомъ, а не разумомъ. Сего ради блаженный и приснопамятный князь Александръ, который владѣлъ въ Россіи въ лѣто 7605-е, простъ будучи внѣшнею мудростію, отвѣщалъ по учительству духовному къ посланнымъ къ нему кардиналамъ отъ ветхаго

Рима: апостоли яко научиша, отцы яко претолковаша, соборы яко догматичествовавше и утвердиша, такъ вѣруемъ, и иныхъ собесѣдствъ о вѣрѣ не пріемлемъ. Сице преосвященный святый рязанскій: подобаетъ быти московскому патріарху москалю, дабы сохранилъ отеческіе дѣла непорочные, дѣлами свидѣтельствуетъ, а не словесами церковную истину, яко же сущую не въ льстивыхъ мудростяхъ и прелестію, но силою и истиною. Прочая и братская твоя любовь, аще во истину исправленъ будеши, и познано будетъ благочестивое твое мудрствованіе во всей восточной каѳолической церкви и отметати будеши явно, яже отъ себя зло новоузаконенные и списанная, и извѣстное будетъ истинное твое исповѣданіе къ православнымъ догматомъ и явно творити будеши и словесами и дѣлами, яко мудрствуешь сердцемъ и проповѣдуешь устами, яже исповѣдуетъ вся восточная церковь,—будешь и отъ насъ и отъ прочихъ братій искренній архіерей и прелюбезнѣйшій братъ, послѣдующе, сирѣчь и удовольствуяся токмо тѣмъ чиномъ, который нынѣ получилъ еси, ничего иного больше (да не) желаешь, понеже на святѣмъ патріаршескомъ престолѣ предвозвыситися, безвсеявнаго и многовременнаго каянія и ктому многихъ лѣтъ разстояніемъ, аще и православнѣйшій показатись будешь во всемъ;—ниже мы, ниже прочіи святѣйшіе патріархи, безъ церковнаго негодованія и полезной епитиміи будемъ терпѣти во пристойномъ времени. Буди здравъ ваша братская честность.

Изъ Константинополя, ноября 15 дня, 1703 году».

Внизу приписано патріаршескою рукою: «Досиѳей милостію Божіей патріархъ святаго града Іерусалима».

(Греч. дѣла 1703 г. № 1).

№ 5.

Грамата царя Алексѣя Михайловича къ Волошскому воеводѣ Іоанну Дукѣ съ просьбою, чтобы онъ похлопоталъ у восточныхъ патріарховъ о разрѣшеніи Паисія Лигарида. 1671 г. 14 авг.

«Божіею милостію отъ великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца Московскаго... (полный царскій титулъ) Іоанѣ Дукѣ воеводѣ и владѣтелю Молдавскіе земли.

«Билъ челомъ намъ великому государю, нашему царскому величеству, богомолецъ нашъ преосвященный Паисій Лигаридъ, митрополитъ газскій: по заступленію де и прошенію нашего царскаго величества святѣйшій киръ Досиѳей патріархъ іерусалимскій ево Лигаридія совершенно разрѣшилъ и отъ всякаго юза и эпитиміи свободилъ, и за то мы, великій государь, наше царское величество, благодарствовали Бога всеблагаго. И едва мѣсяцъ прошолъ, паки обновишася жалобы и слова нечувственными противъ того жъ помянутаго Лигаридія газскаго. И тому мы, великій государь, наше царское величество, удивилися: откуду взачашася сія плевелы паки и къ какому концу пришло наше царскаго величества предстательство и прошеніе, когда данное ему рѣшеніе и къ намъ великому государю присланное у него паки отнято, о чемъ и архіереи государства нашего царскаго величества имѣютъ не мало жали (жалости), которой прежде сего явно и съ великою честію сослуженіе и священнодѣйствованіе съ ними имѣлъ? И того ради онъ митрополитъ проситъ у насъ великаго государя, у нашего царскаго величества вольные свободы, отити во страны своя для оправданія души своей и чина. Мы же, великій государь, наше царское величество, для нужныхъ дѣлъ

и тяготы ради старости ево не отпущаемъ, но всегда чаемъ въ дѣлѣ его полезнаго исцѣленія и утѣщенія, и чтобъ намъ, великому государю, нашему царскому величеству, его митрополита пожаловать велѣть съ посланцомъ твоимъ, съ Алексѣемъ Васильевымъ, послать къ тебѣ Іоаннѣ Дукѣ воеводѣ нашу царскаго величества грамату, чтобы ты Іоаннъ Дукъ воевода приложилъ стараніе и службу свою о дѣлѣ его истиннымъ и благословеннымъ сердцемъ, чтобъ данъ былъ ему прежней ево санъ и полное рѣшеніе, понеже намъ, великому государю, нашему царскому величеству, въ другорядь ко святѣйшимъ патріархомъ притещи о прощеніи его митрополитовѣ не къ чести показася. И тебѣ бъ Іоаннъ Дука воевода для насъ, великаго государя, нашего царскаго величества, о томъ его митрополитовѣ дѣлѣ порадѣть, понеже ты вящщую и частую имѣещь со блаженнѣйшими патріархи ссылку и дружбу. Также да напишеши отъ себя особую грамату о томъ же митрополитовѣ дѣлѣ къ Поенатакію салтанову переводчику, чтобъ онъ также блаженнѣйщихъ патріарховъ наговаривалъ и ко прощенію ево митрополитову подвигнулъ. И сіе мы, великій государь, наше царское величество, тебѣ Іоаннъ Дука воевода объявя, желаемъ въ томъ скораго и пріятнаго отвѣту и послѣднего гаскому митрополиту прощенія. А мы, великій государь, наше царское величество, въ твоихъ дѣлехъ, буде какія прилучатся, укажемъ такими жъ мѣрами воздавать.

Писанъ въ государствія нашего дворѣ, въ царствующемъ велицемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міру 7179, мѣсяца августа 14 дня».

(Греческіе статейные списки, № 7, лл. 125—129).

№ 6.

Грамата государя Петра Великаго, отъ 4 іюля 1715 года, къ константинопольскому патріарху Косьмѣ, съ просьбою разрѣшить ему государю на мясоястіе во всѣ посты.

«Всесвятѣйшему, премудрѣйшему и словеснѣйшему Новаго Рима и вселенскому патріарху, господину, господину—киръ Козмѣ, нашему во Христѣ отцу, подобающее благоговѣніе, еже радоватися, братски привѣтствуемъ.

Кійждо немощный желаетъ врачевской помощи, дабы избѣгнути и изцѣлитися отъ своей немощи, которой цѣлитель, наипаче въ наукѣ искусный, признавъ раствореніе природы, всякими способами тщится ускорить такому своими лѣкарствы, чтобъ болѣзнь не застарѣла и не вредила болѣе здравію. Мы, яко православной ващъ во святомъ Духѣ сынъ и святыя восточныя церкве удъ, долженъ есмь отъ всего моего сердца охранять всѣ догматы святыя нашея матери восточныя церкви и чиню то, елико въ силахъ моихъ есть со всякимъ тщаніемъ. Обаче чистою совѣстію исповѣдую вашему Всесвятѣйшеству, что раствореніемъ природы моей есмь вельми слабъ и часто впадаю въ превеликіе болѣзни, наипаче стражду феброю и скорбутиною, которые болѣзни мнѣ приключаются больше отъ всякихъ суровыхъ ѣствъ, а особливо понеже принужденъ быть непрестанно для обороны святыя церкви и государства и подданныхъ моихъ въ воинскихъ трудныхъ и отдаленныхъ походахъ и путешествіяхъ въ которыхъ трудно, что удобное отъ постныхъ ядей къ пропитанію получить. И такое раствореніе моей слабой природы признавъ, также и для объявленныхъ путешествій, разсудили медики наши тѣлѣсные намъ совѣтуютъ и принуждаютъ отъ выше

помянутыхъ мнѣ вредительныхъ ѣствъ удерживатись, объявляя, что аще ли ихъ совѣтъ преслушавъ, невоздержусь отъ такихъ ядей, то оные сумнѣваются въ моемъ здравіи и опасаютъ, дабы не приключилося отъ того современемъ какое внезапное бѣдство. Коея ради вины прибѣгаю къ духовному врачу, еже есть къ святой нашей матери восточной церкви и къ вашему святѣйшеству, яко главнѣйшему оной во вселенной управителю, объявляя о оныхъ превеликихъ и тяжкихъ болѣзняхъ, часто мнѣ приключающихся и моему здравію вредящихъ, и прошу смиренно, дабы ваше всесвятѣйшество благоразумно разсуждая (яко преемникъ Христа Спасителя и святыхъ Апостоловъ власть рѣщити и вязати) вышепомянутую по моей природѣ мнѣ тягость за слабостію здравія моего, мнѣ подала въ томъ свою духовную цѣльбу, рѣшенія—снисхожденіе въ пищѣ, да нисподоблюсь быть участникомъ словъ Спасителя нашего Іисуса Христа, глаголющаго: пріидите ко мнѣ обремененніи, да азъ упокою вы, яко иго мое благо и бремя мое легко есть. Обаче паки истиною и чистымъ сердцемъ исповѣдую, что не яко бъ не хотяй соблюсти церковныхъ правилъ и святыхъ постовъ, по церковному преданію точію прошу сего,—не буди то, но воистину ради вышереченныхъ и неудобстерпимыхъ моихъ и съ того повсевременно приключающихся болѣзней. На сіе уповаю получить отъ вашего всесвятѣйшества отческаго и нисходительнаго письменнаго отвѣта и разрѣшенія. И при семъ да будутъ присно со мною святыя ваши молитвы и архипастырское благословеніе, пребывая вашего всесвятѣйшества неотмѣнный по святому Духу сынъ и слуга, усердный *Петръ*».

№ 7.

Грамата государя Петра Великаго, отъ 4 іюля 1715 года, къ константинопольскому патріарху Косьмѣ съ просьбою разрѣшить на мясоястіе во всѣ посты всему русскому войску во время воинскихъ походовъ.

«Всесвятѣйшему, премудрѣйшему и словеснѣйшему, Новаго Рима вселенскому патріарху, господину, господину—киръ Козьмѣ, нашему во Христѣ отцу, подобающее благоговѣніе, еже радоватися, братски привѣтствуемъ.

«Симъ моимъ (писаніемъ) принужденъ предложить на мудрое ваше разсужденіе и надѣюся, что ваше всесвятѣйшество, яко добрый пастырь, не отринетъ моего просительнаго предложенія, которое послѣдствуетъ сице: понеже православные наши войска, которые воюютъ противъ супостатъ креста Христова и еретиковъ, ревностію Божественною изливающе кровь за мать свою святую восточную, соборную и апостольскую церковь и защищающе православную вѣру къ вящей Божіей славѣ бываютъ въ тяжкихъ и дальнихъ походахъ и отдаленныхъ и неудобныхъ и пустыхъ мѣстахъ, идеже мало, а иногда и ничего не обрѣтается никакихъ рыбъ, ниже иныхъ какихъ постныхъ яствъ, а по часту и самаго хлѣба къ нужнѣйшему пропитанію. Къ тому жъ на такое множество воиновъ рыбъ и иныхъ ѣствъ постныхъ получить трудно, и тако принуждены оные единымъ сухимъ хлѣбомъ, и почасту же отъ мочи поврежденнымъ, питатись, хотя бы и могли скота себѣ на пропитаніе получить. Отъ сего часто случается, что во время постовъ большая часть помянутыхъ войскъ различными болѣзнями страждутъ, и многія тысячи изъ оныхъ и помираютъ, и въ томъ не малая есть опасность (аще имѣемъ

во всемъ надежду на всемогущаго Бога), да не како обрящемся безсильны на отпоръ непріятелемъ, и да не нападутъ на насъ въ такое время супостаты противные, какъ то случилось при Нарвѣ въ 1700 году въ постъ предъ Рождествомъ Христовымъ, которое—храни десница Вышняго—можетъ причинить величайшій вредъ не только нашимъ войскамъ, но, и слѣдовательно, и напасть православному нашему царствію и святѣй восточной церкве. Того ради молю ваше всесвятѣйшество, да благоволите по данной вамъ благодати и власти, разсуждая къ тому нужду ко охраненію апостольской церкви. онымъ не токмо нашимъ, но и Христовымъ войскамъ, изливающимъ кровь свою за благочестіе, разрѣшеніе подать, дабы они могли во время нужды разрѣшати на мясные и прочіе въ постъ запрещенные яди. И есть благонадеженъ, что ваше всесвятѣйшество сицевое снисхожденіе, православію полезное, учинить соизволитъ, понеже и первый въ пророцѣхъ и паче всѣхъ человѣкъ постникъ и пустынножитель Іоаннъ Креститель, пришедшимъ къ нему воиномъ, не точію вѣрнымъ, но яко мнится римскаго идолослужительнаго тогда рода воиномъ, желающимъ животъ вѣчный наслѣдовать, отвѣчалъ, иного возможнаго не разсудилъ кромѣ того: да будутъ довольни оброки своими и никаго не обидятъ. И понеже ваше всесвятѣйшество христіанскою совѣстію увѣряю, что сіе не ради отверженія каноновъ и преданій церковныхъ, что да не будетъ, но оные истинно и ненарушимо содержимъ, но и паче ради крайней нужды и пользы христіанскаго воинства требую. Того ради не сумнѣваюсь, что всесвятѣйшество ваше, не презря наше лѣпотственное и нужное прошеніе, веліе сердце православному воинству чрезъ моленіе и благословеніе вашего всесвятѣйшества подать. Пребывая впрочемъ вашего всесвятѣйшества неотмѣнный по святому Духу сынъ и усердный слуга Петръ».

(Греч. дѣла 1715 г. № 23).

№ 8.

Жалованная грамата государя Петра Великаго константинопольскому патріаршему престолу съ назначеніемъ ему ежегодной дачи въ три тысячи соболями.

«Божіею поспѣшествующею милостію, мы, пресвѣтлѣйшій и державнѣйшій Великій Государь, Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ московскій (и протчее большое титло), Наше царское величество, пожаловали, повелѣли дать сію нашу Царскаго Величества жалованную грамоту Іереміи архіепископу Константинопольскому новаго Рима и святѣйшему вселенскому патріарху, за подписаніемъ собственныя нашея руки и за нашею государственною большою печатью для того: понеже намъ Великому Государю, нашему царскому величеству, онъ святѣйшій патріархъ Іеремія, чрезъ грамоту свою нарочно присланнымъ своимъ доносилъ, что церкви Божія, обрѣтающіяся въ Константинополѣ, а особлиьая нареченная великая, гдѣ его патріаршей престолъ, отъ тяжкихъ налоговъ отъ турокъ і частыхъ і несносныхъ поборовъ великое оскудѣніе имѣетъ и въ несносныя і неоплатныя долги впала, отъ чего опасаетца крайняго бѣдства; чего ради проситъ насъ, чтобы мы, яко сынъ православныя каѳолическія церкви, подражая о содержаніи православные вѣры, въ тѣхъ ихъ нуждахъ нѣкоторое вспоможеніе, чрезъ присылки къ нимъ погодной милостыни и нашего жалованья учинить соизволили і о томъ бы нащею жалованною граматою ихъ обнадежили.

И мы, изъ вышеупомянутаго доношенія святѣйшаго патріарха Іеремія, намъ учиненнаго, усмотря благочестивыя каѳолическія вѣры церквей утесненіе и что оныя подъ игомъ турецкимъ (зачеркнуто: бусурманскимъ) страждуще, а особливо его святѣйшаго патріарха каѳедральная великая церковь

въ немалое оскудѣніе впала, того ради, яко православія любящій и сынъ тоя восточныя церкви, соболѣзнуя, объ оной, опредѣляемъ повсягодное воспоможеніе великіе Константинопольскіе церкви, къ нему святѣйшему патріарху Іереміѣ і будущимъ по немъ святѣйшимъ вселенскимъ Константинопольскимъ патріархомъ из нашей царской казны посылать на каждой годъ на три тысячи рублевъ соболей, которое имѣютъ отдавано быть безъ умедлѣнія присылаемымъ отъ него святѣйшаго патріарха, которыхъ, а имянно персоны двѣ или три, имѣетъ онъ і сукцесоры его на томъ патріаршемъ престолѣ будущимъ присылать по то наше жалованье повсягодно, которымъ присланнымъ въ нашемъ Россійскомъ государствѣ надлежащей и достойной, по чину і сану, пріемъ і отпускъ учиненъ быть имѣетъ, и нашимъ монаршескимъ жалованьемъ оные, по примѣру другихъ, награждены будутъ, і въ пути нетокмо въ государство наше ѣдущимъ і назадъ возвращающимся свободной пропускъ, но і въ дачѣ подводъ і въ другихъ нуждахъ надлежащее воспоможеніе показано будетъ; а особливо когда имѣютъ возвращатца изъ нашего россійскаго государства съ вышеписанною опредѣленною годовою милостынею, то отнынѣ будутъ даны подводы ради отвезенія той опредѣленной милостыни, которая пропущена будетъ въ нашихъ Царскаго величества городѣхъ безо всякаго удержанія, не требуя никакихъ пошлинныхъ и другихъ платежей, якоже и нынѣ, съ присланнымъ отъ него святѣйшаго патріарха Григоріемъ Ватаціемъ, отправить повелѣли мы на три тысячи рублевъ соболей, давъ подъ оные и тому присланному подводы. І то все впредь содержать сею нашею Царскаго Величества милостивою жалованною граматою обнадеживаемъ опредѣляя и узаконяя и нашимъ будущимъ наслѣдникомъ нашего всероссійскаго царскаго престола, по сей нашей данной жалованной граматѣ безо всякаго прекословія исполнять. И пребываемъ въ надеждѣ, что за такую нашу показанную милость и обнадеживаніе и впредь оною, онъ святѣйшій патріархъ Іеремія и его сукцесоры, святѣйшія Константинопольскія вселенскія патріархи, будутъ какъ за наше и наслѣдниковъ нашихъ і весь нашъ царскій домъ многолѣтное здравіе Бога молити, такъ і поминовеніе по нашихъ царскихъ прародителяхъ и

родителяхъ завсегда творити и всякаго добра намъ и государству нашему желати. При семже повелѣваемъ нашимъ генераломъ-губернаторомъ, вице-губернаторомъ, комендантомъ, лантратомъ и всякого чина воинского и гражданскаго управителемъ, такожъ въ городѣхъ инспекторомъ, бургомистромъ і таможеннымъ служителемъ, по вышеозначенному нашему всемилостивѣйшему соизволенію, присланныхъ отъ него святѣйшаго патріарха и по немъ будущихъ святѣйшихъ Константинопольскихъ патріарховъ, пропущать какъ внаше государство ѣдущихъ, такъ и назадъ съ тѣмъ по нашей милости опредѣленнымъ жалованьемъ возвращающихся, вездѣ безъ всякаго задержанія, и давать потребное число подводъ, и нигдѣ мостовщина и за перевозъ чрезъ рѣки, такожъ пошлина никакая, отправленныхъ сними соболей или протчей мяхкой рухляди, взята быть неимѣетъ.

Дадеся сія наша Царскаго Величества жалованная грамота в Москвѣ, 1718 генваря 3 дня, государствованія Нашего 36 году.

У оригиналной приписано его царскаго величества собственною рукою: по сему

Петръ.

Писана сія грамота на александрійскихъ листахъ въ тетрати и оболочена штофомъ съ золотомъ, запечатана большою печатью въ ковчегѣ серебряномъ и отдана оная присланному отъ патріарха доместику Ватацію.

Графъ Головкинъ.

(Греч. дѣла 1718 г. № 2).

№ 9.

Двѣ граматы: одна государя Петра Великаго и одна государыни Екатерины I-й константинопольскому патріарху Іереміи, въ отвѣтъ на присланное имъ поздравленіе по поводу священнаго коронованія государыни Екатерины Алексѣевны.

«Отъ его императорскаго Величества къ константинопольскому патріарху Киръ Іереміи.

Всесвятѣйшему, премудрѣйшему и словеснѣйшему новаго Рима и вселенскому патріарху, господину, господину Киръ Іеремію, вашему во Христѣ отцу, подобающее благоговѣніе еже радоватися, братски привѣтствуемъ.

Почтенное братское вашего всесвятѣйшества писаніе, отъ 25 дня мѣсяца іюня сего году писанное, мы здѣсь исправно получили, и выразумѣвъ изъ онаго спасаемое ваше пребываніе, возрадовалися, благодаривъ Господу Богу. При семъ вашему всесвятѣйшеству: за теплое ваше къ Богу о насъ моленіе, такожъ и за благопоздравительное привѣтствіе коронаціею нашей прелюбезной супруги императрицы Екатерины Алексѣевны достойное благодареніе посылаемъ, уповая, что обоихъ насъ и впредь въ святыхъ молитвахъ своихъ не оставите. Жалованіе же константинопольской при васъ церкви, изъ казны нашей опредѣленное, по требованію вашему выдать присланному отъ васъ доместику Григорію Ватацію повелѣли. Въ протчемъ вашего всесвятѣйшества по духу отца и верховнаго вселенскаго архипастыря пребываемъ всегда по духу сынъ и готовый»..... (заключительныхъ словъ нѣтъ).

Сентября—1724 года.

«Отъ ея Величества государыни императрицы Екатерины Алексѣевны къ константинопольскому патріарху киръ Іеремію.

Всесвятѣйшему, премудрѣйшему и словеснѣйшему, новаго Рима вселенскому патріарху, господину, господину Іеремію, нашему во Христѣ отцу съ подобающимъ благоговѣніемъ поздравленіе посылаемъ.

Съ немалымъ почитаніемъ мы вашего всесвятѣйшества молитву и благословеніе чрезъ почтенное ваше писаніе отъ 25 дня мѣсяца іюня писанное, благопріемлемъ, за что, а особливо за ваше усердно отеческое поздравленіе коронованія, которымъ, Богу благоволившу, его императорское величество, государь мой супругъ удостоити меня соизволилъ, вашему всесвятѣйшеству достодолжное отдаемъ благодареніе и уповаемъ, что и впредь, якоже и просимъ, въ святыхъ молитвахъ своихъ насъ не препомните. Въ протчемъ взаимно желая вамъ всякаго благополучія, пребываю вашего всесвятѣйшества доброжелательная Екатерина.

Сентября 21, 1724 года.

(Греч. дѣла 1724 г. № 1).

№ 10.

Четыре граматы государя Петра Великаго къ іерусалимскому патріарху Досиѳею.

Грамата первая 1701 года:

«Къ ерусалимскому патріарху.

«Донесена намъ, великому государю, нашему царскому величеству съ архимандритомъ вашимъ Хрисанѳомъ вашего блаженства грамота, въ которой, слыша о нашемъ царскаго величества намѣреніи, писали есте вы, что изволяемъ мы въ завоеванномъ нашемъ градѣ Азовѣ быти митрополіи, а ваше къ тому всесвятѣйшество требуете и того, дабы къ принадлежащимъ той митрополіи во градѣхъ были подвластные епископіи, которыхъ бы благонравіе было по древнему каѳолической церкви обычаю смиренное, а наипаче, чтобъ и житіе ихъ было якоже и ваше. И мы, великій государь, наше царское величество, по прежнему намѣренію своему и вашего блаженства по предложенію, требуемъ того, чтобъ былъ въ томъ нашемъ градѣ Азовѣ престолъ митрополитанской и къ тому подвластные епископіи изъ области вашего архипастырства изъ архіереевъ или священномонаховъ, которые бъ словенскаго языка и реченія знали и могли бы въ тамошней странѣ не только что живущихъ христіанъ ко спасенію приводить, но и пограничныхъ бы народовъ изъ поганства въ благочестивую православную каѳолическую вѣру греческаго закона навращать и въ оной утверждати были довольни суть, и подъ властію своею по градомъ, гдѣ належати будетъ съ нашего повелѣнія, тѣ епископіи ученіемъ утверждали; и сего бы ради ваше блаженство, воспріявъ сею нашего царскаго величества грамотою извѣстіе въ тамошнихъ вашихъ странахъ, избравъ житіемъ искусныхъ и въ свободныхъ наукахъ

ученыхъ и въ словенскомъ реченіи знаемыхъ, изъ архіереевъ или архимандритовъ или изъ священномонаховъ, епископскаго сана достойныхъ, на тую именованную азовскую митрополію и для иныхъ епископій россійскихъ къ намъ, великому государю, къ нашему царскому величеству, отпустили бъ двухъ или трехъ человѣкъ, а мы, великій государь наше царское величество, такихъ архіереевъ или архіерейскаго сана достойныхъ особъ и постоянаго житія всеисполненныхъ, когда присланы будутъ съ премногою нашею милостью воспріяти и по достоинству удоволити ихъ будемъ. Засимъ предавъ ваше блаженство въ Божіе сохраненіе, а наше величество святыхъ вашихъ молитвъ требуемъ и изъ тамошнихъ краевъ всесовершеннаго извѣстія поведенія чрезъ ваше блаженство впредь слышати желаемъ».

Грамата послана со старцемъ Григоріемъ 10 сентября 1701 года.

Грамата вторая 1701 года.

«Отъ царскаго величества къ блаженнѣйшему патріарху іерусалимскому (послѣ обоихъ титуловъ).

«Хотя и прежде сего чрезъ архимандрита вашего блаженства Хрисанеа писали и отвѣщали на тѣ письма, что къ намъ писаны чрезъ посланника нашего Емельяна Украинцова, и на тѣ письма чрезъ тогожъ вашего архимандрита Хрисанеа писаны, и не токмо на письмѣ, но и на словахъ чрезъ тогожъ, о всякихъ дѣлахъ къ намъ писанныхъ приказали объявити блаженству вашему, да и чрезъ великаго посла нашего, что належало блаженству вашему къ дѣламъ обо всемъ ему прилежно наказано, о которыхъ дѣлехъ чаемъ, что по се число чрезъ тогожъ посла нашего вашей святости вѣдомость подлинная учинена; однакожде и нынѣ будучи благополучный случай черезъ посланнаго владѣтеля мунтянскаго Петра, паки подвижны есмы писати къ блаженству вашему, аще и краткое, понеже мы блаженство ваше имѣемъ паче протчихъ всѣхъ о Христѣ возлюбленнаго отца и пастыря и великодушнаго мужа и тѣмъ паки призываемъ блаженство ваше, дабы какъ прежде

сего въ богоугодныхъ молитвахъ своихъ насъ никогда запомнилъ и въ дѣлахъ нашихъ приключающихся всегда пособника имѣли есмы, такъ и нынѣ по томужъ отъ блаженства вашего желаемъ, аки отъ возлюбленнаго отца и пастыря, яко да во всякихъ дѣлехъ нашихъ, покамѣстъ нашъ великій посолъ въ тѣхъ краяхъ пребудетъ, былъ бы ему блаженство ваше совѣтникъ истинный, а мы великій государь наше царское величество къ тебѣ, возлюбленному отцу и пастырю нашему, поелико возможно не токмо словомъ, но и дѣломъ и во всѣхъ богопроходимыхъ мѣстахъ святыхъ склонны есмы щедрою рукою способляти, токмо и блаженство ваше, какъ и прежде сего, всегда честными грамотами своими насъ посѣщать благословити и молитвою не оставляй. Засимъ поручаемъ себе богоугоднымъ отеческимъ молитвамъ вашимъ, желая вамъ отъ Господа Бога крайнее спасеніе и совершенное здравіе на многія и глубочайшія лѣта улучити».

Писано 3 сентября 1701 года.

(Греч. дѣла 1701 г. № 1).

Грамата третья 1702 года.

«Блаженнѣйшій и премудрейшій пастырь и патріарше святаго града Іерусалима и всея Палестины киръ Досиѳее, во святомъ Дусе пречестный и любезнѣйшій отче, вашего блаженства возлюбленная и духовная чада о Христѣ, лобызаемъ пречестную главу вашу, желая отъ Господа Бога вашему блаженству спасеніе душевное и тѣлесное здравіе на множество лѣтъ, во еже пасти стадо отъ Бога вамъ врученное на пажитвѣ спасительномъ и богоугодномъ во славу Божію и въ похвалу православнаго христіанскаго исполненія.

Двѣ грамоты блаженства вашего съ великимъ нашимъ посломъ с' князь Дмитріемъ Галицынымъ приняли: одну, въ которой пишете о дѣлехъ св. Гроба и о послѣ, что тамъ ему случилося, а въ другой чинишь отповѣдь противъ грамоты нашея, что мы съ Георгіемъ Кастріотомъ къ вамъ писали, изъ которыхъ перво выразумѣвъ здравое пребываніе вашего блаженства, зѣло обрадовалися, которое дай Боже намъ слышать и впредь, что въ добромъ состояніи сохранилъ вышній и о благословеніи жъ выну къ намъ молитвъ вашихъ очень и впредь просимъ блаженство ваше, дабы не препомнилъ насъ всегда во своихъ патріаршескихъ и къ Богу заступительныхъ молитвахъ. А о дѣлехъ нашихъ, что пишешь, что послу нашему и дѣломъ и словомъ совѣтами вашими елика сила способствовалъ, какъ о томъ и самъ посолъ нашъ извѣстилъ намъ, зѣло благодарствуемъ, что блаженство ваше чините зѣло годное, что доведется такія особы превосходительныя равному своему имени, какъ вездѣ блаженство ваше прославляется паче всѣхъ иныхъ архипастырей православныхъ. И понеже нынѣ мы, великій государь, наше царское величество, разсудили, что для нашихъ великаго государя дѣлъ, которыя належатъ межъ нами великимъ государемъ и межъ портою отоманскою, доведетца посылати посла нашего, который бы жилъ на нѣсколько время при той портѣ, какъ и отъ иныхъ христіянскихъ государей тамъ живутъ, се посылаемъ тамо посла нашего, ближняго нашего стольника и намѣстника алаторскаго Петра Андреевича Толстова, которому указали, чтобъ будучи ему тамо, совѣты свои пріобщилъ съ блаженствомъ вашимъ, какъ и прежніе наши послы, будучи тамъ учинили; а отъ блаженства вашего желаемъ, дабы къ тому послу нашему былъ еси во всякихъ приключающихся ему дѣлахъ способникъ и словомъ и дѣломъ, елико возможно. И того ради пространнѣе о томъ на письмѣ отповѣди не пишемъ ко блаженству вашему, понеже указали ему про всякія дѣла наши объявити словесно и совѣтывати объ нихъ, какъ лучше мочно быти и какъ Богъ наставитъ блаженство ваше, такъ и учинити противъ святаго своего прежняго обычая. А мы въ томъ не токмо не сумнѣваемся, но надѣемся, что блаженство ваше тому послу нашему будешь во всѣхъ дѣлехъ совѣтникъ и искренній помощникъ и о дѣлехъ тамошнихъ случающихся желаемъ отъ блаженства вашего, дабы всегда, чрезъ тогоже посла нашего, изволилъ къ намъ писати и объявляти, а у нашего царскаго величества тое радѣніе и прилежаніе къ намъ блаженства вашего зѣло пріятно и незабвенно будетъ».

Писано въ 1702 году, апрѣля—въ день.

(Греч. дѣла 1702 г. № 1).

Грамата четвертая 1703 года.

«Святѣйшему и всеблаженнѣйшему отцу и владыцѣ, господину, господину Досиѳею святаго града Іерусалима и всей Палестины патріарху, мирнаго и душеспасительнаго состоянія истинно желаемъ.

Понеже выразумѣли мы изъ доношенія посла нашего, въ Адріанополѣ пребывающаго, вашего блаженства искреннее радѣніе и труды, которыя полагаете во всякихъ случаяхъ благопотребныхъ къ дѣламъ нащимъ, *паче же ко всему православному христіянству*, по прежнему вашему блаженству благодарствуемъ, желая, дабы и впредь, по своей къ намъ ревности, во всякихъ приключающихся дѣлехъ благонаставительный свой совѣтъ подавати послу нашему и вспоможеніе всякими увѣдомленіи чинити изволили, и онаго блаженства вашего радѣніе о дѣлехъ нашихъ никогда забвенію предано не будетъ, но и всякою нашею *сердешною любовію* воздавати потщимся, прочее же повелѣли есмь словесно послу нашему вамъ донести. При семъ и паки желаемъ отъ Господа Бога вашему блаженству мирнаго и душеполезнѣйшаго состоянія, себя же вашимъ отеческимъ священнымъ молитвамъ и благословенію поручаемъ, и есмь вашего блаженства сынъ послушнѣйшій».

Изъ Шлозбурка
Маія въ 20 день
1703 году.

А внизу помѣта:
«подчерченное писано рукою государя».

(Греч. дѣла 1703 г. № 1).

№ 11.

Записка о началѣ и продолжительности разныхъ церковныхъ службъ на Аѳонѣ, написанная жившимъ въ Москвѣ архимандритомъ аѳонскаго Иверскаго монастыря, Діонисіемъ.

«Переводъ съ греческаго письма».

«Во святой горѣ Аѳонстей обычай имѣетъ такой: во владычнихъ праздникахъ благовѣстятъ малую вечерню за два часа денныхъ, а зимнею порою, какъ бдѣніе бываетъ, благовѣстятъ за восемь часовъ ночныхъ, а лѣтнею порою за семь часовъ, и по вся воскресеніи за семь часовъ, и отпѣваніе бываетъ отъ бдѣнія во владычни праздники и по воскреснымъ днямъ на восходѣ солнца, до отдачи часовъ, чтобъ них тоне уснулъ послѣ пѣнія. А которому великому святому празнущему по уставу бываетъ такожъ, какъ и прочіе, а какъ бываетъ святому празнество, і въ то время бдѣнія небываетъ, а бываетъ большая вечерня, и благовѣстъ бываетъ зимою за пол-три часа, а лѣтнею порою за пол-четыре часа, а завтреню начинаютъ и поютъ за 6 часовъ до свѣта, а поютъ въ церкве пять часовъ, и выходятъ изъ церкви за часъ до свѣта, чтобы братьи по кельямъ своимъ правило исполнить. А повсядневно зимнею порою поютъ вечерню за два часа, а лѣтнею порою за три часа, а у завтрени повсядневной же зимою и лѣтомъ всегда за четыре часа начинаютъ и поемъ въ церкве завтреню три часа и выходимъ за часъ до свѣта, чтобъ по отдохнуть небольшое время братьи и совершить бы имъ свои правила по кельямъ своимъ. А вообѣдни Івана Златоустаго і во владычни праздники и по воскреснымъ днямъ и повсядневно зимою и лѣтомъ, какъ ударитъ два часа, учнутъ благовѣстить, и начнутъ обѣдню въ третьемъ часу дни, и отпѣваютъ въ четвертомъ часу.

А въ трехъ постѣхъ въ Рождественскомъ, въ Спожинскомъ и въ Петровскомъ, когда поютъ аллилуія, въ понедѣльникъ и въ среду и въ пятокъ имѣемъ иной чинъ потому, что на святой литургіи поемъ тайно въ церкве предѣльной по чину, какъ ведетца въ третьемъ часу безъ благовѣсту, и какъ ударитъ четыре часа и въ пятомъ часу въ соборной церкве благовѣстятъ и поютъ часы всѣ сполна съ поклонами, а послѣ обѣдни роздаютъ братьѣ просфиры. Сей чинъ нынѣ токмо въ монастырѣхъ Святые Горы совершаетца, а въ мірѣ и по градомъ такіе чины не бываютъ, и невозможно быть такому чину по мірскимъ церквамъ, только бываютъ въ третьемъ или четвертомъ часу дни поютъ часы, а потомъ обѣдню, еслицы хотятъ, другіежъ часы поютъ кромѣ литургіи.

А въ великомъ посту въ Аѳонстей горѣ благовѣстятъ и начинаютъ завтреню за пять часовъ и стоятъ въ церкве въ пѣніи заутренномъ четыре часа, і выходятъ изъ церкви за часъ до свѣта. А часы поютъ какъ ударитъ три часа, въ четвертомъ часу дни благовѣстятъ и поютъ третій и шестой часъ по чину со чтеніи, потомъ выходятъ изъ церкви. А какъ ударитъ шесть часовъ, на седьмомъ часу благовѣстятъ и поютъ девятый часъ и вечерню по обѣдни, а какъ совершается въ среду и пятокъ преосвященная (преждеосвященная) обѣдня, и выходятъ изъ церкви въ девятомъ часу, и братія пойдетъ за трапезу, а изъ трапезы выходятъ въ девятомъ часу. А повечерницу поютъ за полтретья часа до вечера противъ мца (мѣсяца), какъ случитца. А въ субботы и въ недѣли въ великомъ посту начинаютъ обѣдни въ третьемъ часу дня, а отобѣдни выходятъ въ субботу въ четвертомъ часу, а въ недѣлю въ пятомъ часу для Великаго Василія. А въ Свѣтлое Христово воскресеніе пасхи и во всю свѣтлую недѣлю начинаютъ обѣдни во второмъ часу дни и совершаетца въ третьемъ часу.

Сей чинъ и обычаи держатъ монастыри всѣ Святые горы, только въ міру и по городамъ небольщимъ бываетъ отставлено исъ того чину монастырскаго, и то бываетъ въ міру во второмъ часу дни обѣдня начинаютъ и отпѣваютъ въ третьемъ часу, для мірскихъ покоевъ, і всеночные бываютъ менши и завтрени потомужъ менши для мірскихъ покоевъ и для нужныхъ времянъ. А въ трехъ постахъ: въ Рождественскомъ,

въ Успенскомъ, въ Петровскомъ, егда поютъ аллилуія, тогда не поютъ часовъ послѣ обѣдни, якожъ во Святей горѣ Аѳонстей, потому что въ міру невозможно такъ быть, а только въ монастыряхъ, а поютъ часы междочасіи и поклоны съ третьяго часа и до четвертаго потомъ и обѣдню, а иные и безъ обѣдни только часы одни поютъ междочасіи и поклоны. А въ великій постъ по городамъ въ міру часы начинаютъ въ шестомъ часу и поютъ вмѣстѣ третій и шестой и девятой и вечерню, якожъ и здѣ на Москвѣ бываетъ нынѣ такожде, і въ нашихъ странахъ въ міру вездѣ такъ бываетъ.

А въ нашихъ странахъ въ мірѣ только не большая рознь, въ Аѳонстей горѣ управленіе ради мірскихъ человѣковъ, во всѣхъ прочихъ единогласіе и единъ чинъ и обычаи и соединеніе обрѣтаетца».

(Греч. дѣла 7174 г. № 4).

№ 12.

Синодальный указъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ по поводу мощей святаго мученика Христофора, привезенныхъ изъ Греціи 1723 года.

«Указъ Его Величества Императора и Самодержца Всероссійскаго изъ канцеляріи Святѣйшаго правительствующаго Синода въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ.

Прошлаго 722 году, декабря 31 дня, по Его Императорскаго величества указу и по согласному святѣйшаго правительствующаго Синода приговору и по нѣкоторму въ Синодъ поданному доношенію, взятъ въ Канцелярію Синода изъ дома монастырскаго приказу, секретаря Макара Бѣляева, ковчегъ серебряной, на которомъ изображенъ образъ святаго мученика Христофора, *а въ томъ ковчегѣ явилась положенная подъ именемъ того мученика главы слоновая кость*, о чемъ и Его Императорскому величеству сего генваря 10 дня Синодомъ докладывано. И по имянному его императорскаго величества указу повелѣно оной ковчегъ перелить въ какой пристойно церковной сосудъ, а содержавшуюся во ономъ подъ именемъ мощей слоновую кость положить въ синодальную кунштъ-комору и написать на оную трактатъ съ такимъ объявленіемъ: какъ напредь сего, когда отъ духовныхъ инквизиціи не было, употреблялися сицевыя и симъ подобныя супертиціи, которыя и отъ приходящихъ въ Россію грековъ производимы і привозимы были, что нынѣ уже синодальнымъ тщаніемъ истребляется. И сего генваря 9 дня, по силѣ вышеписаннаго Его Императорскаго Величества имянного указу и по согласному Святѣйшаго Синода приговору велѣно о оной подъ именемъ мощей содержавшейся кости послать изъ Синодальной канцеляріи въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ и въ приказъ большаго дворца и въ прочіе команды, гдѣ пріемъ чужестранныхъ вещей и награжденіе за тѣ вещи напредь сего было, и нынѣ бываетъ, такіе указы, чтобъ справлено́ся было съ записными книгами, въ которыхъ записываны греческихъ патріарховъ грамоты и привезенные въ Россію изъ Греціи и изъ другихъ странъ церковные и протчіе вещи и учиненные за тѣ вещи дачи, между которыми всеприлежно взыскать надлежитъ то, что оная кость подъ имянемъ святаго мученика Христофора главы въ которомъ году и отъ кого и съ какимъ письменнымъ свидѣтельствомъ прислана и кѣмъ привезена и гдѣ до которыхъ лѣтъ была и за какую вещь содержалась и колико кому какова награжденія откуда за оную дано, о чемъ подано-бъ было въ Синодъ обстоятельное извѣстіе и съ письменнаго о оной свидѣтельства, каково гдѣ сыщется, внесена-бъ была копія немедленно, понеже то въ сочиненіи опредѣленнаго выше Его Императорскаго Величества имяннымъ указомъ трактата, фундаментомъ быть имѣетъ и Коллегіи иностранныхъ дѣлъ о вышеобъявленномъ учинить по Его Императорскаго Величества указу».

Оберъ-секретарь Тимофей Палехинъ Семеновъ.
Канцеляристъ Михаило Дудинъ.

Генваря 25 дня
1723 года.

(Греч. дѣла 1723 г. № 1).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ. Стр.

Всецѣлое подчиненіе Руси греческому вліянію со времени введенія у насъ христіанства до второй половины XV вѣка. Перемѣна въ воззрѣніяхъ русскихъ на свои отношенія къ грекамъ, произведенная флорентійскою уніею и паденіемъ Константинополя. Возникновеніе у русскихъ, съ конца XV вѣка, убѣжденія, что они, какъ избранный народъ Божій, призваны занять въ православномъ мірѣ мѣсто грековъ, такъ какъ только у нихъ однихъ сохранилась и правая вѣра и истинное благочестіе, утерянныя всѣми другими народами. Значеніе этого убѣжденія для всей жизни русскаго общества и его вліяніе на характеръ послѣдующихъ отношеній Россіи къ православному востоку . . . . . 1—25

ОТДѢЛЪ I.

Москва—третій Римъ.

Глава I. *Соборное утвержденіе царскаго вѣнчанія Іоанна Васильевича Грознаго константинопольскимъ патріархомъ.*

Побужденія, заставившія Ивана Васильевича обратиться къ константинопольскому патріарху за утвержденіемъ его царскаго вѣнчанія. Православный востокъ признаетъ русскаго царя преемникомъ и наслѣдникомъ византійскихъ императоровъ. Важность этого признанія для послѣдующихъ отношеній Россіи къ православному востоку 26—33

Глава II. *Учрежденіе въ Россіи патріаршества.*

Побужденія, заставившія русскихъ учредить у себя патріаршество. Необходимыя затрудненія, которыя они должны были встрѣтить на этомъ пути. Пріѣздъ въ Москву константинопольскаго патріарха Іереміи и его усиленное стремленіе сдѣлаться московскимъ патріархомъ.

Взглядъ Іероѳея монемвасійскаго на поставленіе патріарха Іова, какъ на дѣло русской хитрости. Ошибочность этого взгляда. Учрежденіе въ Москвѣ патріаршества встрѣчено было на востокѣ съ недоброжелательствомъ. Недовольство русскихъ назначеніемъ ихъ патріарху послѣдняго мѣста въ ряду другихъ восточныхъ патріарховъ. Взглядъ русскихъ на московскаго патріарха какъ на единственнаго дѣйствительнаго патріарха, который только одинъ обладаетъ всею полнотою патріаршей чести и власти . . . . . 34—60

Глава III. *Перенесеніе въ Москву святыни съ востока.*

Значеніе святыни въ жизни какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго государства. Присвоеніе русскимъ правительствомъ креста царя Константина и главы св. Іоанна Златоустаго. Святыня у грековъ была нерѣдко частною собственностью, почему ее можно было приносить въ даръ, продавать и закладывать. Обиліе святыни, принесенной греками на Русь. Греки приносили святыню на Русь въ видахъ полученія за нее платы отъ нашего правительства. Свидѣтельства о подлинности привозимой святыни. Оцѣнка разной святыни русскимъ правительствомъ . . . . . 60—102

ОТДѢЛЪ II.

Русскій царь есть опора и покровитель всего вселенскаго православія.

Глава IV. *Благотворительность русскихъ государей православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ.* . 103—104

а) Русская милостыня православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Пріѣздъ въ Москву различныхъ просителей милостыни съ востока, кормы имъ на пути отъ русской границы и въ Москвѣ, ихъ представленіе государю, ихъ московская жизнь. Количество милостыни, которую наше правительство давало различнымъ восточнымъ патріархамъ, лично пріѣзжающимъ въ Москву, и количество милостыни, которую оно посылало имъ съ различными лицами. Количество милостыни, которая давалась въ Москвѣ и Путивлѣ всѣмъ другимъ просителямъ съ востока. Посылка милостыни на востокъ, такъ называемой „заздравной“ и „заупокойной“ . . . . . 105—146

б) Разные іерархи и другія лица, пріѣзжавшіе съ востока и остававшіеся въ Россіи на вѣчное житье.

Побужденія, заставлявшія восточныхъ милостынесобирателей оставаться въ Россіи на вѣчное житье. Причины, которыя, съ одной стороны, сдерживали приливъ къ намъ выходцевъ съ востока, съ другой — заставляли и тѣхъ изъ нихъ, которые уже поселялись въ Россіи, въ большинствѣ случаевъ, снова возвращаться на востокъ. Характеристика нѣкоторыхъ выходцевъ, успѣвшихъ занять въ Москвѣ видное и вліятельное положеніе: новоспасскій келарь грекъ Іоанникій, веррійскій митрополитъ Аверкій, Паисій Лигаридъ, Арсеній грекъ, архимандритъ иверскаго аѳонскаго монастыря Діонисій. Впечатлѣніе, какое эти выходцы производили на русскихъ . . . . 146—221

Глава V. *Злоупотребленія русскою милостынею со стороны различныхъ просителей съ востока.*

Заявленія со стороны самихъ восточныхъ патріарховъ и другихъ лицъ о томъ, что въ Москву съ востока нерѣдко являются за милостынею различные самозванные просители и разные обманщики. Нѣкоторыя болѣе характерныя слѣдственныя дѣла о просителяхъ милостыни, уличенныхъ въ самозванствѣ, подлогахъ и разныхъ обманахъ . . . . . 221—247

Глава VI. *Постановленія правительства относительно пропуска въ Москву различныхъ просителей милостыни съ востока въ XVI и XVII столѣтіяхъ.*

Въ XVI вѣкѣ правительство еще не предпринимало никакихъ опредѣленныхъ мѣръ относительно пропуска просителей въ Москву, эти мѣры начинаютъ появляться только съ начала XVII вѣка. Со времени Алексѣя Михайловича издается уже цѣлый рядъ указовъ съ цѣлью сдержать чрезмѣрный приливъ въ Москву просителей милостыни съ востока и предупредить различные обманы съ ихъ стороны. Указъ царя Ѳеодора Алексѣевича, запрещающій милостынесобирателямъ и всѣмъ вообще грекамъ пріѣзжать въ Москву. Отмѣна этого указа, благодаря вмѣшательству патріарха Іоакима. Со времени Петра Великаго относительно восточныхъ просителей милостыни издается рядъ постановленій, которыя приводятъ въ концѣ къ составленію при Аннѣ Іоанновнѣ такъ называемыхъ „палестинскихъ штатовъ“ . . . . . 247—275

Глава VII. *Восточные патріархи, архіепископы и пр., какъ политическіе агенты русскаго правительства съ конца XVI и до начала XVIII столѣтія.*

Со времени пріѣзда въ Москву константинопольскаго патріарха Іереміи восточные патріархи дѣлаются тайными политическими агентами русскаго правительства. Наши константинопольскіе послы правительственными инструкціями ставились въ зависимость отъ восточныхъ патріарховъ, которые помогаютъ имъ своими связями, совѣтами, свѣдѣніями, руководятъ ими въ затруднительныхъ случаяхъ и сообщаютъ объ ихъ дѣятельности тѣ или другіе отзывы нашему правительству. Патріархи посылали на Русь и особыя отписки отъ себя съ разными политическими вѣстями. Побужденія, заставлявшія восточныхъ патріарховъ служить русскому правительству, и тѣ опасности, которымъ они ради этого подвергались. Служба русскому правительству другихъ политическихъ агентовъ. Какого рода вѣсти сообщали нашему правительству его тайные политическіе агенты въ Турціи. Съ начала XVIII вѣка служба восточныхъ патріарховъ и другихъ гречанъ, какъ тайныхъ политическихъ агентовъ нашего правительства, прекращается навсегда . . . . 276—348

Глава VIII. *Признаніе русскимъ правительствомъ въ концѣ XVII вѣка своею историческою миссіею освобожденіе православнаго востока отъ турецкаго ига.*

Московскіе государи до самаго конца XVII вѣка не думали вступать въ борьбу съ турками для освобожденія православныхъ народовъ востока. Убѣжденіе грековъ, переданное ими и туркамъ, что русскіе овладѣютъ Константинополемъ. Удачное возстаніе Хмельницкаго пробуждаетъ у грековъ надежду на свое освобожденіе отъ турецкаго ига съ помощью русскихъ и казаковъ. Живое и дѣятельное участіе восточныхъ іерарховъ и другихъ грековъ въ дѣлѣ присоединенія Малороссіи къ Москвѣ. Обращеніе въ 1688 году валашскаго воеводы Щербана, константинопольскаго патріарха Діонисія, сербскаго архіепископа Арсенія съ воззваніемъ къ царямъ, чтобы они силою оружія освободили православные народы отъ турецкаго ига. Въ концѣ XVII вѣка русское правительство открыто принимаетъ на себя обязанность — освободить православные народы отъ турецкаго ига . . . . . 349—382

ОТДѢЛЪ III.

Русское благочестіе есть высшее и совершеннѣйшее въ цѣломъ мірѣ.

Глава IX. *Взглядъ русскихъ шестнадцатаго и первой половины семнадцатаго вѣка на грековъ и греческое благочестіе.*

Убѣжденіе, что греки, послѣ флорентійской уніи и паденія Константинополя, потеряли истинное благочестіе, широко распространилось среди русскихъ уже въ началѣ XVI вѣка, а на Стоглавомъ соборѣ оно получило соборную санкцію. Въ первой половинѣ XVII вѣка этотъ взглядъ на грековъ былъ общимъ убѣжденіемъ русскихъ, не исключая самого правительства. Пренія съ греками о вѣрѣ Арсенія Суханова служатъ самымъ полнымъ и систематическимъ выраженіемъ русскихъ воззрѣній на относительное достоинство греческаго и русскаго благочестія. Воззрѣнія русскихъ на грековъ и греческое благочестіе находили себѣ подтвержденіе и оправданіе въ суммѣ тѣхъ свѣдѣній о положеніи греческой церкви, какія русскіе имѣли тогда въ своемъ распоряженіи . . 383—426

Глава X. *Перемѣна въ воззрѣніяхъ русскихъ на относительное достоинство греческаго и русскаго благочестія, произведенная церковною реформою Никона.*

Взглядъ грековъ на русскихъ, какъ на родъ грубый, невѣжественный, стоящій на низшей ступени христіанскаго пониманія и жизни. Сожженіе греками на Аеонѣ русскихъ церковныхъ книгъ, какъ еретическихъ. Необходимость послѣ этого такого или иного рѣшенія вопроса: чьи церковные книги, чины и обряды правы—греческіе или русскіе? Основанія, почему эти вопросы должны были рѣшаться греками въ пользу ихъ церковнаго обряда и чина. Церковная реформа Никона открыто признала несостоятельность предшествующей русской церковной жизни и безусловное превосходство грековъ въ дѣлахъ вѣры и благочестія надъ русскими. Признаніе русскою церковію законности церковной реформы Никона было вмѣстѣ съ тѣмъ торжественнымъ и окончательнымъ отреченіемъ русскихъ отъ всѣхъ тѣхъ представленій о своемъ исключительномъ религіозномъ призваніи и назначеніи, какія возникли у нихъ послѣ флорентійской уніи и паденія Константинополя. Единичныя обнаруженія этихъ отжившихъ представленій и послѣ признанія церковію реформы Никона, какъ доказательство ихъ живучести и

предшествующей широкой распространенности во всѣхъ слояхъ русскаго общества . . . . . 426—454

Глава XI. *Упадокъ значенія грековъ на Руси послѣ церковной реформы Никона и окончательное утвержденіе у насъ въ концѣ* XVII *и въ началѣ* XVIII *вѣка западнаго вліянія.*

Значеніе грековъ, такъ высоко было поднявшееся у насъ благодаря церковной реформѣ Никона, вслѣдъ затѣмъ очень быстро падаетъ. Нѣсколько характерныхъ случаевъ изъ конца XVII и начала XVIII вѣка, какъ доказательство упадка значенія у насъ грековъ. Причины этого явленія. Неудачныя попытки русскаго правительства основать въ Москвѣ съ помощію грековъ греческую школу. Усиленіе у насъ западнаго вліянія, особенно благодаря ученымъ кіевлянамъ. Неудачныя попытки грековъ уничтожить у насъ значеніе ученыхъ кіевлянъ и торжество съ самаго начала XVIII вѣка латинской школы надъ греческою. Стремленіе Петра Великаго сблизить Россію съ образованнымъ западомъ и пересадить на Русь западную науку вызвало на востокѣ неудовольствіе и даже прямые протесты со стороны восточныхъ патріарховъ. Окончательное утвержденіе у насъ со времени Петра Великаго западнаго вліянія навсегда подрываетъ на Руси предшествовавшее исключительное значеніе и вліяніе грековъ . . . . . 455—516

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Грамата константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса 1634 года къ царю Михаилу Ѳеодоровичу и къ патріарху Филарету Никитичу, въ которой онъ сообщаетъ имъ о дѣятельности нашихъ константинопольскихъ пословъ, о желаніи турецкаго правительства заключить союзъ съ русскими противъ поляковъ, о враждебныхъ русскимъ дѣйствіяхъ польскаго короля Владислава, о турецкихъ приготовленіяхъ къ войнѣ съ поляками, благодаритъ за присланныя ему царскія иконы и пр. . . 517—526

№ 2.

Грамата константинопольскаго патріарха Парѳенія 1649 года къ царю Алексѣю Михайловичу, въ которой

онъ говоритъ о дѣятельности нашихъ константинопольскихъ пословъ, о своемъ низверженіи и ссылкѣ, о своемъ вторичномъ возстановленіи въ патріаршемъ достоинствѣ, о томъ особомъ радѣніи къ государевымъ дѣламъ, какое онъ всегда оказывалъ, будучи патріархомъ . . . . 527—535

№ 3.

Грамата бывшаго константинопольскаго патріарха Паисія 1656 года къ царю Алексѣю Михайловичу, въ которой онъ описываетъ свое избраніе въ патріархи, свое низверженіе, благодаря происканъ его соперника Іоанникія, свое вторичное избраніе и вторичное низверженіе опять благодаря интригамъ и клятвопреступленію Іоанникія, жалуется на свое бѣдственное положеніе и проситъ себѣ у царя милостыни . . . . . 536—540

№ 4.

Грамата іерусалимскаго патріарха Досиѳея, отъ 15 ноября 1703 года, къ рязанскому митрополиту Стефану Яворскому, съ обличеніемъ его въ томъ, что онъ порицаетъ грековъ, написалъ книги, противныя ученію православной церкви, ввелъ въ русскую церковь многое латинское, уничтожилъ въ Москвѣ греческое училище и замѣнилъ его латинскимъ, стремится сдѣлаться московскимъ патріархомъ, чего никогда не одобрятъ восточные патріархи . . . . . 541—546

№ 5.

Грамата царя Алексѣя Михайловича 1671 года къ волошскому воеводѣ Іоанну Дукѣ съ просьбою, чтобы онъ похлопоталъ предъ восточными патріархами о разрѣшеніи Паисія Лигарида, котораго разрѣшилъ было іерусалимскій патріархъ Досиѳей, но потомъ, чрезъ два мѣсяца, почему-то опять запретилъ . . . . . 547—548

№ 6.

Грамата государя Петра Великаго 1715 года къ константинопольскому патріарху Косьмѣ, въ которой онъ, указывая на слабость своей природы и приключающіяся ему болѣзни отъ постныхъ ядей, проситъ разрѣшить ему на мясоястіе во всѣ посты . . . . . 549—550

№ 7.

Грамата государя Петра Великаго 1715 года къ константинопольскому патріарху Косьмѣ, въ которой онъ проситъ патріарха разрѣшить на мясоястіе во всѣ посты русскому войску во время походовъ, когда трудно, а иногда и совсѣмъ невозможно бываетъ доставить питательныхъ постныхъ ядей, отъ чего въ войскахъ развиваются смертельныя болѣзни . . . . . 551—552

№ 8.

Жалованная грамата государя Петра Великаго 1718 года константинопольскому патріаршему престолу, въ которой онъ отъ своего лица и отъ лица всѣхъ будущихъ своихъ преемниковъ на всероссійскомъ престолѣ обѣщается посылать константинопольскому патріарху ежегодно соболями на 3000 рублей . . . . . 553—555

№ 9.

Двѣ граматы 1724 года: одна—государя Петра Великаго, другая—Екатерины I-й константинопольскому патріарху Іереміи въ отвѣтъ на присланное имъ поздравленіе по поводу священнаго коронованія государыни Екатерины Алексѣевны . . . . . 556—557

№ 10.

Четыре граматы государя Петра Великаго къ іерусалимскому патріарху Досиѳею.

Въ первой граматѣ (1701 года) государь пишетъ Досиѳею, что, согласно его желанію, въ Азовѣ будетъ открыта митрополія съ подчиненными епископіями, при чемъ царь проситъ Досиѳея найти между греками подходящихъ лицъ, которыя бы могли занять вновь открываемыя архіерейскія каѳедры . . . . . 558—559

Во второй граматѣ (того же 1701 года) государь извѣщаетъ патріарха, что онъ уже отвѣтилъ на его письма и что русскому константинопольскому послу наказано подробно сообщить ему о всѣхъ дѣлахъ, при чемъ государь надѣется, что патріархъ и теперь окажетъ ту же ревность къ царскимъ дѣламъ, какую онъ оказывалъ прежде . . . . . 559—560

Въ третьей граматѣ (1702 года) государь благодаритъ Досиѳея за тѣ дѣятельныя услуги, которыя онъ оказываетъ русскимъ константинопольскимъ посламъ, и выра-

жаетъ увѣренность, что и впредь онъ будетъ готовъ всячески содѣйствовать и помогать новому отправленному въ Турцію послу Толстому . . . . . 560—561

Въ четвертой граматѣ (1703 года) государь благодаритъ Досиѳея за всѣ услуги послу Толстому и впредь ожидаетъ отъ него усерднаго радѣнія во всѣхъ царскихъ дѣлахъ 562

№ 11.

Краткая записка о началѣ и продолжительности разныхъ церковныхъ службъ на Аѳонѣ, написанная жившимъ въ Москвѣ архимандритомъ аѳонскаго иверскаго монастыря Діонисіемъ . . . . . 563—565

№ 12.

Синодальный указъ 1723 года въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ по поводу мощей св. мученика Христофора, привезенныхъ изъ Греціи . . . . . 566—567

Опечатки:

Стр.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
9	непокорнымъ	непокореннымъ
16	недопускаетъ	не допускать
27	какое	но какое
35	патріарху	патріархату
59	у нихъ	у однихъ
61		
75	Лупухъ	Лупулъ
78	адасійскаго	амасійскаго
81	лавковъ	левковъ
95	если	есми
97	часть	части
156	потчевалъ	потчивалъ
286	приходите	приходити
317	проповѣдываемъ	провѣдываемъ
342	никого	какого
404	искать,	искать
405	веррейскій	веррійскій
425	подтверждалъ, то,	подтверждалъ то,
445	перемѣнъ, въ немъ,	перемѣнъ въ немъ,
483	къ намъ	къ вамъ
	но суждено	не суждено
484	несложная	неложная
521	милостынею	милостыню